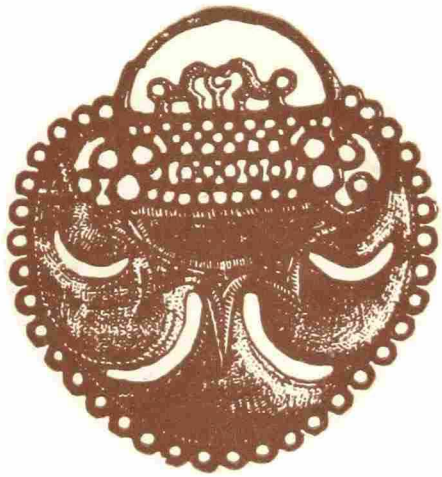
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



2
1987

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 2
1987

Журнал основан в 1957 году
МОСКВА

Выходит 4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Б. А. Рыбаков (главный редактор)

И. И. Артеменко, В. И. Козенкова (отв. секретарь),
Г. А. Кошеленко, В. В. Кропоткин, Л. Р. Кызласов, В. П. Любин,
В. М. Массон, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев,
Б. Б. Пиотровский, С. А. Плетнева (зам. главного редактора),
А. А. Формозов, В. П. Шилов

СОДЕРЖАНИЕ

Богданович М. (Крагуевац, СФРЮ). Неолитические поселения в Дивостине и протостарчевская культура 5
Кузнецова Т. М. (Москва). О терминах для описания зеркал из скифских памятников 18
Михлин Б. Ю. (Донецк). О характере позднескифской семьи 31
Дашевская О. Д., Раевский Д. С. (Москва). К статье Б. Ю. Михлина «О характере позднескифской семьи» 41
Косяненко В. М. (Ростов-на-Дону). Бронзовые фибулы из некрополя Кобякова городища 45
Крыганов А. В. (Харьков). Кистени салтово-маяцкой культуры Подонья . . 63
Фехнер М. В., Недошивина Н. Г. (Москва). Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря . . . 70
Смирнова Л. И. (Ленинград). Лепная керамика Тимеревских курганов и проблема этнической атрибуции 90

Публикации

Чернов Г. А. (Москва). Археологические памятники в низовьях р. Коротаихи и на побережье Баренцева моря 103
Геннадиев А. Н., Державин В. Л., Иванов В. К., Смирнов Ю. А. (Москва). О редкой форме погребального обряда в предкавказской культуре 124
Гершкович Я. П., Клочко В. И., Евдокимов Г. Л. (Киев). Новокиевская литейная мастерская и проблемы хронологии сабатиновских памятников Нижнего Поднепровья 142
Неразик Е. Е. (Москва). Археологический комплекс первых веков нашей эры из Хорезма 159
Котигорошко В. Г. (Ужгород). Жертвенник III—IV вв. н. э. у села Солонцы 176
Финогенова С. И. (Москва). Поливная керамика из раскопок Таманского городища 192

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1987 г.

Немеров В. Ф. (Чита). Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII—XIV вв. 212
Мыц В. Л. (Симферополь). Средневековое укрепление Исар-Кая 228

Заметки

Фролов А. С. (Москва). Позднемезолитическая стоянка Заозерье II на юге Подмосковья 246
Михайлов Б. Д. (Мелитополь). Об одном сюжете петроглифов Каменной Могилы 250
Кравец Д. П., Швецов М. Л. (Донецк). Скифский кинжал из Донбасса . . . 253
Каминский В. Н. (Краснодар). Погребальные комплексы из окрестностей Краснодара 254
Гутлыев Г., Никитин А. Б. (Ашхабад, Москва). Клад сасанидо-кушанских монет и подражаний чекану Васудевы из Туркмении 259
Формозов А. А. (Москва). К биографии А. А. Спицына 262

Критика и библиография

Алексеев Л. В. (Москва). Капитальное исследование по начальной истории Минска 265
Гладких М. И. (Киев). *Генинг В. Ф.* Объект и предмет науки в археологии. Киев, 1983 273
Молчанов А. А., Чернецов А. В. (Москва). Древний Новгород: История. Искусство. Археология. Новые исследования / Сост. *Ямщиков С. В.* М., 1983 280
Носов Е. Н. (Ленинград). Археология Новгорода. Указатель литературы, изданной с 1917 по 1980 гг./Сост. *Гайдуков П. Г.* М., 1983 287

Хроника

Гуревич Ф. Д. (Ленинград). Гали Федоровна Корзухина (к 80-летию со дня рождения) 291
Демкин В. А., Иванов И. В., Мокеев О. В. (Пущино, Московская обл.) Итоги и перспективы комплексных почвенно-археологических исследований в СССР 294
Ганбов В. А., Согомонов А. Ю. (Москва, Владимир). III Научные чтения памяти В. Д. Блаватского 296
Тимофеев В. И. (Ленинград). Новые открытия археологов Вьетнама 301

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

SOVIET ARCHAEOLOGY

№ 2
1987

Editor-in-Chief B. A. RYBAKOV

Founded in 1957
Published quarterly

CONTENTS

Bogdanović M. (Kraguevac, SRFY). The Neolithic Settlements in Divostin and the Proto-Starčevo Culture 5
Kuznetsova T. M. (Moscow). Terms Used to Describe Mirrors Found in Scythian Sites 18
Mikhlin B. Y. (Donesk). The Late Scythian Family 31
Dashevskaya O. D., Raevsky D. S. (Moscow). On B. Y. Mikhlin's Article «The Late Scythian Family» 41
Kosyanenko V. M. (Rostov-on-Don). Bronze Fibulae from the Necropolis of the Kobyakovo Fortified Settlement 45
Kryganov A. V. (Kharkov). Bludgeons of the Saltovo-Mayak Culture in the Don Basin 63
Fekhner M. V., Nedoshivina N. G. (Moscow). Ethno-Cultural Description of the Timerevo Burial Ground According to the Grave Goods 70
Smirnova L. I. (Leningrad). Modelled Pottery From the Timerevo Burial Mounds and Its Ethnic Attribution 90

Publications

Chernov G. A. (Moscow). Archaeological Sites in the Lower Reaches of the Korotaikha River and Along the Coast of the Barents Sea 103
Gennadiev A. N., Derzhavin V. L., Ivanov V. K., Smirnov Y. A. (Moscow). On a Rare Form of the Burial Rite of the Cis-Caucasian Culture 124
Gershkovich Y. P., Klochko V. I., Evdokimov G. L. (Kiev). A Foundry Near Novokievka and Dating of the Sabatinovka Sites of the Lower Dnieper . . . 142
Nerazik E. E. (Moscow). An Archaeological Site in Khorezm Dated to the First Centuries 159
Kotigoroshko V. G. (Uzhgorod). A Sacrificial Altar of the 3rd-4th Centuries at the Solontsy Village 176
Finogenova S. I. (Moscow). Glazed Pottery from the Taman Settlement . . . 192
Nemerov V. F. (Chita). Arms and Armour of a Mongol Warrior of the 13th-14th Century 212
Myts V. L. (Simferopol). The Mediaeval Fortress of Isar-Kaya 228

Notes

Frolov A. S. (Moscow). Zaozerye II, a Late Mesolithic Camp in the South of Moscow Region 246
Mikhailov B. D. (Melitopol). On a Subject in the Kamennaya Mogila Petroglyphs 250
Kravets D. P., Shvetsov M. L. (Donetsk). A Scythian Dagger from Donbass . . . 253
Kaminsky V. N. (Krasnodar). Burial Complexes of the Krasnodar Area . . . 254
Gutlyev G., Nikitin A. B. (Ashkhabad, Moscow). A Hoard of Sasanid-Cushanic Coins and Fake Vasudeva Coins from Turkmenia 259
Formozov A. A. (Moscow). On A. A. Spitsyn's Biography 262

Book Reviews and Bibliography

Alexeyev L. V. (Moscow). A Definitive Study of the Earliest History of Minsk 265
Gladkikh M. I. (Kiev). *Gening V. F.* The Object and Subject-Matter of Archaeology. Kiev, 1983 273
Molchanov A. A., Chernetsov A. V. (Moscow). Old Novgorod. History. Art. Archaeology. New Research. Moscow, 1983 280
Nosov E. N. (Leningrad). Novgorod Archaeology. A Bibliographical Index. 1917—1980. Compiled by *P. G. Gaidukov.* Moscow, 1983 287

Chronicle

Gurevich F. D. (Leningrad). Gali Korzukhina. 80th Birthday 291
Demkin V. A., Ivanov I. V., Mokeyev O. V. (Pushchino, Moscow Region). Results and Prospects of Integrated Soil-Archaeological Research in the USSR . . 294
Gaibov V. A., Sogomonov A. Y. (Moscow, Vladimir). The Third Readings in Memory of V. D. Blavatsky 296
Timofeyev V. I. (Leningrad). Recent Discoveries by Vietnamese Archaeologists 301

М. БОГДАНОВИЧ

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В ДИВОСТИНЕ И ПРОТОСТАРЧЕВСКАЯ КУЛЬТУРА

Селение Дивостин находится в центральной Сербии, в 7 км западнее г. Крагуевац (рис. 1). Открытые здесь в 1956 г. неолитические памятники уже известны в научной литературе.

В 1967—1970 гг. в Дивостине проводились археологические исследования по проекту «Ранние земледельческие культуры центральной Сербии». Результаты раскопок опубликованы лишь в очень краткой и предварительной форме [1; 2, с. 15—23].

Неолитические поселения Дивостина расположены в долине, обрамленной с юга и севера двумя реками, а с западной стороны — небольшой возвышенностью под названием Боёвича Главица (рис. 2, *1*). Рядом с поселением и в его ближайших окрестностях имеется несколько источников пресной воды. Грунтовые воды залегают на значительной глубине (от 12 до 36 м). Почвенный состав Дивостина — осадочные породы неогенного периода, суглинки и слой чернозема. Природные условия благоприятны для земледелия и скотоводства, а в горной местности и доли-

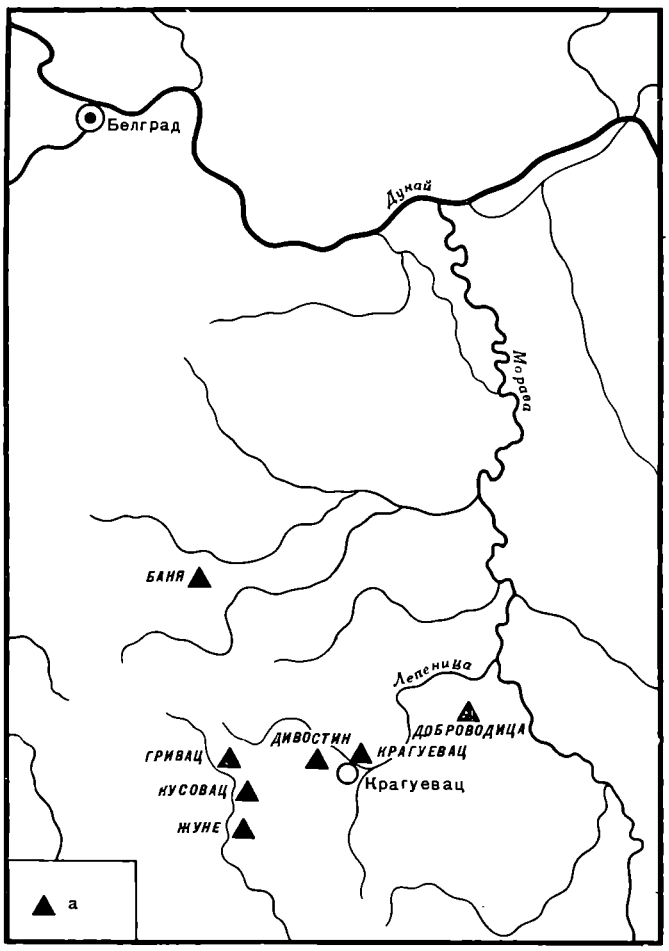


Рис. 1. Памятники старчевской культуры центральной Сербии. *а* — неолитическое поселение

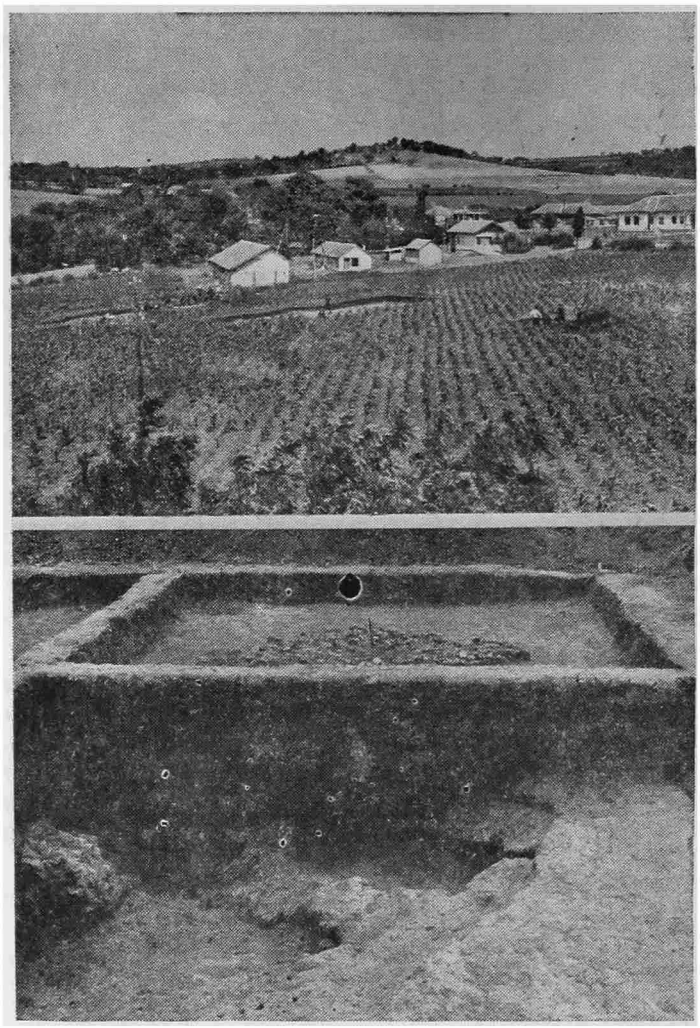


Рис. 2. Поселение Дивостин. *1* — южная часть поселения, на заднем плане — возвышенность Боёвича Главица; *2* — остатки дома (Дивостин Ic) и землянки (Дивостин Ib) в юго-восточной части поселения

нах рек есть разнообразное сырье, необходимое для изготовления орудий и других предметов.

Стратиграфия. Неолитические поселения в Дивостине занимают площадь свыше 150 000 м². Толщина культурного слоя колеблется от 0,4 до 1,8 м. Она не соответствует длительности поселения и может объясняться его большой территорией, а также состоянием почвы, подверженной эрозионным процессам.

С 1967 по 1970 г. было исследовано 2480 м². Открыто несколько землянок, наземных домов, ям для хранения зерна и ям с археологическими находками, относящимися к раннему (Дивостин I) и позднему (Дивостин II) неолиту. В рамках Дивостина I и II выделено пять фаз развития: Дивостин Ia, Ib и Ic и Дивостин IIa и IIb.

Фаза Дивостин Ia выделена с помощью горизонтально-стратиграфических наблюдений, в то время как фазы Ib и Ic прослежены в вертикальной стратиграфии. Это лучше всего показывает один из раскопов в юго-восточной части поселения, где один над другим залегают два объекта старчевской культуры (рис. 3). В первых двух горизонтах здесь обнаружен керамический материал, характерный для культур Старчево и Винча. В третьем горизонте был открыт прямоугольный дом (Дивостин Ic), а под ним, в четвертом горизонте, т. е. в материке, найдены остатки землянки (Дивостин Ib) (рис. 2, *2*). Северо-западнее землянки на уровне пола упомянутого дома находилось захоронение.

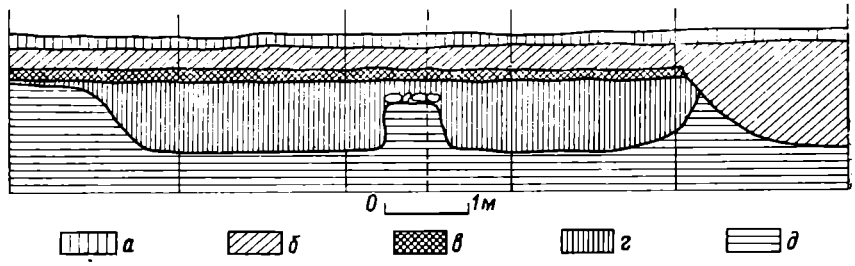


Рис. 3. Поселение Дивостин. Южный профиль квадрата Ф 20/10 и Г 1/10. *а* — Дивостин IIa; *б* — Дивостин Ic; *в* — глиняная обмазка (Дивостин Ic); *г* — землянка (Дивостин Ib); *д* — материк

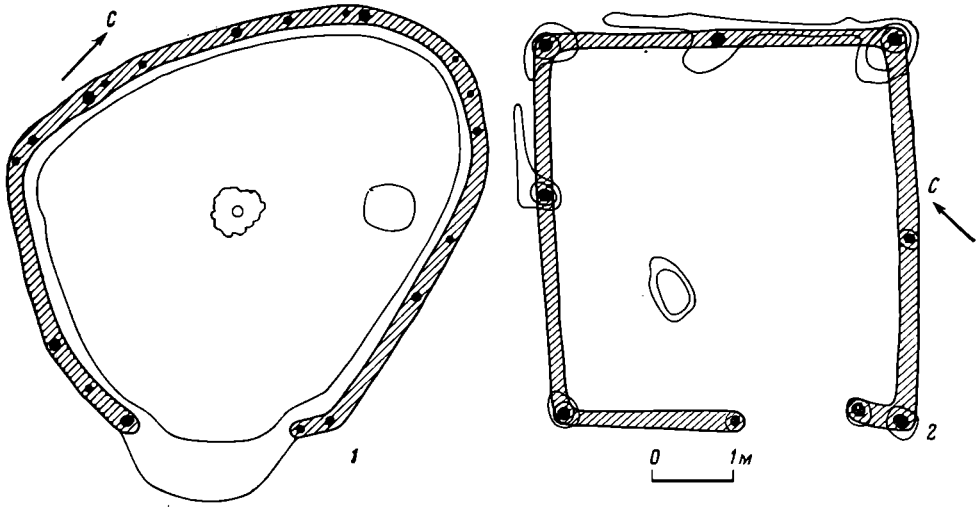


Рис. 4. Поселение Дивостин. *1* — основание землянки 2 (Дивостин Ib); *2* — план наземного дома

Интересное положение занимают открытые в южной части поселения землянка и четыре дома, стратифицированные один над другим. Землянка относится к фазе Дивостин Ib, дом над ней — к фазе Ic, остальные два объекта — к фазам Дивостин IIa и Дивостин IIb. Идентичное стратиграфическое соотношение отмечено также в раскопах вдоль крайней южной границы поселения, где также обнаружены стратифицированные один над другим дома, относящиеся к фазам Дивостин Ic и Дивостин IIb. Основания домов разделены слоями земли толщиной в 15—20 см, содержащими археологический материал.

Для решения проблем не только относительной, но и абсолютной хронологии старчевской культуры Дивостина важно привлечь археологический материал, открытый в землянках 1 и 2 — Дивостин Ib, в доме — Дивостин Ic в центральной и юго-восточной части поселения, а также часть материала с неолитических стоянок у сел Гривац и Баня[1].

Сооружения. В старчевском слое Дивостина (Дивостин Ia, Ib и Ic) открыты 8 жилищ-землянок и 12 наземных домов. Для Дивостина Ia и Ib характерны землянки, в то время как наземные дома являются принадлежностью Дивостина Ic.

Землянка 1 имеет форму трапеции с закругленными углами, длиной 5,8, шириной 4,8 м, ориентирована в направлении З—В. Ямы для несущих частей стен и кровли в землянке 1 являются редкостью. Вдоль западной границы открыт след массивной балки (ширина — 20, глубина — 15 см), а на восточной стороне землянки — восемь отпечатков жердей, которые намного тоньше (диаметр до 8 см). Землянка углублена в материк на 0,8 м. Углубление не сохранило первоначальной формы, так как

[1] Материал из Гривача и Бани привлечен для более полной типологической систематизации и установления связей с другими неолитическими памятниками Балканского полуострова.

пол и стоящие с наклоном к центру стены сильно повреждены. Внутреннюю часть землянки трудно реконструировать. Расположение строительных остатков: камня, глиняной обмазки, золы, а также размеры землянки указывают на ее сходство с землянкой 2, открытой в 1967 г. в секторе Д. Можно предположить, что углубленная в материк каменная плита в центре жилища, лежащая на уплотненной земляной подушке, служила опорой для деревянного столба — главного несущего элемента кровельной конструкции, а значительное количество золы и древесного угля в непосредственной близости от каменной плиты относится к остаткам очага.

Землянка 2 открыта в центральной части поселения. Нижняя часть жилища уходит в материк на 0,7 м. Основание имеет форму трапеции длиной 5,6, шириной 4,7 м, ориентировка СВ—ЮЗ (рис. 4, *1*). Ямы от несущих частей покрывают почти все основание землянки и состоят из большего или меньшего размера гнезд для балок и жердей. При постройке пол и стены в нижней части жилища подвергались обработке: стены имеют наклон к центру, а пол хорошо выровнен. Внутренняя часть землянки 2 расчленена несколькими сооружениями: это круглый очаг у западной стены, каменная плита в центре и прямоугольная ниша, уходящая в восточную стену жилища.

Дом, открытый в юго-восточной части поселения, имеет прямоугольное основание 8×5 м (рис. 4, *2*) и ориентирован в направлении СЗ — ЮВ. Помимо остатков стен, фрагментов пола, открытого очага в юго-западной части дома в материке открыты ямы для несущих частей стен и кровли. Это ямы для столбов, расстояние между ними колеблется от 0,32 до 1,80 м. От стен сохранились куски глиняной обмазки, которая была обожжена до светло-красного цвета. Ее внешняя поверхность гладкая. На внутренней стороне имеются отпечатки плетня, состоявшего из столбиков и жердей, переплетенных прутьями. Пол дома представлял собой утрамбованную землю, обмазанную тонким слоем глины.

Внутри дом разделялся лишь конструкцией открытого очага овальной формы; он был сложен из глины, битого камня, кусков керамики и слегка приподнят над уровнем пола. Общая площадь очага 0,6 м^2.

В результате систематических исследований неолитических поселений в Дивостине обнаружено свыше 50 000 фрагментов керамики и других предметов из обожженной глины, полированного камня, кости и рога, причем свыше 10 000 находок связаны с ранним неолитом и старчевской культурой. Весь старчевский материал можно разделить на две основные группы: а) керамика (предметы из обожженной глины); б) предметы из кости и рога, каменные орудия и другие мелкие находки.

Керамика. В старчевском горизонте найдено свыше 8000 фрагментов посуды. По способу обработки ее можно разделить на две группы: грубую и тонкую. Грубая керамика изготовлена из плохо обожженной глины, поверхность неровная, светло-коричневых, красноватых или черных тонов; керамика другой группы — хорошо выделанная, с тонкими лощенными стенками, покрытыми коричневым или красным ангобом. Формы сосудов немногочисленны и не отличаются разнообразием. Имеется восемь-девять основных типов с вариантами, различающимися друг от друга деталями формы или способом орнаментации. Из форм представлены: глубокие шаровидные или грушевидные горшки (рис. 5; 6, *3*), полусферические горшки (рис. 5; 6, *1*), небольшие шаровидные горшки (рис. 6, *2*, *4*, *6*), сосуды в виде амфоры (рис. 7), сосуды подчетырехугольной формы (рис. 8), глубокие шаровидные миски (рис. 7), полусферические миски и овальные блюда (рис. 6, *7*).

Орнаментика характерна главным образом для грубой керамики. Наиболее распространена орнаментация импрессо, выполненная различными способами и с различной интенсивностью (рис. 5, 6). Затем появляется пластическая орнаментация в виде налепных спиральных лент или ленточного узора по краю сосуда в виде гирлянды, украшенной ямками, имитирующими пшеничные колосья, сосковидными налепами, линейным процарапанным узором и рельефом.

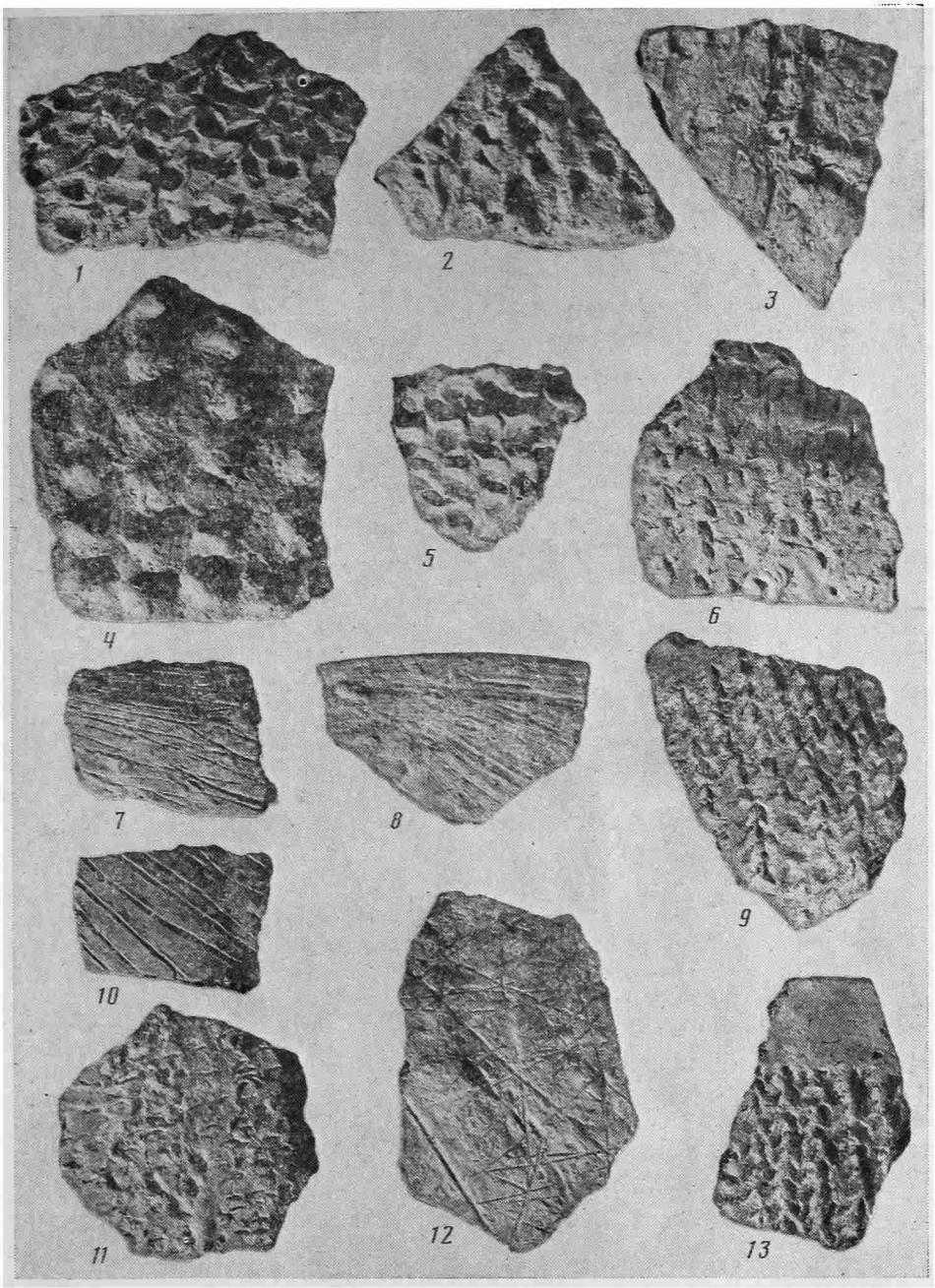


Рис. 5. Фрагменты грубой керамики. *1—6* — с орнаментацией импрессо или нанесенной каким-то инструментом и с пластическим узором; *7—13* — с углубленным орнаментом импрессо, узором в виде пшеничных колосьев и процарапанным орнаментом

Упомянутые формы керамики и способы орнаментации частично характерны для слоя землянок, т. е. для горизонта Дивостин Ia и Ib. Глиняную посуду из этого горизонта отличает главным образом тонкая керамика, глубокая орнаментация импрессо, узор в виде пшеничных колосьев, украшение пластическими лентами и налепами. Однако в керамике из горизонта наземных домов появляются новые формы сосудов и новые способы орнаментации. Здесь найдены массивные пифосы, украшенные барботинным орнаментом, амфорообразные сосуды и полусферические горшки, украшенные сетчатым узором, ямками в виде пшеничных колосьев, организованным импрессо или углубленным орнаментом, нанесенным каким-то инструментом. Для тонкой керамики из Дивостина Ic характерны сосуды с тонкими, лощенными стенками, покрытые легким блестящим ангобом светло-красного цвета.

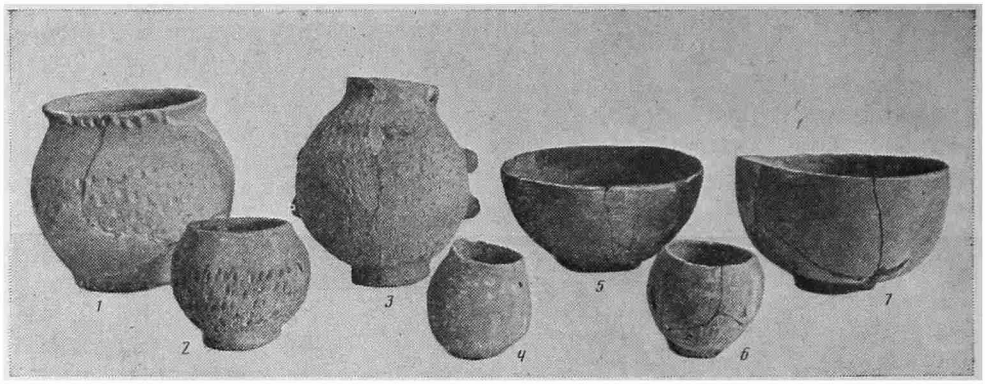


Рис. 6. Керамика. *1, 2, 4—7* — Дивостин; *3* — Гривац

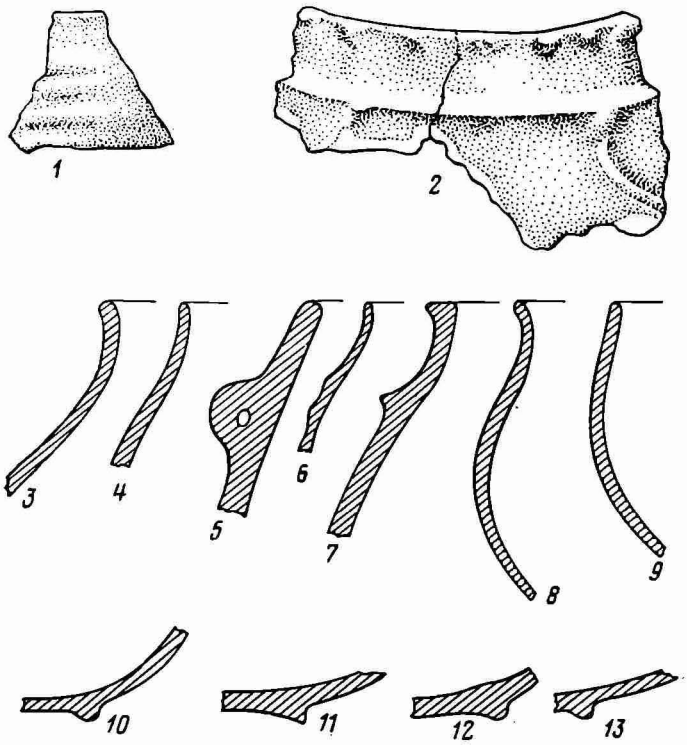


Рис. 7. Фрагменты тонкой керамики

К старчевскому слою в Дивостине относятся 11 антропоморфных и 11 зооморфных статуэток. Они сделаны из плохо очищенной глины и имеют гладкую поверхность желтоватого или светло-красного цвета. Антропоморфные статуэтки сохранились не полностью, что затрудняет их типологическую систематизацию. Однако при сравнении с сохранившейся целиком пластикой из более древнего неолитического слоя соседних памятников Фессалии найденные в Дивостине фрагменты антропоморфных статуэток по способу лепки можно разделить на две основные группы: сидячие фигурки, руки согнуты в локте, ладони положены на грудь и стоящие фигурки с отдельно вылепленными ногами и сильно выступающими ягодицами.

Статуэтки первой группы делятся на два варианта. Фигурки варианта «а» хорошо моделированы, шея короткая, ноги с подчеркнутыми ягодицами укорочены и не вычленяются из основной массы фигуры. Затылок изображен почти реалистически, а лицо передано лишь гладким овалом. Глаза и рот обозначены наколами, ноги слиты (рис. 9, *1*, *4*). К варианту «б» относится фрагмент (левое плечо, рука, грудь) антропоморфной фигурки размером 9×8 см из Дивостина, найденной в землянке 1 (рис. 9, *3*). Несмотря на то что фигурка сохранилась не полностью, на

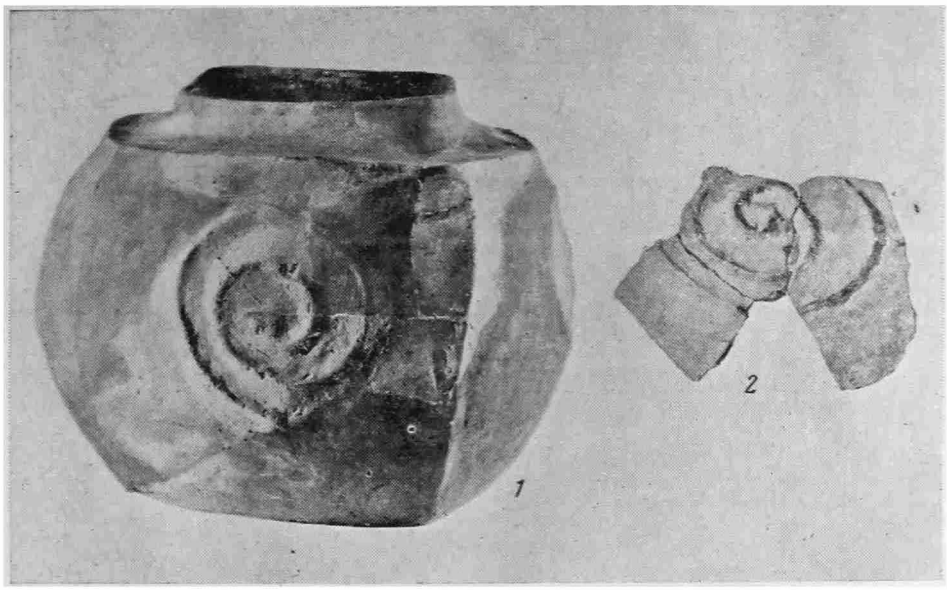


Рис. 8. Керамика. *1* — Баня; *2* — Дивостин

основании находок из Гриваца и ранненеолитических памятников Греции ее можно довольно точно реконструировать. Голова у этих фигурок столбообразная, нос вылеплен пластически, глаза помечены насечками (экземпляр из Неа Никомедии). Плечи прямые, широкие, рука с невычлененной кистью изображена пластическим валиком (эта часть тела также согласуется с находкой из Неа Никомедии). Нижняя часть статуэтки моделирована в виде колоколообразной, пóлой внутри подставки (подобно статуэткам из Гриваца). Фигурка хорошо обработана, имеет гладкую поверхность светло-красного цвета. Статуэтка из Дивостина весьма импозантна (ее реконструированная высота составляет ок. 20—25 см). По своим размерам она также напоминает ранненеолитическую пластику Греции (рис. 9, *3*).

Статуэтки другой группы отличаются тонкой выработкой и отдельно моделированными ногами с выступающими ягодицами: соединенные коротким деревянным клином, они создают грушевидную форму, из которой выступает нижняя часть ног (принцип изображения исходит из определенного художественного канона). К сожалению, неизвестно, как выглядела верхняя часть туловища, а также голова этих статуэток (рис. 9, *5*). На основании находок из Неа Никомедии можно лишь предполагать, что верхняя часть туловища расширялась от суженной талии к плечам и высоко поднятым рукам. Грудь изображена сосковидными налепами, голова была столбообразной, с пластически моделированным носом и глазами-насечками.

Одна из 11 зооморфных фигурок находилась на каком-то керамическом сосуде. Статуэтки изображают четвероногих животных (скорее всего коров) или каких-то диких животных, голова и хвост слиты с основной массой фигуры (рис. 9, *6*, *7*). Особенно трудно определить, какое животное изображает статуэтка из землянки 2 — валик глины на коротких конической формы ногах (рис. 9, *7*). В отличие от этих статуэток голова с керамического сосуда выполнена реалистически: ясно выступает морда животного, глаза переданы глубокими круглыми ямками, шея длинная. В целом находка напоминает овечью голову (рис. 9, *9*).

Помимо глиняной посуды, антропоморфной и зооморфной пластики в Дивостине найдено значительное количество «клиньев», «плиток с рогами» и «хлебных лепешек» из обожженной глины. Т-образные клинья изготовлены большей частью из хорошо очищенной глины, имеют гладкую поверхность, цвет варьируется от красно-коричневых до серых тонов (рис. 10, *1*, *2*, *5*). Вместе с тем найдено несколько клиньев из желтоватого песчаника и один экземпляр из беловатого мрамора (рис. 11,

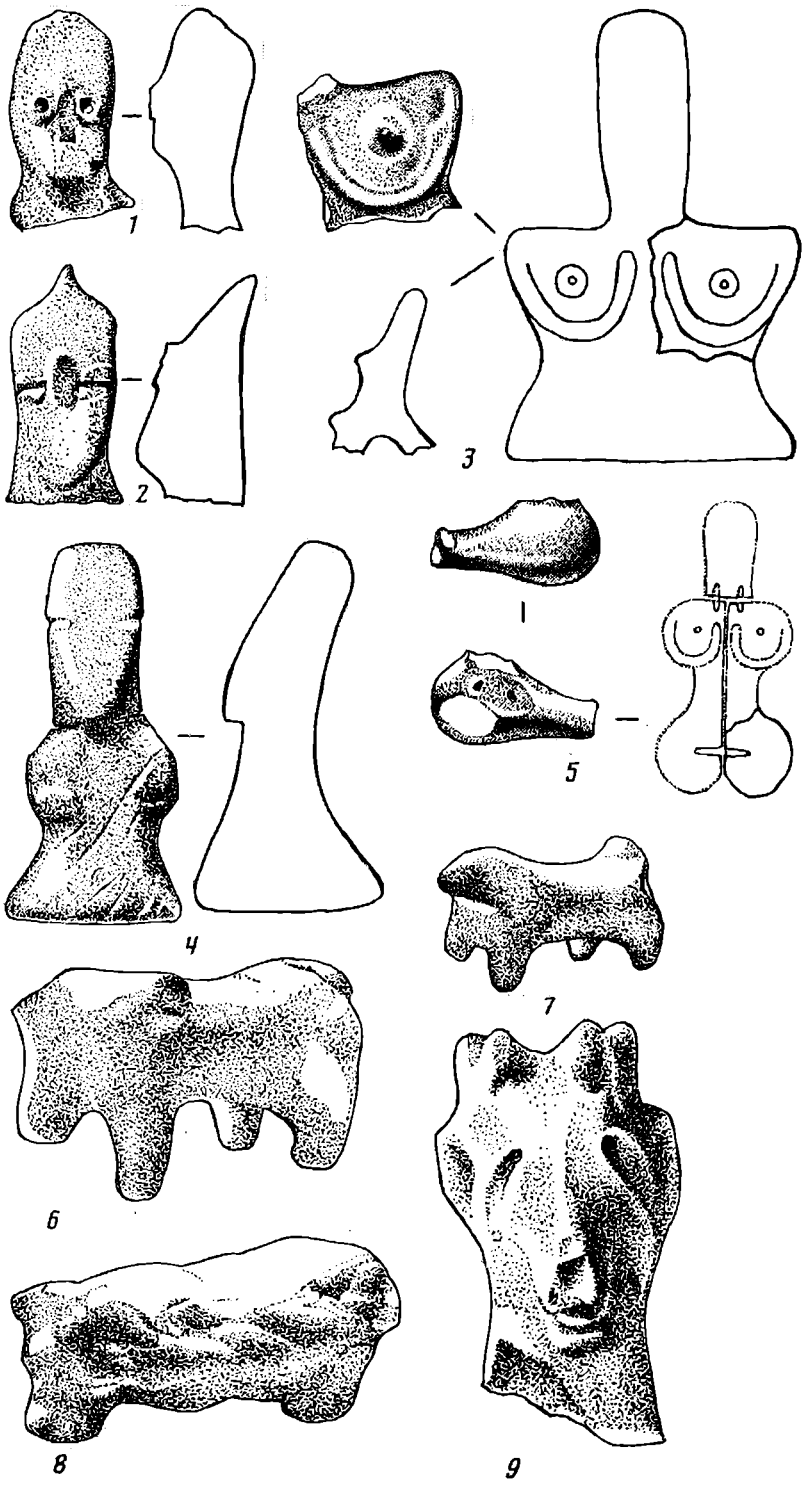


Рис. 9. Пластика антропоморфная (*1—5*) и зооморфная (*6—9*).
1, 3, 5—8 — Дивостин; *2, 9* — Баня; *4* — Гривац

8). Тулово клиньев бывает вытянутым и заостренным, приземистым, овальным, четырехугольным, иногда украшено насечками. Рожки горизонтальные, прямые или загнуты кверху в виде лука.

«Плитки с рогами» с углублением в центре в виде желобка также выполнены из хорошо очищенной глины. Большинство находок — четырехугольной формы, с желобком. По краям плиток находится по две пары близкостоящих рожков (рис. 10, *2*, *3*). В Дивостине, Гриваце и Бане найдено несколько десятков «клиньев» и «плиток с рогами».

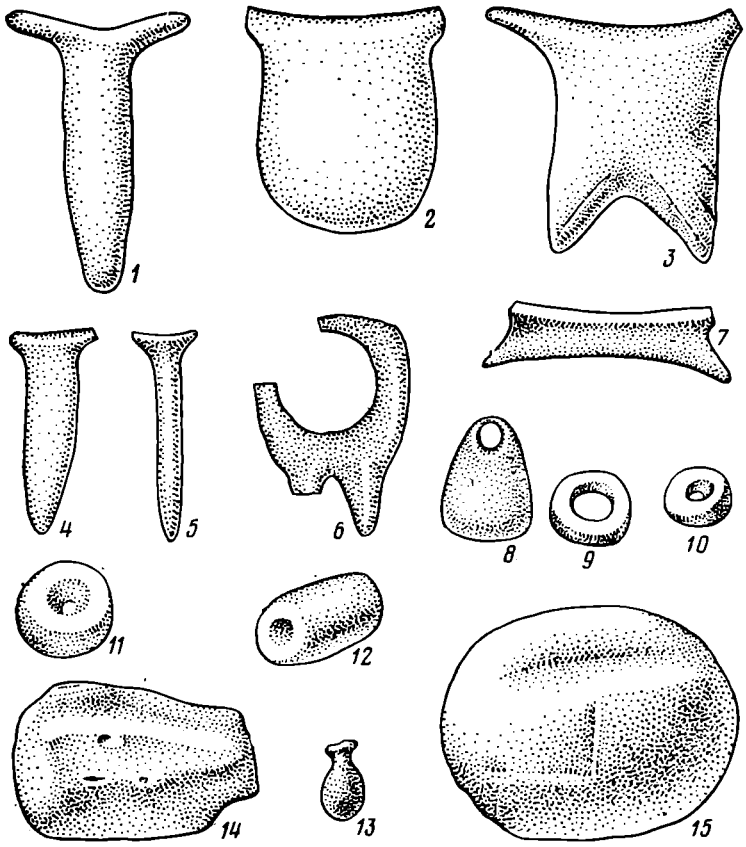


Рис. 10. Клинья из обожженой глины (*1—5*), украшения для носа и уха, бусы, подвески (*6—13*), хлебные лепешки (*14, 15*)

«Хлебные лепешки» имеют гладкую поверхность, окраска — от красноватых до коричневых тонов. По форме они напоминают увеличенное зерно пшеницы. Их размеры 4—5 см. В Дивостине, Гриваце и Бане найдено свыше 20 «хлебных лепешек» (рис. 10, *14*, *15*). «Хлебные лепешки» скорее всего относятся к предметам культово-магического назначения.

Предметы из кости и рога. В обеих землянках найден 31 предмет. Бóльшую часть находок составляют орудия труда: шилья-пробойники, пробойники, шпатулы, топоры и гарпуны (рис. 11, *1—5*).

Каменные топоры и другие мелкие находки. Полированные каменные орудия представлены топорами. Они изготовлены из магматических пород (красный мрамор, жадеит, серпентин). Встречаются три основные формы: валикообразные топоры, языкообразные с узкими острыми боковыми гранями, плоским обухом и закругленным лезвием и небольшие топоры трапециевидной формы с тупыми боковыми гранями и закругленным лезвием (рис. 11, *6*, *7*, *9*, *10*).

В Дивостине найдено значительное количество кремневых нуклеусов и отщепов. Кремневые орудия — в основном неправильной формы и без ретуши. Орудия с ретушью представлены разного рода ножами, стругами, теслами треугольного или трапециевидного сечения, с зазубренными краями, листовидными остриями, грубо оббитыми макролитами. Орудия изготовлены из твердых магматических пород — светло-коричневых, беловатых и темных кварцитов.

Среди остальных мелких находок следует упомянуть многочисленные украшения: бусы, кружки, подвески, амулеты и искусно сделанные украшения из разноцветных магматических пород, костей животных и обожженной глины (рис. 10, *8—13*). Наиболее распространены бусы, однако особое внимание привлекает украшение из беловатого мрамора, которое вдевали в нос или ухо (рис. 10, *13*), а также подвеска в форме стилизованной птичьей головы из зеленого серпентина (рис. 10, *6*).

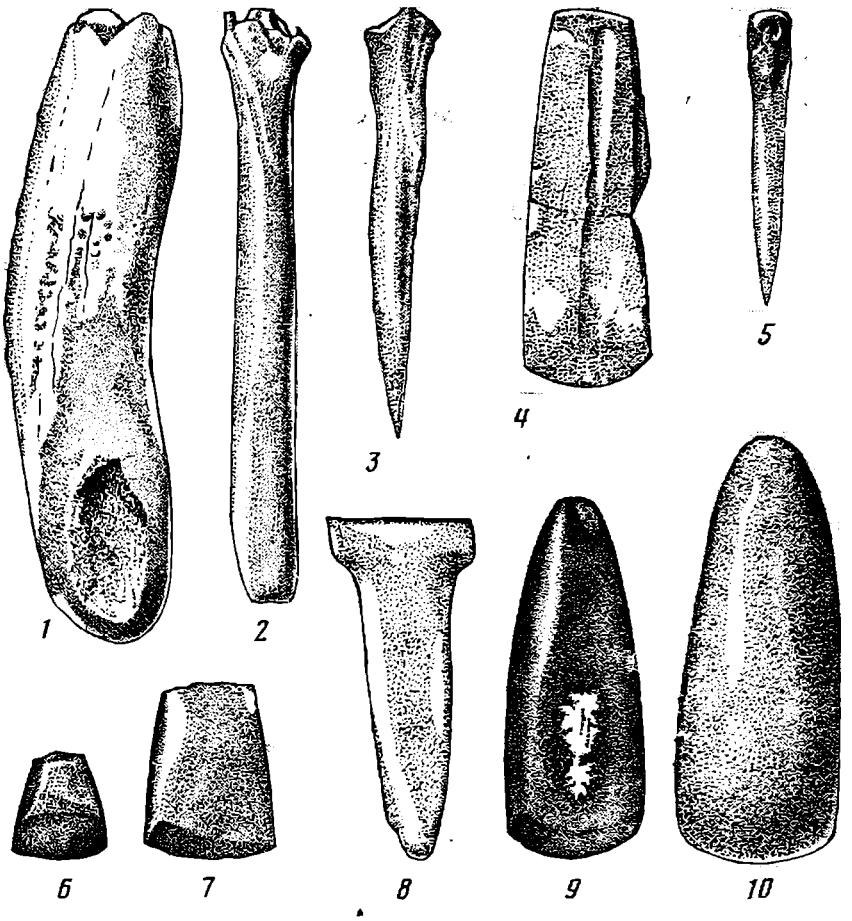


Рис. 11. Орудия из кости и рога (*1—5*), камня (*6, 7, 9, 10*); каменный клин (*8*)

Аналогии археологическому материалу из Дивостина, особенно керамике (Дивостин I), можно найти в памятниках старчевской культуры у сел Гривац и Баня близ Тополы, в Лепенском Вире, частично в Анзабегово близ Штипа и в Руднике (автономная область Косово), а также в памятниках Фессалии: Сескло, Суфли Магула, Неа Никомедия, Аргисса и Ахилейон.

Глубокие шаровидные и полусферические горшки из Дивостина имеют аналогии в находках Гривaца и Лепенского Вира IIIa. Д. Срейович относит эту керамику к протостарчевской культуре, т. е. к протостарчевскому горизонту [3, рис. 46].

Небольшие шаровидные горшки наиболее близки находкам из Гривaца, Лепенского Вира и Рудника близ Приштины. Горшки из Гривaца характерны для нижних слоев культурного слоя — для старчевской культуры, а на Лепенском Вире это Лепенски Вир IIIa.

Сосуды-амфоры и шаровидные горшки с расширенным горлом и сосковидными ручками на венчике из Дивостина ближе всего керамике из Лепенского Вира IIIa и IIIb, а также горшкам, соответственно амфорам, открытым в Сескло в слое с монохромной керамикой [3, рис. 48; 4, рис. 5]. Следует отметить, что находки из Лепенского Вира ближе находкам из Дивостина. В отличие от указанного аналогичного материала керамика из Дивостина иногда имеет пластический ленточный узор.

Для сосудов с четырехугольным дном и устьем до сих пор известные аналогии относятся к Бане. Можно предположить, что фрагмент дна крупного сосуда, имеющий пластическую спиральную ленточную орнаментацию, принадлежит к типу, обнаруженному в одной из старчевских ям у с. Баня (рис. 8, *1*). Д. Срейович уже указал на сходство между археологическим материалом из Бани и Дивостина [1, с. 21].

В Гриваце, Бане, Лепенском Вире IIIa, Анзабегово, как и в памятниках Фессалии (Сескло), найдено большое количество мисок, которые могут служить аналогией к мискам из Дивостина [3, рис. 46, 47, XII, XIII; 5, рис. 16]. Миски из Лепенского Вира относятся к фазам Лепенский Вир IIIa и IIIb, т. е. к протостарчевской культуре, а миски из Фессалии — к раннему неолиту Протосескло и слою с монохромной керамикой.

Аналогии полусферическим мискам также можно найти в Гриваце, Бане, Лепенском Вире, а также в Анзабегово, Фессалии, Коринфе. Стилистически и типологически наиболее близки к рассматриваемому материалу миски из Гривача и Лепенского Вира. Миски из Лепенского Вира относятся к протостарчевской культуре, а миски из Немеи и Коринфа, Сескло, Ахилейона — к раннему неолиту, Протосескло, т. е. слою монохромной керамики [3, рис. 46, 47; 4, рис. 27—30; 5, рис. 16; 6].

Овальные блюда известны из ранненеолитических памятников Балканского полуострова. Кроме Гривача они обнаружены в Лепенском Вире IIIb, в Анзабегово (Анзабегово Ia), Сескло, Ахилейоне, в слое монохромной керамики [3, рис. 46, 48, XII; 5, рис. 16, 17; 6, табл. XVII, *B*, табл. XVIII, *A*, *B*, *Д*, табл. XIX, *A*].

Близкие аналогии антропоморфной пластике помимо Гривача и Бани можно найти в памятниках с греческой территории. Пластика неолитических памятников Фессалии во многом совпадает с пластикой Дивостина (соответственно Гривача и Бани). У статуэток первой и второй группы из Дивостина и статуэток, найденных в Продромосе, Неа Никомедии, Агиос Петросе и Сескло в Греции, идентично изображены: нос, рот — наколами, глаза — насечками, голова столбообразная, ноги крепкие, с выступающими ягодицами. Все эти статуэтки хронологически относятся к раннему неолиту и открыты в слое монохромной керамики (Протосескло и Пресескло) [4, рис. 16, 18, 20, 21].

Идентичное положение и с зооморфной пластикой. Она встречается в Гриваце и Бане. В других памятниках она до сих пор либо не обнаружена, либо малочисленна. В Сескло открыт фрагмент головы животного (голова, вероятно, украшала какой-то сосуд или предмет жертвенной утвари), моделированной тем же способом, что и голова из землянки 2 сектора Д, относящаяся к раннему неолиту [4, рис. 286; 6, табл. XX, *A*].

Остальные предметы из обожженной глины — «клинья» и «плитки с рогами» — помимо Гривача и Бани известны по находкам из Лепенского Вира и Неа Никомедии. Находки из Дивостина и Гривача наиболее близки находкам из Лепенского Вира IIIa [3, рис. 43, *a*].

Украшения из Дивостина: бусы, кружки, подвески, амулеты, «клинья» или шарики для вдевания в нос или ухо — найдены также на Лепенском Вире и в памятниках Фессалии. Особое внимание привлекают шарики для носа или уха. Подобные находки редки. Единственное украшение такого рода открыто в Дивостине (землянка 1). В Греции десяток шариков найден в Сескло, Суфли Магуле и Аргиссе. К нашему образцу наиболее близки два украшения из Сескло, отнесенные к фазе Протосескло [4, рис. 207; 6, табл. XI, *B*, табл. XII, *A*].

Археологический материал из старчевского слоя Дивостина совпадает с археологическим материалом из слоя землянок у с. Гривац, поселений у с. Баня и Лепенского Вира IIIa и IIIb. С другой стороны этот материал заметно отличается от материала, на основе которого была разработана первая культурная и хронологическая периодизация раннего неолита в центральной части Балкан — Старчево, слой над землянками у с. Гривац, старчевский слой у сел Кусовац, Црнокалачка Бара и другие памятники с территории Сербии и Воеводины, по р. Морава.

На основные различия в материалах классической старчевской культуры (Д. Гарашанин и В. Милойчич) и материалах из Дивостина и Лепенского Вира указал Д. Срейович [3, с. 174—179]. Преобладание шаровидных и полусферических горшков и мисок, монохромной керамики над грубой и спорадические находки расписной керамики характеризует Протостарчево в отличие от преимущественно орнаментированной

барботином и расписной керамики Старчево I, а в особенности Старчево II и III. Различия имеют место и в антропоморфной и зооморфной пластике, в присутствии Т-образных клиньев, «плитки с рогами» и особенно украшений для вдевания в нос или ухо, не встречавшихся до сих пор в памятниках классической старчевской культуры.

Как известно, Д. Срейович выделил Лепенский Вир IIIa и IIIb и связал их на основе археологического материала с протостарчевской культурой. Таким образом Д. Срейович установил поэтапную хронологию ранненеолитических культур в центральной части Балкан и высказал предположение о новых хронологических границах существования старчевской культуры. Помимо Лепенского Вира Срейович связал с протостарчевской культурой памятники у сел Носа близ Суботицы, Луг близ г. Обреновац и Дивостин близ Крагуеваца [3]. К этому, однако, следует добавить Гривац (слой землянок) и Баню близ Тополы. Предположения Срейовича и дефиницию Лепенского Вира как протостарчевской культуры подтвердили исследования в Дивостине, Гриваце и Бане. Здесь получены новые данные для систематизации керамики, антропоморфной и зооморфной пластики и другого материала, а также для реконструкции относительной и абсолютной хронологии с помощью радиоуглеродных анализов.

Для керамики характерно появление сосудов с четырехугольным устьем и дном, ваз, шаровидная форма которых начинает расчленяться появлением ножек, шейки и т. д., полусферических и грушевидных горшков, а в орнаменте — четко выраженного и организованного импрессо, равномерно распределенных пластических налепов и нанесением орнамента инструментом.

Представления о протостарчевской пластике можно получить лишь на материале из Дивостина, Гриваца и Бани. Сидящие и стоящие антропоморфные фигурки с лицом в виде овала, глазами и ртом, обозначенными насечками или наколами, подчеркнутыми ягодицами в нерасчлененной массе туловища или с отдельно моделированными ногами и выступающими ягодицами, со столбообразной головой и т. д. в полной мере документируют протостарчевскую антропоморфную пластику и указывают на ее связь с ранненеолитической пластикой греческих памятников.

По Дивостину выполнено значительное количество радиоуглеродных анализов. Восемь образцов, взятых из старчевского слоя Дивостина, один из Гриваца и один из Бани дали относительно высокие даты (5400—4850 гг. до н. э.) для раннего неолита в центральной части Балкан. Древнейшая дата отмечена у образца из слоя землянок Гриваца, однако гораздо важнее даты из Дивостина, с помощью которых можно установить продолжительность протостарчевской культуры на этой территории (5300—4800 гг. до н. э.).

Данные о культурной принадлежности и внешних влияниях на материале из Дивостина могут иметь значение для изучения происхождения протостарчевской и старчевской культуры. Наиболее показательны находки украшений для носа или уха, которые Теохарис относил к Протосескло, а аналогии искал в материале верхнего палеолита и мезолита на территории Франции. Столь же важны стилистические и типологические связи между керамикой протостарчевской культуры и ранненеолитических культур Фессалии, а также сходный способ моделирования в антропоморфной и зооморфной пластике, наличие Т-образных клиньев, «плиток с рогами», украшений и др. Если принять во внимание сходство определяющих черт и особенностей найденного материала при незначительных расхождениях в абсолютной хронологии, то можно предположить, что неолитическая революция в центральной и юго-восточной части Балкан, т. е. на территории между Джердапом, центральной Сербией, Косово, Македонией и Фессалией, началась приблизительно в одно и то же время, но при этом самые ранние культуры неолита на указанной территории при всех общих чертах (в данном случае протостарчевского характера) развивались вполне самостоятельно, со всеми своими индивидуальными свойствами и признаками.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Pherron A., Srejović D.* Farly Farming Cultures in Central Serbia. N. Muzej Kragujevac, 1971.
2. *Богдановић М.* Старе културе на тлу централне Србије. Крагујевац, 1981.
3. *Срејовић Д.* Лепенски Вир. Београд, 1969.
4. *Theocharis D. et al.* Neolithic Greece. Athen, 1973.
5. *Gimbutas M.* Achilleion. A Neolithic Mound in Thessaly // J. of Field Archaeology. 1974. № 3/4.
6. Θεοχαρης Δ. Ἡ αὐγή τῆς θεσσαλικῆς προϊστορίας. Βολος, 1967.

M. Bogdanovič

THE NEOLITHIC SETTLEMENTS IN DIVOSTIN AND THE PROTO-STARČEVO CULTURE

Summary

In 1967 through 1970 Divostin was the scene of archaeological investigations within the framework of the project «The Early Farming Cultures of Central Serbia». Two thousand four hundred and eighty square metres have been opened. The archaeologists found many dug-out dwellings, houses, grain pits and pits containing archaeological material dated to the early (Divostin I-Starčevo culture) and the late (Divostin II-Vinča culture) Neolithic. Five development stages have been identified within Divostin I and II: Divostin Ia, Ib, and Ic, and Divostin IIa and IIb. The archaeological material from the Starčevo level in Divostin (Divostin Ia, Ib, and Ic) is close to the finds from the Starčevo level of the sites near Nos (at Subotica), Lug (at Obrenovac), and some sites in Thessaly: Sesklo, Soufi Magula, Achilleion, and others, which D. Srejovic and D. Theocharis relate to the Protostarčevo and Protosesklo cultures. The finds from Divostin, Grivac and Banja provide grounds for a systematisation of pottery, anthropomorphic and zoomorphic figurines, and other objects, as well as for a reconstruction of the relative and absolute chronology of the Protostarčevo culture in Serbia and Vojvodina.

Т. М. КУЗНЕЦОВА

О ТЕРМИНАХ ДЛЯ ОПИСАНИЯ ЗЕРКАЛ ИЗ СКИФСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Зеркала встречаются в погребальных комплексах и на поселениях различных культур. Они неоднократно описывались как авторами отдельных публикаций, так и в обобщающих работах. Однако в описаниях отмечается большое разнообразие терминов, употребляющихся для определения одних и тех же элементов зеркала, а также наличие одинаковых названий для обозначения разных элементов, что создает значительные трудности при работе с данным видом археологического материала. Применяемые термины по значению в большинстве случаев правильны, так как они часто являются синонимами, но количество их постоянно возрастает, что связано, видимо, с неудовлетворенностью исследователей теми или иными наименованиями. В связи с этим в данной статье предпринимается попытка упорядочить термины для описания зеркал, происходящих из скифских памятников VI—III вв. до н. э.

Зеркала, обнаруженные в памятниках лесостепной и степной Скифии, состоят, как правило, из нескольких частей: «основной детали», служившей для отражения объекта, и «вспомогательных деталей», обеспечивавших удобство хранения и использования зеркала. «Основная деталь» зеркала в археологической литературе характеризуется термином «диск», а «вспомогательные» — «ручка», «накладка», «футляр» [1]. Однако каждая из них состоит из ряда элементов, не имеющих пока единых названий.

Диск. Термином «диск» определяется «круглая плоская пластина; предмет, имеющий вид плоского круга» [1, с. 542]. Эта «основная деталь» зеркал, происходящих из скифских памятников рассматриваемого времени, имеет в большинстве случаев круглую форму, но встречаются и иные варианты: форма может быть неправильной, овальной, четырехугольной и т. п. Отмечены также находки не только плоских, но и выпуклых (или вогнутых) зеркал. Исходя из того, что на скифской территории найдены зеркала, «основная деталь» которых имеет разнообразную форму, а не только вид «круглой плоской пластины», следует оговорить, что термин «диск» принят и используется в археологической науке условно.

Диск некоторых зеркал ограничивается «выступом», который исследователями характеризуется также как «бортик», «закраина», «валик», «торец» и т. п. Подобное терминологическое разнообразие появилось в специальной литературе сравнительно недавно, а долгое время наибольшей популярностью пользовался термин «бортик», который нередко расширялся до следующего определения: «бортик по краю диска». Однако в языковедческой литературе слово «борт» употребляется применительно к кораблю или одежде, которыми обозначены край и того, и другого [2, т. I, с. 118]. Исходя из этого формулировка «зеркало с бортиком по краю диска» по смыслу становится равнозначной определению «зеркало с краем по краю диска», которого лучше избегать. Нужно заметить, что фиксация только наличия или отсутствия у диска «бортика» значительно обедняет информацию о самом предмете, так как форма его сечения и другие характеристики остаются вне описания.

---

[1] «Вспомогательной деталью» для античных зеркал является еще и «крышка», обеспечивавшая сохранность полировки.

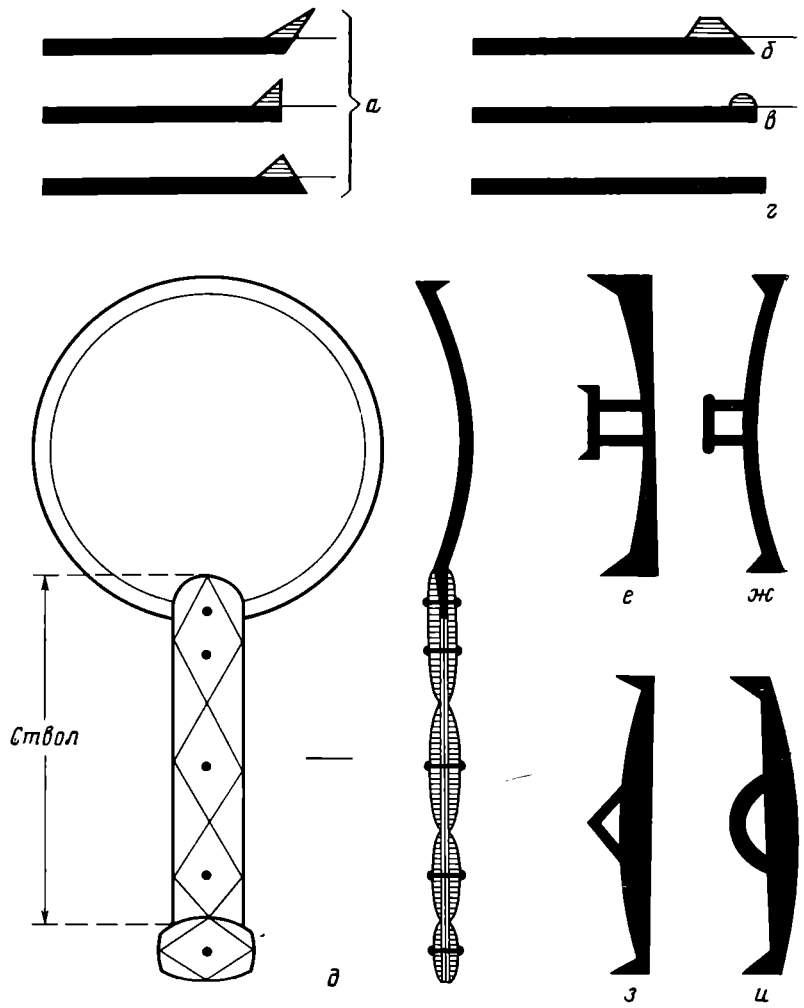


Рис. 1. Название признаков зеркала. *а—в* — бортик; *г* — бортик отсутствует; *д* — зеркало с боковой ручкой; *е—и* — расположение ручки и бортика

Термин «закраина» по значению равноценен термину «край» [1, с. 730] и поэтому не дает правильной характеристики формы этого края.

В скифских памятниках встречаются зеркала, имеющие небольшое утолщение по краю диска, полукруглое или полуовальное в сечении. Для описания подобного края диска в литературе по скифской археологии применяется иногда термин «валик». Этот же термин используется и при анализе зеркал, происходящих из сарматских памятников, причем форма, назовем условно, «скифского» и «сарматского» валиков совершенно различна. Исходя из того, что «валик» (выпуклый, округлый рубчик [1, с. 162]) является не только элементом, наиболее характерным для зеркал из сарматских комплексов, но и определяет особенность формы этих зеркал, данный термин лучше употреблять применительно к зеркалам «сарматского облика» (отдел II, типы 2—4, по классификации М. Г. Мошковой [3, с. 42, табл. 28]).

Рассмотренное выше разнообразие названий, характеризующих выступ по краю диска, расположенный под углом (больше, меньше, равен 90°) к его плоскости, лучше объединить уже традиционным термином «*бортик*», но при этом необходимо указать форму его сечения: треугольник (рис. 1, *а*), трапеция (рис. 1, *б*), сегмент (рис. 1, *в*) и т. п. Если фигуру сечения определить трудно, что часто случается из-за повреждений в результате коррозии, то этот случай также следует оговорить. Для дисков тех зеркал, у которых бортик отсутствует (рис. 1, *г*), в словесном описании это можно не указывать.

Диск зеркала имеет две поверхности, которые обычно называют его «*сторонами*», что наиболее полно определяет эти элементы зеркала [2, т. IV, с. 331]. Для характеристики одной из сторон используются следующие термины — «лицевая», «рабочая», «отражающая», под которыми подразумевается гладкая поверхность. Другая сторона определяется терминами «оборотная», «тыльная», которые характеризуют поверхность, противоположную «лицевой», «рабочей» стороне, т. е. поверхность, которая не дает отражения.

В том случае, когда одна из сторон полностью заполнена орнаментом, что, естественно, исключает возможность ее практического использования,— это «оборотная сторона». Если ручка располагается в центре одной из сторон диска, то это тоже «оборотная сторона», так как нет и не может быть зеркал, имеющих ручку на так называемой «лицевой стороне», тем самым для зеркала исключается выполнение его непосредственной функции — отражать, т. е. быть «зеркалом». Встречаются зеркала, у которых достоверно определяется, что одна из сторон не обрабатывалась специально для того, чтобы давать отражение, такую сторону тоже можно характеризовать как «оборотную».

Однако часто выяснить, какая же из сторон была в действительности «оборотной», а какая «лицевой», практически невозможно, поскольку дошедший до нас материал от длительного пребывания в земле, к сожалению, значительно попорчен. Наличие только бортика или орнамента по краю одной из сторон диска зеркала не определяет «лицевую» или «оборотную» стороны в большинстве случаев.

Автору в процессе реставрации зеркал приходилось наблюдать на их двух сторонах следы специальной обработки, позволяющие говорить о том, что обе стороны могли быть использованы практически. В таком случае применение терминов «лицевая» и «оборотная» стороны при их характеристике затруднительно, так как, если пользоваться указанными терминами, пришлось бы констатировать наличие двух «лицевых» сторон диска, однако понятие «лицевая сторона» требует обозначения противоположной ей стороны как «оборотной» [2, т. II, с. 258, 611].

Термины «рабочая» или «отражающая» сторона, характеризующие гладкую поверхность диска, производившую полезное действие [1, т. 3, с. 772] и служившую для получения изображения вследствие преломления световых лучей [1, т. 2, с. 967], встречаются реже, но они более точно определяют ее практическое назначение. Термин «*рабочая сторона*» предпочтительнее, так как он подчеркивает основную функцию отражающей поверхности по отношению к другим элементам зеркала. Противопоставлением этому определению для обозначения противоположной стороны может служить и термин «*оборотная сторона*». У зеркала может быть одна «рабочая сторона», но может быть и две. В тех случаях, когда для определения сторон достоверных данных нет, лучше указать, что они не определяются.

Обе стороны могут быть «*плоские*», но бывает, что одна из сторон диска зеркала — «*выпуклая*», а другая — «*вогнутая*». В таком случае зеркало, как правило, характеризуют следующим образом: «зеркало слегка вогнутое» или «зеркало слегка выпуклое» — что не совсем точно, поскольку подобное определение не раскрывается исследователями, а следовательно, не несет полной информации. Поэтому при описании диска лучше указывать сочетание сторон, характеризующее его конфигурацию: 1) плоский диск; 2) выпукло-вогнутый; 3) плоско-выпуклый; 4) плоско-вогнутый и т. п. При наличии бортика и ручки, исходящей из центра одной из сторон диска, в описании лучше указать их расположение следующим образом: если обе стороны плоские — «ручка и бортик расположены на одной стороне» (рис. 2, *а*, *б*), что, как правило, и бывает, а если конфигурация диска иная — «ручка и бортик расположены на выпуклой (рис. 1, *ж*, *з*), вогнутой (рис. 1, *е*) или плоской стороне (рис. 1, *и*)» и т. д.

Толщина диска некоторых зеркал бывает довольно значительной. Иногда на таких зеркалах встречаются орнамент или углубления для

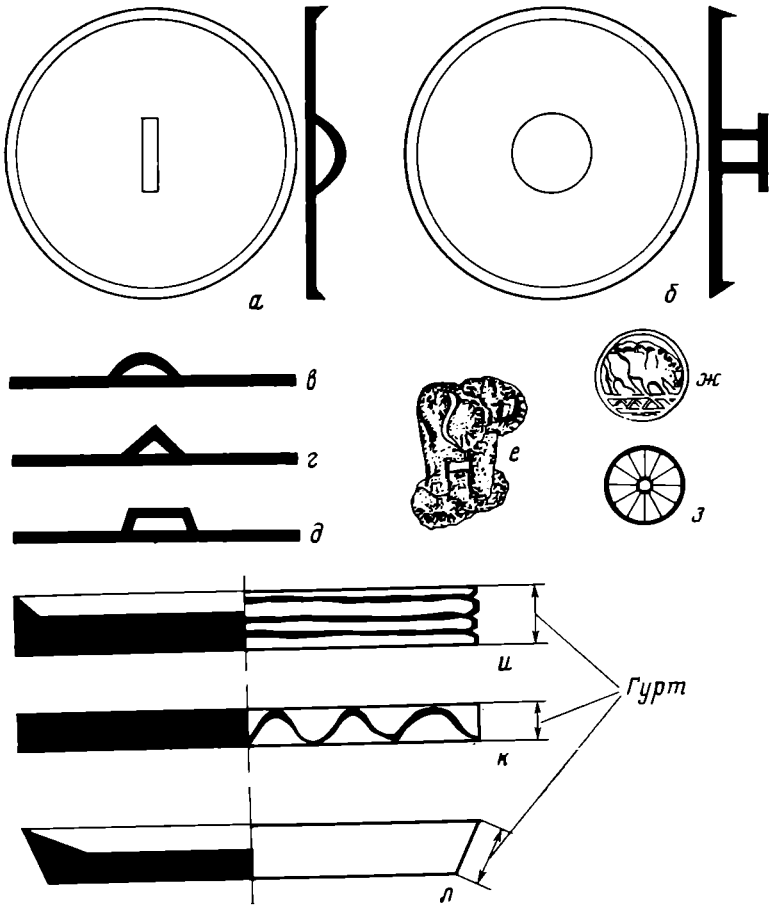


Рис. 2. Название признаков зеркал. *а—д* — формы ручек; *е—з* — формы бляшек; *и—л* — гурт

крепления футляра, расположенные по всей толщине диска. Этот элемент зеркала также имеет различные названия, среди которых встречается термин «торец». Более правильным в таком случае для зеркал был бы термин «торцовая часть» — «поперечная грань чего-либо» [1, т. 4, с. 528], так как торцом называют то, что выставляется (торчит) от поверхности прямо или вбок [1, т. 4, с. 421]. Однако этот элемент зеркала лучше назвать уже применяющимся в нумизматике термином «*гурт*» [2, т. I, с. 481], характеризующим наружную грань диска (рис. 2, *и*, *к*), которая может быть гладкой («*гладкий гурт*»; рис. 2, *л*), орнаментированной («*орнаментированный гурт*»; рис. 2, *к*) или иметь пазы для крепления футляра (рис. 2, *и*). Для дисков с бортиками термином «гурт» определяется вся наружная грань диска, включая и наружную грань бортика (рис. 2, *и*, *л*). Если достоверных сведений о гурте нет, то лучше отметить, что «*гурт не определяется*».

Ручка. Ручкой является «часть предмета, за которую его держат или берут рукой» [2, т. IV, с. 982]. Ручки зеркал, происходящих из скифских памятников, довольно разнообразны по форме и имеют два варианта расположения относительно диска: 1) ручки, исходящие из центра диска и расположенные перпендикулярно к его плоскости (рис. 1, *е*, *и*; 2, *а*, *б*); 2) ручки, исходящие от края диска и расположенные в одной плоскости с ним (рис. 1, *д*; 3, *в*, *е*). К последним относятся и ручки, крепление которых (заклепками или иным способом) требует обязательного наложения на диск.

Введение определения расположения ручки зеркала относительно плоскости, в которой находится диск, связано с довольно частыми терминологическими недоразумениями. При описании зеркал, изображенных на рис. 2, *а*, *б*, встречаются названия ручек «центральная», «боковая», «вертикальная» — такие же, как и в описании зеркал, изображенных на

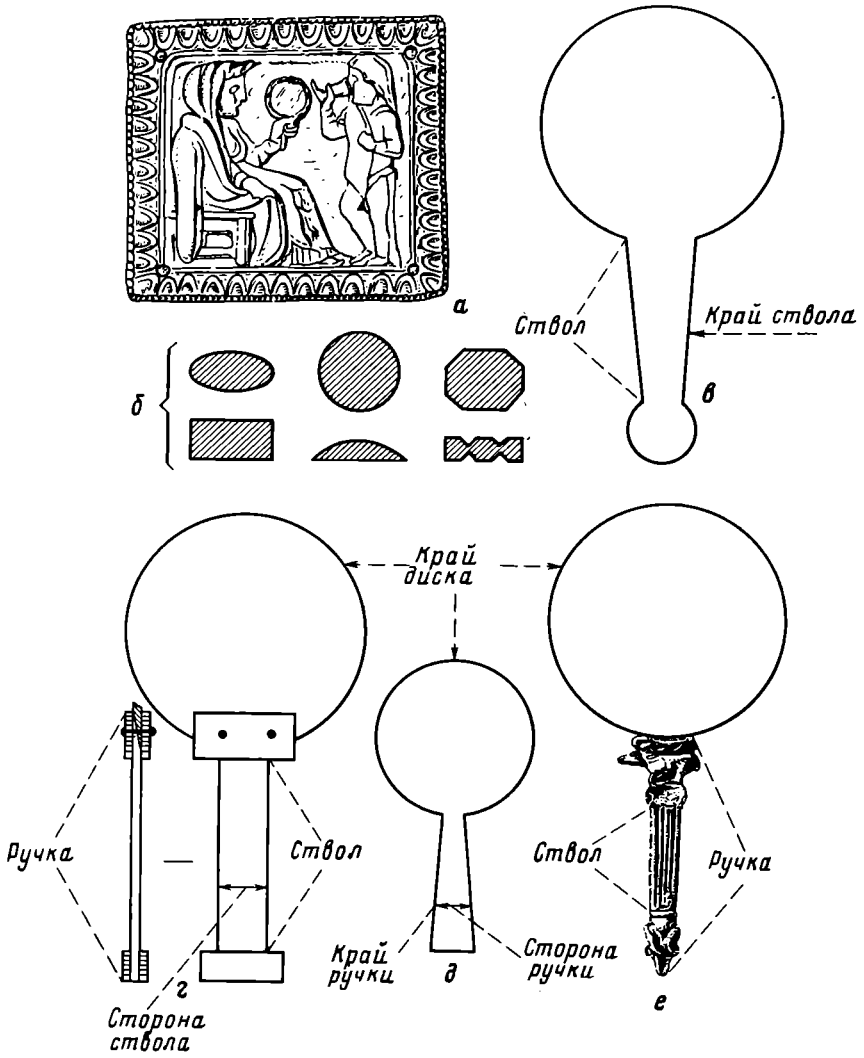


Рис. 3. Боковые ручки зеркал

рис. 3, *в*, *е*: «боковая», «выступающая», «центральная», «вертикальная» ручка. Как видим, сходными терминами характеризуются совершенно различные по форме и расположению ручки. Термин «вертикальная» не подходит ни при характеристике ручек, изображенных на рис. 2 (так как вертикально ручка располагается только тогда, когда зеркало находится «рабочей стороной» вниз или вверх), ни для ручек зеркал, изображенных на рис. 3, поскольку и эти зеркала можно расположить так, что ручка примет горизонтальное положение. То же можно сказать и об определении «выступающая»: все ручки должны выступать, иначе они не могут быть ручками. Термины «центральная» и «боковая» относительно обоих вариантов расположения ручек употребляются, видимо, в зависимости от индивидуального восприятия исследователями «центра» или «бока» зеркала и нередко, особенно при первом знакомстве с этой категорией вещей, не дают правильного представления о рассматриваемом предмете, если нет рисунка. Поэтому лучше условиться, что термин *«центральная ручка»* употребляется только применительно к ручкам зеркал, исходящим из центра диска и расположенным перпендикулярно к его плоскости, а термин *«боковая ручка»* определяет ручки зеркал, исходящие от края диска и расположенные в одной плоскости с ним.

Зеркала, изображенные на рис. 2, имеют ручки, которые служили не только для того, чтобы при употреблении за них держали зеркало, а и для его подвешивания. Эти ручки определяются как «ручки-петельки» (рис. 2, *а*, *в—д*) и «ручки в виде двух столбиков, перекрытых бляшкой» (рис. 2, *б*, *е—з*). Данные определения справедливы [2, т. I, с. 100;

т. III, с. 105; т. IV, с. 327] и, видимо, удовлетворительны, на что указывает отсутствие расхождений по этому поводу в работах по скифской археологии. Ручки-петельки в разрезе, сделанном по линии, проходящей через концы петелек, расположенных на диске, вместе с этой линией образуют форму сегмента (рис. 2, *в*), треугольника (рис. 2, *г*), трапеции (рис. 2, *д*). Ручки в виде двух столбиков, перекрытых бляшкой, имеют столбики, поперечное сечение которых представляет собой прямоугольник, круг и т. п. Форма бляшек различна: кружок с орнаментами (рис. 2, *ж*, *з*) или фигурное изображение (рис. 2, *е*).

Для ручек зеркал, изображенных на рис. 3, в описании встречаются следующие определения: «верхний» или «нижний» конец ручки, «основание» или «торец» ручки и т. д. Для того чтобы в дальнейшем избежать подобных разночтений, связанных с тем, как тот или иной исследователь рассматривает зеркало — вверх или вниз ручкой, следует условиться описывать зеркало, располагая его ручкой вниз так, как оно изображено в руках женского божества на золотых бляшках из скифских курганов Куль-Оба, Чертомлык, Огуз, Носаки и др. [4, табл. II, *4*; 5, с. 234; 6, с. 87, 91, 92; 7, с. 271] (рис. 3, *а*) [2]. Тогда место соединения ручки с диском можно характеризовать как «*верх*» ручки («часть предмета, обращенная к небесам» [2, с. 183]), а противоположную часть как «*конец*». Для определения этой части ручки зеркала как противопоставление слову «верх» следовало бы употребить термин «низ», но этот термин раскрывается также и как «конец предмета, обращенный к земле» [2, т. II, с. 544]. Поэтому, назвав нижнюю часть ручки «концом», мы не совершим терминологического нарушения, а для описания предмета это слово более удобно и благозвучно.

Часть ручки от фигурного украшения ее в месте соединения с диском до фигурного украшения на конце часто называют «*стволом*» ручки. Терминологически это верное определение: «сравнительно с толщиною долгая вещь» [2, т. IV, с. 319], которое позволяет более подробно описывать ручку зеркала (рис. 3, *г*, *е*). Если фигурное украшение на верху (рис. 1, *д*; 3, *в*) или на конце ручки отсутствует, то как «ствол» характеризуется часть ручки без фигурного верха или конца. В том случае, когда ручка не имеет фигурного оформления ни верха, ни конца, «ствол» выделять не следует (рис. 3, *д*), так как этот элемент зеркала определяется только при их наличии или одного из них.

И ствол, и ручка без фигурного оформления верха и конца могут быть «*прямыми*» (рис. 1, *д*; 3, *г*) «*сужающимися*» (рис. 3, *в*, *е*) или «*расширяющимися*» (рис. 3, *д*) к концу. Поперечное сечение ручек имеет форму «*эллипса*», «*круга*», «*восьмиугольника*», «*прямоугольника*», «*сегмента*», «*многоугольника*» (рис. 3, *б*) и другую, что также необходимо указывать. Исследователями выделяются также «*плоские*» ручки, когда их толщина равна или близка толщине диска. Определить форму поперечного сечения таких ручек трудно. Для «плоских» ручек выделяются «*сто́роны*» (их две) и «*края́*» (их два) ствола или всей ручки (рис. 3, *г*).

На «стволе» нередко имеются украшения — гравированные, накладные или отлитые вместе с ручкой. При описании лучше указывать сначала форму ручки и фигуру поперечного сечения, а затем уже орнаментацию.

Ручки часто имеют конец в виде какой-либо фигуры (рис. 3, *в*, *г*, *е*), которую следует называть соответственно ее форме. На рис. 3, *в* конец ручки изображен в виде круглой фигуры, которую в исследованиях по скифской археологии часто называют «щитком», а в работах по изучению античных памятников — «медальоном». Нужно заметить, что ни тот, ни

[2] Для зеркал, встречающихся в позднескифских памятниках, имевших короткую боковую ручку с отверстием для подвешивания, такое расположение тоже вполне оправданно, если они отнесены исследователем к категории «зеркала». Подобные формы часто рассматриваются как зеркала-подвески. Однако при отнесении предметов к той или иной категории лучше исходить из их функциональных возможностей, а не из внешнего облика.

другой термин не определяют форму описываемой фигуры, так как «щиток» — это то, «что служит защитой чему-либо, кому-либо» [2, т. IV, с. 658], а «медальон» — это то, «что тем или иным образом подвешивается» [2, т. II, с. 311]. В описании лучше называть эту часть ручки, как уже отмечалось, в соответствии с ее формой: кружок, овал или близкие к ним фигуры.

Накладки. Верх, ствол и конец ручки нередко имеют накладные детали, служившие для укрепления места соединения ручки и диска, украшения зеркала или для того и другого одновременно. Обычно их называют «накладками», что не вызывает недоразумений, так как этим термином характеризуют «все, что накладывается сверху» [2, т. II, с. 423]. Накладки следует называть соответственно их форме (рис. 1, *д*; 3, *г*).

Футляр — это «коробка, ящик или чехол, куда кладется какая-либо вещь для хранения или предохранения от порчи, повреждений, пыли» [1, т. 4, с. 807].

На основании всего изложенного выше предлагается код[3] для описания зеркал.

А. Диск.

I. Форма. 1. Круг. 2. Овал. 3. Сегмент. 4. Четырехугольник. 5. Неправильная фигура. 6. С выемкой для крепления ручки. 7. С выступом для крепления ручки. 8. Прочие. 9. Не определяется. 10. Утрачен.

II. Конфигурация. 1. Плоский. 2. Выпукло-вогнутый. 3. Плоско-выпуклый. 4. Плоско-вогнутый. 5. Двояковыпуклый. 6. Двояковогнутый. 7. Прочие. 8. Не определяется.

III. Сочетание сторон. 1. Рабочая плоская. 2. Оборотная плоская. 3. Рабочая выпуклая. 4. Оборотная выпуклая. 5. Рабочая вогнутая. 6. Оборотная вогнутая. 7. Прочие. 8. Рабочая сторона не определяется.

IV. Орнамент. 1. Нет и не было. 2. Одинарная плетенка по краю. 3. Двойная плетенка по краю. 4. Точечный по краю. 5. Пуансонный по краю. 6. Концентрические окружности по краю. 7. Мифологические сюжеты по всей стороне. 8. Солярная символика по всей стороне. 9. Концентрические окружности по всей стороне. 10. Прочие. 11. Не определяется.

V. Расположение бортика. 1. Нет и не было. 2. На рабочей стороне. 3. На оборотной стороне. 4. Не определяется. 5. Утолщение от проковки.

VI. Угол наклона бортика. 1. $\angle\alpha=90°$. 2. $\angle\alpha>90°$. 3. $\angle\alpha<90°$. 4. $\angle\beta=90°$. 5. $\angle\beta>90°$. 6. $\angle\beta<90°$.

VII. Форма сечения бортика. 1. Треугольник. 2. Трапеция. 3. Сегмент. 4. Прямоугольник. 5. Неправильная фигура. 6. Прочие. 7. Не определяется.

VIII. Гурт. 1. С продольными пазами. 2. Орнаментированный. 3. Гладкий. 4. Не определяется.

Б. Ручка

I. Характеристика ручки. 1. Нет и не было. 2. Центральная ручка-петелька. 3. Центральная, в виде двух столбиков, перекрытых бляшкой. 4. Боковая. 5. Прочие. 6. Утрачена. 7. Не определяется.

II. Форма ручки-петельки. 1. Сегмент. 2. Треугольник. 3. Трапеция. 4. Прямоугольник. 5. Неправильная фигура. 6. Прочие. 7. Не определяется.

III. Форма бляшки. 1. Круг. 2. Овал. 3. Неправильная фигура. 4. Фигурка животного. 5. Прочие. 6. Не определяется.

IV. Орнамент на бляшке. 1. Нет и не было. 2. Многолучевая розетка. 3. Фигурка животного. 4. Прочие. 5. Не определяется.

V. Форма сечения столбиков. 1. Круг. 2. Овал. 3. Квадрат. 4. Неправильная фигура. 5. Прочие. 6. Не определяется.

---

[3] Пользуюсь случаем выразить глубокую признательность Г. Ф. Никитиной и И. С. Каменецкому за помощь в работе над кодом.

VI. Форма фигурного верха. 1. Нет и не было. 2. Овал. 3. Сегмент. 4. Трапеция. 5. Прямоугольник. 6. Неправильная фигура. 7. Фигура лежащего оленя. 8. Фигурка лежащего кабана. 9. Прочие. 10. Не определяется.

VII. Орнаментация фигурного верха. 1. Нет и не было. 2. Фигурка животного. 3. Розетки. 4. Пальметы. 5. Прочая. 6. Не определяется.

VIII. Форма ствола (или ручки, когда ствол не выделяется). 1. Прямая. 2. Сужающаяся к концу. 3. Расширяющаяся к концу. 4. Расширяющаяся в центральной части. 5. Сужающаяся в центральной части. 6. Фигурка человека. 7. Прочие. 8. Не определяется.

IX. Форма поперечного сечения боковой ручки в центральной (или сохранившейся) части. 1. Эллипс. 2. Круг. 3. Восьмиугольник. 4. Прямоугольник. 5. Многоугольник. 6. Неправильная фигура. 7. Прочие. 8. Не определяется.

X. Орнаментация ствола (или ручки, когда ствол не выделяется). 1. Нет и не было. 2. Фигурка человека[4]. 3. Цветок. 4. Утолщение по краю. 5. Точки по краю. 6. Пуансон по краю. 7. Прочие. 8. Не определяется.

XI. Форма фигурного конца. 1. Нет и не было. 2. Круг. 3. Овал. 4. Сегмент. 5. Ромб. 6. Головка барана. 7. Фигурка стоящего животного. 8. Неправильная фигура. 9. Прочие. 10. Не определяется.

XII. Орнаментация фигурного конца. 1. Нет и не было. 2. Горгонейон. 3. Крылатый сфинкс. 4. Многолепестковая розетка. 5. Утолщение по краю фигуры. 6. Точки по краю фигуры. 7. Пуансон по краю фигуры. 8. Прочие. 9. Не определяется.

XIII. Материал боковой ручки. 1. Железо. 2. Бронза. 3. Дерево. 4. Кость. 5. Прочие. 6. Не определяется.

XIV. Способ соединения боковой ручки с диском. 1. Ручка — одно целое с диском. 2. Заклепки. 3. Штырь и паз. 4. Прочие. 5. Не определяется.

В. Накладки.

I. Расположение. 1. Верх. 2. Ствол. 3. Конец. 4. Прочее. 5. Не определяется.

II. Форма. 1. Фигурка животного. 2. Ромб. 3. Овал. 4. Четырехугольник. 5. Неправильная фигура. 6. Прочие. 7. Не определяется.

III. Орнамент. 1. Нет и не было. 2. Розетки. 3. Пальметы. 4. Прочие. 5. Не определяется.

IV. Материал. 1. Кость. 2. Серебро. 3. Золото. 4. Бронза. 5. Прочие. 6. Не определяется.

Г. Футляр

I. Наличие. 1. Есть. 2. Нет. 3. Не определяется.

Д. Параметры

I. Диск. 1. D — диаметр круглого диска. 2. L — размер диска по оси, совпадающей с осью расположения ручки (для зеркал, ручка которых расположена перпендикулярно к плоскости, в которой находится диск, такой осью является ось расположения концов петли или столбиков) — в дальнейшем ось AB (рис. 4, *1*; 5, *1*); для некруглых форм. 3. L_1 — размер диска по оси, перпендикулярной к оси расположения ручки — в дальнейшем ось CД (рис. 4, *1*; 5, *1*); для некруглых форм. 4. d — диаметр стороны, на которой расположен бортик (для круглого диска). 5. l — размер по оси AB — стороны, на которой расположен бортик (для некруглых форм). 6. l_1 — размер по оси CD — стороны, на которой рас-

[4] При характеристике изображения человеческих фигур на ручках зеркал лучше не перегружать исследование определениями «Афродита», «Аполлон» без их специального изучения и обоснования.

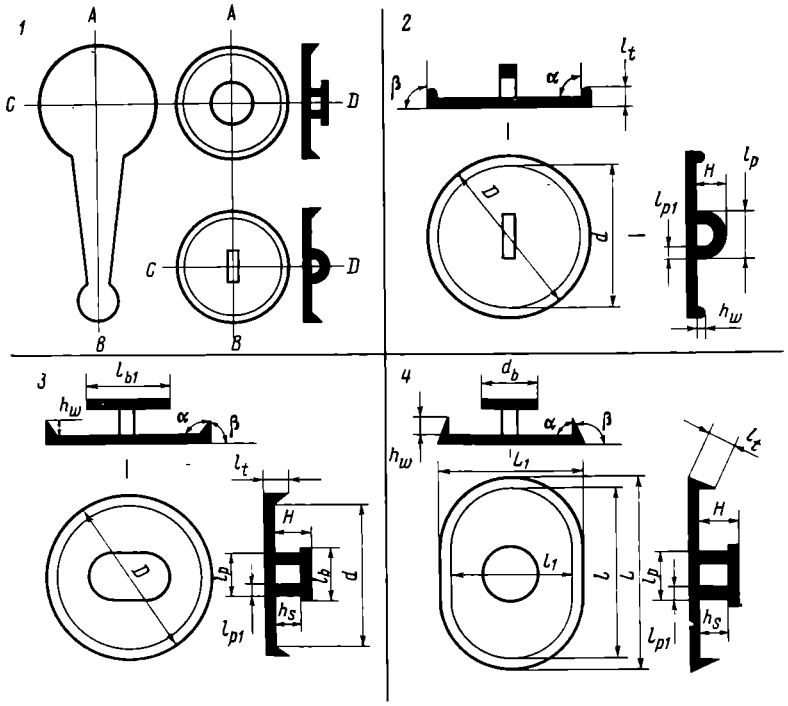


Рис. 4. Параметры зеркал с центральной ручкой

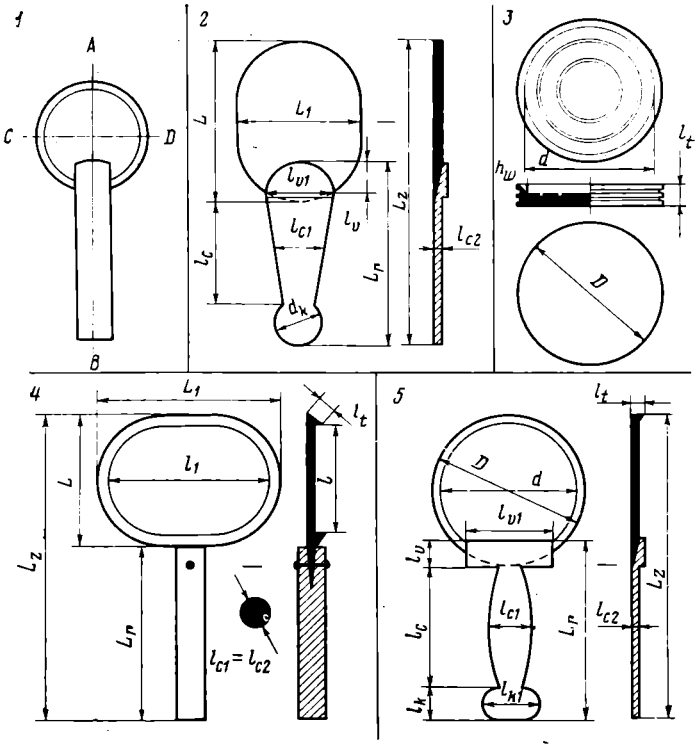


Рис. 5. Параметры зеркал с боковой ручкой и без ручки

положен бортик (для некруглых форм). 7. h_w — высота бортика. 8. l_t — размер гурта.

II. Ручка-петелька и ручка в виде двух столбиков, перекрытых бляшкой. 1. H — общая высота ручки (по оси, перпендикулярной к оси AB и проходящей через самую высокую точку). 2. l_p — размер ручки в месте соединения ее с диском (по оси AB). 3. l_{p1} — размер концов петельки или столбиков в месте соединения с диском (по оси AB). 4. d_b — диаметр круглой бляшки. 5. l_b — размер бляшки по оси AB

(для бляшек иной формы). 6. l_{b1} — размер бляшки по оси CD (для бляшек иной формы). 7. h_s — высота столбиков.

III. Боковая ручка. 1. L_r — общий размер ручки по оси AB. 2. l_v — размер фигуры верха ручки (по оси AB). 3. l_{v1} — размер фигуры верха ручки (по оси, параллельной оси CD). 4. l_c — размер ствола по оси AB. 5. l_{c1} — размер центральной части ствола (или ручки, когда ствол не выделяется) по оси, параллельной оси CD. 6. l_{c2} — толщина ствола (или ручки, когда ствол не выделяется). 7. d_k — диаметр круглой фигуры на конце ручки. 8. l_k — размер фигуры (по оси AB) на конце ручки. 9. l_{k1} — размер фигуры (по оси, параллельной оси CD) на конце ручки. 10. L_z — общий размер зеркала по оси AB (особенно для составных зеркал).

Фиксация материала при наличии единой терминологии (словаря признаков) для такого немассового объекта, как зеркала, даст возможность в дальнейшем перейти к формализации без излишних затрат времени на сбор материала, выяснение адекватности наименований, а порой и их объяснения (например, относительно терминов «подтреугольная» или «подквадратная» форма удалось выяснить только то, что в эти определения вкладывается всегда различный смысл, но, что это за форма, осталось неясно; по рисункам это всегда различные формы).

В табл. 1. в графе «зеркало» индексами «з-1» — «з-5» обозначены условные предметы. Названия признаков обозначены римскими цифрами, арабскими цифрами — варианты соответствующих признаков. Ниже приводится словесное описание соответствующих зеркал[5].

Зеркало «з-1» (рис. 4, *2*) — круглый, плоский диск с полуовальным в сечении бортиком, расположенным перпендикулярно к диску. Бортик и центральная ручка-петелька[6] в виде полуовала — на одной стороне. Гурт гладкий.

Зеркало «з-2» (рис. 4, *3*) — круглый, плоский диск с треугольным в сечении бортиком ($\angle\alpha>90°$; $\angle\beta=90°$). Бортик и центральная ручка в виде двух (круглых в сечении) столбиков, перекрытых овальной бляшкой,— на одной стороне. Гурт гладкий.

Зеркало «з-3» (рис. 5, *2*) — овальный, плоский диск (рабочая сторона не определяется). Гурт гладкий. Верх боковой плоской ручки (бронза) имеет вид сегмента; ствол сужается к концу; конец — кружок. Способ крепления диска и ручки не определяется.

Зеркало «з-4» (рис. 5, *4*) — овальный, плоский диск с выступом для крепления ручки и треугольным в сечении бортиком ($\angle\alpha=90°$, $\angle\beta>90°$). Гурт гладкий. Ручка боковая (дерево) круглая в сечении. Способ крепления ручки и диска — заклепка.

Зеркало «з-5» (рис. 5, *3*) — круглый, плоский диск с треугольным в сечении бортиком, расположенным ($\angle\alpha>90°$; $\angle\beta=90°$) на стороне, имеющей орнамент (концентрические окружности) по всей поверхности. Гурт с двумя продольными пазами.

Данные о предложенных выше параметрах лучше давать после описания, в скобках.

Указание в отчетах и публикациях приведенных выше замеров даст возможность детального изучения материала, который, к сожалению, не всегда бывает доступен. Увеличение числа измерений по сравнению с имеющимися (всегда различными) в археологической литературе может показаться существенным усложнением работы. Однако это не так. Обратимся к условным зеркалам «з-1» — «з-5», описание которых приводилось выше. Зеркало «з-1» имеет 7 параметров, зеркала «з-2», «з-3», «з-4» — по 10 параметров и зеркало «з-5» — 4 параметра. На первый

---

[5] При словесном описании точно фиксируемое отсутствие («нет и не было») каких-либо элементов (бортика, ручки, орнамента) можно не указывать, но если достоверных данных об этом нет, то необходимо дать сведения о том, что тот или иной признак «не определяется».

[6] Подобная ручка, как уже отмечалось, определяет сторону, на которой она расположена, как «оборотную», поэтому в словесном описании это можно не указывать.

Описание зеркал по коду

Таблица 1

Зеркало	А. Диск								Б. Ручка						
	форма	конфигурация	сочетание сторон	орнамент	расположение бортика	угол наклона бортика	форма сечения бортика	гурт	характеристика	форма петельки	форма бляшки	орнамент на бляшке	форма сечения столбиков	форма фигурного верха	орнаментация фигурного верха
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	I	II	III	IV	V	VI	VII
з-1	1	1	1; 2	1	3	1; 4	6	3	2	6					
з-2	1	1	1; 2	1	3	2; 4	1	3	3		2	1	1		
з-3	2	1	8	1	1			3	4					3	7
з-4	2; 7	1	8	1	4	1; 5	1	3	4					1	
з-5	1	1	1; 2	9	3	2; 4	1	1	1						

Зеркало	Б. Ручка							В. Накладки				Г. Футляр
	форма ствола (или ручки, когда ствол не выделяется)	форма поперечного сечения боковой ручки	орнаментация ствола (или ручки, когда ствол не выделяется)	форма фигурного конца	орнаментация фигурного конца	материал боковой ручки	способ соединения боковой ручки с диском	расположение	форма	орнамент	материал	наличие
	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	I	II	III	IV	I
з-1												
з-2												
з-3	2	7	8	2	9	2	4					
з-4	1	2	1	1		3	2					
з-5												

Зеркало	Д. Параметры, см																									
	I. Диск								II. Ручка-петелька и ручка в виде двух столбиков, перекрытых бляшкой							III. Боковая ручка										
	D	L	L_1	d	l	l_1	h_w	l_t	H	l_p	l_{p_1}	d_b	l_b	l_{b_1}	h_s	L_r	l_v	l_{v_1}	l_c	l_{c_1}	l_{c_2}	d_k	l_k	l_{k_1}	L_z
	1	2	3	4	5	6	7	8	1	2	3	4	5	6	7	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
з-1	6,1			5,2			0,3	0,7	1	1,7	0,4														
з-2	6,2			5,3			0,6	0,9	1,3	1,7	0,5		2	3,1											
з-3		6,3	4,8													7,2	1,3	2,7	4,1	2	0,4	1,8			12
з-4		5,4	7,2		4,3	5,3	0,3	0,7								7,1					1,3	1,3			12,3
з-5	5,3			5,1			0,4	0,8																	

взгляд действительно много, но следует заметить, что количество условных признаков этих зеркал намеренно увеличено, чтобы сократить число примеров описания. В действительности количество измерений не превышает определения пяти-шести параметров для одного зеркала. Может возникнуть стремление часть указанных параметров опустить, поскольку, например, $L_z=D+L_r$, т. е., зная диаметр диска (D) и длину ручки (L_r), легко вычислить размер продольного сечения зеркала, его длину (L_z). Однако дополнительное измерение позволит и автору проверить себя, а в случае, если где-то допущена ошибка, найти ее. Иногда приходится сталкиваться с такими сведениями: «Длина зеркала — 37 см; диаметр диска — 20 см; длина ручки — 15 см». Причем неточные размеры (20 и 15 в сумме никак не могут равняться 37) приведены, когда и диск (круглый), и ручка (накладывается на диск) хорошей сохранности.

Описание зеркал с указанием предлагаемых параметров позволит реконструировать утраченные экземпляры и восстановить «nomina» случайно депаспортизованных предметов.

Код составлен таким образом, что дополнение его возможно не только в группах «признаки» (I, II, III ...) и «варианты» (1, 2, 3...), но и в группе, объединяющей «основную деталь» зеркала — диск и «вспомогательные детали», куда помимо ручек, накладок могут быть включены крышки и футляры с последующим разделением на признаки и варианты признаков. Футляры в скифских памятниках плохо сохраняются, поэтому код составить пока не удалось.

Хотелось бы остановиться на определениях целых форм зеркал, происходящих из скифских памятников. Так, для зеркала, схематично представленного на рис. 3, *в*, встречаются следующие определения: «дисковидное», «плоское», «куль-обский тип», «пелопоннесское» и т. п. Для характеристики формы таких зеркал, как «дисковидные», нет оснований, так как все они имеют ручку. Подобный термин уместен при описании зеркал, появившихся в скифских памятниках в IV в. до н. э., у которых ручки нет и не было. То же можно сказать и о термине «плоские» зеркала, поскольку некоторые из них действительно имеют плоский диск, хотя есть экземпляры и с выпукло-вогнутым диском. Отнесение таких зеркал к «куль-обскому» типу не правомерно, поскольку в подобный тип могут входить только зеркала, аналогичные куль-обскому или максимально приближенные к нему по форме и орнаментации.

В «пелопоннесскую группу» эти зеркала выделены по месту их первоначального нахождения [8, с. 39]. Данный термин может быть применен и к подобным зеркалам из скифских памятников, но при этом нужно помнить, что речь идет не о месте производства этих зеркал, а о названии группы, характеризующейся единой формой.

Зеркала, имеющие диск с бортиком, многореберный ствол и зооморфные изображения в верху и на конце ручки (рис. 3, *е*), в археологической литературе получили название «ольвийские» или «скифские». Термин «ольвийские» применительно к этой группе зеркал появился, видимо, в силу того, что наибольшее их количество первоначально было обнаружено в Ольвии [9, с. 28]. Однако этим термином называются иногда и иные по форме зеркала, обнаруженные в ольвийском некрополе.

Название «скифские» было дано этим зеркалам, видимо, из-за наличия зооморфных изображений на ручке, отдельные элементы которых близки к «скифскому звериному стилю». Строгого доказательства о принадлежности их скифам не было сделано. В скифских могилах подобные зеркала встречаются редко, причем часть из них в настоящее время депаспортизована. На скифской территории обнаружено больше случайных находок, так что установить «этническую» принадлежность памятников, из которых они происходят, не представляется возможным. Подобные зеркала встречаются не только в Ольвии и Скифии, но и на восточной территории — до Урала [10, с. 51, 52] и в памятниках Балкано-Карпатского региона [11, с. 35]. Однако пока неизвестно ни од-

ного памятника, который содержит такое же количество подобных зеркал, как ольвийский некрополь, поэтому объединение их в группу под условным названием «ольвийские» возможно, но в таком случае необходимо постоянно помнить, что это название характеризует только общие черты формы.

Зеркала, имеющие бортик и ручку-петельку или ручку, состоящую из двух столбиков, перекрытых бляшкой (рис. 2, *а*, *б*), часто относят к зеркалам «сибирского» типа или группы. Однако экземпляры из скифских памятников отличаются и от зеркал, обнаруженных на территории Сибири, по наличию бортика, и друг от друга — по форме ручки. При этом зеркала, ручка которых состоит из двух столбиков, перекрытых бляшкой, имеют иное, чем «сибирские» экземпляры, количество столбиков и форму бляшки. Подобные зеркала встречаются на обширной территории в довольно незначительном количестве для отдельных регионов, объединять их в какую-то одну группу нет оснований. Поэтому от употребления термина «сибирский» тип или группа для рассматриваемых зеркал из скифских памятников лучше воздержаться.

Замечу, что определение названия групп зеркал по месту их первоначального нахождения не совсем справедливо. Оно имеет определенную дезинформацию, следствием которой по мере забывания обстоятельств возникновения таких названий являются дискуссии о месте производства, этнической принадлежности и т. д., тогда как подобные вопросы должны решаться на уровне металлографических исследований и других работ. Визуальные наблюдения решить задачи такого рода пока не могут.

Применение единой терминологии избавит от необходимости преждевременного отнесения зеркал к той или иной группе и поиска названия для этой группы при описании. Предлагаемая унифицированная терминология применима не только для зеркал, обнаруженных в скифских памятниках, но и для аналогичных и близких форм зеркал других регионов и культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь русского языка. Т. 1—4. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1957—1961.
2. *Даль В.* Толковый словарь. Т. I—IV. М.: Рус. яз., 1978—1980.
3. *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры.— САИ, 1963, вып. Д1-10.
4. *Ростовцев М. И.* Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре.— ИАК, 1913, вып. 49.
5. *Болтрик Ю. В.* Исследование кургана Огуз.— АО — 1980. М., 1981.
6. *Бидзиля В. И., Болтрик Ю. В., Мозолевский Б. Н., Савовский Н. П.* Курганный могильник в уроч. Носаки.— В кн.: Курганные могильники Рясные могилы и Носаки. Киев: Наук. думка, 1977.
7. *Макаренко Н. Е.* Первый Мордвиновский курган.— Гермес, 1916, т. 19, № 12.
8. *Билимович З. А.* Греческие бронзовые зеркала Эрмитажного собрания.— Тр. ГЭ, 1976, т. XVII.
9. *Граков Б.* Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну і класичну епохи? — Археологія, 1947, № 1.
10. *Членова Н. Л.* Предыстория «Торгового пути Геродота» (от Северного Причерноморья на Южный Урал). СА, 1983, № 1.
11. *Parducz M.* Probleme der Skythenzeit im Karpatenbecken.— AAH, 1973, t. XXV, fasc. 1—2.

T. M. Kuznetsova

TERMS USED TO DESCRIBE MIRRORS FOUND IN SCYTHIAN SITES

Summary

The author undertakes unification of varied archaeological terms used to describe mirrors from scythian burials of the 6th-3rd centuries B. C. and their parts. She also offers some designations of sizes embracing the minimal number of measurements. The article contains a glossary of features and a code applicable to descriptions of mirrors from Scythian sites and of analogous mirror shapes and forms of other cultural and regional affiliations.

Б. Ю. МИХЛИН

О ХАРАКТЕРЕ ПОЗДНЕСКИФСКОЙ СЕМЬИ

Марксистско-ленинская наука рассматривает семью как ячейку общества, в силу чего выяснение характера семьи в конкретном древнем обществе является необходимым элементом его социально-экономической характеристики. Сказанное в полной мере относится и к скифской семье. Однако скудость письменных источников и специфика археологических материалов [1, с. 60] затрудняют полное освещение данного вопроса. В литературе можно встретить различные, довольно многочисленные и порой противоположные точки зрения на характер скифской семьи раннего времени (VII—III вв. до н. э.) [2, с. 495, 496; 3, с. 72, 73; 4, с. 11—15, 19, 20; 5, с. 57, 61—63; 6, с. 34; 7, с. 77, 78; 8, с. 35—38; 9, с. 63 сл.; 10, с. 146—148; 11, с. 55—98]. Гораздо меньше внимания уделялось позднескифской семье (III в. до н. э.— III в. н. э.), но и здесь мнения исследователей далеко не однозначны. Так, Т. Н. Троицкая полагает, что подкурганные погребения, содержавшие большое количество скелетов (Тавельские курганы, кург. 2 в бывш. имении Черкеса, кург. 1 в бывш. имении Пастака) являются фамильными или даже родовыми кладбищами [12, с. 97, 98, 109, 110]. А. М. Хазанов первоначально предполагал, что большая семья у поздних скифов подверглась разложению и из нее начали выделяться малые семьи [13, с. 28 сл.].

Единственная специальная работа, посвященная интересующему нас вопросу, выполнена Д. С. Раевским на материалах могильника Неаполя. По мнению исследователя, «основной ячейкой позднескифского общества следует, видимо, признать „неразделенную семью", включающую два последовательных поколения. Наряду с ней существовали уже и малые семьи» [1, с. 65][1]. При этом мавзолей Неаполя рассматривается как усыпальница большой семьи, что Д. С. Раевский связывает с замедленностью процесса разложения большесемейной общины в аристократической среде [1, с. 67].

Выводы Д. С. Раевского были подвергнуты критике А. М. Хазановым, который отказался от своих прежних взглядов [11 с, 63—67, 72]. Соглашаясь в целом с определением скифских коллективных погребений как семейных, он полагает, что имеющиеся материалы не позволяют уверенно определять тенденцию развития семьи. Наиболее вероятными А. М. Хазанову представляются какие-то формы расширенной семьи. Заметим, что критические замечания А. М. Хазанова в основном направлены против некоторых методических сторон работы Д. С. Раевского, а также против излишней конкретизации им форм позднескифской семьи. В целом же выводы Д. С. Раевского и А. М. Хазанова достаточно близки, так как неразделенная семья, состоящая из двух поколений брачных пар, является по сути одной из форм расширенной семьи (ограниченно-расширенная) [11, с. 64, 278]. Основное различие во взглядах этих исследователей заключается скорее в понимании общей тенденции развития скифской семьи. Если точка зрения Д. С. Раевского традиционна, то А. М. Хазанов полагает, что в связи с процессом седентаризации у поздних скифов происходит укрепление и рост семейных связей.

[1] О термине «неразделенная семья» см. [14, с. 42, 43].

Со времени выхода работы Д. С. Раевского появились новые значительные материалы. Так, в 1979 г. О. Д. Дашевской были в основном закончены многолетние исследования Беляусского могильника (III в. до н. э.— I в. н. э.) [15, с. 268][2]. Т. Н. Высотская изучила столь же крупный некрополь Усть-Альминского городища I в. до н. э.— III в. н. э. [16, с. 245—247; 17, с. 360; 18, с. 79—85; 19, с. 257; 20, с. 315; 21, с. 309][3]. Т. М. Арсеньева опубликовала материалы исследованного ею Ново-Отрадненского могильника (I в. до н. э.— II в. н. э.), а М. И. Вязьмитина — Золотобалковского (конца I в. до н. э.— начала II в. н. э.) [22, с. 82 сл.; 23]. Все эти памятники принадлежат рядовому скифскому населению и лишены специфики, свойственной Неапольскому могильнику как городскому, а тем более столичному [11, с. 63]. Имеющиеся данные позволяют если и не решить окончательно вопрос о характере позднескифской семьи, то хотя бы проверить на новых материалах выводы наших предшественников.

Безусловно, определяющее значение для суждения о характере позднескифской семьи имел бы анализ половозрастного состава погребенных в склепах. Однако получить такие данные даже при в общем хорошей сохранности антропологического материала для всех погребенных в одном склепе, как правило, не удается. Затрудняют анализ и недостаточно узкие даты склепов. И все же один удовлетворяющий этим требованиям случай имеется — это беляусский склеп 20. Из четырех найденных в нем скелетов три принадлежали похороненным последовательно мужчинам в возрасте 50—60, 55—65 и 35—45 лет, а четвертый (последний погребенный) — подростку[4]. Все погребения совершены в течение узкого промежутка времени: конец II — начало I в. до н. э. [24, с. 201—204]. Таким образом, двое первых погребенных мужчин приблизительно одного возраста вряд ли могут быть отцом и сыном, а скорее являются братьями, т. е. налицо погребение представителя боковой ветви семьи.

Для одного неапольского склепа Д. С. Раевским сделан демографический расчет. Попробуем применить ту же методику. Например, в беляусском склепе 138 оказалось 18 погребенных [25, с. 45—50]. Из них восемь женщин, четверо мужчин, двое младенцев и четверо взрослых, пол которых не определен. В целом склеп относится к I в. до н. э.— I в. н. э., но уже погр. VI (среди предыдущих погребенных — оба ребенка) датируется временем не ранее рубежа эр по серебряной серьге с петлей и крючком. Это позволяет полагать, что в I в. до н. э. рассматриваемый склеп использовался сравнительно недолго. Среди инвентаря последнего погр. XVIII оказалась железная «лучковая» фибула первого варианта [24, с. 205, 213, рис. 7, *11*], т. е. погребение совершено в пределах первой половины I в. н. э. Следовательно, склеп использовался около 100 лет, однако чтобы уменьшить возможную ошибку, возьмем срок в 150 лет. Тогда, при длине поколения в 25 лет[5], в склепе должно быть

---

[2] Пользуюсь случаем выразить признательность О. Д. Дашевской, предоставившей возможность привлечь неопубликованные материалы ее раскопок.

[3] Я благодарен Т. Н. Высотской, любезно сообщившей мне необходимые дополнительные данные по Усть-Альминскому могильнику.

[4] Антропологические определения выполнены Т. С. Кондукторовой (Научно-исследовательский институт и музей антропологии при МГУ). Обоснование датировки большинства склепов Беляусского могильника вкратце приведено в [24, с. 211—213].

[5] Принимаю эту величину вслед за Д. С. Раевским [1, с. 65], но нужно ее дополнительно обосновать. Как известно, длина поколения во многом зависит от уровня смертности в детском возрасте [26, с. 45; 27, с. 138]. На основании полностью раскопанных могильников эпохи меди — бронзы В. П. Алексеев определяет длину поколения как колеблющуюся в пределах 20—25 лет (ближе к 20), полагая, что она не могла значительно измениться и в более позднее время [28, с. 15, 19]. При этом уровень смертности в детском возрасте для этих могильников, исключительно высок — 77, 148, 157, 161% (от числа взрослых). У населения Беляуса смертность в детском возрасте хотя и велика, но все же много ниже этих цифр: приблизительно 50% от числа взрослых или около трети от общего числа погребенных (398 взрослых и 250 детей и подростков, но еще не менее 100—110 взрослых должно было быть, судя по средним для могильника величинам, в 11 ограбленных камерах; см. прим. 8). Очень близкое соотношение определено Т. С. Кондукторовой

всего шесть брачных пар, или 12 погребений взрослых. Даже при явно завышенном сроке использования в склепе имеются четыре «лишних» погребения взрослых[6], которых, вероятно, также следует трактовать как представителей боковых линий. Аналогичным образом мы выявили «лишних» погребенных в ряде других беляусских склепов: в северной камере склепа 1 их оказалось 14, а в южной — 4. Последняя цифра получается и при вычислениях, сделанных для склепов 12, 34 и 53. Пять и два таких погребения оказались соответственно в склепах 2 и 90. Подобные примеры можно найти в Неаполе скифском, где в склепе 75 совершено 29 погребений, включая детские, в течение 200 лет (I в. до н. э.— I в. н. э.), а в склепе 96 имеется 21 погребение примерно за 150 лет (вторая половина I — первая половина II в. н. э.). Близкий результат получаем и для большого погребения в кургане 1949 г., где имелось 30 погребенных в течение приблизительно 150 лет (конец I в. до н. э.— I в. н. э.). Еще более очевидные цифры получаются при анализе ряда склепов Усть-Альминского могильника (табл. 1). Приведенную нами серию можно было бы продолжить, особенно за счет упоминавшихся выше подкурганных могил с большим числом захоронений. Какому типу семьи соответствуют эти данные?

Форма неразделенной семьи, ограниченной двумя поколениями брачных пар, выделена М. А. Бикжановой и О. А. Сухаревой на узбекских материалах [30, с. 173—178; 31, с. 9, 23—26]. Н. А. Кисляков, на которого ссылается Д. С. Раевский, использует этот термин с оговорками и крайне осторожно, справедливо полагая, что даже в большой патриархальной семье три женатых поколения по чисто биологическим причинам встречались весьма редко [32, с. 22, 23]. Добавим, что для древних обществ с их низкой продолжительностью жизни это утверждение еще более справедливо. Таким образом, выделение этой промежуточной формы семьи на археологическом материале без прямых наблюдений выглядит неубедительно.

Попробуем подойти к нашему вопросу с другой стороны. Д. С. Раевский рассматривает участок некрополя Неаполя, раскопанный в 1956—1958 гг., как некрополь патронимии [1, с. 66]. Эта мысль представляется плодотворной. Вероятно, едиными патронимиями являлись и поселения типа Беляуса позднескифского периода. Будучи объединены общностью происхождения, хозяйственной взаимопомощью, солидарностью и общими культовыми представлениями, патронимии на разных этапах состояли из различного числа больших, больших и малых или только малых семей [14, с. 102 сл.]. В Беляусском некрополе могилы (свыше 170) расположены достаточно компактно, но при этом заметны их отдельные группы, разделенные полосами свободного пространства шириной от 5—10 до 15—20 м [33, рис. 1]. Наиболее четко просматриваются четыре таких участка: восточный, юго-восточный, центральный и северо-западный[7]. На каждом участке имеется от пяти до восьми склепов[8] с погребениями взрослых, два—четыре склепа с погребениями подрост-

---

для могильника Николаевка-Казацкое [29, с. 25]. В свете этих данных принятая длина поколения представляется наиболее близкой к действительной.

[6] У жителей Беляуса отдельное захоронение детей в специальных детских склепах или подбоях являлось правилом с незначительными исключениями. Поэтому расчет количества поколений (брачных пар) должен проводиться только для взрослых погребенных. В Неаполе скифском детей очень часто хоронили отдельно. Крайне редко встречаются детские погребения во «взрослых» склепах Усть-Альминского могильника (максимум 5 на 46 взрослых в могиле 92).

[7] В центральной части могильника, возможно, имеются еще два участка, но границы их выделяются не столь четко, и будет осторожнее их в дальнейшем не рассматривать.

[8] На некоторых участках в это число входят один-два ограбленных склепа, где число погребенных точно не устанавливается. Подсчет по всем неограбленным склепам могильника показал, что в среднем на камеру приходится 10—11 погребенных. Поэтому сталкиваясь с ограбленным склепом, мы условно добавляли к числу погребенных на участке 10 человек. Это, вероятно, минимальное число, так как, по наблюдениям О. Д. Дашевской [33, с. 17, 18], ограблению подверглись самые большие склепы.

Таблица 1

Позднескифские погребальные памятники с большим числом захоронений (свыше 16)

№ п. п.	Памятник	Дата	Общее число погребенных	Число детей	Число взрослых представителей боковых линий
1	Беляус, земляной склеп 1, южная камера	Середина II – I в. до н. э.	20		Не более 4
2	Там же, северная камера	Середина II – I в. до н. э.	30		14
3	Беляус, земляной склеп 53	Конец II в. до н. э.– начало I в. н. э.	20	2	6
4	Там же, земляной склеп 138	I в. до н. э.– первая половина I в. н. э.	18	2	4
5	Чайка (Заозерное), кург. 38, каменный склеп	Конец II в. до н. э.– I в. н. э.	28	6	Не более 6
6	Курцы (Украинка), курган 1890 г., каменный ящик	I – II вв. н. э.	До 20	?	Не более 4
7	Неаполь, земляной склеп 75	I в. до н. э.– I в. н. э.	29	?	Не более 12
8	Там же, земляной склеп 77	Первая половина I – II в. н. э.	19	1	
9	Там же, земляной склеп 79	I в. до н. э.– II в. н. э.	27	?	Не более 4–6
10	Там же, земляной склеп 96	Вторая половина I – первая половина II в. н. э.	21	?	Не более 13
11	Там же, курган 1949 г., большое погребение	Конец I в. до н. э.– I в. н. э.	30	?	Не более 18
12	Пастака бывш. имение (совх. «Красный»), кург. 1	II – I вв. до н. э.	Более 100	?	
13	Тавель (Краснолесье), кург. 1	Конец II в. до н. э.– I в. н. э.	Около 100	?	
14	Там же, кург. 2	Конец II в. до н. э.– I в. н. э.	Около 100	?	
15	Усть-Альминский могильник, земляной склеп 43	I в. до н. э.– II в. н. э.	52	3	25
16	Там же, земляной склеп 51	I в. до н. э.– I в. н. э.	40	4	20
17	Там же, земляной склеп 54	I в. до н. э.– I в. н. э.	30	4	10
18	Там же, земляной склеп 62	II – III вв. н. э.	33	1	16
19	Там же, земляной склеп 88	I – II вв. н. э.	23	3	4
20	Там же, земляной склеп 92	Рубеж эр – I в. н. э.	51	5	38
21	Там же, земляной склеп 120	I – II вв. н. э.	21	1	4
22	Там же, земляной склеп 125	Вторая половина I – первая половина III в. н. э.	24	2	6
23	Там же, земляной склеп 138	I в. н. э.	28	2	18
24	Черкеса бывш. имение (окраина Симферополя), кург. 2, 1895 г.	Середина III в. до н. э.– I в. н. э.	173	?	

ков и различное число маленьких подбоев и ям с погребениями детей младшего возраста. Прочие погребальные сооружения единичны. Подобные участки не являются особенностью только Беляусского могильника и могут быть сопоставлены с отдельными компактными группами курганов в составе больших скифских могильников предшествующего времени, например, Никопольского, у сел Широкое и Шевченко Херсонской обл. и др. [11, с. 59–62; 34, с. 88, 89; 35, с. 129, рис. 1 на с. 4]. В Николаевском могильнике, принадлежавшем оседлому скифскому земледельческому населению второй половины IV – первой половины III в. до н. э., т. е. времени, предшествующему Беляусскому могильнику, А. И. Мелюковой выявлено семь компактных групп, которые, по ее мнению, носили семейный характер [10, с. 138, 139].

Если весь некрополь Беляуса является некрополем патронимии, то выделяемые участки, безусловно, оставлены входившими в ее состав отдельными семьями. Какова же численность этих коллективов? Прежде всего надо отметить, что длительность использования участков различна и они имеют разное количество погребений. Учитывая принятую длину поколения, мы можем выяснить среднюю численность семей, которым принадлежали отдельные участки могильника. Так, на северо-западном участке в течение 200 лет (8 поколений) было похоронено 53 взрослых человека. Средняя продолжительность жизни взрослого человека в позднескифское время была порядка 40—45 лет [28, с. 15, рис. 1; 29, с. 24; 36] [9]. Следовательно, одновременно могло жить не более двух поколений взрослых [32, с. 23; 37, с. 57, 58], условно — первое и второе для нашего расчета, и часть третьего поколения — дети второго. Для рассматриваемого участка это составляет приблизительно 14 взрослых. Учитывая высокую рождаемость, обусловленную высокой детской смертностью, а также то, что бóльшая часть рождений обычно приходится на первые годы брака (т. е. еще при жизни первого поколения), можно предполагать, что на три-четыре брачные пары второго поколения должно приходиться не менее чем по три ребенка. Это составит не менее 9—10 детей. В целом же данный коллектив состоял в среднем из 23—24 человек. Необходимо помнить, что здесь и далее это средние цифры для всего периода функционирования участка или склепа. В действительности численность семьи все время находилась в динамике. Мы же можем пользоваться только средней численностью одного поколения, получая, естественно, средний результат. Несколько большее, чем численность поколения, количество детей объясняется тем, что не менее трети их [10] не достигало брачного возраста, а в состав семьи в то или иное время входило. Таким образом, мы условно считаем, что все дети второго поколения родились еще при жизни первого, и тогда наша расчетная формула (где Σ — средняя численность семьи, а σ — средняя численность одного поколения) должна выглядеть так: $\Sigma \approx 3\sigma + {}^1/_3\sigma$. Если некоторое количество детей второго поколения рождается уже после смерти части первого, то расчет компенсируется тем, что тогда и первое поколение не будет в полном составе.

Аналогичным образом высчитана численность семьи и для других участков. Центральный участок (250 лет, 57 взрослых) принадлежал семье, в среднем состоявшей из 20 человек (12 взрослых и 8 детей), а восточный (250 лет, 77 взрослых) — семье из 24 человек (15 взрослых и 9 детей). Близкий результат получаем и для юго-восточного участка (300 лет, 100 взрослых) — в среднем 27—28 человек (16 взрослых, 11—12 детей). Легко заметить, что полученные цифры довольно устойчивы и незначительно колеблются в пределах от 20 до 28 человек, что практически совпадает с определенной М. О. Косвеном средней численностью (25—30 человек) большой семьи на позднем этапе ее развития [14, с. 71]. Таким образом, мы получаем некоторые основания предполагать у поздних скифов конца III в. до н. э.— I в. н. э. именно такую семью. Интересно, что в мавзолее Неаполя, который, как отмечалось, выше, рассматривается Д. С. Раевским в качестве большесемейной усыпальницы, за 200 лет похоронено 59 взрослых. Эти числа практически аналогичны северо-западному участку Беляусского могильника.

Косвенным указанием на большесемейную организацию может являться и четкое возрастное членение похороненных в различных погребальных сооружениях Беляусского могильника. Уже отмечалось, что взрослые здесь погребались в больших склепах, подростки и дети старшего возраста — в специальных детских склепах, а дети младших возрастов — в многочисленных, в основном индивидуальных, миниатюрных подбоях и реже в ямах. Различия в обряде погребения детей и взрослых хоро-

---

[9] Наши предварительные подсчеты показывают, что для населения Беляуса характерны такие же цифры.

[10] См. прим. 5.

шо известны для разных обществ [38, с. 92 сл.]. У украинцев, например, они частично сохранялись еще в конце XIX — начале XX в. Умерший до семи лет рассматривался и соответственно погребался как ребенок; далее, до вступления в брак — как юноша и девушка, а после него — как взрослый человек [39, с. 387, 388]. Вероятно, близкие представления были и у поздних скифов, причем они соответствуют положению, в зависимости от возраста занимаемому человеком в большесемейной организации. В последней дети младшего возраста находились в ведении матерей и других женщин семьи, а подростки, в зависимости от пола,— в ведении старшего или старшей [14, с. 53]. Дети, таким образом, как бы принадлежали не своей обособленной малой семье, а всей общине. Очевидно, именно такое положение и отразилось в Беляусском могильнике. Редкие исключения для младенцев могут быть объяснены их совместным погребением с одновременно умершим родителем, а для подростков — практикой ранних браков.

Если верно наше предположение о принадлежности отдельных участков Беляусского некрополя большесемейным общинам, то логично предположить, что отдельные склепы с погребениями взрослых являются усыпальницами обособленных малых семей, входивших в состав общины. Склепы с двумя—шестью погребенными трудно толковать иначе. В Неаполе известно 25 таких склепов [1, график на с. 62]. В Беляусском могильнике их семь. Основную же массу здесь составляют склепы с числом погребенных от 7 до 16 (их 20). Не вступает ли это в противоречие с нашим выводом, тем более что имеются еще четыре склепа с числом погребенных от 18 до 50? Противоречие, особенно для последней группы, было бы налицо, если бы малая семья по числу взрослых состояла строго из одной брачной пары. Но в такую семью «могут входить еще какие-либо родственники, скажем, одинокий брат или сестра главы семьи, племянники, не имеющие своей семьи...» [32, с. 39]. Надо думать, что именно этих представителей боковых ветвей семейного древа мы и выявили выше в качестве «лишних» погребенных [11]. Заметим, что могил с числом погребенных до 16 и временем функционирования, значительно противоречащим высказанным представлениям о составе малой семьи, мы не знаем. В эту группу попадают помимо подавляющего большинства склепов Неаполя и Беляуса все могилы с коллективными захоронениями Золотой Балки (не более четырех погребенных), Ново-Отрадного (не более пяти, лишь в одном случае — девять) и Николаевки-Казацкого (не более восьми), ряд склепов Усть-Альминского могильника (например, могила 4 1964 г., один из склепов 1968 г. и др.) [18, с. 80, 81; 22; 23; 41, с. 108], а также несколько отдельных памятников: пять склепов кургана Кермен-Кыр (от четырех до восьми скелетов), кург. 3 1895 г. в бывш. имении Крыма (пять скелетов), кург. 2 1890 г. в бывш. имении Талаевой Кара-Кият (ныне с. Фруктовое; более восьми скелетов), склеп в кург. 16 Чайкинского (Заозерного) некрополя (девять скелетов) склеп 1977 г. в Евпатории (семь скелетов) [12, с. 96, 99; 42, с. 113, 114; 43, с. 293; 44]. Все это в целом составляет решительное большинство среди известных позднескифских могил.

Таким образом, остается группа могил, содержащих более 16 скелетов. Она немногочисленна — всего 23 памятника (табл. 1) [12]. К тому же оказалось, что в девяти из них (беляусские склепы 53 и 138, неапольские склепы 77 и 79, каменный ящик у дер. Курцы и усть-альминские склепы 88, 120 и 125, каменный склеп в кург. 38 Чайкинского могильника; см. табл. 1, № 3—6, 8, 9, 19, 21, 22) [19, с. 257; 20, с. 265, 266; 45, с. 107—110; 46, с. 191—196; 47, с. 54—57; 48, с. 408; 49,

[11] Среди них, наверное, могут оказаться и более отдаленные родственники, если вообще не посторонние. Например, А. Котляревский, указывая на стремление славян-язычников к захоронению в одной могиле нескольких поколений, замечает, что болгары, если по истечении определенного времени не умрет кто-либо из родственников, разрывают могилу и хоронят в ней чужого [40, с. 227, 252].

[12] Сюда не включены детские склепы, а также ограбленные: беляусский каменный склеп 2 (22 скелета) и неапольский склеп 7 (25 скелетов).

с. 13—30] число взрослых представителей боковых линий не превышает четырех—шести. Поскольку все эти могилы функционировали не менее 150—200 лет, то думается, что за это время совместно с представителями основного ствола (т. е. малой семьи) вполне могло проживать столь малое число ближайших родственников — даже менее одного на поколение.

Иное дело остальные 14 склепов, где число «лишних» погребенных велико. Рассмотрим эти памятники. Среди них упоминавшиеся выше синхронные Беляусскому могильнику отдельные подкурганные склепы: Тавельские кург. 1 и 2, кург. 1 в бывш. имении Пастака, а также самый ранний из всех — кург. 2 в бывш. имении Черкеса (табл. 1, № 12—14, 24) [12, с. 94—96]. К сожалению, в документации этих старых раскопок нет точных сведений о численности погребенных (по одним данным, в кургане Черкеса было 168 скелетов, а по другим — 173), равно как и об их половозрастном составе. Однако ясно, что оставившие эти памятники коллективы не могли состоять более чем из 20—25 взрослых, т. е. общая средняя численность семьи вряд ли превышала 35—45 человек, а скорее была несколько меньшей. Это немногим больше средней численности семьи Беляуса, но в пределах, приведенных М. О. Косвеном для большой семьи на позднем этапе ее развития (40—15 человек) [14, с. 71]. Вероятно, показательно и то, что подкурганные склепы Центрального Крыма, как правило, имели большие размеры, заведомо будучи предназначенными для большого числа погребенных. Например, каменный склеп кург. 1 в бывш. имени Пастака имел камеру площадью приблизительно 2,66×2,66 м (1 сажень 12 вершков), а круглая камера склепа Тавельского кург. 1 имела диаметр свыше 3,5 м (5 аршин) [50, с. 140; 51, с. 201]. По данным Т. Н. Троицкой, длина некоторых склепов достигала 6 м [12, с. 94].

Еще одна могила из этой же группы — беляусский двухкамерный склеп 1 [52, с. 299; 53, с. 155, прим. 36], содержавший в общей сложности 50 погребений (табл. 1, № 1, 2). Время функционирования и общая численность погребенных здесь лишь немногим уступают численности погребенных на отдельных участках. Складывается впечатление, что склеп 1, как и рассмотренные склепы с большим числом погребенных, длительное время непосредственно использовался большой семьей, являясь для этого могильника исключением. Впрочем, в данном случае на сложную структуру семьи, очевидно, указывает и сам факт наличия двух одновременных камер, которые, надо думать, принадлежали разным ветвям одной семьи.

Интересно, что таких двухкамерных склепов в могильнике очень мало (могилы 1, 11, 34). Все они наиболее ранние из скифских могил Беляуса и все возникли в начале или середине II в. до н. э. на значительном отдалении друг от друга (треугольник со сторонами 50, 37 и 20 м). Несколько позднее возле этих склепов появляются другие могилы, что можно связать с появлением в составе больших семей новых малых, обособленных. Так в некрополе начали формироваться семейные участки, которые разрастались в основном к современному для каждого склепа ближайшему краю могильника, выдерживая даже некоторую, не слишком регулярную, рядность. Выделившиеся в результате сегментации новые большие семьи, вероятно, основывали, опять же на современном им краю могильника, новые участки. Для примера рассмотрим два из них: юго-восточный и северо-западный. На юго-восточном участке первым появляется двухкамерный склеп 11, а вскоре, в первой половине II в. до н. э., рядом с ним возникает склеп 148. Последний использовался очень недолго (всего два погребения) и был заброшен настолько, что в конце II в. до н. э. в него врезался склеп 119. В этот же период (конец II—I в. до н. э.) на данном участке возникают склепы 116, 117, 141 и продолжает функционировать склеп 11. В последний период существования городища и могильника (конец I в. до н. э. — I в. н. э.) возникают новые склепы — 2, 14, 138 и продолжают использоваться склепы 117 и 141. В пространствах между названными склепами имеется большое число детских подбоев и ям разного времени, а также детские скле-

ны 113, 114 (северная камера) [54] и 115. На другом участке, северо-западном, нет ранних склепов. Здесь почти одновременно в конце II — I в. до н. э. возникают четыре склепа (3, 12, 17, 155), что, как нам кажется, как раз и иллюстрирует появление новой отделившейся большой семьи. В конце I в. до н. э.— I в. н. э. появляется только один склеп — 10, но три склепа этого участка (3, 12, 17) продолжают использоваться. На северо-западном участке среди этих склепов также имеются два детских склепа (21, 156) и ряд разновременных детских подбоев и ям.

Еще шесть могил из девяти оставшихся нерассмотренными — это усть-альминские склепы 43, 51, 54, 62, 92 и 138, содержавшие от 28 до 52 погребенных (табл. 1, № 15—18, 20, 23). Отдельных участков, как в Беляусском могильнике, в некрополе Усть-Альминского городища не наблюдалось. Поэтому здесь, как и в предыдущих случаях, можно попытаться прямо выяснить численность семей, которым принадлежали склепы. Оказалось, что для четырех склепов (43, 51, 54, 62) получаются устойчивые цифры — от семи до девяти взрослых, что соответствует общей средней численности семьи приблизительно в 13—17 человек, а для двух (92, 138) — 13 и 18 взрослых (семьи от 22 до 30 человек). Последние цифры близки полученным для участков Беляусского могильника и, вероятно, могут трактоваться аналогичным образом. Определить характер семей, владевших первыми четырьмя склепами, затруднительно, так как наш единственный показатель — численность семьи — здесь может быть истолкован двояко. С одной стороны, коллектив такой численности, наверное, может оказаться неразделенной расширенной семьей [11, с. 278, прим. 1], а с другой — таков нижний предел численности большой семьи[13]. Вероятно, до появления новых данных решить определенно этот вопрос не удастся. Однако важно другое. Усть-Альминский могильник по сравнению с Беляусским более поздний. Если хронологические рамки Беляусского некрополя и синхронных ему памятников охватывают приблизительно первую половину существования поздне-скифского царства, то Усть-Альминский — преимущественно вторую. При таком сопоставлении хорошо заметно уменьшение численного состава семей, а следовательно, можно говорить о процессе разложения большесемейной организации у поздних скифов.

Выявив эту тенденцию, вернемся к весьма многочисленной группе позднескифских погребальных памятников, которые выше предположительно определялись как оставленные малыми семьями. В условиях разложения большой семьи малые семьи, безусловно, были неоднородными по своему характеру. Во II в. до н. э.— I в. н. э. они преимущественно входили в состав большесемейной общины, что мы наблюдали на примере Беляусского могильника и подкурганных склепов с большим числом захоронений. Малым семьям, входившим в состав большой (в среднем около 15 человек), вероятно, принадлежали и пять одновременно функционировавших склепов кургана Кермен-Кыр (конец II—I в. до н. э.). Уже в это время, очевидно, существуют и малые нуклеарные, и небольшие расширенные семьи, с которыми предположительно могут быть связаны, например, упоминавшиеся отдельные памятники II — I вв. до н. э.: кург. 3 в бывш. имении Крыма, склеп 1977 г. в Евпатории, склеп в кург. 16 Чайкинского некрополя. Количество таких семей продолжает возрастать в период I в. до н. э.— III в. н. э., тогда как количество больших семей и их численный состав значительно сокращаются (Усть-Альминский могильник, Золотая Балка, Ново-Отрадное и др.). Интересно, что именно в это время в могильниках возрастает количество индивидуальных и парных захоронений взрослых. В Беляусском могильнике такие захоронения единичны, но их уже довольно много в Усть-Альминском, а в Ново-Отрадненском — свыше 50% всех могил. Близкая картина наблюдается и в Неаполе. Здесь в III в. н. э. лишь в единичных могилах еще поддерживается обряд многократных захоронений [56, с. 131—135;

[13] Известны, впрочем, большие семьи даже несколько меньшего состава — 8—12 человек [31, с. 24; 32, с. 39; 55, с. 11—13].

57, с. 146, 147, рис. 3; 58, с. 150]. В Бельбекских могильниках II—III вв. н. э. такой обряд уже вообще не встречается [59, с. 32—64; 60, с. 13, 14], что, как и в других случаях, следует объяснять не столько влиянием сарматского этнического элемента, сколько уже полным преобладанием малых форм семьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Раевский Д. С.* Позднескифская семья по археологическим данным.— СЭ, 1971, № 2.
2. *Лаппо-Данилевский А. С.* Скифские древности.— ЗОРСА, 1887, т. IV.
3. *Артамонов М. И.* Общественный строй у скифов.— Вестн. ЛГУ, 1947, № 9.
4. *Артамонов М. И.* О землевладении и земледельческом празднике у скифов.— Уч. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук, 1948, № 85, вып. 15.
5. *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре.— МИА, 1954, № 36.
6. *Граков Б. Н.* Скифы. М.: Изд-во МГУ, 1971.
7. *Яценко И. В.* Скифия VII—V вв. до н. э.— Тр. ГИМ, 1959, вып. 36.
8. *Тереножкин А. И.* Об общественном строе скифов.— СА, 1966, № 2.
9. *Шелов Д. Б.* Социальное развитие скифского общества.— ВИ, 1972, № 3.
10. *Мелюкова А. И.* Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка. М.: Наука, 1975.
11. *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. М.: Наука, 1975.
12. *Троицкая Т. Н.* Скифские курганы Крыма.— ИКОГО, 1951, вып. 1.
13. *Хазанов А. М.* Скифские коллективные погребения в Крыму.— В кн.: Сборник студенческих докладов на V Всесоюзной археологической конференции. М.: Изд-во МГУ, 1960.
14. *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. М.: Наука, 1963.
15. *Дашевская О. Д.* Двадцатый сезон Донузлавской экспедиции.— АО—1979 М., 1980.
16. *Высотская Т. Н.* Усть-Альминский некрополь.— АО—1970. М., 1971.
17. *Высотская Т. Н.* Усть-Альминское городище и могильник.— АО—1971. М., 1972.
18. *Высотская Т. Н.* Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев: Наук. думка, 1972.
19. *Высотская Т. Н., Лобода И. И.* Раскопки Усть-Альминского городища и некрополя.— АО—1973. М., 1974.
20. *Высотская Т. Н., Лобода И. И.* Работы Альминского отряда.— АО—1974. М., 1975.
21. *Высотская Т. Н., Лобода И. И.* Раскопки Усть-Альминского городища и некрополя.— АО—1977. М., 1978.
22. *Арсеньева Т. М.* Могильник у дер. Ново-Отрадное.— В кн.: Поселения и могильники Керченского полуострова начала н. э.— МИА, 1970, № 155.
23. *Вязьмитина М. И.* Золотобалковский могильник. Киев: Наук. думка, 1972.
24. *Михлин Б. Ю.* Фибулы Беляусского могильника.— СА, 1980, № 3.
25. *Дашевская О. Д.* Отчет о работе Донузлавской экспедиции ИА АН СССР и ЕКМ в 1977 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 6493.
26. *Улицкий Я. С.* Демографическое понятие поколения.— В кн.: Проблемы демографической статистики. М.: Госстатиздат, 1959.
27. Курс демографии. М., 1974.
28. *Алексеев В. П.* Палеодемография СССР.— СА, 1972, № 1.
29. *Кондукторова Т. С.* Физический тип людей Нижнего Поднепровья на рубеже н. э. М.: Наука, 1979.
30. *Сухарева О. А., Бикжанова М. А.* Прошлое и настоящее селения Айкыран.— Тр. ИИА АН УзССР, 1955, вып. 6.
31. *Бикжанова М. А.* Семья в колхозах Узбекистана. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1959.
32. *Кисляков Н. А.* Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л.: Наука, 1969.
33. *Дашевская О. Д.* Отчет о работе Донузлавской экспедиции ИА АН СССР и ЕКМ в 1979 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 7733.
34. *Граков Б. Н.* Скифские погребения на Никопольском курганном поле.— МИА, 1962, № 115.
35. *Бунятян Е. П.* Погребальный обряд рядовых скифов Южной Херсонщины.— В кн.: Курганы Южной Херсонщины. Киев: Наук. думка, 1977.
36. *Кондукторова Т. С.* Населення Неаполя скіфського за антропологічними даними.— В кн.: Матеріали з антропології України. Вып. 3. Київ: Вид-во АН УРСР, 1964.
37. *Кисляков Н. А.* Следы первобытного коммунизма у горных таджиков.— Тр. ИЭ, 1936, т. X.
38. *Hertz R.* Death and the Right Hand. Glencoe, 1960.
39. *Гнатюк В.* Похоронні звичаї й обряди.— В кн.: Етнографічний збірник. Т. XXXI—XXXII. Львів, 1912.
40. *Котляревский А.* О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868.
41. *Симонсвіч Е. О.* Могильник поблизу «городка Миколаївка» на Ніжньому Дніпрі.— АИУ, 1972, вып. IV.
42. *Высотская Т. Н.* Позднескифские погребения в кургане близ городища Кермен-Кыр.— АИУ, 1968, вып. II.
43. *Коновалов А. А.* Раскопки некрополя близ дер. Заозерное.— АО—1972. М., 1973.
44. *Михлин Б. Ю., Бирюков А. С.* Склеп с уступчатым сводом в некрополе Керки-

нитиды.— В кн.: Население Крыма в первые века н. э. Киев: Наук. думка, 1982.
45. *Маркевич А.* Расчистка кургана в окрестностях Симферополя.— ИТУАК, 1894, вып. 10.
46. *Махнева О. А.* Склеп с египетскими изделиями на восточном участке некрополя Неаполя скифского.— ЗОАО, 1967, т. 2 (35).
47. *Дашевская О. Д.* Отчет о работе Донузлавской экспедиции ИА АН СССР и ЕКМ в 1974 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 5824.
48. *Яценко И. В., Маслов С. П.* Раскопки некрополя у дер. Заозерное близ Евпатории.— АО—1977. М., 1978.
49. *Яценко И. В., Переводчикова Е. В.* Отчет о раскопках некрополя у дер. Заозерное в окрестностях Евпатории в полевой сезон 1977 г.— Архив ИА АН УССР, 1977/102.
50. *Кашпар А. О.* Раскопки курганов в окрестностях Симферополя, произведенные профессором Н. И. Веселовским летом 1895 г.— ИТУАК, 1896, вып. 24.
51. Протоколы заседаний ТУАК. Заседание 8 октября 1897 г.— ИТУАК, 1898, вып. 28.
52. *Дашевская О. Д.* Исследования в Северо-Западном Крыму.— АО—1968. М., 1969.
53. *Дашевская О. Д.* Скифы на северо-западном побережье Крыма в свете новых открытий.— МИА, 1971, № 177.
54. *Дашевская О. Д.* Земляной склеп на Беляусе.— КСИА, 1980, вып. 162.
55. *Симоненко И. Ф.* Состояние изучения истории большой семьи украинцев.— КСИЭ, 1957, вып. XXVIII.
56. *Дашевская О. Д.* Земляной склеп 1949 г. в некрополе Неаполя скифского.— ВДИ, 1951, № 2.
57. *Сымонович Э. А.* Фибулы Неаполя скифского.— СА, 1963, № 4.
58. *Раевский Д. С.* Скифы и сарматы в Неаполе (по материалам некрополя).— МИА, 1971, № 177.
59. *Гущина И. И.* Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников).— В кн.: Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.: ГИМ, 1974.
60. *Богданова Н. А.* Религиозные представления сельского населения позднескифского государства в Крыму: Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1980.

B. Y. Mikhlin

THE LATE SCYTHIAN FAMILY

Summary

Due to the specific nature of archaeological materials the late Scythian family is still inadequately studied. A demographic and sex-and-age analysis of the Belyaus cemetery dated between the 2nd century B. C. and the 1st century A. D. showed that extended families of medium sizes, numbering from 20 to 28 persons owned plots of the burial ground, while nuclear families, comprising an extended family owned burial vaults on these plots. Families of the same size owned some burial grounds synchronous with the Belyaus cemetery. This gives grounds to surmise the domination of the extended family at the latest stage of its development in the late Scythian society. Materials from the Ust-Alma burial ground related to the 1st century B. C. through the 3rd century A. D. and the synchronous sites testify that the number of extended families and their numerical strength considerably shrinked; the share of individual and double burials grew and they gradually ousted the rite of repeated burials. This fact speaks of the progressing disintegration of the large family and of the practically complete domination of the nuclear family in the 2nd and 3rd centuries A. D.

О. Д. ДАШЕВСКАЯ, Д. С. РАЕВСКИЙ

К СТАТЬЕ Б. Ю. МИХЛИНА «О ХАРАКТЕРЕ ПОЗДНЕСКИФСКОЙ СЕМЬИ»

Публикуемая в настоящем номере статья Бориса Юрьевича Михлина — последняя работа безвременно ушедшего от нас талантливого исследователя, скончавшегося 31 августа 1982 г. на 34-м году жизни.

Выпускник исторического факультета Донецкого государственного университета, Б. Ю. Михлин со студенческих лет активно включился в изучение древностей юга нашей страны. Его перу принадлежат такие работы, как «Амфоры „коричневой" глины из Северо-Западного Крыма», «Сарматское погребение в Южном Донбассе», «К изучению херсонесских керамических клейм» [1—3], сразу же замеченные специалистами и внесшие значительный вклад в разработку проблем, актуальных для античной и скифо-сарматской археологии. С именем Б. Ю. Михлина связаны и все существующие в нашей литературе публикации материалов некрополя Керкинитиды.

Судьба молодого исследователя сложилась трагически. В 27 лет он лишился возможности ходить. На протяжении последних шести лет жизни, проведенных на родине, в Донецке, он был прикован к креслу. Жестокая болезнь доставляла физические мучения, крайне затруднен был доступ к специальной литературе за пределами личной библиотеки. Но до конца своих дней Б. Ю. Михлин не прекращал активной научной работы, составлявшей в этих тяжелых условиях смысл его жизни. Об этом убедительно свидетельствует ряд статей, опубликованных незадолго до его кончины или уже посмертно. Многие из них посвящены анализу материалов Донузлавской экспедиции ИА АН СССР, в работах которой Б. Ю. Михлин принимал постоянное участие еще будучи студентом, а затем в качестве заведующего археологическим отделом Евпаторийского краеведческого музея.

На материалах, полученных этой экспедицией при раскопках Беляусского могильника, основана в значительной мере и публикуемая ныне статья, написанная в последний, самый трудный год жизни Б. Ю. Михлина. Она затрагивает важную и слабо изученную проблему.

Анализ социальной структуры того или иного древнего общества непременно включает и исследование присущих ему форм семьи. Однако методы их реконструкции по археологическим материалам разработаны крайне слабо. Чаще всего в работах на эту тему проецируют на археологический материал данные этнографии, но сам принцип соотнесения этнографических свидетельств и археологических фактов и соответственно выбор наиболее обоснованных этнографических параллелей нуждаются в достаточно развернутом обосновании. Возможности такого сопоставления в значительной мере зависят от характера погребальной практики того или иного древнего народа, от наличия данных не только о захоронениях отдельных людей, но и об определенных социальных группах разных таксономических уровней, в которые эти люди входили.

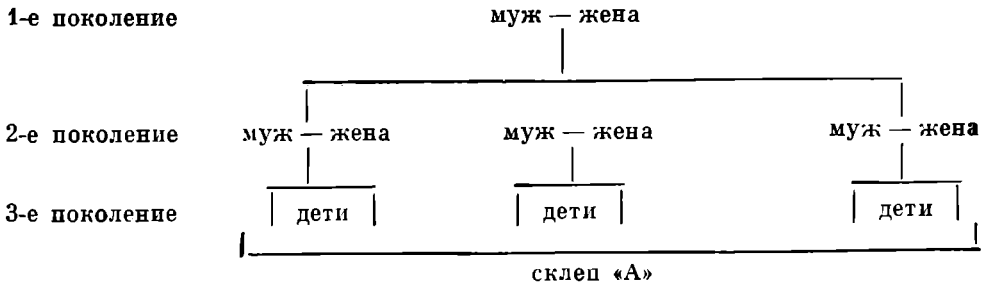
В этом смысле позднескифские погребальные памятники Крыма с присущей им традицией последовательных захоронений в одной камере нескольких умерших представляют достаточно благодатный материал для попыток реконструкции форм семьи, характерных для оставившего

эти памятники населения. В своем анализе материалов Беляусского и некоторых других позднескифских могильников Б. Ю. Михлин правомерно исходил из данных о численности погребений в каждой могиле (а по мере возможности — и об их половозрастном составе) и о длительности срока ее использования. Весьма интересна попытка автора согласовать данные о численности захоронений в каждом отдельном склепе и в территориально обособленных группах склепов. Тем самым предлагаемая реконструкция охватывает уже не один, а два таксономических уровня семейной структуры позднескифского общества.

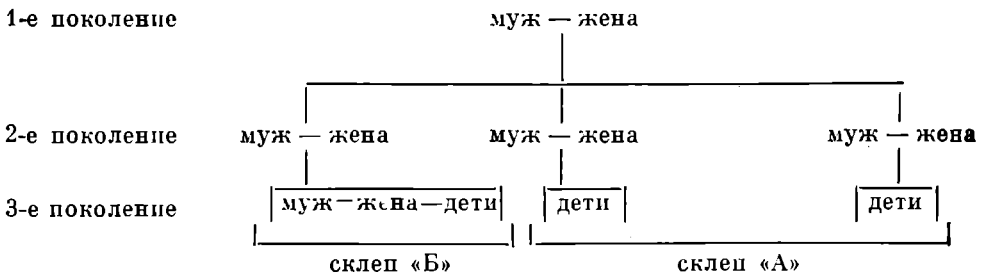
Б. Ю. Михлин тщательно проанализировал целый ряд археологических комплексов в поисках ответа на вопросы, применительно к истории позднескифского общества еще практически не освещенные. К сожалению, в предложенных им выкладках и построениях некоторые моменты остались неучтенными. Доработать статью в соответствии с замечаниями, полученными им из редакции журнала «Советская археология» менее чем за месяц до смерти, автор уже не успел. Редакция, исходя из важности как темы статьи, так и полученных Б. Ю. Михлиным результатов, сочла целесообразным опубликовать эту работу в ее настоящем виде, но при этом отметить, какие положения нуждаются в дальнейшей углубленной разработке.

Так, гипотеза о принадлежности отдельных участков Беляусского некрополя большесемейным общинам, а каждого из склепов — обособленным малым семьям, входящим в состав такой общины, вызывает ряд трудностей, в статье окончательно не разрешенных. Прежде всего требуется обосновать правомерность трактовки большесемейной общины как суммы малых семей, обладающих такой автономностью, что каждая из них даже сооружала собственную усыпальницу. Как известно, существует мнение, что малые семьи не являются структурообразующими элементами большой семьи (см., например, [4, с. 53]). Еще существеннее другое. Если считать обособленной малой семьей вслед за А. М. Хазановым [5, с. 278, прим. 1], у которого Б. Ю. Михлин, видимо, заимствовал этот термин, ячейку, «состоящую из родителей и их малолетних детей, входящую как составная часть в расширенную семью», то непонятно, каким образом принадлежащая такой ячейке усыпальница использовалась на протяжении 100—150 лет, т. е. служила местом погребения ряда поколений: ведь каждое из них образует свои малые семьи и, по логике автора, должно иметь свои склепы. В действительности такая усыпальница, видимо, оставлена не малой семьей, а одним стволом семейного древа *на протяжении ряда поколений*. Тогда встает вопрос о механизме сегментации семейного организма, о принципах, на которых покоится сохранение семейной усыпальницы за *одной* брачной парой каждого поколения и отделение остальных ветвей. Эта сторона проблемы в статье не затронута.

В этой связи необходимо коснуться и вопроса о так называемой неразделенной семье. В свое время было высказано предположение о преобладании этой формы в среде жителей позднескифской столицы, поскольку именно для такой семьи характерно удержание числа взрослых ее членов в сравнительно небольших пределах, превышающих все же одну брачную пару, что вполне соответствует количеству погребений в склепах так называемого Неаполя скифского [6, с. 63]. Сходно интерпретировал данные о курганных могильниках Центральной Азии А. Д. Грач [7, с. 167, 168]. Б. Ю. Михлин счел существование такой семьи маловероятным прежде всего потому, что, по данным этнографии, «даже в большой патриархальной семье три женатых поколения, по чисто биологическим причинам, встречались весьма редко». Но ведь археология имеет дело с *погребальными* памятниками, отражающими в первую очередь способ сегментации семейного организма, а в этом контексте число одновременно живущих поколений роли не играет. Проиллюстрируем эту мысль на графике, представляющем условную модель неразделенной семьи:



Эта семья существует как целостный организм, и каждый ее член (любого поколения) погребается в общей семейной усыпальнице (условно в склепе «А»). Так продолжается до вступления в брак кого-либо из представителей третьего поколения, что ведет к сегментации — к выделению новой семьи, в которую входят и родители новобрачного, и к сооружению для нее новой усыпальницы (склеп «Б»). Эта сегментация происходит независимо от того, живы ли в этот момент представители первого поколения. Так же вне зависимости от этого остальные члены второго поколения по-прежнему составляют единую семью и хоронятся в том же склепе «А», пока не вступил в брак кто-либо из их детей:



Таким образом, вопрос о биологической возможности совместного проживания трех женатых поколений не имеет отношения к возможности существования неразделенной семьи как структурообразующей ячейки общества и, в частности, к способам отражения семейной структуры в материалах могильников.

Б. Ю. Михлин сослался также на скудость этнографических данных о неразделенной семье. Можно не настаивать именно на этом термине, предпочитая, к примеру, предложенное недавно [5, с. 64, 278] понятие «ограниченно-расширенная семья» (их смысловая идентичность справедливо отмечена Б. Ю. Михлиным). Но важно, что еще М. О. Косвен [4, с. 102] характеризовал способ сегментации семьи, подобный описанному, как наиболее типичный. Главное, что число погребений во многих позднескифских склепах может быть убедительно истолковано лишь при условии, что мы будем рассматривать оставившие их коллективы уже как не большие, но еще не малые (во всех их разновидностях, см. [5, с. 278]) семьи. Лишь так можно объяснить почти обязательное наличие в них «лишних» по отношению к одной брачной паре взрослых погребений. Ссылка на этнографические данные о вхождении в малые семьи еще каких-то родственников неэффективна, когда речь идет о погребальных памятниках: если «моментальный снимок» живой семьи и фиксирует их наличие, то несомненно, что рано или поздно большинство их женились и выходили замуж, т. е.— в случае господства здесь малых семей— обретали собственную семейную усыпальницу. Умерших же до вступления в брак скорее всего хоронили вместе с родителями (это же несомненно относится к упомянутым Б. Ю. Михлиным племянникам). Вместе с тем толкование автором ряда позднескифских склепов как большесемейных усыпальниц представляется правомерным, так же как предположение о наличии здесь гробниц, принадлежавших малым семьям.

Позднескифская семья, какой она рисуется нам по археологическим данным,— динамичная развивающаяся структура, и в воссоздание ее истории работа Б. Ю. Михлина вносит существенный вклад. Скорбно, что вдумчивый и пытливый автор не успел продолжить свое исследование.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Михлин Б. Ю.* Амфоры «коричневой» глины из Северо-Западного Крыма.— СА, 1974, № 2.
2. *Михлин Б. Ю.* Сарматское погребение в Южном Донбассе.— СА, 1975, № 4.
3. *Михлин Б. Ю.* К изучению херсонесских керамических клейм.— ВДИ, 1979, № 2.
4. *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. М.: Наука, 1963.
5. *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. М.: Наука, 1975.
6. *Раевский Д. С.* Позднескифская семья по археологическим данным.— СЭ, 1971, № 2.
7. *Грач А. Д.* Принципы и методика историко-археологической реконструкции форм социального строя.— В кн.: Социальная история народов Азии. М.: Наука, 1975.

O. D. Dashevskaya, D. S. Raevsky

ON B. Y. MIKHLIN'S ARTICLE «THE LATE SCYTHIAN FAMILY»

Summary

The present issue carries the last article written by B. Y. Mikhlin (1948—1982), talented scholar who died young. His comments prove useful for elaborating the methods of socio-demographic interpretation of burial complexes. Regrettably, the author had no time to make some of his propositions more precise. Thus, it is not still clear whether the extended family community in the late Scythian society was a sum-total of nuclear families each of which used its own burial chamber. Of fundamental interest is the question how the late Scythian family segmented and in which way this process affected the emergence of new burial chambers.

В. М. КОСЯНЕНКО

БРОНЗОВЫЕ ФИБУЛЫ ИЗ НЕКРОПОЛЯ КОБЯКОВА ГОРОДИЩА

В 276 погребениях некрополя Кобякова городища (восточная окраина г. Ростова-на-Дону) найдено 100 бронзовых фибул, включая поддающиеся определению обломки; 12 фибул представлены случайными находками. Столь значительное количество фибул, происходящих из одного памятника с небольшим диапазоном существования — начало I — 40-е годы III в. н. э., позволяет разработать их типологию; присутствие в ряде погребений нескольких фибул разных типов дает возможность уточнить их даты, а вместе с тем датировку самих погребений и памятника в целом.

Фибулы Кобяковского некрополя, за небольшим исключением, остались до настоящего времени не опубликованными [1, с. 11], типологически не обработанными, что является существенным пробелом в изучении хронологии памятников позднеримского времени на Нижнем Дону.

В основу предлагаемой классификации кобяковских фибул положены три главных признака, характеризующих их форму и конструкцию: форма приемника, форма спинки и форма пружины. Использование этих признаков позволило разделить фибулы на группы. Деление групп на типы и варианты производилось за счет расширения списка признаков, причем в ряде случаев привлекаемые признаки типов и вариантов не равнозначны, так как разная форма и конструкция фибул естественно характеризуется различными признаками. Неодинаковыми путями шла и эволюция конструкции фибул (например, форма спинки-стержня могла меняться только за счет изменения конфигурации изгиба, в то время как плоская спинка могла эволюционизировать и за счет изменения изгиба, и за счет изменения самой ее формы, и за счет покрывавшего ее рисунка). Ниже прилагается краткое описание фибул Кобяковского некрополя.

Группа I. Включает 28 фибул, имеющих: 1) пластинчатый приемник с биконическим утолщением на конце; 2) спинку с двумя утолщениями, которые отделяют ее от приемника и головки; 3) многовитковую пружину на оси. Входящие в эту группу фибулы разделяются по форме спинки на два типа.

I тип — фибулы со спинкой в виде стержня (5 экз.). Они отличаются отдельными деталями и представляют три варианта. Первый вариант — небольшая фибула (погр. 9/1956) с короткой, круглой в сечении спинкой, орнаментом на утолщениях и завитками на пружине (рис. 1, *1*). Второй вариант—три фибулы (погр. 12/1956, 59/1957 и случайная находка на некрополе) тоже с круглой в сечении спинкой, но без каких-либо украшений (рис. 1, *2—4*). Третий вариант — фибула (случайная находка на некрополе) с квадратной в сечении спинкой (рис. 1, *5*).

II тип объединяет фибулы, имеющие пластинчатую спинку (23 экз. из 15 погребений и 2 случайные находки на некрополе). Первый вариант — 18 фибул с гладкой спинкой, одна из них отличается и нижней тетивой (рис. 1, *6—22*; рис. 2, *1*). Второй вариант — 4 фибулы, по спинке которых проходит утолщенный рубец (рис. 2, *2—5*). Третий вариант — фибула с крупными граненными утолщениями (рис. 2, *6*).

С. И. Капошина датирует фибулы, объединенные в I группу, I—II вв. н. э., считая, что фибулы с круглой в сечении спинкой доживают лишь до середины II в. н. э. и распространение их падает на середину и частично вторую половину II в. н. э., но до конца II в. н. э. они не доживают [2, с. 33].

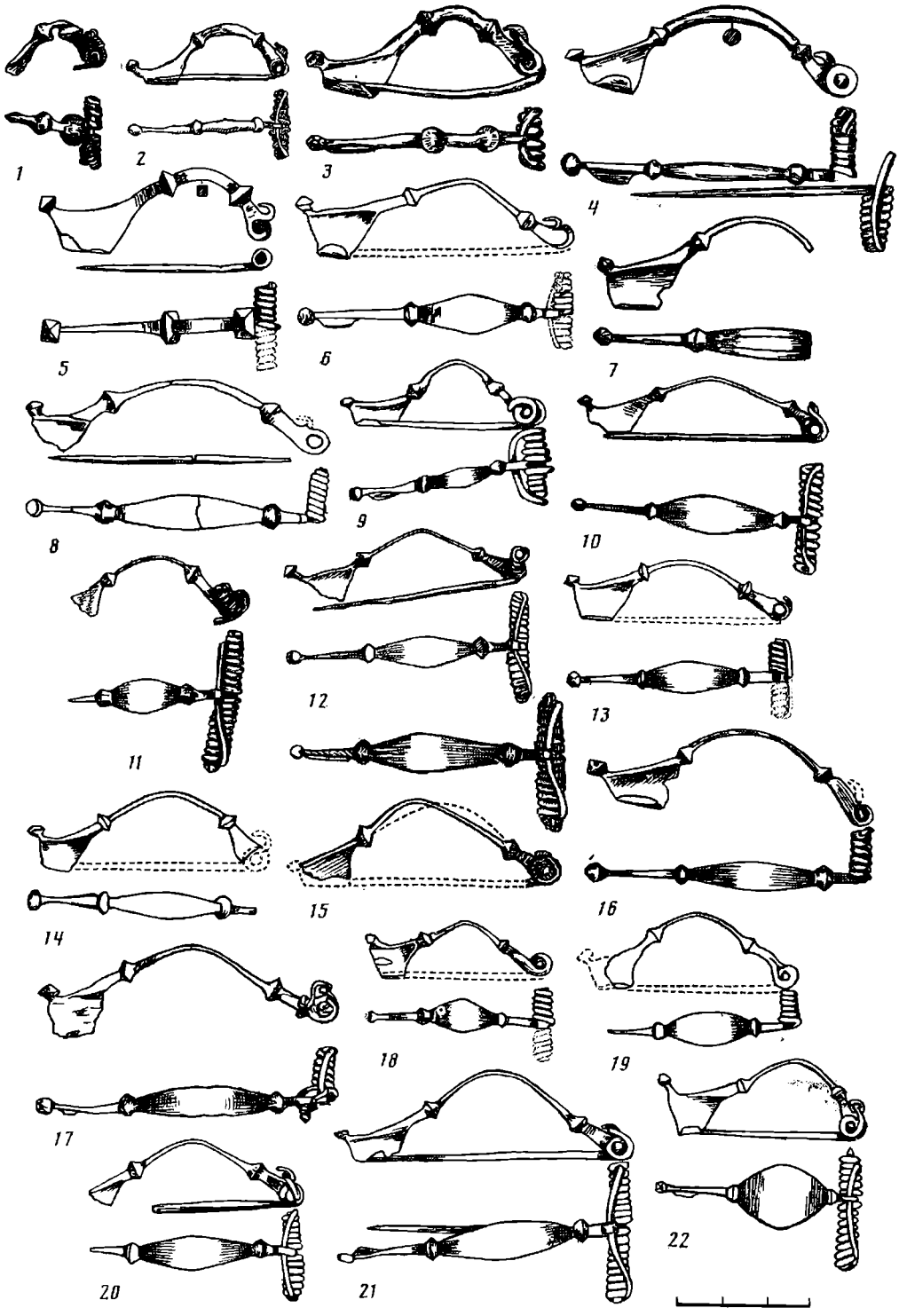


Рис. 1. Фибулы I группы. *1—5* — I тип, варианты 1(*1*), 2(*2—4*), 3(*5*); *6—22* — II тип, вариант 1. *1* — погр. 9/1956; *2* — погр. 12/1958; *3* — погр. 59/1957 (с ней еще фибула на рис. 4, *5*); *4* — случайная находка в 1961 г.; *5* — случайная находка в 1957 г.; *6, 14* — погр. 14/1956; *7, 8* — погр. 15/1956; *9* — погр. 22/1956; *10—13* — погр. 29/1956 (с ней еще фибулы на рис. 2, *4*; рис. 5, 7); *15, 16* — случайные находки в 1957 г.; *17* — погр. 84/1957; *18* — погр. 31/1957; *19* — погр. 28/1957; *20* — погр. 75/1957; *21* — погр. 28/1962; *22* — погр. 7/1960

А. К. Амброз такие фибулы относит к сильно профилированным фибулам причерноморских типов, датирует второй половиной I — первой половиной III в. н. э. и делит их на три варианта в соответствии с пропорциями корпуса [3, с. 40, 4, с. 252]. Аналогичные фибулы, найденные в Поволжье, А. С. Скрипкин относит в основном ко II в. н. э., устанав-

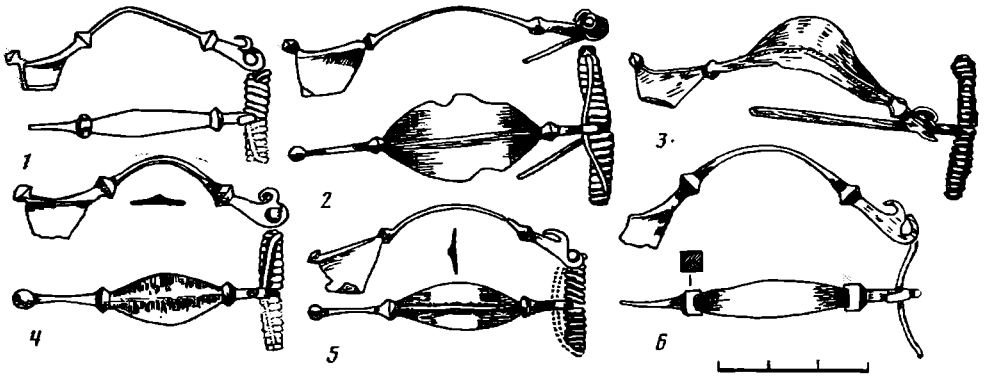


Рис. 2. Фибулы I группы. *1—6* — II тип, варианты 1(*1*), 2(*2—5*), 3(*6*). *1* — погр. 5/1957; *2* — погр. 19/1960; *3* — погр. 6/1959; *4* — погр. 29/1956 (с ней еще фибулы на рис. 1, *10—13*; рис. 5, *7*); *5* — погр. 4/1957; *6* — погр. 12/1956

ливая на основании тех же пропорций лишь два варианта, которые дают ему возможность уточнить датировки [5, с. 109—113].

Уточнению датировки кобяковских фибул I группы способствует тот факт, что они найдены в погребениях с другими вещами. Фибула первого варианта I типа (погр. 9/1956, рис. 1, *1*) представляет особый интерес, так как это единственный экземпляр в памятниках позднеантичного времени на Дону. Аналогичные фибулы не известны, хотя в работе А. К. Амброза идет речь об образцах дунайского варианта, со сложно орнаментированными бусинами [3, с. 40]. Возможно, мы имеем образец именно этого варианта. Кобяковская фибула найдена в погребении вместе с краснолаковой тарелкой второй трети I в. н. э. [6, с. 219]. Две фибулы второго варианта (погр. 12/1956, 59/1957, рис. 1, *2*, *3*) коррелируются с такими же краснолаковыми тарелками второй трети I в. н. э.

Таким образом, все три фибулы можно отнести ко второй трети I в. н. э. Находка их с одинаковым, хорошо датируемым материалом позволяет предположить несколько более раннюю дату появления таких фибул на Дону (а возможно, и на юге СССР), чем считалось до сих пор.

Сопутствующий материал фибул II типа I группы однороден, хотя по форме они разделены на три варианта.

Фибулы встречены с зеркальцами-подвесками (погр. 6/1959, рис. 2, *3*; погр. 29/1956, рис. 1, *10—13*, рис. 2, *4*), сероглиняной керамикой (погр. 22/1956, рис. 1, *9*; погр. 29/1956, рис. 1, *10—13*, рис. 2, *4*; погр. 84/1957, рис. 1, *17*; погр. 28/1962, рис. 1, *21*; погр. 7/1960, рис. 1, *22*; погр. 19/1960, рис. 2, *2*; погр. 4/1957, рис. 2, *15*), пастовыми бусинами (погр. 29/1956, рис. 1, *10—13*, рис. 2, *4*; погр. 15/1956, рис. 1, *7*, *8*). Обнаруженные в двух погребениях (6/1959, 29/1956) зеркальца-подвески относятся к типу IX, по А. М. Хазанову, и датируются II—III вв. н. э. [7, с. 67]. Они имеют одинаковый орнамент, в основе которого лежит изображение кругов, гаммированного знака и «птичьих лапок».

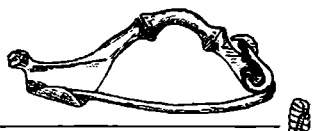
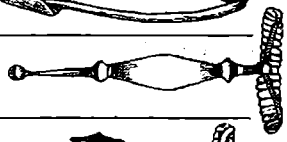
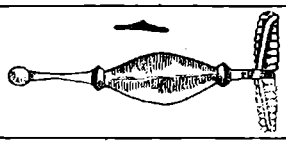
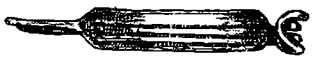
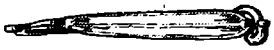
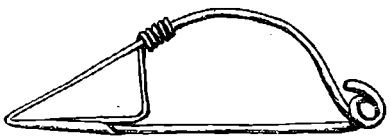
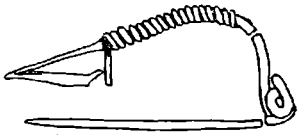
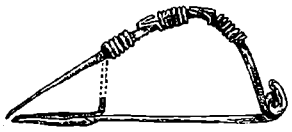
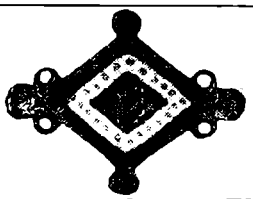
Корреляционная таблица показывает, что фибулы II типа I группы ни разу не были встречены с фибулами I типа этой же группы (табл. 1). Вполне возможно, что развитие фибул I группы шло по линии изменения спинки: от стержневой к пластинчатой.

Фибулы II типа найдены в двух погребениях (14, 15/1956) по две (рис. 1, *6*, *14* и *7—8*), а в одном (29/1956) — пять (рис. 1, *10—13*, рис. 2, *4*). Только в последнем случае мы наблюдаем взаимовстречаемость этих фибул с лучковой фибулой.

Таким образом, корреляция фибул II типа позволяет датировать их II в. н. э. Возможно, они заходят и в III в. н. э., но на кобяковском материале это не наблюдается: погребений начала III в. н. э. здесь мало, и в них таких фибул нет.

Имеют ли значение для классификации фибул абсолютные размеры их спинок? В погр. 29/1956 некрополя Кобякова городища, где найдено

Таблица 1

Группа	Тип	Вариант		Год раскопок и номер погребения														
				1956				1957			1958	1959		1960		1961			1962
				8	14	15	29	17	46	59	5	15	22	6	9	31	36	39	1
I	I	2								+								
	II	1			+ +	+ +	+ + +											
		2					+											
II	I	2							+ +						+		+	
		3						+ +										
	II	1															+	
		2		+ +						+	+							
III	I						+				+ +		+ +		+		+ + +	
	II													+ + +		+ +		+
	III											+ + +					+	+ +
VI												+					+	

пять фибул II типа I группы длина спинок 2, 2,3, 2,6, 2,7, 3 см. У этих же фибул различна крутизна спинок, у одной на спинке продолговатый утолщенный рубец, ширина спинок колеблется от 0,7 до 1 см. Подобные наблюдения имели место и среди пяти фибул из погребения, открытого на окраине Ростова-на-Дону в 1977 г. Можно предположить, что для фибул этого типа длина и ширина спинки, продольный рельеф на ней не являются показателем для датировки.

Более важным признаком для определения даты этих фибул является предложенное А. К. Амброзом и А. С. Скрипкиным соотношение между расстоянием от задней бусины до приемника и между средней и задней бусинами, что подтверждается на кобяковском материале. На основании

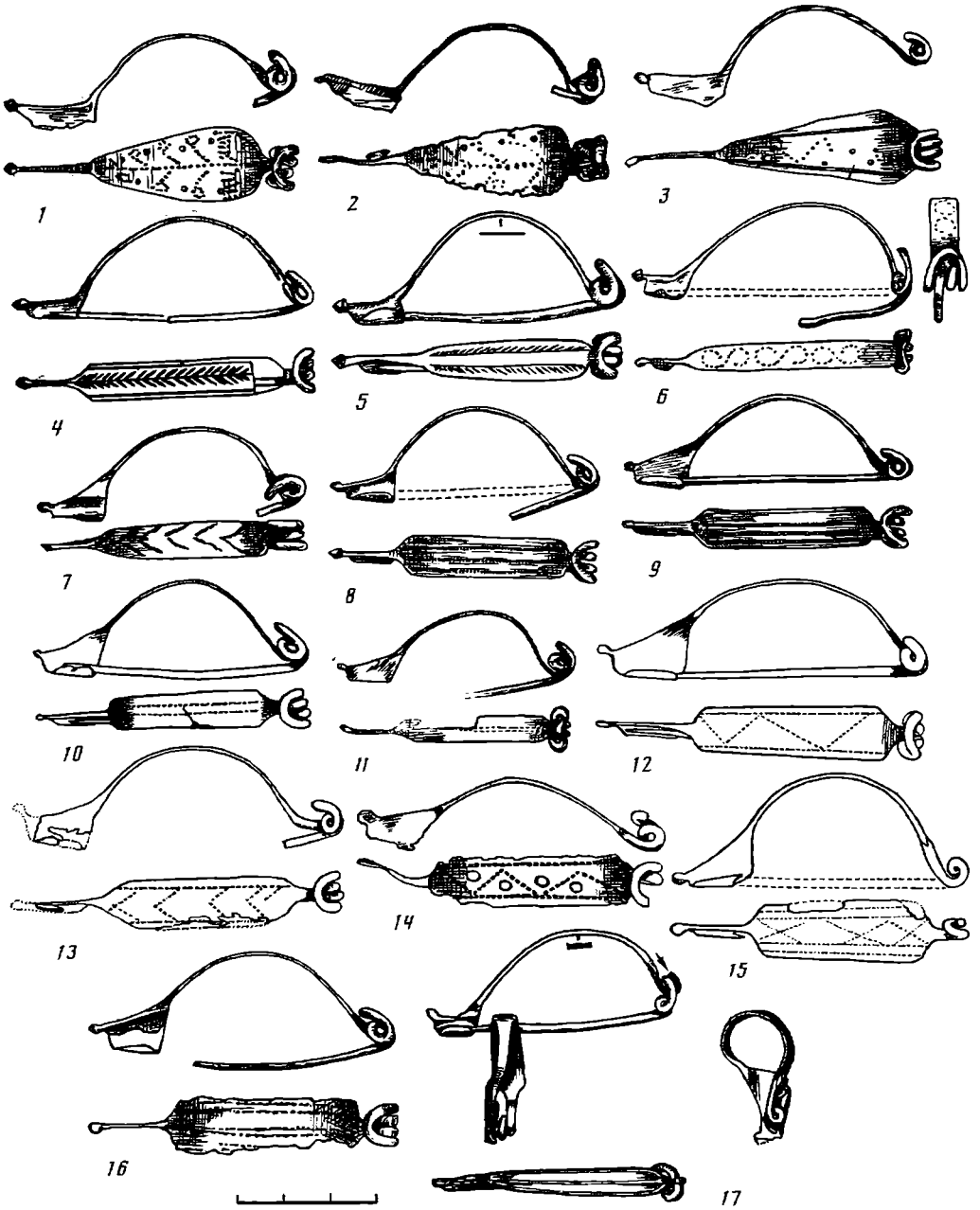


Рис. 3. Фибулы II группы: *1—17* — I тип, варианты 1(*1—3*), 2(*4—16*), 3(*17*). *1* — погр. 4/1958; *2* — случайная находка 1961 г.; *3* — погр. 8/1958; *4, 5* — погр. 46/1957; *6* — погр. 17/1960; *7* — погр. 33/1956; *8* — погр. 7/1958; *9* — погр. 36/1961 (с ней еще фибулы на рис. 4, *1*; рис. 5, *11, 12, 14*); *10* — погр. 9/1960 (с ней еще фибула на рис. 5, *3*); *11* — погр. 29/1961; *12* — погр. 9/1957; *13* — погр. 21/1957; *14, 16* — случайные находки 1957 г.; *15* — случайная находка 1956 г.; *17* — погр. 17/1957

этого критерия А. С. Скрипкин на материалах Поволжья приходит к небезынтересному выводу, что в этой группе фибул наиболее ранние со стержневой спинкой (хотя есть и исключения). Аналогичную картину мы наблюдаем на материалах Кобяковского некрополя. Таким образом, на современном этапе исследования фибул I группы можно считать, что форма спинки дает лишь предварительное заключение о дате. Для уточнения ее необходимо учитывать вышеупомянутые пропорции.

Группа II. Включает 29 фибул, имеющих: 1) пластинчатый приемник с биконическим утолщением на конце; 2) ленточную спинку; 3) четырехвитковую пружину. Входящие в группу II фибулы по форме спинки разделяются на два типа.

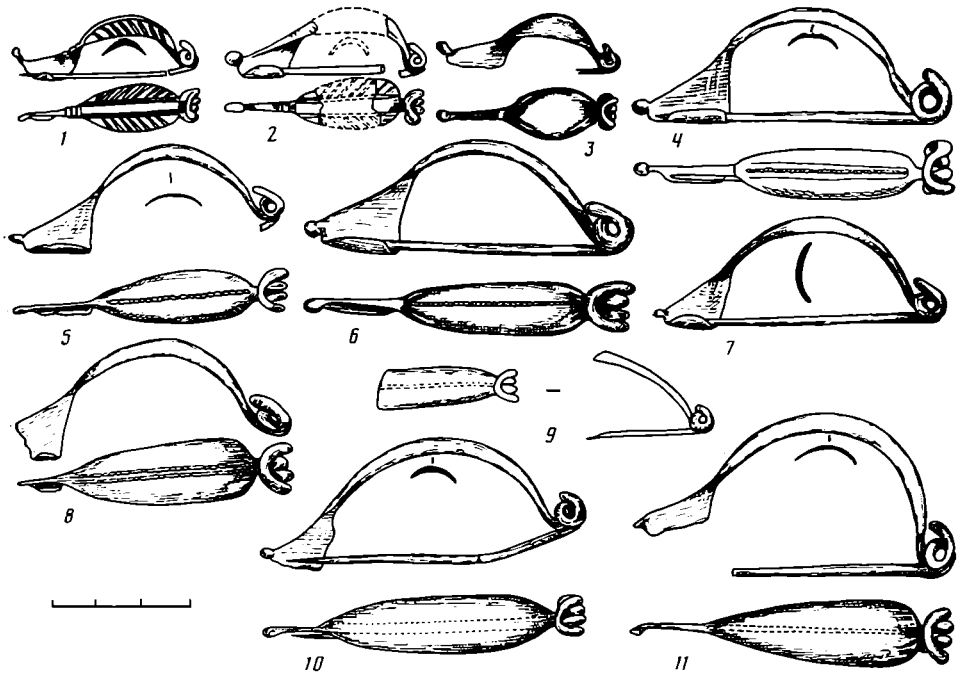


Рис. 4. Фибулы II группы. *1—11* — II тип, варианты 1(*1—3*), 2(*4—11*). *1* — погр. 36/1961 (с ней еще фибулы на рис. 3, *9*; рис. 5, *11, 12, 14*); *2* — погр. 30/1957; *3* — погр. 16/1960; *4* — погр. 1/1956; *5* — погр. 59/1957 (с ней еще фибула на рис. 1, *3*); *6, 7* — погр. 8/1956; *8* — погр. 5/1958 (с ней еще фибулы на рис. 5, *5, 6*); *9* — погр. 15/1958; *10* — случайная находка 1956 г.; *11* — случайная находка 1957 г.

I тип—фибулы с плоской спинкой. По конфигурации плоской ленточной спинки они представляют три варианта. Первый вариант (3 экз.) — с подтреугольной орнаментированной спинкой (рис. 3, *1—3*). На двух орнамент растительный, типа «древа жизни» (погр. 4/1958[1] и случайная находка на некрополе), на третьей—зигзагообразная линия из точек и кружков (погр. 8/1958). Второй вариант (13 экз.) — подпрямоугольная спинка, тоже орнаментированная (рис. 3, *4—16*). Размеры: длина 3,25—3,4 см, ширина спинки 0,5—1,25 см. Третий вариант — спинка, профилированная неглубокими каннелюрами. Это две фибулы из погр. 17/1957; на иголке одной из них надета согнутая в кольцо спинка другой (рис. 3, *17*).

II тип — фибулы (11 экз.) с выпуклой спинкой, резко различающиеся размерами. В зависимости от этого они делятся на первый вариант—длиною до 4 см (погр. 36/1961, 30/1957; 16/1960; рис. 4, *1—3*) и второй—свыше 5 см (погр. 1 и 8/1956, 59/1957, 5 и 15/1958, две случайные находки на некрополе; рис. 4, *4—11*).

Фибулы описываемой группы С. И. Капошина суммарно датирует I в. н. э. [2, с. 29]. В одном случае она отмечает, что «все же некоторые из таких фибул заходят в начало II в.н.э.»[8, с. 52].

А. К. Амброз подобные фибулы относит к 12-й группе (пружинные фибулы с гладким корпусом и кнопкой на конце пластинчатого приемника) и датирует в зависимости от размера небольшие — I в. н. э., крупные—II—III вв. н. э. [3, с. 43].

Рассмотрим вещи, обнаруженные с фибулами. Фибула первого варианта I типа из погр. 4/1958 (рис. 3, *1*) найдена с краснолаковыми кубками начала I в. н. э. [1, с. 110], круглопроволочными несомкнутыми бронзовыми браслетами с шишечками на концах I в. н. э. [9, с. 86, 138]. Вторая фибула (рис. 3, *2*) — случайная находка, обнаружена вме-

[1] А. К. Амброз в работе «Фибулы из раскопок Танаиса» [4, с. 254, 255] ошибочно относит фибулу из погр. 4/1958 Кобяковского некрополя к фибулам с узкой длинной спинкой, с низким длинным приемником и профилированной спинкой. Фибула эта совершенно иной формы (рис. 3, *1*).

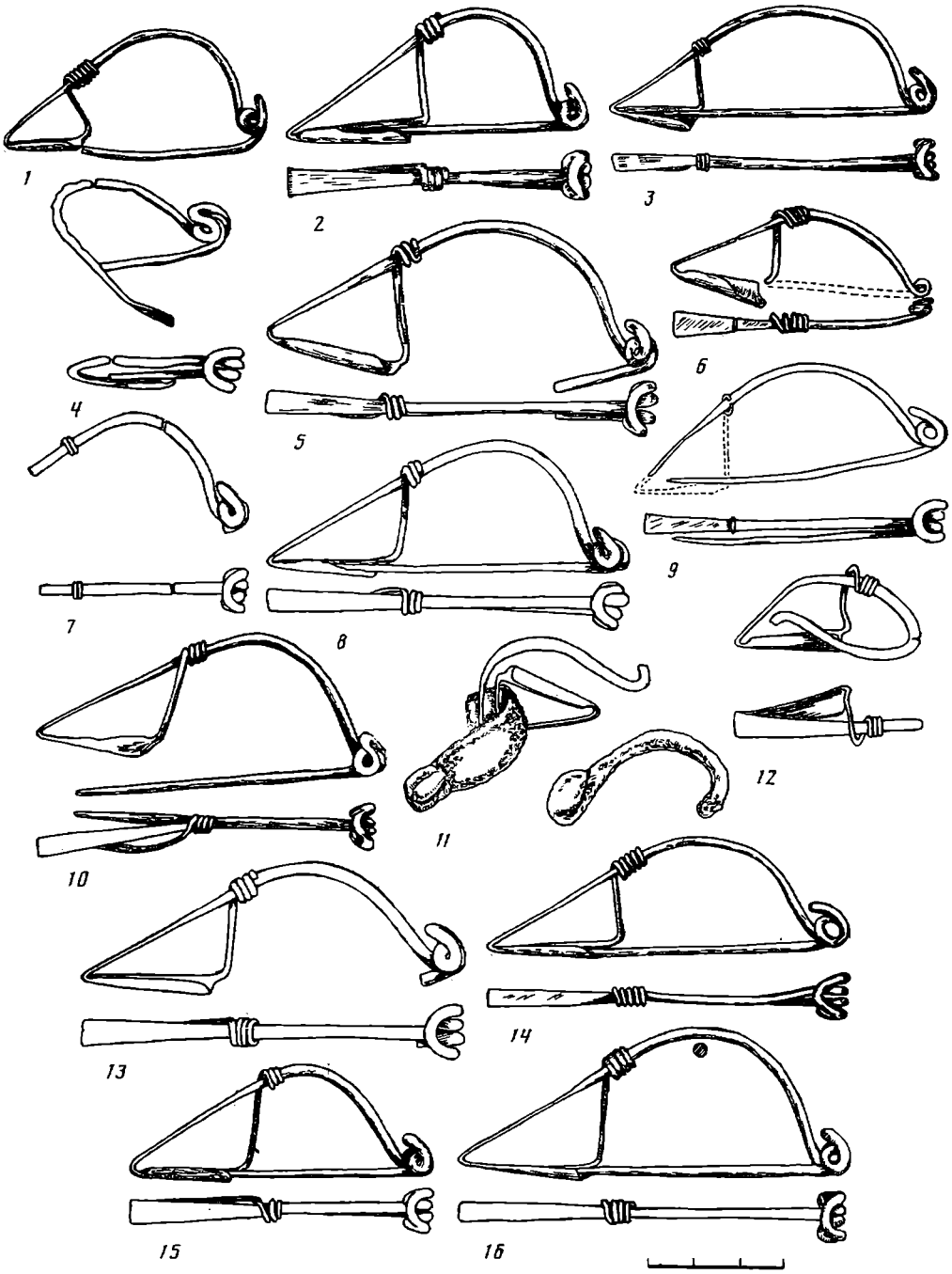


Рис. 5. Фибулы III группы. *1—16* — I тип. *1* — погр. 42/1961; *2* — погр. 29/1957; *3* — погр. 9/1960 (с ней еще фибула на рис. 3, *10*); *4* — погр. 50/1957; *5, 6* — погр. 5/1958 (с ней еще фибула на рис. 4, *8*); *7* — погр. 29/1956 (с ней еще фибулы на рис. 1, *10—13*, рис. 2, *4*); *8* — погр. 9/1962; *9* — погр. 33/1961; *10* — погр. 54/1957; *11, 12, 14* — погр. 36/1961 (с ними еще фибулы на рис. 3, *9*, рис. 4, *1*); *13* — погр. 34/1961; *15, 16* — погр. 22/1959

сте с пятью аналогичными браслетами. Таким образом, датой появления этих фибул на Кобяковом городище можно считать начало I в. н. э.

Из фибул I типа наиболее распространены в некрополе Кобякова городища фибулы второго варианта. В погр. 46/1957 и 17/1960 (рис. 3, *4—6*) они представлены вместе с краснолаковой керамикой второй половины I в. н. э. [6, с. 220, 221]. Одна из фибул погр. 46/1957 отличается более плавным соединением спинки с ножкой. По пропорциям этим фибулам близки фибулы из погр. 33(А)/1956 и 7/1958 (рис. 3, *7,8*).

Сходный отпечаток штампа, как на фибуле из погр. 7/1958, присутствует и на фибуле из погр. 36/1961 (рис. 3,9). Последняя обнаружена

в интересном и редком сочетании с четырьмя фибулами, три из которых относятся к разным типам (рис. 4, *1*; рис. 5, *11*, *12*, *14*). Сочетание с фибулой первого варианта II типа II группы позволяет датировать фибулу из погр. 36/1961 I в. н. э. На фибуле из погр. 9/1960 тот же рисунок штампа, но орнамент имеет не три полосы, а две (рис. 3, *10*). Найдена она вместе с резным колокольчиком, характерным для детских погребений I в. н. э. [8, с. 58; 10, с. 78]. Последние две фибулы в отличие от предыдущих имеют более высокий приемник. Все описанные фибулы характеризуются очень высоким качеством работы (четкие детали и штампы), неширокой спинкой (0,5—0,8 см). Небольшая фибула из погр. 29/1961 (рис. 3, *11*) соответствует всем конструктивным признакам фибул I в. н. э., но пластина очень тонкая, что мы наблюдаем у фибул следующей хронологической группы. Вместе с ней найден краснолаковый кувшин, качество и обработка деталей которого свидетельствует о его изготовлении уже в начале II в. н. э. К этому же времени можно отнести фибулы более развитой формы; они крупные, порой с треугольной формы приемником, со спинкой шириной 1—1,2 см, изготовлены из тонкой пластины плохой выделки (погр. 9 и 21/1957 и три случайные находки; рис. 3, *12—16*). В погр. 9/1957 фибула (рис. 3, *12*) найдена вместе с зеркалом, которое по ряду признаков относится к началу II в. н. э. [7, с. 9].

На материалах некрополя Кобякова городища прослеживается развитие фибул второго варианта I типа, от небольших с неширокой спинкой (0,5—0,8 см) из хорошего качества ленты и с четким декором к крупным фибулам с большим приемником, с широкой спинкой (1—1,2 см) из тонкой плохого качества ленты.

Третий вариант представлен двумя фибулами из погр. 17/1957 (рис. 3, *17*). Идентичные фибулы не известны. Некоторые элементы сходства с фибулами из Танаиса позволяют предположительно отнести их к I—II вв. н. э. [4, с. 254, 255].

Перейдем к фибулам II типа II группы (рис. 4). Мы наблюдаем взаимовстречаемость фибул первого варианта II типа с бронзовыми, круглопроволочными браслетами с шишечками на концах I в. н. э. (погр. 30/1957; рис. 4, *2*), маленькими железными наконечниками стрел (погр. 16/1960; рис. 4, *3*) [11, с. 49]. Фибулы в погребениях 30/1957 и 36/1961 идентичны, украшены косыми насечками, третья—имеет гладкую спинку.

Фибулы второго варианта II типа имеют на спинке орнамент в виде ряда или двух рядов точек. В погр. 1/1956 фибула (рис. 4, *4*) найдена с такими же браслетами, как фибулы первого варианта, с двумя перстнями, украшенными волютами. С таким же перстнем, фибулой второго варианта I типа I группы и краснолаковой тарелкой второй трети I в. н. э. обнаружена фибула второго варианта в погр. 59/1957 (рис. 4, *5*). Две фибулы из погр. 8/1956 (рис. 4, *6*, *7*) встречены вместе с бронзовым несомкнутым браслетом со стилизованными головками змей. Аналогичные браслеты также характерны для I в. н. э. В погр. 15/1958 (рис. 4, *9*) фибула сочетается со стеклянным бальзамарием второй половины I в. н. э. [12, с. 29]. Таким образом, приведенные данные позволяют датировать фибулы первого и второго вариантов II типа I в. н. э.

Подведем итоги. На Кобяковом поселении наиболее ранними (начало I в. н. э.) среди фибул II группы являются фибулы с подтреугольной плоской спинкой (первый вариант I типа). К I в. н. э. относятся фибулы с выпуклой спинкой (тип II) и фибулы с подпрямоугольной плоской спинкой, выполненные из хорошего качества ленты, с неширокой (до 0,8 см) спинкой. Развитие фибул II группы идет от подтреугольной и выпуклой спинки к прямоугольной, которая ко II в. н. э. имеет тенденцию к увеличению ширины.

Корреляция фибул II группы с другими группами (со вторым вариантом I типа I группы и I типом III группы; табл. 1) подтверждает это.

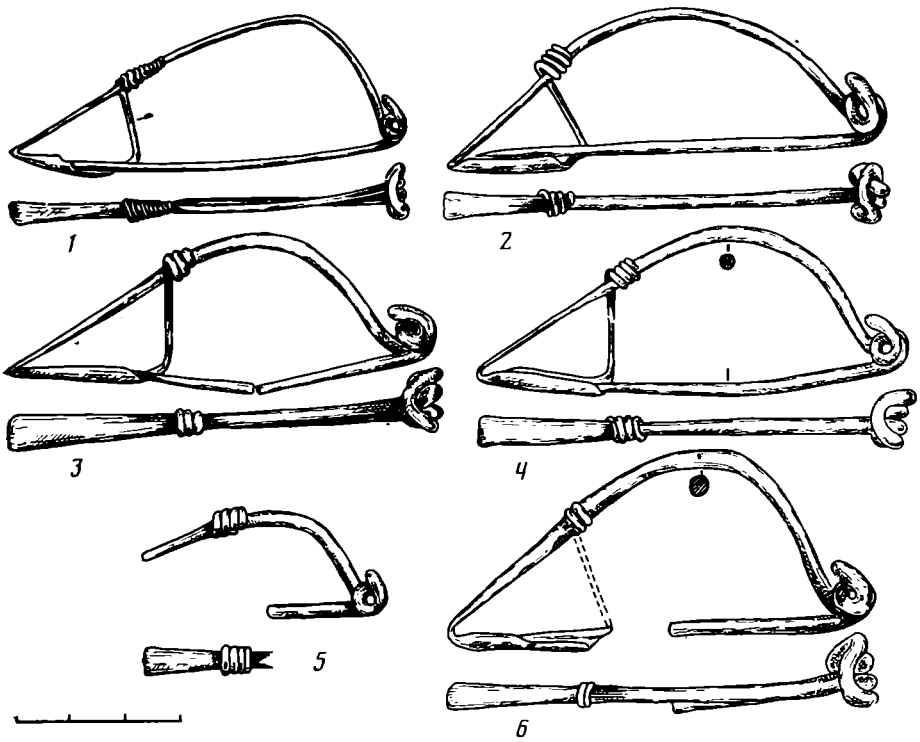


Рис. 6. Фибулы III группы. *1—6* — I тип. *1* — погр. 19/1962; *2* — погр. 60/1957; *3* — погр. 20/1962; *4* — погр. 12/1959; *5* — погр. 37/1961; *6* — случайная находка 1957 г.

А. К. Амброз на основании издания части рисунков фибул II группы С. И. Капошиной датирует кобяковские фибулы с плоской пластинчатой и выпуклой спинками II—III вв. н. э. [3, с. 44], что совершенно не подтверждается материалами некрополя.

Группа III. Включает 46 лучковых фибул, имеющих: 1) проволочную спинку, 2) подвязанный приемник, 3) четырехвитковую пружину (рис. 5—8).

Классификация лучковых фибул с подвязанным приемником, как и других, вызывает определенные трудности. Различаясь по размерам и конфигурации, они тем не менее по конструкции составляют единую группу. Самое яркое, одновременно конструктивное и декоративное различие вносит в эту группу манера оформления дужки: несколькими витками, сплошной спиралью по всей ее длине, сочетанием спирали с серпантином (так называемая фигурная обмотка). В одних случаях эти три вида обмотки учитывались исследователями в качестве типообразующих признаков (А. И. Фурманская), в других—фибулы с разной обмоткой включались в один тип, вариант и т. д. (А. К. Амброз, А. С. Скрипкин). Однако в обоих случаях учитывалось лишь декоративное значение обмотки и не принималось во внимание ее влияние на форму дужки, т. е. на степень и особенности ее изгиба, а именно степень изгиба дужки во всех без исключения классификациях лучковых фибул с подвязанным приемником выступала одним из основных признаков. Не меньшее значение придавалось и размерам фибул, т. е. высоте и длине. К сожалению, мы не имеем ни одного примера определения четких границ этих признаков. Их оценки всегда носят в значительной степени субъективный характер. Для примера сошлемся на работу А. С. Скрипкина. В ней встречаются весьма характерные и для других авторов определения: «фибулы первого варианта небольших размеров, с низкой спинкой», «фибулы третьего варианта уже значительно больших размеров», «у фибул четвертого варианта спинка сильно изогнута» [5, с.102].

При классификации лучковых фибул с подвязанным приемником Кобяковского некрополя сделана попытка упорядочить определение степени изгиба дужки введением двух пропорций — H : D и D : d, где пер-

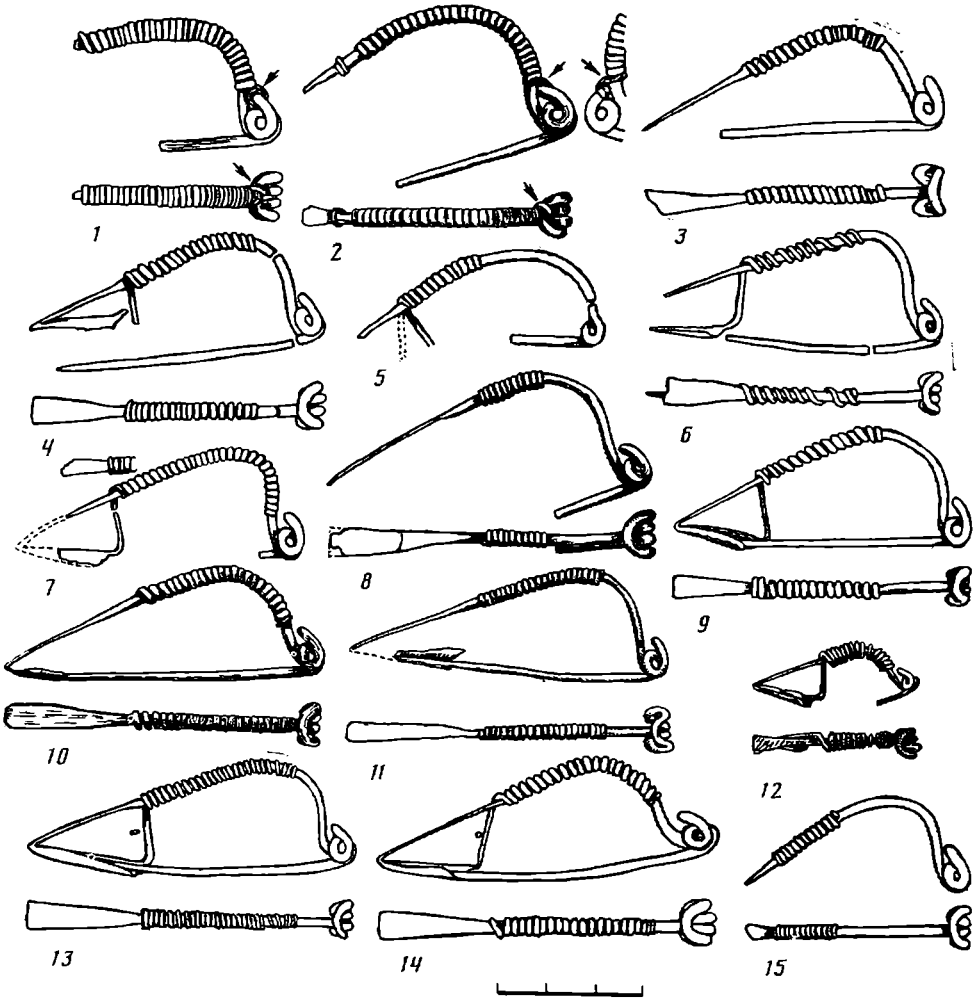


Рис. 7. Фибулы III группы. *1—15* — II тип. *1* — погр. 66/1957; *2* — погр. 14/1960; *3* — погр. 65/1957; *4—6* — погр. 6/1960; *7* — погр. 11/1961; *8* — погр. 21/1961; *9* — погр. 23/1962; *10* — погр. 25/1962; *11* — погр. 13/1960; *12* — погр. 1/1962 (с ней еще фибулы на рис. 8, *4, 5*); *13, 14* — погр. 31/1961; *15* — погр. 11/1959

вая степень определяет степень высоты спинки, а вторая—кривизны (рис. 9). Как выяснилось, наиболее важной оказалась вторая пропорция. Корреляция этих пропорций на сетке координат привела к выделению трех типов лучковых фибул, каждому из которых соответствует определенный декор. При этом фибулы с несколькими витками на спинке (*I тип*) по своим пропорциям резко отделились от фибул со сплошной спиралью (*II тип*) и фибул с фигурной обмоткой (*III тип*). Последние оказались в значительной степени близкими между собой. Так, соотношение D:d для I типа равно 0,54—0,68[2], для II и III—соответственно 0,70—0,82 и 0,67—0,83.

Итак, декор оказался важным типообразующим признаком: чем обмотка сложнее и длиннее (II—III типы), тем больший для него требуется прямой участок дужки, что соответственно ведет к большей изогнутости (кривизне) передней ее части при спуске к пружине, и наоборот (I тип). Проведенная корреляция показала: 1) вид обмотки есть конструктивный признак, а не только декоративный; 2) декор есть типообразующий признак; 3) выявлена конструктивная и технологическая близость, а соответственно и типологическая между II и III типами на основе применения стандартных признаков.

[2] Исключение — фибула из погр. 19/1962, у которой значение D : d равно 0,76.

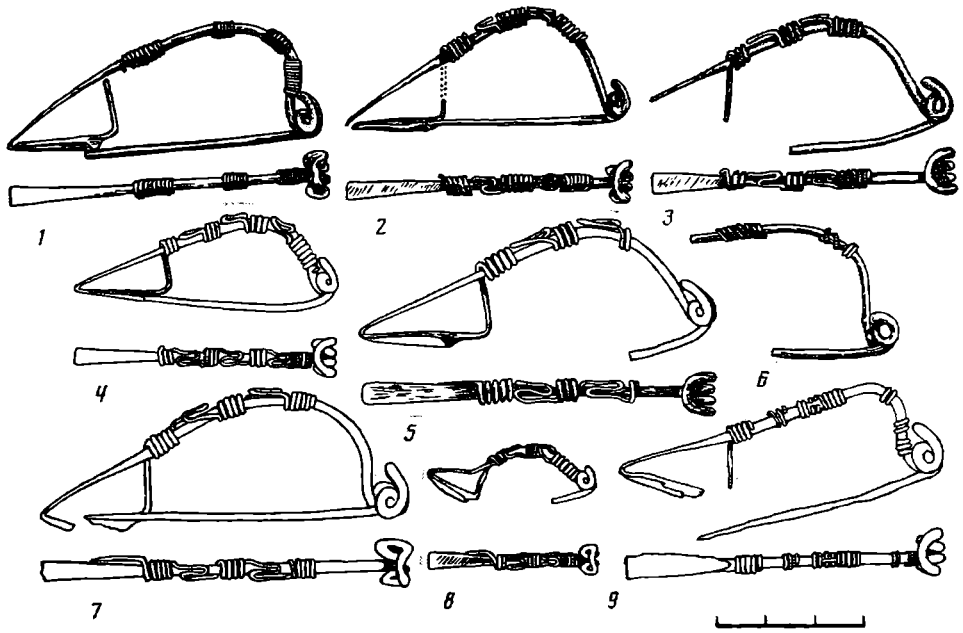


Рис. 8. Фибулы III группы. *1—9* — III тип. *1—3* — погр. 15/1959 (с ней еще фибула на рис. 10, *3*); *4, 5* — погр. 1/1962 (с ней еще фибула на рис. 7, *12*); *6* — погр. 39/1961 (с ней еще фибула на рис. 10, *2*); *7* — погр. 8/1962; *8* — погр. 16/1956; *9* — случайная находка 1961 г.

На основе тех же соотношений и опять же, в первую очередь D:d, была предпринята попытка выявить возможность деления каждого из типов на четко разграниченные варианты. При этом ставилась задача дать их признаки не в форме субъективных выражений, а определить их границы в цифровых показателях. Естественно, что различия в кривизне и высоте фибул внутри варианта должны быть меньшими, чем между вариантами. Для этого все фибулы были выстроены в один ряд по степени нарастания изгиба, т. е. крутизны их задней части дужек, которая определяется соотношением D:d. Оказалось, что никакой прерывности в нарастании кривизны нет (табл. 2). Нет зависимости и между размером фибулы и ее кривизной, а также между ними и прокованностью (шириной) ножки и формой приемника. Любая попытка разделить имеющиеся три типа фибул на варианты по указанным признакам будет носить недостоверный характер. Отсюда второй вывод: определенной зависимости между совокупностью таких признаков, как кривизна, размеры, ширина ножки, форма приемника, среди фибул каждого из трех типов с одной стороны и хронологической трансформацией каждого признака нет.

Объясняется это, на наш взгляд, тем, что мастера (или мастерские), придерживаясь традиции (моды), строго следили за общим единообразием конструкции производимых фибул, однако достигнуть стандартизации размеров, степени кривизны, ширины ножки (последняя колеблется в долях миллиметра) не могли не только в разных производственных центрах, но даже в рамках одного поселения. Достаточно сказать, что для получения серии совершенно одинаковых фибул надо иметь куски проволоки строго стандартного диаметра. Каждая заготовка должна быть с точностью до 1—2 мм разделена на отрезки для спирали, приемника, ножки, спинки, пружины, иглы. Далее, в долях миллиметра должна была контролироваться ширина проковки ножки и приемника. В этом плане интересно отметить, что нет пары (!) фибул с одинаковым количеством витков обмотки, ибо это требует еще более точного контроля за проковкой соответствующего участка проволоки заготовок. Не меньшую сложность представляла стандартизация в завитках пружины. На практике они получались то большими и свободно расположенными, то, наобо-

рот,— очень «плотными». Достижение такой точности технологически было невозможно, да в этом и не было необходимости.

В некрополе Кобякова городища фибулы III группы неоднократно встречались по две и три в погребении. Оказалось, что даже в этих столь одновременных комплексах встречаются фибулы разной величины и крутизны, с разным изгибом дужки и разной шириной приемника.

Так, в погр. 15/1959 три фибулы отличаются абсолютными размерами (5,7, 6,5 и 7 см), шириной приемника (0,4, 0,4 и 0,5 см) и крутизной (рис. 8,*1—3*). То же можно сказать о двух фибулах из погр. 1/1962 с фигурной и одной со сплошной обмотками. Отличаются они длиной (3, 5 и 7 см), шириной приемника (0,4, 0,4 и 0,5 см) и крутизной (рис. 7, *12*, рис. 8, *4*, *5*). Подобное наблюдается и у двух фибул из погр. 31/1961 (рис. 7, *13*, *14*) и трех в погр. 6/1960 (рис. 7, *4—6*). В погр. 29/1957 (рис. 5, *2*), 50/1957 (рис. 5, *4*), 9/1960 (рис. 5, *3*), 36/1961 (рис. 5, *11*, *12*, *14*), 42/1961 (рис. 5, *1*), которые датируются I в. н. э., фибулы также отличаются абсолютными размерами и крутизной дужки.

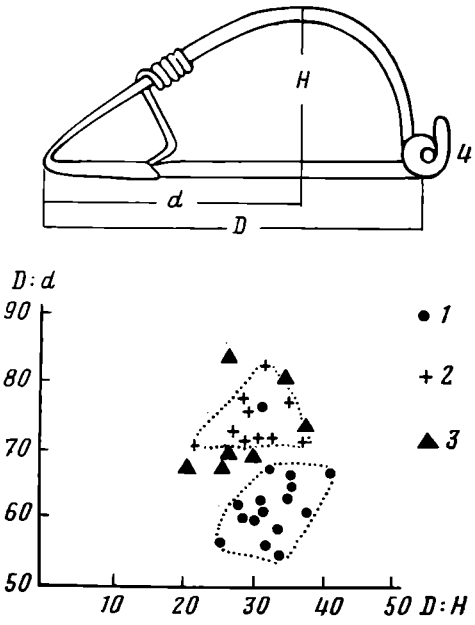


Рис. 9. Соотношение пропорций фибул III группы. *1* — фибула I типа; *2* — фибула II типа; *3* — фибула III типа; *4* — схема замеров (на примере фибулы I типа)

Перейдем к вопросу о хронологии фибул III группы из погребений некрополя Кобякова городища. *I тип* — найдено 22 фибулы. Они встречены с краснолаковым кувшином I в. н. э. (погр. 42/1961; рис. 5, *1*) [6, с. 221], в двух случаях (погр. 29/1957 и 9/1960; рис. 5, *2*, *3*) с бронзовыми резными колокольчиками, в трех комплексах (погр. 29 и 50/1957, 5/1958; рис. 5, *2*, *4—6*) с фигурными египетскими изделиями, в основном распространенными в Северном Причерноморье в I—II вв. н. э. [13, с. 28], со светлоглиняной узкогорлой амфорой конца I — середины II в. н. э. (погр. 9/1962; рис. 5, *8*) [14, с. 18]. Обнаружены также фибулы с плоским зеркалом без ручки (погр. 50/1957; рис. 5, *4*), которые датируются I в. до н. э.— I в. н. э. [9, с. 143], с орнаментированными зеркальцами-подвесками I в. н. э. (погр. 50/1957; рис. 5, *4*; погр. 33/1961; рис. 5, *9*), еще сохранившими коническую шишечку в центре, утолщенный валик по краю, и II в. н. э. (погр. 29/1956; рис. 5, *7*), с краснолаковой чашкой II — начала III в. н. э. (погр. 54/1957, рис. 5, *10*) [6, с. 221].

Из табл. 1 взаимовстречаемости фибул мы видим, что фибулы I типа III группы не встречаются с фибулами II и III типов этой же группы. Это может означать, что они разновременны. Наблюдается сочетание фибул I типа III группы с фибулами I типа II группы (погр. 9/1960; рис. 3, *10*; рис. 5, *3*), II типа II группы (погр. 5/1958; рис. 4, *8*; рис. 5, *5*, *6*) и I и II типов II группы (погр. 36/1961; рис. 3, *9*; рис. 4, *1*; рис. 5, *11*, *12*, *14*), которые относятся к I в. н. э., со II типом I группы (погр. 29/1956; рис. 1, *10—13*, рис. 2, *4*; рис. 5, *7*), которые относятся ко II в. н. э.

Таким образом, фибулы I типа III группы появляются на Кобяковском городище в I в. н. э. (видимо, с середины — второй половины), продолжают бытовать и во II в. н. э.

II тип III группы представлен 15 фибулами. В двух погребениях — 66/1957 и 14/1960 — прослежен способ крепления завязки к пружине (рис. 7, *12*). В шести погребениях (65/1957 — рис. 7, 3; 6/1960 —

Таблица 2

Степень возрастания кривизны спинок лучковых фибул

I тип			II тип			III тип		
Рис., №	Погр., №/ год раскопок	D : d	Рис., №	Погр., №/ год раскопок	D : d	Рис., №	Погр., №/ год раскопок	D : d
5, *15*	22/1959	0,54						
6, *12*	60/1957	0,56						
5, *6*	5/1958	0,57						
5, *9*	33/1961	0,58						
6, *3*	20/1962	0,60						
5, *14*	36/1961	0,60						
5, *13*	34/1961	0,61						
5, *5*	5/1958	0,61						
6, *4*	12/1959	0,61						
6, *6*	*/1957	0,61						
5, *3*	9/1960	0,62						
5, *10*	54/1957	0,64						
5, *16*	22/1959	0,66						
5, *2*	29/1957	0,67				8, *5*	1/1962	0,67
5, *1*	42/1961	0,67				8, *8*	16/1956	0,67
5, *8*	9/1962	0,68				8, *7*	8/1962	0,68
			7, *12*	1/1962	0,70			
			7, *10*	25/1962	0,70			
			7, *4*	6/1960	0,71			
			7, *3*	65/1957	0,71			
			7, *9*	23/1962	0,71			
			7, *14*	31/1961	0,72			
			7, *8*	21/1961	0,72			
						8, *2*	15/1959	0,73
						8, *4*	1/1962	0,74
6, *1*	19/1962	0,76						
			7, *13*	31/1961	0,77			
			7, *7*	11/1961	0,77			
						8, *1*	15/1959	0,79
			7, *11*	13/1960	0,80			
			7, *6*	6/1960	0,82			
						8, *9*	*/1961	0,83

* — Случайная находка.

рис. 7, *4—6*; 11/1961 — рис. 7, *7*; 21/1961 — рис. 7, *8*; 23/1962 — рис. 7, *9*; 25/1962 — рис. 7, *10*) этот тип фибул коррелируется с зеркалами-подвесками, орнаментированными на оборотной стороне, II—III вв. н. э. В трех погребениях на зеркалах один и тот же орнамент — квадрат, вписанный в круг (погр. 65/1957, 25/1961, 23/1962). Из других предметов, классификация которых разработана, встречаются сердоликовые 14-гранные бусы, по одной в комплексе, видимо, в качестве оберега-амулета, появившиеся в Северном Причерноморье в III в. н э. (погр. 66/1957, 21/1961; рис. 7, *1, 8*) [13, с. 15], меч без навершия (погр. 13/1960, рис. 7, *11*) и железный кинжал с кольцевым навершием (погр. 14/1960; рис. 7, *2*) — II—III вв. н. э.

Фибулы II типа III группы с фибулами других групп не встречены, коррелируются только в одном случае — с фибулами III типа (табл. 1, рис. 7, *12*; рис. 8, *4, 5*).

Итак, фибулы II типа появляются на некрополе Кобякова городища не ранее второй половины II в. н. э. и продолжают встречаться в начале III в. н. э.

III тип III группы представлен немногочисленными находками (9 экз.). Эти фибулы найдены в погр. 15/1959 (рис. 8, *1—3*) вместе с краснолаковой кружечкой I—II вв. н. э., погр. 1/1962 (рис. 8, *4, 5*) с краснолаковой чашкой начала II в. н. э. [6, с. 221], погр. 8/1962 (рис. 8, *7*) с сердоликовой 14-гранной бусиной III в. н. э. Лишь в одном случае фибулы III типа встречены с фибулой II типа этой же группы (рис. 7, *12*; рис. 8, *4, 5*) и в двух — с фибулами-брошами второй половины II в. н. э. (погр. 15/1959; рис. 8, *1—3*, рис. 11, *3*;

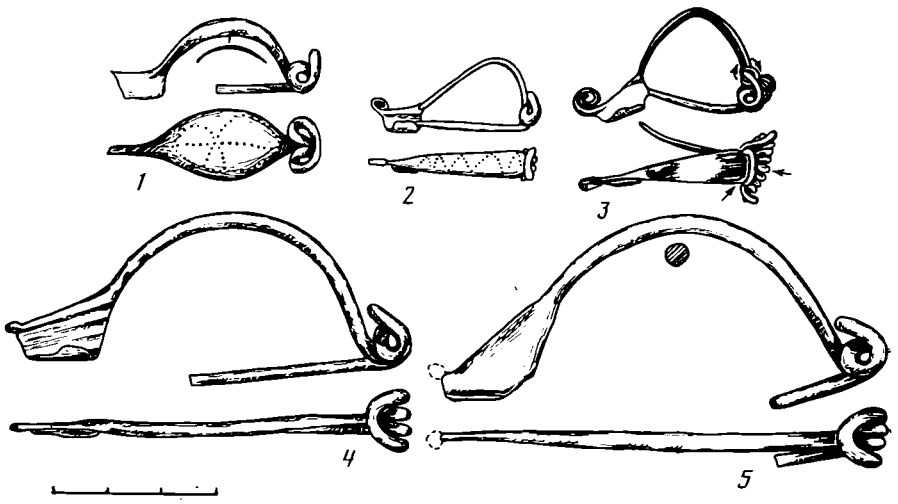


Рис. 10. Фибулы IV и V групп. *1—3* — IV группа; *4, 5* — V группа. *1* — погр. 4/1961; *2* — погр. 22/1961; *3* — погр. 25/1957; *4* — погр. 9/1958; *5* — случайная находка 1957 г.

погр. 39/1961, рис. 8, *6*, рис. 11, *2*). Датировка фибул III типа — II—начало III в. н. э.

Подведем итоги. Фибулы I типа III группы появляются в некрополе Кобякова городища с середины — второй половины I в. н. э., бытуют во II в. н. э. Во II в. н. э. появляются и фибулы со сплошной и фигурной обмоткой (II и III типы), которые встречаются и в начале III в. н. э. В данной группе развитие фибул идет по линии усложнения завязки, создания на ней дополнительных украшений. Тот факт, что фибулы II и III типов сосуществуют, подтверждается и сопутствующим однородным материалом, в то время как материал, встречаемый с фибулами I типа, отличен.

Группа IV — три фибулы с закрытым приемником, украшенным завитком (рис. 10, *1—3*). Как отмечает А. К. Амброз, фибулы с завитком разнообразны, и объединяющим элементом является именно завиток[3]. Они распространены в Северном Причерноморье, на Дону известны в Танаисе и курганном материале. Все три фибулы из некрополя Кобякова городища различны по форме. В погр. 4/1961 фибула с выпуклой ленточной спинкой, украшенной точечным орнаментом, четырехвитковой пружиной (рис. 10, *1*). Фибула из погр. 22/1961 отличается плоской спинкой (рис. 10, *2*). Третья фибула (погр. 25/1957) имеет такую же плоскую ленточную спинку, но пружина ее многовитковая, и тетива охватывает спинку петлей (рис. 10, *3*). Все погребения, а следовательно, и фибулы по сопутствующему материалу (круглопроволочные браслеты с шишечками — погр. 4/1961, краснолаковая чашка из погр. 22/1961) могут быть отнесены к I в. н. э. Это вполне соответствует общей более широкой дате распространения этих фибул в Северном Причерноморье.

Группа V включает две фибулы, имеющие: 1) закрытый приемник с биконическим утолщением на конце; 2) круглопроволочную спинку; 3) четырехвитковую пружину. Одна из фибул найдена в погр. 9/1958 (рис. 10, *4*) в сочетании с сероглиняным гончарным кувшином, характерным для местной керамики I—II вв. н. э. и железной круглой с язычком пряжкой. Вторая фибула — случайная находка (рис. 10, *5*). Предположительная дата — I—II вв. н. э.

Группа VI — три фибулы с эмалью. Две ромбической формы (погр. 67/68/1957, рис. 11, *1*; погр. 39/1961, рис. 11, *2*) и одна круглой (погр. 15/1959, рис. 11, *3*). Они происходят из галло-римских мастер-

[3] В данном случае мы придерживаемся традиционного выделения этих фибул по одному признаку.

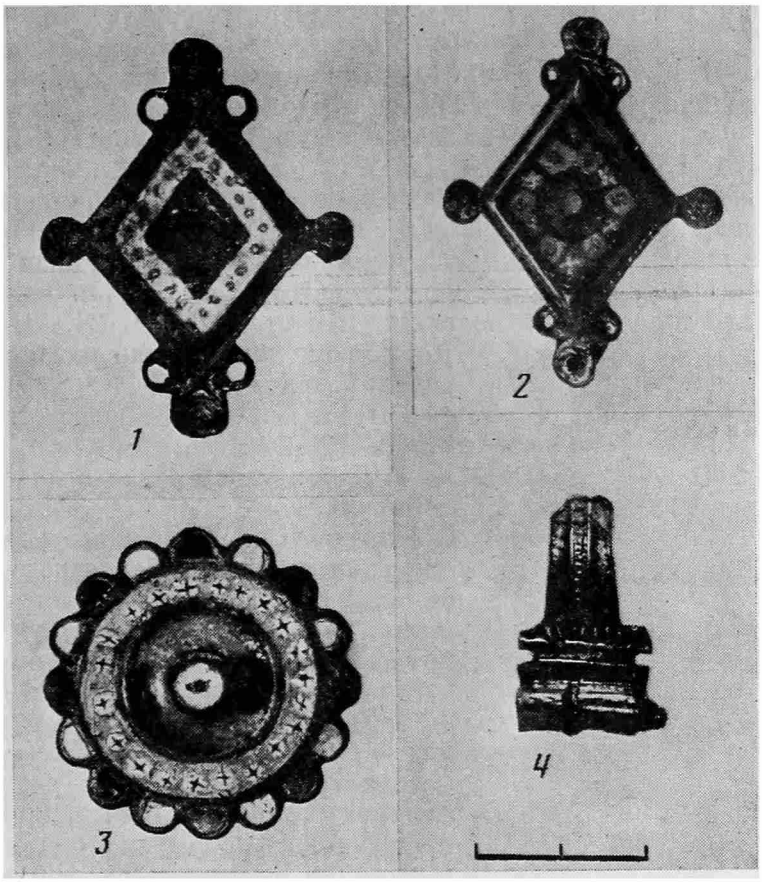


Рис. 11. Фибулы с эмалью VI группы и фибула типа «Авцисса». *1* — погр. 67/68/1957; *2* — погр. 39/1961 (с ней еще фибула на рис. 8, *6*); *3* — погр. 15/1959 (с ней еще фибулы на рис. 8, *1—3*); *4* — погр. 17/1961

ских и датируются второй половиной II — началом III в. н. э. [15, табл. XVI, 7]. Находки эмалевых фибул известны на Дону в некрополях Танаиса, Гниловского и Мокро-Чалтырского городищ. Ромбические фибулы из некрополя Кобякова городища достаточно однотипны и отличаются только орнаментом. В центре фибулы из погр. 67/68/1957 ромб из красной эмали, вокруг него полоса светлой пасты, украшенная многолепестковыми мелкими «цветочками». В центральной части второй (погр. 39/1961) находится кружок красной эмали, вокруг полоса из неправильных четырехугольников из красной и белой эмали. На белых четырехугольниках нанесены эмалевые многолепестковые цветы. Обе фибулы на концах ромбического щитка имеют округлые выступы и петельки. В одной из петелек фибулы из погр. 39/1961 сохранился остаток толстой нитки, при помощи которой фибула была пришита к одежде.

Найденные в Северном Причерноморье ромбические эмалевые фибулы отличаются от наших орнаментом. Близкий рисунок (погр. 67/68/1957) имеется на одной фибуле с Кавказа [16, рис. 153].

Круглая фибула (погр. 15/1959) имеет в центре выступ, украшенный зеленой эмалью, вокруг него — вдавленный кружок из бронзы, следующий круг из зеленоватой пасты. Он украшен нечеткими из белой пасты крестами, в центре которых точки из красной эмали. Круглый щиток фибулы обрамлен округлыми лепестками, поочередно украшенными зеленой и красной эмалью.

Корреляция этих фибул с другими показывает, что они встречены дважды с фибулами с подвязанным приемником и дужкой с фигурной обмоткой (погр. 15/1959 и 39/1961). Комплекс вещей погребения

15/1959, как говорилось выше, позволяет датировать его не позднее II в. н. э.

В погр. 67/68/1957 и 39/1961 также нет материала, который бы дал возможность для датировки их более поздним временем. Таким образом, фибулы с эмалью из некрополя Кобякова городища относятся ко второй половине II в. н. э.

Одним экземпляром в некрополе представлена раннеримская шарнирная массивная дуговидная фибула типа «Авцисса» (погр. 17/1961, рис. 11, *4*). На широком основании дужки находится рельефная латинская надпись (рис. 12). Такие фибулы происходят из Галлии или Северной Италии. Дата их — первая половина I в. н. э. [3, с. 26]. На Нижнем Дону кроме целого кобяковского экземпляра один обломок найден в Танаисе [4, с. 250] и три на Хапровском городище [17, с. 22—24].

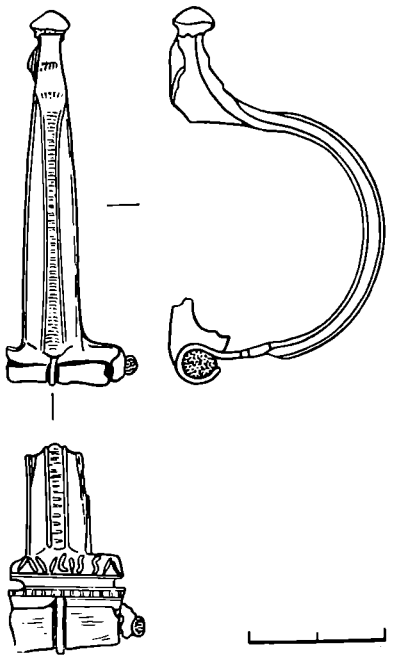


Рис. 12. Фибула типа «Авцисса» из погр. 17/1961

В Лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР был произведен спектральный качественный анализ металлических находок Кобяковского некрополя, которые в силу своей сохранности поддавались такому анализу [1, с. 109]. Выяснилось, что фибулы I—IV групп изготовлены из сплава, основными компонентами которого были медь и цинк, т. е. из латуни. В отличие от бронзы латунь более пластична и ковка, имеет светлый цвет, имитирующий цвет золота, хорошо полируется. Видимо, поэтому она и использовалась для изготовления фибул, которые должны были выглядеть нарядными застежками.

С. И. Капошина в своем отчете приводит сведения об анализе фибул из Чехословакии, где они тоже оказались латунными [18, с. 38]. А. К. Амброз считает это явление повсеместным, ссылаясь на анализы фибул, произведенные польскими учеными. Есть сведения о наличии фибул из Херсонеса, выполненных из меди и бронзы [3, с. 11]. К сожалению, состав металла фибул из многих памятников, судя по литературе, не известен, а поэтому сравнение провести нельзя.

В связи с этим трудно решить и вопрос о центрах производства кобяковских фибул. Исключение составляют редкие экземпляры из Западной Европы. Что касается массовых находок, то выдвинуты предположения о производстве лучковых фибул на Боспоре, ввозившихся оттуда в Танаис, а затем и на поселения дельты Дона, и о производстве фибул I и II групп в самом Танаисе, где открыты заготовки фибул [19, с. 191].

В связи с тем что в Кобяковском некрополе фибулы довольно массовый материал, была сделана попытка проанализировать местоположение фибулы относительно костяка и распределение фибул в погребениях по половому и возрастному признакам. К сожалению, в отчетах не всегда точно фиксировалось положение фибулы. Отмечено положение фибулы справа на ребрах в 16 погребениях (рис. 1, *9*, *21*; рис. 3, *12*, *17*; рис. 6, *1*, *4*; рис. 7, *2*, *7*, *8*, *10—12*; рис. 8, *4*, *5*; рис. 10, *2*, *4*), слева на ребрах в 18 погребениях (рис. 1, *3—5*, *22*; рис. 3, *2*, *5*, *10*, *11*; рис. 4, *3*; рис. 5, *2*, *15*, *16*; рис. 6, *3*; рис. 7, *1*, *3—6*, *9*, *13*, *14*; рис. 8, *1*, *6*; рис. 11, *2*, *3*), на грудине в 14 погребениях (рис. 1, *20*; рис. 2, *1*; рис. 3, *9*; рис. 4, *1*, *9*; рис. 5, *2*, *4*, *8*, *11—14*; рис. 7, *12*; рис. 8, *4—6*; рис. 11, *1*, *2*). Видимо, фибулы носились на одежде справа, слева и по центру, в зависимости от ее покроя. В некоторых погребениях, как

правило в детских и женских, фибулы найдены по несколько штук. Из 55 захоронений, где был определен пол, фибулы распределяются следующим образом: в 19 мужских погребениях 20 фибул (рис. 1, *6*, *14*, *21*; рис. 3, *6—8*, *11*; рис. 4, *2*, *3*, *9*; рис. 5, *1*, *8*, *13*; рис. 6, *1*, *2*; рис. 7, *2*, *8*, *11*; рис. 10, *2*, *4*). В 25 женских погребениях — 31 фибула (рис. 1, *2*, *3*, *20*, *22*; рис. 2, *2*, *3*, *5*, *6*; рис. 3, *3*, *12*, *13*, *15*; рис. 4, *5*; рис. 5, *4*, *15*, *16*; рис. 6, *3*, *5*; рис. 7, *1*, *4—6*; рис. 8, *1*, *4*, *5*; рис. 10, *3*; рис. 11, *3*), в 11 детских — 18 фибул (рис. 1, *1*, *9*; рис. 3, *1*, *9*, *10*; рис. 4, *1*; рис. 5, *2*, *11*, *12*, *14*; рис. 6, *4*; рис. 7, *3*, *13—15*; рис. 8, *6*; рис. 11, *1*, *2*). Попытки связать местоположение фибулы в погребении с половозрастными данными не дало какой-либо закономерности.

В погр. 17/1957 была найдена фибула, на игле которой висела согнутая в кольцо ленточная спинка такой же по форме фибулы (рис. 3, *17*). В погр. 36/1961 на железной фибуле висела согнутая в кольцо спинка лучковой фибулы (рис. 5, *11*). На первый взгляд, это сочетание можно рассматривать как попытку создать новое «оригинальное» украшение или как нежелание расставаться со старым. Однако сочетание фибулы с надетым на ее иголку кольцом весьма распространено в могильниках сарматского времени в Крыму [20, 21]. На Дону при раскопках некрополя Крепостного городища (г. Азов) обнаружено одетое на иголку фибулы кольцо с длинной рогатой подвеской [4]. По всей вероятности, мы здесь встречаемся с каким-то обрядовым явлением.

В некрополе Кобякова городища многообразие форм фибул и их количественное преобладание приходятся на I—II вв. н. э.— время расцвета поселения и его наибольшего заселения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Капошина С. И.* Раскопки Кобякова городища и его некрополя.— В кн.: Археологические раскопки на Дону. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1962.
2. *Капошина С. И.* Отчет Кобяковской экспедиции за 1956 г.— Архив РОМК, ф. 1, оп. 6, д. 1.
3. *Амброз А. К.* Фибулы юга Европейской части СССР.— САИ, 1966, вып. Д1-30.
4. *Амброз А. К.* Фибулы из раскопок Танаиса.— МИА, 1969, № 154.
5. *Скрипкин А. С.* Фибулы Нижнего Поволжья.— СА, 1977, № 2.
6. *Косяненко В. М.* Краснолаковая керамика из некрополя Кобякова городища.— СА, 1980, № 3.
7. *Хазанов А. М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал.— СА, 1963, № 4.
8. *Капошина С. И.* Отчет Кобяковской экспедиции за 1960 г.— Архив РОМК, ф. 2, оп. 6.
9. *Арсеньева Т. М.* Могильник у деревни Ново-Отрадное.— МИА, 1970, № 155.
10. *Шелов Д. Б.* Некрополь Танаиса.— МИА, 1961, № 98.
11. *Капошина С. И.* Отчет Кобяковской экспедиции за 1961 г.— Архив РОМК, ф. 2, оп. 6.
12. *Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э.— V в. н. э.).— САИ, 1970, вып. Д1-27.
13. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья.— САИ, 1975, вып. Г1-12.
14. *Шелов Д. Б.* Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н. э. Классификация и хронология.— КСИА, 1978, вып. 156.
15. *Patek E.* Verbreitung und Herkupft der römischer Fibeltipen in Pannonien. Budapest, 1942.
16. *Спицын А. А.* Предметы с выемчатой эмалью.— ЗОРСА, 1903, т. V, вып. 1.
17. *Ростовцев М. И.* Бронзовые фибулы с надписями из Донской области.— ИАК, 1918, вып. 65.
18. *Капошина С. И.* Отчет Кобяковской экспедиции за 1957 г.— Архив РОМК, ф. 6, д. 2.
19. *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.: Наука, 1972.
20. *Гущина И. И.* Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильника).— В кн.: Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.: Внешторгиздат, 1974.
21. *Богданова Н. А., Гущина И. И., Лобода И. И.* Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I—III вв.) — СА, 1976, № 4.

[4] Любезное сообщение научного сотрудника Азовского краеведческого музея В. В. Чалого.

V. M. Kosyanenko

BRONZE FIBULAE FROM THE NECROPOLIS OF THE KOBYAKOVO FORTIFIED SETTLEMENT

Summary

The author publishes all the bronze fibulae (112 items) found in the necropolis of the Kobyakovo fortified settlement in the lower reaches of the Don River, dated between the 1st and early 3rd centuries A. D. The classification offered in the article is based on three main features describing the fibulae's shape and design: the shape of the catchplate, the bow and the spring. All the fibulae found in the necropolis can be divided into six groups (Figs. 1-10), with bowsaw and arbalest-like fibulae predominating (Groups I and III). The majority of the fibulae are referred to the 1st and 2nd centuries A. D.

А. В. КРЫГАНОВ

КИСТЕНИ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОДОНЬЯ

Благодаря археологическим исследованиям последних лет стала перспективной попытка научного анализа редкой и малоизученной категории оружия салтово-маяцкой культуры — кистеней [1]. Из раннесредневековых археологических материалов Подонья в данной статье учтена 51 боевая гиря.

По материалу, из которого изготовлены кистени, они подразделены нами на группы, по форме выделены типы, по способу крепления определены варианты.

Костяные или роговые кистени, тип I. После первичной черновой обработки (рис. 1, *1*) поверхность почти всех костяных боевых гирь шлифовалась. Между различными формами (шаровидные, грушевидные, вытянутых пропорций) нельзя провести четкую грань, поэтому все кистени этой группы объединены в один тип. *Вариант 1.* Со сквозным долевым каналом для пропуска жгута [1, с. 59] (рис. 1, *2—4*). Обнаружены в хазарском слое Саркела [2, рис. 21], на салтово-маяцких селищах Среднедонечья [3, рис. 5, *3*, *а*, *б*] и на Ютановском городище. *Вариант 2.* С петлей или отверстием в верхней части (рис. 1, *5—7*). Найдены в Саркеле [2, рис. 21]. *Вариант 3.* В долевой канал вставлен железный стержень с петлей (рис. 1, *8*). Имеется только в единственном экземпляре из культурного слоя городища Маяки.

Все кистени этой группы (14 шт., из них 10 из хазарского слоя Саркела) были найдены в степной части Подонья, на памятниках, средневековые салтовские слои которых датируются IX—X вв. [4, с. 48, 52; 5, с. 113, табл. 2] [2]. Среди кочевнических древностей за пределами данной территории, исключая пока единичную находку на Казар-Калакском городище VIII в. в Дагестане [3, с. 68], подобные кистени неизвестны. Зато костяные боевые гирьки широко представлены среди древнерусских материалов X—XIII вв. [1, с. 59]. Наличие кистеней удлиненных пропорций на салтово-маяцких памятниках уточняет мнение А. Н. Кирпичникова, видевшего в этой форме русское видоизменение кочевнических шаровидных гирек [1, с. 59].

Из металлических боевых гирек количественно преобладают железные (20 экз.).

Железные кистени, тип II. Шаровидные (форма варьирует от слегка приплюснутой до биконической). *Вариант 1.* С долевым каналом (рис. 1, *9—11*). Описываемые кистени известны практически на всей территории салтово-маяцкой культуры Подонья: в Верхнесалтовском катакомбном могильнике (раскопки В. А. Бабенко [6, с. 392] и В. Г. Бородулина) и на Верхнесалтовском городище [7, с. 408], в Нетайловском ямном могильнике [8, с. 80], Старосалтовском катакомбном могильнике (раскопки В. Г. Бородулина), Сухогомольшанском могильнике с трупосожжениями, Волоконовских ямном [9, с. 288] и катакомбном [10, с. 12, 13] могильниках, на городище Маяки, в хазарском слое Саркела [11, рис. 1, *9*], разрушенном погребении в Торезском р-не Донецкой обл. [12, с. 99], подкурганном погребении на Нижнем Дону [13, с. 134], ям-

[1] Автор благодарит Г. Е. Афанасьева, В. Г. Бородулина, В. К. Михеева и С. А. Плетневу за предоставленную возможность использовать их неопубликованные материалы.

[2] IX—X вв. датирует салтовский материал с городища Маяки автор раскопок В. К. Михеев.

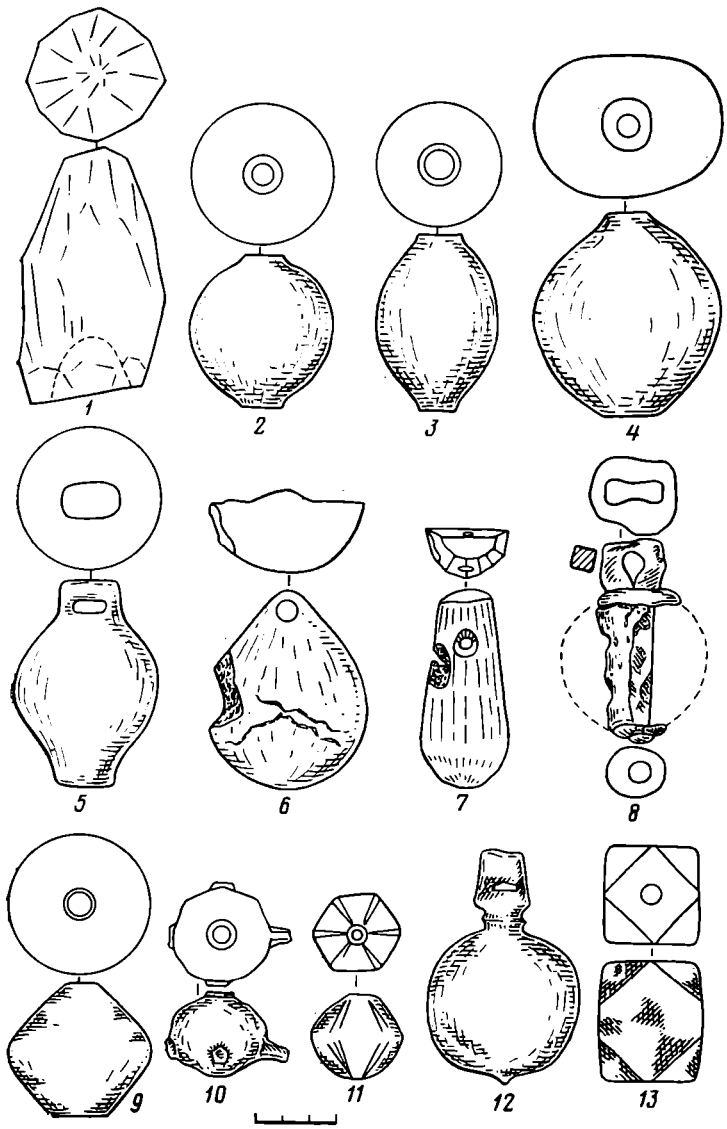


Рис. 1. Кистени. *1—3, 5—7* — хазарский слой Саркела; *4* — Ютановское городище; *8* — Маяцкое городище; *9* — Сухогомольшанский могильник; *10, 12* — Верхнесалтовский могильник; *11* — могильник у с. Желтое; *13* — Красногорский могильник; *1—7* — кость; *8* — кость и железо; *9—13* — железо

ном захоронении у с. Желтое Донецкой обл. [14, рис. 4]. Одна гирька из Верхнесалтовского могильника (раскопки В. Г. Бородулина) была снабжена четырьмя шипами (рис. 1, *10*). Кистень из могильника у с. Желтое имеет ребристую поверхность (рис. 1, *11*). *Вариант 2.* Гирька имеет петлю для привешивания, отделенную от корпуса перехватом (рис. 1, *12*). Этот вариант представлен 1 экз. из Верхнесалтовского катакомбного могильника [15, табл. 22, 7].

Железные кистени, тип III. Кистень в форме квадратной в основании призмы со срезанными углами (рис. 1, *13*). Известен также пока в единственном экземпляре из Красногорского двуобрядового (кремация и ингумация) могильника Балаклейского р-на Харьковской обл.

Суммарно железные кистени датируются второй половиной VIII—X в.; в тех же случаях, когда время существования археологических памятников с находками железных гирек определяется исследователями в более узких хронологических рамках, мы имеем IX—X вв. (Саркел, Волоконовский могильник, могильник у с. Желтое, городище Маяки) [3].

[3] IX—X вв. датируется материал Красногорского могильника.

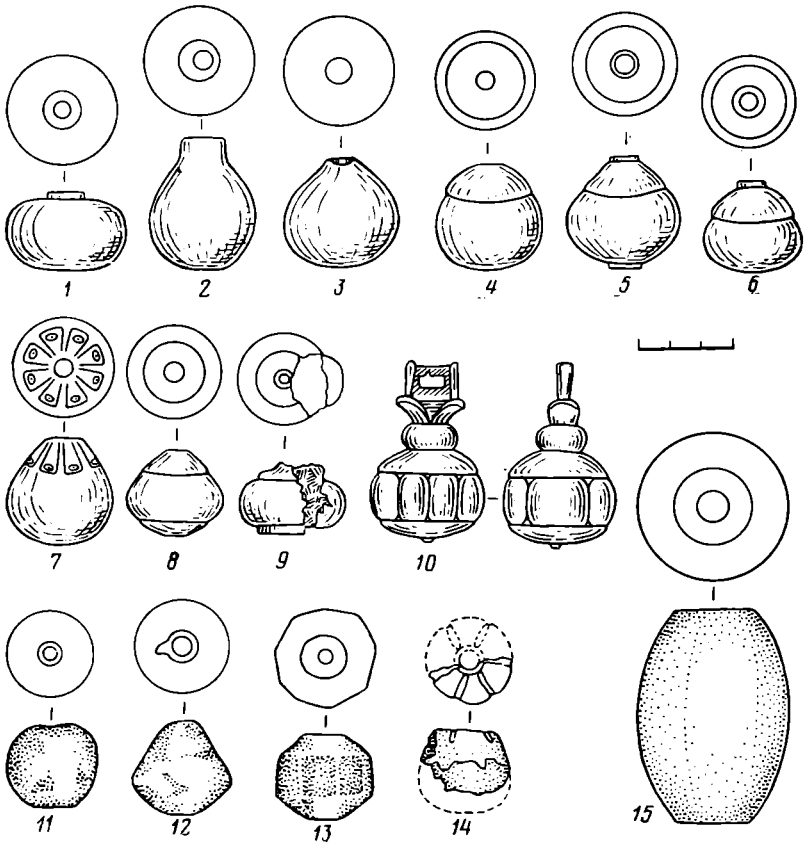


Рис. 2. Кистени. *1, 2, 9, 10, 14* — Сухогомольшанский могильник; *3, 8* — Дмитровский могильник; *4* — случайная находка у с. Петровское; *5, 11* — Верхнесалтовский могильник; *6, 12, 13* — Красногорский могильник; *7* — Камунта; *15* — Ютановское городище; *1—8, 10* — бронза; *9* — железо и бронза; *11—14* — свинец; *15* — камень

В Юго-Восточной Европе, за пределами Подонья, среди раннесредневекового материала автору известны две находки железных кистеней; в могильнике Абрау-Дюрсо близ Новороссийска [16, рис. 2, *18*] и в Большетарханском могильнике [17, табл. IX, *5*] [4]. По предложенной классификации они относятся к варианту 1 типа II. Железные гирьки типа II нередко встречаются на древнерусских памятниках [1, с. 59], причем наиболее точные аналогии имеются в славянском слое Саркела [11, рис. 32, *3, 5, 8*] и на городище Екимауцы [18, рис. 45, *4*], т. е. на памятниках IX—XI вв., находящихся в непосредственной близости от кочевнического мира. Кистень типа III по форме почти не отличается от кубовидных со срезанными углами древнерусских булав [1, рис. 10].

Бронзовые кистени, тип IV. С учетом двух биметаллических (железная или свинцовая основа, бронзовая «рубашка») представлены 10 экз. Шаровидные (от слегка приплюснутых с полюсов до грушевидных), чаще двух- или трехчастные. *Вариант 1.* Со сквозным долевым каналом (рис. 2, *1—6, 8, 9*). Найдены только в лесостепной части Подонья, в верховьях Северского Донца; в Верхнесалтовском катакомбном могильнике (раскопки В. А. Бабенко [5] и С. А. Семенова-Зусера [19, рис. 109, *6*] [6]), Сухогомольшанском могильнике, у с. Петровское Балаклейского р-на Харьковской обл. [20, рис. 27, *4*], Дмитровском и Красногорском могильниках. Аналогия таким кистеням известна автору на Кавказе — из собрания К. И. Ольшевского в Камунте [7] (рис. 2, *7*). *Вариант 2.* Шаровидная гирька художественного литья с петлей, отделенной от корпуса перехватом (рис. 2, *10*). Более или менее близкая

[4] Авторы определили эту находку как пряслице, отметив необычность помещения его в мужском захоронении [17, с. 45].

[5] Фонды ГИМ, инв. № 40537/781.

[6] Биметаллический со свинцовой основой.

[7] Фонды ГИМ, инв. № 18934.

аналогия имеется среди материалов Волжской Болгарии [21, рис. 6, *2*]. Все четыре бронзовых с учетом одного биметаллического кистеня из Сухогомольшанского могильника принадлежат к трем его различным локальным группам (1, 2 и 6), две из которых датируются концом IX — началом X в., одна — второй половиной VIII — началом X в. [22, с. 171]. IX—X вв. определяется время захоронений Красногорского могильника, где также найдена бронзовая гирька.

Свинцовые кистени, тип V. Шаровидные, с долевым каналом (рис. 2, *11—14*). Всего 5 экз. Обнаружены только на памятниках лесостепной зоны: в Сухогомольшанском, Ютановском, Красногорском (2 экз.) и Верхнесалтовском (раскопки В. А. Бабенко[8]) могильниках. О находке свинцовой гирьки для кистеня в Верхнесалтовском могильнике упоминает и С. А. Семенов-Зусер [23, с. 275]. Ознакомление с его отчетами и материалами раскопок показало, что речь идет о яйцевидной с ободком гирьке без петли или отверстия, назначение которой неясно. Точные аналогии типу V кистеней автору неизвестны. Предмет, состоящий из двух свинцовых полушарий и железного стержня с петлей, как полагает В. А. Распопова кистень, обнаружен в слоях VIII в. Пенджикента [24, рис. 52, с. 76], свинцовая заливка от кистеня найдена на Екимауцком городище [18, рис. 45, *4*].

Каменные кистени, тип VI. Яйцевидной формы, со сквозным долевым каналом (рис. 2, *15*). Кроме целого экземпляра из Ютановского городища имеется еще фрагмент такого кистеня с городища Маяки. Аналогии каменным боевым гирям Подонья известны автору в степном Поволжье, где в салтовском погребении конца VIII в. имеется каменный кистень грушевидной формы [25, рис. 96, с. 84], и на городище Екимауцы [18, рис. 45, *4*].

Как следует из вышеизложенного, у каждой группы кистеней свой ареал: костяные (и, похоже, каменные) встречаются только в степной части Подонья, бронзовые, биметаллические и свинцовые — только в лесостепи, железные бытовали на всей территории салтово-маяцкого Подонья.

Немногие авторы затрагивали вопрос о происхождении раннесредневековых кистеней. Б. Зайковский отрицал утверждение, имевшееся в «Словаре» Брокгауза и Евфрона, о занесении их в Европу монголами. Он считал родиной или «по крайней мере базой распространения» этого вида оружия, существовавшего еще до половцев, север или северо-запад России [26, с. 117]. Относительно салтовских кистеней было высказано мнение, допускающее их заимствование населением салтовской культуры от соседей славян [27, с. 160]. Однако А. Н. Кирпичников показал, что на Русь кистени проникли из кочевого Юго-Востока [1, с. 59]. Эту точку зрения определенно подкрепляет материал, приведенный в данной работе. А. Н. Кирпичников датирует древнейшие восточноевропейские кистени IV—IX вв. [1, с. 59], при этом нижняя дата, судя по всему, определяется по находке боевой гирьки в позднесарматском погребении, опубликованном П. Рау. В действительности описываемая вещь представляет собой шарообразный тонкостенный бронзовый предмет, вероятно украшение [28, с. 23, рис. 22, *е*]. Кистени у салтовцев Подонья получают относительно широкое распространение в IX—X вв., появившись не ранее конца VIII в., а вероятнее всего, в начале IX в.

За пределами Юго-Восточной Европы в древностях Евразии эпохи великого переселения народов кистени, исключая находку железной боевой гирьки своеобразной формы в комплексе IX—X вв. из Верхней Оби [29, табл. 54, рис. 6], неизвестны. А. А. Росляков включает кистень в набор оружия раннесредневековых воинов Средней Азии, однако не ссылается на конкретные находки [30, с. 219]. Л. Н. Гумилев, цитируя И. Р. Аспелина при описании всадника на Сулекской писанице, упоминает в правой руке воина боевую гирю [31, с. 69]. И. Р. Аспелин не

[8] Фонды ГИМ, инв. № 40537/908.

приводит вопреки ссылке Л. Н. Гумилева само изображение, а только описывает его [32, с. 12]. Всадник на нем вооружен не кистенем или булавой, а скорее боевым топором [33, с. 88, рис. 5, *2*]. Спорным является определение В. И. Распоповой как кистеня свинцовой гирьки, найденной в Пенджикенте [24, рис. 52].

Не прослеживается археологически генезис кистеня и по материалам скифо-сарматской эпохи. Трактовка в качестве кистеней некоторых предметов, найденных в скифских [34, с. 89, табл. I, *15*] и сарматских [35, с. 15, рис. 30, *8*] захоронениях, непроиллюстрированные высказывания о производстве бронзовых боевых гирь в степной и лесостепной Скифии [19, с. 159, 224] вызывают сомнения. Во всяком случае, исследователи скифского и сарматского оружия А. И. Мелюкова, К. Ф. Смирнов, А. М. Хазанов о кистенях даже не упоминают.

Кочевой мир евразийских степей, таким образом, вероятно не знал кистеней до эпохи раннего средневековья — по крайней мере в том виде, в каком они представлены в памятниках салтово-маяцкой культуры. В указанное время кочевники Юго-Восточной Европы либо заимствовали, либо изобрели данный вид оружия. Автору более правдоподобной представляется первая версия.

С III тыс. до н. э. на Кавказе появляются каменные, а затем и бронзовые навершия булав, разнообразные по форме [36, с. 45], но объединенные общей конструктивной особенностью — наличием сквозного отверстия. Есть определенные данные, позволяющие трактовать некоторые образцы этого вида оружия как гири от кистеней. Так, Б. В. Техов, описывая бронзовые булавы Тлийского могильника, указывает на находки в отверстиях некоторых из них остатков кожаных ремней с узлами на концах [37, с. 32]. Отметим, что именно таким образом удерживались салтовские кистени с долевым каналом [11, с. 188]. Исследователь Тлийского могильника допускает возможность использования булавовидных наверший «в качестве метательного оружия в ближнем бою» [37, с. 32], подразумевая, вероятно, под этим определением оружие типа кистеня. Булавы продолжают бытовать на Кавказе и в раннем средневековье [38, с. 84, 88; 39, с. 289, 377, 379; 40, с. 249, рис. 3, *14*]. Булава и кистень — виды оружия, очень схожие как по назначению, так и по форме. Очень вероятно, часть булавовидных наверший, особенно экземпляры с узким диаметром отверстия, использовались в качестве кистеней. Наконец, среди раннесредневековых материалов Северного Кавказа имеются, хотя и в незначительном количестве, собственно кистени: бронзовая гирька из Камунты, мраморная из христианского храма XII в. на городище Верхний Джулат в Северной Осетии [41, рис. 6]. Этот вид оружия мог быть заимствован кочевниками, применившими для его изготовления не только такие традиционные материалы, как камень и металл, но и кость. Из кости они, между прочим, изготавливали и булавы [17, с. 50, рис. 15, *2*].

Раннесредневековые (кочевнические и древнерусские) кистени определяются как легкое ударное оружие ближнего боя, характерное для «конного дружинника» [1, с. 65; 42, с. 43]. Последнее положение нуждается в некоторой корректировке. Из 51 боевой гири, найденной на памятниках салтово-маяцкой культуры в Подонье, 21 экз. был обнаружен в культурных слоях городищ и селищ и 30 — среди погребального инвентаря могильников. Из числа последних лишь 8 (6 железных и 2 бронзовых) сопровождались оружием и 4 (все железные) — сбруей. По меньшей мере трижды кистень был положен в женские захоронения [43, с. 213] [9]. Сводка древнерусских кистеней, сделанная А. Н. Кирпичниковым [1, с. 134—138], дает еще более четкую картину: из 127 кистеней (сюда вошли и 10 из хазарского слоя Саркела) лишь 1 (№ 45) был обнаружен в погребении и сопровождался оружием и сбруей. Таким образом, во всадных дружинных захоронениях раннего средневековья

[9] Еще в двух случаях бронзовый и свинцовый кистени были положены в женские захоронения Сухогомольшанского и Красногорского могильников.

находки боевых гирек редки, для древнерусской эпохи они вообще исключение. Кистени не могли быть эффективным оружием в бою, особенно против защищенного броней противника, поэтому, видимо, они не упоминаются в раннесредневековых письменных источниках. Изображенная на миниатюре в Радзивилловской летописи боевая гиря принадлежит не воинам, а восставшим жителям [1, с. 65]. Фольклорные и этнографические материалы представляют это оружие как народное, разбойничье [1, с. 65; 26, с. 117]. Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что кистень был одним из наиболее «демократичных» видов оружия, применявшимся не только воинами, но и невоенным населением, даже женщинами. Думается, его бытование как среди кочевников и полукочевников, так и среди древнерусского населения можно объяснить не только удобством хранения и эффективностью в рукопашной схватке [44, с. 137], но и причинами социального порядка: процесс феодализации сопровождался снижением военизации общества, формированием кастовости воинского сословия [45, с. 46, 52]. Дружинное оружие становится недоступным рядовому населению. Недаром бо́льшая часть кочевнических и подавляющее большинство древнерусских кистеней обнаружены в средневековых феодальных центрах — в городах и на городищах-замках либо на близлежащих могильниках, изобилующих комплексами с наборами дружинного оружия.

В могилах боевые гирьки всегда встречаются в единственном экземпляре, что свидетельствует не в пользу предположения об их принадлежности к боласу [4, с. 76], так как данное орудие охоты состоит из ремня и обязательно нескольких шаров-грузиков.

Носили раннесредневековые кистени, вероятно, подвешенными к поясу, на что указывает местоположение их в захоронениях возле тазовых костей[10] [14, с. 286; 46, с. 88] и заполировка одной костяной гирьки от трения об одежду [3, с. 68].

До нас дошли только гири раннесредневековых кистеней, поэтому трудно что-либо определенное сказать об их конструкции в целом. Лишь у одного кистеня сохранилось несколько звеньев железной цепочки [16, рис. 2, *18*]. Очевидно, в качестве связки металлическая цепочка применялась редко, поскольку упомянутая находка пока единична. Более вероятно использование кожаных ремешков, на продевание которых были рассчитаны долевые каналы [11, с. 188] и овальные отверстия петель. Прямые данные о способах ведения боя этим оружием в раннем средневековье отсутствуют.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2.— САИ, 1966, вып. Е1-36.
2. *Белецкий В. Д.* Жилища Саркела — Белой Вежи.— МИА, 1959, № 75.
3. *Красильников К. И.* Изделия из кости салтовской культуры.— СА, 1979, № 2.
4. *Артамонов М. И.* Саркел — Белая Вежа.— МИА, 1958, № 62.
5. *Красильников К. И.* Возникновение оседлости у праболгар Среднедонечья.— СА, 1981, № 4.
6. *Бабенко В. А.* Дневник раскопок в Верхнем Салтове, произведенных в 1905—6 году.— Тр. XIII АС, 1907, т. 1.
7. *Бабенко В. А.* Дополнение к докладу «Что дали нового раскопки в Верхнем Салтове».— Тр. XIII АС, 1907, т. 1.
8. *Пархоменко О. В.* Поховальний інвентар Нетайлівского могильника VIII—IX ст.— Археологія. 1983, вип. 43.
9. *Плетнева С. А., Николаенко А. Г.* Волоконовский древнеболгарский могильник.— СА, 1976, № 3.
10. *Николаенко А. Г.* Отчет об археологических исследованиях в Волоконовском районе Белгородской области в 1976 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 6042.
11. *Сорокин С. С.* Железные изделия Саркела — Белой Вежи.— МИА, 1959, № 75.
12. *Міхеев В. К.* Нові пам'ятки салтівської культури в басейні Сіверського Дінця.— Вісн. ХДУ, 1974, № 104, сер. історична, вип. 8.

[10] У тазовых костей был найден кистень в погребении Красногорского могильника.

13. *Клейн Л. С., Раев Б. А., Семенов А. И., Субботин А. В.* Катакомба скифского времени и салтовский курган на Нижнем Дону.— АО—1971. М., 1972.
14. *Красильников К. И., Руженко А. А.* Погребение хирурга на древнеболгарском могильнике у с. Желтое.— СА, 1981, № 2.
15. *Покровский А. М.* Верхне-Салтовский могильник.— Тр. XII АС, 1905, т. I.
16. *Дмитриев А. В.* Могильник эпохи переселения народов на р. Дюрсо.— КСИА, 1979, вып. 158.
17. *Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* Ранние болгары на Волге. М.: Наука, 1964.
18. *Федоров Г. Б.* Городище Екимауцы.— КСИИМК, 1953, вып. 50.
19. *Шрамко Б. А.* Древности Северского Донца. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1962.
20. *Сибилев Н. В.* Древности Изюмщины. Вып. 1. Изюм, 1926.
21. *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л.: Наука, 1976.
22. *Михеев В. К.* Сухогомольшанский могильник.— СА, 1985, № 4.
23. *Семенов-Зусер С. А.* Дослідження Салтівського могильника.— АП, 1958, т. III.
24. *Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980.
25. *Федоров-Давыдов Г. А., Дворниченко В. В., Паромов Я. М.* Отчет о раскопках курганов в зоне строительства I очереди Калмыцко-Астраханской оросительной системы в Черноярском р-не Астраханской области в 1979 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 8397.
26. *Зайковский Б.* К вопросу о происхождении «кистеня».— ИОАИЭ КазанГУ, 1929, т. 34, вып. 3—4.
27. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам.— МИА, 1967, № 142.
28. *Rau P.* Die Hügelgräber römischer Zeit an unteren Wolga. Pokrowsk: Nemgosisdat, 1927.
29. *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби.— МИА, 1956, № 48.
30. *Росляков А. А.* Военное искусство народов Средней Азии и Казахстана в VI—XV вв.— Уч. Зап. ТуркмГУ, 1962, вып. 21.
31. *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М.: Наука, 1967.
32. *Aspelin I. R.* Types des peuples de l'ancienne Asie Centrale. Helsingfors, 1890.
33. *Распопова В. И.* Согдийский город и кочевая степь в VII—VIII вв.— КСИА, 1970, вып. 122.
34. *Тереножкін І. О.* Курган біля с. Глеваха.— Археологія, 1954, т. IX.
35. *Смирнов К. Ф.* Сарматские погребения Южного Приуралья.— КСИИМК, 1948, вып. 22.
36. *Крупнов Е. И.* Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода.— МИА, 1951, № 23.
37. *Техов Б. В.* Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М.: Наука, 1977.
38. *Уваров А. С.* Булава или пернач.— В кн.: Сборник мелких трудов. Т. II. М., 1910.
39. *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа.— МАК, 1900, вып. VIII.
40. *Виноградов В. Б.* Раннесредневековый могильник у с. Харачой в горной Чечне.— СА, 1970, № 2.
41. *Крупнов Е. И.* Христианский храм XII в. на городище Верхний Джулат.— МИА, 1963, № 114.
42. *Мерперт Н. Я.* Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье.— СА, 1955, т. 23.
43. *Михеев В. К.* Две раннесредневековые находки на Харьковщине.— СА, 1983, № 3.
44. *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого.— МИА, 1959, № 65.
45. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 3.— САИ. 1971, вып. Е1-36.
46. *Иченская О. В.* Об одном из вариантов погребального обряда салтовцев по материалам Нетайловского могильника.— В кн.: Древности Среднего Поднепровья. Киев: Наук. думка, 1981.

A. V. Kryganov

BLUDGEONS OF THE SALTOVO-MAYAK CULTURE IN THE DON BASIN

Summary

The article discusses bludgeons, a little-studied type of weapon used by the Saltovo-Mayak population. Bone and stone bludgeons are found in the steppe part of the Don basin, bronze, bimetallic, and lead objects are limited to the forest-steppe area, while iron artifacts of this type were in use over the entire Saltovo-Mayak region in the Don basin. The early mediaeval bludgeons came, most probably, from the Caucasus, where they had been known in the Bronze Age. Bludgeons appeared among the Saltovo-Mayak population not earlier than the late 8th century, or more probably, in the early 9th century. A. Kirpichnikov surmises that the Russian population borrowed the bludgeons from nomads has been confirmed. This weapon was mainly popular not so much among warriors as among civilians and even women.

М. В. ФЕХНЕР, Н. Г. НЕДОШИВИНА

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТИМЕРЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБАЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ

Тимеревский некрополь в 12 км к юго-западу от Ярославля относится к числу средневековых памятников Верхней Волги, в археологическом отношении наиболее полно изученных.

В ранее опубликованной статье [1] рассматривался погребальный обряд Тимеревского могильника. Настоящая работа, являющаяся продолжением предшествующей, посвящена вопросу погребального инвентаря, тщательное изучение которого определяет время существования некрополя, проливает свет на этнический, социальный состав и имущественную неоднородность населения, оставившего этот памятник.

В основу исследования положен материал из 464 захоронений, иными словами, весь материал, полученный в разные годы из раскопок в Тимереве [1]. Он состоит из предметов вооружения, торгового, бытового и хозяйственного инвентаря, украшений и предметов культа. Для определения времени существования отдельных категорий предметов привлечены типологически близкие вещи ряда памятников Древней Руси и Фенноскандии (курганы Приладожья, Гнездова, Шестовиц, могильники Киева, Пскова, Бирки, Аландских островов, о. Готланд, Ютландского полуострова) и в отдельных случаях из культурных слоев Новгорода. Для датировки погребальных комплексов использовались найденные в них монеты и учитывался обряд захоронения. Детальный анализ вещей из могильника проведен нами по отдельным категориям, массовый же материал — керамика — рассматривается в специальной работе [3].

Предметы вооружения встречены в 48 наиболее богатых насыпях могильника [2], в 10,3% всех исследованных захоронений [4].

Мечи целые обнаружены в трех трупоположениях, навершие меча в одном трупосожжении. Клинок из кургана 100 (70—80-е годы X в.) относится к типу W [5, с. 33], на клинке — буква С (рис. 1). Меч из кург. 295 второй половины X в. плохой сохранности, предположительно относится к типу U — особый, датируемый норвежскими аналогиями серединой X в. [5, с. 32, 33]. Третий целый меч из распаханного кургана на юго-восточной окраине могильника с надписью «Ulfberht» на клинке относится к типу Е второй половины X в. [6, с. 128, 129]. Определить по одному навершию тип меча из кург. 287 затруднительно; ближе всего оно стоит к клинкам типа W второй половины X в.

Наконечники ножен меча найдены дважды: случайная находка и в кург. 274 второй половины X в. [2, рис. 30, *б*, 36, *А*].

Кольчуги. Небольшие куски, сильно спекшиеся от огня, из плоских колец диаметром 1,4—1,5 см обнаружены в четырех захоронениях второй половины X — начала XI в. (кург. 100, 140, 166, 209). Этот редкий защитный доспех встречается, как правило, в богатых погребениях [7].

Копье найдено в кург. 100, относится к типу III [8, с. 12, 13], датируется 70—80-ми годами X в.

---

[1] Материал из раскопок 70-х годов XIX в.— 1961 г. опубликован [2, с. 98—125]. Находки из раскопок 1974—1978 гг. хранятся в ГИМ (архив Отдела археологических памятников, группа «В», № 335, 351, 352, 354, 379).

[2] В расширенном варианте оружие из Тимерева опубликовано в статье Н. Г. Недошивиной [4].

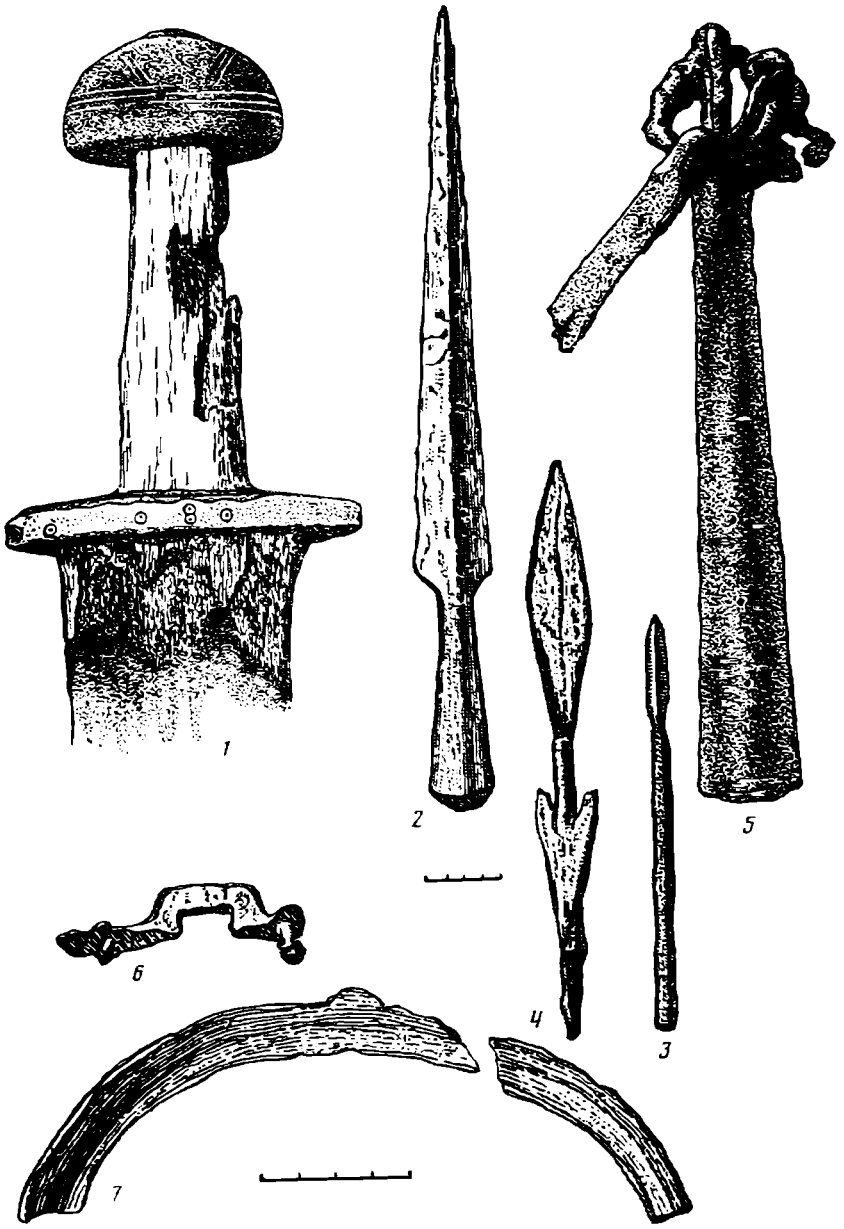


Рис. 1. Курган 100. *1* — меч; *2* — копье; *3, 4* — наконечники стрел; *5* — рукоять плетки; *6, 7* — оковки колчана

Стрелы найдены в 24 насыпях в количестве 34 экз. (табл. 1).

Костяные накладки на лук (обломки) найдены в семи трупосожжениях (на месте и на стороне) — в кург. 5, 47, 85, 290, 355, 365, 433 второй половины X в. [2, с. 58].

Колчаны (фрагменты). Железные скобки и оковки днищ найдены при четырех кремациях (кург. 83, 85, 137, 206) и одной ингумации (кург. 100) первой половины — конца X в. [2, с. 58].

Боевые топоры обнаружены в мужских захоронениях — в двух сожжениях, 10 трупоположениях (табл. 2).

Боевой нож в ножнах с бронзовой оковкой длиной 36 см обнаружен в кург. 295 второй половины X в. Нож длиной 22 см из кург. 364, видимо, также мог применяться как оружие. В кург. 85, 258 второй половины X в. сохранились фрагменты железных и бронзовых ножен боевых ножей.

Снаряжение всадника и верхового коня представлено в Тимереве *стременами* — 2 экз. I типа (кург. 100), *удилами*, обнаруженными в количестве 5 экз. в четырех захоронениях X в. (кург. 100, 241, 265,

Таблица 1

Стрелы Тимеревского могильника

Тип стрел, по А. Ф. Медведеву [9]	Курган, №	Кол-во стрел	Дата
41. Ромбовидные гнездовского типа	46, 134, 243, 360, 374, 383	6	Середина и вторая половина X в.
	474	1	Рубеж X – XI вв.
46. Ромбовидные новгородского типа	134, 325	2	Вторая половина X в.
62. Ланцетовидные плоские	52, 302, 304, 351а; распаханный курган в юго-восточной части могильника	5	Первая половина X в.
	5, 374	2	Вторая половина X в.
75. Ланцетовидные трехгранные	390	1	Первая половина X в.
77. Ланцетовидные квадратного сечения	54	1	»
80. Ромбовидная с бронебойным острием	149	1	Вторая половина X в.
29. Двушипные без упора	171	1	»
58. Срезни в виде расширенной лопаточки без упора для древка	208	1	X в.
15. Килевидные трехлопастные с плечиками	287	1	Вторая половина X в.
82. Килевидные сплющенные с шейкой	85	7	»
76. Пирамидальные трехгранные	85	1	»
Аналогий нет	100	2	»
Не сохранились	268, 420	2	X в.

Таблица 2

Боевые топоры Тимеревского могильника

Тип топоров, по А. Н. Кирпичникову [8]	Курган, №	Общее кол-во топоров	Дата
I	36, 104, 109, 173, 437	5	Конец X – начало XI в.
Ia	458	1	Начало XI в.
II	19, 241, 450	3	X – XI вв.
III	164 *	2	Конец X – начало XI в.
IV	448	1	Начало XI в.
IVA (?)	417	1	»

* — Номер кургана, где найден топор, неизвестен.

344) (рис. 2), *деталями конской сбруи*, состоящей из бронзовых скрепителей ремней крестообразной формы, четырех железных колец с тремя обоймами каждое и подпружной пряжки четырехугольной формы, а также *рукояткой плетки* I типа (кург. 100) [10, с. 14, 15, 47, 72, 73].

Поясной набор делится на две группы [2, с. 64–67]. К первой относятся ременные украшения, в состав которых входят пряжки, поясные бляшки и наконечники (рис. 3). Такие наборы найдены в 33 наиболее богатых комплексах могильника (31 трупосожжение и 2 трупоположения). Как правило, в курганах с трупоположениями пояса не отличаются богатым убранством. Тем интереснее ременной набор из кург. 450, состоящий из пряжки, двух наконечников и 36 бляшек (рис. 4). Второй группы поясные наборы, в состав которых входят железные прямоугольные пряжки и бронзовые поясные кольца, найдены в 20 трупоположениях могильника.

Торговый инвентарь. *Весы* для малых взвешиваний и *весовые гирьки* обнаружены в 32 мужских захоронениях, в том числе в 13 парных (рис. 5). Детали весов (бронзовые чашки диаметром 5–7 см и коро-

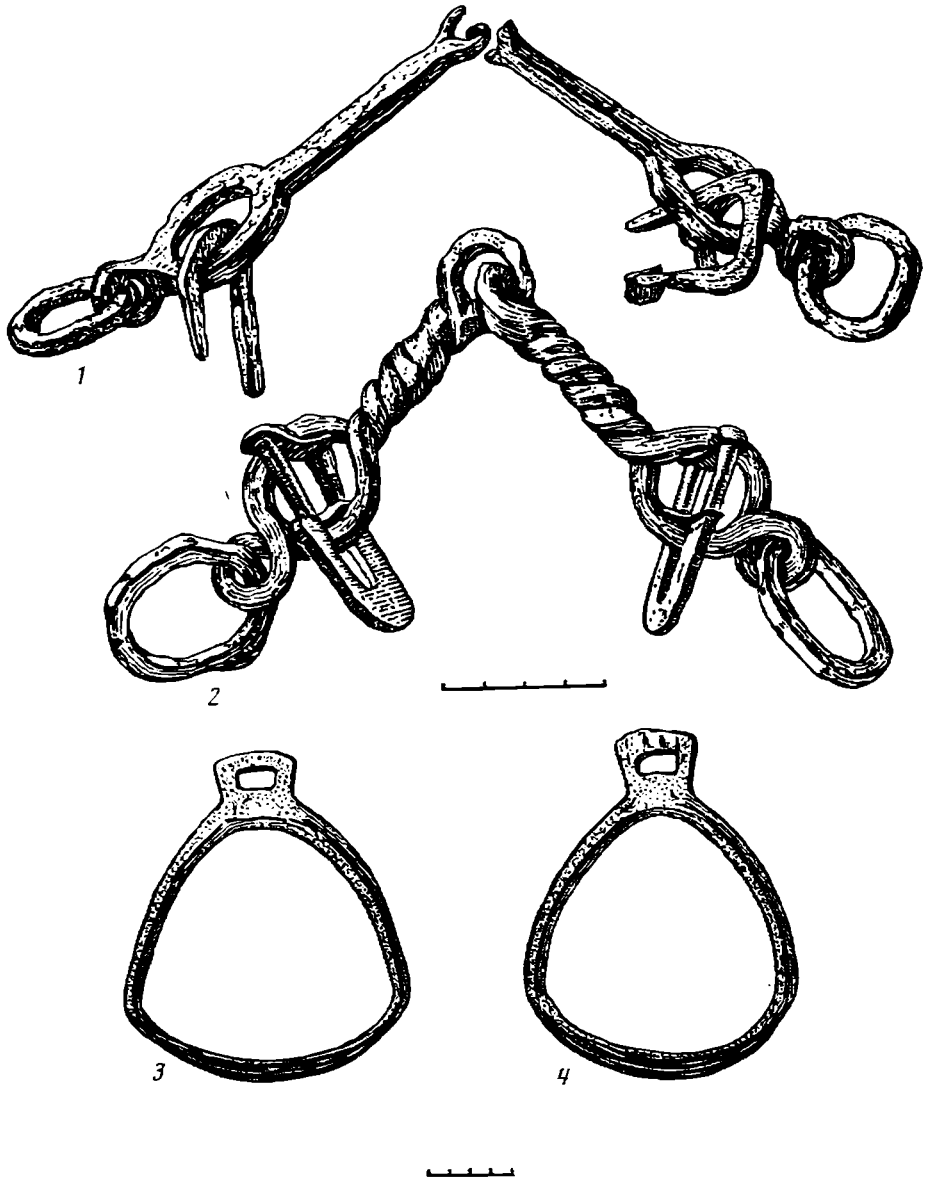


Рис. 2. Курган 100. *1, 2* — удила; *3, 4* — стремена

мысла с железными иглами) найдены в восьми насыпях: в пяти трупосожжениях на месте, в трех трупоположениях (два — на материке, одно — в яме). В кург. 164, 206, 259, 458 они не сопровождались гирьками, а в кург. 6, 100, 187, 245 найдены вместе с разновесками. Наиболее хорошо сохранились чашки весов из кург. 100 второй половины X в.; на каждой из них арабская надпись в значении «налог, подать, таможенные сборы» [11, с. 184—188]. Весовые гирьки сферические и 14-гранные найдены в 28 захоронениях [2, с. 72, 73; 6, с. 128] (табл. 3).

Погребения с весами и гирями являются наиболее богатыми в могильнике и сопровождаются определенным набором погребального инвентаря: в 13 курганах встречены совместно с оружием (мечи, стрелы, боевые топоры), в 16 — с деталями поясного набора, в 6 — с бронзовыми и деревянными сосудами, в 9 — с инструментами (зубила, долота, шилья). Почти идентичный набор погребального инвентаря в курганах с весами встречается и в других странах [12, с. 51]; характер вещевых комплексов свидетельствует о высоком социальном статусе погребенных. Большинство погребений с весами датируется второй половиной

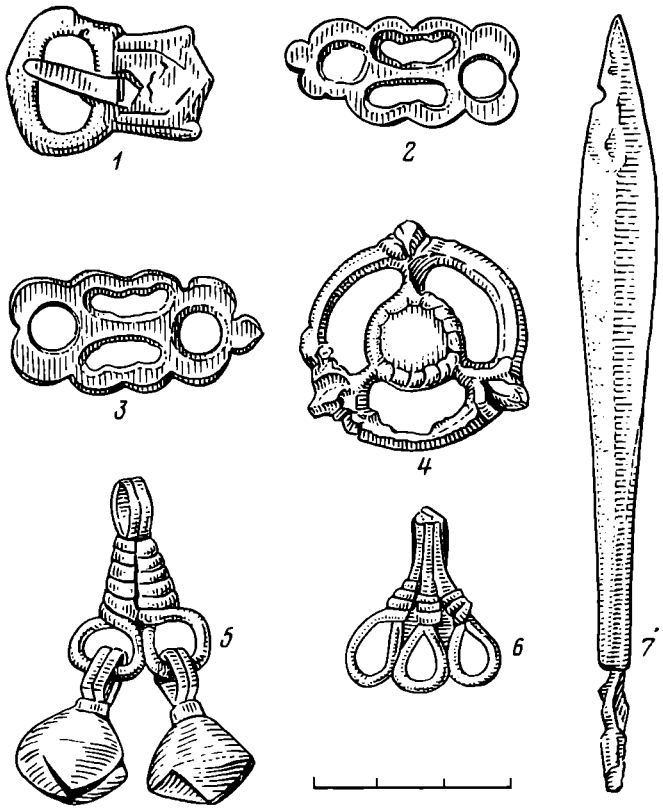


Рис. 3. Курган 5. *1* — пряжка; *2, 3* — бляшки; *4* — разделитель (*1—4* — детали поясного набора); *5, 6* — подвески; *7* — наконечник стрелы

X — началом XI в. Однако появление их в Тимереве, видимо, следует отнести к первой половине X в., когда был насыпан кург. 245.

С торговлей связаны также *монеты*, обнаруженные в 17 захоронениях [2, с. 74; 6, с. 128] (табл. 4).

Предметы быта и орудия труда

Деревянные чаши найдены в пяти наиболее богатых трупоположениях мужских и парных второй половины X — начала XI в. Сохранились небольшие фрагменты венчиков с бронзовыми (кург. 100, 118, 295, 457) или серебряными оковками-петельками, идущими по бортику (кург. 459). На дне чаши из кург. 459 круглая, прикрепленная гвоздиками серебряная бляха с процарапанным на ней рисунком в виде трехлепесткового цветка. Аналогичные деревянные чаши изредка встречают-

Таблица 3

Весовые гирьки Тимеревского могильника из раскопок 1974–1978 гг.

Курган, №	Кол-во гирек в погребении	Форма гирьки	Вес, г	Кратность	Сохранность
5	2	Сферическая	7,05 15,55	1+1 2+2	Хорошая
6	2	»	11,25 22,39	2+? –	Плохая
100	1	14-гранная (?)	4,68	–	»
245	1	14-гранная	2,75	4+4	Хорошая
295	1	Сферическая	21,89	3+?	Плохая
344	1	»	9,59	–	»
446	3	Сферическая	14,69	2+2	Хорошая
		»	6,60	–	Плохая (2)
		Разновесок (?) неопределенной формы	3,49	–	»
459	1	Сферическая	6,95	–	»

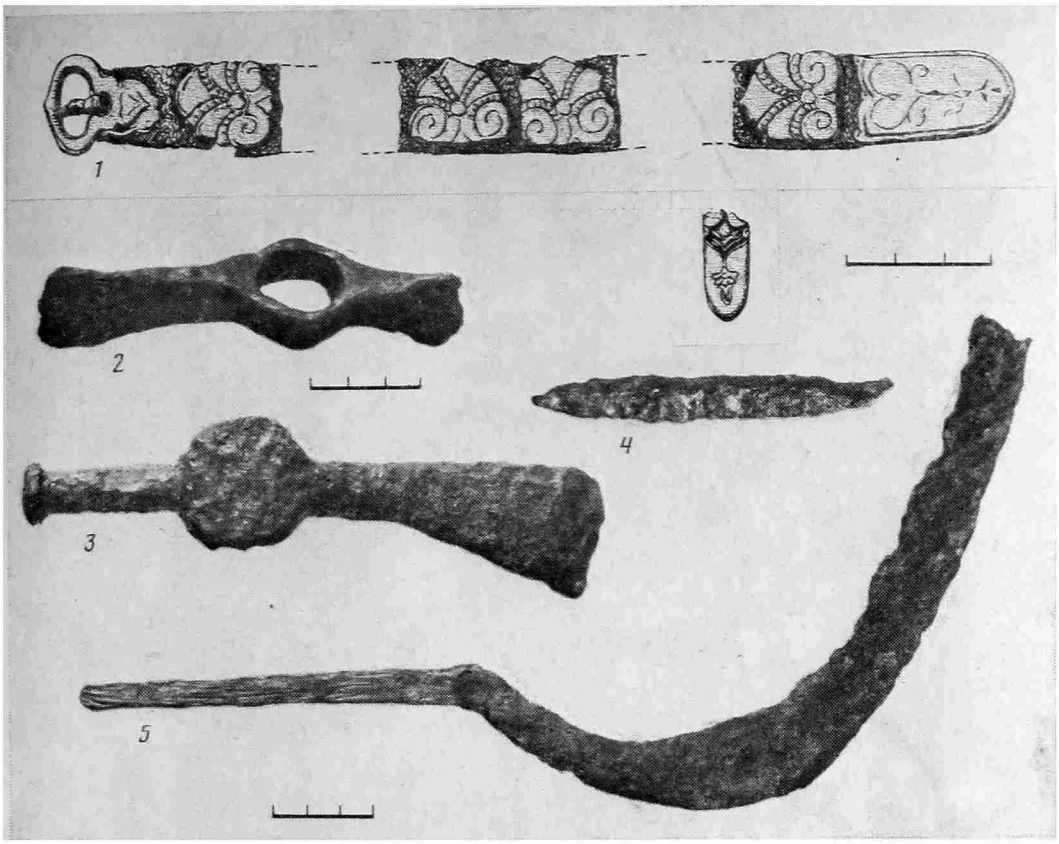


Рис. 4. Вещи из курганов 450 (*1, 2*) и 437 (*3—5*). *1* — поясной набор; *2, 3* — боевые топоры; *4* — нож; *5* — серп

ся в погребальных памятниках Древней Руси и Скандинавии [13, с. 15; 14, табл. 214, *1*].

Бронзовые сосуды обнаружены в одном трупосожжении (кург. 7 второй половины X в.) и двух трупоположениях (кург. 100, 459 второй половины X — начала XI в.). Чаша из кург. 100 диаметром около 30 см имеет плоское дно и прямые невысокие бортики. Сосуд из кург. 459 на небольшом кольцевом поддоне имеет диаметр 24—25 см, венчик его под прямым углом отогнут наружу, на внутренней поверхности дна процарапано изображение меча (рис. 6). Ближе всего тимеревские находки бронзовым чашам из Бирки [14, табл. 201, *1а*, табл. 198, *1*].

Деревянные ведра (детали) — железные обручи, дужки, петли — найдены в двух парных трупосожжениях на месте (кург. 141, 200) и в двух трупоположениях второй половины X — начала XI в. (кург. 459, 473). Остатки ведер из кург. 473 и 459 дают возможность реконструировать их форму. Ведро из кург. 459 было сужено кверху (диаметр четырехгранной в сечении дужки равнялся 26 см, диаметр одного из обручей 28 см). Ведро диаметром 19 см из кург. 473 имело ровную цилиндрическую форму.

Детали шкатулок, железные и бронзовые (оковки, личины замка, ручки и пр.), найдены в 20 захоронениях, преимущественно женских.

Замки (или их детали) найдены в восьми кремациях и двух ингумациях конца X — начала XI в. [2, с. 53]. Преобладают замки кубической формы с Т-образным разрезом для ключа на боковой грани. Они относятся к типу А по новгородской классификации [15, с. 160]. В трех погребениях находились цилиндрические замки с Т-образным разрезом (кург. 448).

Ключи обнаружены в 18 курганах (19 экз.) в трупосожжениях и трупоположениях, в мужских и женских погребениях. Превалируют ключи в виде лопаточки и трехколенчатой формы (кург. 348 первой половины X в., кург. 422 и 448 рубежа X—XI вв.) [15, с. 52, 53].

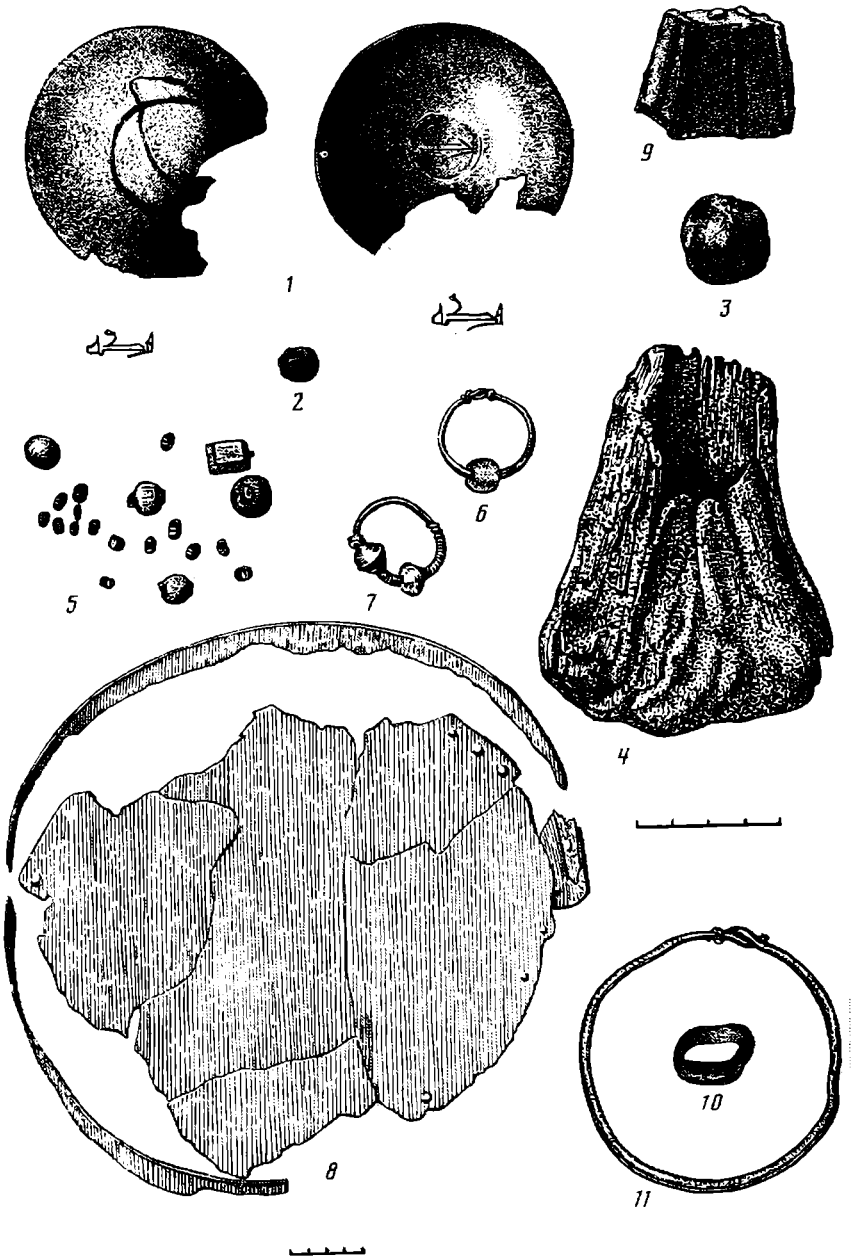


Рис. 5. Курган 100. *1* — весы; *2* — гирька весовая; *3* — шашка (стекло); *4* — свеча (воск); *5* — бусы; *6, 7* — височные кольца; *8* — сосуд (бронза); *9* — замок; *10* — перстень (золото); *11* — браслет

Кресала представлены в 13 мужских захоронениях — при семи трупосожжениях и шести трупоположениях. Преобладают калачевидные; исключением являются кресала с бронзовой обкладкой в виде голов зверей из кург. 268 второй половины X в., проникшие сюда из Прикамья [16, с. 60, 62] и овальное из кург. 98 начала XI в. Последняя форма распространена у финских племен в X—XI вв. [17], в Новгороде она бытовала в XIII—XV вв. [15, с. 163].

Футляры железные для фитиля обнаружены в семи мужских трупосожжениях [2, с. 51] (№ 85, 245, 268, 269, 364, 374, 376-I).

Ботала из бронзы с подвесным железным язычком найдены в двух трупосожжениях в кург. 245 первой половины X в. и кург. 365 второй половины X в. [2, с. 32, рис. 41].

Ножи выявлены в 89 погребениях (99 экз.) при трупосожжениях и трупоположениях в мужских, женских и детских захоронениях [2,

Таблица 4

Монеты Тимеревского могильника из раскопок 1974–1978 гг.

Курган, №	Монета	Вес, г	Примечание
5	Дирхем (обломок). Саманиды (Андераба) 308 г. х.= 920/21 гг.	0,73	
100	Дирхем. Саманиды. Мансур-ибн-Нух. Самарканд, 352 г. х.= 963 г.	2,83	Находились в кожаном кошельке
	Дирхем. Саманиды. Мансур-ибн-Нух. Самарканд, 357 г. х.= 967/968 гг.	2,89	
	Дирхем. Саманиды. Мансур-ибн-Нух. Аш-Шаш, 35/8 г. х.= 968/969 гг.	2,60	
	Дирхем. Саманиды. Мансур-ибн-Нух. Аш-Шаш, 35/9 г. х.= 969/970 гг.	2,39	
	Дирхем (обломок). Саманиды. Мансур-ибн-Нух. Аш-Шаш (?), 360 г. х.= 970–971 гг.	1,55	
	Дирхем. Саманиды. Мансур-ибн-Нух. Самарканд, 362 г. х.(?) = 972/973 гг.	2,85	
	Дирхем. Саманиды. Мансур-ибн-Нух. Аш-Шаш, 366 г. х.= 976 г.	2,36	
229	Дирхем (обломок). Саманиды с именем халифа ал-Муктадира биллаха (908–932 гг.). Андераба, 296–303 г. х.= 908–916 гг.	0,43	
348	Дирхем (с ушком). Аббасиды. Анонимный чекан ар-Рашида. Мединат ас-Селам, 188 г. х.= = 803/804 гг.	3,20	Найдены в составе ожерелья
	Денарий (с ушком). Англия. Эдмунд, около 900 г.	1,40	
448	Дирхем. Бувейхиды. Последняя четверть X в.	3,10	Находились в кожаном кошельке
	Дирхем. Бувейхиды. Фахра ад-Дауле (366–373 г. х.) и халиф ат-Тан (363–381 г. х.= 976/ /997 гг.)	2,30	
459	Обломки двух дирхемов плохой сохранности; крест, вырезанный из дирхема. Саманиды. Мансур I ибн-Нух 359 г. х.= 969/970 гг.		
470	Дирхем (обломок). Мухаммедия, 169 г. х.= =785/786 гг.	1,41	
95	Дирхем. Ал-Мансур. Ал-Мухаммадия, 769 г.		
	Дирхем. Омейяды, VIII в. (вероятно, середина)		
	Полудрахма. Аббасидские наместники Табаристана. Анонимный чекан, 780–788 гг.		

Примечание. Монеты определены в Отделе нумизматики ГИМ С. А. Яниной и А. В. Фоминым, за что приносим им благодарность.

с. 34]. Интерес представляет ножик длиной 9 см с сохранившейся деревянной рукояткой, обмотанной серебряной проволокой (кург. 348).

Ножницы пружинные различных размеров (от 12,9 до 28,5 см) найдены в шести женских захоронениях; в трупоположениях конца X — начала XI в. (кург. 246, 422, 459) и в курганах с трупосожжениями второй половины X в. (№ 143, 192, 363) [2, с. 35].

Ледоходные шипы различных типов (пластинчатые с подножкой, дротовые и трехрогие) встречены в 44 погребениях; датируются серединой X — началом XI вв. [2, с. 53, 54].

Инструменты обнаружены в 15 курганах. Среди них долота, зубила, шилья, сверла, иглы [2, с. 32–34].

Сельскохозяйственные орудия — обломки сошника, косы-горбуши и серп — найдены в кург. 246, 360, 437 (рис. 4).

Украшения

Фибулы. Значительную группу составляют фибулы различных форм, выявленные в 50 захоронениях (табл. 5). Овальные (скорлупообразные), круглые, трилистные, равноплечные являлись принадлежностью женского костюма, кольцевидные с длинными иглами — мужского, подковооб-

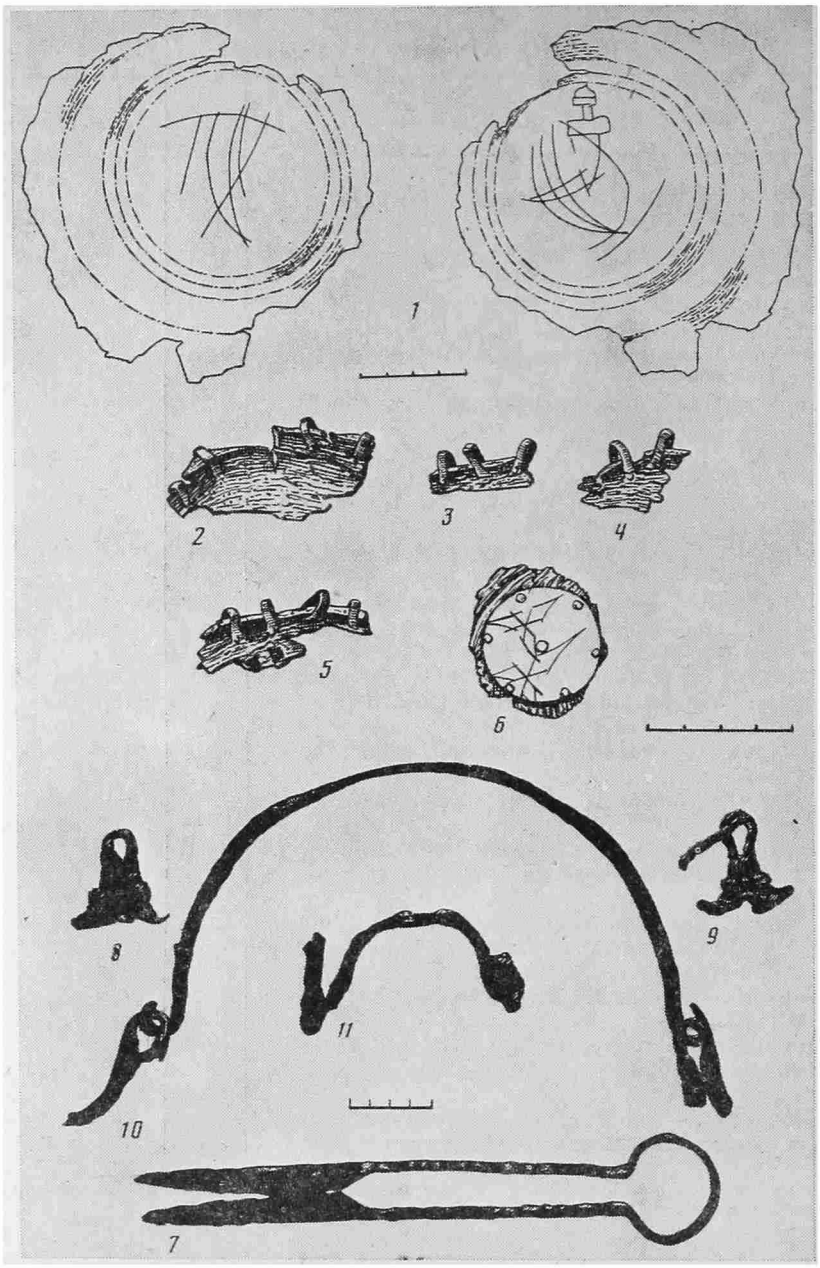


Рис. 6. Курган 459. *1* — бронзовая чаша с рисунком; *2—6* — фрагменты деревянной чаши с серебряными оковками; *7* — ножницы; *8—9* — петли; *10* — дужка от ведра; *11* — ручка от шкатулки

разные носили как мужчины, так и женщины. Бронзовые женские фибулы найдены при 29 захоронениях (в 27 кремациях и двух ингумациях) в количестве 44 экз., из них 34 овальные (одно- и двухскорлупные), характерные для скандинавского национального костюма IX—X вв. В пяти погребениях сохранились по две овальные фибулы, как их обычно носили (кург. 53, 85, 348, 393, 436), в шести — скорлупообразная фибула находилась в паре с трилистной (кург. 394), равноплечными (кург. 277, 368) и подковообразными спиралеконечными и с многогранными головками на концах (кург. 45, 287, 361). Фибулы круглые с типичным скандинавским орнаментом встречены в трех погребениях, кольцевидные с длинными иглами (9—18 см) — принадлежность скандинавского мужского костюма — в пяти [2, с. 76—79; 18, с. 5, 11; 19, с. 45, 56—58, 72—75, 82, 83]. Подковообразные застежки обнаружены в 20 погребениях: в 11 мужских, трех женских, детском и пяти парных. Превалируют спиралеконечные четырехгранного сечения: железные (6 экз.), бронзовые (4 экз.), серебряные (2 экз.). Эта форма возникла в Швеции и известна

Таблица 5

Фибулы Тимеревского могильника

Форма фибул	Тип, по Я. Петерсену	Курган, №	Кол-во находок	Обряд захоронения	Дата
Односкорлупные непрорезные	37,3	123	1	Кремация на стороне	Конец IX в.
	37,11	53, 95	3	Кремация на месте и стороне	Рубеж IX – X вв.
Двускорлупные ажурные	51B	45, 245, 348-I, 436	5	То же	Первая половина X в.
		394, 348-II	3	Ингумация	»
	51C	60, 85, 277, 287, 393, 398, 361	8	Кремация на месте	Вторая половина X в.
	51K	221	1	То же	»
	51 *	83, 70, 255, 265, 305, 310, 359, 361, 462	12	Кремация на месте и стороне	X в.
	52	368	1	Кремация на стороне	Вторая половина X в.
Трилистная	–	394	1	Ингумация	Первая половина X в.
Равноплечные	58	75	1	Кремация на стороне	IX в.
	70–73	277, 368	2	Кремация на месте и стороне	Вторая половина X в.
Круглая односкорлупная	–	348-II	1	Ингумация	Первая половина X в.
Круглые двускорлупные ажурные	116	134, 391	2	Кремация на месте	Вторая половина X в.
Кольцевидные с длинными иглами	227	79, 85, 269	3	Кремация на месте и стороне	»
		83, 245-II	2	То же	Первая половина X в.
Подковообразные	Спиралеконечные	6, 101, 166, 237, 263-I, 141, 286, 187, 287, 376, 393, 452	12	Кремация на месте и ингумация	Вторая половина X в.
	С многогранными головками	47, 338, 344, 361	4	Кремация на месте	»
	С многогранными головками с шипами	45	1	То же	Первая половина X в.
	С воронкообразными концами	239	1	Кремация на стороне	Конец X – начало XI в.
	Утолщенные, с обрубленными концами	295	1	Ингумация	Вторая половина X в.
	Круглопроволочная кольцевидная	229	1	Кремация на месте	Первая половина X в.

Примечание. 51 * — из-за плохой сохранности нельзя отнести к определенному варианту типа 51; кург. 95 раскопан И. В. Дубовым [21].

в памятниках X–XI вв. Прибалтики, Финляндии, Аландии, Руси. В четырех курганах зафиксированы фибулы с многогранными головками — частая находка в странах Балтийского региона X — первой половины XI в. — и в одном кургане — с многогранными головками, снабженными шипами, типичная для Финляндии и не характерная для Скандинавии. По 1 экз. обнаружены фибулы прибалтийского типа с воронкообразными концами, скандинавская с утолщенными концами и кольцевидная круглопроволочная, основным районом распространения которой являлись северо-западные земли Руси с финно-угорским населением [20, с. 156–158, 161–163, 182, 183].

Рис. 7. Курган 459. *1* — шейная гривна; *2* — браслет; *3* — нож; *4, 5* — бусы; *6* — пуговица; *7* — перстень; *8* — держатель цепочки; *9* — крест, вырезанный из дирхема; *10* — туалетная ложечка

Височные кольца из серебра и бронзы найдены в девяти женских погребениях середины X — начала XI вв.: в четырех кремациях (кург. 141, 245, 421, 462) и в пяти ингумациях (кург. 11, 95, 100, 108, 116). Среди них браслетообразные с завязанными заходящими и несомкнутыми концами, в том числе с напускными бусами металлическими и из глухого стекла. В кург. 462 находилось круглопроволочное железное кольцо с бронзовой обмоткой.

Венчики женского головного убора обнаружены в пяти захоронениях в виде: фрагментов шелка с серебряной канительной нитью (кург. 68, 243, кремация конца X — начала XI в.), обрывка золотой тесьмы (кург. 348, ингумация первой половины X в.), серебряной узкой пластины с кружковым орнаментом и загнутыми в крючок концами (кург. 85, кремация второй половины X в.) и плетеного из тонкой серебряной проволоки (кург. 422, ингумация конца X — начала XI вв.).

Шейные гривны найдены в двух захоронениях: обломок бронзовой круглопроволочной (кург. 245 с трупосожжением первой половины X в.) и серебряная витая из двух проволок с надетыми стеклянными бусами

Таблица 6

Бусы Тимеревского могильника [22, с. 152–164; 23, с. 130]

Категория бус	Форма	Курган, №	Дата
I Стеклянные из глухого и прозрачного цветного стекла	Кольцевидные и зонные	5, 7, 85, 108, 116, 129, 134, 141, 188, 273, 393, 394, 422, 436, 443	Первая половина X – конец X – начало XI в.
	Лимоновидные черного стекла с продольными белыми полосками	70, 301, 419	Конец X – начало XI в.
	Дынеобразные	47, 100, 265, 348	Первая половина X – конец X в.
	Глазчатая	100	Вторая половина X в.
	Мозаичные	95	Конец IX в.
	Призматические синие с белоромбическими вставками	424	Рубеж X – XI вв.
	Бисер черного стекла с белыми полосками	100	Вторая половина X в.
II Из двухслойного стекла с металлической прокладкой	Многочастные	5, 7, 47, 286	»
	Кольцевидные и зонные	47, 70, 119, 271, 302, 394	Первая половина X – конец X в.
	Цилиндрические и бочковидные	188	Конец X – начало XI в.
III Каменные а) хрустальные	Шарообразные	45, 95, 263-II, 277, 301, 359	Первая половина X – начало XI в.
	Призматические	79, 83, 97, 374, 462	Первая половина X в.
	Призматические с пирамидальными концами	348	»
	Бипирамидальная	348	»
	Ребристые	301, 348	Первая половина X – конец X в.
	14-гранные	83	Первая половина X в.
б) сердоликовые	Шарообразные	53, 83, 188, 200, 271, 301, 376-III	Конец IX – конец X в.
	Призматические	47, 54, 83, 95, 97, 462	Первая половина X в.
	Цилиндрические	53, 245, 302	Конец IX – первая половина X в.
	14-гранные	70, 83, 261, 462	Первая половина X в.
IV Костяные	Кольцевидные и цилиндрические	191, 206, 251	X в.
V Фаянсовые голубые	Кольцевидные и зонные	100, 108, 394	Первая половина X – начало XI в.
VI Металлические	Шаровидные бронзовые	70, 143, 224, 324	Вторая половина X в.
	Серебряная со сканью	451	Начало XI в.
	Ажурные биконические из серебряной рубчатой проволоки	95	Конец IX в.
VII Янтарные	Неопределенной формы	459	Конец X – начало XI в.

и серебряными подвесками (кург. 459 с трупоположением конца X — начала XI в.) (рис. 7).

Подвески различных типов представлены в женских захоронениях при ингумациях и кремациях: бронзовыми шумящими, типичными для финно-угорских племен (кург. 5, 419, 461 второй половины X в.); серебряными круглыми с зернью и сканым орнаментом (кург. 138, 422, 459 рубежа X—XI вв.); переделанными из головки цепедержателя прибалтийского типа, поясной бляшки (кург. 459 конца X — начала XI в.) и скандинавской фибулы с длинной иглой (кург. 277 второй половины X в.); бронзовыми бубенчиками (в 14 захоронениях первой половины X — рубежа X—XI вв.), шаровидными, грушевидными с щелевидной и крестовидной прорезями и большими ушками, характерными для финно-

угорских племен. В одном случае найден бутылкообразный бубенчик [2, с. 16, 37, рис. 6].

Бусы из стекла, природных минералов, кости, металла и пр. найдены в 69 курганах — в 15% исследованных погребений (табл. 6). Встречаются при кремациях и ингумациях единичными экземплярами (в мужских и женских захоронениях), в ожерельях из нескольких десятков штук (в женских погребениях), а также надетыми на шейную гривну (кург. 459), височные кольца и подвески (кург. 95, 100, 108, 116, 141, 245). Бусы в сожжениях (особенно стеклянные) находятся в сильно деформированном виде, и во многих погребальных комплексах не удается определить их количество и даже форму.

Браслеты (фрагменты) обнаружены в шести кремациях и четырех ингумациях второй половины X — начала XI в. В трех парных, трех женских, двух мужских и в одном детском погребениях зафиксированы браслеты пластинчатые с заходящими концами (кург. 73, 460) и с ложной зернью (кург. 120), проволочные с завязанными концами (кург. 100, 459, 474), плоско-выпуклые с заходящими концами (кург. 41), трехгранного сечения (кург. 324), браслет ложновитой (кург. 237) и витой (кург. 286) из трех проволок.

Перстни из серебра и бронзы находились в 13 курганах (14 экз.) при пяти кремациях и восьми ингумациях: в 10 женских, двух парных, в мужском, где перстень находился на правой руке покойного (кург. 90). Перстни из кург. 394 (круглопроволочный с загнутым спиралью концом) и кург. 348 (с сердоликовой вставкой с арабской надписью) датируются первой половиной X в., остальные — второй половиной X — началом XI в. Среди них пластинчатые (кург. 95, 265, 298, 459, 473), круглопроволочные (кург. 90, 188) с завязанными, заходящими и несомкнутыми концами, сердоликовые вставки от перстней (кург. 100, 265), в том числе с арабским благожелательным изречением (кург. 120). В одном экземпляре найдены перстни из синего прозрачного стекла (кург. 92) и массивный золотой пластинчатый неправильно-четырехугольной формы с точечным орнаментом по краям (кург. 100).

Принадлежности туалета

Гребни односторонние наборные из рогов оленя или лося характерные для стран европейского континента X—XI вв. [2, с. 39, 40; 24, с. 101], представлены (обычно в обломках) в 91 захоронении, в 20% исследованных курганов: в 87 кремациях (на месте и на стороне) и в четырех ингумациях — в 21 мужском, 29 женских, 9 детских и 17 парных (в 2 экз.) погребениях. Двусторонний гребень найден в единственном числе в кург. 95 при вводном трупоположении XI в. К. Амбросиани, отмечая широкий ареал этого материала и отсутствие в Западной и Восточной Европе локальных вариантов относительно их формы, орнамента и техники изготовления, приходит к обоснованному заключению, что эти гребни являются продукцией «бродячих» ремесленников, которые переходили из одной местности в другую и, придерживаясь известной традиции, делали их на месте, на заказ [25]. Гребни с бронзовыми орнаментированными накладками из кург. 245 и 348 являлись предметами импорта. По находкам на о. Готланд, в Бирке, Хайтхабу, на территории Голландии они датируются первой половиной X в. Известны они в то же время в Старой Ладоге, Гнездове, Новгороде [24, с. 101; 26, с. 167]. Гребни с костяными футлярами по аналогии с западноевропейским материалом бытуют лишь с середины X в. [27]. В Тимереве они найдены в семи захоронениях (кург. 3, 175, 185, 188, 207, 265, 422).

Копоушки костяные целые и в обломках найдены в 23 женских трупосожжениях (на месте и на стороне) и в одном кенотафе. Известны в Ростове, на Сарском городище, в Старой Ладоге и в финноугорских могильниках и поселениях рек Камы и Вятки [2, с. 40—42].

Пинцет из бронзы найден в женском трупосожжении (кур. 188 рубежа X и XI в.).

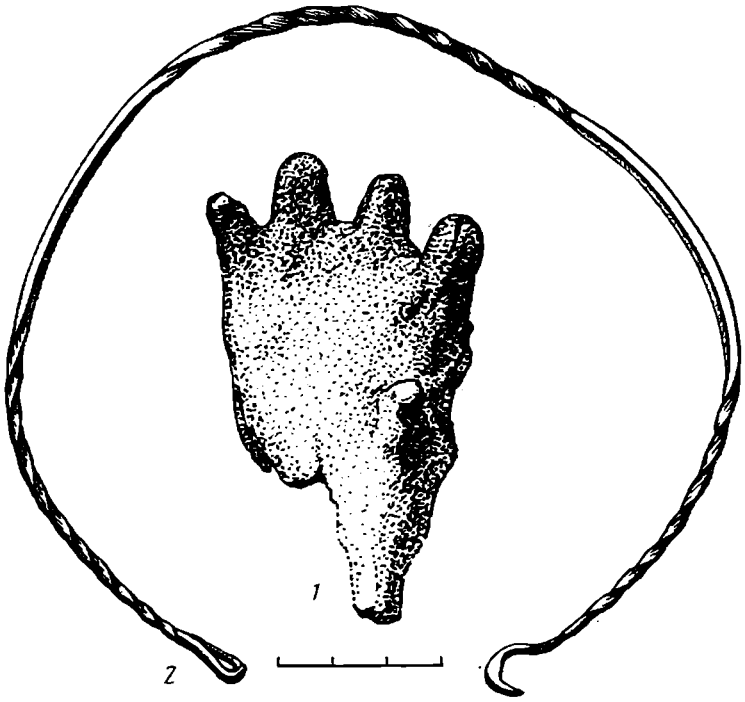


Рис. 8. Предметы культа. *1* — глиняная лапа (кург. 287); *2* — железный обруч (кург. 52)

Ложка из белого металла длиной 16 см с глазковым орнаментом на внутренней стороне, применявшаяся для растирания косметического снадобья, лежала в ногах погребенной рядом с деревянной чашей в кург. 459.

Предметы культа

Изображения бобровых лап (68 экз.) и *кольца* (16 экз.) из необожженной или слабообожженной глины представлены в целом или фрагментарном виде в 68 трупосожжениях (на месте и на стороне) — 20,8% всех кремаций (рис. 8, *1*). Найдены в 13 мужских, 12 женских, 6 детских и в 20 парных захоронениях. В 11 курганах кольца найдены вместе с лапами, в пяти без них. В восьми насыпях лапы находились вместе с копоушками, в шести — с привесками из астрагалов бобра, в двух — с костяными остриями со скульптурным изображением головы бобра. Наиболее ранние находки лап относятся к IX в. (кург. 470) и первой половине X в. (кург. 83, 351а, 390), 24 лапы и 10 колец — ко второй половине X в. и рубежу X—XI вв., 40 лап и 6 колец — к погребениям, широко датируемым X в. Кроме Ярославского Поволжья встречаются в памятниках того же времени близ Ростова, Переславля-Залесского, Юрьева-Польского, Суздаля, Старицы (Калининской обл.); 1 экз. обнаружен в кург. 141 Шестовиц [2, с. 86—88; 28, с. 116; 29, с. 188—190; 30, с. 85]. Общее число найденных на Руси лап равняется 113 экз., колец — 56 экз. Кроме Руси глиняные лапы известны в Швеции (1 экз.) и на Аландских островах — 67 лап из более чем 10 могильников [31, с. 34, 50, 51].

Астрагалы бобра, просверленные, найдены при 14 кремациях и одной ингумации (кург. 300), в семи мужских, трех детских, двух женских и трех парных захоронениях. Встречаются в курганах X в. и рубежа X—XI вв. в качестве привесок в количестве 1—3 экз. и целыми ожерельями из 4—12 шт. 40% захоронений с астрагалами содержали глиняные лапы.

Обрядовое печенье в виде двух лепешек (из теста), нанизанных на железную проволоку, находилось в кург. 261 первой половины X в.

Аналогичное печенье известно в погребениях Бирки [14, табл. 282; 32, с. 263, 270—272].

Изделия из воска. Свеча неправильно-четырехугольной формы ручной лепки без фитиля и с обгоревшим верхним краем найдена на крыше сруба кург. 100, куда она была положена в магически охранных целях. Аналогии имеются в курганах X в. близ Маммен и Иеллинге (Дания), где свечи лежали также на крышах погребальных камер [33, с. 222; 34, с. 212]. Видимо, в тех же целях три куска воска были положены и на кострище кург. 323. Воск обнаружен и на краю могильной ямы в кург. 42 Шестовиц [30, с. 141], а восковые свечи известны в погребальных камерах Гнездова [35, с. 79].

Шейные обручи из железного дрота четырехгранного сечения, перекрученного в нескольких местах, с запором в виде петли и крючка выявлены в шести захоронениях (преимущественно в обломках), в пяти трупосожжениях (на месте и на стороне) и в одном трупоположении — в мужских, женских и парном захоронениях. В одном случае железный обруч был обвит бронзовой спиралью (кург. 54). Идентичные обручи с подвесками в виде плоских кружков, спиралей, миниатюрных так называемых молоточков Тора распространены были в Швеции и на Аландских островах, где их носили в магических целях как амулеты [36, с. 130, 140]. Обручи в кург. 52, 54, 97 по их совместным находкам с ланцетовидными стрелами и призматическими каменными бусами датируются первой половиной X в. (рис. 8, *2*), в кург. 60 по совместной находке с овальной фибулой типа 51С обруч относится ко второй половине X в., два остальных — из кург. 375 и 474 с подвеской в виде молоточка Тора — к рубежу X и XI вв. Следует отметить, что в кург. 97 железный обруч прикрывал груду кальцинированных костей.

Кресты нательные серебряные найдены при четырех трупоположениях конца X — начала XI вв.: два — «скандинавского» типа (кург. 422, 457) и два — вырезанные из дирхемов 969—970 гг. (кург. 459) и 997—999 гг. (кур. 417) [37].

Медвежий клык — подвеска. Найден в кург. 95 [21, с. 85].

Разное

Крючки бронзовые в виде птиц (2 экз.) из кург. 383 второй половины X в. — принадлежность мужского скандинавского костюма, ими прикрепляли обмотки ног к коротким, облегающим колени штанам. Аналогичный крючок найден в Гнездове [13, табл. 1, 10].

Пуговицы бронзовые отмечены в 16 погребениях по 1—3 экз. Исключением является мужское захоронение кург. 295 второй половины X в., содержавшее 17 пуговиц. Преобладают пуговицы грибовидные с большими петлями, повсеместно распространенные на Руси в X—XIII вв.

Стержни из рогов косули найдены в 11 мужских захоронениях (сожжения на месте и на стороне). У трех из них тупой конец обработан в виде звериной головы (кург. 7, 57, 386), у остальных он отломан. Подобные стержни встречаются в памятниках Руси и Скандинавии, назначение их неясно [14, табл. 154, 155; 30, с. 86; 38, с. 158; 39, табл. I, X, XVIII].

Изделия из кожи найдены в семи курганах второй половины X — начала XI вв.: кошельки с дирхемами (кург. 100, 448), футляры для весов (кур. 100, 464), фрагменты ножен боевого ножа (кург. 295) и сумок-ташек с бронзовыми обкладками (кург. 94, 206, 282) [2, с. 65—67].

Остатки текстиля (фрагменты) прослежены в четырех сожжениях и шести трупоположениях X — начала XI вв.: шелк от венчиков (кург. 68, 243, 348), тесьма из шелковых и металлических нитей от оторочки рукавов и ворота (кург. 263-III, 295, 474), тончайший шелк полотняного переплетения от покрывала (кург. 348), шелк саржевого переплетения и шерстяные ткани, гладкие и узорные (кург. 100, 394), льняная ткань от рубахи (кур. 459), холщевый чехол боевого топора (кург. 164), шелко-

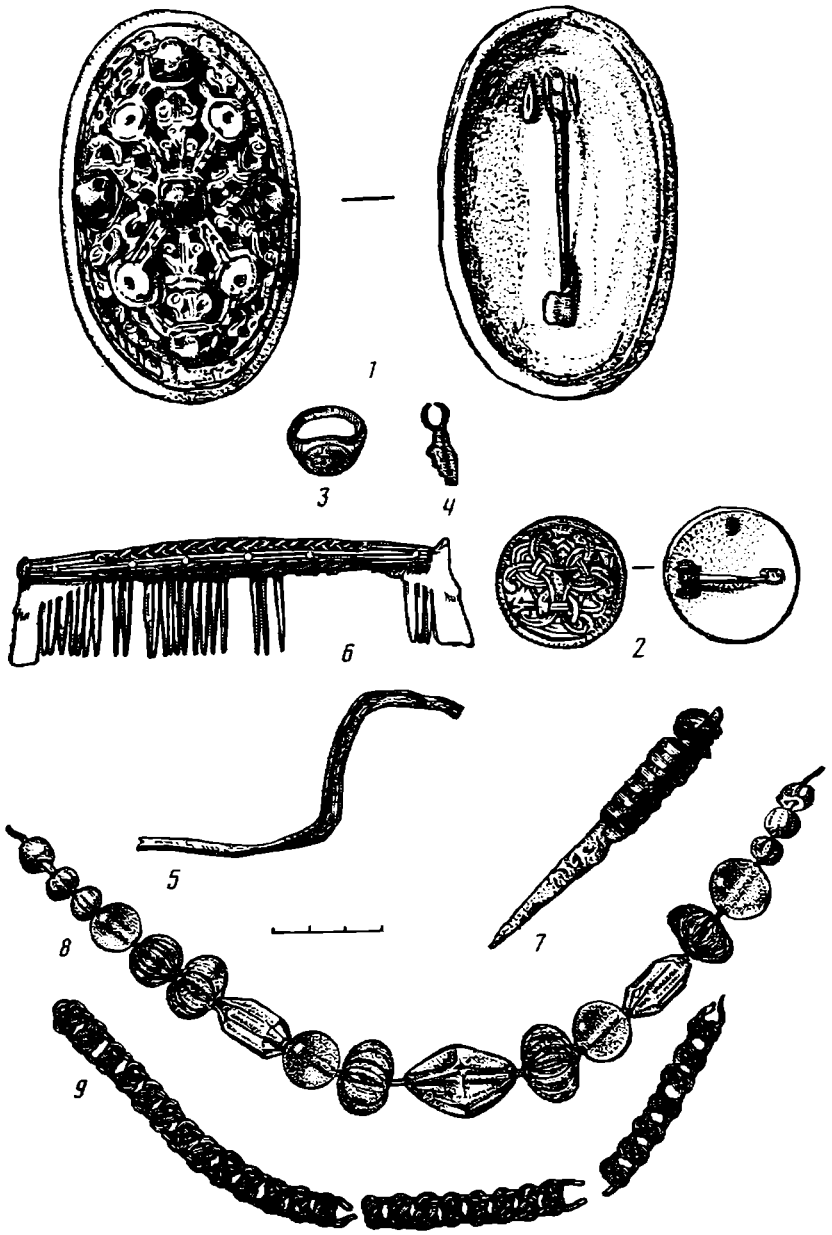


Рис. 9. Курган 348. *1, 2* — фибулы; *3* — перстень; *4* — бубенчик; *5* — обломок ключа; *6* — гребень с бронзовой спинкой; *7* — нож; *8* — фрагменты головного венчика; *9* — бусы

вый шнурок для подвешивания чашек весов к коромыслу (кург. 100).

Остатки игр найдены в двух парных захоронениях второй половины X в.: в кург. 277 (трупосожжение) — железная оковка игральной деревянной доски и две шашки из зеленого и темно-вишневого прозрачного стекла, в кург. 100 (трупоположение) — шашка из голубовато-зеленого прозрачного стекла. Аналогичный материал известен из могильников Древней Руси и Северной Европы [40, с. 85—87, 91—93, 97, 100].

Проведенная систематизация Тимеревского погребального инвентаря показала, что некоторые предметы вооружения (мечи, боевые топоры, ланцетовидные стрелы), весы для малых взвешиваний, монеты, отдельные украшения, прежде всего фибулы, дают возможность в ряде случаев установить, с известной долей условности, узкие даты отдельных захоронений с точностью до полувека в отличие от многих бытовых предметов и орудий труда (ножи, ключи, замки, кресала и др.), по которым погре-

бальные комплексы датируются в пределах целого столетия и даже шире.

Исходя из 218 твердо датированных погребений могильника, можно судить о времени возникновения кладбища, наибольшего его развития и прекращения на нем захоронений. Самыми ранними являются восемь захоронений (в семи курганах: № 53, 75, 96, 123, 125, 273, 470), датируемые концом IX и рубежом IX—X вв. Эта дата обосновывается находками в этих погребениях односкорлупных фибул типов 37_3 и 37_{11} и равноплечной типа 58 (по Я. Петерсену), дирхемов конца VIII и IX вв., бус ажурных биконических из серебряной рубчатой проволоки и сердоликовой цилиндрической.

22 погребения (17 курганов) по находкам ланцетовидных стрел, фибул ажурных двускорлупных типа 51В, односкорлупной круглой, трилистной, подковообразной с многогранными головками, снабженными шипами, гребней с бронзовыми накладками, призматических и 14-гранных каменных бус и дирхема первой четверти X в. были совершены в первой половине этого столетия (рис. 9).

92 погребальных комплекса (79 курганов), в составе которых находились мечи, наконечники ножен мечей, весы для малых взвешиваний, двускорлупные фибулы типа 51С, кольцевидные с длинными иглами типа 227, подковообразные спиралеконечные и с многогранными головками на концах, относятся ко второй половине X в.

57 захоронений (42 кургана) рубежа X—XI вв. и 39 погребений (35 курганов) начала XI в. содержали боевые топоры, височные кольца, подковообразную фибулу с воронкообразными концами, браслеты, перстни, бочковидные и цилиндрические стеклянные бусы с металлической прокладкой, нательные кресты.

Проведенная датировка захоронений дала возможность установить, что кладбище функционировало с конца IX до начала XI в., т. е. около 150 лет. Наиболее интенсивный рост могильника отмечается во второй половине X в., видимо, в результате значительного притока населения в данный район Ярославского Поволжья в рассматриваемое время.

Не менее важен погребальный инвентарь и для анализа этнической принадлежности памятника—вопроса сложного и в ряде случаев спорного, поскольку некоторые категории вещей (в частности, предметы вооружения, быта, орудия труда), как и сам погребальный обряд, и такие ритуальные особенности, как ориентировка погребений, не всегда являются надежными этноопределяющими признаками.

В пестром составе Тимеревского инвентаря первое место принадлежит предметам, типичным для финно-угорских племен. Глиняные лапы и кольца, костяные копоушки, привески шумящие и из астрагалов бобра, подковообразные фибулы — кольцевидные круглопроволочные с многогранными головками, снабженными шипами, стрелы без упора для древка, кресала прямоугольные и с фигурами медведей на рукояти найдены в 135 погребениях (124 кургана). Эти курганы встречаются на всей территории кладбища в течение всего времени его существования. Кострища в них в тех случаях, когда это возможно было определить, за небольшим исключением, имеют меридиональную ориентировку или вытянуты с северо-востока на юго-запад, а при ингумациях преобладает ориентировка покойников головой на ЮЗ; лишь в кург. 108 погребенный был обращен головой на север, в кург. 94 — на восток, в кург. 300 — на запад [41, с. 94—99].

На Тимеревском кладбище четко выделяется еще одна группа из 64 погребений (53 кургана), содержащих типично скандинавский инвентарь: бронзовые фибулы, характерные для женского и мужского скандинавского костюма, железные обручи, которые носили в Фенноскандии в магических целях, ланцетовидные стрелы и боевые ножи, обрядовое печенье и воск, употребляемые при погребальной церемонии. Каменные конструкции в 44 погребениях этой группы аналогичны погребальным памятникам Средней Швеции и особенно Аландских островов, где сложилась метисная финноскандинавская культура. 56 погребений этой группы

совершены по обряду кремации с преобладанием финской ориентировки покойников — меридиональной или СВ — ЮЗ; восемь — по обряду ингумации с ориентировкой погребенных головой на запад. По мнению А. Грэслунд, обряд трупоположения с ориентировкой покойников головой на запад начал распространяться в Швеции в начале X в. в связи с христианизацией населения [42, с. 26].

Из 64 погребений со скандинавским инвентарем 4 относятся к концу IX и рубежу IX—X вв., 12 — к первой половине X в., 18 — ко второй половине этого столетия, 9 — к концу X — началу XI в., остальное 21 погребение широко датируется X в. Наличие в этой группе не только мужских, но и женских и детских захоронений разрешает предположить, что выходцы из Скандинавии, преимущественно с Аландских островов, жили в Ярославском Поволжье семьями и постоянно.

Следует отметить следующий интересный факт. В 28 захоронениях предметы погребального инвентаря или детали погребальной обрядности (наличие каменных конструкций) скандинавского происхождения сочетались с финскими вещами. Например, в 12 курганах (№ 60, 79, 83, 134, 138, 255, 269, 287, 294, 337, 351а, 442) первой и второй половины X в. скандинавские вещи найдены вместе с глиняными лапами, кольцами и костяными копоушками. В кург. 474 (рубеж X—XI вв.) предмет языческого культа — железный обруч с миниатюрным молоточком Тора — найден вместе с двумя лапами. В кург. 45 первой половины X в. в паре с овальной ажурной фибулой находилась финская подковообразная с многогранными головками, снабженными шипами. В кург. 209 (рубеж X—XI вв.) под кострищем с остатками мужского захоронения, окруженного каменным кольцом, в материковой ямке находилось детское захоронение с глиняными лапой, кольцом и копоушкой. Видимо, появление смешанной обрядности на основе различных по традициям похоронных ритуалов наблюдалось в Ярославском Поволжье уже в первой половине X в.

Наконец, имеются еще погребения (около 57 курганов) второй половины X в. с небольшим маловыразительным инвентарем в сожжениях, а в конце X — начале XI в. при трупоположениях с находками боевых топоров, ножей, ключей, замков, бус и височных колец, которые можно связать со славянским этносом.

Итак, население, оставившее Тимеревский памятник, было неоднородным в этническом отношении с явным преобладанием финского элемента, что особенно ярко выступает в курганах с сожжениями.

Рассмотрение материала курганных инвентарей позволило также поставить вопрос о социальной структуре этого разноэтничного населения Верхней Волги.

Среди всей массы захоронений — финских, скандинавских, славянских — выделяются бедные погребения, содержащие только керамику или совершенно безынвентарные. Они составляют 30% всех погребений. Более 50% насыпей имеют небогатый инвентарь, состоящий из отдельных бронзовых украшений, железных поделок, обломков сосудов, предметов языческого культа. Как те, так и другие являлись захоронениями рядовых общинников, основным занятием которых, судя по находкам в курганах сельскохозяйственных орудий и огромного количества костей домашних и диких животных, являлось земледелие, скотоводство и промысловая охота.

Из всей массы захоронений около 13% погребений, выделяющиеся богатым инвентарем, принадлежат местной феодализирующейся знати. Следует отметить, что это и финские (например, парные погребения в кург. 6 и 47), и скандинавские (кург. 100, 245, 277) захоронения. Отличительной особенностью этих богатых погребений являются значительные по своим размерам погребальные костры, наличие большого количества костей жертвенных животных, а также отдельных предметов вооружения, как бы подчеркивающих принадлежность погребенных к определенной социальной группе населения. Следует подчеркнуть, что в 30% курганов с оружием встречаются весы и гирьки. Возможно, часть

этих погребений являлась захоронениями сборщиков дани. Вспомним весы из кург. 100 с арабской надписью в значении «налог, подать, таможенные сборы».

Среди разнообразного погребального инвентаря этих захоронений имеются предметы импорта из стран Востока и Средиземноморья (поясные наборы, шелковые ткани, каменные и стеклянные бусы и др.), свидетельствующие об участии местного населения во внешней торговле и о значении Волжского торгового пути для данного района.

Среди воинских захоронений второй половины X в. выделяются могилы знатных дружинников с мечами и разнообразным богатым набором погребального инвентаря (кург. 100 и 295), принадлежавшие, бесспорно, верхушке феодальной знати. К ним же следует отнести, по-видимому, и те курганы, в которых встречены кусочки кольчуг и навершие меча.

Тимеревский могильник начала XI в. имел тот же социальный облик, что и в X в.,— дружинная прослойка его столь же значительна, как и в более раннее время. Так, если в погребениях X в. курганы с оружием составляют 10,3%, то в трупоположениях XI в.— 11%.

Это может свидетельствовать лишь о том, что как ранние, так и более поздние курганы оставлены населением, социальный состав и военная традиция которого были неизменны на протяжении X—XI вв.

Наличие на Тимеревском кладбище богатых захоронений с мечами, кольчугами, весами и гирями позволяет говорить о том, что оно было связано с административным центром разноэтничной округи, местом сбора и концентрации дани.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Недошивина Н. Г., Фехнер М. В.* Погребальный обряд Тимеревского могильника.— СА, 1985, № 2.
2. Ярославское Поволжье в X—XI вв. М.: Сов. Россия, 1963.
3. *Смирнова Л. И.* Лепная керамика Тимеревских курганов и проблема этнической атрибуции.— СА, 1987, № 2.
4. *Недошивина Н. Г.* Предметы вооружения, снаряжение всадника и верхового коня Тимеревского могильника. В кн.: Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М.: Наука, 1987.
5. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 1.— САИ, 1966, вып. Е1-36.
6. *Дубов И. В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., Изд-во ЛГУ, 1982.
7. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 3.— САИ, 1971, вып. Е1-36.
8. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2.— САИ, 1966, вып. Е1-36.
9. *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие VIII—XIV вв. М.: Наука, 1966.
10. *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX—XIII вв. Л.: Наука, 1973.
11. *Фехнер М. В., Янина С. А.* Весы с арабской надписью из Тимерева.— В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
12. *Jondell E.* Vikingatidens Balansvägar i Norge. Uppsala, 1974.
13. *Спицын А. А.* Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева.— ИАК, 1905, вып. 15.
14. *Arbman H.* Die Gräber. Birka I. Stockholm, 1940—1943.
15. *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей.— В кн.: Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982.
16. *Голубева Л. А.* Археологические памятники веси.— СА, 1962, № 3.
17. *Макаров Н. А.* Средневековый могильник Попово на Каргополье.— КСИА, 1982, вып. 171.
18. *Thunmark-Nylen L.* Ringnadeln. Birka II: 1. Stockholm, 1984.
19. *Jansson J.* Ovale Schalenspangen: Kleine Rundspangen: Grosse Rundspangen. In: Birka II: 1. Stockholm, 1984.
20. *Мальм В. А.* Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы.— Тр. ГИМ, 1967, вып. 43.
21. *Дубов И. В.* Новые раскопки Тимеревского могильника.— КСИА, 1976, вып. 146.
22. *Фехнер М. В.* К вопросу об экономических связях древнерусской деревни.— Тр. ГИМ, 1959, вып. 33.
23. *Корзухина Г. Ф.* О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладоги.— Скандинавский сборник, т. XVI. Таллин, 1971.
24. *Давидан О. И.* Гребни Старой Ладоги.— АСГЭ, 1958, вып. 4.
25. *Ambrosianie K.* Wiking Age Combs, Comb Making and Comb Makers in the Light of Finds from Birka and Ribe. Stockholm, 1981.
26. *Ambrosianie K. Kämme.*— In: Birka II: 1. Stockholm, 1984.

27. *Cnotliwy.* Das Horn und Knocken verarbeitende Handwerk Westpommerns im frühen Mittelalter.— In: Materialy Zachodnic-Pomorskie, II. Szczecin, 1956.
28. *Плетнев В. А.* Об остатках древности и старины в Тверской губернии. Тверь, 1903.
29. *Уваров А. С.* Меряне и их быт по курганным раскопкам.— Тр. I АС. М., 1871.
30. *Бліфельд Д. І.* Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ; Наук. думка, 1977.
31. *Kivikoski E.* Långangsbacken. Ett gravfält från yngre järnåldern på Aland. Helsingfors. 1980.
32. *Hjelmqvist H.* Botanische Analyse einiger Brote.— In: Birka II: 1. Stockholm. 1984.
33. *Schetelig H.* Vestlandske graver fra Yernalderen. Bergen, 1912.
34. *Worsaae J.* On Mammen-fundet fra hedenskabets slutningstid. Aarbøger for nordesk oldkyndighed og historie. Kjøbenhavn, 1869.
35. *Пушкина Т. А.* Раскопки в Гнездове.— АО—1982. М., 1984.
36. *Ström K.* Thorshammerringe und andere Gegenstände des heidnischen Kults.— In: Birke II: 1. Stockholm, 1984.
37. *Недошивина Н. Г.* Крестовидные подвески из листового серебра.— СА, 1983, № 4.
38. *Каргер М. К.* Древний Киев. Т. 1. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
39. *Arne T.* Das Bootgräberfeld von Tuna in Alsike. Stockholm, 1934.
40. *Корзухина Г. Ф.* Из истории игр на Руси.— СА, 1963, № 4.
41. *Рябинин Е. А.* Чудские племена Древней Руси по археологическим данным.— В кн.: Финно-угры и славяне. Л.: Наука, 1979.
42. *Gräslund A.* The Burial Customs.— In: Birka IV. Stockholm, 1980.

M. V. Fekhner, N. G. Nedoshivina

ETHNO-CULTURAL DESCRIPTION OF THE TIMEREVO BURIAL GROUND ACCORDING TO THE GRAVE GOODS

Summary

The authors analyse the grave goods found in the Timerevo burial ground dated to the late 9th and the early 11th centuries. The population which lived in these parts was ethnically patchy (there were Finno-Ugrians, Slavs, and people from Scandinavia among them) and heterogeneous as far as their property and social status were concerned. There is every indication that the burial ground was connected with an administrative centre where taxes and tribute were brought.

Л. И. СМИРНОВА

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА ТИМЕРЕВСКИХ КУРГАНОВ И ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ АТРИБУЦИИ

Тимеревский курганный могильник по праву считается одним из ярчайших памятников раннего средневековья на территории европейской части СССР. Для северо-востока Древнерусского государства это еще и уникальный памятник как по своему значению для решения проблем исторического развития Верхнего Поволжья, так и по степени изученности за более чем 100-летний период.

Вполне естественно, материалы ярославских могильников: Михайловского, Петровского и главным образом Тимеревского — привлекались в первую очередь для изучения процессов формирования населения данного региона. Идея о смешанном составе населения Ярославского Поволжья (в том числе и населения, оставившего Тимеревские курганы) прочно утвердилась в нашей науке. Мнения исследователей расходятся при конкретизации этой идеи. Я. В. Станкевич, производившая работы на Тимеревском и Михайловском курганных некрополях в конце 1930-х годов, отмечая факт «некоторого смешения славянского и мерянского населения», рассматривала славян как древнейшее и преобладающее население, оставившее Тимеревский и Михайловский могильники [1, с. 83]. Во многом сходна с позицией Я. В. Станкевич и точка зрения П. Н. Третьякова [2, с. 298—300]. Е. И. Горюнова связывала ярославские могильники в основном с летописным племенем меря [3, с. 194—198].

В последние десятилетия Тимеревский могильник изучался объединенной экспедицией Государственного Исторического музея, Института археологии АН СССР и Ярославского музея-заповедника во главе с М. В. Фехнер и экспедицией ЛГУ во главе с И. В. Дубовым. Обе группы исследователей отмечают три основных этнических компонента: финно-угорский, славянский и скандинавский. Однако М. В. Фехнер, выделяя финно-угорский компонент в качестве ведущего, считает его весским [4, с. 15]. В последнее время М. В. Фехнер отказалась от весской трактовки финского этнического компонента, отмечая сложный состав самого этого компонента[1]. И. В. Дубов настаивает на финском мерянском этническом компоненте, допуская, правда, северо-западных финнов и балтов в составе словен новгородских и кривичей, принимавших на разных этапах участие в формировании населения Волго-Окского междуречья [5, с. 16—32, 187].

Следует признать, что проблема воссоздания четкой этнической картины по материалам Тимерева далека от окончательного решения, и вопрос, «кто насыпал ярославские курганы» [6], волновавший исследователей памятника еще в начале нашего столетия, и ныне остается открытым.

Этническая принадлежность погребенного определяется, если это возможно, на основе целого комплекса данных: погребального инвентаря, погребального обряда и т. п. К сожалению, мы располагаем лишь

[1] Доклад М. В. Фехнер и Н. Г. Недошивиной «Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по данным погребального инвентаря» на Научных чтениях в ГИМ (21 декабря 1984 г.).

малым количеством четких этнических индикаторов. Среди погребального инвентаря лепная керамика считается весьма перспективным источником получения интересующей нас информации.

В Тимеревских курганах лепная керамика составляет основную массу (87%) всего керамического материала, входя в состав инвентаря 322 погребений (70% всех захоронений в группе). Однако именно лепную керамику Тимеревского могильника с полным основанием можно назвать малоизученной. В. А. Мальм охарактеризовала ее весьма обобщенно [7, с. 43—50]. В статьях В. Н. Седых, изучавшего керамику Тимеревского поселения [8, с. 111—117; 9, с. 192—197], этнический аспект либо отсутствует, либо слегка затронут. Им очерчен довольно узкий круг аналогий посуде поселения; таким образом, лишь намечены пути выяснения особенностей этнической ситуации в регионе. Попытки реально оценить возможности лепной керамики для решения интересующих нас вопросов не предпринимались. Исключение составляют только работы Н. А. Макарова, посвященные чашевидным сосудам Волжско-Шекснинского района. В них анализируются и чашевидные сосуды Тимеревского и Михайловского могильников в связи с гипотезой о миграции части населения из Верхнего Прикамья в Верхнее Поволжье и Белозерье [10, с. 130; 11, с. 24]. Заметим, однако, что круглодонные сосуды в Тимереве, составляя довольно многочисленную группу, не отражают всего многообразия посуды могильника.

В настоящее время мы располагаем 186 целыми (или с полным профилем) лепными сосудами из Тимеревских курганов. Коллекция значительно пополнилась после раскопок памятника в 1974—1978 гг.[2] Говоря об этнической атрибуции, мы подразумеваем два аспекта этой проблемы: этническая атрибуция сосуда и этническая атрибуция погребенного в сопровождении данного сосуда.

Остановимся сначала на первом аспекте. Мы выделяем основные и редкие группы тимеревской лепной керамики. Предлагаемое деление сделано по результатам двух классификаций — по качественным и количественным признакам. Метод многомерной автоматической классификации объектов (кластерный анализ) предполагает последовательное объединение группируемых объектов от самых близких до более удаленных друг от друга [12—14]. О сходстве (близости) объектов можно судить по расстоянию между соответствующими точками в многомерном пространстве признаков. Объем статьи не позволяет подробно остановиться на процедуре выделения групп. Критериями, положенными в основу классификации, являются как количественные, так и качественные характеристики сосудов. При нашей методике многочисленные количественные признаки переводятся в разряд сложного качественного признака.

Основными группами мы называем такие, которые включают в себя пять и более сосудов. Выделено 12 основных групп.

Группа I. Сосуды с прямо расположенным или слегка отогнутым венчиком, выделенными плечиками, туловом, сужающимся ко дну. Среди 17 сосудов, относимых нами к данной группе (курганы 36, 62, 80, 108, 132, 135, 158, 174, 199, 322, 335, 357а, 422, 437/2, неизвестные комплексы дореволюционных раскопок)[3], можно выделить горшки «спокойного профиля» с прямо расположенным венчиком и округлыми выпуклыми плечиками (рис. 1, *1*, *2*), со слегка склоненным внутрь венчиком и немного припухлым туловом (рис. 1, *3*), сосуды, отличающиеся сильно выпуклыми плечиками (рис. 1, *4*).

Подавляющее большинство горшков этой группы найдено в погребениях, совершенных по обряду либо кремации на месте, либо ингумации. В тех случаях, когда можно было датировать комплекс, его дата не вы-

---

[2] Приношу благодарность М. В. Фехнер и Н. Г. Недошивиной, предоставившим мне возможность работать с керамикой из раскопок последних лет.

[3] Арабская цифра после номера кургана здесь и далее обозначает количество сосудов.

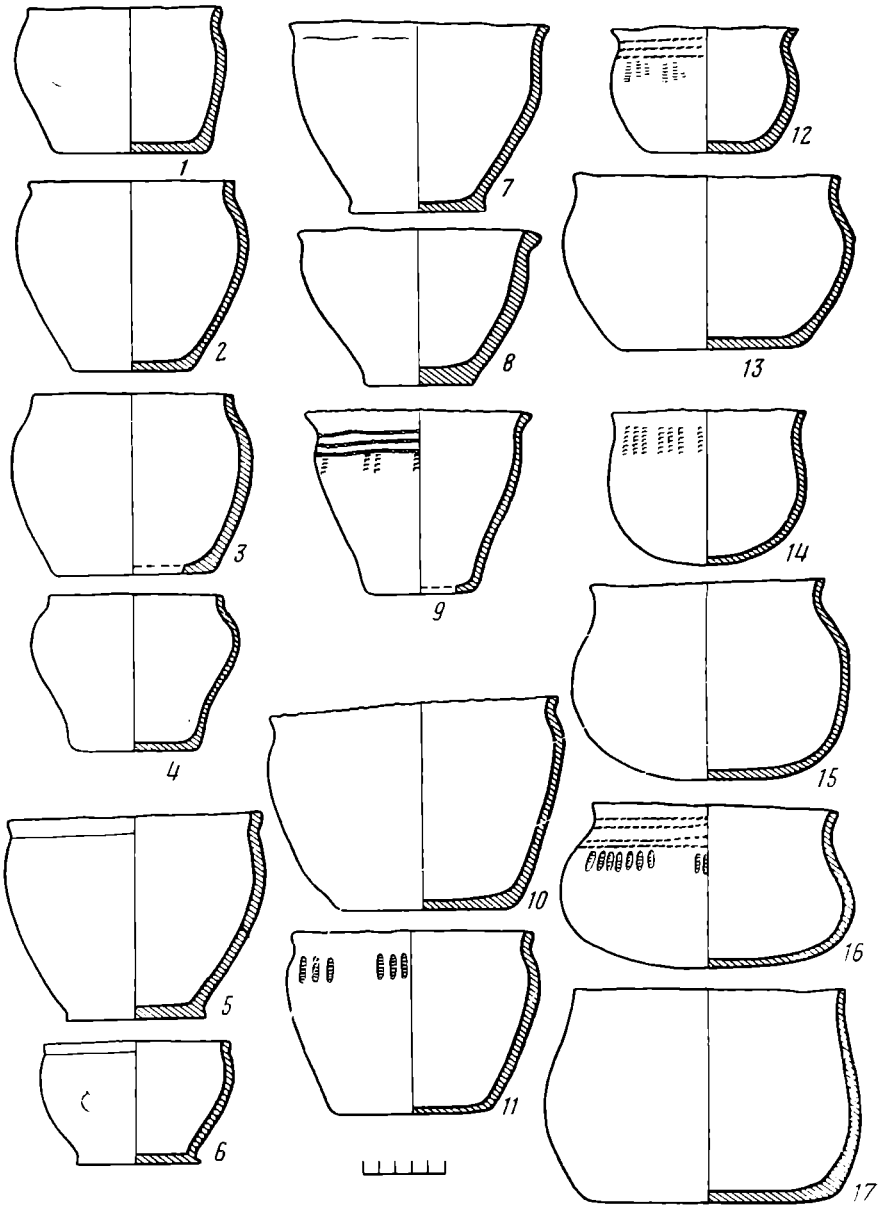


Рис. 1. Лепная керамика I—III и VIII—X групп

ходила за пределы X в. Пять погребений датируются рубежом X—XI вв. (кург. 422) или XI в. (кург. 36, 62, 108, 437).

Аналогии керамике группы I находим в материалах Подболотьевского[4], Максимовского[5] и Безводнинского могильников [15, с. 79, 217, рис. 54, *3*, с. 219, рис. 58, *1*], городища Попово на р. Унже[6], на поселении Крутик и других памятниках Восточного Прионежья [16, рис. 22, *1*, 23, *1—11*, 30, *1—3*], на памятнике, относимом к рязанской группе финнов — Облачинская дюна [17, с. 83, рис. 1, *1*]. Дата всех аналогий — не позже X в.

Группа II. Сосуды, отличительной особенностью которых является широкое устье с коротким, несколько отогнутым венчиком, слабовыра-

[4] ГИМ, инв. № 56480, оп. 811.

[5] ГИМ, инв. № 37730, оп. 580.

[6] Раскопки А. Е. Леонтьева 1981—1984 гг. Материалы хранятся в ИА АН СССР. Приношу благодарность автору раскопок за любезно предоставленную возможность познакомиться с коллекцией.

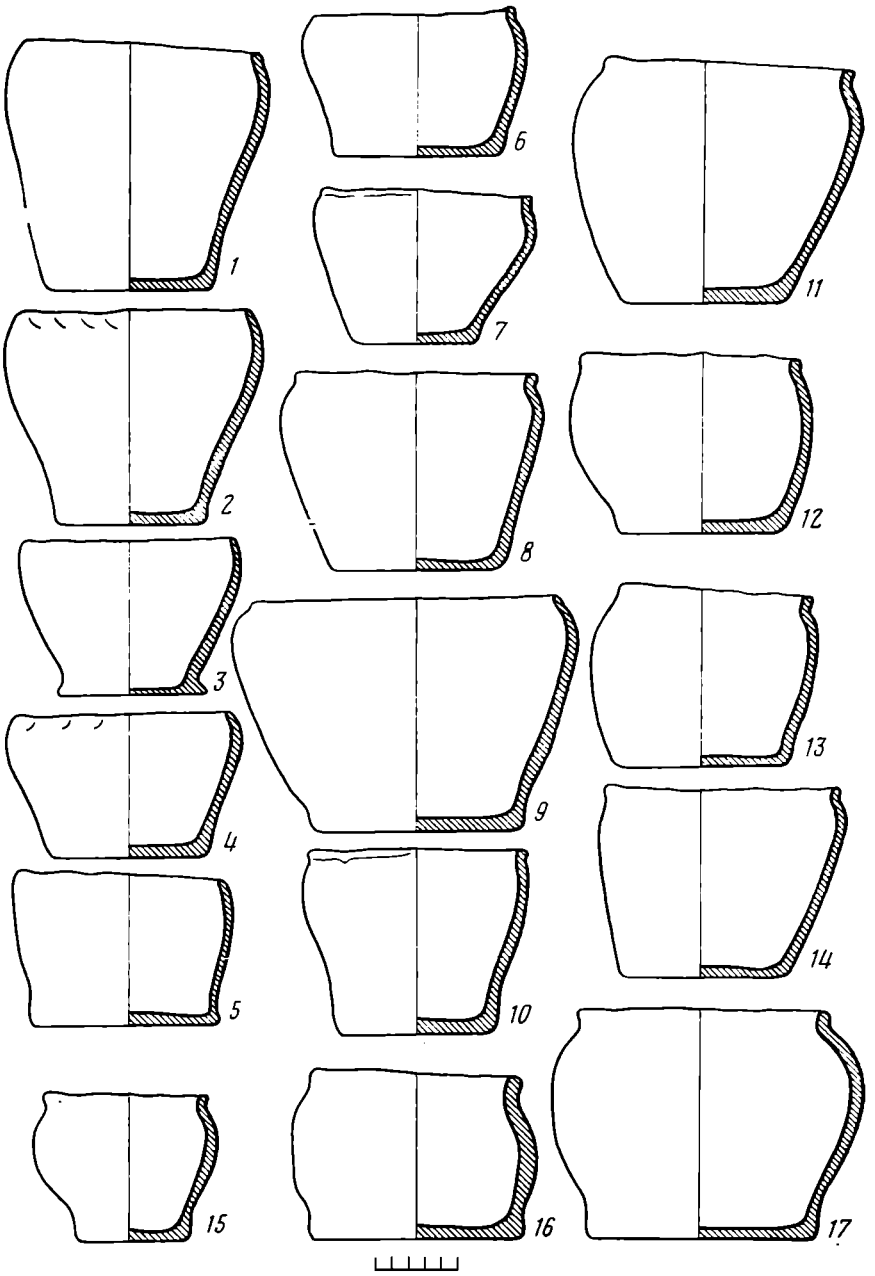


Рис. 2. Лепная керамика IV—VII групп

женные плечики, переходящие в тулово усеченно-конической формы. Максимальное расширение равно или чуть меньше диаметра устья и приходится на третью четверть (считая от низа) высоты сосуда. При переходе стенок к днищу часто наблюдается небольшой уступчик (рис. 1, *7—9*). Аналогии этим сосудам — в кругу восточно-финских древностей: городище Попово на р. Унже, поселение Крутик [16, рис. 26, *1—4*], Безводнинский могильник [5, с. 79, 217, рис. 54, *1*].

В Тимереве семь подобных сосудов встречены в шести погребениях (кург. 229, 282, 344/2, 351а, 357а, 473). Все это — трупосожжения на месте, датированные X в. (в двух случаях — второй половиной X в.). Исключение составляет лишь горшок из трупоположения в кург. 473, датируемого XI в.

Группа III. Чашевидные (без горла) плоскодонные сосуды. Короткий прямой венчик резко переходит в низкое, пологое, хорошо выраженное плечико. Место перехода от венчика к плечику подчеркнуто, образуется

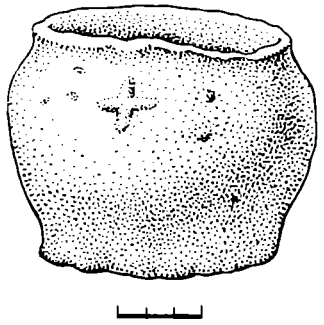


Рис. 3. Лепной сосуд из кург. 430

своего рода «воротничок» в верхней части горшка. При переходе от стенок к днищу прослеживается уступчик (рис. 1, *5, 6*). Четыре сосуда, относимых к данной группе, встречены в трех погребениях по обряду трупосожжения на месте, датирующихся X в. (кург. 270, 278, 305/2). Один горшок найден при трупоположении (кург. 431). Аналогии происходят от памятников, связываемых с поволжско-финским кругом древностей: Максимовский [18, табл. XXVIII, *17*], Безводнинский [15, с. 79, 219, рис. 59, *3*] могильники.

Группа IV. Горшки приземистых пропорций (их высота никогда не превышает диаметр венчика и составляет примерно 3/4 этого диаметра) с очень коротким, прямо расположенным венчиком, хорошо выделенными выпуклыми плечиками и туловом, постепенно сужающимся ко дну (рис. 2, *6—10*). 10 сосудов, составляющих эту группу, в большинстве случаев происходят из комплексов, датированных второй половиной X в. 8 горшков сопровождали погребения по обряду трупосожжения на месте (кург. 54, 79/2, 224, 325/2, 359/2), 2 сосуда происходят из малоинвентарных или содержавших одну керамику погребений по обряду трупоположения, не поддающихся точной датировке (кург. 26 и 105).

Аналогии керамике группы IV находим в материалах финно-угорских могильников Волго-Окского края (Подболотьевский, Максимовский), памятников Волго-Ветлужского междуречья (городище Попово на р. Унже); сходные сосуды отнесены к числу редких типов для Восточного Прионежья [16, рис. 35, *10*]. Вместе с тем можно очертить и несколько иной круг аналогий данным сосудам. Д. Селлинг рассматривает подобные горшки среди керамики местного производства, найденной на территории Швеции (тип AIV:3c) [19, с. 190—196, табл. 58, *1, 2*].

Группа V. Сосуды с довольно коротким уплощенным, реже округлым, прямо расположенным венчиком, раздутым туловом, максимальное расширение которого приходится на третью четверть высоты, и вогнутой придонной частью (рис. 2, *15—17*). Аналогии 8 сосудам данной группы из Тимеревских курганов происходят, как и в предыдущем случае, и с поволжско-финских памятников: Подболотьевский, Максимовский, Пановский [20, табл. 23, рис. 2] могильники,— и с территории Швеции, где они считаются предметами местного производства [19, с. 190—196, табл. 58, *9*]. Подобные горшки известны и в памятниках Юго-Восточного Приладожья [21, рис. 58, *8*].

К группе V относится небольшой, поистине уникальный сосудик с налепом на тулове в виде креста (рис. 3). Ничего подобного не прослежено на других лепных сосудах Тимерева. Не удалось найти аналогий и в керамических комплексах иных памятников. Сосудик сопровождал погребение по обряду трупоположения головой на запад (кург. 430), которое датируется началом XI в. Предполагается, что появление такого украшения можно связывать с распространением христианства.

Сосуды данной группы происходят из трупоположений (кург. 105, 113, 430), трупосожжений на месте (кург. 271, 365/2, 429) и на стороне (кург. 179). Датируются широко — X—XI вв.

Группа VI. Горшки данной группы некоторыми деталями формы близки к сосудам предыдущих двух групп. Это овальнобокие, часто небрежно слепленные сосуды с коротким уплощенным (реже округлым) венчиком. Раздутое тулово переходит в несколько припухлую придонную часть; высота — немногим меньше диаметра венчика (рис. 2, *11—14*). Характерно, что поиски аналогий, как и в двух предыдущих случаях, приводят нас к волго-окским финским древностям второй половины I тыс. н. э. (Подболотьевский, Максимовский, Безводнинский [15, с. 79, 219, рис. 58, *4*] могильники) и раннесредневековым древностям Швеции [19, с. 190—196, табл. 58, *10, 11*].

9 сосудов из Тимеревских курганов датируются широко: от первой половины X в. (кург. 54, 261, 302), второй половины X в. (кург. 271, 323) до рубежа X—XI вв. (кург. 376) и даже XI в. (кург. 11, 23); X в. датируется погребение в кург. 356. Большинство горшков сопровождали погребения по обряду трупосожжения на месте, 2 — трупоположения (кург. 11 и 23).

Группа VII. Об этнической принадлежности сосудов этой группы трудно говорить однозначно на основании аналогий. Сосуды с загнутым внутрь венчиком, разнообразные по своим пропорциям, составляют, по свидетельству Д. Селлинг, большой процент керамики из памятников раннего средневековья на территории Швеции (тип. AIV: 3a1), при этом истоки данной формы прослежены и в более ранних материалах [19, с. 167—174, табл. 47—50]. Безоговорочно признать 9 сосудов с загнутым внутрь венчиком из Тимеревских курганов скандинавскими по происхождению не позволяет тот факт, что эта форма весьма распространена и среди волго-окских древностей как примерно синхронных тимеревским — Дурасовское городище [3, рис. 52, *3*], так и несколько более ранних — Подболотьевский и Максимовский могильники, Попадьинское селище [3, с. 85, рис. 32, *2*], Пекуновское городище, городище Черная Заводь, Говядиновское селище и другие ярославские и костромские памятники [3, с. 110].

Все сосуды, кроме одного из неопределенного комплекса, встречены при трупосожжениях на месте, датируемых X в., чаще — второй половиной X в. (кург. 195, 263-II/2, 264, 269/2, 324, 354). Следует отметить, что курганы с погребениями, в инвентаре которых встречены сосуды группы VII, расположены в местах концентрации захоронений с ярко выраженными скандинавскими чертами.

Группа VIII. Горшки низкие, приземистые («кубовастые», по терминологии Е. И. Горюновой) с широким горлом и слегка отогнутым гладким или орнаментированным насечкой (реже — штампом) венчиком, припухлым туловом (рис. 1, *12—13*). Характерная еще с дьяковского времени форма местной посуды встречена на Сарском городище и могильнике, Попадьинском селище VI—VII вв., Березняковском городище V—VI вв., Хотимльском могильнике V—XI вв., Дурасовском городище VIII—XI вв. [3, с. 50], в Зубаревских курганах [22, рис. 70, *9—11*], в раннесредневековых могильниках на территории Удмуртии [23, табл. XV, *2*, *5*].

В Тимереве подобные сосуды (9 экз.) встречены как при трупосожжениях (кург. 112, 139, 141/2, 199, 259, 305, 364, 376), так и при трупоположениях (кург. 118, 173). Их дата: вторая половина X в.— рубеж X—XI вв. Только один сосуд орнаментирован многорядными отпечатками гребенчатого чекана, сгруппированными по три. Это весьма популярная орнаментальная схема среди относительно небольшого числа орнаментированных сосудов могильника.

Отметим еще, что сосуды группы VIII — хорошей выделки: в тесте — примесь мелкой дресвы, поверхность тщательно обработана.

Группа IX. Чашевидные круглодонные сосуды весьма многочисленны (рис. 1, *14—17*). Их 22, целых или во фрагментах. В подавляющем большинстве случаев они встречены в курганах с трупосожжениями на месте (кур. 3, 59, 141, 165/3, 175, 180, 187, 192, 200, 214, 224, 233, 299, 343, 376, 398, 420), датирующихся второй половиной X в., только 3 происходят из трупоположений конца X — начала XI в. (кург. 76, 458, 476). Говоря о топографии курганов с сосудами группы IX, следует отметить, что они встречены по всей площади могильника, за исключением его юго-восточной окраины. Можно, правда, заметить несколько бо́льшую их концентрацию в северной и северо-восточной частях.

Большинство исследователей, изучавших в той или иной степени тимеревскую лепную керамику, справедливо, на наш взгляд, связывают круглодонные сосуды с кругом камско-вычегодских древностей [1, с. 72; 3, с. 132; 7, с. 47; 11, с. 23, 24]. Вряд ли правомерна трактовка их И. В. Дубовым как мерянских [24, с. 115].

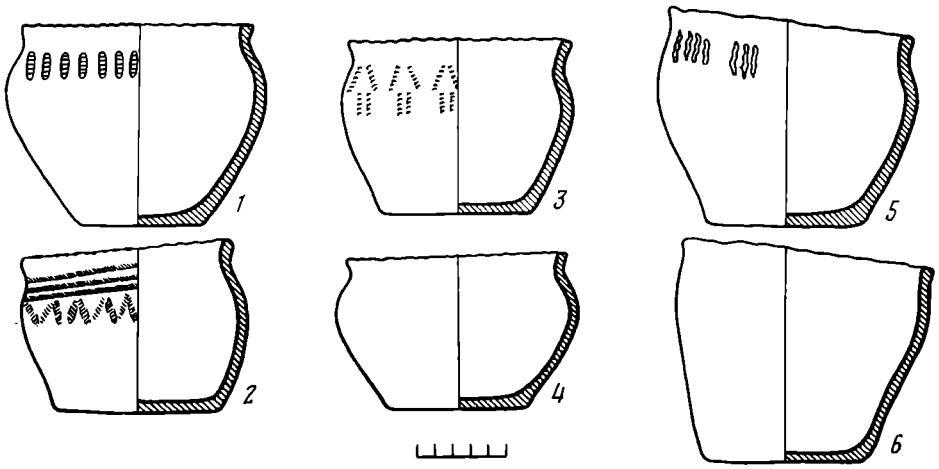


Рис. 4. Лепная керамика XI—XII групп

Близость сосудов двух регионов проявляется прежде всего в орнаменте. Наиболее популярна схема из многорядных отпечатков веревочки по горлу и вертикальных штампов (гребенчатый чекан, палочка, перевитая веревочкой и т. д.) по плечикам; пояса гребенчатого штампа по плечикам в виде вертикальных оттисков, сгруппированных по три или пять; пояса из уголков, образованных гребенчатым штампом. Не единичные сосуды, а целые серии аналогий происходят из вымских [25, табл. 8, *1*, 23, *20*, 24, *2*], древнемарийских [26, рис. 75, *8*] могильников, памятников ванвиздинской [27, с. 112, 113, рис. 1, 2], ломоватовской и родановской культур [28, с. 96, рис. 3, 4; 29, с. 43, 44, рис. 1, *1*, *2*]. Большинство круглодонных сосудов отличает хорошая обработка поверхности, мелкозернистая примесь дресвы или толченой ракушки.

Близость чашевидных сосудов Верхнего Поволжья и Прикамья объясняется Е. И. Горюновой общностью керамических традиций в этих областях [3, с. 132]. Э. А. Савельева считает эту близость свидетельством родства культур и наличием несомненных культурно-торговых связей финского населения двух регионов [25, с. 174]. Н. А. Макаров связывает присутствие чашевидных сосудов среди керамики памятников Волжско-Шекснинского района с проникновением небольших групп пермского населения далеко на запад [11, с. 24].

Группа X. Сосуды данной группы (6 экз.) отличают короткое, приподнятое, хорошо выделенное плечико, отогнутый уплощенный венчик, орнаментированный штампом, и слегка припухлая нижняя часть (рис. 1, *10—11*). Мелкая примесь дресвы или толченой ракушки практически не выступает на поверхность, которая тщательно обработана. Большинство сосудов не орнаментировано, на двух встречена уже знакомая орнаментальная схема — сгруппированные по три или по пять отпечатки штампа по плечику. Аналогии находим на памятниках Волго-Ветлужского междуречья: городище Попово на р. Унже, «Черемисское кладбище» [26, рис. 75, *4*, *7*] [7], Дубовский могильник [26, рис. 75, *3*].

Сосуды, чья принадлежность соответствующим комплексам не вызывает сомнений, происходят из трупосожжений на месте (кург. 5, 290, 323, 398) и на стороне (кург. 420), датируемых X в., и трупоположения (кург. 431).

Группа XI. Пропорции горшков этой группы весьма характерны для керамики Тимерева: диаметр днища составляет примерно $^2/_3$, а высота — около $^4/_5$ диаметра венчика. Сосуды отличаются слабой профилировкой; часто бывают украшены штампованным орнаментом (по плечикам и венчику) (рис. 4, *5—6*). Подобная посуда встречается в погребениях Дудинских курганов [30, с. 134], Троицкого могильника [30, рис. 1, *7*], курганов у с. Бустрыгино на р. Сорогоже [8], курганов Юго-Восточного При-

[7] МАЭ, колл. 1265/IV, инв. № 118.
[8] МАЭ, колл. 1533, № 92, 93.

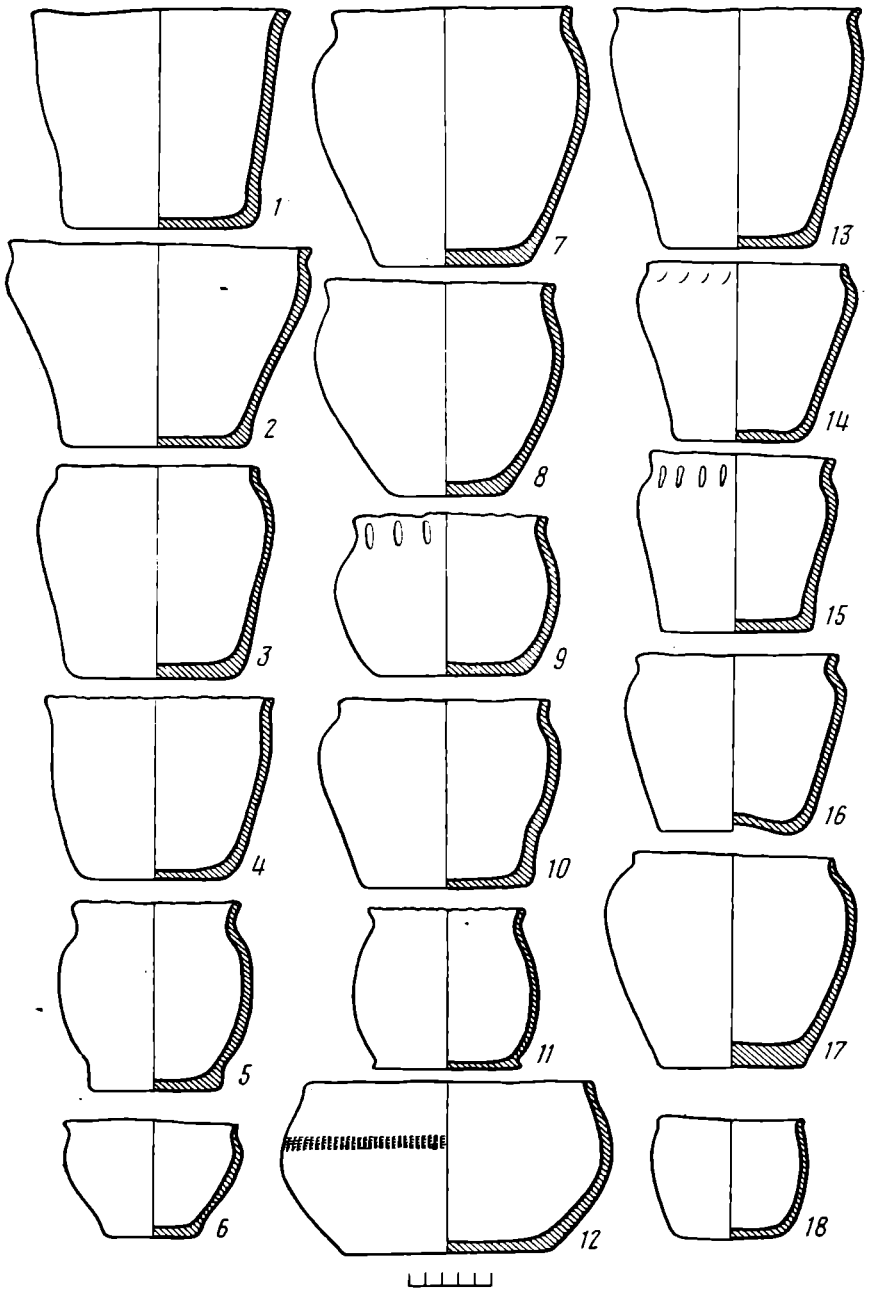


Рис. 5. Редкие формы лепной керамики Тимеревского могильника

ладожья[9], курганов у д. Бережок на р. Кобоже[10], у с. Кривец Мышкинского уезда Ярославской губ.[11] и связывается с весской средой [30, с. 131; 31, с. 51].

9 сосудов данной группы (кург. 5, 99/2, 100, 125, 237, 348, 376, 420) происходят как из трупосожжений, так и из трупоположений. Датируются второй половиной X—XI в.

Группа XII. Это ведущая по своей представительности группа лепной керамики Тимеревского могильника: приземистые горшки с широким устьем, отогнутым венчиком, украшенным в большинстве случаев насечкой или штампом. Сюда входят и хорошо профилированные сосуды с выпуклыми округлыми плечиками и сосуды со слабой профилировкой, плавными округлыми плечиками. Соотношение высоты и диаметра венчика примерно $^2/_3$. Их отличительной особенностью является плотное тесто с

[9] ГИМ, опись 137, № 1034, инв. № 32778.
[10] МАЭ, колл. 6012, инв. № 28.
[11] ГИМ, опись 605, № 293, инв. № 2283.

Таблица 1

Тимеревская лепная керамика

Группа	Кол-во сосудов	% от общего кол-ва сосудов	Группа	Кол-во сосудов	% от общего кол-ва сосудов	Группа	Кол-во сосудов	% от общего кол-ва сосудов
I	17	9,1	V	8	4,3	IX	22	11,8
II	7	3,8	VI	9	4,8	X	6	3,2
III	5	2,7	VII	9	4,8	XI	9	4,8
IV	10	5,4	VIII	11	5,9	XII	27	14,5

мелкозернистой примесью дресвы или ракушки. Большинство сосудов орнаментировано только по краю венчика, некоторые украшены вертикальными отпечатками гребенчатого чекана по плечику (рис. 4, *1—4*). Один горшок орнаментирован многорядными отпечатками палочки, перевитой веревочкой, по горлу и зигзагообразными отпечатками такого же штампа по плечику.

27 сосудов данной группы объединяет и их относительно более поздняя дата. Комплексы с подобной керамикой (кург. 7/2, 76, 78, 94/2, 109, 112, 118, 140/2, 171, 173, 174, 294, 308, 322, 337, 380, 391, 405, 408, 419, 422, 448/2) датируются в большинстве случаев рубежом X—XI—XI в., реже — второй половиной X в. Описываемые горшки встречены при трупоположениях и при трупосожжениях на месте и на стороне.

Ближайшие аналогии позволяют относить эту керамику к «чудским» (в самом широком смысле этого слова) древностям XI—XII вв. Они встречены в курганах XI в., у д. Бережок на р. Кобоже[12], в Корбальском могильнике конца XI — первой половины XII в. [32, с. 209, 210, рис. 9], финно-угорских могильниках Вологодской обл. [33, л. 2, 18, рис. 5, 68].

В табл. 1 представлены основные группы тимеревской лепной керамики.

Наряду с описанными выше основными группами лепной керамики могильника, объединяющими значительную часть (75%) всех известных сосудов, необходимо отметить и довольно большое число редких для памятника форм, представленных одним-двумя горшками. Часть из них находит устойчивые и представительные серии аналогий в керамических комплексах уже упомянутых памятников, связанных с финским миром (рис. 5, *1—6*, *11*, *12*). К славянским древностям в основном также относятся сосуды редких форм (рис. 5, *7—10*, *13—18*). Среди них есть сосуды стройных пропорций с усеченно-коническим туловом, распространение которых в восточных районах, в том числе и на территории Ярославского Поволжья, традиционно связывают с появлением здесь славян. Аналогии этим сосудам находим в Старой Ладоге [34, с. 227, рис. 4, *4*], Новгороде [35, с. 4—6, рис. 3, *I—III*], Изборске [36, рис. 1], на Рюриковом городище [37, с. 95—98, рис. 4], в Городке на Ловати [38, рис. 24, *1, 2, 4, 5, 9*] и на других памятниках Новгородской и Псковской областей.

Другая часть сосудов редких форм имеет аналогии среди керамики роменско-боршевской культуры и ранних курганов вятичей [39, с. 167, рис. 3, *14*, с. 170, рис. 6, *9*; 40, с. 206, табл. XXXII, *15, 16*; 41, с. 155, рис. 2, *10—13*, рис. 3, *10*]. Славянские племена этих территорий не рассматривались всерьез среди групп славянства, принимавших участие в освоении северо-востока европейской части СССР.

Сосуды, связываемые нами со славянским этносом, происходят из трупосожжений на стороне, датируемых, когда это возможно, в пределах X в. (кург. 255, 272, 357а, 368, 372, 413), из трупосожжений на месте (кург. 52, 134, 248, 316, 325, 354) с датой, не выходящей за рамки X в., и из трупоположений (кург. 92, 99, 101, 114, 443, 452, 473, 476) второй половины X—XI в.

[12] МАЭ, колл. 6012, 13/2, инв. № 24.

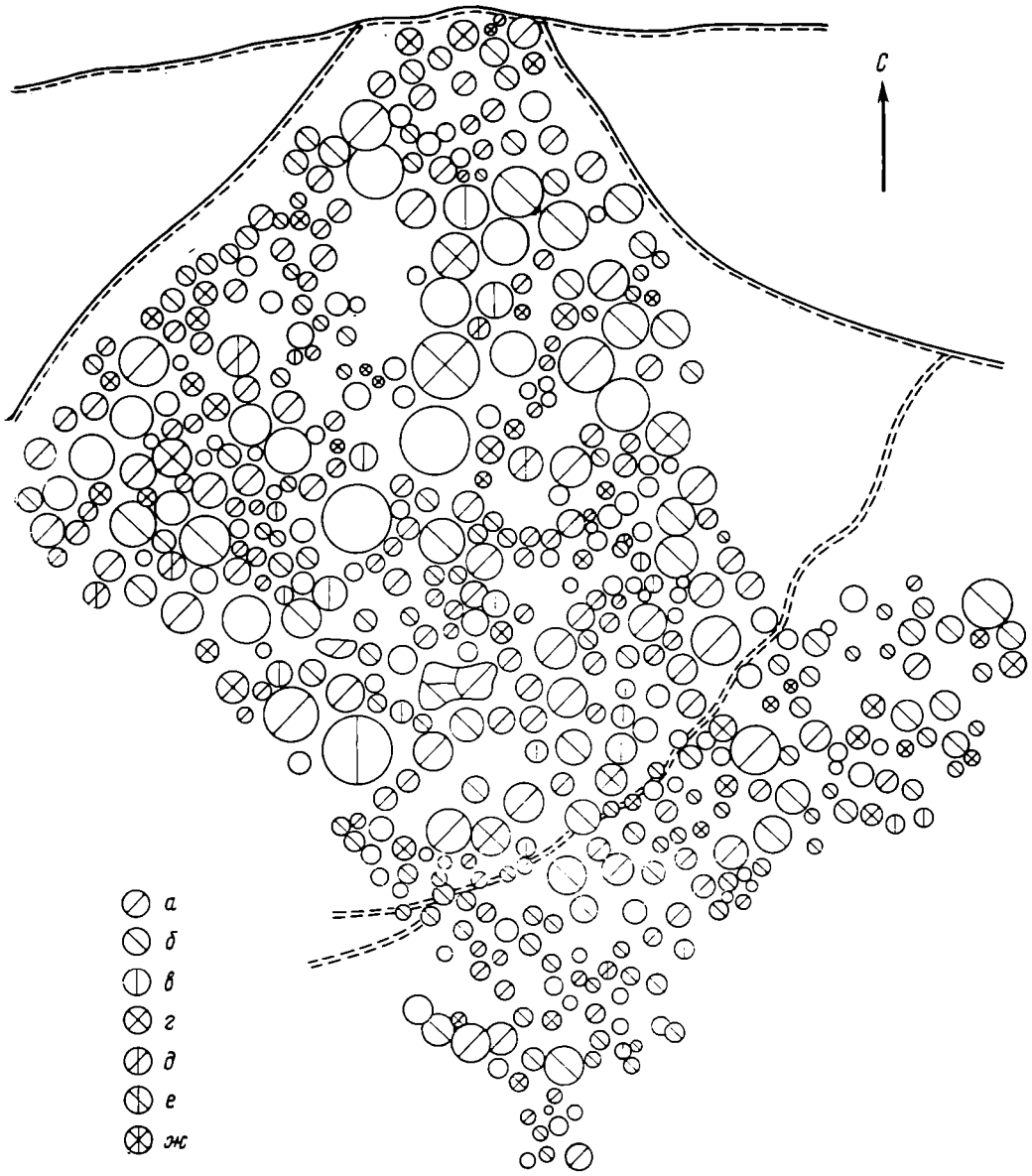


Рис. 6. Погребения могильника у д. Большое Тимерево с этнически выраженными чертами (без учета керамического материала). По М. В. Фехнер и Н. Г. Недошивиной. *а* — погребения с финскими чертами; *б* — погребения со славянскими чертами; *в* — погребения со скандинавскими чертами; *г* — погребения с финскими и славянскими чертами; *д* — погребения с финскими и скандинавскими чертами; *е* — погребения со славянскими и скандинавскими чертами; *ж* — погребения с финскими, славянскими и скандинавскими чертами

Итак, основная масса лепной керамики Тимеревского могильника, по всей видимости, относится к кругу угро-финских древностей. Это и керамика основных групп (т. е. форм, довольно популярных среди населения, оставившего могильник) и групп, достаточно редких для нашего памятника. Однако, принимая во внимание территории, с которых происходят аналогии нашим сосудам — от Приладожья до Прикамья, мы можем говорить лишь о сложном составе финно-угорского населения, хоронившего своих покойников в Тимеревских курганах, населения, несомненно, преобладавшего, но не вправе связывать его ни с мерей, ни с весью, ни с еще какой-либо другой определенной финно-угорской группой.

Славянский элемент в керамике Тимерева не выражен ярко. Славянские, по нашим представлениям, сосуды немногочисленны, во-первых, и не составляют устойчивых и представительных серий в отличие от керамики финской, во-вторых.

Рис. 7. Погребения могильника у д. Большое Тимерево с этнически выраженными чертами (с учетом керамического материала). Условные обозначения см. рис. 6

В статье М. В. Фехнер «Тимеревский могильник», вошедшей в состав сборника «Ярославское Поволжье X—XI вв.», на основе изучения инвентаря погребений, а также отдельных деталей погребального обряда (ориентировка погребенных, наличие каменных конструкций) выделяются финские, славянские, скандинавские и неопределенные (финские или славянские) захоронения [4, с. 19, рис. 9]. Любопытные наблюдения можно сделать, совместив план этнически определенных погребений, дополненный материалами из раскопок 1974—1978 гг. [42] (рис. 6), с нашими данными о размещении захоронений с финской, славянской и, возможно, скандинавской керамикой. На совмещенном плане (рис. 7) число неопределенных или смешанных погребений значительно больше, чем на плане, составленном без учета керамического материала.

В большинстве случаев этнос погребенного определить трудно, да и вряд ли вообще правомерно относить то или иное погребение (по крайней мере для данного памятника) к какому-либо конкретному этносу. По всей видимости, в Ярославское Поволжье продвинулось население,

уже сильно подвергшееся процессам метисации, о чем, как нам представляется, свидетельствует смешение или искажение в целом ряде случаев этнических черт в рамках одного захоронения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Станкевич Я. В.* К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X ст.— МИА, 1941, № 6.
2. *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.— Л.: Наука, 1966.
3. *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА, 1961, № 94.
4. *Фехнер М. В.* Тимеревский могильник.— В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М.: Сов. Россия, 1963.
5. *Дубов И. В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья Л.: Наука, 1982.
6. *Тихомиров И. А.* Кто насыпал Ярославские курганы? Ч. 1.— Труды II Областного историко-археологического съезда. Тверь, 1903. Ч. 2 — Труды III Областного историко-археологического съезда. Владимир, 1909.
7. *Мальм В. А.* Культовая и бытовая посуда из Ярославских могильников.— В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М.: Сов. Россия, 1963.
8. *Седых В. Н.* Керамика Тимеревского поселения (предварительное сообщение).— В кн.: Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.: Наука, 1982.
9. *Седых В. Н.* Керамика Тимеревского поселения.— В кн.: *Дубов И. В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.: Наука, 1982.
10. *Макаров Н. А.* Камско-Вычегодская керамика на Шексне.— В кн.: Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск, 1982.
11. *Макаров Н. А.* Чашевидные сосуды средневековых памятников Волжско-Шекснинского района.— КСИА, 1983, вып. 175.
12. *Айвазян С. А., Бежаева З. И., Староверов О. В.* Классификация многомерных наблюдений. М.: Статистика, 1974.
13. *Дюран Б., Оделл П.* Кластерный анализ М.: Статистика, 1977.
14. Многомерный статистический анализ в социально-экономических исследованиях. М.: Наука, 1974.
15. *Краснов Ю. А.* Безводнинский могильник (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука, 1980.
16. *Макаров Н. А.* Население Восточного Прионежья в X—XIII вв. Канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1985.— Архив ИА АН СССР, р-2, № 2332.
17. *Трусов А. В.* Могильник Облачанская Дюна.— КСИА, 1983, вып. 175.
18. Альбом древностей мордовского народа. Саранск, 1941.
19. *Selling D.* Wikingerzeitliche und frühmittelalterliche Keramik in Schweden. Stokckholm, 1955.
20. Материальная культура среднеднинской мордвы. Саранск, 1969.
21. *Кочкуркина С. И., Линевский А. М.* Курганы летописной веси. Петрозаводск: Карелия, 1985.
22. *Горюнова Е. И.* Мерянский могильник на Рыбинском море.— КСИИМК, 1954, вып. 54.
23. *Генинг В. Ф.* Древнеудмуртский могильник Мыдлань-шай.— ВАУ, 1962, № 3.
24. *Дубов И. В.* Тимеревский комплекс — протогородский центр в зоне славяно-финских контактов.— В кн.: Финно-угры и славяне. Л.: Наука, 1979.
25. *Савельева Э. А.* Пермь вычегодская. М.: Наука, 1971.
26. *Архипов Г. А.* Марийцы X—XI вв. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1973.
27. *Чеснокова Н. Н.* Классификация ванвиздинской керамики.— В кн.: Проблемы этногенетических исследований европейского Северо-Востока. Пермь, 1982.
28. *Кананин В. А.* Исследования городища Шудья-кар в верховьях Камы.— КСИА, 1980, вып. 160.
29. *Голдина Р. Д.* К вопросу о культурном единстве ломоватовских памятников.— В кн.: Древности Волго-Камья. Казань, 1977.
30. *Тухтина Н. В.* Об этническом составе населения бассейна реки Шексны в X—XII вв.— Тр. ГИМ, 1966, вып. 40.
31. *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М.: Наука, 1973.
32. *Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А.* Средневековые памятки Чуди Заволочской.— СА, 1984, № 4.
33. *Никитин А. В.* Археологический отчет о раскопках курганов у д. Новинка в 1969 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 3982а.
34. *Станкевич Я. В.* Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги.— СА, 1951, т. XV.
35. *Смирнова Г. П.* Лепная керамика древнего Новгорода.— КСИА, 1976, вып. 146.
36. *Седов В. В.* Лепная керамика Изборского городища.— КСИА, 1978, вып. 155.
37. *Носов Е. Н.* Лепная керамика из раскопок под Рюриковом городищем под Новгородом.— В кн.: Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л.: Наука, 1977.
38. *Горюнова В. М.* Новое в исследовании «Городка на Ловати».— КСИА, 1974, вып. 139.

39. *Винников А. З.* Керамика донских славян конца I тысячелетия н. э.— СА, 1982, № 3.
40. *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. Археология СССР. М.: Наука, 1982.
41. *Изюмова С. А.* Курганный могильник VIII—X вв. около дер. Западной.— СА, 1964, № 2.
42. *Недошивина Н. Г., Фехнер М. В.* Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря.— СА, 1987, № 2.

L. I. Smirnova

MODELLED POTTERY FROM THE TIMEREVO BURIAL MOUNDS AND ITS ETHNIC ATTRIBUTION

Summary

All modelled pottery from the Timerevo burial mound (186 items found intact) form 12 basic groups (I—XII) each of them being associated with individual sets of ethnically specific antiquities. The pottery, for its main part, exhibited traditions typical of Finno-Ugric tribes, the analogies covering the vast territory from Lake Ladoga to the Kama River. The author identified small groups of Slavic and Scandinavian pottery. The cases when, within one and the same burial, ethnic traits were either distorted or showed alien influences, probably testify to migration into the Volga region near Yaroslavl of groups of people of mixed origins.

Публикации

Г. А. ЧЕРНОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В НИЗОВЬЯХ р. КОРОТАИХИ И НА ПОБЕРЕЖЬЕ БАРЕНЦЕВА МОРЯ

Первые археологические находки в бассейне р. Коротаихи были сделаны автором в 1941 г. в верхнем течении и на ее левом притоке Падимейвис [1]. В 1961 г. р. Коротаиха была обследована почти на всем ее протяжении, что привело к открытию 58 новых стоянок [2] и к обнаружению Устьхейягинского поселения [3]. Помимо этого были проведены вторичные сборы на ряде уже известных стоянок и обследован участок побережья Баренцева моря, где также открыты два памятника.

В 40-е годы возраст стоянок в Большеземельской тундре определялся без особой уверенности, так как археологический материал происходил из сборов на поверхности развеиваемых песков и сопоставлялся с отдаленными районами — Северной Двины и Оби.

На основании собранного нами археологического материала [4—8] М. Е. Фосс выделила так называемую Печорскую культуру, считая, что заселение Большеземельской тундры происходило в конце II — начале I тыс. до н. э. [9, с. 145]. Того же мнения придерживался и А. Я. Брюсов [10, с. 143]. Однако уже первые наши исследования в Большеземельской тундре привели к открытию бескерамического комплекса, что навело на мысль об их более древнем, мезолитическом возрасте [5, с. 69]. Позднее этот вывод подтвердился открытием целого ряда стоянок на реках Адзьве и Усе, которые были отнесены рядом исследователей к мезолиту [11, с. 81; 12, с. 288; 13, с. 315; 14, с. 4, 7; 15, с. 57, табл. 4]. В 1975 г. мы вновь обследовали р. Сандибейю и небольшой участок р. Колвы, где были обнаружены новые стоянки мезолитического [16, 17] и более позднего времени [18].

Таким образом, освоение древним человеком Большеземельской тундры началось с позднемезолитического времени. Интересно, что среди открытых на р. Коротаихе стоянок памятники мезолитического времени отсутствуют. Вероятно, в это время древний человек еще не мог преодолеть водоразделы рек этого северного района, непосредственно примыкающего к Баренцеву морю.

Выделение памятников эпохи неолита на территории Большеземельской тундры до сих пор является одной из трудноразрешимых задач. Несмотря на то, что в настоящее время здесь известно более 300 памятников различных эпох — от мезолита до позднего средневековья, памятников неолитического времени очень мало. Это, на наш взгляд, объясняется целым рядом причин: отсутствием не только систематизированных памятников, но и вообще памятников с хорошо сохранившимся слоем; малым количеством керамики на развеиваемых тундровых стоянках; общей слабой изученностью неолита в Печорском крае. К эпохе неолита на территории Большеземельской тундры в настоящее время относится всего лишь несколько памятников: Мишваньская стоянка I на р. Лае [19]; стоянка 14 близ г. Нарьян-Мара [6], где было обнаружено тесло русско-карельского типа, и Печорская стоянка в 30 км к северу от Нарьян-Мара, описанная Н. Н. Гуриной [20]. Как каменный материал,

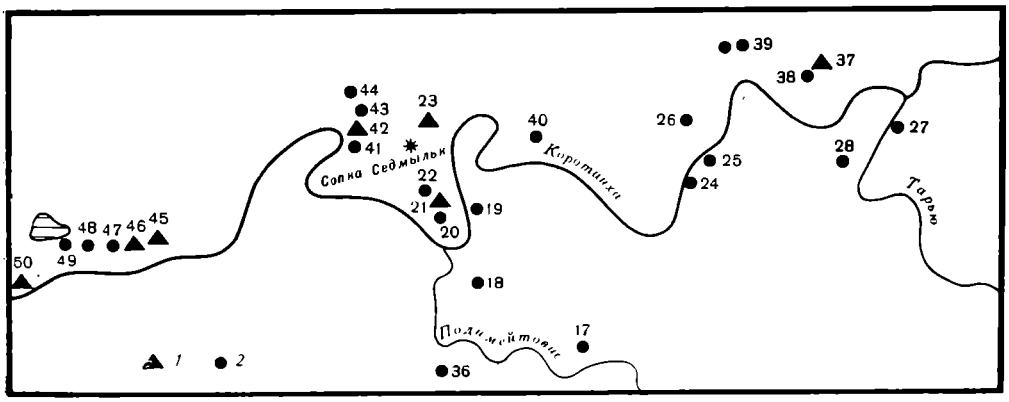


Рис. 1. Схема расположения стоянок в верховьях Коротаихи. *1* — стоянки неолитического времени; *2* — стоянки более позднего времени

так и керамика с этих стоянок не вызывали сомнений в принадлежности их к неолиту. В работе Г. М. Бурова [21] Мишваньская и Печорская стоянки включены в общий ареал с ижемскими стоянками III — начала II тыс. до н. э. К позднему неолиту относит их В. Е. Лузгин [22]. О материале этих стоянок Л. П. Хлобыстин пишет: «Кремневый инвентарь представлен ножевидными пластинками, скребками двух типов (концевыми и на отщепах), обломками наконечников стрел и копий. Здесь же были найдены обломки четырех толстостенных сосудов (волго-окского типа), украшенных ямочным и ямочно-гребенчатым орнаментом. Подобная керамика широко известна в юго-западных и западных областях европейского Севера». О материале Печорской стоянки он говорит еще более определенно: «Материал Печорской стоянки несомненно является единым и чистым комплексом эпохи позднего неолита» [15, с. 60].

Позднее среди стоянок Большеземельской тундры стали выявляться комплексы кремневых орудий и керамики, которые дают основание некоторым исследователям относить их к неолитической эпохе. Так, Л. П. Хлобыстин [15] относит к неолиту еще ряд памятников (стоянки 3 и 14 по р. Куе, Сандибейю VIII и Колвавис XVI), выделяя их на основании каменного инвентаря, где наряду с ножевидными пластинками встречены наконечники стрел миндалевидной формы [2, 5]. К неолиту Л. П. Хлобыстин [15] относит также некоторые орудия с ряда открытых нами стоянок на р. Адзьве (стоянки 5, 10, 29, 48, 63 и 65) [11]. На стоянке 5 (участки 3, 10) и 65 была обнаружена и керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом.

И. В. Верещагина [14] считает возможным отнести к ранненеолитическому времени стоянки на реках Сандибейю [6—8], Колве (Мой—ярей Журавского) и Лае [19].

В 1975 г. автором были вторично обследованы памятники на р. Колве, ниже устья Сандибейю, где на стоянках 12, 13, 14 были собраны каменные орудия и керамика неолитического времени [18].

На р. Коротаихе мы считаем возможным типологически выделить восемь поздненеолитических памятников: стоянки 21, 23, 37, 42, 45, 46, 50 и 57 (пункт 1) (рис. 1) [23].

Описание стоянок производится в том порядке, как они были обнаружены: вниз по р. Коротаихе, на участке от устья левого притока Лабочюей до устья р. Янгарей (от 66-й до 83-й стоянки). Затем дается характеристика стоянок на побережье Баренцева моря, обнаруженных в 4—5 км от устьев небольших ручьев. Пункты сборов в пределах одного ярея отмечаются также начиная с его верхнего конца.

Неолитические стоянки.

Стоянки неолитической эпохи обнаружены лишь в верхнем течении р. Коротаихи (семь), расположены между устьями рек Сятейяга и Саваю и одна в среднем течении вблизи устья Хейяги (рис. 1).

Стоянка 21. Находится на правом берегу р. Коротаихи, против устья ее левого притока — Падимейвис. Она расположена на древней III тер-

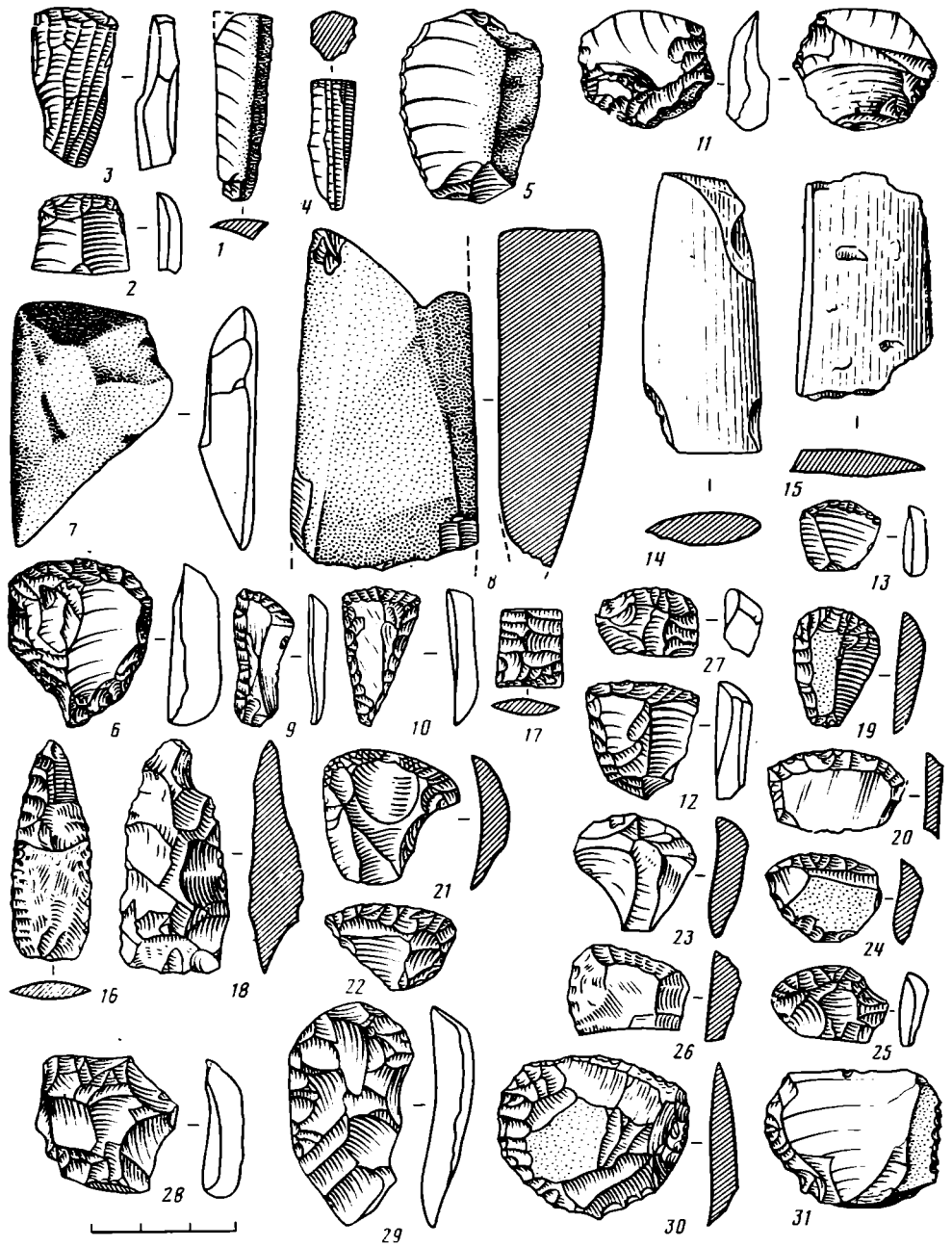


Рис. 2. Изделия из кремня: *1—4* — ст. 21; *5—8* — ст. 23; *9—15* — ст. 37; *16—31* — ст. 42

расе высотой 18 м (рис. 1). Стоянка была открыта в 1941 г. В 1961 г. в трех местах на развеиваемых ветром песках были произведены сборы, обнаружено: 133 кремневых и 4 кварцитовых отщепа; угловатая плитка песчаника с плоскими, гладкими поверхностями (использовалась в качестве бруска); нож-резец из синевато-коричневого халцедона (рис. 2, *1*); обломок из окремнелого известняка (рис. 2, *2*); два небольших нуклеуса: один карандашевидный, из черного кремня (рис. 2, *4*), а второй конусовидный, из светло-коричневого, худшего качества (рис. 2, *3*); большой молот весом 1,3 кг, сделанный из гальки бурого песчаника. Молот имеет вытянутую форму (длина 16 см) и ромбовидное сечение (рис. 3). Один, более широкий, конец молота тупой, второй — слегка скошен. В средней части — поперечный паз шириной 2,5 и глубиной 0,5 см. На обоих концах имеется по одному крупному сколу.

Стоянка 23. Находится на правом берегу р. Коротаихи, в 2,5 км выше устья р. Падимейвис, она была открыта в 1941 г. [1]. В 1961 г.

здесь было найдено еще четыре кремневых отщепа, кремневый нож (рис. 2, *5*) скребок (рис. 2, *6*), обломок шлифованного орудия неизвестного назначения (рис. 2, *7*) и обломок топорика русско-карельского типа (рис. 2, *8*).

Стоянка 37. Находится на правом берегу р. Коротаихи в 1,5 км ниже слияния рек Тарью и Сятейяги. На высоком берегу, метрах в семистах от реки, на эоловых песках собрано 197 кремневых и 4 халцедоновых отщепа, преимущественно мелких, 5 скребков почти из прозрачного хал-

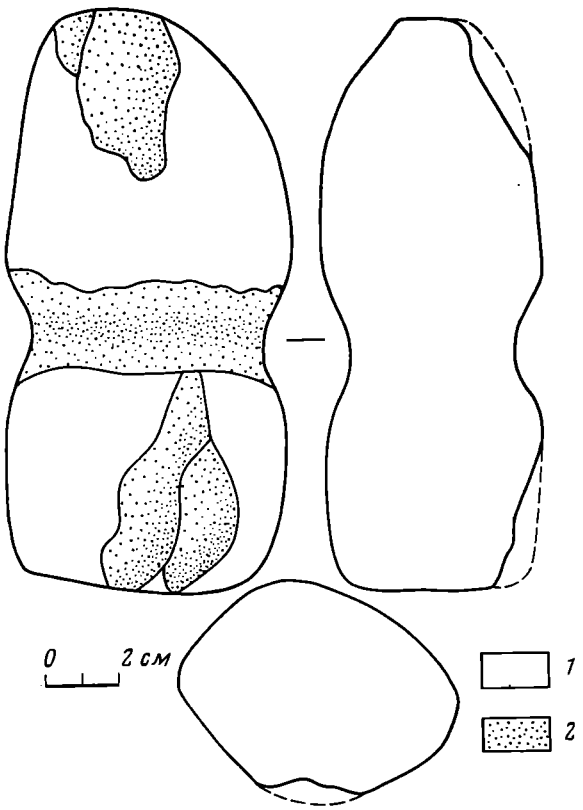


Рис. 3. Молот из песчаника со стоянки 21; *1* — гладкая поверхность; *2* — шероховатая поверхность

цедона. Один из них — треугольной формы (рис. 2, *10*), второй сделан из пластинки черного (рис. 2, *9*), остальные — светло-серого кремня (рис. 2, *11—13*). Два небольших обломка шлифованных ножей из зеленоватого сланца (рис. 2, *14*, *15*) и небольшая плиточка темно-серого песчаника (вероятно, брусок).

На стоянке собраны фрагменты керамики (преимущественно мелкие). Обломки с гребенчатым орнаментом принадлежали четырем сосудам. Один из фрагментов (венчик) украшен сложным орнаментом, нанесенным пятизубой гребенкой: вертикальные отпечатки сменяются узкой горизонтальной полоской, ниже которой нанесена ромбическая сетка. Сосуд имел форму плошки диаметром 17 см, с толщиной стенок 6 мм (рис. 4, *1*). На втором фрагменте нанесены отпечатки широкого семизубого штампа (рис. 4, *2*), третий украшен узким пятизубым штампом и редкими горизонтальными рядами косых насечек (рис. 4, *3*).

Ниже по реке собрано еще 16 фрагментов керамики, принадлежащих не менее чем трем сосудам. Один из них, судя по имеющимся фрагментам венчика, стенок и дна, имел круглое дно и прямые стенки без выраженной шейки. Толщина стенок 8 мм, размер устья 30 см. Венчик скошен внутрь и украшен косыми насечками гребенчатого штампа. Таким же штампом была орнаментирована поверхность сосуда, причем на одном фрагменте замечен отпечаток в виде прямоугольной ямки, нане-

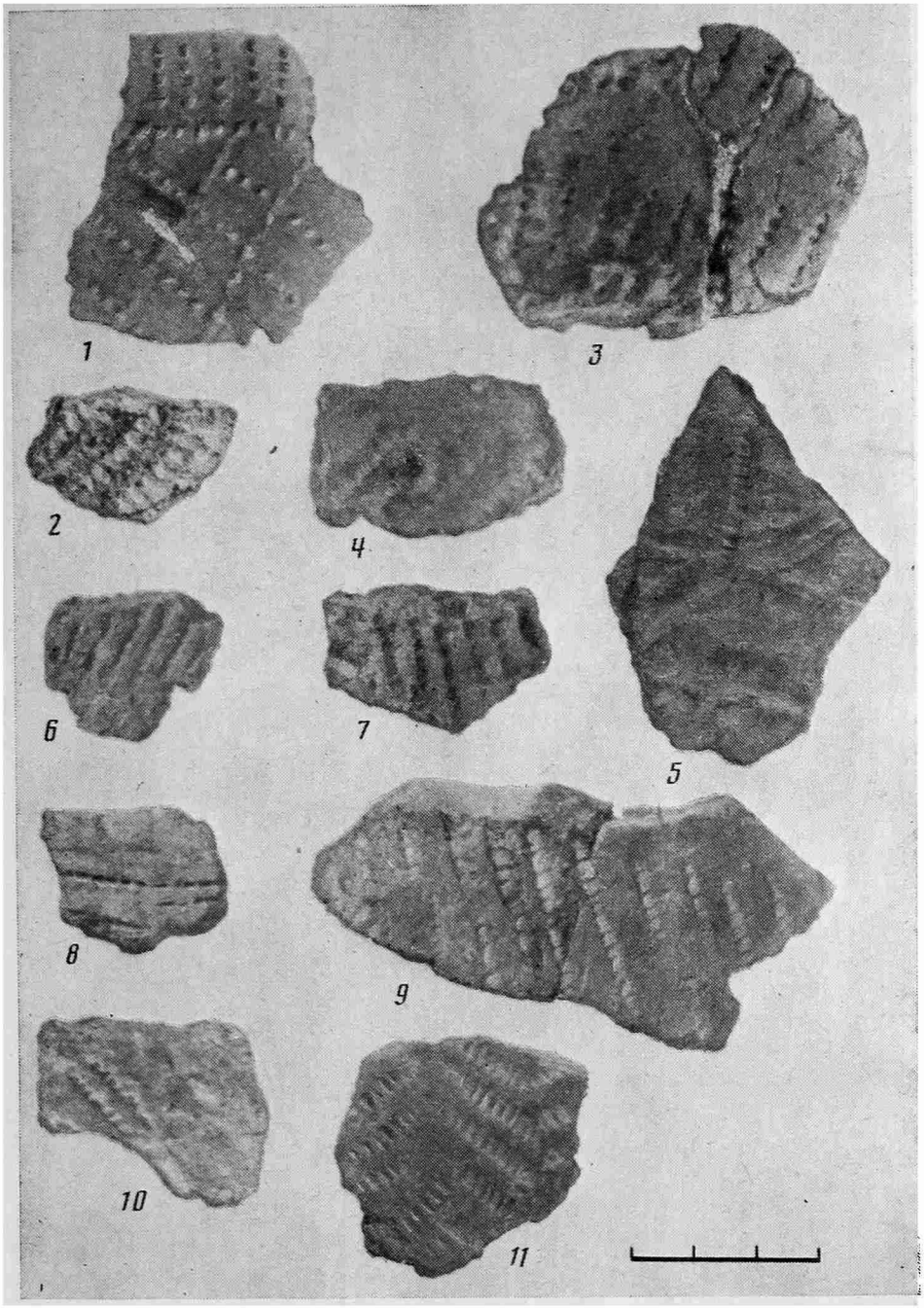


Рис. 4. Керамика со стоянок на р. Коротаихе. *1—8* — ст. 37; *9* — ст. 42; *10* — ст. 45; *11* — ст. 57

сенной притупленной палочкой (рис. 4, *4*, *5*). Второй сосуд аналогичен первому, но имел меньшие размеры. Толщина его стенок 6 мм. Он орнаментирован узкой семизубой гребенкой, которой нанесены наклонные отпечатки, расположенные горизонтальными рядами (рис. 4, *6*, *7*). Третий сосуд аналогичен первым двум. Он также прямостенный, со скошенным внутрь венчиком. Орнамент — горизонтальные ряды, нанесенные тонкой шестизубой гребенкой (рис. 4, *8*).

Стоянка 42. Расположена на правом, высоком берегу р. Коротаихи, примерно в 5 км ниже устья р. Падемейвис и в 1,5 км к северу от сопки Седмыльк (рис. 1). Здесь на ярее диаметром до 100 м собрано: 12 кремневых отщепов; наконечник стрелы (рис. 2, *16*); обломок стрелы (рис. 2, *17*); заготовка стрелы (рис. 2, *18*); большой кремневый отщеп длиной 11 см со следами сработанности по краям; 12 кремневых скреб-

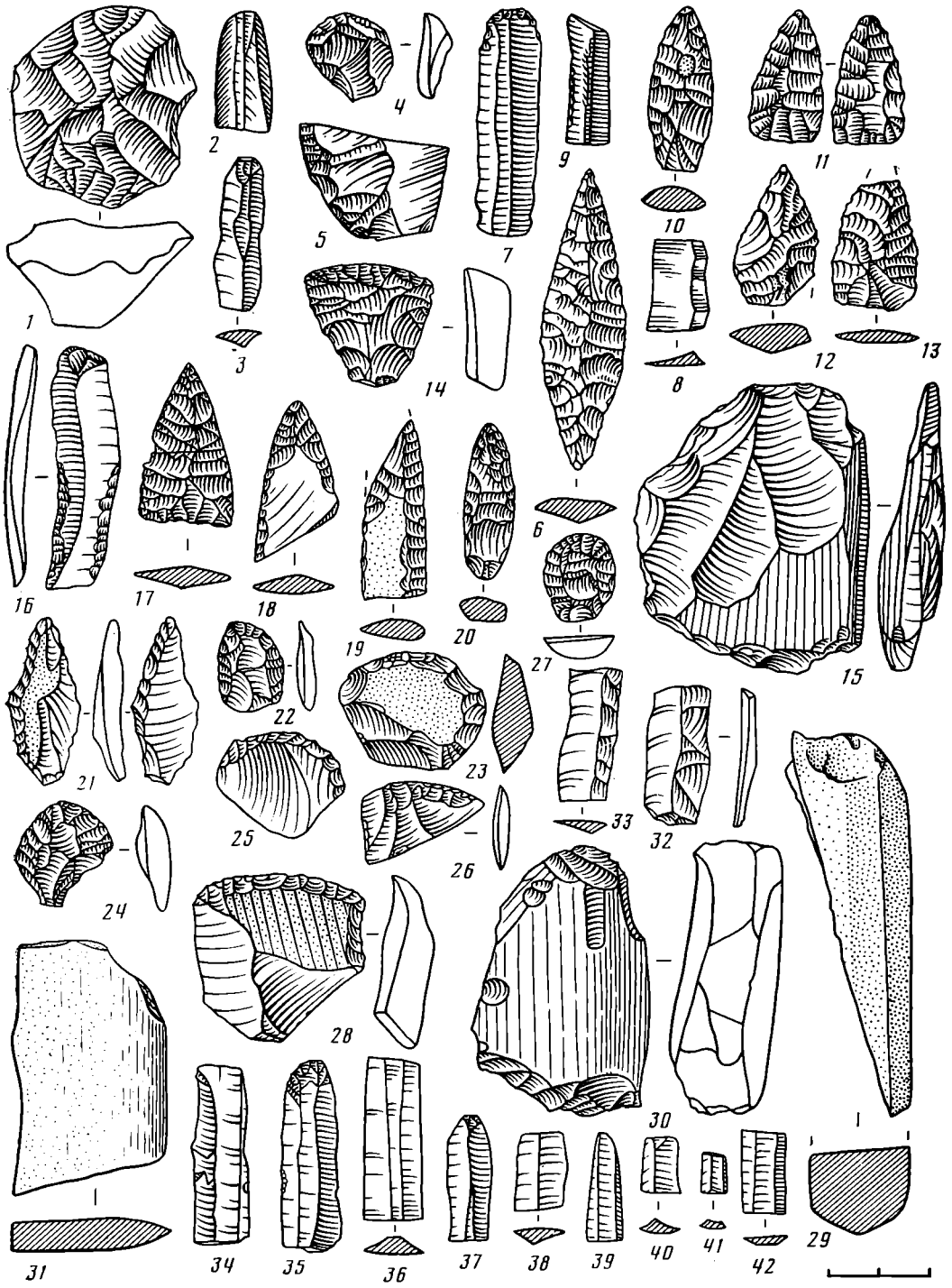


Рис. 5. Каменные орудия со стоянок на р. Коротанхе. *1* — ст. 42; *2—6* — ст. 45; *7—15* — ст. 46; *16—31* — ст. 50; *32—42* — ст. 57

ков (рис. 2, *19—30*); нож из кремня хорошего качества (рис. 2, *31*) и кусок кремня со сколами, напоминающий нуклеус (рис. 5, *1*). Здесь же найдена квадратная плитка (песчаник) до 8 см длиной.

Керамика представлена двумя фрагментами одного сосуда, диаметр устья 25, толщина стенок 8 мм. Орнамент нанесен гребенчатым штампом (рис. 4, *9*).

Стоянка 45. Находится в 6—7 км ниже стоянки 42, на том же высоком берегу. Здесь на большом ярее длиной 250 и шириной 150 м (в верхнем его конце) найдено: 21 кремневый отщеп; ножевидные пластинки (рис. 5, *2*, *3*), скребок (рис. 5, *4*), обломок ножа (рис. 5, *5*) и фрагмент керамики с гребенчатым орнаментом (рис. 4, *10*).

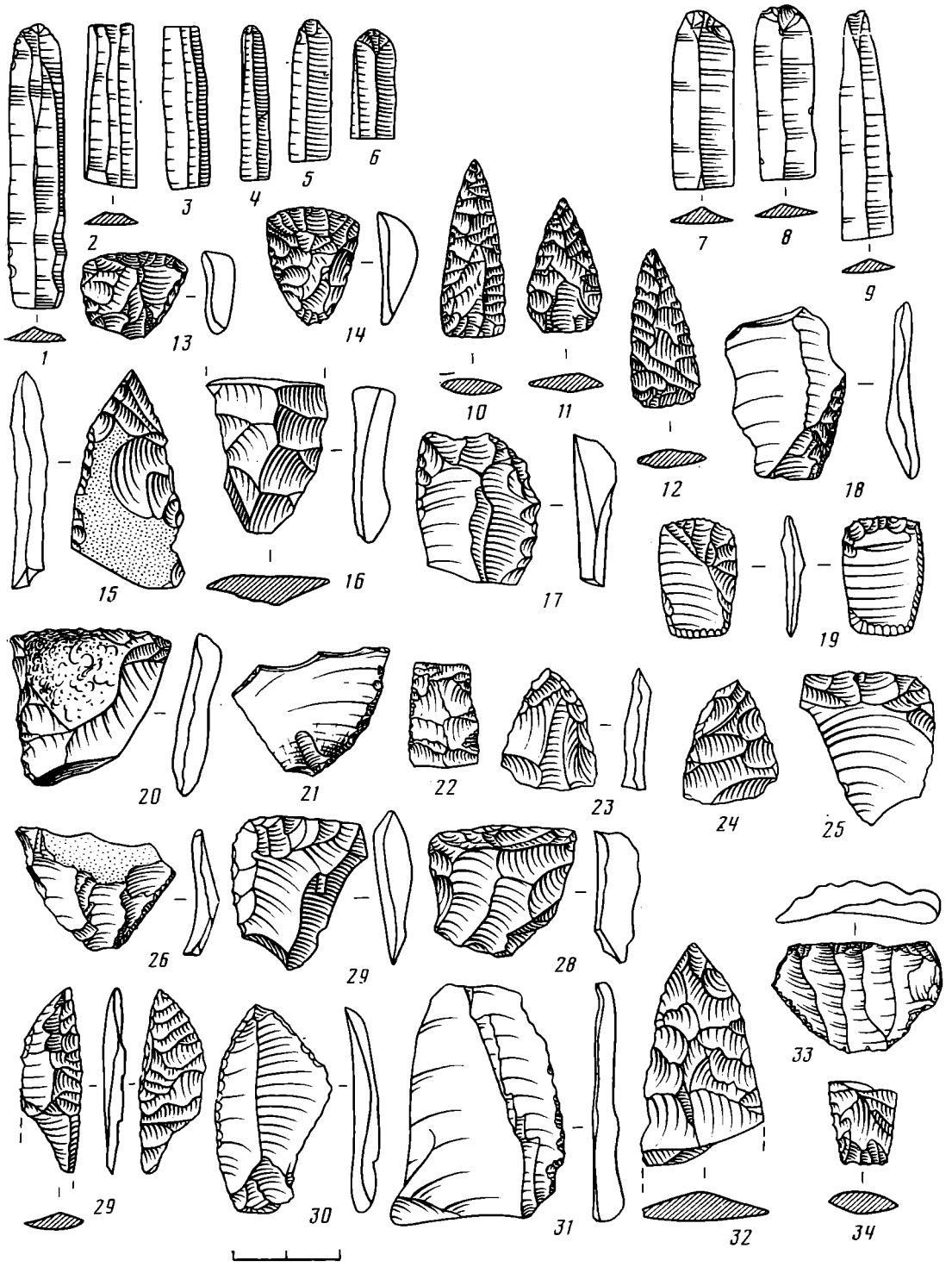


Рис. 6. Каменные орудия со стоянки 57 на р. Коротаихе

В средней части ярея найден наконечник стрелы листовидной формы (5, *6*) и маленький обломок шлифованного орудия, по-видимому топорика, сделанного из зеленоватой брекчии. Вероятно, эти находки относятся к более позднему времени — к эпохе бронзы.

Стоянка 46. Находится в 300 м ниже по реке от стоянки 45, на другом ярее. Здесь собрано: 3 кремневых отщепа; 2 ножевидные пластинки без ретуши (рис. 5, *7*, *8*); пластинка с мелкой ретушью (рис. 5, *9*); 2 наконечника стрел (рис. 5, *10*, *11*); 2 обломка стрел (рис. 5, *12*, *13*); 3 скребка (рис. 5, *14*) и фрагмент плоского шлифованного топорика (рис. 5, *15*). Здесь же встречены обожженные валуны кристаллических пород.

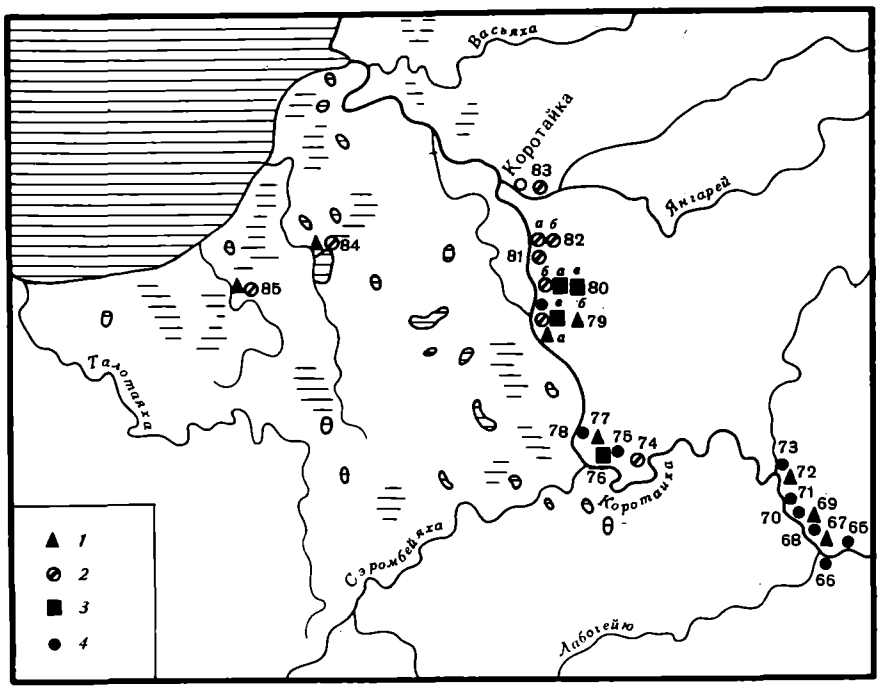


Рис. 7. Схема расположения стоянок в низовьях р. Коротаихи. *1* — стоянки бронзового века; *2* — стоянки железного века; *3* — стоянки средневековья; *4* — стоянки неизвестного времени; *а, б, в* — пункты

Стоянка 50. Находится на правом берегу р. Коротаихи, в 1 км выше устья ее левого притока — р. Саваю. Здесь на большом, частично задернованном ярее собрано: 21 кремневый отщеп, преимущественно желтого цвета (некоторые имеют мелкую ретушь); 3 ножевидные пластинки (одна из них ретушированная, рис. 5, *16*) из кремня и кварцита; наконечник стрелы (рис. 5, *17*); 2 фрагмента стрел (рис. 5, *18*, *19*) и 2 их заготовки (рис. 5, *20*, *21*); 6 небольших скребков (рис. 5, *22—27*) и один более крупный (рис. 5, *28*); 2 обломка шлифованных топориков (один — русско-карельского типа из зеленоватого кварцитового сланца, рис. 5, *29*, второй — неизвестной формы из коричневого сланца, рис. 5, *30*). Здесь же найдено несколько кусков обожженных пород, а также три небольших обломка каменных пил, изготовленных из тонкоплитчатого песчаника желтого и серого цвета (рис. 5, *31*).

Стоянка 57. Находится на правом берегу р. Коротаихи, примерно в 8 км выше устья р. Хейяги и Нямды. Здесь на большом ярее (в верхнем его конце), собрано: 16 кремневых отщепов и 24 ножевидные пластинки треугольного и трапециевидного сечения (рис. 5, *32—42*; рис. 6, *1—9*), имеющие мелкие щербинки от употребления в работе, на трех из них нанесена мелкая ретушь (рис. 5, *35*; рис. 6, *1*). Все пластинки изготовлены из кремня желтого цвета. Здесь же найдено 3 целых наконечника стрел (рис. 6, *10—12*); 3 обломка (рис. 6, *22*, *29*, *34*) и 3 обломка заготовок (рис. 6, *23*, *24*); 3 фрагмента копии (рис. 6, *15*, *16*, *32*); 5 скребков плоской пластинки (один из них сделан из розового кремня) с очень тонкой ретушью (рис. 6, *19*; два скребка имеют хорошую обработку (рис. 6, *13*, *14*); 3 ножа на плоских отщепах (рис. 6, *18*, *30*, *31*; 5 отщепов с частичной ретушью (рис. 6, *21*, *25*, *26*) и поперечный скол нуклеуса (рис. 6,*33*).

Среди собранного материала имеется 41 фрагмент керамики от 8 сосудов. Только один из них может быть связан с неолитическим материалом (рис. 4, *11*), остальные относятся, вероятно, к более позднему времени (эпоха бронзы). Неолитический сосуд отличается толстыми (0,8 см) и прямыми стенками, диаметр его 25 см, тесто с примесью крупной дресвы.

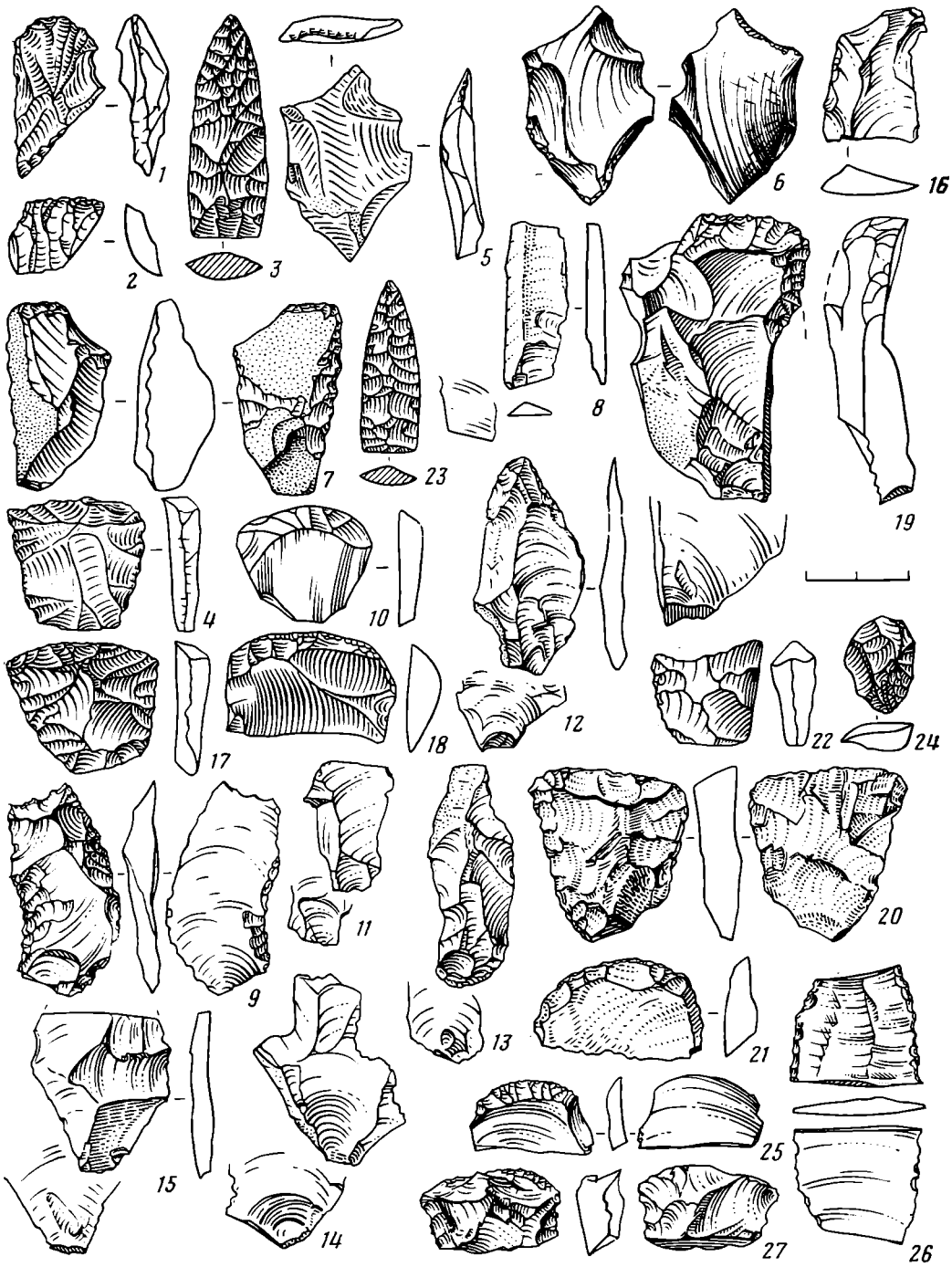


Рис. 8. Каменные орудия со стоянок р. Коротаихи. *1, 2* — ст. 66; *3—7* — ст. 67; *8—21* — ст. 69; *22* — ст. 70; *23—26* — ст. 72; *27* — ст. 72

Стоянки более позднего времени.

Стоянки, обнаруженные в нижнем течении р. Коротаихи, располагаются по ее правому берегу. Возможно, правые склоны, обращенные на юго-запад, были более удобными для поселений, чем левые. Однако левый берег практически нами не был обследован, лишь в одном месте, у устья Лабочейю, мы обнаружили стоянку 66.

Наибольшее количество стоянок группируется в трех местах: на участке между р. Лабочейю и Юръяхи, затем в большой петле Коротаихи, против впадения в нее р. Серомбейяха, и, наконец, вблизи правого большого притока Коротаихи — Янгарея. Самое нижнее течение Коротаихи нами вообще не обследовалось (рис. 7).

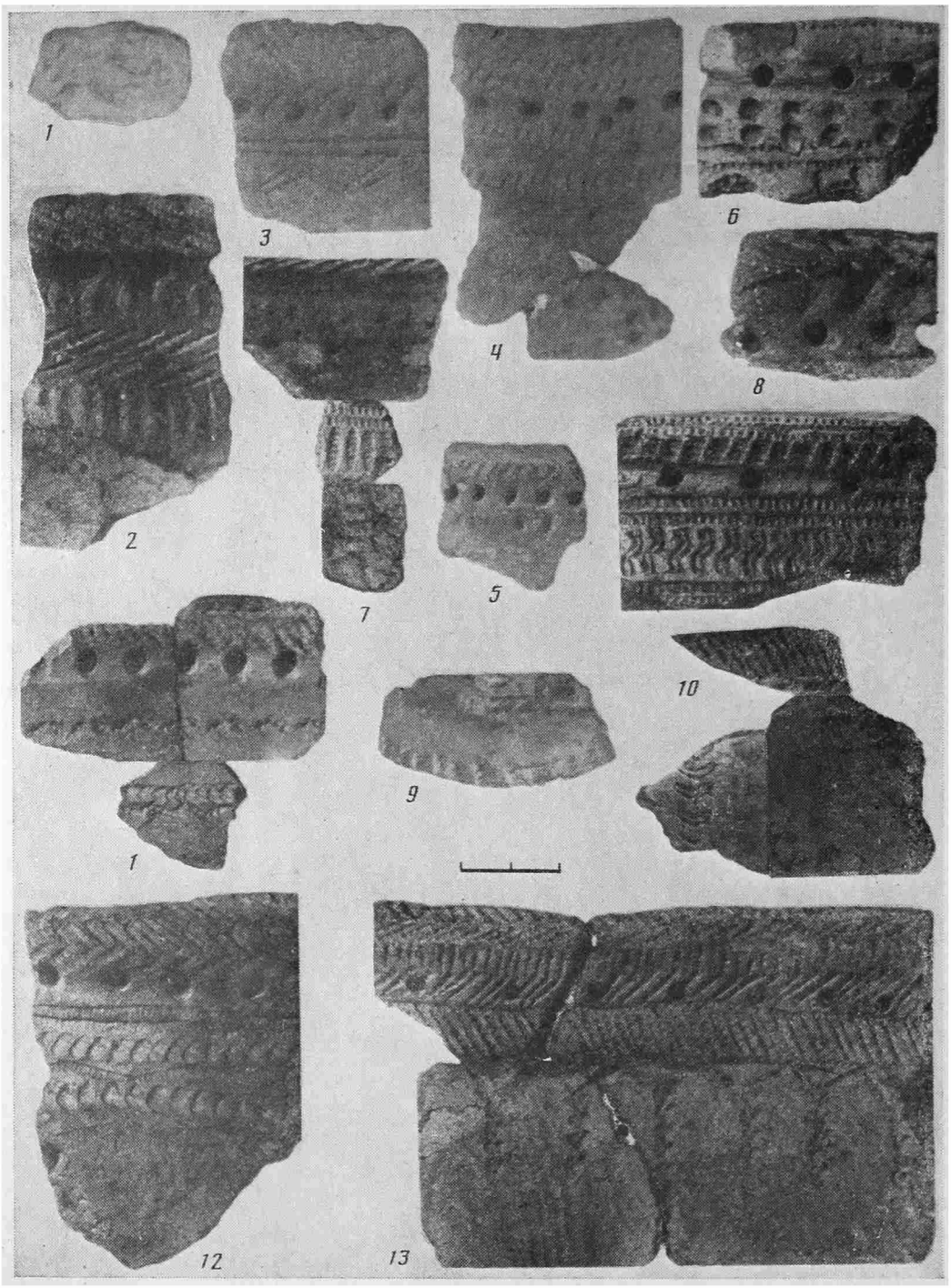


Рис. 9. Керамика со стоянок р. Коротаихи. *1* — ст. 69; *2, 3* — ст. 74; *4, 5* — ст. 76; *6—9* — ст. 79; п. «б»; *10* — ст. 80, п. «а»; *11, 12* — ст. 80, п. «б»; *13* — ст. 80, п. «в».

Стоянка 66. Располагается на левом берегу Коротаихи, в 500 м выше устья р. Лабочейю (рис. 7). Здесь на высоком берегу имеется несколько небольших яреев, на которых собрано 50 кремневых отщепов, в том числе отработанных мелкой ретушью. Один из них использовался в качестве резца (рис. 8, *1*, *2*).

Стоянка 67. Находится на правом берегу Коротаихи, в 1 км ниже устья р. Лабочейю. Здесь на ярее собрано 22 мелких кремневых отщепа; наконечник стрелы (рис. 8, *3*); скребок (рис. 8, *4*); скобель (рис. 8, *5*, *6*) и кремневый отщеп с выемкой по одному краю, по-видимому штамп (рис. 8, *7*).

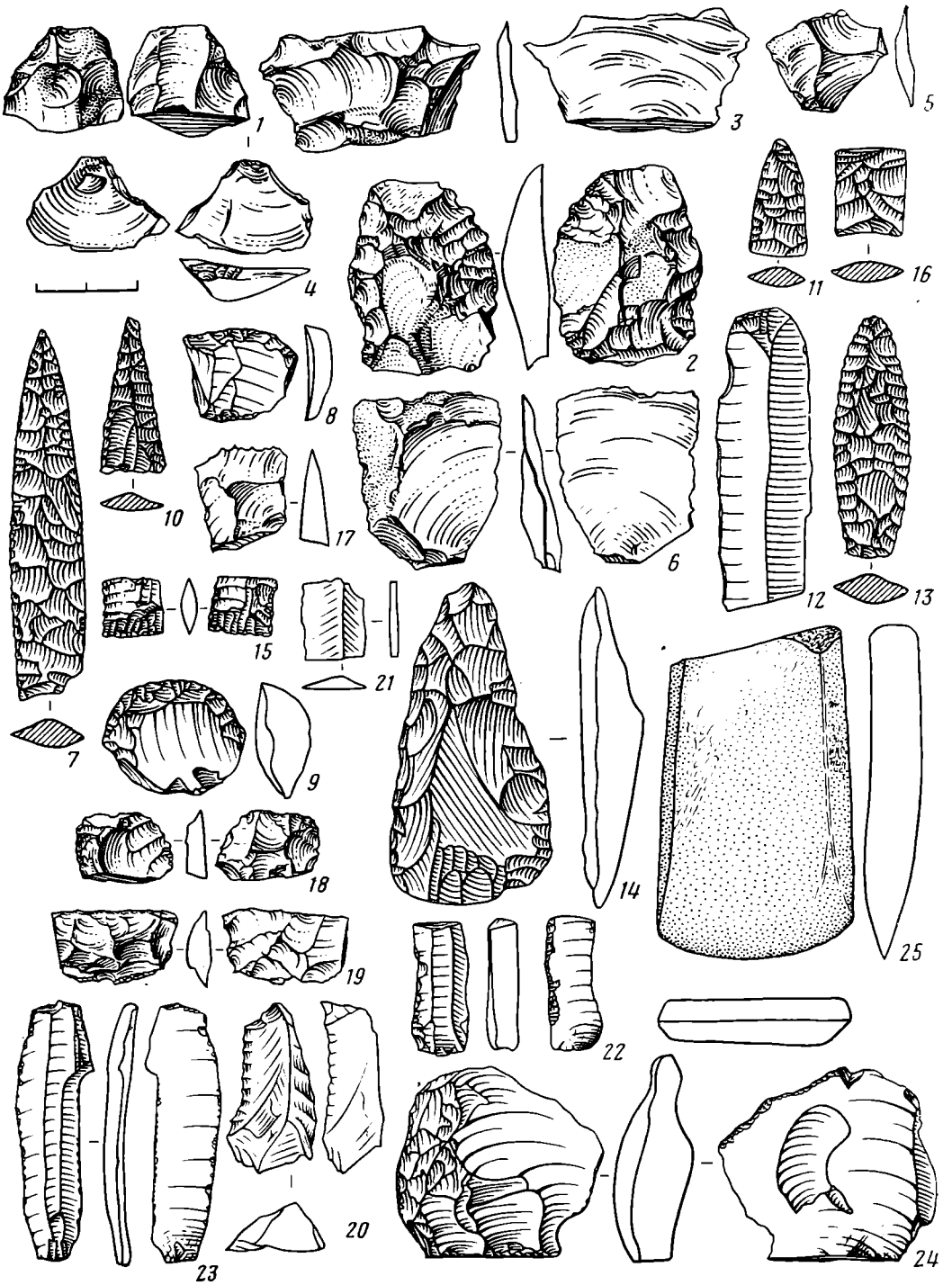


Рис. 10. Каменные орудия со стоянок р. Коротаихи. *1—6* — ст. 73; *7* — ст. 74; *8* — ст. 69, п. «а»; *13, 14* — ст. 80, п. «б»; *15—19* — ст. 83; *20—25* — ст. 84

Стоянка 68. Находится в 500 м от предыдущей, на берегу небольшого ручья. На небольшом ярее найдена галька продолговатой формы с отбитыми краями.

Стоянка 69. Здесь на ярее собрано 93 кремневых отщепа, 3 отщепа с мелкой ретушью; ножевидная пластинка с боковой выемкой (рис. 8, *8*); 7 ретушированных пластинок, некоторые со следами сработанности (рис. 8, *9—16*), 4 кремневых и 2 кварцитовых скребка (рис. 8, *17—19*, *20*, *21*). Здесь же собрано 20 мелких обломков от одного сосуда, украшенного гребенчатым орнаментом характерной овальной формы (рис. 9, *1*). Все черепки— прямые, толщиной 4 мм.

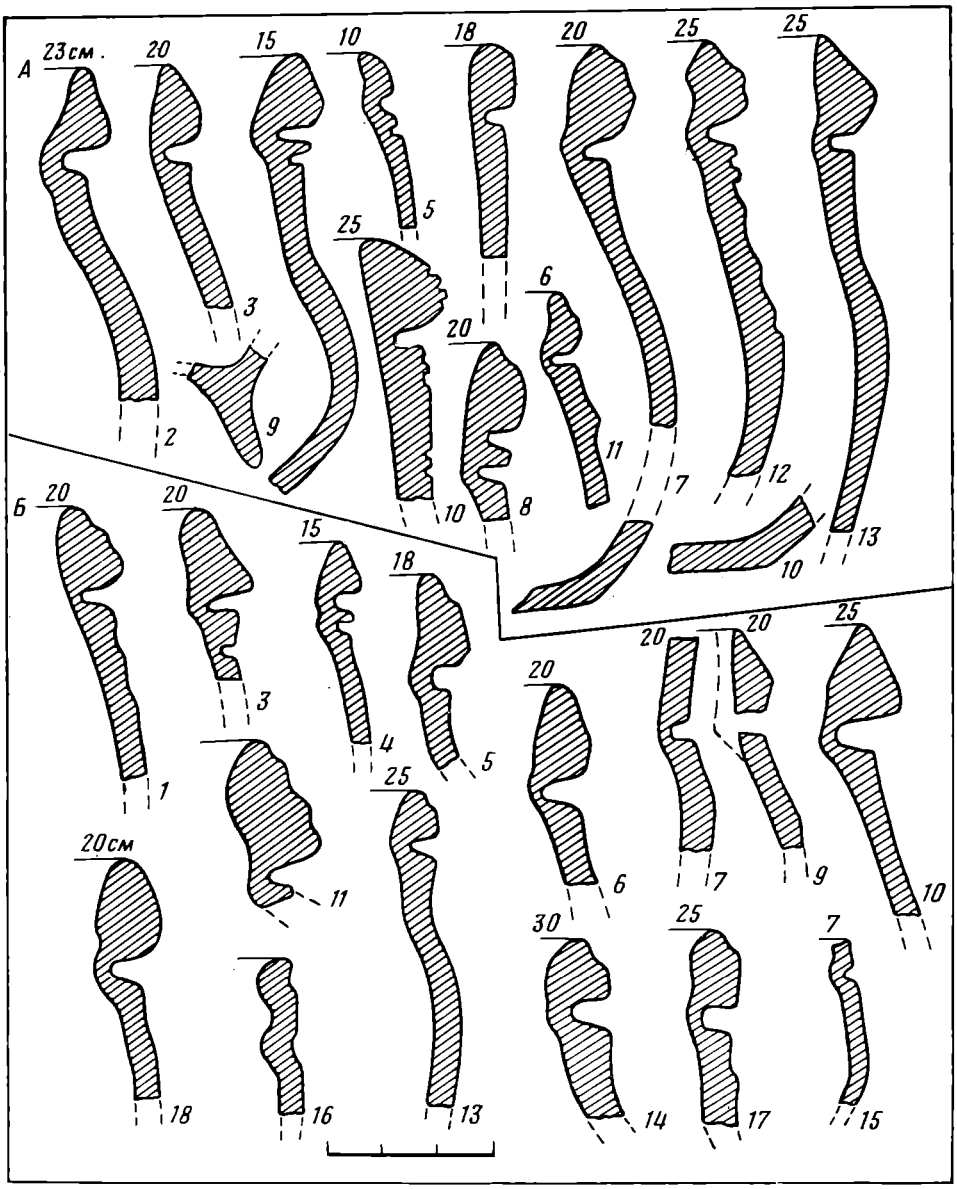


Рис. 11. Профили сосудов: А — на рис. 9, Б — на рис. 12. Номера соответствуют номеру сосуда

Стоянка 70. Находится на правом берегу Коротаихи, в 2,5 км ниже предыдущей и выше устья небольшого ручья. На небольшом, частично задернованном ярее собрано: 70 мелких отщепов различного цвета, обломок наконечника стрелы с прямым основанием (рис. 8, *22*) из кремня плохого качества, проколка с обломленным концом и небольшой резец.

Стоянка 71. Находится на правом берегу Коротаихи, в 5 км ниже от предыдущей и чуть ниже устья небольшого ручья. Высокий берег здесь отстоит от реки метров на триста. На небольшом глинистом ярее найдено 2 мелких кремневых отщепа.

Стоянка 72. Находится в 1 км выше устья правого притока р. Юрьяхи. На ярее, засоренном мелкой галькой, найдено 10 мелких кремневых отщепов, 2 наконечника стрелы (рис. 8, *23*) и один обломок; небольшой скребок из прозрачного халцедона (рис. 8, *24*) и серого кремня (рис. 8, *25*); пластинка с ретушью (рис. 8, *26*) и отщеп с ретушью (рис. 8, *27*). Кроме того, найден неорнаментированный фрагмент сосуда.

Стоянка 73. Располагается ниже предыдущей, примерно в 500 м выше устья р. Юръяхи (рис. 7). На глинистых и песчаных яреях собрано 53 мелких кремневых отщепа и 4 более крупных из кварцита светло-жел-

того цвета. Здесь же найдено: обломок заготовки наконечника стрелы (рис. 10, *1*), скребок (рис. 10, *2*), проколка (рис. 10, *3*), два отщепа со следами использования в работе (рис. 10, *4*, *5*) и нож (рис. 10, *6*).

Стоянка 74. Находится в 26 км ниже устья Юръяхи (рис. 7), на правом берегу р. Коротаихи, где долина последней расширяется и на ней появляются крупные острова. Здесь на высокой террасе, отстоящей от реки не менее чем на 1 км и примыкающей к коренному берегу, на яреях найдены длинный наконечник стрелы (рис. 10, *7*) и 12 фрагментов сосудов. Среди последних семь фрагментов (принадлежащих двум сосудам) украшены ямочно-гребенчатым орнаментом.

Оба сосуда имели круглое дно, выпуклое тулово и слегка отогнутый наружу венчик (рис. 9, *2*). Ямки располагались в один ряд и были нанесены тупым концом круглой палочки. Они сопровождались поясами отпечатков гребенчатого штампа (наклонными или вертикальными) и крестовым орнаментом. Штамп вдавливается довольно глубоко, рисунок рельефный, выполнен с большой тщательностью. По всему венчику гребенкой нанесены глубокие наклонные отпечатки. На внутренней стороне сосуда ямочные вдавления образовали жемчужины, наружные стенки тщательно заглажены. Диаметр сосуда 25 см, толщина стенок 0,5 см (рис. 11, *А*, *2*).

Второй сосуд имел несколько меньшие размеры (рис. 11, *А*, *3*). Ямки на нем тоже меньше. Он украшен неглубокими ямками, нанесенными тонкой палочкой с закругленным концом, и отпечатками узкого гребенчатого штампа (рис. 9, *3*).

На одном из черепков видны слабые углубления овального штампа. Тесто обоих сосудов имело примесь слюды. Поверхность черепков окрашена интенсивно-черным цветом.

Стоянка 75. Находится напротив острова у устья р. Серомбойяхи (рис. 7). На двух яреях с чистыми песками, расположенных на высокой террасе между двумя оврагами, собрано 9 мелких кремневых отщепов и небольшой кремневый скребок (рис. 10, *8*).

Стоянка 76. Находится в 0,5 км ниже предыдущей стоянки, напротив нижней оконечности острова. Здесь на 20-метровой террасе с бугристой поверхностью на одном из яреев найдено 4 кремневых отщепа и кремневый скребок (рис. 10, *9*). На другом ярее, недалеко от первого, обнаружен 41 фрагмент сосудов, среди которых 12 принадлежит не менее шести сосудам, украшенным ямочно-гребенчатым орнаментом. Первый сосуд отмечается сложным орнаментом, в состав которого входят ямки двух видов, под венчиком нанесен ряд глубоко поставленных ямок, а на тулове они имеют слабое вдавление, полосы двойной отступающей лопаточки и ряды ногтевых вдавлений (рис. 9, *4*). Форма сосуда — круглодонная, с выпуклым туловом и утолщенным венчиком. Диаметр его 15 см, толщина до 0,6 см (рис. 11, *А*, *4*).

Второй сосуд имел, вероятно, меньшие размеры, но его орнаментация имеет определенное сходство с первым. Он был также украшен мелкими ямками, отступающей лопаточкой и отпечатками гребенчатого штампа (рис. 9, *5*).

На остальных черепках, принадлежащих четырем сосудам, орнамент сохранился плохо. Можно лишь отметить, что они орнаментировались и гребенкой. На нескольких фрагментах отпечатки гребенчатого штампа существуют на внутренней стороне венчика. В районе скопления керамики были обнаружены обожженные валуны.

Стоянка 77. Расположена в 600 м ниже предыдущей и несколько выше небольшого острова, за которым в р. Коротаиху с левой стороны впадает р. Серомбойяха (рис. 7). На ярее, расположенном примерно в 1 км от реки, собрано 15 мелких кремневых и 5 кварцитовых отщепов и два небольших наконечника стрел (рис. 10, *10*, *11*). В другом месте, находящемся ниже — в 200 м, на небольшом ярее собрано шесть фрагментов одного сосуда без орнамента.

Стоянка 78. Находится в 1,5 км ниже предыдущей и почти против устья р. Серомбойяхи, где Коротаиха выписывает большую излучину.

Внутри этой излучины, в 1,5—2 км от реки, на террасе с неровной, бугристой поверхностью на небольшом ярее найдено 7 черепков, из них 2 с плохо сохранившимся орнаментом; видны отпечатки гребенчатого штампа. Черепки принадлежат, по-видимому, одному сосуду.

Стоянка 79. Находится на правом берегу р. Коротаихи, примерно в 4 км ниже предыдущей стоянки и против верхней оконечности острова, где река близко подходит к высокой террасе. Здесь ниже ручья располагается большой ярей (300 м в длину), на котором археологический материал обнаружен в трех пунктах.

В первом пункте (а) — в верхнем конце ярея, в наиболее пониженной его части, собрано 10 мелких кремневых отщепов, большая ножевидная пластинка с затупленными краями и большой боковой выемкой (рис. 10, *12*). Здесь же собран 21 фрагмент от двух сосудов. На одном из них сохранился орнамент в виде глубоких ямок, нанесенных палочкой с тупым концом (на внутренней стороне венчика жемчужины), отпечатков штампа отступающей лопаточки. Что касается формы сосудов, то можно лишь отметить, что они имели выпуклое тулово. Диаметр их венчика не превышал 15 см, а толщина стенок 0,5 см.

Во втором пункте (б) собрано 70 фрагментов керамики, среди которых 12 принадлежат 5 сосудам. Они орнаментированы ямочно-гребенчатым орнаментом. Один сосуд, прямостенный, достигал 18 см в диаметре при толщине стенок 5 мм. Он круглодонный и имел слегка утолщенный венчик. Ямки на нем, нанесенные тупым концом круглой палочки, располагались в один ряд. Четырехзубым штампом нанесены горизонтальные полосы, заканчивающиеся внизу зигзагообразной линией. При просмотре черепков с внутренней стороны создается впечатление, что ямки делались насквозь, а затем замазывались «заплатами» с внешней стороны. Кроме того, ниже ямок в два ряда попарно нанесен рисунок квадратным штампом. Как можно судить по некоторым фрагментам, этим же штампом украшали и нижнюю часть сосуда. По верхнему краю прямого венчика проходит одна параллельная полоска, нанесенная гребенчатым штампом (рис. 9, *6*).

Другие сосуды (рис. 9, *7*) отличаются раздутым туловом, сильно утолщенным венчиком, скошенным кнаружи, и плоским дном (рис. 11, *А*, *7*). Все они достигали в диаметре 20 см. На двух из них ямки располагались в один ряд, а на третьем имеются, кроме того, ямки, нанесенные выше основного ряда. Все сосуды несут на себе и отпечатки гребенчатого штампа (рис. 9, *8*). Ямки наносились как тупым, так и заостренным концом круглой палочки (рис. 11, *А*, *8*).

Последний сосуд имеет несколько меньшие размеры, помимо гребенчатого штампа он орнаментирован еще и ногтевыми вдавлениями. Среди керамики имеются фрагменты донных частей сосудов. Один из них имел низкий поддон диаметром 10 см (рис. 9, *9*; рис. 11, *А*, *9*).

В третьем пункте (в) собрано 19 черепков, на одном из которых сохранились отпечатки гребенчатого штампа и ямки. Вся керамика принадлежала одному сосуду. Толщина стенок 0,5 см.

Стоянка 80. Находится в 1 км от острова ниже небольшого ручейка. Археологический материал обнаружен в трех пунктах на большом ярее длиной около 500 м.

В первом пункте (а) собрано 48 фрагментов сосудов. Из них 9 с орнаментом принадлежат двум сосудам. Один из них представлен плоскодонным горшком со слегка раздутым туловом и утолщенным венчиком. Диаметр венчика 25 см (рис. 11, *А*, *10*). Тесто содержит большое количество дресвы, на внутренней стенке имеются едва заметные расчесы. Орнамент покрывает $^1/_3$ сосуда. Основу его составляют поперечные и горизонтальные отпечатки гребенчатого штампа, собранные в концентрические пояса. Непосредственно под венчиком нанесен узкий и довольно глубокий желобок, покрытый вдавлениями круглых ямок. Ниже помещается зона отпечатков z-образного штампа, а самую нижнюю часть орнамента составляют редкие узкие фестоны, состоящие из отпечатков угло-

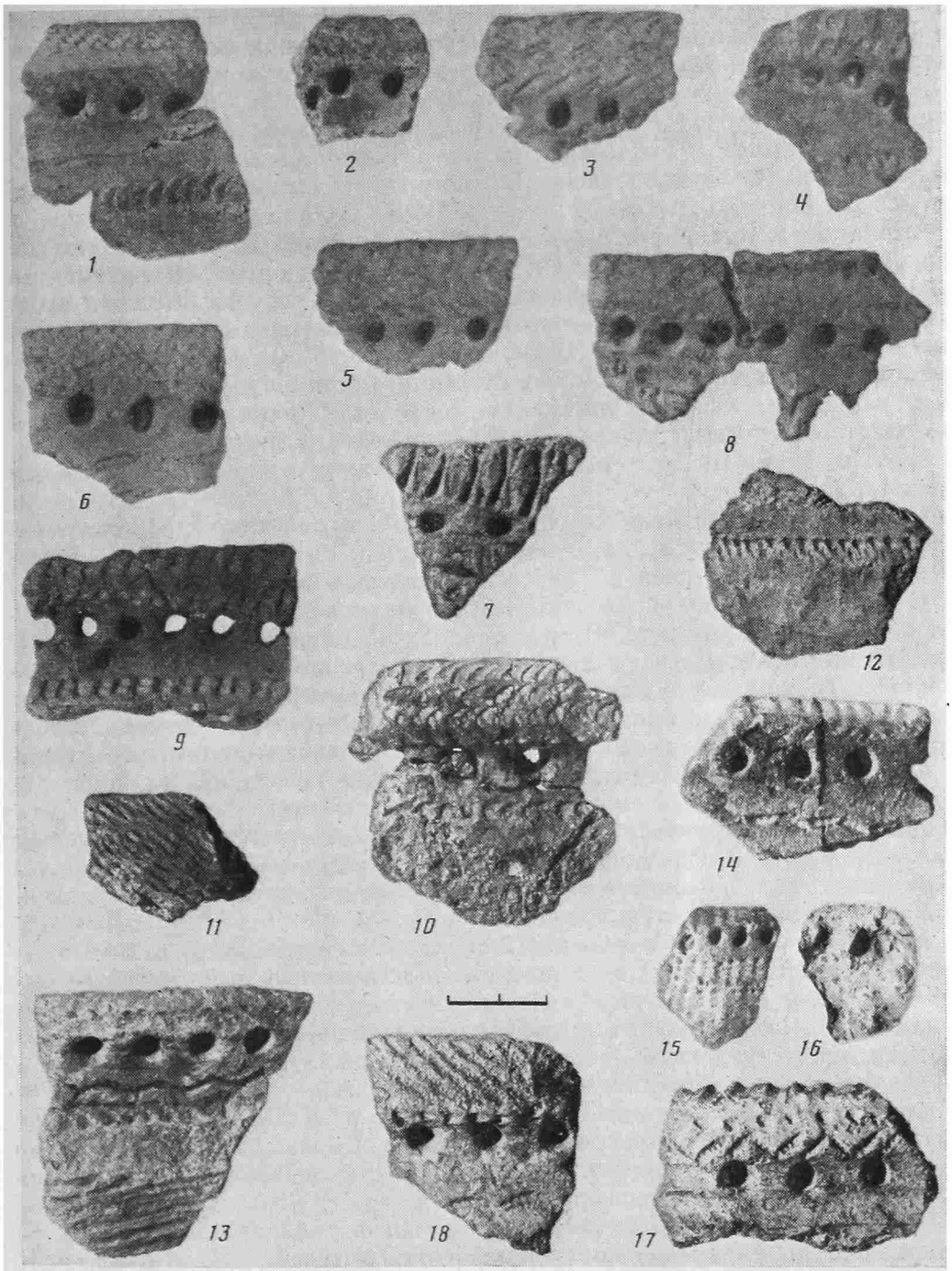


Рис. 12. Керамика со стоянок на р. Коротаихе *1—3* — ст. 81; *4—7* — ст. 81, п. «а»; *8, 9* — ст. 82, п. «б»; *10, 12* — ст. 83; *13—15* — ст. 84; *16—18* — ст. 85

ватого штампа, спускающихся на тулово (рис. 9, *10*). Сосуд выполнен с большой тщательностью.

Во втором пункте (б) найдено два кремневых отщепа, наконечник стрелы (рис. 10, *13*) и заготовка копья из серого кварцита (рис. 10, *14*). Кроме того, собран 41 мелкий фрагмент керамики, из них 7 (наиболее крупных) принадлежит двум сосудам. Один из них имеет диаметр 15 см, а толщину стенок 5 мм (рис. 9, *11*), второй — 25 см (рис. 9, *12*) и толщину стенок 8 мм. Оба сосуда были круглодонными с выпуклым туловом и покрыты однорядным ямочным и гребенчатым орнаментом. У одного венчика был приострен (рис. 11, *А*, *11*), а у другого — утолщен (рис. 11, *А*, *12*). Гребенчатым штампом нанесены различные узоры, преимущественно горизонтальные и ломаные линии, на одном из сосудов имеется орнамент в виде шагающей гребенки.

В третьем пункте (в) собрано 62 фрагмента керамики, из них 9 от верхней части одного сосуда. По форме и размерам этот сосуд аналогичен горшку из второго пункта (рис. 9, *13* и рис. 11, *А*, *13*). Его орнамент весьма сходен с таковым у сосуда из пункта «а», но гирлянды нанесены штампом в виде сердечка, встречающимся на сосудах в Большеземельской тундре впервые. В тесто этих сосудов примешивалось большое количество дресвы.

Стоянка 81. Находится в 1 км ниже предыдущей стоянки, на том же правом берегу р. Коротаихи. На большом ярее собрано 48 фрагментов глиняной посуды, из них 9 принадлежит четырем сосудам. Все они сходны между собой по орнаменту и, по-видимому, имели одинаковые размеры: диаметр венчика около 20 см, толщина 5—6 мм. Сосуды были, вероятно, горшковидной формы, со слегка раздутым туловом и утолщенным венчиком. Основу орнамента составляли наклонные отпечатки гребенчатого штампа, дополненные ямочными вдавлениями (рис. 12, *1—2*). На одном из них имеются отпечатки отступающей лопаточки (рис. 12, *1*).

Стоянка 82. Находится на расстоянии 800 м от стоянки 81, ниже устья ручья, напротив курьи. Археологический материал собран в двух местах среди чистых песков и остатков каменных очагов.

В первом пункте (а) найдены один кремневый отщеп и 46 фрагментов керамики, из которых 18 принадлежат не менее чем шести сосудам. Пять из них сходны между собой по орнаменту, по форме это были круглодонные сосуды с выпуклым туловом, орнаментированные однорядным ямочным орнаментом, иногда с дополнительными редкими ямками и гребенчатым штампом (рис. 12, *4—6*). Одной из разновидностей гребенчатого орнамента является отпечаток узора в виде косого креста (рис. 12, *7*). Диаметры от 15—20 см, иногда имеют характерное утолщение. Толщина стенок варьирует от 3 до 6 мм в зависимости от диаметра сосуда (рис. 11, *Б*, *4—7*). Один фрагмент заметно выделяется своими небольшими размерами: он принадлежит миниатюрному горшку диаметром около 2 см, с толщиной стенок 3 мм.

Во втором пункте (б) собрано 72 фрагмента керамики, из них 18 принадлежит двум сосудам. Они имели сходный ямочный и гребенчатый орнамент. Кроме верхнего ряда на венчике ямки наносились и на тулово. Орнамент дополнен узорами, нанесенными гребенчатым штампом, а также методом отступающей лопаточки (рис. 12, *8*, *9*). Оба сосуда сходны с сосудами из первого пункта этой же стоянки.

Стоянка 83. Находится на правом берегу р. Янгарей, в нескольких сотнях метров выше д. Коротайки. Участок р. Коротаихи на протяжении примерно 25 км от стоянки 82 до устья Янгарей, а также и самое нижнее течение реки не обследовались (рис. 7).

На стоянке на сильно перетоптанных песках найдено несколько отщепов, два кремневых обломка наконечников стрел (рис. 10, *15*, *16*), кремневый отщеп со следами сработанности (рис. 10, *17*) и скребки (рис. 10, *18*, *19*).

Кроме того, собрано 76 фрагментов керамики, из них 11 принадлежит 4 сосудам. Фрагменты мелкие, восстановить форму сосуда и характер орнамента не удается. От первого сосуда сохранилась верхняя часть с сильно утолщенным венчиком, под которым по гладкому желобку располагаются глубокие крупные ямки, нанесенные тупым концом палочки (рис. 12, *10*). Венчик орнаментирован тремя рядами техникой отступающей лопаточки. Выше ряда ямок располагался поясок из оттисков трехзубой гребенки, а ниже ряд отпечатков овального штампа. Сосуд был круглодонным с выпуклым туловом, толщина стенок 5 мм, диаметр венчика 25 см (рис. 11, *Б*, *10*).

Еще один фрагмент представлен частью сильно утолщенного венчика, орнаментированного тремя желобками, по которым гребенчатым штампом нанесены косые насечки. Орнамент дополняется ямочными вдавлениями (рис. 12, *11*).

Третий фрагмент представлен обломком тулова, на нем сохранились оттиски отступающей лопаточки (рис. 12, *12*). Последний фрагмент принадлежит миниатюрному сосуду диаметром 1,5 см, с толщиной стенок 5 мм. Фрагмент сильно изогнут и близко напоминает аналогичный сосуд из пункта «а».

Стоянки на побережье Баренцева моря.

Две стоянки были обнаружены на ручьях, впадающих в Баренцево море, между реками Коротаиха и Талотаяха (рис. 7).

Стоянка 85. Находится на правом берегу небольшой речки Тамб-Юнко, впадающей в море примерно в 8 км от мыса Черный Нос. Находки сделаны в 4—5 км от моря на эоловых песках. Здесь в нескольких местах собрано 13 кремневых отщепов, один из которых оформлен мелкой ретушью (рис. 10, *20*), три ножевидные пластинки (одна с ретушью) (рис. 10, *21*, *23*), кремневый нож (рис. 10, *24*) и шлифованный топорик (рис. 10, *25*).

Здесь же собрано 37 преимущественно мелких фрагментов керамики, из них 7 принадлежит пяти сосудам. Все они украшены ямочным и гребенчатым орнаментом. Ямки наносились в один ряд заостренным или тупым концом круглой палочки, на внутренней стороне стенок видны жемчужины (рис. 12, *13*). Венчик одного из сосудов украшен помимо ямок рядами отступающей палочки (в том числе и с внутренней стороны) и отпечатками гребенчатого штампа (ломаные линии).

Второй сосуд (рис. 12, *14*) орнаментирован гребенчатым и треугольным штампом. Оба сосуда на венчиках имели гладкие желобки. Третий сосуд — самый маленький из них, имеющий 7 см в диаметре, орнаментирован узким коротким штампом (рис. 12, *15*). Все сосуды были круглодонными с выпуклым туловом, за исключением последнего. Первый из них имел диаметр 23 см, а второй — 30 см (рис. 11, *Б*, *13—15*).

Стоянка 85. Находится примерно в 6 км от предыдущей, на правом берегу речки Сёяхасырейвис (рис. 7). Здесь на эоловых песках собрано 11 мелких фрагментов керамики, из них 3 принадлежит двум сосудам. Оба сосуда были круглодонными, с выпуклым туловом и утолщенным венчиком (рис. 11, *Б*, *17*, *18*). Они орнаментированы однорядным поясом круглых ямок, гребенчатым и квадратным штампом. Один из них имел, кроме того, гладкие желобки под венчиком, поверх которых нанесены наклонные отпечатки гребенчатого штампа. Сосуды имели примерно одинаковые размеры, их диаметры достигали 20—25 см (рис. 12, *16—18*).

Как видно из описания стоянок, относящихся к эпохе неолита, количество материала невелико (таблица), однако хорошо прослеживается определенное сходство с материалами упоминавшихся выше стоянок, найденных на реках Колве [18], Лае [19] и в низовьях Печоры [6]. Учитывая, что в бассейне р. Коротаихи полностью отсутствуют стоянки мезолитического времени, достаточно хорошо известные в более южных районах Большеземельской тундры [17, 24], можно полагать, что редкие памятники эпохи неолита, расположенные в северной части региона, являются здесь наиболее древними. Преодолев короткий (200 м) водораздел р. Большой Роговой и Падимейвис (левый приток Коротаихи), человек приступил к освоению прибрежных пространств р. Коротаихи, а также р. Черной [8]. В ближайшем районе обского Севера — на р. Щучьей [24] известна одна стоянка, которую В. Н. Чернецов относит к периоду неолита [25].

Как уже отмечалось, в нижнем течении р. Коротаихи археологический материал обнаружен в 18 пунктах. Судя по характеру и количеству находок, эти местонахождения можно отнести к стоянкам. Другие — к кратковременным пунктам, связанным с обработкой камня, третьи — к случайному местонахождению материала. Так, в 9 пунктах (66, 68, 70, 71, 73, 77, 78 и 79 «в») были найдены кремневые отщепы, редкие единичные орудия или единичные фрагменты глиняных сосудов, чаще всего без орнамента. По этим материалам нельзя с уверенностью судить о

Стоянка	Отщепы	Нуклеусы	Ножевидные пластинки	Шлифованные орудия			Скребки	Наконечники стрел	Наконечники копий	Кремневые ножи	Резцы	Отбойники	Проколки	Молот	Керамика	
				топорики	ножи	другие орудия									количество фрагментов	количество сосудов
21	137	2	1		1									1		
23	4			1	1	1	1									
37	201				2	1	5								16	7
42	12	1				1	12	2							2	1
45	21		1		1		1	1							1	1
46	3		1	1			3	2								
50	21		3	2		3			7						41	8
57	16	1	24		3		6	9	9	3						
66	50										1					
67	22						1				1					
68												1				
69	93		8				6								20	1
70	70							1			1					
71	2															
72	10		1				1	3							1	1
73	57				1		1	1					1		1	1
74								1								
75	9						1									
76	3						1								41	6
77	20							2							6	1
78	10		1													
79															117	9
80	2								1						151	5
81															48	4
82															120	8
83	+						2	2							76	4
84	13		3	1						1					37	5
85															11	2
Всего: 28	776	4	43	5	9	6	41	24	17	4	3	1	1	1	689	64

хронологии находок. С другой стороны, в некоторых случаях археологический материал был собран в нескольких пунктах, расположенных близко друг от друга (стоянка 79 — в трех местах, 80 — в трех, а 82 — в двух местах). Вероятно, стоянки посещались неоднократно. Но и это мало что дает в отношении хронологии, которая для всего круга памятников устанавливается лишь на основе типологии.

Наиболее древними памятниками этого района являются, как нам кажется, стоянки (67, 69, 72, 74, 77, 79 — пункт «а» и «б», 84 и 85), которые в самом общем виде можно отнести к периоду бронзы. Кремневые орудия и керамика, найденные на стоянке 69 (рис. 2, *8—21*; рис. 3, *1*), имеют определенные аналогии с материалом стоянки Галово II р. Ижмы [27, рис. 11, *4*, *5*] и Ванвоздинской стоянки р. Вымь [21, рис. 21, *1*], относящихся к бронзовому веку.

Следует, однако, отметить, что штампы овальной формы, которыми украшена описанная керамика, можно видеть на керамике поселений на Косминских озерах — Кыско, Пижма II и Ружникова, которые В. Е. Лузгин [22, рис. 4, 5, 9, 10] относит к неолитическому времени.

На стоянке 79 (пункт «б») были найдены фрагменты сосуда, орнаментированного ямками в один ряд, в два ряда мелкими лунками и четырехзубой гребенкой (рис. 9, *6*). Подобные сосуды в Большеземельской тундре и на р. Печоре относятся к лебяжской культуре [28, с. 77], а на р. Ижме [22, с. 76 и рис. 23] к позднему бронзовому веку. В более поздней работе В. И. Канивец [29, рис. 66, *2*, *3*] указывает на то, что в низовьях р. Печоры, на сосудах с поселения Чаркабож имеются те же крестовые штампы.

В пункте «б» стоянки 79 каменные орудия не были найдены, но в пункте «а», расположенном в нескольких метрах выше по реке, вместе с 10 кремневыми отщепами была обнаружена большая ножевидная пластинка (рис. 11, *12*). Следует, однако, отметить, что в обоих пунктах встречены сосуды, принадлежащие железному веку и средневековью (рис. 9, *7*, *9*).

Две стоянки (84, 85), относящиеся к бронзовому веку, расположены вблизи побережья Баренцева моря. Керамика, найденная здесь, близка материалу Усть-Хейягинского поселения периода бронзы [3, рис. 9, *3*]. Не противоречит этому и характер каменного инвентаря. Особняком стоит лишь третий сосуд со стоянки 84, который относится, по всей вероятности, к железному веку и орнаментирован в технике отступающей лопаточки [3, рис. 12, 13].

Предположительно к бронзовому веку мы относим и стоянки 66, 68, 70, 71, 73, на которых были обнаружены каменные орудия этого времени.

Стоянки железного века в низовьях р. Коротаихи наиболее распространены. Каменный инвентарь на них встречается в очень небольшом количестве, а на некоторых стоянках отсутствует вовсе. Основным признаком датирования является керамика.

К железному веку относятся стоянки: 74; 79, п. «б»; 80, п. «б»; 81; 82, п. «а» и «б»; 83; 84 и 85. Сосуды этих стоянок характеризуются выпуклым туловом, часто с утолщенным венчиком и круглым дном. В орнаментации господствуют отпечатки гребенчатого штампа и методом отступающей палочки, появляется узор в виде косого креста.

Стоянки периода железного века широко распространены по всему району. Они встречаются в среднем течении реки в Устьхейягинском поселении [3, рис. 8, *7*], в верхнем ее течении и на р. Падимейвис [1, табл. III, *14*]. Подобные сосуды обнаружены и на р. Колвавис [5, с. 11, табл. XI, *13*, *15*; с. 12, табл. XII, 21, 23; 15, табл. XII, *26—28*]. Один сосуд, орнаментированный методом отступающей палочки, известен и на р. Адзьве [11, с. 70, табл. XVII, *3*]. Сосуды с аналогичным орнаментом известны и на р. Щучьей, левом притоке р. Оби [24, рис. 26, *12*, *17*, *18*], но на некоторых из них орнамент был выполнен левой рукой [24, рис. 26, *14*, *15*].

Стоянки железного века, как уже отмечалось, особенно распространены в нижнем течении р. Коротаихи, в среднем же и верхнем ее тече-

нии преобладают стоянки бронзового века. Можно думать, что это связано с изменением как климатических условий, так и с некоторым поднятием побережья всего материка в конце I тыс. до н. э., что вызвало в нижнем течении Коротаихи углубление и расширение ее долины и отход реки от коренных берегов. Медленное поднятие континента продолжается и в наши дни. Появление низких террас вдоль реки вынудило людей поселяться на некотором расстоянии от нее, а также занимать более низкие террасы, чем в предыдущие периоды, когда человек селился, как правило, на коренных берегах Коротаихи с притоком Падимейвис, а уже затем находил для себя удобные места в низовьях рек.

Это хорошо видно на примере расположения стоянок на р. Коротаихе у устья Хейяхи [3, рис. 2], где стоянки бронзового века располагаются на высокой террасе, а стоянки эпохи средневековья — на более низкой [30, см. карту террас].

На р. Коротаихе обнаружено пять стоянок эпохи средневековья, одна в среднем течении (ст. 59, п. «в») и четыре в нижнем (рис. 7, ст. 74, 76, 79, п. «б» и 80, п. «а» и «в»).

Следует отметить, что находки с этих стоянок представлены в основном керамикой, за исключением единичных кремневых отщепов и орудий, таких, как наконечник стрелы на стоянке 74 (рис. 10, *7*), ножевидная пластинка на стоянке 79, п. «б» (рис. 10, *12*) или скребок на стоянке 76 (рис. 10, *9*). При этом каменные изделия были найдены несколько в стороне от скопления керамики, что не может не свидетельствовать об их разновременности.

Орнаментация сосудов частичная: украшена лишь верхняя их часть. Среди элементов орнамента господствует однорядный поясок круглых глубоких ямок (иногда ямки — но уже более мелкие — спускаются на тулово), различные отпечатки гребенчатого, прямоугольного, Z-образного, ногтевого, уголкового, крестообразного штампа. Среди новых элементов узора отметим узкие фестоны, спускающиеся на тулово. Форма сосудов — круглодонная, иногда с низким поддоном.

Подобные сосуды были извлечены нами из культурного слоя Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места на р. Морею (Хайпудыра) [30, табл. 2, 4]. Они располагались выше сосудов железного века [30, табл. 1]. Вместе с сосудами на поддонах залегали различные металлические предметы в виде женских украшений и железные наконечники для стрел [30, табл. 11, 12]. На основании последних возраст верхней части культурного слоя определялся III—XI вв. н. э.[1] Этим же временем (III—VII вв. н. э.) датировал Г. Г. Лемлейн и сердоликовые бусы, найденные в верхнем слое Хэйбидя-Пэдарского места, которые, по его мнению, являются продуктом ирано-арабского экспорта.

В 1967 г., ровно через двадцать лет, жертвенное место было вновь исследовано археологом В. И. Канивцом, который на основании новых находок заключил, что «святилище служило местом жертвоприношений почти все I тысячелетие н. э.» [31, с. 31]. Собранный В. И. Канивцом богатый материал был опубликован спустя 17 лет А. М. Мурыгиным [32, с. 28], который уточнил возраст Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места и предлагает датировать его VI—XI вв. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чернов Г. А.* Археологические находки в восточной части Большеземельской тундры.— СА, 1951, т. XV.
2. *Чернов Г. А.* Археологические находки в бассейне р. Коротаихи (Большеземельская тундра). Пермь: Коми кн. изд-во, 1967.
3. *Чернов Г. А.* Устьхейягинское поселение на р. Коротаихе.— СА, 1975, № 4.
4. *Чернов Г. А.* Стоянки древнего человека на р. Колвавис и Сандибейю в Большеземельской тундре.— КСИИМК, 1941, вып. IX.
5. *Чернов Г. А.* Археологические находки в центральной части Большеземельской тундры.— Тр. КИЧП, 1948, вып. 7.

[1] В нашей работе [30, с. 305] была допущена опечатка: VIII—IV вв. до н. э.

6. *Чернов Г. А.* Стоянки древнего человека в бассейне реки Печоры.— КСИИМК, 1948, вып. 23.
7. *Чернов Г. А.* Жертвенное место в северной части Большеземельской тундры.— КСИИМК, 1951, вып. 39.
8. *Чернов Г. А.* Стоянки древнего человека в северной части Большеземельской тундры.— КСИИМК, 1951, вып. 36.
9. *Фосс М. Е.* Древняя история северо-востока европейской части СССР.— МИА, 1952, № 29.
10. *Брюсов А. Я.* Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
11. *Чернов Г. А.* Стоянки в бассейне р. Адзьвы.— МПАЕСВ, 1962, вып. I.
12. *Чернов Г. А.* Стоянки древнего человека на Усе и Средней Печоре.— СА, 1964, № 1.
13. *Канивец В. И.* Мезолитические стоянки на Средней Печоре и Усе.— МПАЕСВ, 1973, вып. IV.
14. *Верещагина И. В.* Памятники с микролитическим инвентарем Большеземельской тундры.— МПАЕСВ, 1973, вып. V.
15. *Хлобыстин Л. П.* Крайний северо-восток европейской части СССР.— МИА, 1973, вып. 172.
16. *Чернов Г. А.* Мезолитическая стоянка Сандибейю I.— СА, 1978, № 2.
17. *Чернов Г. А.* Новые мезолитические стоянки на реках Сандибейю и Колве.— СА, 1980, № 1.
18. *Чернов Г. А.* Новые археологические памятники на реках Колве и Сандибейю.— МПАЕСВ, 1978, вып. 7.
19. *Чернов Г. А.* Новые археологические памятники в Печорском бассейне.— КСИИМК, 1956, вып. 64.
20. *Гурина Н. Н.* Некоторые данные о заселении севера европейской части СССР.— СА, 1957, № 2.
21. *Буров Г. М.* Вычегодский край. Л.: Наука, 1965.
22. *Лузгин В. Е.* Неолитические стоянки Центрального Тимана.— МПАЕСВ, 1973, вып. 4.
23. *Чернов Г. А.* Новые стоянки в верховьях р. Коротаихи.— МПАЕСВ, 1985, вып. 9.
24. *Чернов Г. А.* Археологические находки на р. Щучьей.— КСИИМК, 1952, вып. 40.
25. *Чернецов В. Н.* Древняя история Нижнего Приобья — МИА, 1953, № 35.
26. *Лузгин В. Е.* Древние культуры Ижмы. М.: Наука, 1972.
27. *Канивец В. И.* Канинская пещера. М.: Наука, 1964.
28. *Канивец В. И.* Печорское Приполярье: Эпоха раннего металла. М.: Наука, 1974.
29. *Чернов Г. А.* Геологические исследования в районе р. Нямды.— Тр. Полярной комиссии, 1936, 26.
30. *Чернов Г. А.* Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место в Большеземельской тундре.— СА, 1955, т. XXIII.
31. *Канивец В. И.* Древнее святилище в Большеземельской тундре.— Тез. докл. на III Международном конгрессе финно-угроведов. Т. II. Таллин, 1970.
32. *Мурыгин А. И.* Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место.— Доклады к VI Международному конгрессу финно-угроведов. 7. Сыктывкар, 1985.
33. *Куратов А. А.* Археологические памятники Архангельской области. Северо-Западное кн. изд. Архангельск, 1978.

G. A. Chernov

ARCHAEOLOGICAL SITES IN THE LOWER REACHES OF THE KOROTAIKHA RIVER AND ALONG THE COAST OF THE BARENTS SEA

Summary

The author first discovered 28 sites in the upper reaches of the Korotaikha River back in 1941. Repeated investigations along the river yielded 55 sites in its mouth and two sites on the seacoast. All of them were found in bedrock coast, on ancient high terraces with the sandy upper layers. Practically all the finds came from depressions. The sites yielded stone implements made of flints of different colours and quartzite, and pottery. The implements included knife-shaped and finely retouched blades, arrowheads and racloirs of various shapes and sizes, knives, awls, burins and polished axes. There are vessels with round and flat bottoms, with cylindrical and flared sides, or with low bases among the pottery. They are decorated with pits and stamped patterns. On the whole the ceramic complex has analogies among other sites in the Bolshaya Zemlya tundra, and in the basins of the Pechora and Ob rivers. The sites discussed in the article are dated to the Neolithic, the Bronze and Iron ages and the Middle Age.

А. Н. ГЕННАДИЕВ, В. Л. ДЕРЖАВИН, В. К. ИВАНОВ,
Ю. А. СМИРНОВ

О РЕДКОЙ ФОРМЕ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА В ПРЕДКАВКАЗСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В 1979—1980 гг. во время работ Александровского отряда Ставропольской экспедиции Института археологии АН СССР был раскопан курган 21 в составе могильника Веселая Роща III. Могильник расположен в северо-восточной части оросительной системы Александровского района Ставропольского края, создание которой приурочено к пуску третьей очереди Большого Ставропольского канала. Курганы занимали пахотные земли совхоза «Искра», располагаясь у хутора Веселая Роща к югу от шоссе Александровское — Новоселицкое.

Курган 21 находился на южном придолинном склоне второй надпойменной террасы левого берега р. Томузловки (левый приток р. Кумы) и входил в состав небольшой (четыре насыпи), сравнительно изолированной от остального могильника курганной группы.

К моменту раскопок насыпь была несколько снивелирована распашкой и засеяна эспарцетом. Диаметр кургана по линии запад — восток составлял 83 м, по линии север — юг — около 80 м. Насыпь была создана на наклонной с севера на юг поверхности. Высота ее с северной стороны 4,11 м, с южной — примерно 5 м. В насыпи и под ней было обнаружено 17 разновременных погребений: 12 катакомбного времени, 4 сарматского и 1 — 20-х годов XX в.

Основным для данной насыпи было погребение 13 — мужское, одиночное, взрослое — старше 50 лет (определение Г. П. Романовой).

Погребение было совершено в яме с заплечиками, впущенной в материк с уровня дневной поверхности. Кольцевой выброс из могильной ямы имел в плане форму овала, осевая линия которого проходила по линии северо-запад — юго-восток — 12,5 м; по линии северо-восток — юго-запад овал распространялся на 11,5 м. Выброс вплотную подступал к краям могилы и в центральной части представлял собой трехслойное отложение мощностью около 1 м, нижним слоем которого являлся гумусированный легкий суглинок, средним — легкий суглинок, перемешанный с супесью, и верхним — песок (слой V). Периферия выброса мощностью около 5 см состояла из песка.

На 20 см выше уровня дневной поверхности, во втором и третьем слоях выброса, у северо-западного края ямы, находились две плиты песчаника, имевшие относительно ровные края. Первая, размером 0,70×0,40×0,22 м, стояла вертикально в 0,20 м от северо-западного края ямы. Вторая, размером 0,52×0,38×0,17 м, располагалась горизонтально в 0,40 м к северо-западу — западу от первой. Основания обеих плит находились на одном уровне. В 0,15 м к северу от северного края ямы было выявлено три пятна органического тлена красновато-коричневого цвета с сиреневым оттенком. Пятна (каждое площадью около 10—15 см) имели аморфные очертания и располагались на разной глубине с перепадом в 3—4 см в слое легкого суглинка, на 10—13 см ниже основания песчаниковых плит. Вместе пятна образовывали фигуру, близкую к равностороннему треугольнику, вершина которого была направлена на север — северо-запад. Возможно, оба этих комплекса имели какое-то ритуальное значение.

Заполнение могильной ямы, особенно в ее верхних и средних горизонтах, представляло собой весьма плотный (местами чрезвычайно плот-

ный) комковатый суглинок серовато-коричневого цвета, перемешанный со светлым материковым суглинком и материковой супесью,— горизонты A_1, B, C. В придонной части ямы заполнение почвенной толщи было более рыхлым и менее комковатым, сохраняя прежний цвет и состав. По всей вероятности (до того момента, как яма была перекрыта насыпью), под воздействием дождевых вод часть выброса просочилась под деревянные перекрытия могилы. Кроме того, конструктивные особенности создания насыпи (поэтапное сооружение кургана, см. ниже) привели к тому, что какое-то время над могильной ямой находился очень незначительный слой грунта, по-видимому, не более 1 м. Возможно, что в тот промежуток времени, пока центральная часть насыпи еще не была возведена, часть перекрывавшего яму грунта вновь затекла в могилу. Воздействие водных потоков фиксировалось и на некоторых разрезах насыпи. Особенно хорошо оно наблюдалось на западном и восточном фасах восточной бровки, где по верхнему горизонту грунтовой «подушки», заложенной в основание насыпи и у восточной ее подошвы (см. ниже), прослеживался слоистый горизонт мощностью 10—20 см, представлявший собой чередование микрослоев светло-палевого, серовато-палевого и коричневато-палевого цвета, песчанистых и суглинистых, указывающих на существование намыва [1].

Помимо этого, в процессе окончательного возведения насыпи верхнее перекрытие могильной ямы не выдержало создавшегося напряжения и рухнуло на перекрытие, находящееся на уровне заплечиков и, образовав двускатный провал, продавило нижнее перекрытие и таким образом в могильную яму попала часть переотложенного грунта насыпи.

Могильная яма (рис. 1) представляла собой двусоставное, относительно симметричное сооружение. Верхняя ее часть (до заплечиков) имела криволинейные очертания и была неправильной округлой формы. Размеры на уровне заплечиков по сторонам света 2,75×2,75 м. Нижняя часть имела прямолинейные очертания и была как бы вписана в верхний округлый контур. В плане она представляла собой прямоугольник со сравнительно правильными очертаниями. Размеры по дну: по линии север — юг — 2,35 м, по линии запад — восток — 2,18 м. Заплечики находились на глубине 1,00—1,16 м от уровня дневной поверхности. Дно ямы было покатым от центра к востоку, перепад около 10 см. Глубина ямы в среднем составляла 2,25 м. Судя по хорошо сохранившейся западной половине могильной ямы, стенки ее до заплечиков имели вертикальный или слабонаклонный характер. Стык между стенкой ямы и заплечиком четко выражен. Ширина заплечиков колебалась от 0,25 до 0,35 см. Стенки ямы ниже заплечиков были относительно вертикальными. Углы между стенками, а также между стенками и дном были сравнительно хорошо проработаны.

Могильная яма была перекрыта двумя деревянными настилами. Первый располагался по верхнему краю ямы и состоял из досок или тесин шириной примерно 10—15 см (к сожалению, сохранность дерева не позволяла определить ни первоначальную их форму, ни толщину). Судя по направлению волокон, доски были положены по линии запад — восток. Второе перекрытие располагалось на заплечиках, и его элементы (доски?) были уже ориентированы в противоположном направлении, т. е. по линии север — юг. Судя по сохранившимся остаткам, этот настил состоял уже из более крупных досок, шириной приблизительно 15—20 см и толщиной не менее 1 см. Поверх нижнего перекрытия располагался настил из прутьев, лежавших в один ряд и перпендикулярно к общему направлению досок, т. е. по линии запад — восток. Настил состоял из прутьев диаметром от 2 до 5 мм и длиной не менее 10 см (максимальная длина, сохранившаяся к моменту вскрытия).

По дну могильной ямы, в западной ее половине, особенно четко прослеживался тлен темно-коричневого цвета с красноватым оттенком,

[1] Уровень залегания карбонатов в погребенной почве выше, чем таковой в фоновой «дневной» почве, что может быть свидетельством более аридного, чем современный, климата в момент погребения.

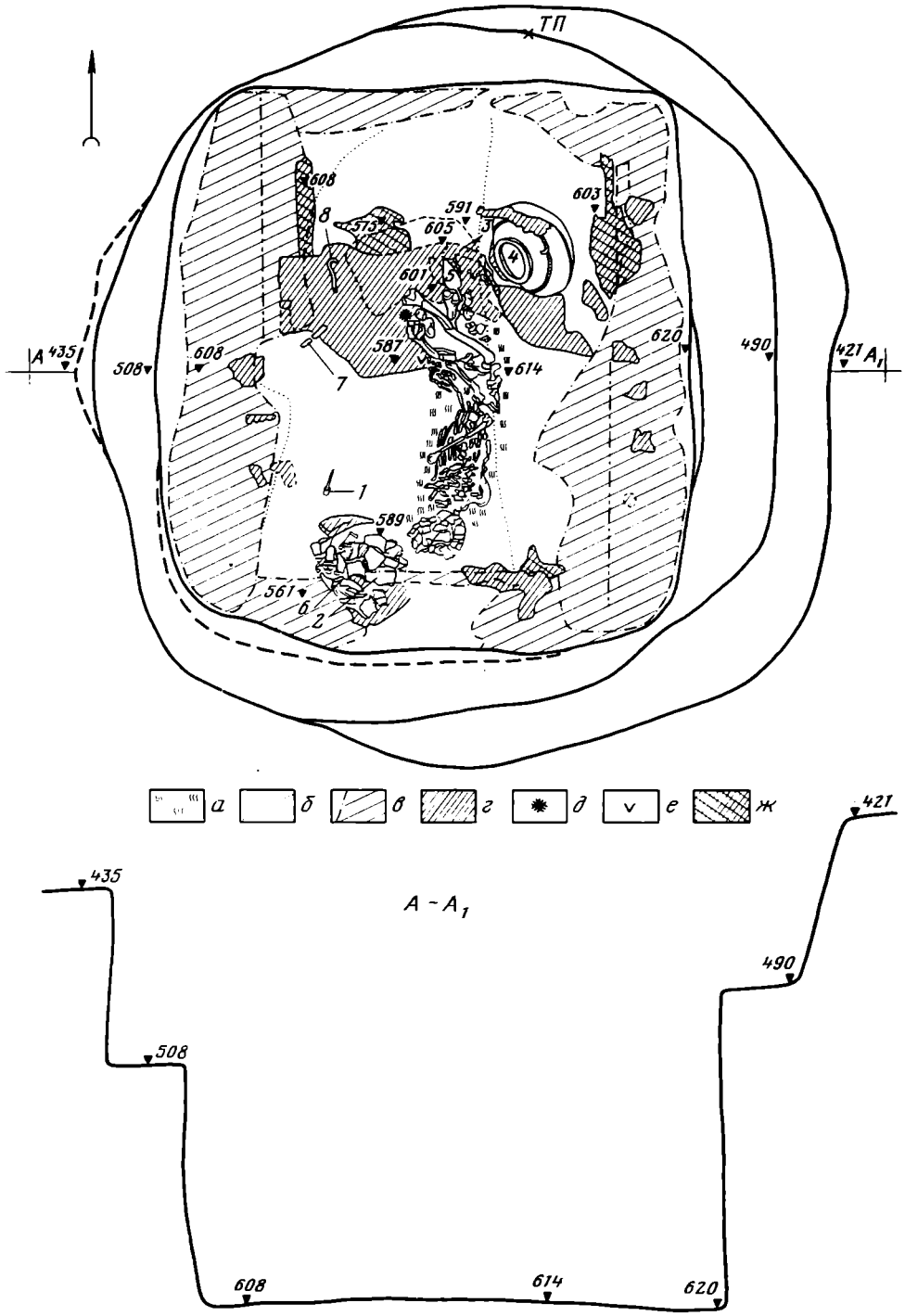


Рис. 1. План и разрез могильной ямы погребения 13. *1* — бронзовое шило; *2* — развал сосуда с цилиндрической шейкой; *3* — костяные трубочка и кольцо; *4* — реповидный сосуд; *5* — бронзовый нож; *6* — бронзовое шило в костяной муфте; *7* — ребро животного (лощило?); *8* — бронзовый крюк; *а* — коричневый тлен под костяком; *б* — граница коричневого тлена по дну могильной ямы; *в* — граница деревянных плах по дну могильной ямы; *г* — остатки дерева от верхнего перекрытия; *д* — пятно охры; *е* — уголек; *ж* — остатки дерева от нижнего перекрытия

вероятно, остатки какой-то органической подстилки, которую несколько «окрасило» дерево перекрытия, частично попавшее на дно ямы. Остатки коричневатого тлена залегали и под костями погребенного. Однако установить точные границы подстилки не представляется возможным из-за смешения с остатком разложившегося дерева.

На дне ямы были обнаружены остатки деревянных плах, уложенных по периметру могилы плоскими сторонами к дну. Древесина плах силь-

но отличалась от древесины перекрытий. Она имела желтовато-палевый цвет и слоистую структуру в отличие от красновато-коричневой древесины перекрытий, имевшей плосчато-трещинную структуру. С западной стороны плаха сохранилась практически полностью, с восточной — примерно на две трети, а с северной она прослеживалась в виде отдельных участков древесины. Под южной стенкой прослеживается тонкий слой тлена желтовато-палевого цвета, оставленный краями плахи, который хорошо маркировал ее границы. Судя по наиболее хорошо сохранившемуся западному участку и отдельным частям восточного, по длинным стенкам ямы были уложены именно плахи, имевшие сегментовидное сечение при ширине основания 30 см и высоте сегмента 10 см (приведенные размеры зафиксированы в момент вскрытия погребения, вероятно, первоначально эти значения были несколько больше). Длина плах составляла в среднем 2,10—2,20 м, т. е. соответствовала длине этих стенок. Сохранность дерева с северной и южной сторон не позволяет судить о форме данных элементов конструкции. Они также могли иметь форму плах, но, вероятно, представляли собой широкие (не менее 30 см, судя по южному участку) брусы длиной 1,5—1,6 м, уложенные вдоль северной и южной стенок в промежутке и встык между восточной и западной плахами.

У коленных суставов погребенного, на 10 см выше дна могильной ямы, в ее заполнении, было зафиксировано овальное пятно охры красновато-бурого цвета размером 3×5 см. Первоначальное его положение определить затруднительно. На дне ямы, на подстилке, в 2,5 см к северо-западу от кистей рук погребенного, находился уголек.

Основываясь на характере и глубине залегания инвентаря в могильной яме, можно, с большой долей вероятности, предположить, что весь погребальный инвентарь находился на нижнем перекрытии ямы и располагался на настиле из прутьев. По всей видимости, весь инвентарь находился в несколько смещенном по сравнению с первоначальным положении. Но, несмотря на нарушения, происшедшие в момент обвала верхнего перекрытия и пролома нижнего, смещение было незначительным, и некоторые предметы (например, сосуды), сместившиеся в направлении центра ямы, заняли положение, близкое к первоначальному. Мелкий инвентарь, очевидно, сместился в большей степени, и его первоначальное положение установить в точности затруднительно.

Бронзовое четырехгранное шило (рис. 2, *1*) [2] на деревянной рукоятке, округлой в сечении диаметром около 2 см, находилось в 0,35 м к северо-западу от черепа погребенного. Оно залегало горизонтально, выше дна ямы на 0,34 м, в заполнении.

Большой реповидный сосуд (рис. 2, *2*) с утолщенным венчиком, одной ручкой и налепным валиком, украшенным ногтевым орнаментом (близок к типу 2 группы Д второго отдела классификации керамики волго-манычского варианта катакомбной культуры, по С. Н. Братченко [1, с. 23—27]), находился в северо-восточном секторе могильной ямы. Он располагался в заполнении, находясь в наклонном состоянии, горловиной к центру ямы. Нижний его край залегал выше дна могилы на 20 см. Вероятно, сосуд первоначально находился в северо-восточном углу могилы на нижнем перекрытии, а после обвала съехал по наклонной плоскости сломавшегося настила. В сосуде был обнаружен слой тлена мощностью 7—8 см. Тлен желтовато-серого цвета имел пористую структуру. На внешней поверхности сосуда находились отдельные пятна белесого тлена, возможно остатки мелового (?) покрытия.

Неорнаментированный сосуд (рис. 2, *3*) с округлыми боками и цилиндрической шейкой (близок к типу 2 группы Г третьего отдела классификации керамики волго-манычского варианта катакомбной культуры, по С. Н. Братченко [1, с. 24, 27]), находился в юго-западном секторе могильной ямы, в среднем на 30—40 см выше ее дна, в заполнении, гор-

[2] Рисунки вещей выполнены А. М. Прокопенко, полевые чертежи — В. Г. Горленко, Л. И. Верещинским, Ю. А. Смирновым.

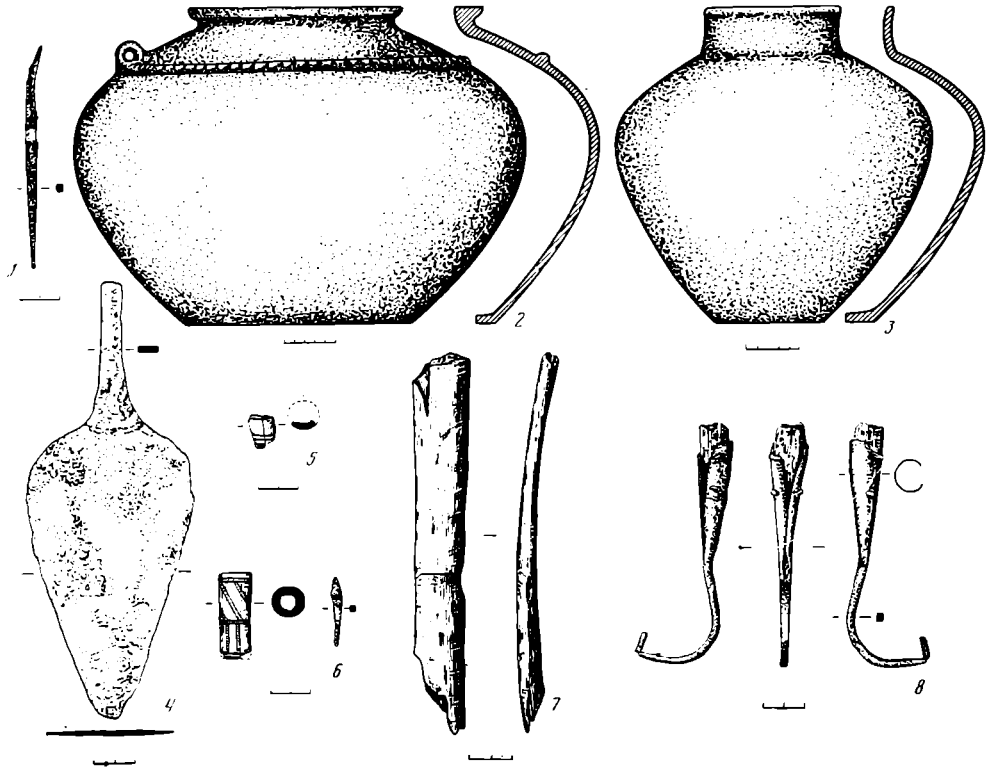


Рис. 2. Инвентарь погребения. *1* — бронзовое шило; *2* — реповидный сосуд; *3* — сосуд с цилиндрической шейкой; *4* — бронзовый нож; *5* — костяная трубочка; *6* — бронзовое шило и костяная муфта; *7* — лощило (?); *8* — бронзовый крюк

лом к центру могилы. Так же как и реповидный сосуд, он, видимо, немного сместился по сравнению со своим первоначальным положением и до обвала, вероятно, находился в юго-западном углу ямы, на нижнем перекрытии. На стенках сосуда, с внутренней их стороны, имелся налет тлена беловатого, желтоватого, болотно-зеленоватого цвета, располагавшегося полосами по периметру. Четких границ между цветами не прослеживалось. На дне и на придонной части сосуда с внешней стороны имелись следы черного натека. Кроме того, на внешней поверхности тулова прослеживалась узкая (4 мм) полоска красной краски (охра?), шедшая в вертикальном направлении на протяжении приблизительно 15 см, и имелись отдельные пятна белёсого тлена, как и на сосуде № 2. Среди черепков этого сосуда был обнаружен тлен, по форме больше всего напоминающий смятую в ком и покоробившуюся под действием огня бересту. Тлен, в основе темно-коричневый с черным оттенком, был покрыт белым налетом.

Большой бронзовый листовидный нож (рис. 2, *4*) находился в 11 см к северо-востоку от дистального конца правой бедренной кости погребенного и в 15 см к юго-западу — западу от реповидного сосуда, в 9 см выше дна ямы. Видимо, первоначально также располагался на нижнем перекрытии в северной части могилы. На черенке ножа сохранились остатки древесного тлена палево-серого цвета, отличавшегося от красновато-коричневого дерева перекрытий, возможно остатки рукоятки. Под лезвием ножа имелся небольшой фрагмент дерева желтовато-коричневого цвета, так же отличавшийся от дерева перекрытий; может быть, он представлял собой остатки деревянного футляра ножен.

Костяная орнаментированная трубочка (рис. 2, *5*) и костяное колечко найдены в 25 см к северо-востоку от дистального конца правой бедренной кости погребенного, в 40 см выше дна ямы, в ее заполнении. Трубочку удалось взять только в сильно фрагментированном виде. Кольцо же находилось в совершенно «размыленном» состоянии и взять его не

удалось. Внешний диаметр кольца был 2,5—3 см, толщина — около 5 мм. Бронзовое четырехгранное шило на деревянной рукоятке, заключенной в костяную муфту, украшенную нарезным орнаментом (рис. 2, *6*), обнаружено под развалом сосуда с цилиндрической шейкой (несколько юго-западнее его центра). Первоначальное положение шила не совсем ясно, хотя определенная связь с местонахождением этого сосуда очевидна. В момент вскрытия погребения шило лежало наклонно, примерно

Таблица 1

Спектральный анализ бронзовых предметов из погребения 13 кургана 21

Шифр лабораторный	Предмет	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag
32234	Шило № 1	Осн.	0,0004	0,003	–	0,001	0,003
32235	Шило № 2	»	0,0008	0,002	–	?	0,006
32236	Крюк	»	0,008	0,06	–	0,0008	0,02
32237	Нож	»	0,0004	0,007	–	0,0008	0,05

Шифр лабораторный	Предмет	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
32234	Шило № 1	0,004	0,5	0,001	0,0015	–	0,001
32235	Шило № 2	0,004	1,5	0,01	0,015	–	0,001
32236	Крюк	0,015	2,0	0,01	0,0015	–	0,003–0,01
32237	Нож	0,02	2,0	0,001	0,015	–	0,003–0,01

под тем же углом, что и развал сосуда, на 44 см выше дна ямы, в заполнении.

Фрагмент ребра крупного животного (рис. 2, *7*) — лощило (?) находилось на дне ямы в 30 см к юго-западу — западу от дистального конца правой бедренной кости погребенного. Оно располагалось горизонтально по оси северо-восток — юго-запад, внешней поверхностью вверх.

Бронзовый втульчатый крюк с остатками деревянной рукоятки во втулке (рис. 2, *8*) найден в 25 см к северо-западу — западу от дистального конца правой бедренной кости, в 20 см выше дна ямы (располагался горизонтально в ее заполнении).

Спектральный анализ изделий из металла (табл. 1), проведенный Л. Б. Орловской в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии АН СССР, показал присутствие мышьяковистой бронзы, количественный и качественный состав элементов которой указывает, с достаточной вероятностью, на ее кавказское происхождение.

Останки погребенного. Сохранность погребения в целом следует считать удовлетворительной, сохранность инвентаря и органических остатков тоже. Удовлетворительным было и естественное состояние костей погребенного. Однако порядок положения последних был до некоторой степени нарушен упомянутым выше обвалом перекрытий. По отношению к костяку, первоначально расположенному на левом боку, обвал произвел следующие нарушения: позвоночный столб был «раздвинут» в южном и северном направлении в области восьмого (грудного) позвонка, при этом нижняя часть позвоночника продолжала сохранять положение, свойственное ему при позиции ее левом боку, а верхняя приняла положение остистыми отростками вверх, т. е. как при позиции на животе. Череп (сильно фрагментирован) вместе с нижней челюстью был развернут на 90° и оказался расположенным на затылочном отверстии. Кости правой стороны плечевого пояса и плечевая кость правой руки были сдвинуты в северо-западном направлении и развернуты дорсальными сторонами вверх. Помимо этого, было нарушено и первоначальное положение длинных костей нижних конечностей (в районе дистальных концов бедер и проксимальных концов голеней), приподнятых в момент обвала коленными суставами вверх, так что из горизонтального положения они оказались в наклонном (левые в большей степени, правые — в меньшей).

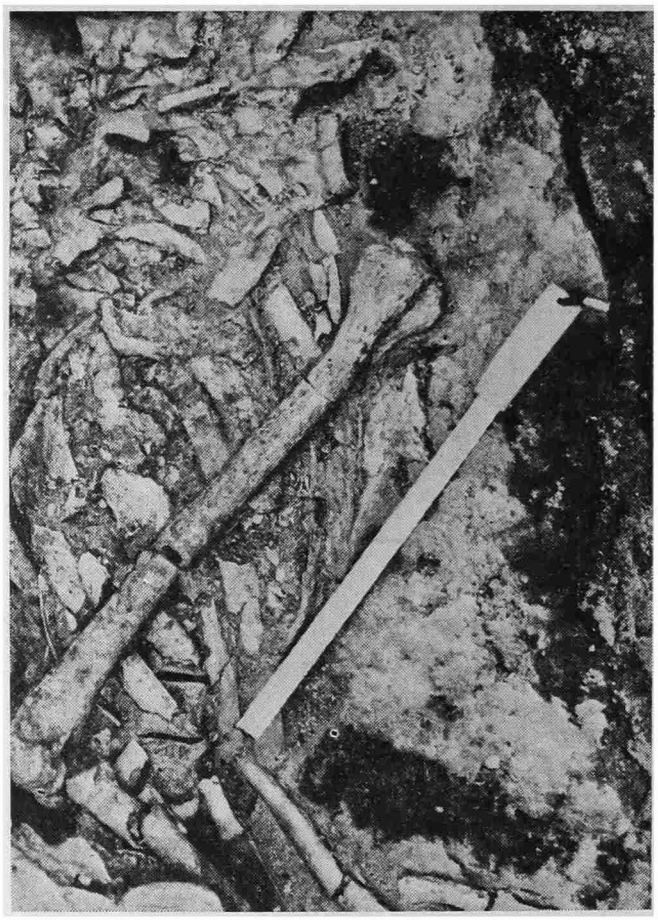


Рис. 3. Патологические нарушения на костях погребенного (деталь)

При этом проксимальные концы бедер и дистальные концы голеней вместе со стопами продолжали сохранять горизонтальное положение (стопы, правда, были сильно потревожены землероями).

Характерно, что подобное смещение длинных костей нижних конечностей произошло в местах патологических нарушений костной ткани, по виду больше всего напоминающих «прямые переломы» или распилы, произведенные в поперечном направлении. Такие нарушения имелись на следующих костях: на плечевых правой и левой — в области проксимальной и дистальной частей диафизов (рис. 3) и, помимо этого, в средней части диафиза — левой; на правой локтевой кости — в области проксимальной и дистальной частей диафиза; на правой лучевой кости — в области средней части диафиза; на левой локтевой кости — в области проксимальной, средней и дистальной частей диафиза; на бедренных правой и левой — в области проксимальной и дистальной частей диафизов; на берцовых правых и левых — в средней части диафизов; на правой и левой ключицах — в средней части диафизов.

Помимо нарушений, носивших искусственный характер, некоторые кости имели нарушения естественного характера, происшедшие, по-видимому, в момент обвала перекрытий. Эти нарушения имели вид естественных разломов, хорошо заметных на отдельных костях (на лопатках, большинстве ребер и на правой безымянной кости); кроме того, на большой части костей в отдельных местах произошло выкрашивание костной ткани.

Несмотря на перечисленные нарушения, все сдвинутые и сломанные кости сохраняли относительный анатомический порядок, а некоторые (правая безымянная кость, крестец и правая бедренная) практически не вышли из суставов. Общее положение костей, соответствующее слабоскорченной позиции погребенного на левом боку, и полный анатомиче-

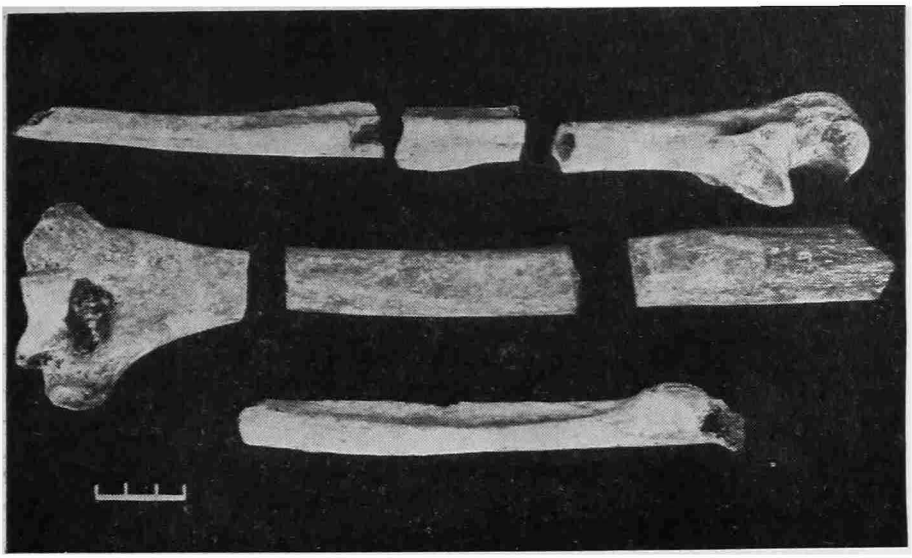


Рис. 4. Места повреждений на локтевой, плечевой и лучевой костях погребенного (масштаб: в одном делении 1 см)

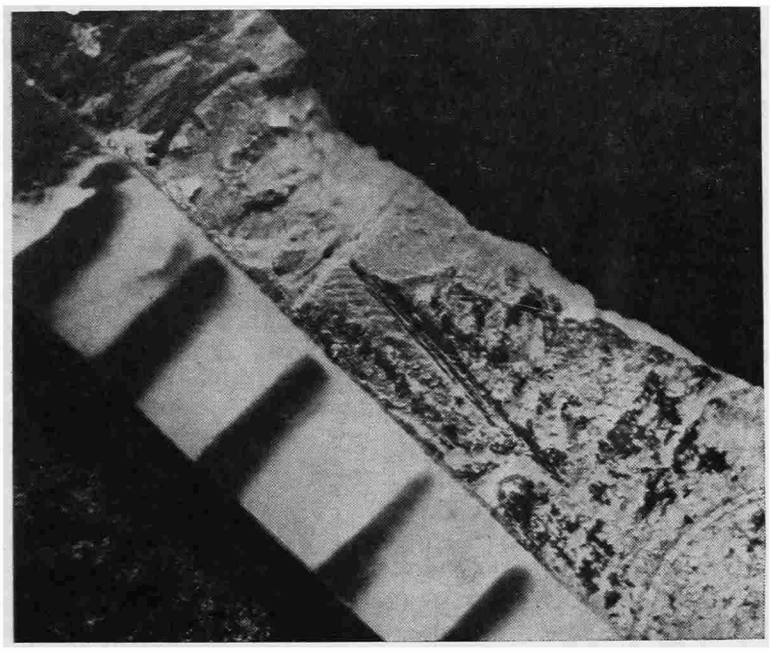


Рис. 5. Следы надпила на плечевой кости погребенного (масштаб: в одном делении 1 мм)

ский порядок положения костей в тех местах, где обвал не произвел существенных нарушений, указывает на то, что провал перекрытий произошел в то время, когда мягкие ткани (по крайней мере связки и сухожилия) были целы, а придонная часть ямы еще не затекла полностью.

Чтобы определить механизм повреждений на костях погребенного, часть из них была передана в Научно-исследовательский институт судебной медицины Министерства здравоохранения СССР, где они были подвергнуты экспертизе (приложение, рис. 4, 5). Было установлено, что нарушения, определенные в полевых условиях как искусственные, были причинены острым орудием, обладающим пилящим действием. Распилы производились спереди назад, т. е. от фронтальной поверхности кости к дорсальной, в отдельных случаях с обломом не до конца распиленной кости. Судя по следам, оставшимся на костной ткани, инструмент, которым было произведено распиливание костей погребенного, имел мелкозубую

рабочую поверхность (типа рабочей поверхности у современной ножовки по металлу). Кроме того, в местах распилов в костной ткани были обнаружены следы олова, свинца, меди, никеля и алюминия. Но, к сожалению, качественный и количественный состав обнаруженных элементов не поддается интерпретации.

Итак, в данном обряде обращения с покойником мы, вероятно, сталкиваемся со случаем посмертного нарушения опорно-двигательного аппарата погребенного. На основании вышеизложенного можно реконструировать такой способ приблизительно следующим образом: в местах, где были произведены распилы (в некоторых случаях, возможно, и на протяжении длины всей кости, особенно там, где распилов было несколько), мягкие ткани были вскрыты, частично удалены и произведен распил костной ткани. Причем вскрытие или удаление мягких тканей не могло быть полным (по крайней мере в районах суставов), так как в момент ингумации кости сохраняли анатомический порядок, что было бы маловероятным в противном случае.

Первоначально костяк располагался на левом боку в слабоскорченном положении, черепом на юг (азимут — 185°), лицевыми костями на запад. Корпус находился в вытянутом состоянии (позвоночный столб представлял собой прямую линию). Кости нижних конечностей в момент вскрытия погребения были в слабой степени согнуты в тазобедренных суставах: правая — под углом примерно 115°, левая — примерно 95°. В коленных суставах они были согнуты в несколько большей степени: правая — под углом примерно 100°, левая — примерно [3] 85°. Кости правой ноги располагались над левыми и первоначально, возможно, были им примерно параллельны. Кости рук были слабо согнуты в локтевых суставах. Плечевые располагались примерно параллельно позвоночному столбу, и правая, вероятно, точно над левой. Судя по положению кистей и костей предплечий, сохранивших, по всей видимости, положение, весьма близкое к первоначальному (особенно кисть и кости левой руки), кости рук были согнуты в локтевых суставах приблизительно под одним и тем же углом в 140—145°. Кисти рук, флексированные в средней степени, находились в состоянии ротации у проксимальной трети диафиза левой бедренной кости и были сцеплены между собой.

Насыпь (рис. 6). С целью изучения стратиграфии насыпи было оставлено четыре параллельно расположенные бровки, идущие по линии север — юг. Основная бровка находилась в центральной части насыпи (нулевой репер поставлен в самой высокой точке кургана); осевая линия восточной бровки находилась в 11,25 м от нулевого репера, перепад высот составлял 1,16 м; осевая линия первой западной бровки находилась на расстоянии 11,6 м от нулевого репера (перепад высот составлял 0,66 м), осевая линия второй западной бровки — на расстоянии 20,75 м от нулевого репера (перепад высот составлял 2,13 м от нулевого репера). Каждая бровка фиксировалась с обеих сторон, и, кроме этого, по мере вскрытия насыпи производилась планиметрическая фиксация наслоений. В результате наблюдений выяснилось, что сохранившаяся к моменту раскопок насыпь была создана единовременно в несколько приемов и связана с центральным погребением 13. Если после создания впускных погребений и совершались какие-то дополнительные досыпки, то никаких следов их к настоящему времени не сохранилось [4].

Курганная насыпь представляла собой сложное в конструктивном отношении сооружение, составленное из разноцветных и разносоставных

[3] Более точно углы скорченности нижних конечностей не определяются из-за нарушений, произведенных обвалом перекрытий.

[4] Слой IV, принятый в начале за остатки какой-то позднейшей насыпи, полностью перекрывшей насыпь первоначальную, оказался остатками древнего стека верхних горизонтов последней. Это наиболее однородно окрашенный слой, светло-серый с палевым оттенком, легкосуглинистый, слабоопесчаненный, с карбонатной плесенью. Образован в основном до начала интенсивной распашки. Выделяется и слой IV_a, образовавшийся в процессе распашки. Он также однородно окрашен, но гораздо более гумусирован. В северной части он менее однороден, более окарбоначен.

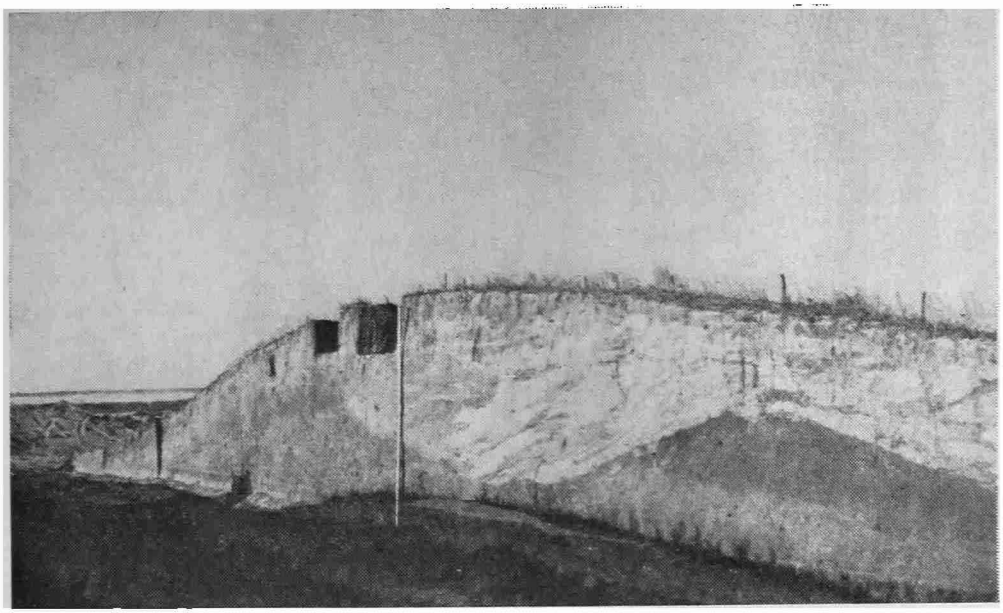


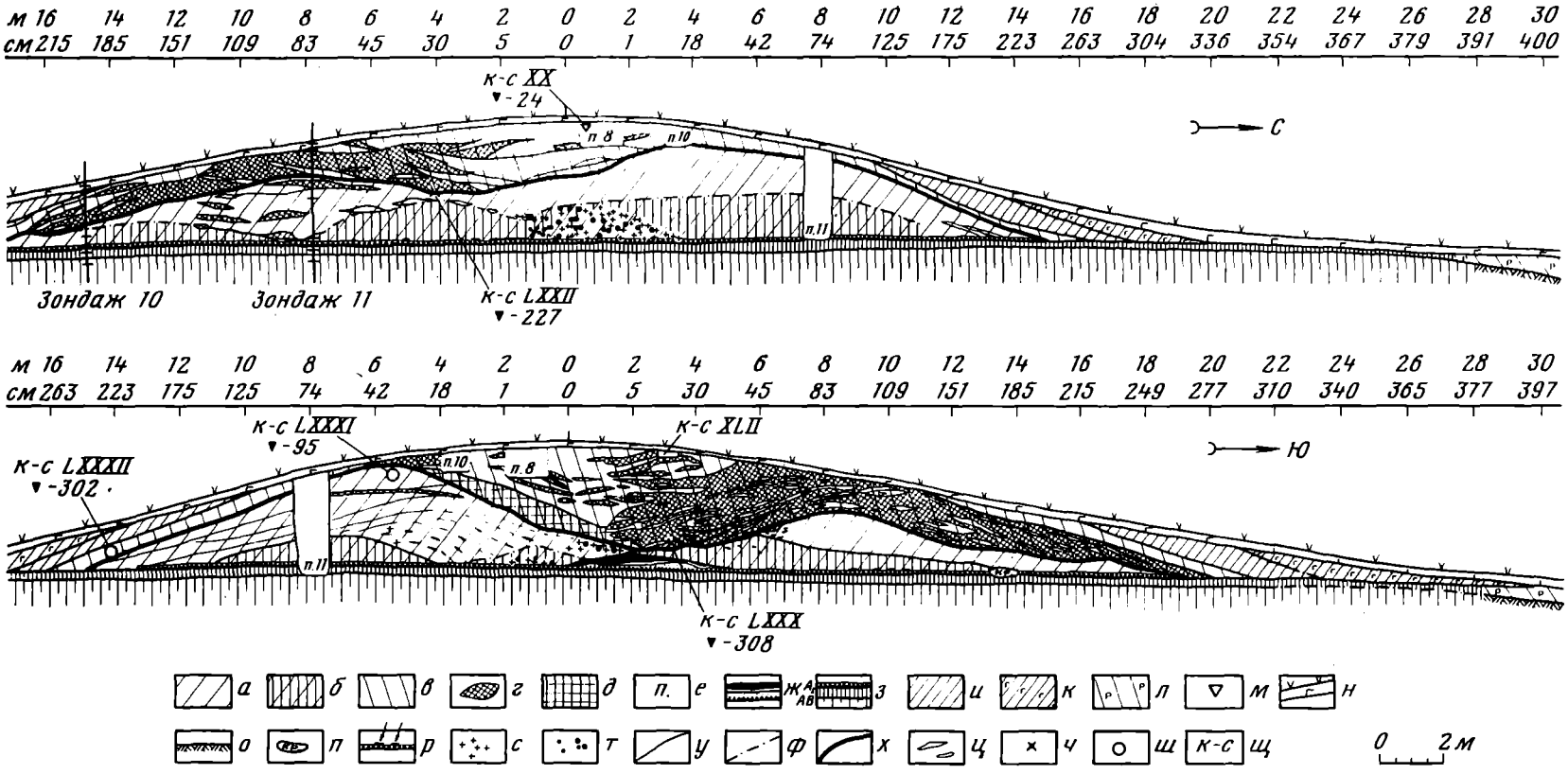
Рис. 6. Западный фас центральной бровки кургана

(гумусированных, суглинистых, супесчаных и песчаных) слоев и прослоев различной мощности. В целом основные конструктивные элементы насыпи, отражавшие четыре этапа в ее создании, повторялись в каждом разрезе, но отличались в деталях, особенно в восточной поле за счет появления (или исчезновения) отдельных промежуточных прослоев или некоторого изменения их конфигурации.

Материалом для создания насыпи, по-видимому, послужил грунт, извлеченный из кольцевого рва, окружавшего площадку, на которой сооружалась насыпь, и отстоявшего от первоначальной подошвы кургана на 8—9 м с северной, западной и южной сторон и на 5 м с восточной. Ров не имел регулярной формы. Ширина его колебалась от 15 до 20 м по верхнему контуру, при этом он был более узок с северной и восточной сторон и более широк с южной и западной. В разрезе ров имел линзовидную форму, достигая максимальной глубины (от современной поверхности) в восточной части 1,75 м и имея минимальную в северо-западной — 0,75 м. В среднем глубина рва в его максимально углубленных частях достигала 1,25 м. Заполнение рва представляло собой гумусированный легкий суглинок (слой VII).

Исходя из стратиграфии (рис. 7), планиграфии насыпи и комплексного анализа грунта (табл. 2), создание ее можно восстановить следующим образом.

1. В основание насыпи была заложена грунтовая «подушка», имевшая весьма нерегулярную поверхность со значительными (до 3,5 м) перепадами высот в разрезе, но очень строго очерченные границы в плане. Западная и восточная ее стороны были прямолинейны и параллельны друг другу и шли по линии север — юг на равном (16 м) расстоянии от центра могильной ямы. Длина западной стороны составляла 13,5 м, восточной — 18 м. Северная и южная ее стороны были криволинейны и проходили на расстоянии 12,5—13 м от центра могильной ямы. Описываемая фигура имела плавно скругленные углы. Грунт, из которого была сложена «подушка», представлял собой сочетание легкого и тяжелого суглинков и имел пятнистую окраску (слой II). Пятна светло-серого цвета со слабым сизоватым оттенком представляли легкосуглинистые включения, а более темные — коричневато-серого цвета со слабым красноватым оттенком — тяжелосуглинистые. Этот грунт отличался от вышележащего (слой I) по содержанию карбонатов, гумуса и механическому составу (табл. 2), хотя порой и сливался с ним по цвету.


м 16 14 12 10 8 6 4 2 0 2 4 6 8 10 12 14 16 18 20 22 24 26 28 30
см 215 185 151 109 83 45 30 5 0 1 18 42 74 125 175 223 263 304 336 354 367 379 391 400
к-с XX
▼-24
п.8
п.10
п.11
С
Зондаж 10
Зондаж 11
к-с LXXII
▼-227
м 16 14 12 10 8 6 4 2 0 2 4 6 8 10 12 14 16 18 20 22 24 26 28 30
см 263 223 175 125 74 42 18 1 0 5 30 45 83 109 151 185 215 249 277 310 340 365 377 397
к-с LXXXI
▼-95
к-с XLII
к-с LXXXIII
▼-302
п.10
п.8
п.11
Ю
к-с LXXX
▼-308
а б в г д п. е ЖА АВ з и к л м н
о п р с т у ф х ц ч ш к-с щ
0 2 м

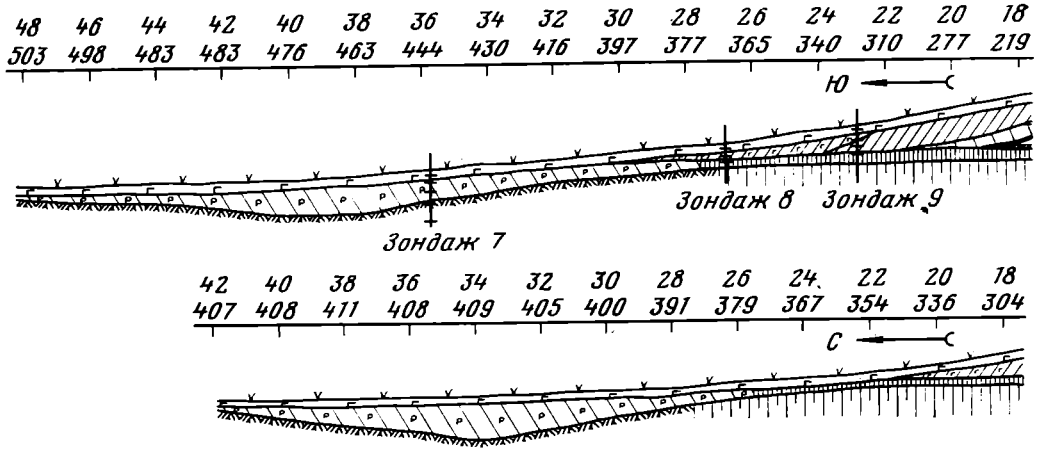


Рис. 7. Стратиграфический разрез насыпи и рва по центральной бровке *а* — пестроокрашенный легкий суглинок (грунт, из которого сложены северный и южный валы насыпи); в разрезе северного вала прослеживается слоистость — субгоризонтальная в верхней части и субполусферическая — в нижней; слой I; *б* — пятнистый, с легким красноватым оттенком мешаный (легкий и тяжелый) суглинок; слой II; *в* — пятнистый пестроокрашенный легкий суглинок; слой III; *г* — белесовато-палевый суглинок и желтая супесь; *д* — серый однородный суглинок, перемешанный со слабоокарбоначенной супесью — нижний слой горизонта АВ и горизонт $ВК_1$ (одна из составляющих слоя III); *е* — погребение; *ж* — песок, супесь, гумус (трехслойный выкид из ямы основного погребения 13), погребенный гумус; слой V; *з* — легкосуглинистый погребенный гумус — $А_1$, легкий слабогумусированный суглинок — АВ; слой VI; *и* — легкий слабогумусированный однородноокрашенный суглинок; слой IV; *к* — легкий сильногумусированный суглинок; слой IVа; *л* — легкосуглинистый гумус; слой VII; *м* — керамика; *н* — темно-серый гумус; *о* — супесь и (ниже) песок — горизонты В, С; *п* — «кротовина»; *р* — неокарбоначенный песок (следы выкида из ямы погр. 13); *с* — мелкие обломки кальцинированных костей; *т* — обломки кальцинированных костей, взятые на гистологический анализ; *у* — хорошо читающиеся границы слоев и прослоек; *ф* — плохо читающиеся границы слоев и прослоек; *х* — контуры северного и южного валов насыпи; *ц* — темно-серый и серовато-коричневый суглинок (гумусированные включения в разные участки насыпи); *ч* — кость; *ш* — камень; *щ* — комплекс

Грунтовая подушка перекрывала выброс (слой V) из основного погребения и располагалась на погребенном почвенном гумусовом горизонте, ниже которого залегали горизонты почвы (слой VI) — материк следующего состава:

$А_1$ — серый с коричневатостью [5] (верхние — 7 см с белесоватым налетом), среднесуглинистый погребенный гумусовый горизонт мощностью до 50 см.

АВ — переходный, серовато-палевый, слабогумусированный, сильноокарбоначенный, среднесуглинистый горизонт мощностью около 50 см.

$В_{к1}$ — желтовато-палевый с белыми пятнами легкий суглинок, с редкой карбонатной белоглазкой, мощностью 30 см.

$В_{к2}$ — желтовато-палевый, суглинисто-супесчаный горизонт мощностью 27—28 см.

ВС — палево-желтый древний аллювиальный песок, слабоокарбоначенный мощностью около 30 см.

С — палево-желтый песок без карбонатных выделений.

2. Грунтовая подушка была полностью перекрыта двумя земляными валами (северным и южным), сливавшимися в своей средней части приблизительно на протяжении 20 м. Оба вала сооружались примерно в одно и то же время, причем западный и восточный концы северного вала были перекрыты южным валом, а небольшой участок южного вала в центральной части насыпи (над погребением и к востоку — юго-востоку от него) был перекрыт северным валом. Северный вал в плане представлял собой относительно симметричную чечевицеобразную фигуру с силь-

[5] Верхние 10 см представляли собой слой плотного сильногумусированного суглинка — «погребенный дерн». Возможно, гумусированность увеличена за счет искусственного привнесения органики (прослеживалась только в границах первоначальной насыпи) — слой $А_д$ (табл. 2).

Таблица 2

Комплексный анализ грунта насыпи кургана 21, погребенной почвы и почвообразующего слоя

Слой	$CoCO_3$, %	Гумус, %	Механический состав	
			0,01 мм	0,001 мм
		Зондаж 7		
Пахота	1,00	1,93	16,20	11,93
Слой VII	2,90	1,87	29,51	19,21
Слой VII	8,33	1,26	29,95	22,14
Слой VIB	12,48	0,55	–	–
Слой VIC	8,33	0,18	18,98	13,02
		Зондаж 9		
Пахота	3,92	1,54	28,27	17,55
Слой IV–IVA	5,79	0,92	–	–
Слой IV	5,38	0,68	26,83	17,50
Слой VIA	3,31	0,68	31,24	20,30
		Зондаж 10		
Пахота	7,44	1,50	–	–
Слой III	6,60	1,45	–	–
Слой II	0,66	0,70	–	–
Слой $VIA_д$	0,32	0,84	–	–
Слой VIA	0,09	0,73	–	–
Слой VIAB	10,74	0,47	–	–
		Зондаж 11		
Пахота	7,44	–	–	–
Слой III	–	–	–	–
Слой I	0	0,48	36,8	21,78
Слой II	0,66	1,12	31,26	17,62
Слой $VIA_д$	0	0,96	31,48	20,30
Слой VIA	0	0,73	33,51	22,98
Слой VIAB	10,74	0,46	38,52	22,26

но выпуклой внешней стороной, вогнутой внутренней и плавно закругленными концами. Размеры северного вала в центральной части по оси север — юг — 17 м, по оси запад — восток — 41 м, высота — 3 м. Южный вал в плане имел более сложные и асимметричные очертания за счет выпуклой внутренней стороны, смыкавшейся с внутренней стороной северного вала; концы южного вала также были плавно скруглены. Размеры южного вала в центральной части: по оси север — юг — 20 м, по оси запад — восток — 37 м, высота — 2,10 м. Высота обоих валов постепенно уменьшалась к восточной и западной периферии, причем у северного вала высота в большей степени падала к западу, а у южного — к востоку и таким образом, что северный вал продолжал оставаться выше и крупнее в восточной части (высота северного вала здесь достигала 2 м, южного — 1,25 м), а в западной картина была обратной (высота северного вала здесь достигала 0,90 м, а южного — 1,40 м). Материал, из которого были сложены оба вала, представлял собой легкосуглинистый пестрый грунт, в котором прослеживалось сочетание палево-серых и буровато-серых тонов, где осветленные пятна были более легкого механического состава (слой I). Фон слоя темный, темнее, чем у других слоев насыпи.

3. На последнем этапе создания кургана оба вала были полностью перекрыты насыпью (слой III), имевшей в плане овальные очертания и следующие размеры: по линии север — юг — 39 м, по линии запад — восток — 46 м; первоначальная высота кургана, вероятно, составляла 6—7 м. Судя по разрезам, создание завершающей насыпи началось с заполнения седловины, образовавшейся в средней части сооружения после возведения валов, причем заполнение происходило одновременно и по-

следовательно с вершины южного и северного валов. При этом с северной стороны в насыпь был заложен грунт, взятый в основном из верхних почвенных горизонтов, а с южной — из нижних. Помимо этого, вся западная пола была создана из более гумусированного материала, чем восточная. Материал, который шел на возведение северной части завершающей насыпи, представлял собой пестроокрашенный крупнопятнистый легкий суглинок, в котором прослеживалось чередование палево-серых и темно-серых пятен с буроватым оттенком. Пятна имели местами округлую форму, местами же были продолговатыми и, сливаясь, образовывали прослойки темного и светлого цвета. Материал, который шел на возведение южной части завершающей насыпи, представлял собой пестроокрашенный мелкопятнистый легкий суглинок, на коричневато-сером фоне которого прослеживались белесовато-палевые вкрапления. Местами они образовывали сплошные субгоризонтальные и наклонные прослои. На фоне этого слоя прослеживались и более темные, по-видимому, более гумусированные прослои. Наличие прослоев, по всей видимости, следует относить за счет смещения почвенных горизонтов A_1 (преобладает в северной стороне) и $B_к$ (играет существенную роль в южной).

В насыпи находилось большое количество мелких обломков песчаника, рассеянных по всем горизонтам и, помимо этого, около 50 сравнительно крупных камней (рваный песчаник), в среднем достигавших размеров $40\times20\times10$ см. Более крупные камни были сосредоточены в основном в северной поле насыпи, на различных ее горизонтах и, вероятно, играли какую-то конструктивную роль.

Кроме того, в насыпи на разных уровнях было обнаружено 27 костей животных, 12 невыразительных фрагментов стенок лепных сосудов, кремневая ножевидная пластина и остатки кострища. В добавление к этому, в центральной части насыпи в основном слое II была зафиксирована масса мелких (размерами от $0{,}7\times0{,}3$ см до $3{,}0\times2{,}1$ см) обломков кальцинированных костей. Определение видовой принадлежности данных остатков, проводившееся методом спектрального анализа костной ткани [2, 3], показало наличие бария, который, в отличие от костной ткани человека, является качественным признаком костной ткани крупного и мелкого рогатого скота, где он всегда присутствует. Однако в данном случае отнести объект исследования к тому или иному виду млекопитающего затруднительно, так как барий был обнаружен в большом количестве и в земле, окружавшей проанализированные остатки. Все же отсутствие бария в двух контрольных образцах, являющихся костными остатками людей, обнаруженных в захоронениях этого кургана, позволяет предположить, что кальцинированные кости принадлежали животному.

Культурная принадлежность и датировка. Данный тип погребения, определяющийся конструкцией погребального сооружения, позой и ориентировкой погребенного, а также характером погребального инвентаря, хорошо известен в степном Предкавказье. Согласно периодизации С. Н. Братченко, такой тип погребений относится к элистинской группе манычской (или предкавказской) культуры, время бытования памятников которой определяется в Нижнем Подонье XVII—XVI вв. до н. э. [1, с. 101, 148]). По периодизации В. А. Сафронова, эти погребения входят в состав V группы погребений горизонта Д предкавказской культуры, датируемой исследователем XVI — серединой XIV в. до н. э. [4, с. 171]. В. П. Шилов относит такого рода памятники к элистинскому этапу предкавказской культуры, датировка которого им определяется XVII—XV вв. до н. э.[6] До сих пор нет общепринятой периодизации погребений эпохи средней бронзы для степного Предкавказья, но, несмотря на различные определения этих групп погребений, речь идет об од-

[6] Доклад на заседании сектора неолита и бронзы 4 ноября 1982 г. («Курган Бичкин Булук и проблемы датировок памятников ранней бронзы»).

ном культурном пласте, характерном для «расцвета» катакомбных памятников в Центральном Предкавказье.

В степном Предкавказье наиболее хорошо исследованным районом может считаться Калмыкия, в основном благодаря раскопкам И. В. Синицына. По данным В. А. Сафронова [4, с. 98] [7], здесь насчитывалось 210 погребений в катакомбах и ямах с костяками, лежавшими в скорченном положении на левом боку, кости рук которых были протянуты в сторону бедренных костей ног. Соотношение между катакомбами и ямами в Калмыкии было определено как 2 : 1. Вопрос об относительной хронологии погребений на левом боку в ямах и катакомбах может быть решен в пользу их одновременного существования, о чем свидетельствуют стратиграфические данные (т. е. взаимное перекрывание) и устойчивое сочетание категорий погребального инвентаря, встреченного как в ямах, так и в катакомбах.

За пять лет работы Александровского отряда Ставропольской экспедиции у хут. Веселая Роща скорченные костяки в катакомбах зафиксированы 60 раз, в ямах — 28, т. е. мы имеем явное преобладание катакомб над ямами [8] [5—9]. Их соотношение устанавливается так же, как и для Калмыкии,— 2 : 1. Если рассматривать более раннюю группу погребений с вытянутыми на спине костяками, то здесь имеется обратное соотношение: в катакомбах — 33, ямах — 55, причем в 24 случаях ямы были с заплечиками, в то время как в погребениях на левом боку, совершенных в ямах, заплечики представляют собой редкое явление [5—9]. Известно что эту деталь погребальной конструкции далеко не всегда удается проследить, однако (в сравнении с предшествующей группой погребений с вытянутыми костяками) можно уверенно сказать, что в этом районе тип могильной ямы с заплечиками не характерен для группы скорченных на левом боку погребений и представляет дериват предшествующих погребальных традиций. То же самое можно сказать и о деревянных перекрытиях. В ямах с вытянутыми костяками они зафиксированы в 18 случаях, со скорченными — всего в трех.

Таким образом, в погребении 13 из кургана 21 мы видим сочетание более раннего типа погребального сооружения с положением костяка, характерным для следующего хронологического горизонта. Возможно, этим объясняется столь сложная и одновременно специфическая конструкция курганной насыпи. В курганном могильнике у хут. Веселая Роща известна еще одна насыпь со сходной конструкцией, но возведенная уже над погребением в яме с вытянутым костяком [8]. О более раннем характере публикуемого погребения свидетельствует, безусловно, тот факт, что оно являлось основным в кургане, где имелись впускные погребения в катакомбах, в которых погребенные лежали в скорченном положении на левом боку. Исходя из приведенных выше соображений, погребение представляется возможным датировать XVII—XVI вв. до н. э.

Ближайшие аналогии данному погребению известны на территории Калмыкии в Лолинском могильнике [10, с. 32—38]. В яме погребения 7, которое являлось основным в кургане 4, было обнаружено парное захоронение мужчины и женщины, лежавших соответственно на левом и правом боку головами на юго-запад. Кроме деревянной повозки в погребении были обнаружены два бронзовых шила, бронзовый крюк, бронзовая трубочка, гагатовая бусина и два сосуда, один из которых имел реповидную форму.

Еще большее сходство обнаруживается с впускным погребением 8 из этого же кургана. Входной колодец катакомбного погребения имел деревянное перекрытие (случай исключительный для катакомб), что при впускном характере погребения косвенно подтверждает наличие заплечиков, видимо, не прослеженных в насыпи кургана. На перекрытии был

---

[7] В. А. Сафроновым были учтены материалы до 1966 г.

[8] Исключена серия могил с неопределенной погребальной конструкцией.

обнаружен следующий инвентарь: бронзовые нож, шило, крюк и сосуд. Над катакомбой и частично над перекрытием помещалась деревянная повозка. В самой катакомбе находилось парное захоронение. Скелет мужчины лежал в вытянутом положении на спине головой на юг. Женский скелет лежал в скорченном положении на левом боку, головой также на юг. У обоих, как зафиксировано авторами раскопок, ноги чуть выше коленей были отрублены. Сопровождающий инвентарь представлял собой бронзовый нож, пастовый бисер, сердоликовую бусину и три сосуда, в том числе и реповидной формы.

Обычай нарушения опорно-двигательного аппарата покойника, хорошо известный по этнографическим материалам [11, с. 167—171] и существовавший во многих разновидностях (от надрезания связок и сухожилий до ампутации конечностей), видимо, не является исключительным в памятниках катакомбной культурно-исторической общности. Он зафиксирован и в ряде других культур бронзового века [12, с. 151; 13, с. 27; 14, с. 99]. Список таких погребений мог быть существенно полнее, но этот ритуал по ряду причин (несовершенная методика раскопок, плохая сохранность костяков и т. д.) не всегда находит отражение в археологической литературе. В данном случае благодаря экспертизе, проведенной в Научно-исследовательском институте судебной медицины, впервые документально фиксируется обряд распиливания длинных костей, вероятно, связанный с определенными идеологическими представлениями древнего населения Предкавказья.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Акт № 566/9 фт

31 декабря 1981 г. в физико-техническом отделе Ордена Трудового Красного Знамени Научно-исследовательского института судебной медицины Министерства здравоохранения СССР старшим научным сотрудником, кандидатом медицинских наук Ивановым В. К. произведено исследование фрагментов плечевой, локтевой и лучевой костей для определения следов металлизации и механизма образования повреждений.

Исследование производилось визуально и стереомикроскопически (МБС-2, с переменным увеличением).

А. *Плечевая кость, левая.* Кость сухая, лишена мягких тканей, светло-коричневого цвета, без запаха, длиной около 24 см, представлена тремя фрагментами длиной соответственно 8, 9 и 7 см (рис. 4).

Дистальный конец отделен в поперечном направлении ровной линией распила спереди назад. По задней поверхности кости линия распила становится неровной, с зазубринами, сколом кортикальной пластинки. По-видимому, образовалась в результате перелома не полностью распиленной кости.

На передней поверхности кости параллельно линии распила располагается в поперечном к оси кости участок надпила длиной 0,47 см.

На задней поверхности также отмечается надпил костной ткани длиной около 0,2 см. На дне надпила различимы множественные параллельно расположенные валики и бороздки (рис. 5).

Средняя часть плечевой кости в основном отделена в проксимальной части спереди назад ровной линией распила с аналогичным (см. выше) переломом оставшейся не до конца распиленной кости.

Головка плечевой кости на исследование не представлена.

Отделена сзади наперед ровной почти на всем протяжении линией распила.

Б. *Локтевая кость, левая.* Кость сухая, лишена мягких тканей, светло-коричневого цвета, без запаха. Представлена тремя фрагментами (9,5; 4,5 и 12 см), общей длиной 26 см (рис. 4).

Проксимальный фрагмент отделен сзади наперед ровной линией распила с последующим переломом оставшейся не до конца распиленной кости. На расстоянии 8,5 см от локтевого отростка отмечается выкрашивание костного вещества в форме неправильного прямоугольника на участке 0,67×0,83 см.

Линия распила, отделяющая средний фрагмент от дистального, начинается с надпила (глубина 0,24 см) на межкостном гребне, обращенном к аналогичному гребню лучевой кости, и переходит на заднюю поверхность. На передней поверхности кости имеется дефект шириной 1,43, длиной 1,51 и глубиной 0,54 см.

Дистальный конец отделен сверху вниз извилистой зазубренной линией.

Рис. 8. Бронзовая пилка Погр. 6, кург. 5 в могильнике Чографской группы в Арзгирском р-не Ставропольского края

В. *Лучевая кость, левая.* Кость сухая, лишена мягких тканей, светло-коричневого цвета, без запаха. Представлена отдельным фрагментом длиной около 16 см (рис. 4). На расстоянии 9 см от проксимального конца на межкостном гребне, обращенном к аналогичному гребню локтевой кости, имеется дефект костной ткани длиной 1,29, шириной 0,24 и глубиной 0,13 см.

На торцах всех фрагментов костей отмечаются черного цвета вкрапления (микрочастицы), местами с металлическим блеском. Просветы костно-мозговых каналов всех фрагментов костей испачканы землей.

Эмиссионный спектральный анализ.

С целью определения металлизации произведена эмиссионная спектрография фрагментов костной ткани, представленных на экспертизу.

От плечевой кости отпилено хромированной, не бывшей в употреблении пилой два фрагмента костной ткани (весом 2 г, шириной 1 см) (объект № 1 — область повреждения, 1к — контроль).

Объекты помещены в кварцевые тигли и озолены в муфельной печи при температуре 380—420° в течение 4 ч.

После озоления объекты растирались в агатовой ступке до пудрообразного состояния.

Спектральный анализ производили на спектрографе ИСП-30, освещение щели трехлинзовое, ширина щели 0,015 мм, генератор ДГ-2, сила тока 8 а, экспозиция 30 с. Съемка — через трехступенчатый ослабитель. Навеска объекта 30 мг. Пластинки спектральные, тип II, чувствительность 15 ед. ГОСТ. Всего получено 6 спектрограмм.

При качественном и полуколичественном анализе, который проводился по пятибалльной системе, в объектах исследования обнаружено 15 элементов: стронций (407,8 нм), калий (404,4 нм), натрий (330,2 нм), цинк (328,2 нм), кальций (315,9 нм), олово (317,5 нм; 380,1 нм; 286,3 нм; 284,0 нм; 270,7 нм), медь (324,8 нм), свинец (326,2 нм; 283,3 нм), никель (361,9 нм), алюминий (308,2), железо (302,1 нм), марганец (280,1 нм), магний (278,0 нм), фосфор (255,5 нм), кремний (252,4 нм). В контроле (объект № 1 к) не обнаружено олова, свинца, никеля.

В объекте № 1 обнаружены элементы: олово, свинец, никель. Наблюдается также повышенное содержание меди и алюминия по сравнению с контролем.

Заключение

1. Повреждения представленных на исследование длинных трубчатых костей скелета человека причинены острым орудием, обладающим пилящим действием. В местах распила в костной ткани обнаружены следы олова, свинца, меди, никеля и алюминия [9].

[9] Относительно инструмента, которым производилось распиливание человеческих костей и которым были нанесены повреждения на поверхности костных тканей, можно сказать, что им, вероятнее всего, могла быть бронзовая пилка с мелкими зубцами. Аналогичный тип орудия (рис. 8) был обнаружен в погребении 6 кургана 5 в могильнике Чографской группы в Арзгирском районе Ставропольского края в 1977 г. [15, с. 64—65, рис. 126], расположенной в 150 км от могильника у хут. Веселая Роща. Данное погребение представляет собой близкую аналогию погребениям предкавказской культуры второй четверти — середины II тыс. до н. э., т. е. может быть соотнесено по времени с публикуемым погребением. Фотография орудия публикуется с любезного разрешения В. А. Кореняко.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наук. думка, 1976.
2. *Иванов В. К., Пашкова В. И.* К вопросу установления видовой принадлежности костных останков эмиссионным спектральным анализом.— Судебно-медицинская экспертиза, 1974, № 3.
3. *Иванов В. К., Звягин В. Н., Эпельцвейг Г. Я., Белиловская Л. В.* Возможность использования методов автоматической классификации на ЭВМ в судебно-медицинской практике.— Судебно-медицинская экспертиза, 1981, № 4.

4. *Сафронов В. Н.* Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа.— В кн.: Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. Вып. VII. М. Знание, 1974.
5. *Тихонов Б. Г.* Отчет за 1976 г.— Архив ИА АН СССР. р-1, № 7112.
6. *Тихонов Б. Г.* Отчет за 1977 г.— Архив ИА АН СССР. р-1, № 8398.
7. *Романовская М. А.* Отчет за 1978 г.— Архив ИА АН СССР. р-1, № 8713.
8. *Романовская М. А.* Отчет за 1979 г.— Архив ИА АН СССР. р-1, № 8488.
9. *Державин В. Л.* Отчет за 1980 г.— Архив ИА АН СССР. р-1, № 8489.
10. *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962—1963 гг.). Вып. 2. Элиста, 1966.
11. *Токарев С. А.* Ранние формы религии. М.: Наука, 1964.
12. *Чайлд Г.* У истоков европейской цивилизации. М.: Изд-во иностр. лит., 1952.
13. *Свешников И. К.* История населения Предкарпатья, Подолии и Волыни в конце III — начале II тысячелетия до н. э.: Автореф. докт. дис. М.: ИА АН СССР, 1971.
14. *Мерперт Н. Я.* Из древнейшей истории Среднего Поволжья.— МИА, 1958, № 61.
15. *Кореняко В. А.* Отчет за 1977 г.— Архив ИА АН СССР. р-1, № 7223.

A. N. Gennadiev, V. L. Derzhavin, V. K. Ivanov, Y. A. Smirnov

ON A RARE FORM OF THE BURIAL RITE OF THE CIS-CAUCASIAN CULTURE

Summary

In 1980 the Alexandrovsky detachment of the Stavropol expedition of the Institute of Archaeology, USSR AS, excavated a burial mound, 5 m high, near the village of Veselaya Roshcha, on the left bank of the Tomuzlovka River (the Kuma left tributary). A stratigraphic analysis showed that the mound had no later additions, that it was built by stages and associated with the main burial (No. 13). First, an earthern cushion was made, which closed the spoil bank of the main burial and rested on the buried horizon. It, in its turn, served a foundation for two earthern ramparts, later closed by an embankment. The main burial was made in a pit with shoulders and two tiers of wooden floors. The first tier was found at the level of the buried soil, while the second at the level of the shoulders. The burial contained the skeleton of a man 50-odd years old, placed in a contracted position on his left side, and orientated to the south. The long bones of the legs and arms bear traces of sawing, left by a metal fine-toothed implement, the fact being testified by the traces of tin, lead, copper, nickel and aluminium. The grave goods consisted of two vessels, two bronze awls still retaining fragments of their wooden handles, a bronze leaf-shaped knife, a bronze hook, a small decorated bone tube, and a small bone ring. The burial rite and the grave goods relate the burial to the cis-Caucasian catacomb culture and date it between the 17th and 16th centuries B. C.

Я. П. ГЕРШКОВИЧ, В. И. КЛОЧКО, Г. Л. ЕВДОКИМОВ

НОВОКИЕВСКАЯ ЛИТЕЙНАЯ МАСТЕРСКАЯ И ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ САБАТИНОВСКИХ ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Среди многочисленных находок литейных форм эпохи поздней бронзы в Северном Причерноморье лишь небольшая часть происходит из левобережной части Нижнего Поднепровья [1, с. 7—36]. Однако достаточно обратить внимание на присутствие именно здесь, в районе Алешкинских песков, единственных в Северном Причерноморье литейных мастерских [1, с. 25—26], чтобы стало очевидным большое значение этой территории как одного из металлообрабатывающих центров эпохи поздней бронзы. Вопросы, связанные с его деятельностью, невозможно решить без выявления новых поселений со следами металлообработки, но, к сожалению, эти районы и особенно территория в глубине степи в настоящее время наименее изучена в археологическом отношении [2, с. 13].

Поселение, открытое Краснознаменской экспедицией Института археологии АН УССР в 1980 г. у с. Новокиевки Каланчакского р-на Херсонской обл., позволяет положительно ответить на вопрос о наличии и здесь «степных» поселений эпохи поздней бронзы [3, с. 247].

Новокиевское поселение расположено в 20 км к северу от пос. Каланчака, примерно на половине пути от Днепра до побережья Черного моря, на невысокой возвышенности, служившей водоразделом между небольшим подом и балкой, впадающей в совершенно безводное русло одного из правых притоков р. Каланчак. У южной стороны пода располагались несколько курганов эпохи бронзы и скифского времени, а к северо-востоку от них около пяти-шести возвышенностей размерами 30×20 м, высотой до 0,5 м от современной поверхности. Два из них были частично разрушены строительными работами. При обследовании разрушенных участков был обнаружен культурный слой эпохи поздней бронзы, в том числе (на северном возвышении) тальковые литейные формы.

В 1981 г. на поселении начаты раскопки. Были доисследованы разрушенные участки, а на северном раскопе удалось полностью, с поквадратной фиксацией, исследовать площадь в 272 м². На обоих раскопах установлена следующая стратиграфия: пахотный слой толщиной до 0,3 м; культурный слой пепельно-серого цвета толщиной от 0,5 м — в центре, до 0,1 м — по краям; материковый суглинок. За пределами возвышений культурный слой почти полностью отсутствует, что установлено и на основании шурфовки. Площадь поселения составляет около 50 000 м².

В настоящей статье подробнее остановимся на характеристике материала северного раскопа, поскольку именно здесь были найдены литейные формы, а полностью исследованный участок предоставляет информацию о характере сосредоточения находок. Так, установлено, что они концентрируются возле очажных пятен овальной или округлой формы размерами около 0,9×0,6 м, образуя четыре скопления площадью 25—30 м². В каждом из них присутствуют фрагменты и развалы сосудов, куски глиняной обмазки, печины, кости животных. Эти скопления, вероятно, представляют собой остатки наземных легких жилищ, функционировавших одновременно [1].

[1] С учетом размеров возвышения в его пределах могли располагаться до восьми таких жилищ.

Литейные формы обнаружены в пределах частично разрушенного строителями центрального скопления, у очага 1, на глубине 0,4 м от современной поверхности, что, таким образом, соответствует уровню культурного слоя. Это обстоятельство, а также отсутствие каких-либо перекопов, дают возможность считать их закрытым комплексом, надежно связанным с другими находками. Заметим, что при обнаружении литейные формы лежали кучкой; большинство из них (самые крупные) парные и были сложены вместе. Безусловно, в таком состоянии они не могли сохраниться, если бы жизнь на участке и в самом жилище продолжалась. Большинство негативов сработано (см. ниже), невозможность дальнейшего использования, по-видимому, объясняет причину их зарытия. Таков же характер других орудий труда, найденных здесь (каменных пестов, зернотерок, плоских абразивных плиток, тупиков из ребер животных, копыт коней со сточенным внешним краем, муфт).

Исходя из сказанного выше, время зарытия форм является верхней хронологической границей всего северного участка поселения. Таким образом, получена редкая возможность для проверки существующих датировок сабатиновского керамического комплекса, представленного здесь большим разнообразием типов сосудов. Соответственно хронологические рамки последних могли бы определить нижнюю хронологическую границу и время использования литейных форм. Как известно, большинство литейных форм в Северном Причерноморье происходит либо из случайных находок, либо найдены на поселениях, на которых не проводились широкие раскопки. Сабатиновские поселения дают, как правило, собрания литейных форм вне закрытых комплексов.

Коллекция из новокиевской мастерской состоит из трех двусоставных литейных форм (1—3), половины двусоставной литейной формы (4), обломка половины двусоставной формы (6). Они изготовлены из брусков талькового сланца, выходы которого в настоящее время известны в обнажениях у с. Павловка Сурского р-на Днепропетровской обл.[2]

1. Двусоставная односторонняя форма для отливки наконечника копья (рис. 1, *1—3*; рис. 2, *1*). Бруски трапециевидные в сечении, длина — 23, ширина — от 3,6 до 3,4 см снаружи и от 3,6 до 4,3 см внутри, толщина — 2,2 и 2 см. На боковой стороне одного из брусков сетка из прочерченных тонких линий. Негативы вырезаны на широкой плоскости, рядом с ними высверлены четыре парных отверстия для штифтового соединения форм и одно непарное. Литники расположены в нижней части негатива, на втулке. На торце формы у острия копья вырезан небольшой канал для выхода газов и прочерчены риски для совмещения половинок формы. Поверхность негатива гладкая, закопченная. Форма изготовлена из распиленной по длинной оси половины двусоставной формы для отливки наконечника копья (рис. 1, *4, 5*). В средней части втулки, у основания пера, прорезана канавка, служившая направляющей сердечника, обеспечивающего получение симметричных отверстий во втулке для крепления древка копья. Негатив сильно сработан, выщерблен. Верхняя и средняя части уничтожены в процессе изготовления новой литейной формы. Слева от втулки высверлено отверстие для штифта.

2. Двусоставная двусторонняя форма для отливки наконечника копья и кинжала с упором (рис. 2, *2*, *3*; рис. 3, *1—6*). Длина брусков — 19,5, ширина — 5,8, толщина — 2 см. Негативы наконечника копья сильно сработаны и несколько сточены (рис. 3, *1—3*). На плоскостях формы у негатива наконечника высверлено четыре парных отверстия для штифтов и три непарных, оставшихся от старых выработанных и сточенных негативов. На торцах прочерчены риски для совмещения половинок формы. Литники расположены у втулки. На противоположной стороне вырезаны негативы листовидного кинжала с кольцевым упором и прямоугольным в сечении черешком (рис. 3, *4—6*). На плоскостях — четыре парных отверстия для штифтов. Литник расположен у острия кинжала.

[2] Определение кандидата геолого-минералогических наук В. П. Гриценко.

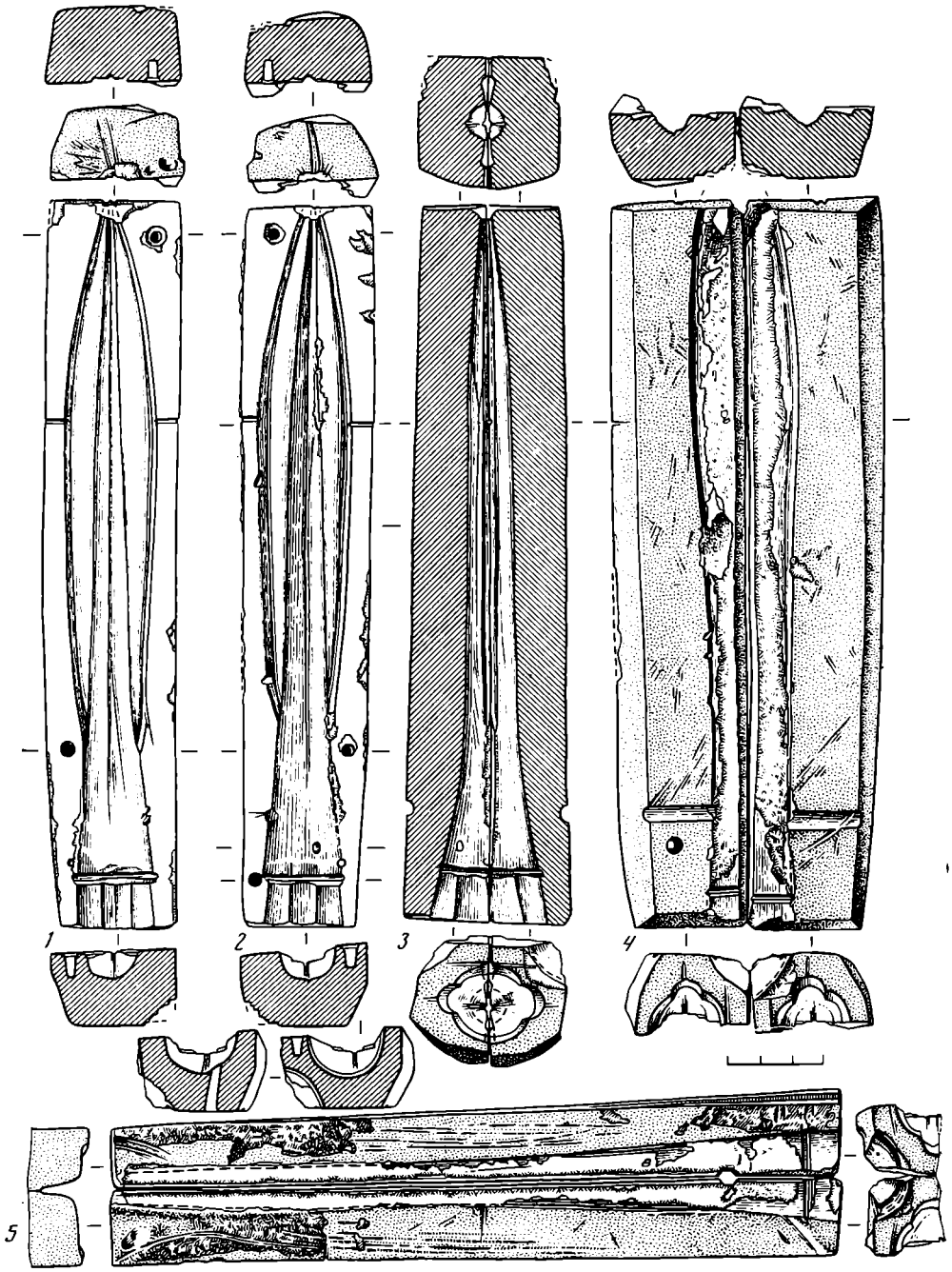


Рис. 1. Литейная форма 1. *1—3* — негативы наконечника копья; *4*, *5* — распиленный негатив копья

у черенка — канал для выхода газов. Поверхность негативов сильно сработана, закопчена, с выщерблинами. Форма изготовлена из распиленной по длинной оси половины двусоставной формы с плохо сохранившимися и сточенными негативами лезвий мечей и кинжалов (рис. 3, *7*, *8*).

3. Двусторонняя двусоставная литейная форма для отливки псалия втульчатого топорика (рис. 4). Длина брусков — 14, ширина — 4, толщина — 2,5 см. Негатив топорика закопченный. На плоскостях высверлено два парных отверстия для штифтов, на торцах прочерчены риски для совмещения половинок литейной формы (рис. 2, *4*; рис. 4, *1*, *6*, 8). Литники расположены со стороны втулки. На одной половинке формы, на втулке, прорезана канавка, предназначенная, вероятно, для крепления

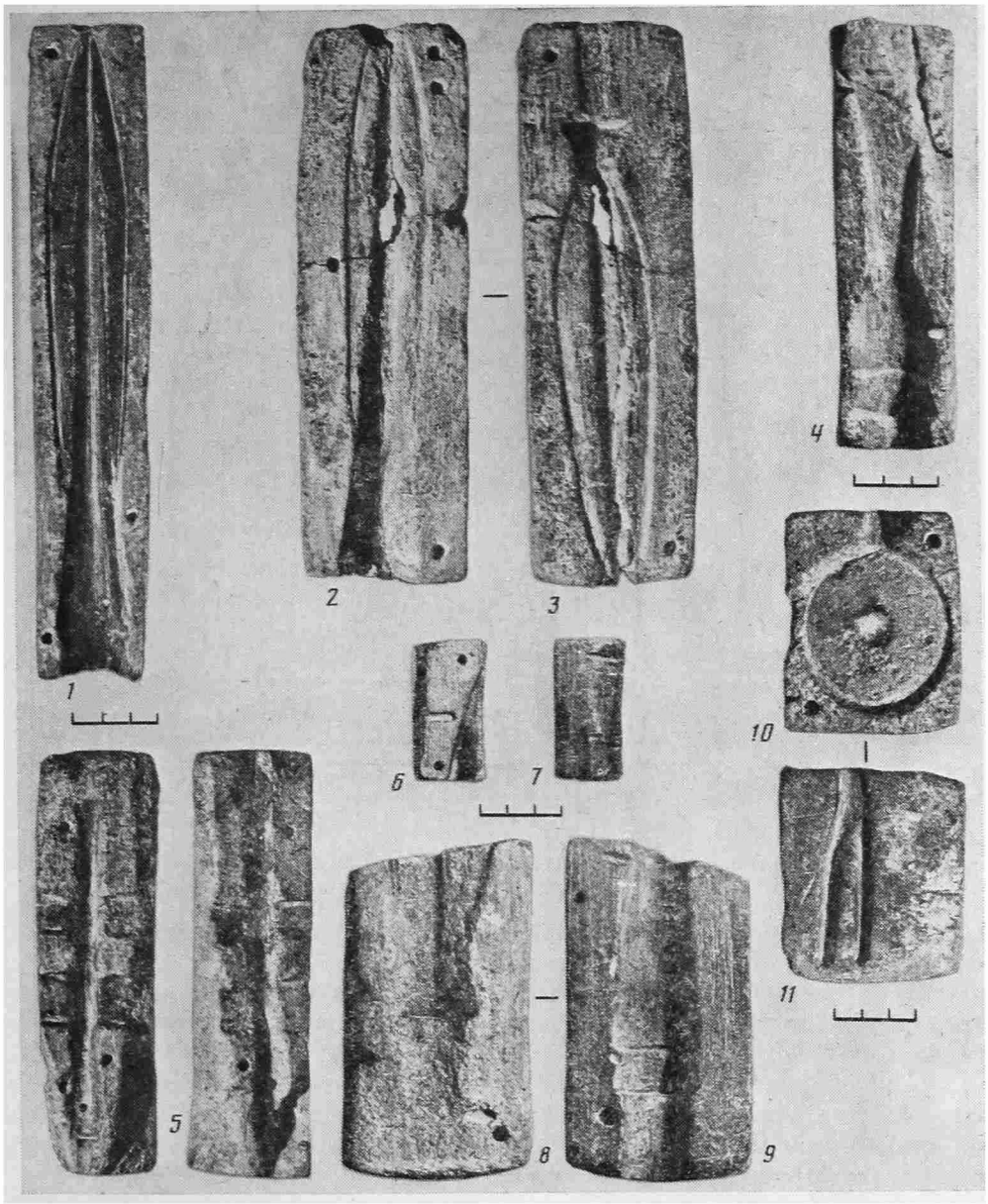


Рис. 2. Фото негативов изделий Новокпевской литейной мастерской

сердечника, с помощью которого можно было получить отверстие для крепления коленчатой рукоятки.

На второй стороне формы вырезан негатив двудырчатого псалия (рис. 2, *5*; рис. 4, *2, 5, 7*). На плоскостях высверлены четыре парных отверстия для штифтов формы псалия, два парных отверстия от старого, сточенного негатива и два парных отверстия для стержня, служившего для получения сквозного отверстия во втулке псалия. Литник расположен у головки, в нижней части вырезан паз для сердечника, служившего для получения втулки; в средней части прорезаны пазы для двух сердечников, предназначенных для получения двух подпрямоугольных отверстий. Негатив сильно сработан и закопчен. Форма изготовлена из распиленной посередине двусторонней двусоставной литейной формы, на одной стороне которой сильно сработанный и выкрошившийся негатив конического, линзовидного в сечении предмета (рис. 4, *3, 4*), на второй — остатки сточенного негатива предмета с кольцевидным упором (кинжала?) (рис. 4, *1, 3, 4, 6*).

4. Половина двусоставной двусторонней формы для отливки дисковидной бляхи со сферическим выступом в центре и вильчатого предмета

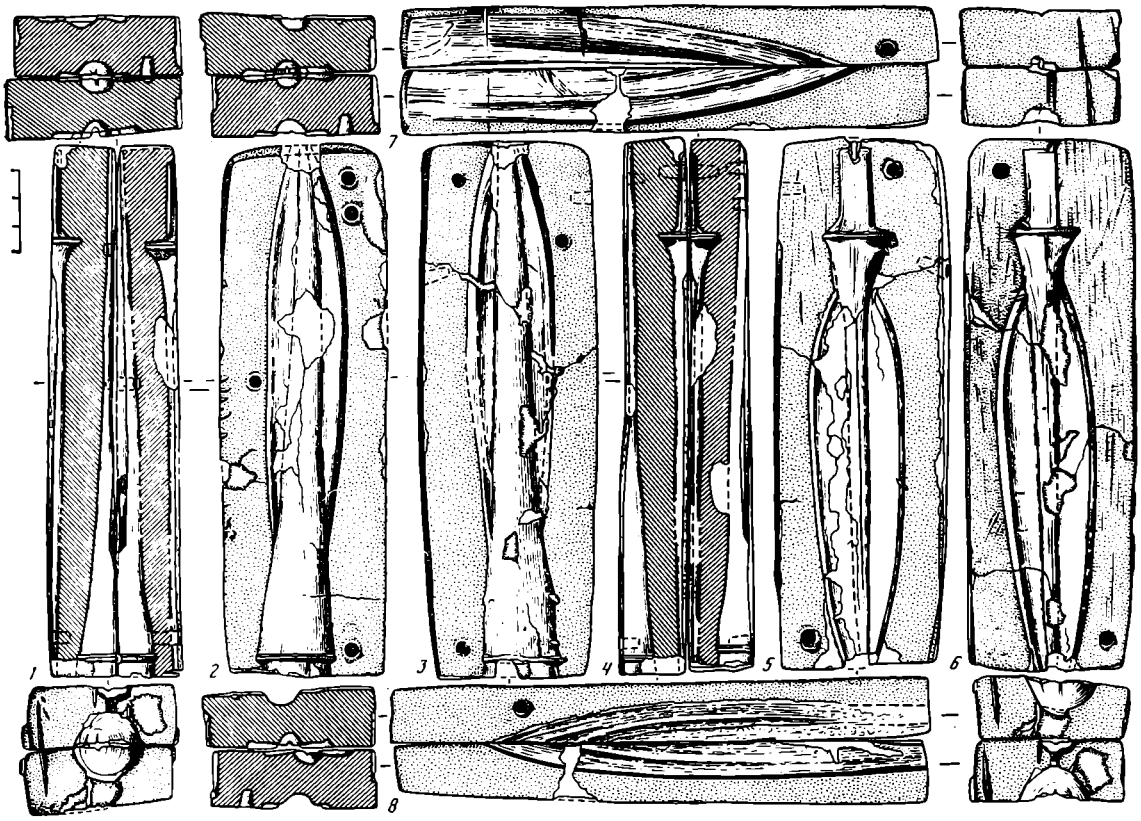


Рис. 3. Литейная форма 2. *1—3* — негативы наконечника копья; *4—6* — негативы кинжала с упором; *7*, *8* — распиленные негативы мечей и кинжалов

(рис. 2, *10, 11*; рис. 5). Брусок прямоугольной формы длиной 7,5, шириной 8, толщиной 2,5 см.

Негатив бляхи вырезан на самой широкой плоскости. Округлый литник и часть негатива повреждены. Вне негатива два отверстия для штифтов.

На противоположной стороне вырезан негатив вильчатого изделия. Отсутствие на этой стороне отверстий для штифтов позволяет предполагать применение крышки. Литник вырезан на основании вилки. Поверхность негатива гладкая, со слабым нагаром (рис. 5, *1*).

На узкой боковой стороне полустертый негатив изделия (подвески?), рядом с ним отверстие для штифта (рис. 5, *2*).

5. Обломок половины двусоставной двусторонней литейной формы для литья кинжала с кольцевым упором и втульчатого орудия (копья с упором на втулке?) (рис. 2, *8, 9*; рис. 6, *1—5*). Брусок прямоугольной формы, длина сохранившейся части — 11,5, ширина — 6,2, толщина — 2,5 см.

Негатив большого кинжала с кольцевым упором сильно сработан, закопчен и местами выкрошился. Слева у черенка высверлено отверстие для штифта. Литник находился, вероятно, на несохранившейся части, у лезвия кинжала (рис. 6, *2*). На противоположной стороне вырезан негатив втульчатого орудия с небольшим плоским упором. На плоскости два отверстия для штифтов, на негативе втулки вырезан паз для сердечника втулки. Литник располагался, очевидно, на несохранившейся части негатива (рис. 6, *4, 5*).

Форма была изготовлена из распиленной по длинной оси половины большой двусторонней формы для отливки крупного черенкового с кольцевидным упором меча или кинжала, на одной стороне и меча или кинжала с широкой плоской «наплывающей» нервюрой — на второй стороне (рис. 5, *1, 3*).

6. Часть трехсоставной формы для сложного предмета (бляшки с ушком?) (рис. 7, *1, 6*). Брусок длиной 5, шириной 2, толщиной 2 см.

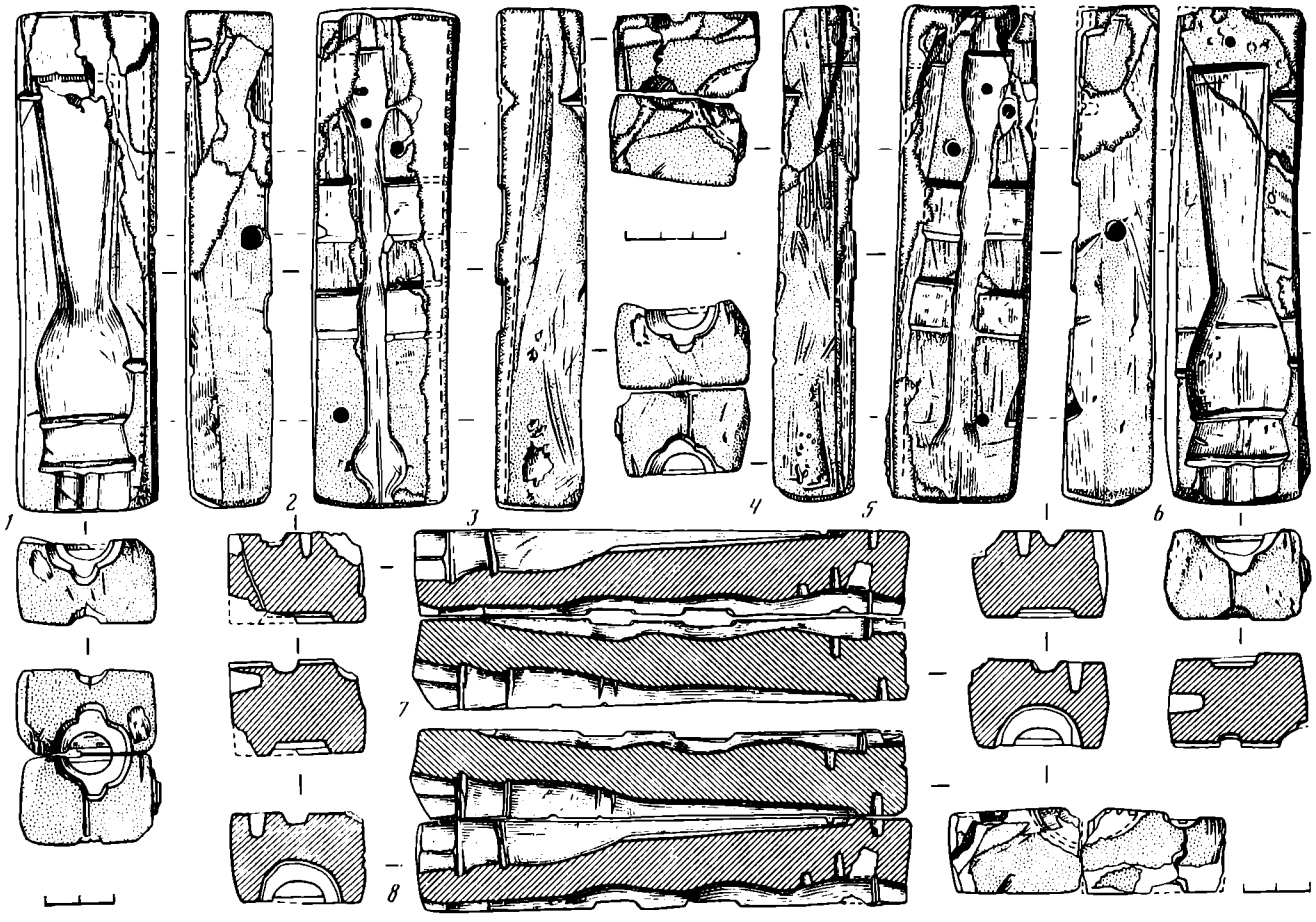


Рис. 4. Литейная форма 3. *1*, *6*, *8* — негативы втульчатого топорика; *2*, *5*, *7* — негативы псалия, *3*, *4* — негатив конического предмета

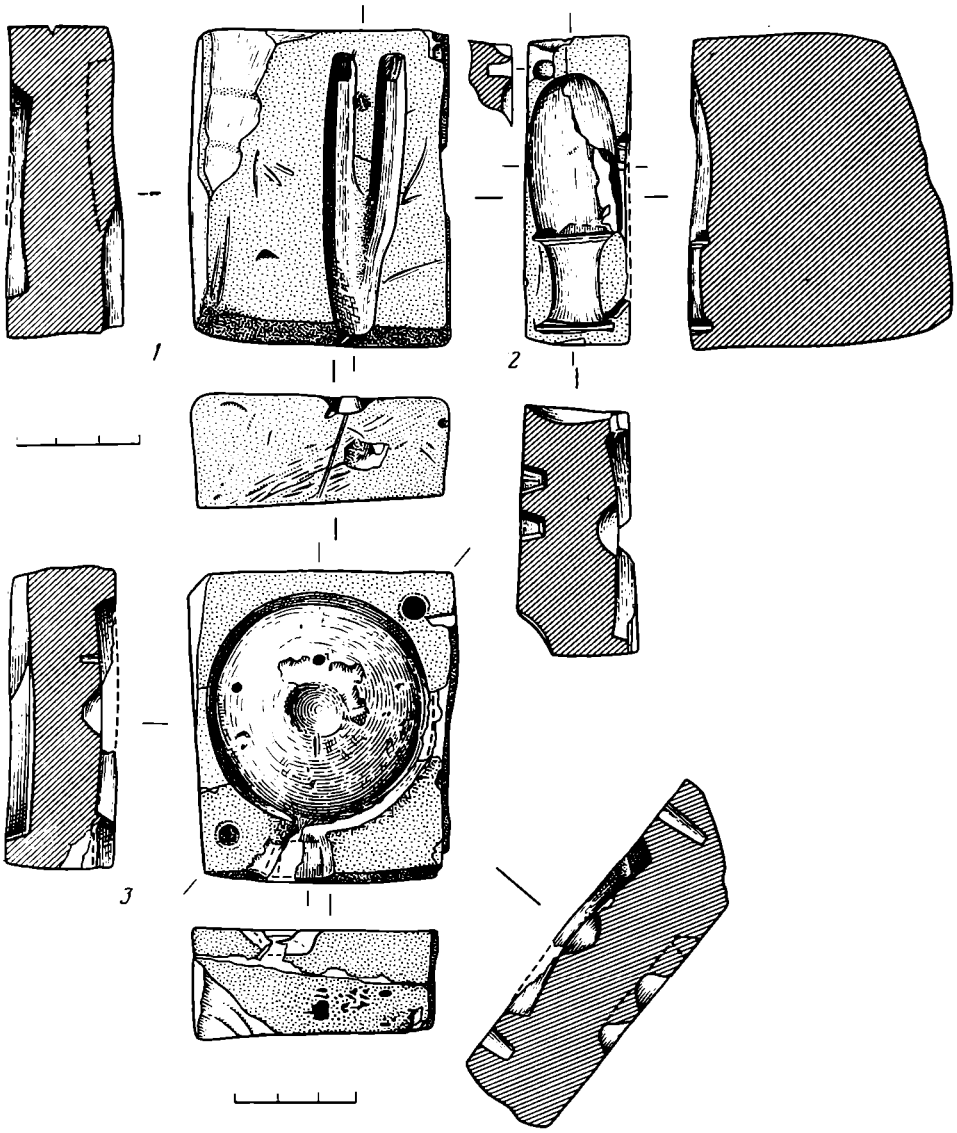


Рис. 5. Литейная форма 4. *1* — негатив вильчатого изделия; *2* — негатив подвески; *3* — негатив бляхи

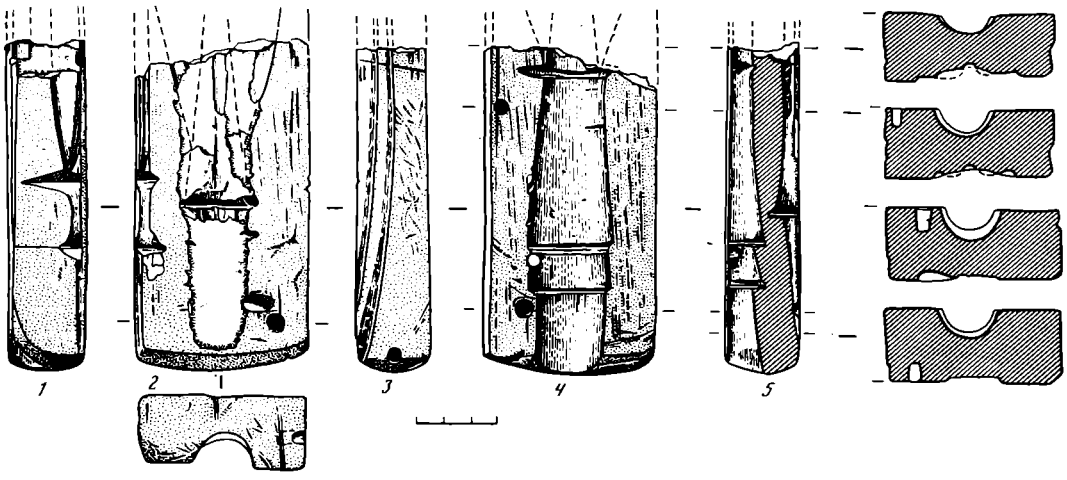


Рис. 6. Литейная форма 5. *1* — распиленный негатив меча или кинжала; *2* — негатив кинжала; *3* — распиленный негатив меча или кинжала; *4*, *5* — негатив втульчатого изделия

Рис. 7. Литейная форма 6. *1* — негатив бляшки; *2* — распиленный негатив копья или кинжала; *3*, *4* — распиленный негатив рукояти меча или кинжала

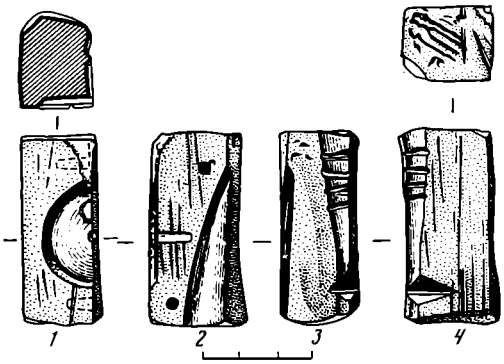


Рис. 7.

Рис. 8. Реконструкция основных изделий I (*1—4*) и II (*7—16*) горизонта негативов Новокиевской литейной мастерской

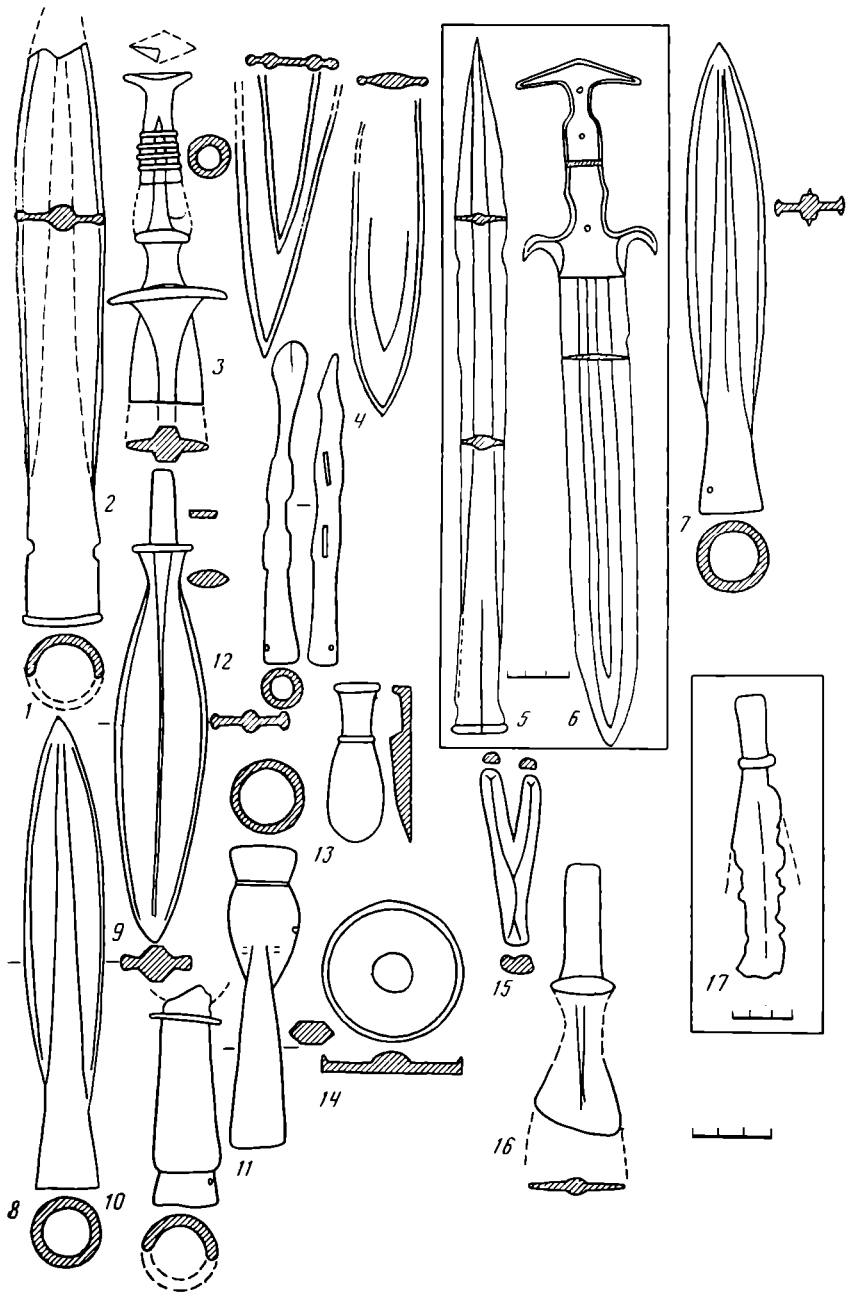


Рис. 8.

На одной стороне вырезан негатив половины дисковидного изделия с литником и каналом для выхода газов с противоположной стороны. Эта сторона формы, вероятно, закрывалась крышкой, на боковой стороне вырезаны паз для стержня и часть ушка и два отверстия для штифтов для третьей части формы. Брусок изготовлен из распиленной по длинной оси двусторонней формы для отливки листовидного лезвия (копья или кинжала) и рукоятки меча или кинжала с ромбической шляпкой и четырьмя орнаментальными валиками в средней части (рис. 2, *6, 7*; рис. 7, *2—4*). Последние две формы не одновременны, наиболее древняя — форма, представленная остатком лезвия.

Таким образом, каменные бруски неоднократно использовались для изготовления литейных форм, причем наиболее новые негативы фиксируют предел их использования. Для определения хронологии мастерской все негативы были разделены нами на два горизонта.

I горизонт — наиболее старые, полустертые и сильно поврежденные негативы. Все они были вырезаны на больших, впоследствии распиленных брусках камня и представляют собой крупные изделия. Нами были реконструированы: наконечник копья с узким пером, валиком на втулке и двумя отверстиями у основания пера для крепления древка копья (рис. 8, *1*); лезвия кинжалов или мечей с нервюрами, повторяющими очертания клинка (рис. 8, *3, 4*) и рукоять крупного кинжала или меча (рис. 8, *2*).

Лезвия кинжалов с нервюрами, повторяющими очертания клинка, в сабатиновском металле не известны. Фрагментарность форм затрудняет поиски прямых аналогий, однако очевидно, что применение таких нервюр характерно лишь для Восточного Средиземноморья первой половины II тыс. до н. э., где они представлены на «гиксосских» кинжалах [4, с. 61, 62, 174, 175]. Наиболее позднее изделие с такими нервюрами — меч из Итаки (рис. 8, *6*), хранящийся в Британском музее, отнесенный Н. Сандарс к позднеэлладским мечам (XV—XIII вв. до н. э.) [5, с. 136—140]. Широкие «наплывающие» нервюры характерны для микенских мечей и наконечников копий [5, с. 117—154], мечей горизонта дунайских бронз Хайду-Шамшан-Апа. Такая же нервюра представлена на кинжале из Бородинского клада [6, табл. VI, *2*, VII, *2*].

Наконечник копья с узким пером, валиком на втулке и двумя отверстиями для крепления древка у основания пера — с одной стороны близок наконечникам дремайловского типа (о них речь пойдет ниже), а с другой стороны — восточно-средиземноморским наконечникам копий позднеэлладского периода, например наконечнику копья из IV новой гробницы у Ялимоса на о. Родос (рис. 8, *5*). В этой гробнице найдена керамика позднеэлладского периода (вторая половина XIV в. до н. э.). Н. Сандарс сомневается в связи керамики и комплекса вооружения (меча и копья), так как гробница использовалась для захоронения неоднократно. Меч из этой гробницы отнесен к типу, датированному Н. Сандерс XV в. до н. э. [5, с. 122, 145, табл. 24, *24, 25*].

Рукоять меча или большого кинжала (рис. 8, *2*) в целом аналогична рукоятям мечей «красномаяцкого» типа, представленных в Красномаяцкой мастерской [7, с. 87—123], Лозовском [8, рис. 4] и Ингульском кладах [9, с. 127—142], однако есть и некоторые различия. Так, навершия у красномаяцких мечей круглое, у новокиевского же ромбическое, ближе стоящее к навершиям мечей горизонта Хайду-Шамшан-Апа. Нервюра новокиевского меча трапециевидная в сечении, как у «микенских» рапир, тогда как у «красномаяцких» мечей она овальная или треугольная в сечении.

Фрагментарность негативов затрудняет поиски прямых аналогий для форм первого горизонта и их хронологического определения, однако важно, что в них нет проявлений восточных, «сейминских» традиций. Полученные же непрямые аналогии указывают на связи с Восточным Средиземноморьем.

II горизонт представляют следующие предметы: наконечник копья (дремайловский тип) с узким листовидным пером, короткой воронковид-

ной втулкой с одним отверстием для крепления древка и высокой ромбической в сечении нервюрой (рис. 8, *7*), наконечник копья (дремайловский тип) с узким листовидным пером, короткой воронковидной втулкой и круглой в сечении нервюрой (рис. 8, *8*); кинжал с кольцевидным, овальным в сечении упором, листовидным лезвием и прямоугольным в сечении черешком (рис. 8, *9*); псалий (рис. 8, *12*); часть втульчатого орудия с упором (втулка с уступом) (рис. 8, *10*); втульчатый топорик (втулка с уступом и одним отверстием для крепления коленчатой рукоятки, лезвие несколько скошено, тело топорика шестигранное в сечении, на одной из сторон втулки две орнаментальные линии) (рис. 8, *11*); вильчатое орудие или заготовка для предмета неясного назначения (рис. 8, *15*); круглая бляха с валиком по краю и куполообразным выступом в центре (рис. 8, *14*); подвеска (?) (рис. 8, *13*); кинжал с кольцевым упором и широким плоским черешком (рис. 8, *16*). Аналогичный кинжал (рис. 8, *17*) найден в погр. 43 могильника Питроса Мича культуры Монтеору (погребенный лежал скорченно на левом боку, головой на северо-северо-восток, руки согнуты в локтях, кистями к лицу, кинжал найден недалеко от бедер. А. Оанче отнес это погребение на основании горизонтальной стратиграфии ко второму горизонту могильника, для которого характерно появление трупосожжений, более значительная степень скорченности погребенных, появление могил с металлическим инвентарем (воинов) [10, с. 131—191, рис. 17, *12*]. Им же установлена синхронизация II горизонта могильника с III фазой культуры Тей и Вырбичоара, II фазой Гырла-Маре и Витенберг, началом культур сабатиновской и Кослоджени, что соответствует (согласно его датировке) второй половине XV — второй половине XIV в. до н. э. [10, с. 183]. Приведенная синхронизация А. Оанче представляется в целом убедительной, поскольку именно в начале культуры Кослоджени (по С. Моринцу и Н. Ангелеску) присутствуют элементы культуры Монтеору IIа и IIб, III и IV фаз культуры Тей [11, с. 415 и др.].

Наконечники копий, аналогичные новокиевским из Нижнего Поднепровья, О. А. Кривцова-Гракова определила как более ранние, чем «красномаяцкие» [12, с. 144]. Единственный комплекс с аналогичным наконечником копья, известный в настоящее время,— это Дремайловский клад, вызвавший значительные затруднения при датировке у А. М. Лескова, опубликовавшего его [13, с. 91, 92]. Нам представляется, что наблюдение О. А. Кривцовой-Граковой о большей древности «дремайловских» наконечников копий по сравнению с «красномаяцкими» остается в силе. Дата же «красномаяцких» наконечников копий должна основываться на материалах клада Красна в Трансильвании, где такой наконечник найден с кельтом трансильванского типа, не позволяющим датировать его позднее XIII в. до н. э. [14, табл. 134, *1—4*].

Для определения даты псалия важно отметить, что в готовом виде он представлял собой округлый в сечении стержень с двумя большими сквозными отверстиями в средней части. Вверху — округлая уплощенная головка с вертикальным валиком, а в основании — втулка с маленьким поперечным отверстием (рис. 8, *12*). Следовательно, конструктивно и морфологически его можно сопоставить с роговыми двудырчатыми псалиями типа Тосег и Бориш [15, с. 74—80, 95—97] [3]. Отличие последних друг от друга заключается в своеобразном оформлении окончаний: если на псалиях типа Тосег они горизонтально срезаны, а внутренняя часть удалена до маленького поперечного отверстия, то у псалиев типа Бориш в основании имеются фигурные выступы-«кулачки», а вверху — головки различной формы, в том числе плоские, как на но-

[3] Изогнутые двудырчатые псалии некоторые исследователи, в отличии от А. Можолич, считают не отдельным типом (Ватина), а разновидностью псалиев типа Тосег [16, с. 163]. Однако очевидно, что по характеру оформления окончаний они ближе к типу Бориш [15, рис. 16, 17]. Выделяемые же Г. Хюттелем псалии типа Спиш ни по системе расположения отверстий, ни по оформлению окончаний также не отличаются от псалиев типа Бориш [17, с. 22, 23, рис. 3, *2*, *4,а*].

вокиевском псалии [15, рис. 36]. Исходя из этого, круг аналогий рассматриваемому изделию должен быть ограничен псалиями типа Борияш. Заметим, что во втулку новокиевскому псалию могло вставляться фигурное окончание, которое в силу технических причин (сложность отливки в одной форме) изготовлялось отдельно.

Как известно, при датировке псалиев типа Борияш традиционно привлекаются выводы А. Можолич, предполагавшей их более поздний возраст по сравнению с псалиями типа Тосег, Фюзешабонь и дисковидными [15, с. 97]. Позже находка на поселении культуры Тей под Бухарестом [18, табл. XV, *88*] позволила несколько удревнить тип до конца периода В III, хотя основная масса все же была отнесена к периоду В IV — В V [19, с. 132]. Некоторые исследователи выступили против такого удревнения, поскольку в то время отсутствовали какие-либо сведения об обстоятельствах находки, а сходству в элементах орнаментации псалиев типа Тосег и Борияш, на что также обращала внимание А. Можолич, не придавалось большого значения [20, с. 107].

Новые находки дают возможность подходить более определенно к решению этого вопроса. Так, В. Леаху установил, что псалий из Бухареста сопровождался керамикой II—IV фазы культуры Тей [21, с. 85, 86]. Фрагменты и целые экземпляры происходят из Монтеору Ia [22, рис. 55, *9*]; слоя Д Тосега (BA_2—BA_3 — по П. Рейнеке, BIIIa — по А. Можолич, РДIII—СДII — по В. Хенселю) [23, табл. 38, 39, с. 96]; из поселения мадьяровской культуры в Нитрянском Градке (BA_2) [24, табл. CXXXV, *23*] и укрепленного поселения культуры Отомань-Спишски Шверток [17, рис. 3, *2*]. При этом в Нитрянском Градке двудырчатый стержневидный псалий с фигурным окончанием найден в одном слое с псалием типа Тосег [24, табл. CXXXV, *10*]. Таким образом, в настоящее время существует ряд надежных привязок, указывающих на сосуществование псалиев типа Тосег и Борияш еще в XVI—XV вв. до н. э., что вполне согласуется и с орнаментацией некоторых экземпляров как тех, так и других в «микенском» стиле.

Конечно, нельзя исключить возможность длительного существования псалиев с фигурными окончаниями. Однако обращает на себя внимание и то, что по форме головки новокиевский псалий ближе всего к тем экземплярам, которые еще А. Можолич считала наиболее древними в этом типе [15, рис. 36; 19, с. 132], а это указывает на дату новокиевского псалия значительно более раннюю, чем предполагаемая верхняя хронологическая граница псалиев типа Борияш в целом.

Первые бронзовые псалии в Центральной Европе, появление которых относят к XIII—XII вв. до н. э., как правило, однодырчатые [14, табл. 87, *8*; 25, рис. 7], а двудырчатые псалии — сложной конфигурации и уже не имеют втулок [25, рис. 4, *1, 4*]. Все сказанное указывает на дату новокиевского псалия в пределах XIV в. до н. э., поскольку XVI—XV вв. до н. э.— время существования их непосредственных прототипов, а XIII в. до н. э.— время существования металлических псалиев более совершенной конструкции. Косвенно такая датировка подтверждается и установленными датами других негативов новокиевской мастерской, ни один из которых не имеет надежных привязок в кладах XIII в. до н. э. соседних с Северным Причерноморьем западных территорий.

На основании вышеизложенного время функционирования литейных форм новокиевского поселения определяется в пределах XV—XIV вв. до н. э. Верхняя граница существования поселения и время функционирования мастерской определяется в пределах XIV в. до н. э.

Сравнение керамики рассматриваемого участка Новокиевского поселения с коллекциями других сабатиновских памятников затруднено отсутствием общепринятой системы классификации. Наиболее полно вопросы, связанные с этой проблемой, рассмотрены А. М. Лесковым и Д. В. Деопиком [26, с. 16—31; 27], И. Т. Черняковым [28, с. 101—116] и И. Н. Шарафутдиновой [2, с. 86—103]. А. М. Лесков на основании изучения керамических коллекций Пересадовки, Ушкалки, Кирово, Змеевки, Анатольевки, Белозерки, Бабино IV считает, что для установ-

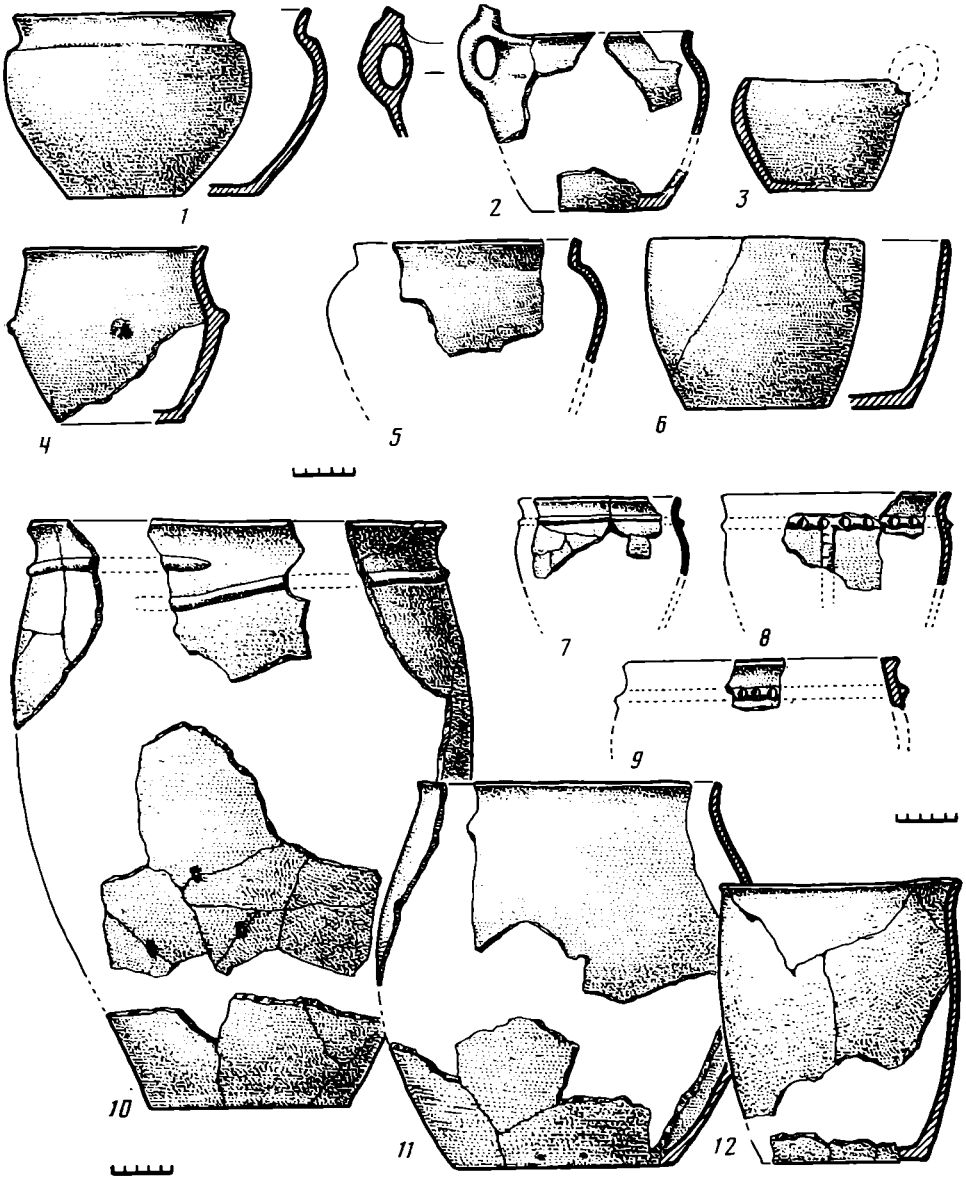


Рис. 9. Сосуды столового (*1—4*) и кухонного (*5—12*) назначения с северного участка Новокиевского поселения

ления относительной хронологии памятника показательны пять типов кухонной посуды и два типа лощеной [29, с. 27]. И. Н. Шарафутдинова и И. Т. Черняков для наиболее ранних памятников считают показательным наличие черт керамических традиций культуры многоваликовой керамики, справедливо полагая участие этой культуры в сложении сабатиновской [28, с. 114; 30, с. 34]. Для более поздних памятников характерно увеличение количества сковород, лощеной тонкостенной посуды иных форм [2, с. 105]. И. Т. Черняков полагает, что в раннесабатиновских комплексах нет валиков с опущенными вниз концами, ручки черпаков имеют гребешковидные выступы, а в позднесабатиновских комплексах — пуговичные [28, с. 115, 116].

Исходя из этих представлений, рассмотрим керамическую коллекцию северного участка Новокиевского поселения. По своему назначению здесь выделяются три основные категории посуды: кухонная, столовая и хозяйственная.

Наиболее представительная по количеству — кухонная посуда (80%). В нее входят, как правило, сосуды с грубой поверхностью, но иногда она тщательно заглажена. Преобладают сосуды с поверхностью бурого цвета, нередко с черными пятнами нагара как внутри, так и снаружи.

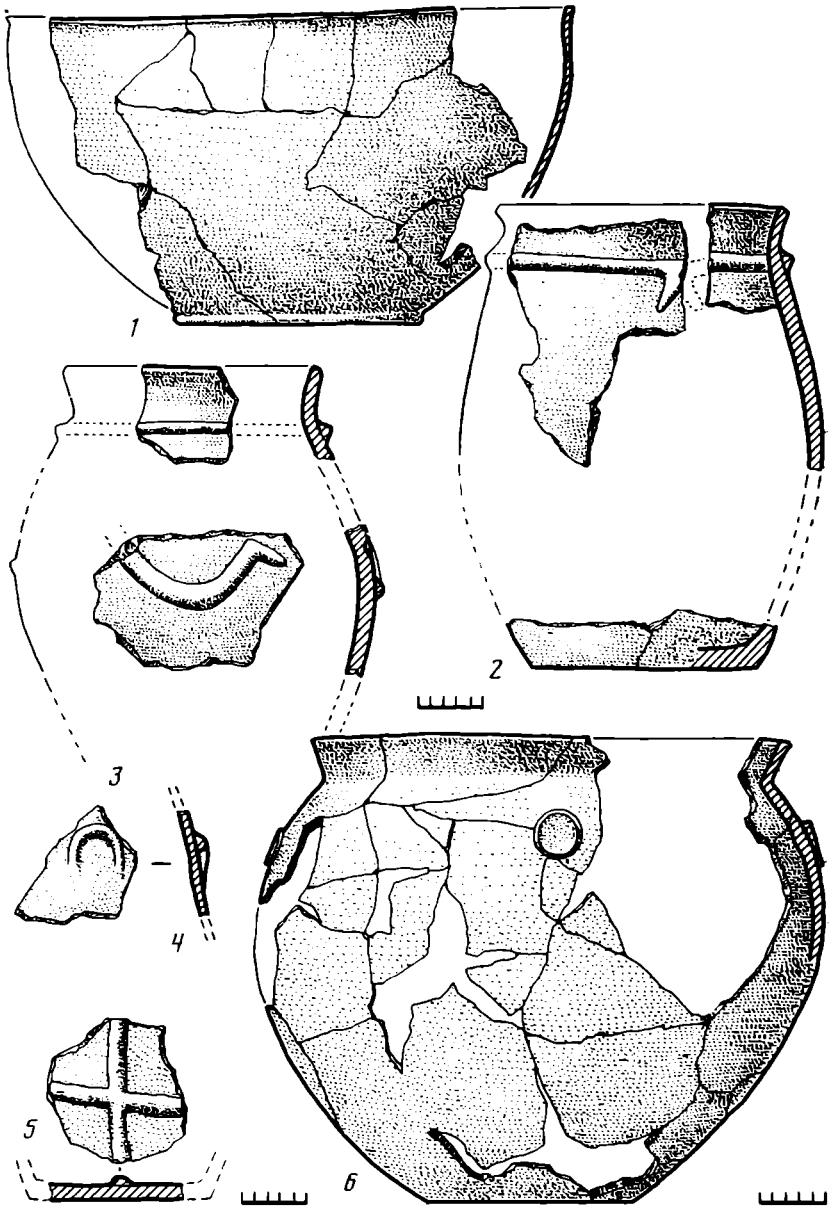


Рис. 10. Сосуды хозяйственного назначения с северного участка Новокиевского поселения

Значительно реже встречаются сосуды с поверхностью охристого цвета. Самый многочисленный тип этой посуды — горшки с налепными валиками, в том числе с валиками с опущенными вниз концами — 48% (рис. 9, *7—10*). Валик гладкий или подтреугольный в сечении, дополнительно иногда украшался пальцевыми вдавлениями, косыми насечками, имеются экземпляры с двумя валиками. Другой тип — горшки без валиков двух вариантов: сильно профилированные — 22% (рис. 9, *11*) и слабо профилированные с маленьким венчиком — 11% (рис. 9, *12*). Встречен один фрагмент сосуда с шаровидной верхней частью и с прямой шейкой (рис. 9, *5*). Очень мало баночных форм — сосуды без шейки и без отогнутого наружу венчика — 2% (рис. 9, *6*). Один фрагмент принадлежит конусовидной банке.

Столовой посуды около 14%. В ее составе различного рода сосуды с ручками — черпаки — 6,7% (рис. 9, *2, 3*). Ручки в основном овальные в сечении, есть экземпляры с гребешковидными и пуговичными выступами. Черпаки не подвергались лощению, но поверхность их тщательно заглажена, охристого цвета, без нагара. 5,4% — чаши со сферическим туловом, с уступом у перехода в четко выраженную шейку

(рис. 9, *1*). Их отличает хорошее качество лощения, темный (до черного) цвет поверхности, хотя есть поверхности и охристых оттенков. Меньше всего среди столовой посуды кубков (1,4%) — это сосуды сравнительно небольших размеров с тщательно обработанной поверхностью, с различными выступами — налепами по бокам (рис. 9, *4*).

Наименее многочисленная группа (6%) — сосуды хозяйственного назначения. Среди них — корчаги (3,6%), сосуды со сферическим туловом, максимальный диаметр которого приходится на середину высоты, шейка стянута, хорошо выделена (рис. 10, *2, 3*). Они отличаются от обычных горшков тем, что диаметр их венчика, как правило, меньше диаметра дна, а поверхность подлощена. Некоторые экземпляры украшены налепными валиками с отростками (рис. 10, *2*), своеобразными налепными «букраниевидными» знаками (рис. 10, *3*), «подковками» (рис. 10, *4*), на днище одного из таких сосудов помещены взаимопересекающиеся налепные валики (рис. 10, *5*). В единичных экземплярах представлены больших размеров миска полусферической формы с хорошо лощенной серой поверхностью (рис. 10, *1*) и сосуд с шаровидным туловом с шайбовидными плоскими налепами по бокам, охристого цвета с темными пятнами от обжига, также лощенный (рис. 10, *6*). Необходимо отметить, что сосуды хозяйственного назначения отличаются большими размерами, а следовательно, труднее всего поддаются реконструкции и часть из них невозможно учесть при подсчетах.

Анализ приведенных выше данных не позволяет отнести Новокиевское поселение к числу раннесабатиновских памятников. Так, в Вовнигах, по подсчетам И. Н. Шарафутдиновой, сосудов с валиком у венчика почти вдвое больше (72%) [2, с. 105]. В новокиевской коллекции мы не можем выделить формы, явно связанные с многоваликовыми: здесь преобладает в орнаментации одинарный валик, нет высоких остроребериых форм. С другой стороны, устанавливается устойчивая связь с сабатиновскими поселениями развитого и позднего этапов. Например, по процентному соотношению сосудов с налепными валиками (банки третьего и переходного типа, горшки первого типа, по классификации А. М. Лескова) наиболее близкими к Новокиевке оказываются Кирово (нижний слой) — 44,5%; Анатольевка (раскоп 1958 г.) — 51,9%; Ушкалка (нижний слой) — 53,7%; Кирово (переходной слой) — 58,5% [4]. По процентному соотношению сосудов без шейки (банки первого типа, по А. М. Лескову) наибольшую близость обнаруживает Бабино IV — 1,1%, Анатольевка (раскопы 1957, 1959 гг.) — 3,2%. Если на рассматриваемом участке Новокиевского поселения кубков и чаш с уступом 6,8% (лощеные сосуды типа $^1/_4$, по А. М. Лескову), то в Кирово (верхний слой) их 7%, столько же в Змеевке II, а в Ушкалке (нижний слой) — 5,1%.

Весьма ярки в керамике Новокиевского поселения элементы культуры Ноа, которые помимо наличия горшков с налепными валиками проявляются в наличии сосуда с шаровидной верхней частью с прямой шейкой, черпаков, отсутствии орнаментации в виде зубчатого и веревочного штампа. Следует также отметить сходство корчаг Новокиевского поселения (рис. 10, *2, 3*) с сосудами культуры Колоджени Румынии [11, рис. 8]. Крестообразные налепы из валиков или такие же прочерченные знаки на днищах сосудов (рис. 10, *5*) встречены на позднесабатиновских поселениях Северного Причерноморья — Вершина (Ильинка), Балка Демская, Зализничное, Заречное II [28, с. 108; 31, с. 113, рис. 2, *20*].

Нередкими на Новокиевском поселении оказались находки глиняных фигурок животных и «хлебцов», известных также по материалам Гиндешт [32, с. 20—22], Кирово [26, рис. 22, *3, 5, 6*], Ушкалки и Чикаловки [2, с. 104—105]. На культурную и хронологическую связь с этим

[4] Цифры взяты по сводной таблице, помещенной в работе А. М. Лескова [29, с. 28]. Используя эти данные, нельзя не учитывать того, что внутреннее членение некоторых из рассматриваемых А. М. Лесковым памятников на разновременные комплексы или участки (без вертикальной или прямой стратиграфии) в дальнейшем может быть пересмотрено.

же кругом памятников указывают найденные на Новокиевском поселении бронзовая булавка с кольцевой головкой, имеющая аналогии в Солонецком комплексе, Кирово, Анатольевке, Змеевке, на поселениях культуры Ноа (Слободе-Ширеуцы, Гиндешти, Магале) [33, с. 128, 129], а также булавка с посоховидной головкой с аналогиями в том же Солонецком комплексе, сабатиновских поселениях Ушкалке, Анатольевке, В. Тарасовке, ноических — Гиндешти, Островце [33, с. 126, 127]. Все сказанное выше позволяет рассматривать Новокиевское поселение в рамках развитого этапа сабатиновской культуры, синхронного культуре Ноа.

А. И. Тереножкин не исключал, что начало сабатиновского этапа срубной культуры восходит к XIV в. до н. э. [34, с. 69]. А. М. Лесков, отмечая условность своей хронологической схемы, принимал во внимание даты, предложенные А. И. Тереножкиным [35, с. 145], но тем не менее не опускал дату сабатиновки ниже XIII в. до н. э. [29, с. 46, 47]. Н. Н. Чередниченко и В. В. Отрощенко старшую сабатиновскую ступень датируют XIV—XIII вв. до н. э. [36, с. 13—16; 37, с. 17]. И. Н. Шарафутдинова предсабатиновские памятники типа Вовниг помещает в пределах конца XV—XIV в. до н. э. и синхронизирует их с ранним этапом (или этапом формирования) культуры Ноа — XIV—XIII вв. до н. э. [2, с. 152]. Следовательно, Новокиевское поселение с учетом таких хронологических построений должно быть датировано не XIV в. до н. э., как вытекает из анализа негативов литейных форм, а по крайней мере XIII в. до н. э., так как не является раннесабатиновским памятником. Однако, как указывалось выше, обстоятельства находки литейных форм таковы, что время функционирования негативов II горизонта (XIV в. до н. э.) есть верхняя хронологическая граница северного участка поселения, а следовательно, и представленной на нем керамической коллекции и других находок.

Чем объяснить столь значительный разрыв между традиционной хронологией и датировкой конкретного сабатиновского поселения?

Для ответа на этот вопрос необходимо иметь в виду, что все существующие хронологические системы эпохи бронзы основаны на горизонтах европейских кладов (П. Рейнеке, А. Можолич, В. Хенсель, М. Петреску-Дымбовица и др.). В этих системах XIII в. до н. э. является своеобразным хронологическим репером (точкой отсчета) появления в Трансильвании новых форм металлических изделий, в частности кельтов. Хронологические же наблюдения по конкретным археологическим культурам приводят к иным выводам.

Так, некоторые румынские исследователи устанавливают определенный вклад сабатиновской культуры, наряду с Монтеору и Тей, в формирование культуры Кослоджени, датируемой XIV—XIII вв. до н. э. [11, с. 412, 413]. Во второй половине XV — второй половине XIV в. до н. э. углубился процесс сокращения ареала культуры Монтеору, появляются укрепленные городища, резко увеличивается количество металлических вещей восточного происхождения [10, с. 183, 184]. Как видим, в Подунавье элементы восточного происхождения (сабатиновские) проявляются еще в XIV в. до н. э. Таким образом, складывается парадоксальная ситуация, а именно: сабатиновские признаки проявляются на других территориях (если принять во внимание существующие даты для ее этапов) в то время, когда еще их не существует или только начинается их формирование в Северном Причерноморье.

Сейчас сабатиновская культура [30] признается все большим количеством исследователей [38, с. 112, 113; 39, с. 7]. Однако дата — XIII в. до н. э. (полученная по горизонтам европейских кладов, а не культур) переносится на соответствующие памятники механически. Но ведь совершенно очевидно, что при таком рассмотрении возникает необходимость создания для этой культуры самостоятельной хронологической шкалы. По отношению же к раннесрубной культуре (XV—XIV вв. до н. э.) возможно сосуществование, а не более поздний возраст. Последнее хорошо согласуется с установленным фактом отсутствия в Под-

непровье и в целом в Северном Причерноморье раннесрубных поселений. Появление керамики, украшенной налепными валиками, в материковой Греции (Кораку, Асину и др.) и в Трое периодов VIIa—VIIв лишь в конце XIII — начале XII в. до н. э. [40, с. 585; 41, с. 192] также подтверждением датировки раннего этапа сабатиновской культуры XIII в. до н. э. служить не может, поскольку совершенно не выяснены истинные масштабы этого явления, а если подобная керамика и действительно связана происхождением с культурным кругом Кослоджени-Ноа-Сабатиновка, то совершенно не исключена возможность продвижения ее носителей в Эгеиду и Переднюю Азию на этапе распада этой общности. Во всяком случае эти находки не определяют нижнюю дату этих культур.

В то же время датировка развитого этапа сабатиновской культуры XIV в. до н. э. может подтверждаться удревнением начала позднего бронзового века, предпринятым Е. Н. Черныхом на обширных материалах Балкано-Карпатской зоны Европейской металлургической провинции [42, с. 257—261], и распространением таких датировок на памятники позднего бронзового века Северного Причерноморья [43, с. 25]. Важно также отметить, что самые ранние сабатиновские памятники содержат элементы культуры многоваликовой керамики, хронологический диапазон существования которой определяется в пределах конца XVII — начала XV в. до н. э. [44, с. 26, 63].

Построение новой хронологической шкалы для сабатиновской культуры — дело специального исследования. Оно должно осуществляться постепенно и на более широком материале. Мы ограничились указанием на явные противоречия в существующих хронологических построениях по Северному Причерноморью. По нашему мнению, они нуждаются в усовершенствовании и существенном уточнении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bočkarew V. S., Leskow A. M.* Jung-und Spatbronzezeitliche Gussformen im nordlichen Schwarzmeergebiet.— PB, Ab. XIX, B. 1. München, 1980.
2. *Шарафутдинова И. Н.* Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев: Наук. думка, 1982.
3. *Евдокимов Г. Л.* Работы Краснознаменской экспедиции.— АО—1980. М., 1981.
4. *Yadin Y.* The Art of Warfare in Biblical Lands in the Light of Archaeological Discovery. L., 1963.
5. *Sandars N. K.* Later Aegean Bronze Swords.— AJA, 1963, № 67.
6. *Кривцова-Гракова О. А.* Бессарабский клад.— Тр. ГИМ, 1949, вып. 1.
7. *Черняков И. Т.* Красномаяцкий клад литейщика.— КСОГАМ — 1963. Одесса, 1965.
8. *Дергачев В. А.* Бронзовые предметы XIII—VIII вв. до н. э. из Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев: Штиинца, 1975.
9. *Сымонович Э. А.* Ингульский клад.— СА, 1966, № 1.
10. *Oancea A.* Consideration sur l'etape finale de la culture de Monteoru.— Dacia, N. S., 1981, t. XXV.
11. *Morintz S., Angelescu N.* O Nouâ culturâ à epocii bronzului in Romînia de tip Coslodgeni.— SCIV, 1970, t. 21, № 3.
12. *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, 1955, № 46.
13. *Leskow A. M.* Jung-und spätbronzezeitliche Depotfunde im nördliche Schwarzmeergebiet.— PB. Ab. XX, B. 5. München, 1981.
14. *Petresku-Dimboviţa M.* Depozitele de Bronzuri din Romînia.— BA, 1977, t. XXX.
15. *Mozsolics A.* Mors en bois de cerf sur le territoire du bassin des Carpathes.— AAH, 1953, t. III.
16. *Kovács T.* Prehistoric Horse-Bits of the Antler Found in the Carpathian Basin Resently.— Alba Regia, 1969, v. X.
17. *Hüttel H. G.* Zur westlichen Komponente des Shang-und frühen Chou-Zeit.— In: Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. B. 1. München, 1979.
18. *Rosseti D.* Civilization tip Bucuresti. Bucuresti, 1936.
19. *Mozsolics A.* Die Herkunfsrage der ältesten Hirschgeweihtrensen.— AAH, 1960, t. 12.
20. *Смирнова Г. И.* Псалии типа Борияш в культуре Ноа.— КСИА. 1970, вып. 123.
21. *Leahu V.* Cultura Tei.— In: Muzeul de Istoril a Orasului. Bucuresti, 1966.
22. *Morintz S.* Contributii arheologice la istorie Tracilor Timpurii.— BA, 1978, t. XXXIV.
23. *Schalk E.* Die Frühbronzezeitliche tellsiedlung bei Toszeg, Ostungarn, mit fundamaterial aus der sammlung Groningen (Niederlande) und Cambridge (Grosbritannien).— Dacia, N. S., 1971, t. XXV.
24. *Točik A.* Nitransky Hrádok-Zámeček. Nitra, 1978.

25. *Kytlicová O.* Hromandý náles bronzu od Starégo Sedla (okres Milensko).— PA, 1955, č. 1, r. XLVI.
26. *Лесков А. М.* Кировское поселение.— В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев: Наук. думка, 1970.
27. *Деопик Д. В.* Классификация и статистический анализ керамического комплекса поселения у с. Кирово.— В кн.: Древности Восточного Крыма. Наук. думка, 1970.
28. *Черняков И. Т.* Племена Северо-Западного Причерноморья в позднем бронзовом веке (вторая половина II тыс. до н. э.) Канд. дис. ИА АН УССР, 1975.— Архив ИА АН УССР, № 555.
29. *Лесков А. М.* Заключительный этап бронзового века на юге Украины. Автореф. докт. дис. М.: ИА АН СССР, 1975.
30. *Шарафутдинова И. Н.* К вопросу о сабатиновской культуре.— СА, 1968, № 3.
31. *Тощев Г. Н., Фокеев М. М.* Новые памятники эпохи поздней бронзы в Татарбунарском районе Одесской области.— В кн.: Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1982.
32. *Мелюкова А. И.* Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии.— МИА, 1961, № 96.
33. *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976.
34. *Тереножкин А. И.* Основы хронологии предскифского периода.— СА, 1965, № 1.
35. *Лесков А. М.* О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы.— В кн.: Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев: Наук. думка. 1967.
36. *Чередніченко М. М.* Хронологія зрубної культури Північного Причорномор'я.— Археологія, 1977, № 22.
37. *Отрощенко В. В.* Срубная культура степного Поднепровья (по материалам погребальных памятников). Автореф. канд. дис. Киев: ИА АН УССР, 1981.
38. *Шмаглий Н. М., Черняков И. Т.* Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра (1964—1966 гг.).— МАСП, 1970, вып. 6.
39. *Чередниченко Н. Н.* О некоторых проблемах срубной культуры.— В кн.: Проблемы эпохи бронзы на юге Восточной Европы (тезисы докладов конференции). Донецк, 1979.
40. *Furumark A.* The Mycenaen pottery. Stockholm, 1941.
41. *Sandars N. K.* The Sea Peoples: Warriors of the ancient Mediterranean 1250—1150 B. C. L., 1978.
42. *Черных Е. Н.* Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София: Изд-во БАН, 1978.
43. *Черных Е. Н.* Клад из Констанцы и вопросы балкано-кавказских связей в эпоху поздней бронзы.— СА, 1981, № 1.
44. *Березанская С. С.* Северная Украина в эпоху бронзы. Киев: Наук. думка, 1982.

Y. P. Gershkovich, V. I. Klochko, G. L. Evdokimov

A FOUNDRY NEAR NOVOKIEVKA AND DATING OF THE SABATINOVKA SITES OF THE LOWER DNIEPER

Summary

In 1980 new casting moulds were found near the village of Novokievka (Kalanchak District, Kherson Region). These finds confirmed once more that, in the late Bronze Age, the lower Dnieper had been an important centre of metalworking in the Northern Pontic area. These finds can be considered a closed complex determining the upper chronological limit of the northern region of the settlement. This gives us a unique opportunity to compare the dates of the vast and varied collection of pottery and other objects from the settlement with the dates of the various types of bronze artifacts represented by the casting negatives. Each talc bar was used more than once to make negatives, the latest negatives indicating the limit to which every bar could be used. These objects are divided into two horizons: the 1st horizon comprise the oldest, worn-out and greatly damaged negatives. Their indirect analogies point to the ties with the Eastern Mediterranean which existed not later than the 15th century B. C. The negatives of the 2nd horizon are dated to the period not later than the 14th century B. C. Since these dates contradict the tradition dating the Sabatinovka settlements of the mature and the later stages between the 13th and 12th centuries B. C., the period to which the Novokievka settlement is related on the strength of its ceramic collection, these settlements should be considered to be older by at least one century.

Е. Е. НЕРАЗИК

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ ИЗ ХОРЕЗМА

Высокий уровень развития экономики и культуры древнего Хорезма эпохи владычества Кушан в Средней Азии нашел яркое воплощение в многочисленных и разнообразных памятниках, сохранившихся на его территории. Исследование руин городов и укреплений, дворцов и храмов, крупных усадеб землевладельцев-аристократов и скромных поселений рядовых общинников-земледельцев позволяет достаточно всесторонне представить этот чрезвычайно важный в истории Хорезма период. Он отмечен продолжавшимся расцветом светской и культовой архитектуры, разнообразием фортификационных приемов, широтой торговых связей, подъемом ремесел, во многом сохраняющих многовековые местные традиции. Современный уровень археологической изученности Хорезма позволил перейти от первых суммарных обобщений в созданной С. П. Толстовым классификации культур Хорезма [1, с. 32—34] к детальной их характеристике. Появилась возможность выделения узких археологических комплексов, происходящих из раскопок одного памятника или же представляющих собой устойчивое сочетание различных элементов материальной культуры, характерных для более широких регионов.

Как уже отмечено, сравнительное сопоставление таких комплексов может явиться основой для выявления локальных особенностей культуры отдельных поселений или больших районов, традиций и инноваций, а также и для постановки более широких историко-этнографических и историко-этнических проблем [2, с. 1—3].

В связи с этим нам кажется очень важным то обстоятельство, что в результате широкомасштабного исследования поселений на территории Хорезма получены археологические комплексы, позволяющие гораздо подробнее, чем прежде, охарактеризовать культуру сельского населения Хорезма и в перспективе возникает возможность сопоставления ее с городской. Особое значение при этом имеет керамика — наиболее массовый и весьма информативный археологический источник. Между тем хорезмийская керамика двух первых веков нашей эры значительно менее изучена, чем двух следующих, поскольку она до последних десятилетий происходила преимущественно из шурфов и небольших стратиграфических раскопов на городищах Куня-Уаз [3, с. 371—373; 4, рис. 32, 33] и Шах-Сенем [5, с. 405—407], из дворца Топрак-калы, а также из раскопок усадьбы № 1 возле Аяз-калы и сборов с других памятников [1, с. 108, рис. 44].

Подразделение всей хорезмийской керамики эпохи Кушан в Средней Азии на два периода: начала нашей эры и III — IV вв.— было сделано М. Г. Воробьевой в сводной работе, обобщившей этот материал. Однако характеристика раннего комплекса в силу указанных причин в ней довольно суммарна [4, с. 144—169]. Лишь раскопки Кой-Крылган-калы (предпринятые после выхода в свет упомянутой работы), где возле заброшенного храма IV—III вв. до н. э. после некоторого перерыва возникло небольшое поселение, дали значительный материал. Он датирован, однако, очень широко — I—IV вв. н. э. [6, с. 129 сл.].

Керамика, относящаяся к первым векам нашей эры, выделена теперь в итоге раскопок городища Топрак-кала [7, с. 73—81], но в этом многослойном памятнике, где на отдельных участках были возможны перерывы в существовании, слои запустения и разрушения, могло произойти

смешение материала. Кроме того, нижние слои городища, относящиеся к началу нашей эры, вскрыты пока на небольшой площади. К тому же при отсутствии публикаций «чистых», узко датированных керамических комплексов не всегда возможно четко установить временны́е различия долгоживущих форм керамики при работе над материалом из многослойных памятников.

Исходя из сказанного, представляется целесообразным опубликовать результаты раскопок в одном из сельских поселений древнего Хорезма, расположенном в 4—5 км юго-западнее Джанбас-калы и названном по имени этой крепости Джанбаскалинским. Наши исследования показывают, что по набору признаков оно является очень устойчивым археологическим комплексом для всего обширного района древнего канала Кельтеминар в Правобережном Хорезме. Краткие сведения об этом поселении уже опубликованы [8, с. 24—35]. Специально исследовались особенности планировки поселения в связи с вопросами землепользования и землевладения в древнем Хорезме [9, с. 42—47]. Все это избавляет нас от необходимости подробных описаний. Поэтому, дав предварительно краткую справку о поселении и жилищах, мы детальнее остановимся на характеристике керамики из раскопок дома 2, представляющей как раз тот самый узко датированный «чистый» керамический комплекс, о котором говорилось выше.

Джанбаскалинское поселение относится к типу рассредоточенных (иначе — дисперсных или хуторских), типичных для Хорезма на всем протяжении его истории. На территории поселения, занимавшей по меньшей мере 190 га, хорошо прослеживались не только ложа крупных каналов, но даже мелкой арычной системы, очертания древних полей и виноградников, окруженных глинобитными оградами. Поэтому удалось четко проследить границы всего поселения и отдельных земельных участков, на которые оно разбивалось. Оказалось, что вся территория поселения несколькими параллельными каналами, отведенными от центрального, делилась на ряд крупных, близких по площади участков, внутри которых стояла одна или несколько построек. Размеры участков равнялись примерно 9 га или были несколько больше в тех случаях, когда на участке находилось два дома. При каждом жилище имелся свой виноградник, окруженный глинобитной оградой. Удалось определить и размеры виноградников, колебавшиеся в пределах от 300 до 800, но чаще всего — около 600 м^2.

Возле многих жилищ обнаружены остатки хозяйственных построек из крупных плит песчаника, может быть виноделен. Одна такая виноделыня была раскопана нами в поселении первых веков нашей эры близ Аяз-кала III [8, с. 39, рис. 17]. Множество хозяйственных ям, летние очаги и тандыры являются свидетельством важной роли в жизни сельского жителя Хорезма летних дворов, где он проводил бóльшую часть времени года. В целом же в каждом случае перед нами отдельное домохозяйство со своим земельным наделом, хозяйственными постройками и ямами, виноградником, оросительным устройством [9, с. 43, 44].

Четыре из 13 построек, зафиксированных на поселении, раскопаны, что дает возможность представить местное сельское жилище в полном объеме. При кажущейся несхожести и индивидуальных особенностях плана домов они сближаются рядом общих черт, отражавших, видимо, общий строй жизни. В состав каждого из жилищ входило одно обширное помещение площадью от 40 до 80 м^2 с очагами, закромами, хозяйственными ямами. Кроме того, в доме могло быть несколько кладовых, а также большой зимний крытый двор, сообщавшийся с жилыми комнатами, как правило, располагавшимися в глубине дома. В ориентировке входа не усматривается единообразия: она была и северной, южной, и западной. Чрезвычайно любопытно, что в отдельных случаях намечается выделение хозяйственно-кухонной части и жилой [см. 8, с. 25—35, 149—165]. Интересной и очень распространенной в зоне Кельтеминара особенностью жилищ являются отделанные керамическими плитками (большая редкость в сельском древнем доме Хорезма) помещения или

отдельные однокамерные сооружения на небольшом пахсовом цоколе, которые, несомненно, имели культовое назначение. Часто на их поверхности находили обломки статуарного оссуария. Отметим в связи с этим, что в сравнительно недалеко расположенном и практически синхронном Джанбаскалинскому Аязкалинском поселении их нет. Площадь жилых построек колебалась от 196 до 681 (в среднем 350—450 м²) при жилой части, равной 150—200 м². Если считать, что отдельное жилое помещение выделялось для каждой брачной пары, как об этом свидетельствуют этнографические материалы по Хорезму [10, с. 61, 83, 84], в рядовых домах могла обитать семья из 7—10, а в крупных — 15—17 человек (четыре брачные пары). Дополнительные расчеты на основе сведений из дворцового архива Топрак-калы подтверждают эти цифры [8, с. 214, 215]. В таком случае общее число жителей поселения могло достигать 170—220 человек, а плотность населения — 1,2—1,7 чел./га. При этом учтено, что определенную часть поселения занимали пастбища и пустоши. Судя по тому, что большинство построек и земельных участков мало различалось по величине, можно предположить, что это было поселение рядовых общинников, слабо дифференцированных в имущественном отношении. Вместе с тем тщательный анализ всей совокупности данных позволил выделить и отдельные состоятельные хозяйства. К одному из них относился раскопанный целиком дом 2, входивший в группу построек (1, 2, 3, 10) на отдельном ответвлении от магистрального канала.

Как и все остальные жилища в поселении, дом 2 построен целиком из пахсы. Толщина стен, сохранившихся только у основания, равна 0,4—0,7, внешних — около 2 м. Постройка состояла из большого, вероятно, крытого двора и девяти помещений. Шесть из них (3, 5, 9, 11, 12) находились в черте почти правильного четырехугольника, будучи взаимосвязанными и являясь жилой частью дома; два выступают за его пределы как бы в виде пристройки (7 и 8), (рис. 1). Площадь жилых комнат — 15—20 м², очертания различны. В каждой был очаг в виде круглого углубления диаметром 0,35 м и кострище на полу. Из числа прочих выделяется помещение 9, в котором можно видеть домашнюю капеллу-молельню, впервые с достоверностью открытую в сельском хорезмийском доме первых веков нашей эры. В этом помещении площадью 20 м² вдоль северной стены стояли в ряд крупные сосуды — два хума и фляга, вкопанные в пол до середины тулова. Остатки еще одного хума обнаружены у восточной стены. Центральный участок пола сильно вытоптан, просел, образовав неправильной формы углубление с рваными краями. В нем найден небольшой каменный алтарик, подобный обнаруженному в нижнем слое Кой-Крылган-калы [6, табл. IX, *4*] и находящий соответствие в форме алтарей, раскрываемых при раскопках других памятников древнего Востока [11, с. 39, рис. 27].

Общая площадь жилой части дома (12×20 м) уступала площади двора, равной 14×20 м. Последний сплошь занят многочисленными, различного размера и очертаний хозяйственными ямами. В одном из углов находились два тандыра диаметром около 50 см, поставленные на пол. Ямы перекрыты мощным гумусным слоем, образовавшимся от гниения травяных подстилок и прочих растительных остатков. В заполнении одной из больших ям найдено три костяных булавки с резным навершием. Основную хозяйственную роль в доме играл изолированный комплекс из двух помещений — 7 и 8, к которым подводил Г-образной формы коридор (6, 13). Первое из них, судя по многочисленным остаткам крупных сосудов, служило хранилищем, второе — кухней-«трапезной», отличавшейся большими размерами (8×7 м). Вся площадь пола этого помещения носила живые следы активной хозяйственной деятельности. Здесь выявлены следы четырех кострищ, возле каждого из которых лежал крупный плоский камень — своего рода «рабочий стол», а на нем (в трех случаях) — каменная терка. Общую картину дополняло большое количество разнообразной посуды — кувшинов, горшков, хумчей, причем часть из них сохранилась целиком.

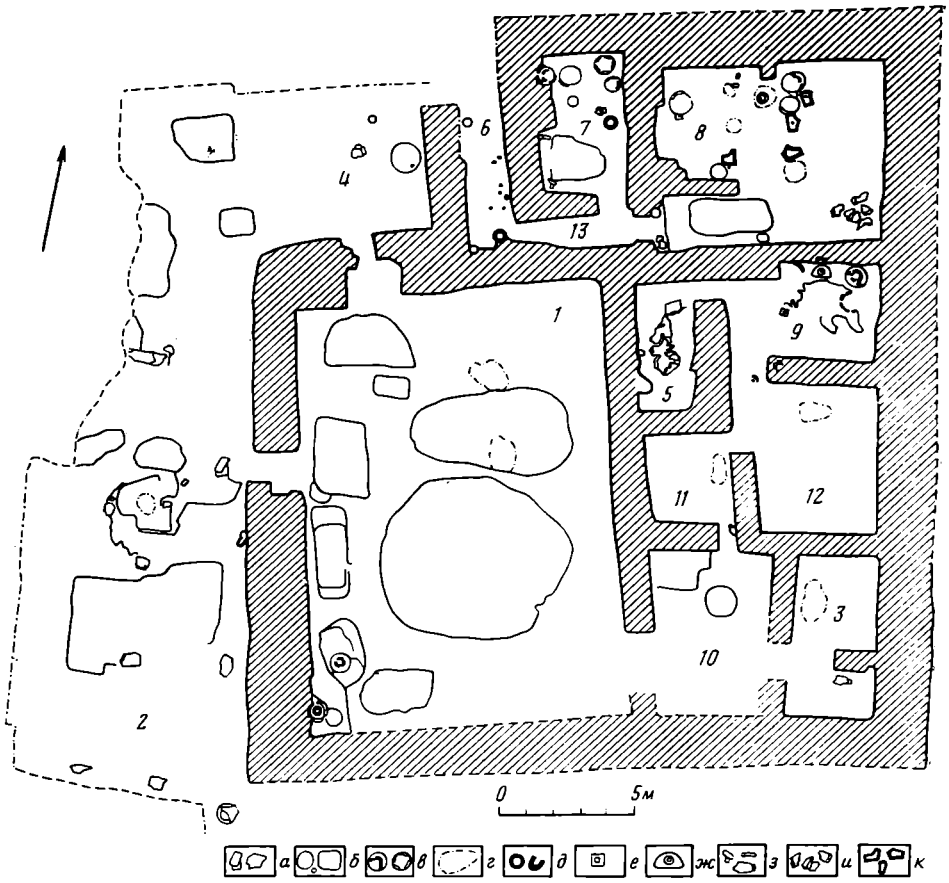


Рис. 1. Джанбаскалинское поселение. Дом 2 *а* — камни; *б* — ямы; *в* — хумы; *г* — обожженные участки пола, следы открытых кострищ; *д* — очаги; *е* — алтарик; *ж* — хумча; *з* — обломки зернотерок; *и* — керамические шлаки; *к* — каменные плиты

В заключение следует добавить, что к западной стене дома примыкал обширный айван (рис. 1, *2*). Здесь на пространстве, равном 13×8 м, найдено семь камней, явно сдвинутых с места, но все-таки лежавших в определенном порядке. Они, несомненно, являлись опорами для деревянных столбов айвана. Заметим, что это первое достоверное подтверждение наличия айвана в сельском древнехорезмийском доме.

Особенности интерьера и планировки дома 2, сделанные там находки отличают его от соседних жилищ и позволяют думать, что он имел основное значение в группе жилых построек на отдельном ответвлении канала. Может быть, он принадлежал главе небольшой агнатической группы, но нельзя исключить и другое предположение: дом 2 мог служить жилищем жреца поселения, так как только здесь найден несомненный атрибут культа — каменный алтарик.

Значительно отличается дом 2 от соседних и по набору керамики, сближаясь в этом отношении с одним из крупнейших домов поселения — домом 9 [8, с. 31—34, рис. 13]. Этот керамический комплекс должен определяться сравнительно узким промежутком времени, укладывавшимся в хронологические рамки существования глинобитного сельского дома. Он представляет интерес и как довольно полный набор посуды, характеризующий потребности состоятельной сельской семьи древнего Хорезма.

В доме найдено около 200 сосудов, в том числе несколько десятков целых, которые можно подразделить на три категории по технологическим признакам: гончарные сосуды, составляющие 60% от общего их количества; изготовленные профессионалами-ремесленниками, но от руки или на медленно вращавшейся подставке (25,6%); лепные, домашнего изготовления — 14,4%. За основу классификации посуды принята форма

сосудов с учетом соотношения основных членений по высоте и соотношений диаметров: Н — общая высота сосуда; $Н_1$ — высота от дна до наибольшего диаметра; $Н_2$ — от наибольшего диаметра до основания горла; $Н_3$ — высота горла; $Д_1$ — диаметр дна; $Д_2$ — наибольший диаметр тулова; $Д_3$ — диаметр основания горла; $Д_4$ — диаметр устья [12, с. 10—12]. Однако, поскольку большинство сосудов представлено фрагментарно, при выделении вариантов основной формы приходилось учитывать также форму венчика. Дополнительно принимались во внимание и другие признаки, например цвет ангоба, если он постоянно сочетался с определенными типами сосудов. Соответственно выделены группы сосудов, их типы и варианты внутри типов. Первые обозначены римскими цифрами, вторые — арабскими и третьи — буквами.

Гончарная посуда

Почти половину всей гончарной посуды составляют кувшины (44%), много горшков (26%), на остальную керамику приходится около 30%. Большинство сосудов покрыто красным и светлым ангобом, небольшой процент составляет посуда без ангоба или с темным ангобом. Обычно при исследовании хорезмийской керамики античного периода не удается связать определенные формы сосудов с определенным ангобом, поэтому последний не принимается во внимание в качестве классифицирующего признака. Между тем, рассматривая гончарную керамику из дома 2, можно отметить, что некоторые типы сосудов, в частности кувшинов, бывают только красноангобированными или же светлоангобированными. В той же степени это можно сказать и о горшках, а также других формах. При этом, если сами пропорции кувшинов дают небольшое число повторяющихся вариантов, то определенные формы венчиков встречаются только на красноангобированных, хотя, конечно, имеются и общераспространенные их варианты. Все это привело нас к выводу о необходимости попытаться выделить два отдела: красноангобированная и светлоангобированная посуда — внутри которых описание ведется сообразно вышеуказанной классификации.

А. Красноангобированная посуда (62% от общего количества гончарной керамики).

I. Кувшины.

1. Крупные безручные с выпуклыми плечиками, четко выделенным невысоким горлом и резко сужающимся книзу туловом, наибольший диаметр которого лежит в верхней трети кувшина. Н — 44 см, $Н_1$ — 22 см, $Н_2$ — 16 см, $Н_3$ — 4 см; $Д_1$ — 16 см, $Д_2$ — 32 см, $Д_3$ — 11 см. $Д_4$ — 16 см. Венчик — сильно выступающая закраина с горизонтальной или скошенной площадочкой. Черепок в изломе красно-коричневатый. Часто покрывались полосчатым или сетчатым лощением (рис. 2, *2*; рис. 3, *8—10*).

2. Одноручные с аналогичным венчиком. Тулово грушевидной формы, горло плавно переходит в покатые плечики. Ручки округлые, реже — пластинчатые. Были, видимо, менее крупными, чем безручные. Н — 37 см, $Н_1$ — 17 см, $Н_2$ — 16 см, $Д_1$ — 16 см, $Д_2$ — 25—26 см, $Д_3$ — 10 см, $Д_4$ — 8—9 см (рис. 2, *3*; рис. 3, *1*). Имеются экземпляры и без ангоба. Они сделаны из довольно плохо промешанной глины, поверхность шероховатая, местами затерта пучками веточек, оставивших следы (рис. 3, *2*).

3. Чрезвычайно любопытная форма — с «припухлостью» под профилированным венчиком. Горло имеет вид небольшого раструба. Изготовлялись безручные и одноручные экземпляры. Лощения нет. $Д_3$ — 7—8 см, $Д_4$ — 12 см, $Н_3$ — 9—10 см (рис. 3, *20, 21*).

4. С крупным манжетовидным профилированным венчиком, нависающим над горлом. Форма сосуда не восстанавливается, $Д_4$ — 15 см. Обратим внимание в связи с данным фрагментом на своеобразный технологический прием, который применялся также и при изготовлении других сосудов из описываемого дома,— подгрунтовку, сделанную свет-

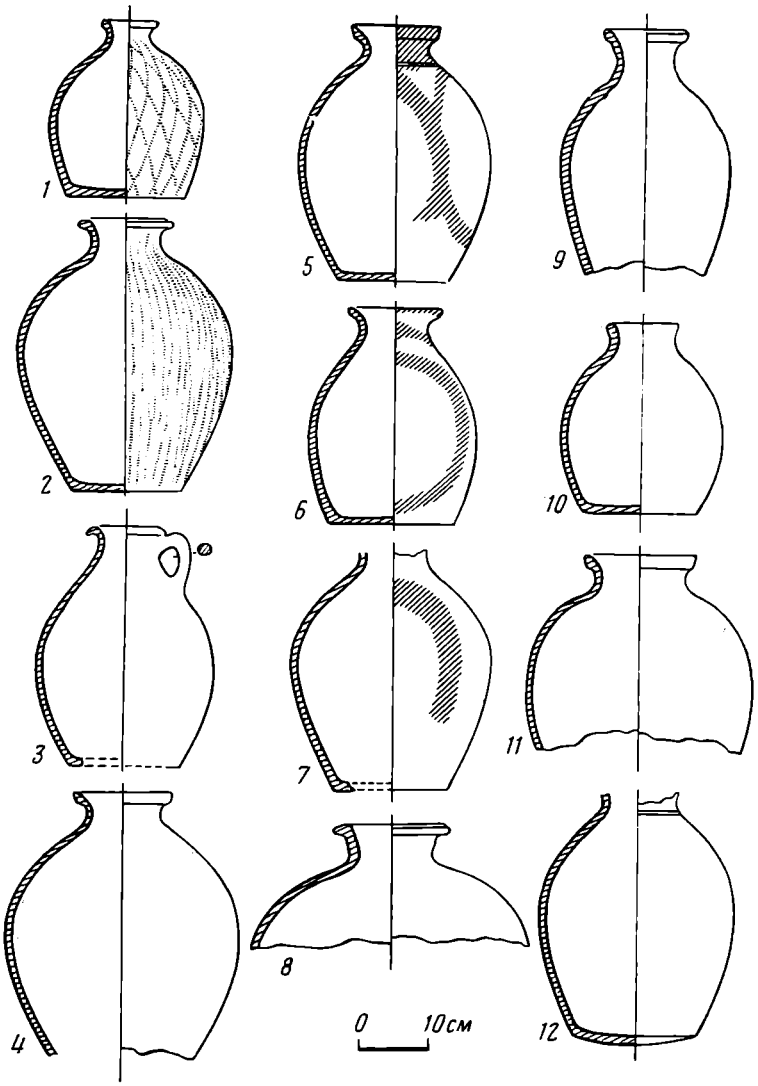


Рис. 2. Кувшины

лым жидким ангобом под более плотный слой буровато-красного ангоба, которым покрывался сосуд (рис. 3, *19*).

5. С плоским, подтреугольным в сечении венчиком, низким горлом и широким приземистым туловом. Покрыт сетчатым лощением (рис. 2, *1*), Н — 27 см, $Н_1$ — 17 см, $Н_2$ — 7 см, $Н_3$ — 3 см; $Д_1$ — 17,4 см, $Д_2$ — 23 см, $Д_3$ — 7 см, $Д_4$ — 8 см.

6. Безручные и одноручные с подчетырехугольным в сечении венчиком. Верхняя его площадка слегка вогнута, горло имело вид небольшого раструба. $Д_4$ — 7—9 см, $Н_3$ — 5—6 см (рис. 3, *11—12*).

7. Сравнительно широкогорлые с подтреугольным в сечении венчиком и низким горлом. Нижний край венчика слегка выпуклый. В одном случае он подчеркнут вдавленной бороздкой. $Д_4$ — 10—14 см, $Н_3$ — 4—5 см (рис. 3, *23—25*).

8. Маленький кувшинчик с подтреугольным, сравнительно массивным венчиком. Посредине узкого горла «припухлость» — рудимент рельефного пояска. $Д_4$ — 9 см, $Н_4$ — 4 см (рис. 3, *7*).

9. С коническим горлом. Закраина утолщена и отвернута наружу. Легкая «припухлость» под ней образует как бы ступеньку, подчеркнутую бороздкой. $Д_3$ — 8 см, $Д_4$ — 9 см, $Н_3$ — 4 см (рис. 3, *14*).

Красноангобированные кувшины первого и второго типов продолжают древние традиции хорезмийской керамики IV—III вв. до н. э. Такие сосуды имеются среди керамики из нижнего горизонта Топрак-калы

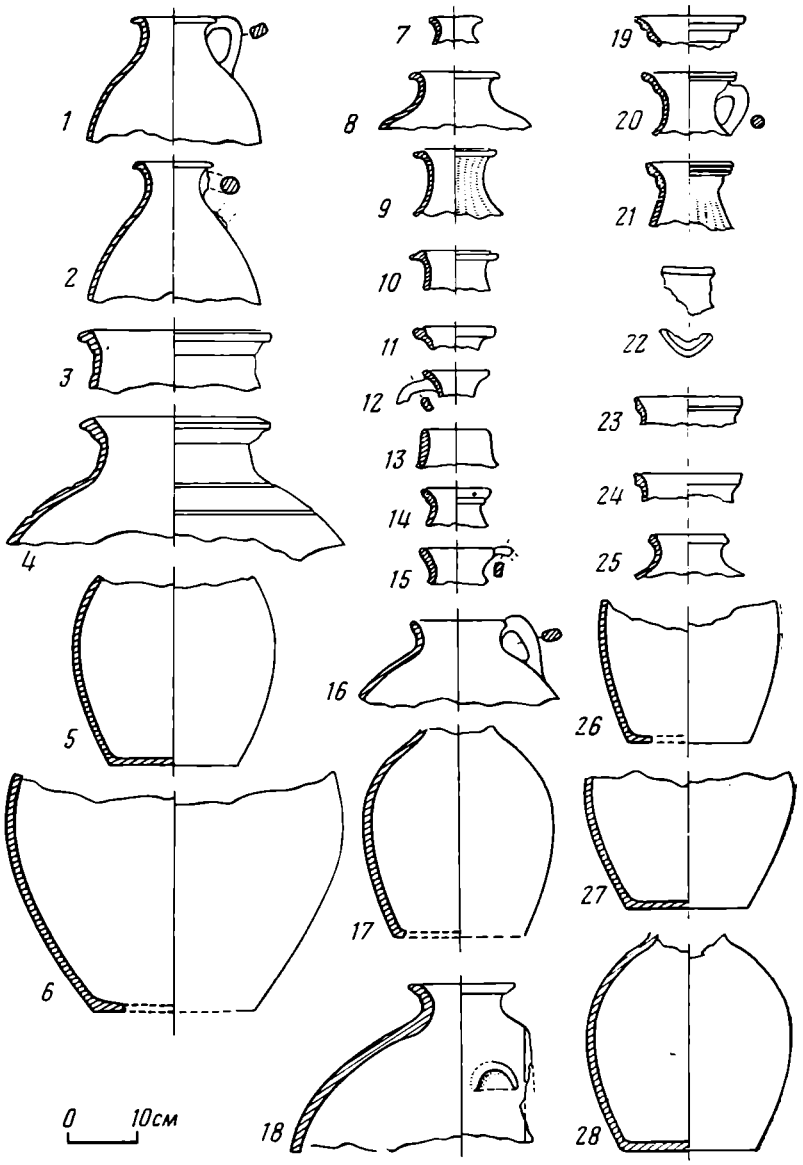


Рис. 3. Кувшины, хумчи

[7, рис. 40, *1—7*, *11—14*] и существуют там в дальнейшем, претерпевая, однако, известную эволюцию. Известны они и в материалах из городища Куня-Уаз [1] и среднего горизонта Кой-Крылган-калы [6, табл. IX, *11*, *26*].

II. Горшки.

1. С четко выделенным горлом и туловом с выпуклыми плечиками. Основание шейки в некоторых случаях подчеркнуто рельефным пояском или небольшим выступом. Тулово плавно суживается книзу. Наибольший диаметр лежит в верхней трети сосудов и равен 22—23 см. Н — 23 см, $Н_1$ — 13 см, $Н_2$ — 10 см, $Д_1$ — 17 см, $Д_3$ — 16 см, $Д_4$ — 17 см. На 1 экз. заметны следы подгрунтовки жидким светлым ангобом под верхний плотный слой темно-красного (рис. 4, *12*, *13*, *21*).

По форме венчика, высоте и степени изогнутости шейки различается несколько вариантов данного типа горшков: а — венчик профилирован глубокими прочерченными полосками. Основание шейки опоясывает рельефный поясок. Корпус покрыт зеркальным лощением и украшен четырьмя налепами $Д_3$ — 17 см. $Д_4$ — 20 см, $Н_3$ — 4 см (рис. 4, *17—18*).

[1] Хранятся в фондах Хорумской археолого-этнографической экспедиции АН СССР.

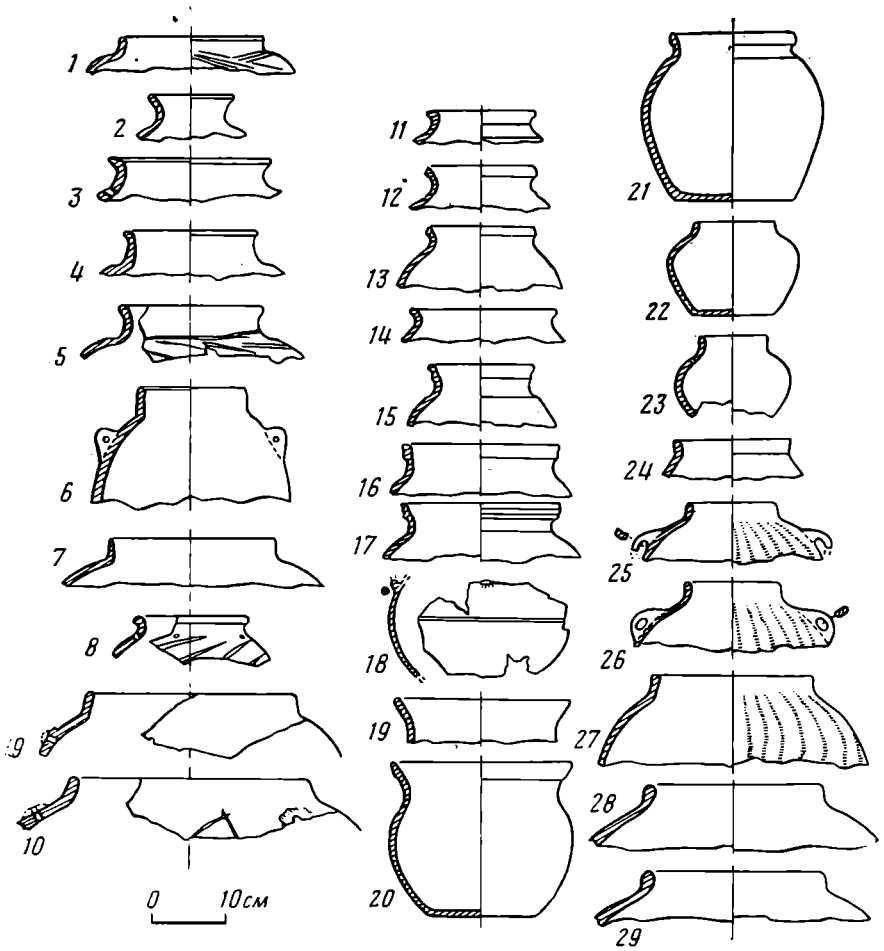


Рис. 4. Горшки, хумчи

Вариант б — венчик уплощенно-подтреугольной формы. Шейка слабо изогнута, плечики менее выпуклые. $Д_3$ — 13—20 см, $Д_4$ — 14—21 см, $Н_3$ — 2—4 см (рис. 4, *15—16*).

2. С коротким, часто немного наклонным внутрь краем и широким, низким туловом. Край горла иногда утолщен. У небольших горшков Н меньше $Д_2$ (13:18), $Д_4$ — 10—12 см. У крупных экземпляров $Д_4$ равно 19—20 см, а $Д_2$ — 34—35 см. Вариант а — сосуды снабжены петлевидными ручками, прикрепленными к плечикам. Как правило, горшки этого типа украшались полосчатым лощением (рис. 4, *22*, *24—27*).

Вариант б — сосуды с утолщенной закраиной, широким туловом и низкой шейкой, основание которой опоясано прочерченной бороздкой. Такая же бороздка бывает и на плечиках сосуда (рис. 4, *11*). Этот вариант продолжает древние традиции, обнаруживая сходство с горшками так называемого кангюйского периода истории Хорезма [4, табл. VIII, *25*].

3. Менее распространены были очень открытые горшки, $Д_4$ сильно превосходит $Д_1$ (24:14) и близок к Н, равной 22 см. Покрыт красным ангобом не только снаружи, но и изнутри (рис. 4, *19*, *20*). $Н_1$ — 12 см, $Н_2$ — 5 см, $Н_3$ — 5 см. Все типы горшков из дома 2 представлены в коллекциях из раскопок других памятников хорезмийской древности. Так, горшки типа 2 очень распространены в слоях первых веков нашей эры городищ Топрак-кала и Куня-Уаз [4, рис. 32, *16—17*; 7, рис. 39, *21—22*, *43*, *45*], хотя в последнем они отличаются и некоторой спецификой. Они встречаются и в верхних, более поздних горизонтах городища Топрак-кала, но заметно при этом меняются, приобретая иной облик благодаря несколько другим пропорциям, мутному, светлому ангобу и налепам на плечиках [7, рис. 42, *28*].

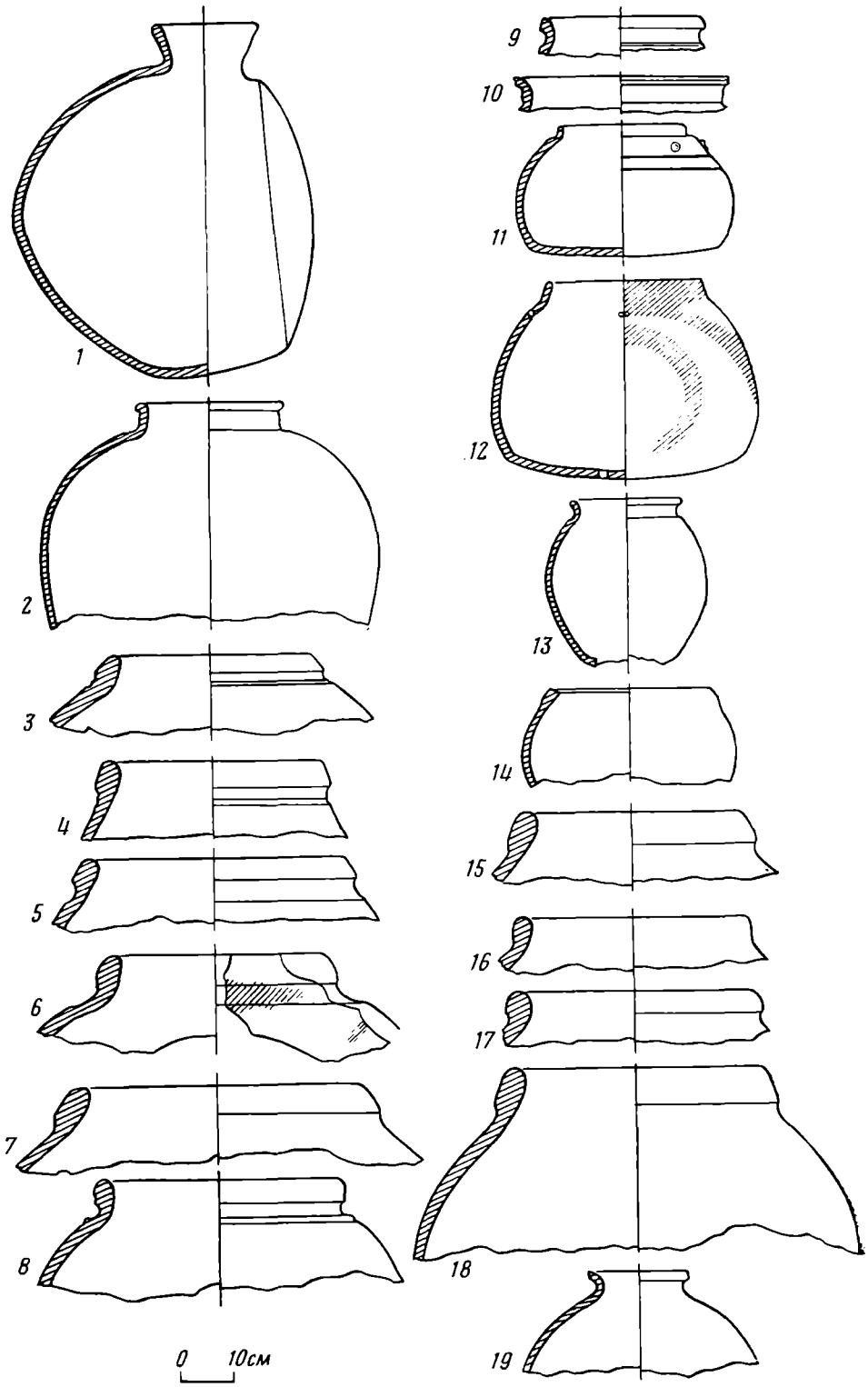


Рис. 5. Хумы, хумчи

В слоях городища Топрак-кала можно проследить известную эволюцию горшков типа 1 на протяжении II—V вв. н. э., поскольку в III—V вв. они становятся крупнее, покрываются преимущественно светлым ангобом, украшаются налепами на тулове [7, рис. 39, *41—42*, рис. 42, *8—10*, *21*].

Горшки типа 3 являются менее употребительной формой. Укажем аналогичный сосуд, найденный в среднем слое Кой-Крылган-калы (первые века новой эры), где он представляет единичный экземпляр [6, табл. IX, *45*].

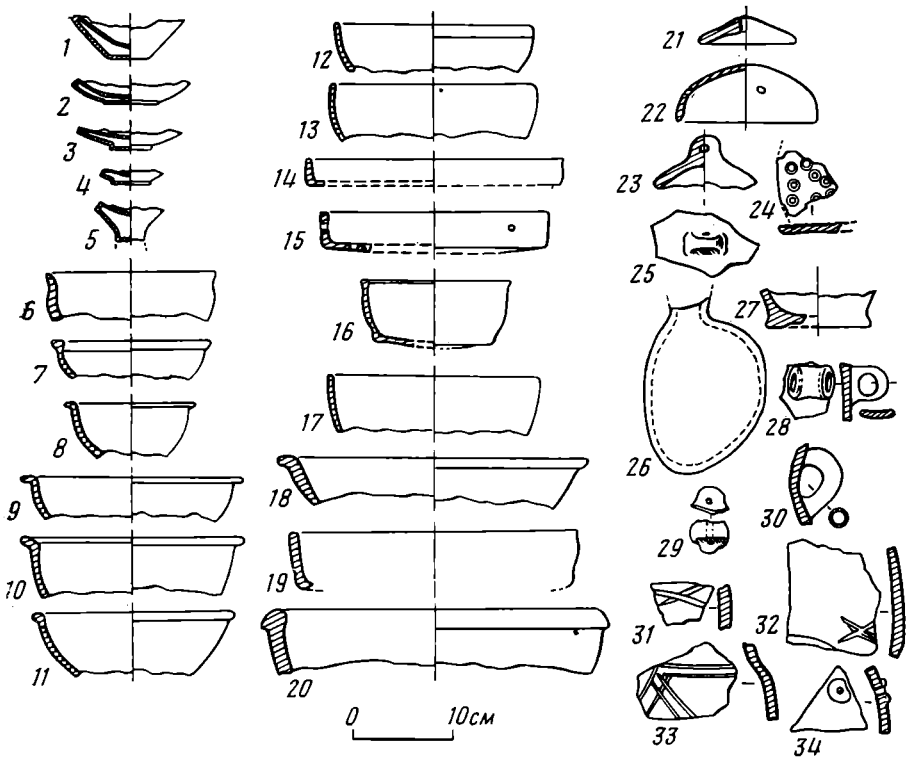


Рис. 6. Чаши, миски и другие сосуды

III. Хумчи составляют всего 7,5% от общего числа гончарной посуды.

1. Крупные широкогорлые кувшиновидные с массивным подтреугольным в сечении венчиком и «припухлостью» под ним. Горло немного конусовидное, на плечиках одного из экземпляров две прочерченные бороздки. Черепок в изломе желтовато-песочного цвета, $Д_2$ — 45 см, $Д_3$ — 3 см, толщина стенки — 0,8—0,9 см (рис. 3, *3*, *4*).

2. С очень низкой, изогнутой шейкой и широкими покатыми плечиками. Форма целиком не восстанавливается. $Н_3$ — 3 см, $Д_2$ — 45 см, $Д_3$ — 15 см, $Д_4$ — 18 см, толщина стенки — 0,9 см (рис. 5, *19*).

Описанные хумчи пока изучены мало, поскольку найдены только в осколках. Несколько экземпляров этих сосудов, характеризующихся прекрасным качеством изготовления, обнаружено на Топрак-кале [7, рис. 40, *15*]. Сравнительно с ними хумчи из дома 2 — провинциальный вариант данного типа сосудов.

IV. Чаши. Формы не отличаются разнообразием:

1. Чаши полусферической формы были наиболее употребительными. Всегда покрывались ангобом снаружи и изнутри — по краю. Часть из них имела дисковидный поддон. Черепок в изломе красновато-желтый, толщина стенки — 0,6—0,7 см. В некоторых случаях заметна подгрунтовка жидким светлым ангобом. $Д_4$ — 12—17 см, Н — 7—9 см (рис. 6, *4*, *12*).

2. Значительное распространение имели также чаши с сильно выступающей закраиной со скошенной внутрь верхней площадочкой. $Д_4$ — 10 см (рис. 6, *8*).

3. Чаша с молоточковидным утолщением края. $Д_4$ — 13 см, толщина стенки — 0,6 см. Покрыта с обеих сторон ангобом, причем снаружи под верхним слоем заметна подгрунтовка светлым жидким ангобом (рис. 6, *7*).

V. Красноангобированные миски, как правило, повторяют форму чаш, отличаясь лишь более крупными размерами:

1. Полусферической формы. Черепок в изломе красновато-песочного цвета, толщина стенки — 0,5 см, $Д_4$ — 20—21 см, Н — 8—9 см (рис. 6,

17). Некоторые миски были снабжены дисковидным поддоном (рис. 6, *2*, *3*).

2. С выступающей закраиной. Диаметр по краю — 20 см (рис. 6, *9*).

3. Единична широкая мелкая миска с невысоким бортиком. $Д_4$ — 25 см, высота бортика — 3 см (рис. 6, *14*). Этот тип распространен среди светлоангобированной посуды из дома.

VI. Кубки, бокалы.

На поверхности дома найден фрагмент только одного бокала на толстой высокой ножке. Размер и форма резервуара не восстанавливаются, но, видимо, бокал был крупным и толстостенным, представляя собой грубое подражание изделиям городских мастеров (рис. 6, *5*).

От кубковидных сосудов сохранились лишь тяжеловесные донные части. $Д_1$ — 4 см, толщина стенки — 0,7 см. Все они, так же, как и бокал, производят впечатление более массивных и грубых, нежели известные нам кубки, находимые в древнехорезмийских городах (рис. 6, *1*).

VII. Крышки — плоские и полусферические.

Последние представлены целым экземпляром с несколькими отверстиями в верхней части, где крышка делается тоньше (рис, 6, *22*). Существовали подобные крышки, увенчанные ушком (рис. 6, *23*), а также почти плоские с выпуклым верхом (рис. 6, *21*).

Описанные типы чаш, мисок, кубков, крышек — далеко не новость в древнехорезмийской посуде. Они имеются в коллекции из нижнего слоя городища Топрак-кала [7, рис. 40, *33*, *34*, *37*, *43*, *67*], среди керамики из Кой-Крылган-калы [6, табл. IX, *56*, *74—76*], относящейся к первым векам нашей эры, усадьбы близ Аяз-калы III и т. д. [4, рис. 34].

Б. Светлоангобированная гончарная посуда (22,8% от всей керамики).

Светлым ангобом покрывались главным образом крупные толстостенные сосуды — хумы, хумчи, фляги и почти 46% всех гончарных кувшинов. Светлоангобированные гончарные горшки единичны, зато их много среди лепной посуды, изготовленной профессионалами-ремесленниками.

I. Кувшины.

Это преимущественно безручные сосуды с красноватым в изломе черепком, сильно варьировавшиеся по размерам. В глину при их изготовлении добавляли мелкодробленный гипс. Ангоб — желтоватого или зеленоватого оттенка, мутноватый. Представлены несколькими близкими типами.

1. С почти яйцевидным туловом, наибольший диаметр которого лежит на его середине. Венчик уплощенно-подтреугольный в сечении, шейка мягко изогнута. Тулово некоторых экземпляров украшено росписью, выполненной красным ангобом. В одном случае похоже, что были изображены сомкнутые овалы, однако орнамент недостаточно разборчив, скорее всего это спирали, как и на других кувшинах. Н — от 38 до 43 см. $Н_1$ — $Н_2$ — 18—21 см. $Д_1$ — 16—20 см, $Д_2$ — 28—29 см, у наиболее крупных экземпляров—35 см, $Д_3$— 11—12 см, $Д_4$ — 13—14 см (рис. 2, *4*, *5*, *7*, *12*; рис. 3, *5*, *6*, *17*, *26—28*).

2. Наибольший диаметр лежит в верхней трети сосуда (рис. 2, *9*). Тулово заметно сужается книзу, и вся форма имеет стройные вытянутые пропорции. На плечиках одного из сосудов заметна немного выпуклая полоса, возможно, получившаяся при вращении на кругу этого толстостенного сосуда, но не сделанная специально. Н — 40 см. $Н_1$ — 25 см, $Н_2$ — 10 см, $Н_3$ — 5 см, $Д_2$ — 25 см, $Д_3$ — 10 см, $Д_4$ — 12 см.

3. С очень широкими выпуклыми плечиками, переход к которым резко подчеркнут (рис. 2, *8*, *11*). $Н_2$ — 18 см, $Н_3$ — 4 см, $Д_2$ — 32—40 см, $Д_3$ — 12—14 см, $Д_4$ — 14—15 см. Различаются варианты по форме венчика.

4. Без венчика, с низким, приземистым туловом, поскольку диаметр дна сильно превышает диаметр устья. Утолщенная закраина отогнута наружу. Тулово украшает несомкнутая спираль, выполненная темно-красным ангобом. Край также закрашивался. Н — 33 см, $Н_1$ — 15 см.

$Н_2$ — 13 см, $Н_3$ — 18 см, $Д_1$ — 18 см. $Д_2$ — 24 см, $Д_3$ — 10 см, $Д_4$ — 12 см (рис. 2, *6*).

5. С приземистым туловом: $Д_1$ почти вдвое превышает $Д_4$. Горло прямое, закраина почти не выделена, плечики выпуклые. Росписи нет. Отличаются грубостью теста, поверхность сосудов шероховата и небрежно затерта пучками веточек или травы. Производят впечатление провинциального подражания городским образцам (рис. 2, *10*) Н — 31 см, $Н_1$ — 13, $Н_2$ — 13, $Н_3$ — 5 см, $Д_1$ — 16 см, $Д_2$ — 23 см, $Д_3$ — 9 см, $Д_4$ — 10 см.

6. Найдено несколько фрагментов кувшина со сливом, слабо выделенным легким сжатием края горла пальцами. Обычно такие формы относятся к типу эйнохой (рис. 3, *22*).

Все описанные кувшины и их разновидности встречаются и на других памятниках древнего Хорезма. Так, фрагменты светлоангобированных кувшинов с подтреугольным венчиком, украшенных росписью, найдены в нижнем горизонте городища Топрак-кала. В слое выше обнаружены медные монеты, относимые к чекану Вазамара (конец III в. н. э.) [7, с. 12, 26, рис. 40, *17*]. Имеются аналогичные сосуды и в слоях Кой-Крылган-калы [6, табл. II, *2*, *38*, табл. IX, *1*].

II. Горшки представлены в коллекции из дома 2 небольшим количеством экземпляров. Это сосуды с широким туловом, без шейки, подобные типу 2 красноангобированных горшков (рис. 4, *28*, *29*).

III. Хумчи в отличие от красноангобированных имели вид крупных горшковидных сосудов:

1. С коротким, слегка наклоненным внутрь краем, широким туловом и немного выпуклым дном. Встречаются крупные экземпляры с росписью в виде спиралей, выполненных красным ангобом. Край горла также закрашен. $Д_2$ сосудов превышает $Д_1$ (50:46), а $Д_1$ (46 см) гораздо больше $Д_4$ (28 см). Высота сосуда меньше его ширины (рис. 5, *12*). Имеются хумчи, украшенные прочерченными поясками, охватывавшими плечики сосуда. Выше поясков сделаны отверстия, оформленные дисковидными налепами (рис. 5, *11*). Плечики подчеркнуты небольшим уступчиком.

2. Близки по форме крупным красноангобированным горшкам типа 1 с четко выделенной шейкой. Венчик подтреугольный в сечении или же выглядит утолщенной закраиной с желобком посредине. Переход к плечикам подчеркнут рельефным пояском или выступом. Целиком форма не восстанавливается, но судя по аналогиям из других хорезмийских памятников, эти сосуды имели более вытянутое тулово, нежели хумчи, отнесенные к типу 1. $Д_3$ — 27—34 см, $Д_4$ — 29 и 37 см, $Н_3$ — 3—8 см, толщина стенки — 1,5—2 см (рис. 5, *9*, *10*).

V. Хумы найдены преимущественно в обломках, однако они хорошо знакомы по раскопкам других памятников древнего Хорезма. Это бочонковидные сосуды с массивным венчиком, лежавшим прямо на плечиках, охваченных в отдельных случаях слаборельефным валиком. $Д_2$ — 80 см, $Д_4$ — 36—48 см (рис. 5, *3—5*, *7*, *15—18*). Наряду с описанными найдены фрагменты хумов, отличавшихся другими чертами, с короткой шейкой, опоясанной рельефным валиком. На плечиках заметны следы росписи красным ангобом. $Д_4$ — 39—44 см, толщина стенки — 2,5 см (рис. 5, *6*, *8*). Эти хумы продолжают древнюю традицию, идущую от IV—III вв. до н. э., и отличаются значительно лучшим качеством, чем хумы первого типа.

V. Фляги характеризуются массивным отогнутым краем и подковообразным налепом на плоском боку. Аналогичны обнаруженным ранее в раннекушанском слое городища Куня-Уаз и в верхних слоях Кой-Крылган-калы [4, рис. 32, *6*; 6, табл. VIII, *31*]. $Д_3$ — 13 см, $Д_4$ — 15 см, $Н_3$ — 5 см, поперечный диаметр — 36 см, продольный не восстанавливается, но был не менее 50 см (рис. 3, *18*).

К этому краткому перечню следует добавить интересную подробность: судя по отдельным фрагментам, какие-то из светлоангобированных сосудов были снабжены сливами, причем один из них оформлен в виде головы быка (рис. 7, *2*). Эта находка вполне в духе времени, поскольку зооморфные мотивы достаточно характерны для орнаментики средне-

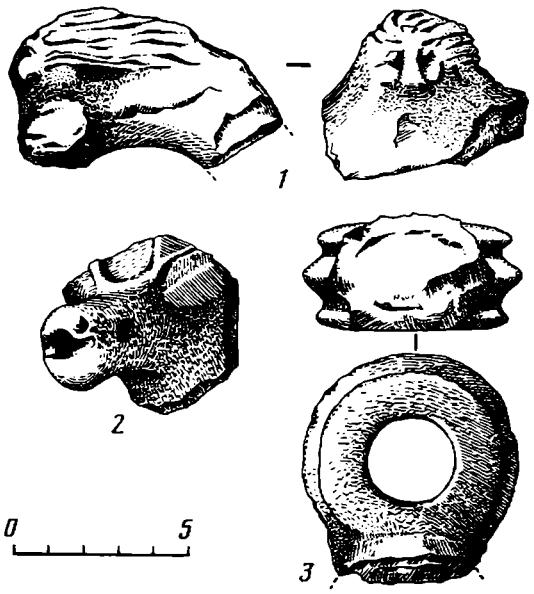


Рис. 7. Находки из дома 2

азиатской посуды эпохи Кушан. В Хорезме, однако, они были распространены, видимо, в меньшей степени, чем в других среднеазиатских областях [13, с. 145, 146][2].

Выше указывалось, что кроме красноангобированных и светлоангобированных сосудов в доме 2, попадались фрагменты темноангобированной керамики и без ангоба, но их очень мало, и они представляют собой те же формы сосудов (кувшин, чаша), что и красноангобированные (см. рис. 3, *10*; рис. 6, *6*). Значительно интересней находка фрагментов стенок темноангобированного сосуда (правда, лепного) явно неместного происхождения. Его форма, к сожалению, не восстанавливается.

Светлоангобированная посуда, изготовленная ремесленниками вручную или на медленно вращавшейся подставке

К характерным особенностям этой керамики относятся сиренево-песочный цвет черепка, мутный, желтовато-беловатый ангоб и заметная примесь гипса в глине. Впервые данная группа посуды была выделена и описана М. Г. Воробьевой при исследовании керамики из среднего и верхнего горизонтов Кой-Крылган-калы, где она представлена большой серией [6, с. 122, 123]. Рассматриваемая посуда количественно преобладает среди керамических изделий из некоторых домов Джанбаскалинского поселения, в том числе и дома 3, расположенного рядом с домом 2.

I. Кувшины крайне фрагментарны. Горло часто имеет вид конуса с прямо срезанной закраиной, без венчика. Некоторые сосуды снабжены ручкой, прикреплявшейся одним концом к краю горла, иногда поднимаясь над ним, а другим — к плечикам. В сечении она плоская, чуть продавленная посредине. Форма сосудов по нашей коллекции не реконструируется (рис. 3, *13*, *15*).

II. Горшки, по нашему мнению, воспроизводят форму гончарных, отнесенных нами к типам 1 и 2. Переход от шейки к плечикам подчеркнут небольшим перегибом — вмятиной, плечики чаще всего выпуклые и в некоторых случаях украшены прочерченными полосками или зигзагообразным орнаментом (рис. 4, *1*, *4*, *5*, *23*; рис. 6, *31*, *33*). Закраина иногда

[2] Зооморфные сливы из раскопок и сборов на других памятниках Хорезма пока не опубликованы.

отвернута и утолщена, у основания шейки сделаны круглые отверстия (рис. 4, *3*, *8*). Чаще такие отверстия расположены на плечиках и оформлены дисковидными налепами (рис. 4, *9*, *10*). Особняком стоит двуручный горшок с очень покатыми плечиками, к которым прикреплены небольшие, в виде ушек ручки (рис. 3, *6*; рис. 6, *34*). Венчика нет, край горла загнут внутрь, при переходе к плечикам такая же вмятина, как и у других горшков данной серии. Размеры разнообразны. У крупных горшков $Д_2$ — 40—45 см, $Д_4$ — 26—30 см, соответствующие размеры более мелких — 25—27 и 17—19 см.

III. Хумчи похожи на крупные красноангобированные горшки типа 2 с хорошо выделенным невысоким горлом и слегка утолщенной, отвернутой закраиной (рис. 5, *2*). Целых экземпляров нет, но, судя по большому фрагменту, плечики — выпуклые, Н — не менее 1 м, $Д_2$ — 63 см, $Д_3$ — 26 см, $Д_4$ — 25 см.

IV. Миски, чашн. Обитатели дома пользовались преимущественно мисками, относящимися к данной серии. Красноангобированные гончарные миски, как сказано, были малоупотребительными.

1. Есть экземпляры с невысоким бортиком, поставленным прямо или под углом по отношению ко дну. $Д_4$ — 23—26 см, высота бортика — 4—6 см, толщина стенки — 0,8 см (рис. 6, *15*, *19*).

2. С полусферическим резервуаром и отогнутым краем. $Д_4$ — 18—19 см, Н — 6—9 см (рис. 6, *10—11*).

3. Реже встречались миски с коническим резервуаром. $Д_4$ — 29 см (рис. 6, *18*).

V. Чаша найдена только одна. Она с неровными, чуть выпуклыми посредине стенками, немного изогнутым, слабо утолщенным краем и несколько выпуклым дном. Н — 7 см, $Д_1$ — 15 см, $Д_4$ — 15 см (рис. 6, *16*).

VI. Тагоры — крупные толстостенные сосуды с утолщенной в виде плоского валика закраиной. $Д_4$ — 32 см, толщина стенки — 1,2—1,3 см (рис. 6, *20*).

VII. Флягн впервые представлены целым экземпляром. Отдельные фрагменты подобных сосудов из усадьбы 1 близ Аяз-калы III опубликованы М. Г. Воробьевой [4, рис. 32, *14*, с. 153]. Они отличаются от более древних значительным увеличением объема корпуса. Горло более высокое и конической формы. Продольный диаметр — 67 см, поперечный — 57 см, $Д_3$ — 15 см, $Д_4$ — 19 см (рис. 5, *1*). Те же особенности отмечены М. Г. Воробьевой при исследовании фляг из верхних горизонтов Кой-Крылган-калы [4, с. 122].

Лепная керамика домашнего изготовления

От руки делались кувшины, горшки и котлы, жаровни, светильники. Поверхность этих сосудов неровная, шероховата от примесей отощителя в глине, пятниста от кострового обжига.

I. Кувшинов мало, целых экземпляров нет. Судя по фрагментам горловин, сосуды были безручными или одноручными и походили на кувшины вышеописанной светлоангобированной посуды, изготовленной профессионалами (рис. 3, *16*; рис. 4, *2*).

II. Горшки воспроизводили форму гончарных типа 1. Это сосуды с низкой, но отчетливо выделенной шейкой, покатыми плечиками и плавно сужавшимся книзу туловом. Переход к плечикам в некоторых случаях подчеркнут выступом. Закраина в этих экземплярах утолщена и отвернута наружу. Н — 31 см, $Н_1$ — 15 см, $Н_2$ — 11 см, $Н_3$ — 4 см, $Д_1$ — 14 см, $Д_2$ — 30 см, $Д_3$ — 18 см, $Д_4$ — 20 см (рис. 5, *13*; рис. 4, *14*).

III. Котлы — широкие приземистые сосуды с кососрезанным, чуть утолщенным краем, загнутым внутрь. Н — ~25—26 см (дна нет), $Д_2$ — 40 см, $Д_4$ — 29 см, толщина стенки — 0,7—0,8 см, на плечиках — 1,2 см (рис. 5, *14*).

IV. Форма сосудов на кольцевом поддоне не восстанавливается. Судя по находкам в верхних слоях городища Топрак-кала (IV—VI вв.), у них были глубокий чашевидный резервуар и низкая ножка. Однако

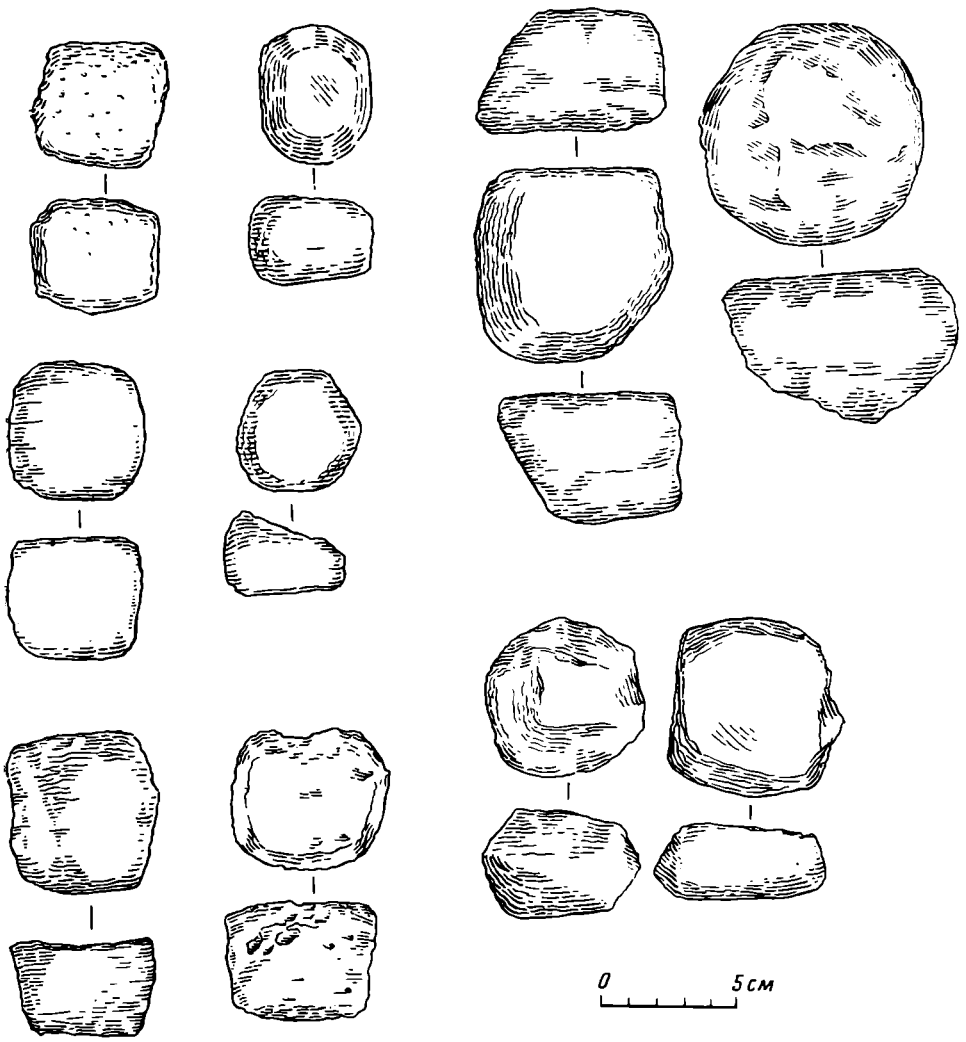


Рис. 8. Терки, терочники

не исключено, что в более раннее время форма этих сосудов могла быть несколько иной (рис. 6, *27*).

V. Маленькая фляжка с отбитым горлом относится к тому же типу, что и вышеописанная светлоангобированная. Один бок совсем плоский, другой — слабо выпуклый, поверхность очень неровная, толщина стенки разная — от 0,2 до 0,4 см. Н — 19 см, $Д_з$ — 3 см (рис. 6, *26*).

VI. Встречаются еще обломки жаровень (диаметр не реконструируется) с низким бортиком высотой 2—3 см и плоских округлых крышек с пунсонным орнаментом на верхней плоскости (рис. 6, *24*).

Приведенные аналогии датируют описанную керамику в пределах первых веков нашей эры. Обращает на себя внимание наличие хумов с валиком на плечиках и следами раскраски красным ангобом (рис. 5, *6*, *8*), а также обломка львиноголовой ручки с очень схематичным и гораздо более грубым, чем на ранних экземплярах, изображением головы льва с гривой назад (рис. 7, *1*). Переживание этих древних форм, восходящих к IV—III вв. до н. э. и позднее подвергшихся огрублению и схематизации, само по себе свидетельствует в пользу отнесения комплекса ближе к рубежу эр.

Найденные в доме катушковидные и сложнопрофилированные кольцевидные ручки сосудов (рис. 6, *28*; рис. 7, *3*) имеют аналогии в керамике из слоя городища Куня-Уаз, датированного первыми веками нашей эры парфянской монетой [3, с. 373]. Наконец, особенное значение имеют материалы из нижнего слоя уже неоднократно упоминавшегося городища Топрак-калы, поскольку этот слой не мог существовать позже середины III в. н. э., так как его верхняя граница определяется хорез-

мийскими монетами Вазамара. Добавим, что, возможно, датирующее значение будет иметь своеобразный технологический прием подгрунтовки светлым жидким ангобом под верхний красный, зафиксированный в керамике дома 2 и нижнего горизонта Топрак-калы. Продолжая сопоставление, отметим, что комплекс аналогичной светлоангобированной лепной посуды, изготовленной ремесленниками, в сочетании с описанными сходными формами гончарной посуды происходит из усадьбы 1 близ Аяз-калы III и датируется на основании находок монет Канишки II в. н. э. [1, с. 108]. Видимо, этим временем нужно датировать и дом 2 в Джанбаскалинском поселении.

В заключении следует сказать несколько слов об остальных находках в доме. Это лощила, различные терки, терочники, точила, пряслица и грузила. Терки, терочники и лощила сделаны из песчаника, серо-зеленого султан-уздагского амфилобита и керамического шлака. Последнее обстоятельство составляет особенность этих предметов быта из дома 2. Терки в большинстве случаев округлой формы, чаще всего объемные, хотя встречаются и плоские, с одной или несколькими рабочими поверхностями. Размеры: 6×5×3, 7,5×5,5×6, 5×5×4 см и т. д. (рис. 8).

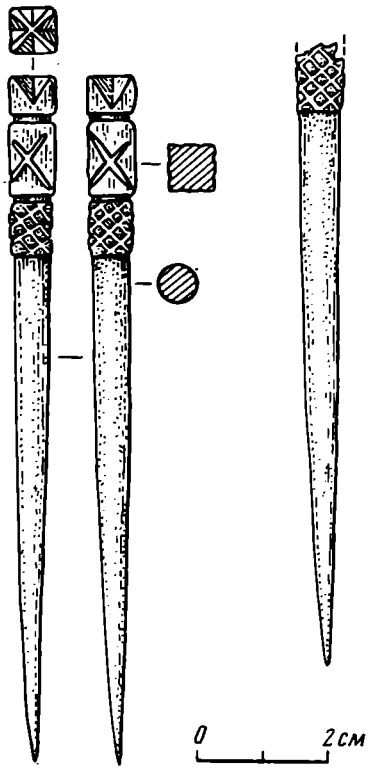


Рис. 9. Костяные шпильки

Точильные бруски четырехгранны, длина — 7—8, толщина — 5—6, ширина — 2,53 см.

Все пряслица изготовлены из стенок гончарных сосудов или поддонов дисковидных чашечек. Они плоские, диаметром от 3,5 до 5, толщиной 0,7 см, диаметр отверстия — 0,6—0,7 см. Лишь одно пряслице — из белого камня; его форма и размеры не отличаются от глиняных. Немногочисленные грузила — лепные, уплощенно-биконической формы. Д — 4,5—6,5 см, диаметр отверстия — 1—1,2, высота — 3—3,5 см. Слеплены из глины темного цвета, а более светлые — из глины, смешанной с алебастром.

Особо следует упомянуть находку трех костяных шпилек с резным навершием из двух орнаментальных поясков, увенчанных четырехгранной «короной» (рис. 9). Эти предметы, как известно, часто встречаются в слоях памятников кушанской эпохи очень широкого региона и являются весьма характерным элементом культуры данного времени. Навершия их разнообразны. Наши шпильки ближе всего к найденным в костерезной мастерской и хорезмийском укреплении Капарас [14, с. 51, рис. 4].

Насколько можно судить по имеющимся данным, большинство элементов описанного комплекса типично для городских и сельских поселений Хорезма первых веков нашей эры. Различия проявляются в разном наборе этих элементов, например различном соотношении гончарной и лепной посуды и т. д. Становится все более очевидным, что выявленная в свое время на Кой-Крылган-кале, а затем и на других памятниках, в особенности на сельских поселениях Правобережного Хорезма, серия светлоангобированной лепной посуды изготовлялась деревенскими гончарами. Ее очень мало в городах. Кроме того, как показывают раскопки Топрак-калы, в городе, естественно, больше импортных предметов, шире ассортимент посуды, иной облик орудий труда, например гораздо больше костяных и каменных пряслиц. На новом материале находит подтверждение сделанный ранее вывод о разном качестве продукции городских и сельских гончаров [4, с. 156].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М.: Изд-во МГУ, 1948.
2. *Массон В. М.* Археологические комплексы и культурный процесс в древней Средней Азии.— В кн.: Античная культура Средней Азии и Казахстана. Сборник тезисов. Ташкент: Фан, 1979.
3. *Неразик Е. Е.* Археологическое обследование городища Куня-Уаз в 1952 году.— ТХЭ, 1958, т. II.
4. *Воробьева М. Г.* Керамика Хорезма античного периода.— ТХЭ, 1959, т. IV.
5. *Рапопорт Ю. А.* Раскопки городища Шах-Сенем в 1952 году.— ТХЭ, 1958, т. II.
6. Кой-Крылган-кала. М.: Наука, 1962.
7. Городище Топрак-кала. М.: Наука, 1981.
8. *Неразик Е. Е.* Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв). М.: Наука, 1976.
9. *Неразик Е. Е.* Новые материалы по землевладению и землеиспользованию в Хорезме первых вв. н. э.— В кн.: Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979.
10. *Жилина А. Н.* Жилище и семья у узбеков.— В кн.: Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1978.
11. *Кругликова И. Т.* Дильберджин. М.: Наука, 1974.
12. *Литвинский Б. А.* Керамика из памятников Западной Ферганы. М.: Наука, 1973.
13. *Завьялов В. Н.* Раскопки квартала позднекушанского городища Зар-тепе в 1975—76 гг.— СА, 1970, № 3.
14. *Коляков С. М.* Мастерская по обработке рога и кости в крепости Капарас.— В кн.: Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979.

E. E. Nerazik

AN ARCHAEOLOGICAL SITE IN KHOREZM DATED TO THE FIRST CENTURIES

Summary

This large rural settlement is found in the vicinity of the Dzhanbas-kala fortress on the right bank of the Amudarya River within the Khorezm Region. The article describes its topography, the layout of dwellings (four of which have been fully stripped), pottery and other objects of everyday use, which, combined, form and archaeological complex typical of the Khorezm culture in the early centuries of our era. A large number of vessels found intact in dwelling No. 2. considerably extends our ideas on the earthenware of this period.

В. Г. КОТИГОРОШКО

ЖЕРТВЕННИК III—IV вв. н. э. У СЕЛА СОЛОНЦЫ

В 1977—1978 гг. экспедицией Ужгородского государственного университета проводились исследования комплекса памятников (поселение, жертвенник), обнаруженных на территории Ужгородского р-на Закарпатской обл. УССР [1, с. 349]. Располагались они на юго-западной околице с. Солонцы в урочище Ковач-сене. Рельеф местности слабоволнистый, пересеченный мертвым руслом р. Бистрик. Площадь поселения 3 га. В профилях дренажных траншей зафиксировано 47 хозяйственно-бытовых объектов. Культурный слой мощностью до 0,2 м залегал на глубине 0,35 — 0,4 м от современной поверхности. На поселении раскопано жилище, подсобная постройка и три хозяйственные ямы. Жилище в плане прямоугольной формы, размером 5,2×2,6 м, углубленное в материк на 0,4 м. К восточной стене примыкал останец (2,6×1,0×0,2 м). В центральной части и у южной стены жилища находились две очажные ямы. В заполнении жилища и постройки собрано незначительное количество фрагментарной лепной и гончарной керамики, точильный брусок и обломок бронзовой одночленной фибулы.

Жертвенник располагался в 100 м к западу от поселения. После снятия верхнего слоя (0,75 м) открылась площадка, в плане почти прямоугольной формы, ориентированная по сторонам света. Размеры ее 22,8× ×16,5 м. Сверху площадка была покрыта сплошным слоем угля, перемешанного с кальцинированными костями и массой керамики. Мощность культурных отложений 0,2—0,35 м. Площадка ровная, имела небольшой наклон к югу. Ее отдельные участки, обожженные до красного цвета, содержали наибольшее скопление кальцинированных костей и находок. Со всех сторон площадка была окружена рвом шириной 1,4—2,6 и глубиной 0,5 м. Стенки рва под небольшим наклоном сужаются к ровному днищу. В юго-восточной части ров расширяется до 3,8 м и плавно переходит в площадку — место проведения сожжений, на которой находилось 12 ямок от столбов (рис. 1).

С территории памятника собрано 15 265 фрагментов гончарной и 972 фрагмента лепной керамики, разбитой на мельчайшие куски. Преобладающее большинство фрагментов (80—85%) имеет следы вторичного обжига, ошлакованность. Подсчетами установлено, что в период проведения трупосожжений разбито более 500 гончарных сосудов. Среди них сероглиняных: 340—360 мисок и мисочек, 10—12 ваз, около 40 кувшинов и более 15—20 кубков. Большинство из них покрыто штампованным орнаментом (рис. 3, *4*). Лепную посуду составляют фрагменты от 80—100 небольших горшочков, бóльшая часть которых деформирована и ошлакована (рис. 2). Широко представлены на памятнике и индивидуальные вещи. Это фибулы, пряжки, ножи, бусины, подвески, фрагменты стеклянных кубков, молоток, оселок, обломки костяных гребней, морские ракушки, пряслица, кусочки серы (рис. 5—8). В большом количестве встречались пластинки — оковки и оплавленное стекло синего и зеленоватого цвета. Оплавленность некоторых подвесок, стеклянных бус, серый цвет сердоликовых, окалина на ножах и пластинках, деформация части пряслиц — свидетельства их пребывания в пламени погребального кострища.

В процессе исследования солонцовского комплекса отмечены некоторые элементы, связанные с конструкцией культового сооружения. В пер-

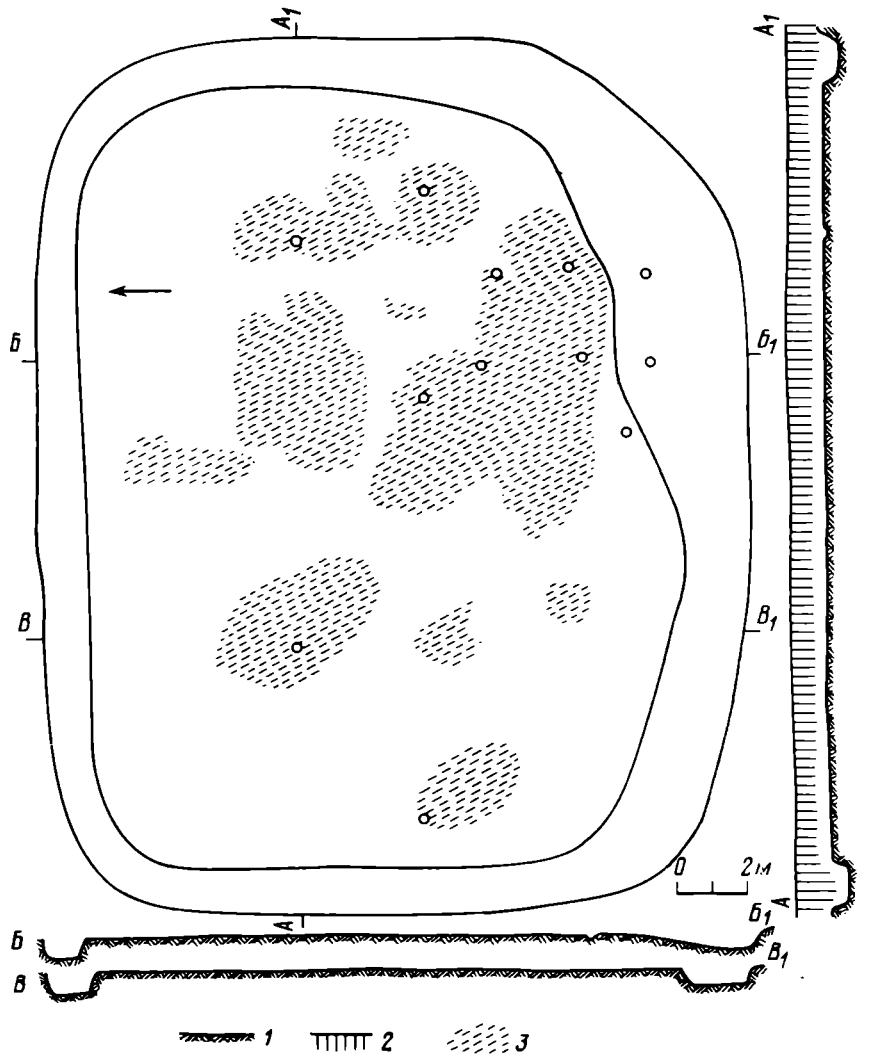


Рис. 1. План и разрезы жертвенника в с. Солонцы. *1* — материк; *2* — верхний слой; *3* — обожженные участки

вую очередь было обращено внимание на разницу глубин залегания древнего горизонта синхронных поселения (0,35—0,4 м) и жертвенника (1,0—1,1 м). Жертвенник располагался, вероятно, в выемке искусственного происхождения.

Устройство и мощность культурных отложений жертвенника говорит о его длительном использовании. Незащищенность места проведения кремаций от погодных условий и расположение в выемке должно было способствовать его затоплению и разрушению. Однако наклон площадки и ров, служивший не только культовой деталью, но и водосборником, предохраняли жертвенник от разрушения.

Вход на культовую площадку находился в юго-восточной части, где, по-видимому, располагалось ритуальное сооружение, от которого сохранились столбовые ямки. Остальные столбы, расположенные на местах интенсивного горения, могли входить в конструкцию кострищ (рис. 1).

Полученные при исследовании жертвенника данные позволяют воссоздать некоторые детали ритуала. После проведения определенных церемоний на возведенное кострище в полном убранстве клали жертву, на что указывают атрибуты одежды (фибулы, пряжки) и украшения (подвески, бусы). Из вещей, которые сопровождали сожжения, можно отметить только пряслица. Молоток, бронзовый нож и оселок найдены во рву и не относились к инвентарю жертв.

Для разжигания кострища и его интенсивного горения использовалась сера. В период кремации в огонь кострища бросалась посуда, обломки

которой под действием высокой температуры ошлаковывались и деформировались.

Остатки кремации не приводились в какой-либо порядок и не присыпались землей. Не было засвидетельствовано и помещение сопровождающего инвентаря, в том числе сосудов-приставок с ритуальной едой. Обнаружены лишь предметы, находившиеся на жертве в момент сожжения.

В результате многократного сожжения образовалось мощное культурное напластование с большим содержанием сильно пережженных, мел-

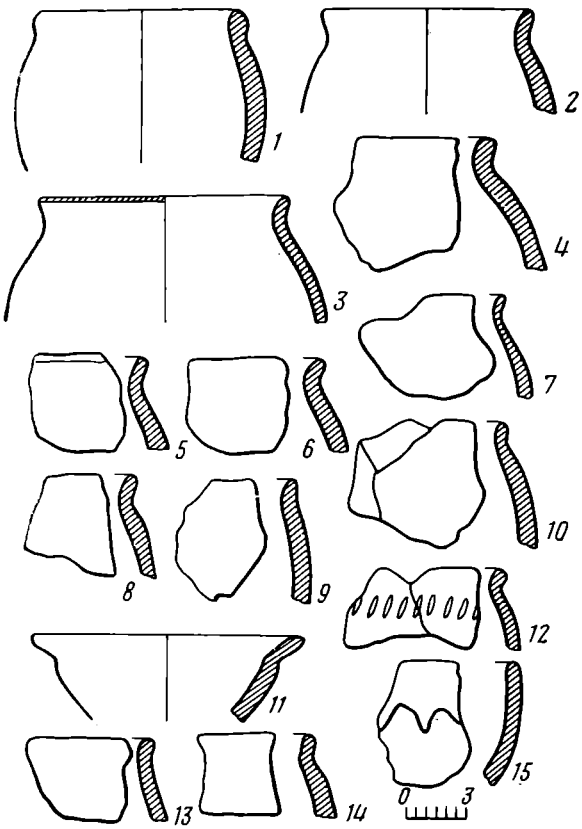


Рис. 2. Основные типы лепной посуды

ких человеческих кальцинированных костей. По интенсивности сгорания они близки остаткам кремаций в курганах Изского некрополя конца III—IV в. [2]. Индивидуальные захоронения этого могильника позволили определить вес костей от одного сожжения, составляющего в среднем 150—200 г.

В культурных отложениях Солонцов содержалось более 25 кг костей, из которых 12 кг удалось собрать. Сравнивая данные Изы и жертвенника, считаем, что на последнем было кремировано не менее 120—170 человек.

Жертвенник в Солонцах относится к довольно редким памятникам и в римское время не знает себе подобных. Зато известны более ранние культовые объекты аналогичного характера, входящие в круг древностей пуховской культуры на территории Северной Словакии. Так, человеческие жертвоприношения засвидетельствованы в культовом объекте Просне, расположенном в углублении естественного происхождения. Из отдельных обрядов ритуала здесь отмечаются четвертование жертв, отлив крови, кремация. Сожжение не всегда полное. В период жертвоприношения в кострище бросали посуду, что связано с представлениями об анимистической сущности предметов. В Просно собрано 5500 фрагментов керамики, с преобладанием гончарной (графитовые, расписные и сероглн-

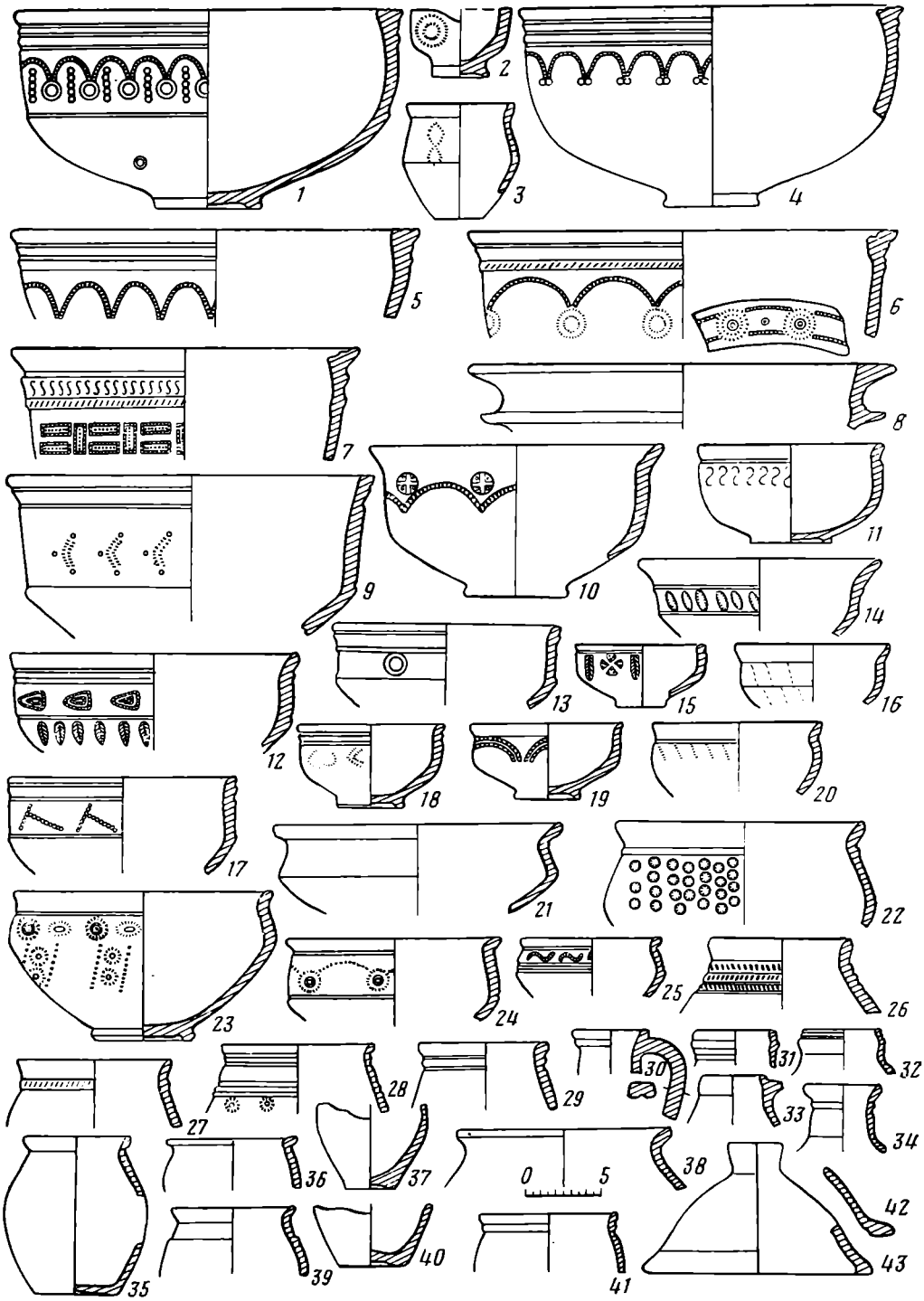


Рис. 3. Типы гончарной керамики

няные сосуды), большое количество личных вещей. Датируется памятник I в. до н. э. [3].

От пуховских жертвенников Солонцы отличаются своими размерами. Это связано с тем, что в данном случае мы имеем дело с культовым центром, обслуживающим скорее всего не только рядом находящиеся селища, но и жителей сопредельных поселков. В настоящее время в радиусе 3—5 км от Солонцов зафиксировано семь поселений (Паладь Комаровцы II, III, Галоч, Шишловцы, Тарновцы, Струмковка I, II), население которых могло быть включено в совершение совместных ритуальных обрядов.

Проникновение обряда человеческих жертвоприношений в Горное Потисье связывают с волной кельтской цивилизации в период ступени ТС2

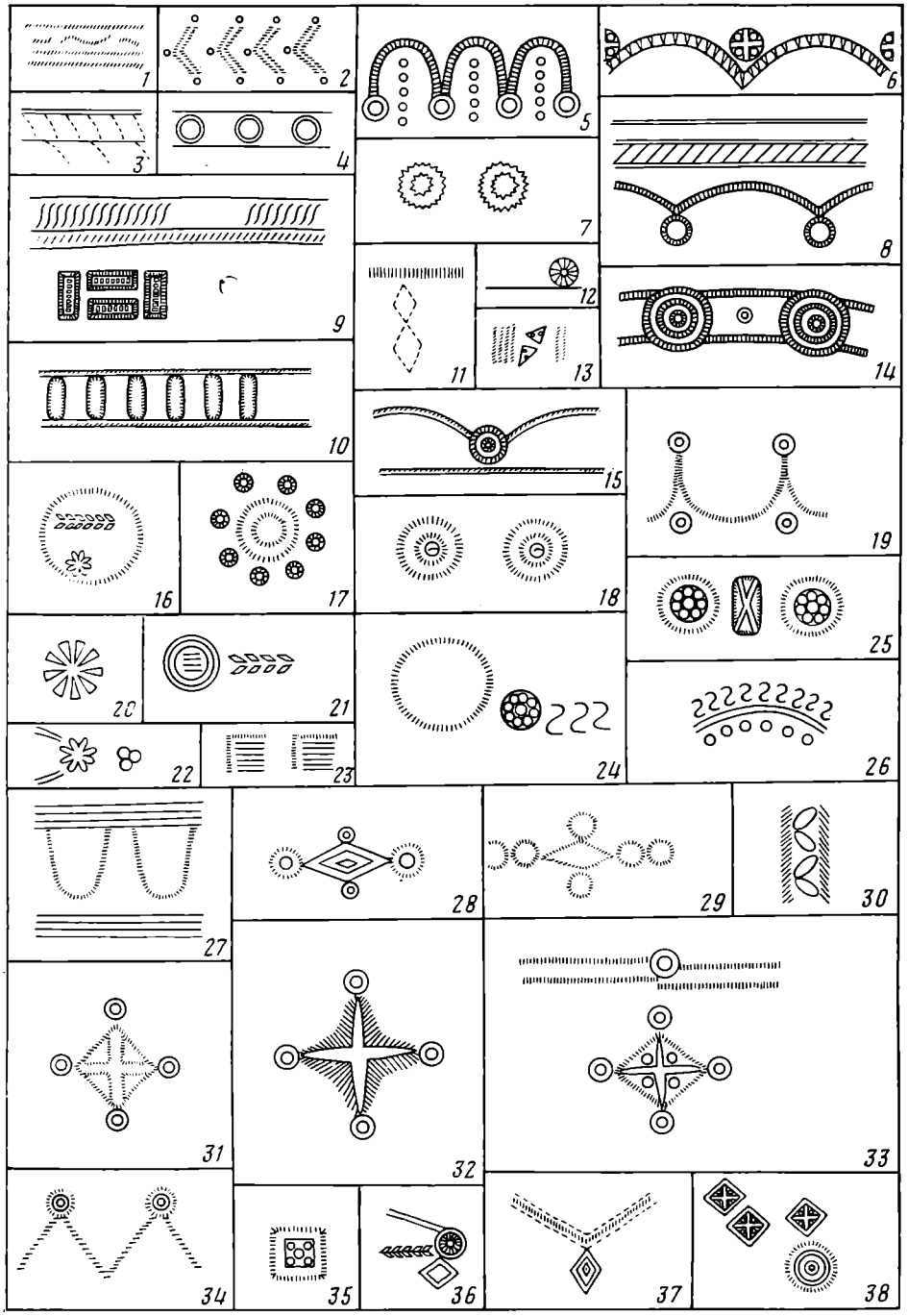


Рис. 4. Образцы штампованного декора на сероглиняной посуде

[3, с. 285]. Наличие этого обычая у кельтов Галлии отмечает Цезарь (Caes., VI, 16). Подтверждением и объяснением сути ритуала могут служить этнографические данные. Так, у кельтских народов Великобритании доныне сохранился пережиток человеческих жертвоприношений богу огня Белтану-Белениусу. Проходил он следующим образом. Возле села из определенных пород дерева раскладывался костер, вокруг которого выкапывался ров (как в Солонцах). С первыми лучами восходящего солнца 1 мая костер зажигали и с пением гимна солнцу процессия, во главе со жрецами-друидами, трижды обходила костер по рву. В это же время имитировалось человеческое жертвоприношение. Цель церемонии — умилостивление и почитание сил природы, и прежде всего бога солнца, направленные на сохранение стада, получение приплода и хорошего урожая [4, с. 99, 100]. По Б. А. Рыбакову, широко практиковавшиеся об-

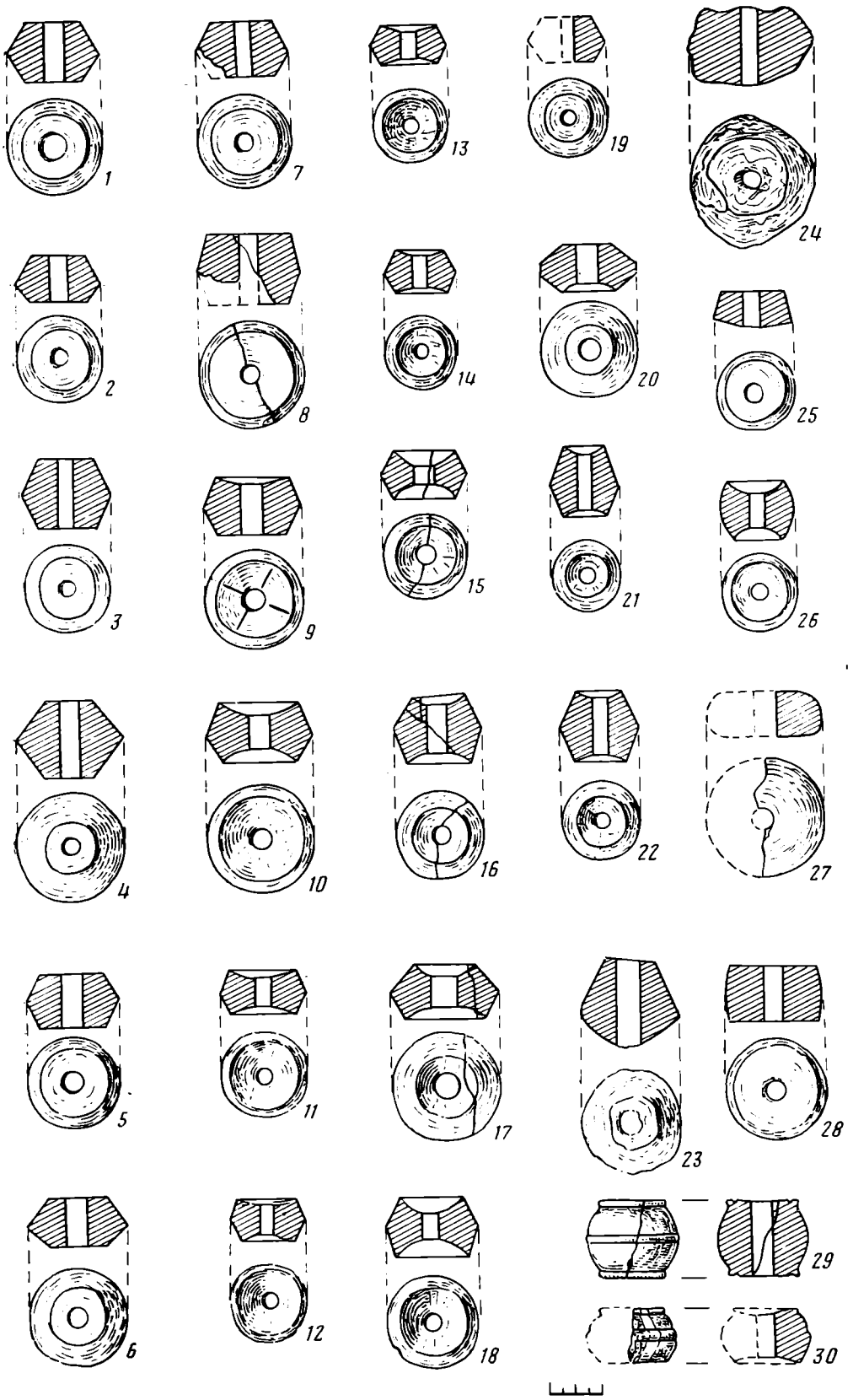


Рис. 5. Пряслица

щественные костры в ночь с 30 апреля на 1 мая (Вальпургиева ночь) связаны с охранительной целью, с целью оберечь новорожденные ростки посевов [5, с. 317]. Таким образом, проводившиеся в Солонцах ритуальные сожжения в первую очередь были связаны с культом плодородия, занимавшего в религии земледельческих племен и народов главенствующее

Рис. 6. Инвентарь жертвенника

положение. Проявление этого культа, как будет показано ниже, находит отражение в семантике орнаментов солонцовской посуды. Бóльшая часть сюжетов не случайно посвящена изображениям солнца, неба, влаги — источников урожая, благополучия, жизни.

Обряд ритуального человеческого жертвоприношения, проникнув в верхнетисскую северофракийскую среду в III—II вв. до н. э., сохраняется на протяжении значительного времени. «Раз возникнув, религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованных от прежних времен» (К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч. 2-е изд., т. 21, с. 315).

Не исключено, что обряд человеческих жертвоприношений мог практиковаться у местного населения задолго до прихода в регион кельтов.

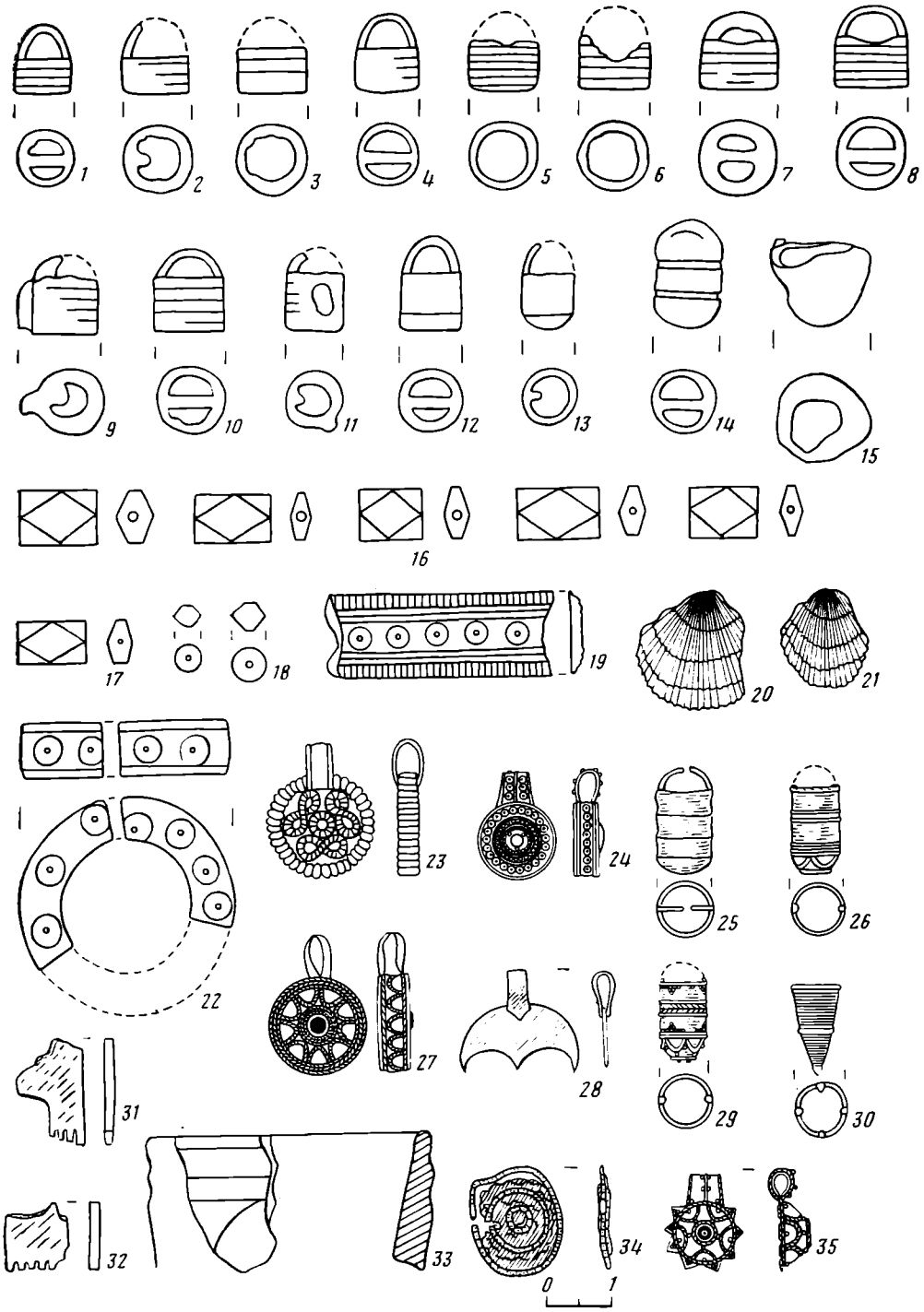


Рис. 7. Инвентарь жертвенника

Это предположение подтверждает свидетельство Геродота (Herod. IV, 94), согласно которому геты каждые 5 лет отправляли вестника к своему главному богу — Залмоксису, предварительно убив его. На существование ритуального убийства у гето-даков времен Буребисты (середина I в. до н. э.) указывает и И. Г. Кришан [6, с. 457].

Наиболее массовый материал жертвенника — керамика — по способу изготовления делится на лепную и гончарную. Лепная посуда формовалась из глиняного теста с примесью шамота, реже добавлялись песок или дресва. Обжиг достаточный, цвет желтый, коричневый, поверхность иногда бугристая от выступающих зерен шамота. В состав лепной посуды входят горшки и чашки.

Рис. 8. Золотые подвески

Горшки небольших размеров, диаметр венчика 10—12 см. Венчик короткий, плавно отогнут, тулово овальное и округлое. Наибольшее расширение приходится на середину или на верхнюю треть сосуда. Отдельные экземпляры украшены насечкой по венчику или тулову (рис. 2, *1—10*, *12—13*). Аналогичные горшки известны по позднеримским поселениям Восточной Словакии [*7*, рис. 17, *6*, *13*, *14*, рис. 36, *1*, *39*] и Закарпатья, в керамических комплексах культуры карпатских курганов [8, с. 22, табл. XVI, *2*; XVII, *1*; XX, *1*], среди инвентаря дакийского могильника III—IV вв. в Медиешул Аурите [9, с. 43, рис. 22, *3*].

В коллекции находились две чашки. Первая — с плавно отогнутым венчиком (диаметр 13 см), четко выделенными плечиками и коническим туловом (рис. 2, *11*). По своей форме тождественна дакийским чернолощеным мискам [10, рис. 73, *3*]. Вторая чашечка с прямым невыделенным венчиком и овальным туловом, сужающимся к днищу. По тулову украшена небрежно прочерченной волнистой линией (рис. 2, *15*). Прямые аналогии чашке имеются среди инвентаря селища III—IV вв. Озд в Венгрии [11, с. 63, 193, табл. X, *4*] и нижнего горизонта Прешовского селища в Восточной Словакии [12, с. 24, табл. VII, *7*].

Гончарная керамика по технологии изготовления делится на две группы. Первую составляет высококачественная сероглиняная посуда, сформованная из хорошо отмученного глиняного теста без видимых примесей или с добавлением очень мелкого шамота. Обжиг печной. Основные формы — миски, вазы, горшки, кубки, кувшины.

Доминирующее положение в керамической коллекции Солонцов занимают сероглиняные *миски*. Выделяется два основных типа.

I тип — открытые миски с плавно отогнутым или чуть выделенным венчиком. Плечики прямые, развернутые. Тулово округлое или с резким переломом. В ряде случаев имеется горизонтальный желобок или рубец. Диаметр венчика 9—19 см (рис. 3, *10—19*).

II тип — биконические миски. Диаметр венчика (8—14 см) меньше диаметра тулова. Венчик короткий, отогнутый, обычно отделен от корпуса желобком (рис. 3, *20—25*).

Миски этих типов в III—IV вв. получили широкое распространение на большой территории. Особенно близки по форме и орнаментации коллекции мисок с селищ Закарпатья и Восточной Словакии [13, табл. V, VI, VIII].

Вазы. Крупные, глубокие сосуды с широким горизонтальным или чуть наклоненным внутрь венчиком. Выделяются три типа.

I тип — вазы с вертикальными стенками, плавно сужающимися к днищу на кольцевом поддоне. Венчик отделен от тулова желобками и выступами-рубцами. Диаметр венчика 25—26 см, дна — 6—7, высота — 13 см (рис. 3, *1*, *4*).

II тип — вазы с четко выделенным венчиком и развернутыми на внешнюю сторону стенками. Фрагменты от одной вазы имеют резкий перелом тулова. Диаметр венчика 23—28 см (рис. 3, *5—7*, *9*).

III тип — ваза с широким горизонтальным венчиком и «карнизом» под ним. Венчик украшен штампованным декором. Диаметр венчика 28 см (рис. 3, *8*).

Изготовлены вазы по образцам керамической продукции римско-провинциальных мастерских. В частности, I тип по своей форме соответствует вазам терра сигиллата, например, экземпляру с Братовского кургана [14, рис. 2, *7*].

Горшки. Составляют небольшую и довольно фрагментарную группу сероглиняной керамики. Это миниатюрные сосуды, диаметр венчика которых не превышает 7—12 см. (рис. 3). Представление о форме горшков дает реконструированный экземпляр. Он имеет профилированный венчик и округлобокое тулово, с наибольшим расширением в центральной части. Диаметр венчика 7 см, дна — 5,4, высота — 10,3 см (рис. 3, *35*).

Кувшины. По степени раздробленности аналогичны горшкам. На основании сохранившихся венчиковых частей можно выделить узкогорлые и широкогорлые кувшины. Для первых характерно наличие высокой рельефной шейки. Венчик плавно отогнут или не выделен, его диаметр 4—5,5 см (рис. 3, *30—34*). Широкогорлые кувшины имеют плавно отогнутый венчик, короткую шейку и выпуклобокое тулово. Диаметр венчика 8, 5—10 см (рис. 3, *27—29*).

Кубки. Миниатюрные сосуды горшковидных форм (рис. 3, *2*, *3*). Реконструированный экземпляр биконический, с плавно отогнутым венчиком. Диаметр венчика 7 см, дна — 4, высота — 7 см (рис. 3, *3*).

Бóльшая часть сероглиняной посуды орнаментирована горизонтальными желобками и валиками, штампованным узором. Особенно богато и разнообразно украшены миски и вазы. Декор наносился зубчатым колесиком, заостренной палочкой и главным образом специальными штампами. Судя по материалам Берегшураньского гончарного центра, это были орудия сигаровидной формы, изготовленные из глины. Узор вырезали на их торцах [1].

Разнообразие, а в отдельных случаях и уникальность орнаментальных схем позволяют выделить шесть основных групп штампов. В основу классификации положен символический смысл узоров.

Группа I. Солярные знаки. Наиболее распространенное изображение на сосудах. Выступает в комбинациях с другими узорами. Передают изображение солнечного диска в виде концентрических окружностей разного диаметра или колеса со спицами. Зачастую выполнены насечкой (рис. 4, *4*, *7*, *12*, *14*, *17*, *18*, *24*, *25*, *29*, *38*).

Группа II. Арочные и остроугольные знаки (рис. 4, *2*, *5*, *6*, *8*, *15*, *19*, *26*, *27*, *34*, *37*).

---

[1] Фонды музея им. Андраша Йоши в г. Ниредьхазе (ВНР). Археологическая группа и экспозиция. Раскопки 1966—1969 гг.

Группа III. Крестовидные знаки. Обычно замкнуты в квадрат или ромб. К концам креста примыкают кружки. Выполнены прямыми линиями или насечкой (рис. 4, *31—33*).

Группа IV. Растительные знаки. Переданы в виде изображения колосков и цветков (рис. 4, *16*, *20—22*, *30*, *36*).

Группа V. Эсовидные, в виде вопросительных знаков, наклонные пунктирные и прямые линии (рис. 4, *1, 8, 9, 24, 26*).

Группа VI. Геометрические знаки. Прямоугольники, квадраты, треугольники, ромбы. Выполнены прямыми и пунктирными линиями, насечкой (рис. 4, *9, 11, 13, 28, 29, 35, 38*).

В большинстве случаев перечисленные знаки выступают в комбинациях с преимущественным включением изображения солнца, являвшегося важнейшим элементом в аграрном культе. Солнце, как символ животворящего и плодоносного светила, передано рядом сюжетов: колосок с цветком в круге (рис. 4, *16*); три вписанные друг в друга окружности и рядом расположенный колосок (рис. 4, *21*); колесо со спицами с примыкающими к нему колоском и квадратом (рис. 4, *36*); вписанные друг в друга круги, последний выполнен насечками, и рядом расположенные квадраты, разделенные на четыре части, с точкой в каждом (рис. 4, *38*). Квадраты здесь являются символами засеянного поля и плодородия [5, с. 179].

Небо, как и солнце, занимавшее главенствующее место в аграрных культах, являлось источником жизненно важной влаги и передавалось полукружием арок [5, с. 279]. Изображению дождя, воды отвечают узоры V группы знаков.

С идеей неба связано и почитание гор [5, с. 343, 351], переданных в виде остроконечников с розетками на вершинах (рис. 4, *34*).

Изображение арок с дисками (рис. 4, *6, 8, 15*), возможно, связано с представлением о движении солнца по небесному своду. В связи с этим интересна и комбинация в виде розетки в окружении восьми кружков (рис. 4, *17*). Не является ли число кружков отражением числа планет в космогонических представлениях древнего населения? Согласно свидетельству Иордана (Jord. 69), северофракийцы, к которым принадлежало и население Верхнего Потисья, обладали значительными астрономическими знаниями.

И наконец, ромбическо-крестовидные знаки. По мнению Б. А. Рыбакова, они тяготеют к тем областям, где наряду с земледелием очень важную роль играет скотоводство [5, с. 336].

По орнаментальным мотивам и формам мисок, ваз сероглиняная керамика наиболее близка продукции, выпускавшейся в Берегшурани[2]. Это позволяет предположить поступление высококачественной берегшураньской посуды в район Солонцов.

Вторую группу гончарной керамики составляют горшки и крышки, сформованные из глиняного теста с большой примесью мелкозернистого песка. Обжиг хороший, цвет серый. Горшки небольших размеров (диаметр венчика 8—14 см), с профилированным венчиком и выпуклобоким туловом (рис. 3, *36—41*) Крышки конической или полусферической формы (рис. 3, *42*, *43*). Подобная посуда повсеместно встречается на памятниках Закарпатья III—IV вв.

Помимо посуды широко представлены в Солонцах пряслица (41 экз.). В большинстве своем они изготовлены на гончарном круге или токарном станке. Тесто с примесью мелкозернистого песка. Цвет желтый, коричневый, серый. Преобладающая часть пряслиц имеет следы вторичного обжига, а отдельные экземпляры ошлакованы и деформированы (рис. 5, *23*, *24*, *30*). По форме их можно разделить на три типа.

I тип — биконические (доминирующие в коллекции). Различаются пропорциями, размерами и наличием или отсутствием вогнутости осно-

---

[2] Памятник расположен на границе СССР с ВНР, в 50 км к юго-востоку от с. Солонцы. Фонды музея им. Андреаша Йоши в г. Ниредьхазе (ВНР). Археологическая группа и экспозиция. Раскопки 1966—1969 гг.

ваний. Наибольший диаметр 2,6—4,0 см, высота 1,4—2,7, диаметр отверстия 0,6—0,9 см (рис. 5, *1—23*).

II тип — шаровидные пряслица. Наибольший диаметр 2,8 см, высота 2,2, диаметр отверстия 0,6 см (рис. 5, *26*).

III тип — плоские круглые пряслица. Наибольший диаметр 3,6—4,2, высота 1,7—2, диаметр отверстия 0,7—0,8 см (рис. 5, *27*, *28*).

Единичным экземпляром представлено бочонковидное пряслице. Его основания выделены, по корпусу идут две горизонтальные линии. Наибольший диаметр 3,3 см, высота 2,8, диаметр отверстия 0,8 см (рис. 5, *29*).

Основную часть индивидуального инвентаря составляют принадлежности одежды (фибулы, пряжки) и женские украшения (подвески, бусы).

Фибулы (12 экз.). Изготовлены из железа и бронзы. Сохранность плохая. Определению поддаются восемь фибул, выделенных в два типа.

I тип — одночленные прогнутые, с узкой подвязной ножкой. Пружина короткая, с передней тетивой. Спинка изогнута коленчато или «полуциркульно». Сечение корпуса обычно круглое, реже полукруглое. Длина 4, 5—7 см (рис. 6, *1—6*, *8*). Проводя анализ одночленных фибул с территории Словакии, Т. Колник пришел к выводу, что они являются продукцией местного производства Карпатской котловины, возникая здесь в конце II — начале III в. н. э. Широкое распространение получили в в стадиях С2-С3 [15, с. 202, 219]. М. Ламиова-Шмиедлова относит проникновение этих фибул в Словакию к III в. н. э. [16, с. 21].

Определение одночленных фибул проведено словацкими исследователями суммарно. А. К. Амброз выделил два варианта [17, с. 59]. Варианту А (круглопроволочные фибулы) соответствуют солонцовские экземпляры, которые можно датировать III в. н. э. В IV в. н. э. они выступают вместе с фибулами варианта Б (более массивные, с уплощенным корпусом, прямоугольные в сечении), занимающими доминирующее положение в комплексах. Это прослежено на могильниках позднеримского времени в Словакии и Моравии [15, 18] и имеет место в Закарпатье в Изском некрополе [2, с. 245—246].

II тип — двучленная прогнутая, с подвязной ножкой и декоративным фацетированным кольцом. Бронза (рис. 6, *7*). Датируется III в. н. э. по римским импортным вещам [17, с. 67, табл. II, *8*].

Пряжки. Бронзовые литые и железные кованые, овальной или округлой формы, с утолщенной передней дужкой (рис. 6, *9—14*, *17*). Аналогичные пряжки получили широкое распространение в позднеримское время, в том числе и на памятниках черняховской культуры [19, рис. 16]. К редким экземплярам относится железная пряжка с двураздельной рамкой (рис. 6, *15*).

Подвески. Составляют значительную группу украшений семи типов.

I тип. Наиболее многочисленный (19 экз.). Подвески-«ведерки» трех видов. Первые два изготовлены из железа.

Вид А — приземистые подвески цилиндрической формы с плоским дном. Высота корпуса (5—7 мм) равна или меньше его диаметра. Корпус в большинстве случаев рифленый (рис. 7, *1—12*).

Вид Б — подвески с цилиндрическим корпусом и сферическим донцем. Высота корпуса 8—13, диаметр 7—9 мм (рис. 7, *13—15*). Одна подвеска по корпусу декорирована двумя горизонтальными желобками (рис. 7, *14*).

Вид В — золотые подвески вытянутых пропорций, с цилиндрическим корпусом и сферическим донцем. Высота корпуса 11—12, диаметр 7—8 мм. Декорированы сканью, зернью и горизонтальными выступами (рис. 7, *25*, *26*, *29*).

Наиболее ранние подвески-«ведерки» известны в комплексах рубежа нашей эры Северного Причерноморья [20, с. 155]. В III—IV вв. становятся одним из излюбленных женских украшений и распространяются на большей части Европы [21, с. 155—157].

Подвески вида А характерны для позднеримского времени (таблица). Вместе с ними продолжают бытовать крупные подвески вытянутых пропорций, примером чего может быть коллекция Косановского могильника [22, табл. XVI, *2—7, 13*]. Подвески вида Б встречаются редко. Известны по инвентарю погребений IV в. в Костельце на Гане [18, с. 276—277, рис. 13], Каборге IV [23, с. 59, 61, табл. IX, *11, 12*]. Ближайшая аналогия золотым подвескам (вид В) находится в «княжеском» погребении Цейкова (Восточная Словакия), отнесенного К. Годловским к стадии С2 [24, с. 86, табл. XX, *21*].

Повсеместное распространение подвесок-«ведерок» предполагает их специализированный выпуск, который мог быть налажен в провинциаль-

Хронологическая таблица

Датирующие вещи	Количество	Тип вид	II в. н. э.	III в. н. э.	IV в. н. э.
Фибулы	7	I		———	.....
»	1	II		———	
Подвески	13	IA		———	———
»	3	IБ			———
»	3	IВ		——	——
»	1	II			———
»	1	VI		——	——
Пряжки	7			———	———
14-гранные бусы	6	I		———	———
Серпантинное стекло	1		.....	———	
Стеклянные кубки	2			.....	———

норимских мастерских. В первую очередь это касается золотых подвесок, изготовленных с высоким профессиональным мастерством.

II тип. Подвеска-лунница из тонкой золотой пластины с напаянным ушком (рис. 7, *28*). Лунницы известны с эпохи бронзы [25, рис. 8, *1, 2*]. В I тыс. н. э. они распространяются по всей Европе [26].

Ближайшая аналогия подвеске находится среди инвентаря разрушенных погребений в Вале Стрымбе (Семиградье). Здесь же были найдены солиды императора Грациана (367—383 гг.) и золотая двупластинчатая фибула IV в. [27, с. 117, 145, рис. 61, *4*].

III тип. Золотые подвески-медальоны, диаметром 10—13 и толщиной 2,5—3 мм (рис. 7, *24, 27, 34*; 8). Лицевая и боковые стороны покрыты узорами, составленными с помощью филиграни и зерни. В центре одной подвески вставлен синий камешек, пострадавший от пламени кострища (рис. 7, *27*).

IV тип. Сферическая подвеска с восемью лепестковидными краями, покрытыми зернью. На сфере с помощью филиграни выполнен звездчатый узор. Диаметр — 11 мм (рис. 7, *35*).

V тип. Золотая коническая подвеска, гравированная резьбой и кольцевым горизонтальным выступом. Высота 13, диаметр основания 6 мм (рис. 7, *30*).

VI тип. Ажурная круглая подвеска из золотой проволоки. В концентрический ободок впаяны три проволочки, согнутые в виде цифры 8, а в центр — кольцо. Диаметр подвески 15 мм (рис. 7, *23*). По своему виду подвеска близка розеткам фибулы-броши из погр. 8, датированного 270—310 гг., могильника Хасслебен [28, с. 347, рис. 3, *11, 12*]. Похожие подвески входили в инвентарь грунтового погребения в Заводи (Венгрия). В руке костяка лежала бронзовая монета императора Константина (306—337 гг.) [29, с. 18—20, рис. 10].

Подвески III—V типов редких форм, прямые аналогии которым не найдены.

Зернь и филигрань относятся к древним видам декора. Техника филиграни была известна еще египтянам и грекам. В Карпатском бассейне этот способ орнаментации широко распространяется во II—III вв. н. э. [30, с. 93]. Гроздьями из напаянных золотых шариков уже в IV—III вв.

до н. э. украшались гетские серьги [31, рис. XI, *1*]. Во II—IV вв. н. э. зернью покрывалась поверхность медальонов, подвесок, брошей, сережек [28, рис. 4.; 30, табл. XXIV; 32, рис. 1, *6*].

Бусы. По форме и материалу выделяются два типа.

I тип. Сердоликовые 14-гранные бусы (рис. 7, *16*, *17*) наряду с подвесками-«ведерками» — одно из излюбленных украшений женщин III—IV вв. В Верхнем Потисье они появляются не ранее начала III в. н. э. [2, с. 245—246].

II тип. Стеклянные биконические бусинки (диаметр 5—7 мм) бирюзового цвета (рис. 7, *18*). Хорошо известны по инвентарю погребений позднеримского времени, например Ружичанского могильника [33, с. 130].

Среди других вещей в Солонцах найдены ножи, молоток, гвозди, оселок (рис. 6, *28—31*), пластинки-оковки (рис. 6, *21, 23, 33, 34*), звено цепочки (рис. 6, *16*), бронзовые шпонка и бляшка (рис. 6, *18*, *24*), мелкие обломки костяных гребней и костяное кольцо с циркульным орнаментом (рис. 7, *19, 22, 31, 32*), вееровидные морские ракушки (рис. 7, *20, 21*), осколки янтарной бусины и стекла.

Ножи. Три железных с прямой спинкой (рис. 6, *25—27*) и один бронзовый ланцетовидной формы, длиной 9,4 см (рис. 6, *20*). Последний, несомненно, связан с проведением ритуала.

Молоток. Имеет слегка выгнутую форму с квадратной ударной площадкой и уплощенным противоположным концом. Рукоятка железная с заостренным концом. Длина молотка 35 см (рис. 6, *32*).

Отдельную группу находок составляют осколки стеклянных сосудов. Как и керамика, эти сосуды разбиты на мелкие кусочки и частично оплавлены. Среди собранных осколков выделяются венчиковая часть кубка и обломки сосуда с серпантинным орнаментом.

Кубок конической формы, с диаметром венчика 6,2 см. Венчик отделен от корпуса, покрытого шлифованными овалами, двумя горизонтальными желобками. Изготовлен из толстого прозрачного зеленоватого стекла (рис. 7, 33). Подобные кубки получили распространение в позднеримское время. Суммарная датировка III—IV вв. [34, с. 232—233]. В. В. Кропоткин определяет кубки этого типа IV в. [35, с. 30, 31].

Сосуд с серпантинным орнаментом представлен фрагментами тонкостенного светло-зеленого стекла с накладными стеклянными нитями. Датируются сосуды с аналогичным декором II—III вв. [36, с. 141]. Н. П. Сорокина отмечает, что особого расцвета серпантинная орнаментация тонкостенных сосудов достигла в кёльнских мастерских III в. [34, с. 234].

Спектральный анализ стекла позволяет отнести его к группе натриево-магниево-кальциево-кремнеземных стекол[3]. По составу химических элементов четко выделяются три подгруппы; подгруппа I (ан. № 2—4, 6) — обломки одного кубка; подгруппа II (ан. I, 8,9) — второго; подгруппа III (ан. № 5, 7) — обломки сосуда с серпантинным орнаментом. Химический анализ и количество фрагментов стекла позволяет сказать, что за все время кремаций в Солонцах было разбито два кубка и один сосуд (кубок или бокал) с серпантинным орнаментом.

Стекло характеризуется одной и той же загрязняющей примесью сплавов титана, железа и алюминия, которая нейтрализовалась вводом окиси марганца. Наличие идентичных загрязняющих примесей указывает на производство сосудов в одной мастерской.

Богатый вещевой комплекс позволяет с большой долей точности определить время функционирования культового сооружения. На III в. н. э. как на нижнюю дату памятника указывают фибулы и сосуд с серпантинным декором. V в. н. э. датируются подвески-«ведерки» вида Б, лунница и кубки со шлифованными овалами. Подвески-«ведерки» вида В, относящиеся, согласно К. Годловскому, к горизонту «княжеских»

---

[3] Анализ сделан старшим научным сотрудником С. П. Билак в лаборатории твердого тела химического факультета Ужгородского гос. университета.

могил (260—310 гг.) и подвески IV типа, датированные в рамках 270—330 гг., по нашему мнению, могли существовать более длительное время. Подвески-«ведерки» вида А, пряжки и 14-гранные сердоликовые бусы охватывают III—IV вв. Этой дате соответствует и керамическая коллекция жертвенника.

Таким образом, приведенный материал показывает, что трупосожжения в Солонцах проводились на протяжении III—IV вв. н. э. Длительность существования культового памятника подтверждается мощным культурным слоем и статистическими подсчетами остатков кремаций.

Из вышесказанного мы убеждаемся, что жертвенник в Солонцах относится к уникальным памятникам римского времени, отражающим мировоззрение и верования северофракийского населения Верхнего Потисья. Жертвоприношения были связаны с уранистическими культами и поклонением производительным силам земли. Ритуал отвечал земледельческо-скотоводческому способу ведения хозяйства.

Обряд ритуального сожжения людей, приносимых в жертву, возникает в регионе во II в. до н. э. и сохраняется, судя по материалам Солонцов, на протяжении длительного времени. Этому способствовали географическое положение Верхнего Потисья и обособление местного населения после гибели северофракийского государства царя Децебала (106 г.), в которое оно входило. В культуре племен горной, северо-восточной окраины Карпатской котловины, не вошедших в состав римской провинции Дакии, сохраняется определенный консерватизм, хорошо прослеживающийся на примере погребального ритуала, сохранившего свои определяющие черты в течение VI в. до н. э.— IV в. н. э. [2, с. 239, 240].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Котигорошко В. Г.* Раскопки памятников I тысячелетия н. э.— АО — 1978. М., 1979.
2. *Котигорошко В. Г.* Итоги изучения могильника Иза 1 в Закарпатье.— СА, 1980, № 1.
3. *Pieta H., Moravčik J.* Spätlaténezeitlicher Opferplatz in Prosné.— SA, 1980. r. XXVIII, č. 2.
4. *Гроздова И. Н.* Народы британских островов.— В кн.: Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в. Весенние праздники. М.: Наука, 1977.
5. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.
6. *Crisan I. H.* Burebista şi epocu su. Bucureşti, 1977.
7. *Lamiova-Schmiedlova M.* Römerzeitliche Siedlungskeramik in der Südostslowakei.— SA, 1969, r. XVII, č. 2.
8. *Вакуленко Л. В.* Пам'ятки підгір'я Українських Карпат першої половини I тисячоліття н. е. Київ: Наук. думка, 1977.
9. *Dumitrascu S., Bader T.* Asezarea liberi la Medieşul Aurit. Satu Mare, 1967.
10. *Crişan I. H.* Ceramica daco-getică. Bucureşti, 1969.
11. *Parducz M., Korek J.* Eine Siedlung aus der Kaiserzeit in Ozd.— AAH, 1959, t. X, f. 3—4.
12. *Budinský-Krička V.* Sidlisko z doby rimskej a zo začiatkov stahovania národov v Prešove.— SA, 1963, r. XI, č. 1.
13. *Lamiová-Schmiedlová M.* Dve sidliska z doby rimskej na východnom Slovensku.— SA, 1963, r. XI, č. 1.
14. *Котигорошко В. Г.* Курган первой половины III в. н. э. у с. Братово.— СА, 1979, № 2.
15. *Kolnik T.* K typologii a chronológii niekotorých spôn z mladšej doby rimskej na juhozapadném Slovensku.— SA, 1965, r. XIII, č. 1.
16. *Lamiová-Schmiedlová M.* Spony z doby rimskej na Slovensku.— Študijné zvesti Archeologického ústavu SAV, č. 5. Nitra, 1961.
17. *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР.— САИ, 1966, вып. Д1-30.
18. *Zeman J.* Severni Morava v mladšej době řimske. Praha, 1961.
19. *Барцева Т. Б., Вознесенская Г. А., Черных Е. Н.* Металл черняховской культуры. М.: Наука, 1972.
20. *Вязьмитина М. И.* Золотобалковский могильник. Киев: Наук. думка, 1972.
21. *Кропоткин В. В.* Черняховская культура и Северное Причерноморье.— В кн.: Проблемы советской археологии. М.: Наука, 1978.
22. *Кравченко Н. М.* Косановский могильник.— МИА, 1967, № 139.
23. *Магомедов Б. В.* Каборга IV (раскопки 1973—1974 гг.).— В кн.: Могильники черняховской культуры. М.: Наука, 1979.
24. *Godlowski K.* The Chronology of the Late Roman and Early Migration periods in Central Europe, Kraków, 1970.

25. *Hájek L.* Hliněné lidské plastiky z doby bronzové v Barci u Košic.– SA, 1957, r. V, č. 2.
26. *Kralovánszky A.* Adatok a Karpat-medencei X–XI századi félholdalakú csüngók kérdéséhez.– AÉ, 1959, k. 86, sz. 1.
27. *Horedt K.* Siebenbürgen in spätrömischer Zeit. Bukarest, 1982.
28. *Schmidt B.* Zur kulturellen Gliederung des Mittelelbe – und Saalegebietes während der spätrömischen Kaizerzeit und frühen Völkerwanderungszeit.– In: Kultury archeologiczneistrefy kulturowe w Europie Srodkowej w okresie wplywow rzymskich. Warszawa–Kraków, 1976.
29. *Wosinsky M. A.* Zavodi sírmező.— AÉ, 1896, k. XVI.
30. *Popilian G.* Necropolă dačo – romană de la Locusteni. Craiova, 1980.
31. *Никулицэ И. Т.* Геты IV—III вв. до н. э. в Днепровско-Карпатских землях. Кишинев: Штиинца, 1977.
32. *Kalman D.* Sümegvidéki emlékek a régibb középkorból.– AÉ, 1901, k. XXI.
33. *Винокур И. С.* Ружичанский могильник.— В кн: Могильники черняховской культуры. Москва: Наука, 1979.
34. *Сорокина Н. П.* Стекло из раскопок Пантикапея 1945—1959 гг.— МИА, 1962, № 103.
35. *Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э.— V в. н. э.).— САИ, 1970, вып. Д1-27.
36. *Высотская Т. Н.* Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев: Наук. думка, 1972.

V. G. Kotigoroshko

A SACRIFICIAL ALTAR OF THE 3rd-4th CENTURIES AT THE SOLONTSY VILLAGE

Summary

In 1977—1978 archaelogists studied a group of sites dated to the Roman times found on the outskirts of the Solontsy village (Uzhgorod District, Transcarpathian Region, Ukrainian SSR). A sacrificial altar, sank in a natural depression, aroused greatest interest. It is a nearly rectangular platform (22.8 by 16.5 m) surrounded with a moat and covered with a layer of charcoal mixed with calcinated human bones, pottery sherds (mainly of gray clay) and individual finds (Figs. 2-8). There are some red burned patches caused by sacrificial cremations (Fig. 1). The rite of human sacrifices, brought by Keltic tribes, appeared in the North Thracian milieu, in the region of the upper reaches of the Tisa River, between the 3rd and 2nd centuries B. C. It was a fertility rite associated with Uranian cults and worship of the Earth's fertility. The site functioned from the 3rd through the 4th century B. C.

С. И. ФИНОГЕНОВА

ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК ТАМАНСКОГО ГОРОДИЩА

Таманское городище дает богатый материал по средневековой поливной керамике, который в значительной степени пополнился за последние годы благодаря раскопкам Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Будучи интересной с художественной точки зрения, поливная керамика является также и важнейшим источником для изучения экономики и торговых связей. В то же время она служит надежным ориентиром для определения датировки и стратиграфии средневековых слоев в различные периоды его существования (хазарской Матлуки или Таматархи, русской Тмутаракани, половецкой Матрики, генуэзской Матреги). Многочисленная и красочная, поливная керамика издавна обращала на себя внимание многих исследователей. В настоящее время она довольно полно исследована и классифицирована в работах советских и зарубежных ученых [1—14]. В основе их изучения лежит материал, происходящий из раскопок средневековых центров на территории Советского Союза (Херсон, Корчев, Белая Вежа, Тмутаракань, города Закавказья и Средней Азии), городов Византийской империи, средневековых Афин, Коринфа, Солуни и Ближнего Востока.

Цель нашей работы — познакомить исследователей с новым, ранее не публиковавшимся материалом из раскопок последних лет и определить его место в истории развития поливной керамики.

По установившейся традиции (Р. Стивенсон, Д. Т. Райс, А. Л. Якобсон, Т. И. Макарова) в основу типологического деления поливной керамики положены цвет глины, цвет поливы и декоративные приемы орнаментации. Т. И. Макарова на основе этой классификации обработала группу поливной керамики из раскопок Таманского городища 50-х годов. Опираясь на ее работу, мы подразделяем имеющуюся в нашем распоряжении керамику на две крупные группы — белоглиняную и красноглиняную, каждая из которых имеет более дробное деление на типы по характеру орнамента и технике его исполнения. Внутри типов в свою очередь можно наметить несколько видов, которые являются различными вариантами одного типа орнаментации [1]. Материал изложен в историческом плане, что помогает проследить торговые связи и экономическое развитие средневековой Тамани на различных этапах ее существования.

Группа I. Белоглиняная керамика.

Наиболее ранние экземпляры поливной керамики, найденные на Таманском городище, относятся ко второй половине IX в. и представлены фрагментами византийской белоглиняной посуды. В количественном отношении она довольно многочисленна: из 109 фрагментов поливных сосудов, найденных в различных слоях, 27 относятся к этой группе и принадлежат по крайней мере 20 экземплярам.

Тип I. Монохромная керамика. Эта керамика имеет белый или розовый в изломе черепок и покрыта зеленой или светло-желтой прозрачной поливой с более интенсивными по цвету пятнами плохо растворившегося красителя. В изобилии ввозившаяся в Северное Причерноморье в IX—X вв., эта керамика представлена почти всеми типами сосудов, су-

[1] Цифровое обозначение видов не всегда совпадает с нумерацией Т. И. Макаровой.

ществовавшими в это время в Византии: блюдами, тарелками, чашами, вазонами, кувшинами, нагревательными сосудами. Среди монохромной керамики выделяются сосуды двух видов: без орнамента и со штампованным орнаментом [2].

Вид 1. Керамика без орнамента. Из раскопок последних лет происходит несколько фрагментов тарелок и мисок на кольцевом поддоне и с треугольным, слегка оттянутым наружу венцом, фрагмент плоскодонной

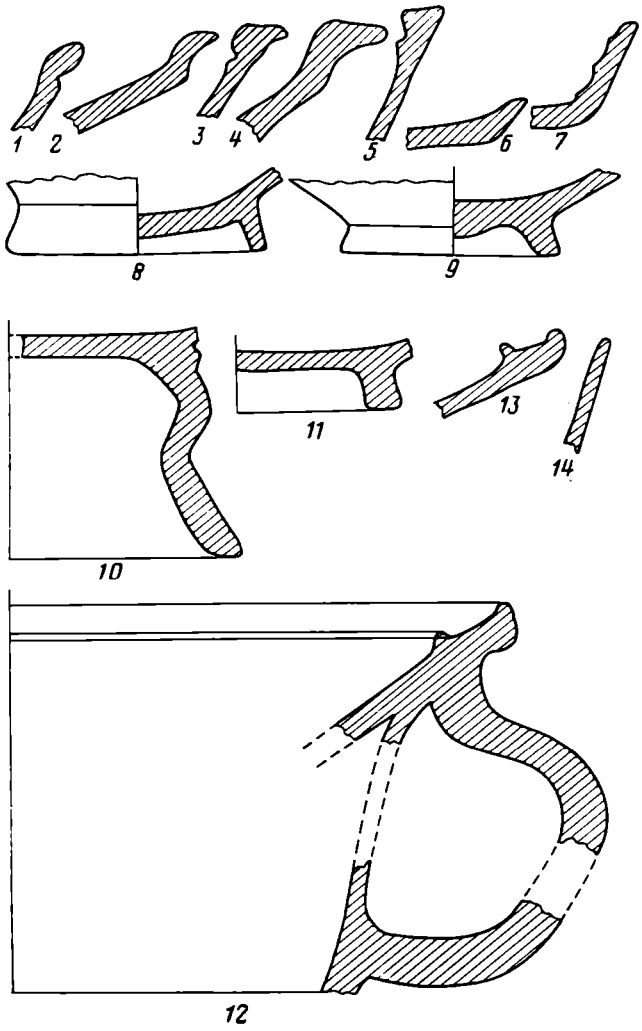


Рис. 1. Монохромная белоглиняная керамика IX—X вв.

чаши и часть плоскодонного закрытого сосуда (рис. 1, *1—9*). Интересен фрагмент нагревательного сосуда, стенки которого, раздваиваясь, образуют дно и высокий поддон, между которыми закладывались тлеющие угли, подогревавшие пищу (рис. 1, *12*). Сосуды такого типа были найдены в Большом Дворце в Константинополе [11, табл. 16, *21*, 21 *12*], в Коринфе [10, табл. 24, *а*, 25], в Херсоне [7, с. 134].

Вид 2. Сосуды со штампованным орнаментом. Сосудов, украшенных штампованным орнаментом, в описываемой коллекции найдено немного, хотя среди других средневековых центров они составляют довольно многочисленную группу. В слое X в. был найден фрагмент дна тарелки или плоского блюда на низком поддоне: покрытый пятнистой зеленой поливой (рис. 1, *11*). На дне сохранилась часть рельефного орнамента в виде розетты из каплевидных лепестков, между которыми помещены выпуклые треугольники и сегментовидные валики. Все изображение по-

[2] Поскольку находки фрагментарны, а штампованный орнамент часто расположен только на дне, то их деление на виды условно.

мещено в круг. Керамика с аналогичным штампованным орнаментом найдена в Херсоне [3, с. 84, рис. 51, *8*, *9*; 7, с. 133], в Саркеле [6, с. 289, рис. 8], в Корчеве [5, с. 10—11]. Найдена она также в Афинах [12, с. 322, рис. 17, *е*] и Константинополе [10, табл. IV, VII, *а*, *b*]. Второй фрагмент принадлежит, вероятно, вазону на высокой ножке (рис. 1, *10*). Внутренняя часть дна была украшена штампованной розеттой, от которой сохранилась незначительная часть. Сосуды типа вазонов довольно редки, несколько экземпляров их найдено в Херсоне [3, с. 84 и сл., рис. 51, *4—7*]. Как и вся белоглиняная керамика, она датируется IX—X вв.

Вид 3. Керамика с мазками красной глины. Этот вид керамики является как бы переходным этапом между монохромной керамикой и керамикой с подглазурной росписью. Орнаментация очень примитивна. Чаще всего весь декор сводится к нерегулярным ровным полосам или радиально расположенным мазкам коричневого цвета. Глина, которой они были нанесены, слегка выступает под прозрачной желтой поливой. Этот вид представлен двумя венчиками, один из которых принадлежит небольшой чашечке, другой — тарелке (рис. 1, *13, 14*). Край тарелки оформлен в виде двух параллельных валиков с углубленной дорожкой между ними. Благодаря такой конфигурации борта эта керамика получила название керамики с «рельсовидным» или «прокатным» краем. Существует мнение [3, с. 83, 84], что она привозилась первоначально из Византии в Херсон, откуда развозилась в другие центры, в том числе и в хазарскую Матлуку. Это утверждение скорее всего не правомерно, так как в хазарский период Матлука была одним из крупнейших городов хазарского каганата, а удобное географическое положение могло способствовать превращению ее в торговый центр или в крупный торговый перевалочный пункт.

Дальнейшее декоративное оформление белоглиняной поливной керамики получило развитие в виде подглазурной росписи.

Тип. II. Керамика с подглазурной росписью.

Вид 1. Керамика с росписью крестами. Керамические изделия с подобной орнаментацией, по мнению исследователя Ч. Моргана, производились в Византии и имели вполне определенные временные границы — IX—X вв. [10, с. 65, рис. 47]. Из средневековой Тамани происходит небольшой фрагмент сосуда, дно которого украшено крестами темно-коричневого (марганцевого) тона (рис. 2, *2*). Фрагмент принадлежит небольшому белоглиняному сосуду — возможно, чашке на низком поддоне. Светлая, почти бесцветная жидкая свинцовая полива с редкими, еле заметными вкраплениями окиси меди покрывает сосуд как изнутри, так и снаружи. Аналогичной росписью украшены небольшие чашечки из Керчи [5, с. 15, табл. II, *1*, III, *5*] и Саркела [6, с. 292—294]. По времени это один из наиболее ранних видов подглазурной росписи, которая датируется IX—X — началом XI в.

Вид. 2. Керамика с росписью черно-белыми разводами. Эта керамика с росписью густой черной краской по непрозрачному белому фону встречена несколько раз в Керчи, в Саркеле, в Тмутаракани [5, с. 21, табл. V, *1—3*]. Отдельные экземпляры ее происходят из Большого Дворца в Константинополе [11, табл. 22, *1*] и из Коринфа [10, с. 69]. В нашем материале она представлена лишь одним фрагментом края тарелки (рис. 2, *1*). Уплощенная по форме тарелка имела плавно изогнутый край. Внутренняя поверхность ее была эффективно расписана черными и белыми разводами, нанесенными густой черной краской и густым белым ангобом. По краю шла полоса светло-коричневой глянцевой поливы с отдельными пятнами белого ангоба. Данный фрагмент имеет одну особенность — сочетание прозрачной глянцевой поливы и глухой матовой. Подобная керамика встречена преимущественно в Большом Дворце в Константинополе, что позволяет предполагать ее византийское происхождение. Роспись черно-белыми разводами напоминает арабские надписи, что, по мнению некоторых ученых, является подражанием восточному письму (Ч. Морган).

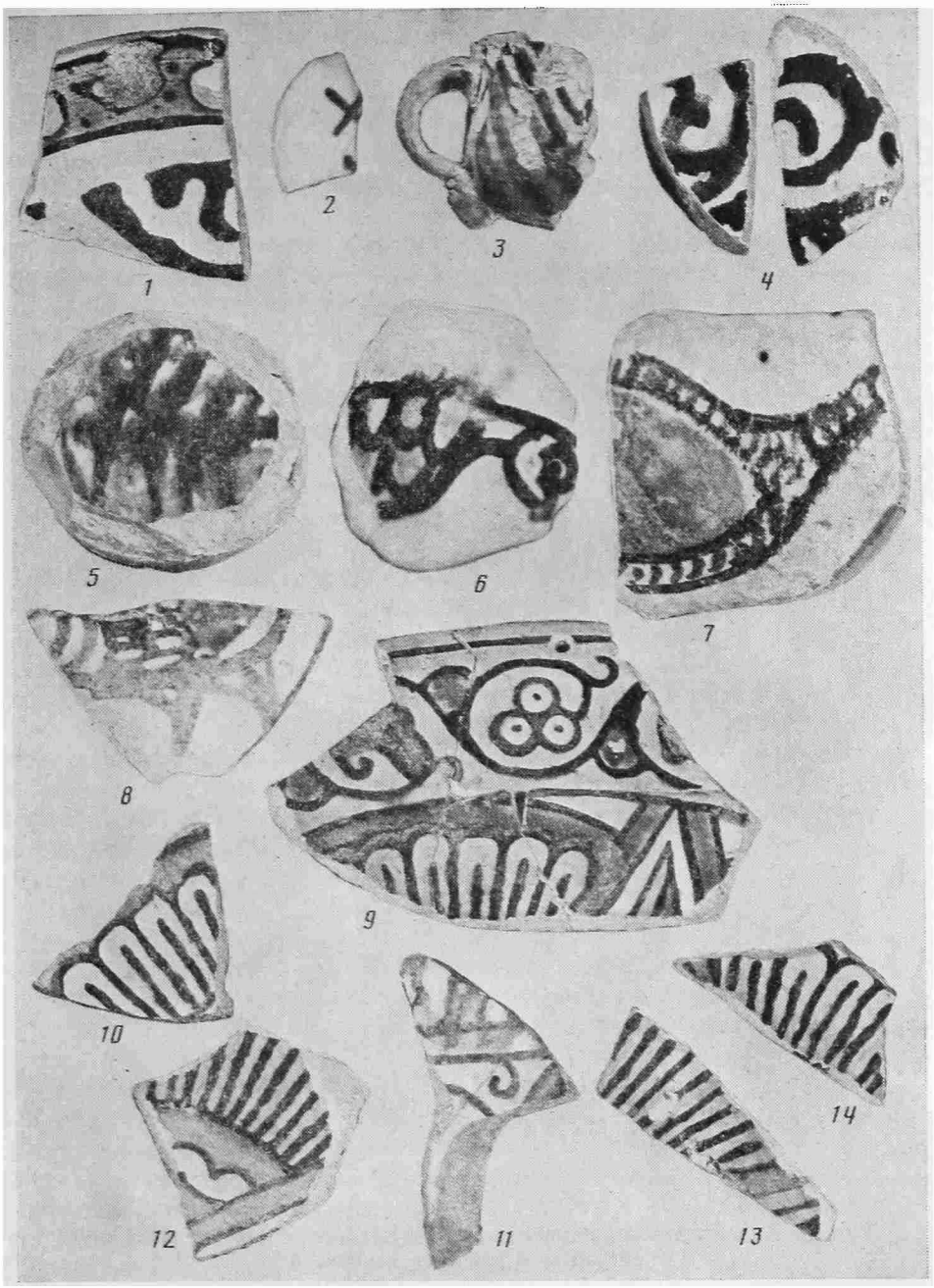


Рис. 2. Белоглиняная керамика X—XI вв. с подглазурной росписью

Вид 3. Керамика с росписью коричневой краской. Этот вид росписи является дальнейшим развитием росписи крестами, известной в более раннее время. Крупные растительные узоры коричневого цвета свободным рисунком нанесены кистью на белую поверхность глины (рис. 2, *4*). По манере исполнения роспись на этих фрагментах близка росписи на керамике с простейшими узорами, описанной Т. И. Макаровой [4, с. 78, рис. 1, *9*]. По ее мнению, эта посуда изготовлялась в XI—XII вв. в Византии, откуда она и была привезена в Матрику.

Вид. 4. Керамика с росписью зелено-коричневыми красками. Одним из вариантов подглазурной росписи является раскраска поверхности зеленой и коричневой красками в виде полос, пятен и мазков. Примером такой керамики в нашей коллекции является фрагмент дна тарелки или блюда на низком кольцевом поддоне, раскрашенный зелеными и коричневыми пятнами (рис. 2, *5*). В Тамани найдено уже три подобных фраг-

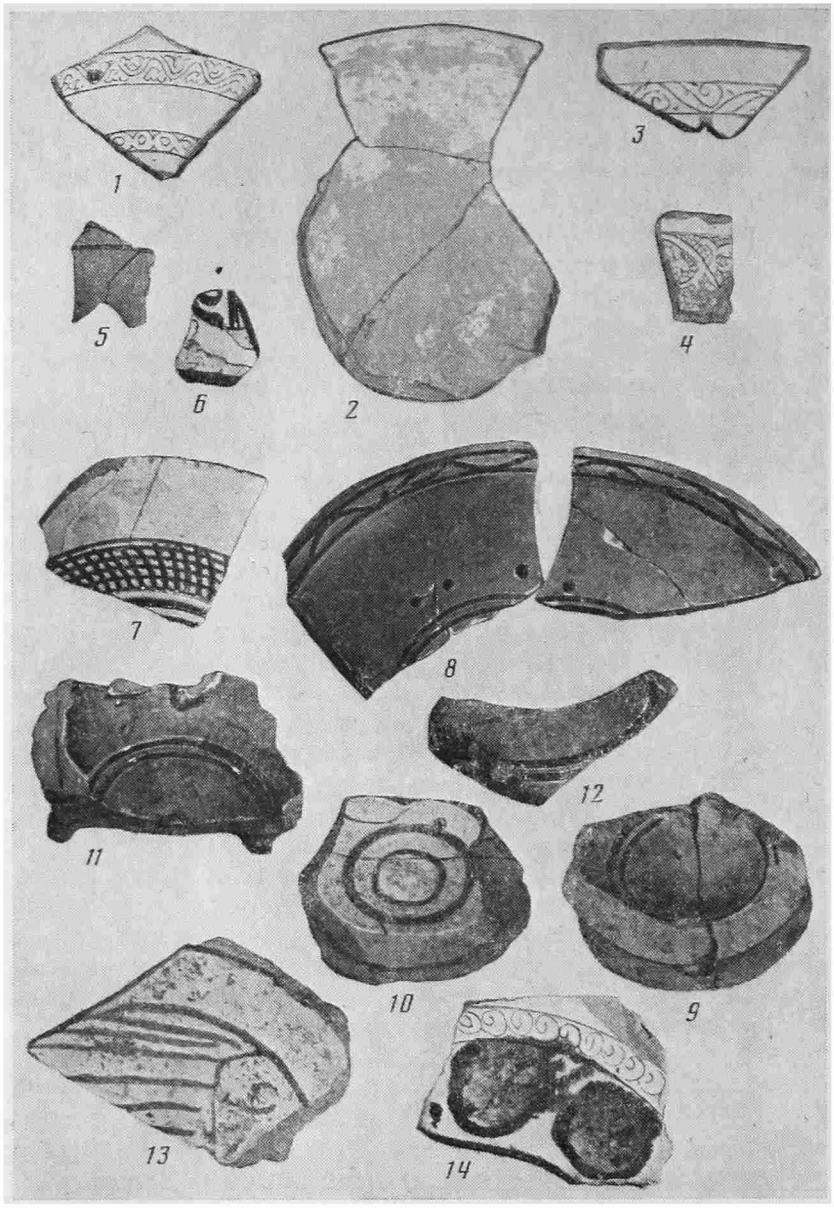


Рис. 3. Красноглиняная керамика XI—XIII вв. с орнаментом, выполненным в технике «граффито»

мента с абсолютно идентичной росписью[3]. Более определенна роспись чашки с небольшой петлеобразной ручкой, тулово которой украшено елочным орнаментом в виде чередующихся зеленых и коричневых полос (рис. 2, *3*). Судя по характеру розоватой, слоистой, с включениями толченой керамики глины, и блюдо, и чашка происходят из одного центра. Орнамент в виде зеленых и коричневых полос украшает керамику из слоев XII в. Большого Дворца в Константинополе [11, с. 54—56, табл. 23, *3*] и керамику из Коринфа [10, табл. XIX, *г*, XX, *а*]. В Северном Причерноморье она найдена не только в Херсоне в слоях конца XI — начала XII в. [1, табл. XXXV, *1, 3*], но и несколько раз встречалась ранее в раскопках Таманского городища [5, табл. V, *2, 3*].

Более поздним и усложненным вариантом зелено-коричневой росписи является сюжетная роспись.

Вид 5. Керамика с изображением птиц и зверей зелено-коричневыми красками. Стилистически близкие изображения птиц и зверей на керами-

[3] Один фрагмент описан в книге Т. И. Макаровой [5, с. 22, табл. 6, *1*], два других найдены при раскопках в 1972 и 1982 гг.

ке характерны в основном лишь для одной формы посуды — белоглиняных тарелок и блюд. В раскопках последних лет найдено несколько фрагментов с изображением птиц (рис. 2, *6—8*). Разнообразие рисунков не скрывает их стилистического единства, которое выражается в обведении небрежной линией марганцевого тона, расчленении фигуры штрихами и чашуйками и дополнительной раскраске зеленой краской. Керамика с подобной росписью многочисленна и в изобилии найдена не только в Константинополе, который, по мнению некоторых ученых, считается центром ее производства [1, с. 221—222; 8, № 92—95, 97—99; 9, с. 47, табл. XII;], но и в Северном Причерноморье [1, с. 218 и сл.; 5, с. 22]. Хронологически она относится в основном к XI—XIII вв.

Вид 6. Керамика с полихромной росписью. Вершиной подглазурной росписи является полихромная роспись с использованием трех, четырех или пяти цветов. Как правило, применялись желтый, красный, бирюзовый, марганцево-коричневый и белый (последний являлся цветом глины, на которую наносилась прозрачная полива) цвета. Иногда в росписи участвует и ярко-синий цвет, как это имеет место на двух блюдах с изображением птиц из Киева и Тмутаракани довоенных раскопок [5, табл. IV, *1, 2*]. Появление полихромной росписи относится к IX—X вв., в XI в. она достигла наивысшего расцвета и существует до XIII—XIV вв.

Богатая гамма красок, придававшая особую нарядность и красочность посуде, требовала, несомненно, и более сложного технического исполнения, что, вероятно, сказалось и на ее стоимости. Относительная дороговизна полихромной керамики, возможно, объясняет ее немногочисленность как в самой Византии, так и в периферийных центрах.

Основными сюжетами росписи являются орнаментальные мотивы (геометризованные или растительные) и реже — фигурные изображения. Этот вид керамики представлен несколькими фрагментами большой плоской тарелки, по которым в общих чертах можно восстановить ее роспись (рис. 2,*9—14*). Диаметр тарелки 28—29 см. Она имела слегка отогнутый прямой край и довольно широкий кольцевой поддон (12 см). В росписи сочетаются геометрические мотивы с растительными. Основной рисунок нанесен тонкой марганцевой линией. Внутренняя поверхность тарелки была разделена на три орнаментальных пояса, из которых можно восстановить лишь два крайних. Центральная часть не сохранилась. Трехчастное деление часто встречается в полихромной росписи на керамике, например, на тарелках из Киева и Тмутаракани. Верхний орнаментальный пояс, идущий по краю, обрамлен с двух сторон узкими коричневыми линиями шириной около 3,4 см. Он заполнен изображением вьющегося растения с гроздьями из трех плодов и с колоколовидными бирюзовыми цветами. Отдельные удастки между стеблями покрыты красной краской. Весь рисунок положен на желтый фон.

Второй пояс, расположенный ближе к центру, имел ширину около 3,5 см. В него вписана пятилучевая звезда, оконтуренная широкой полосой бирюзового цвета. Лучи раскрашены продольными желтыми и бирюзовыми полосами. Пространство между ними заполнено 8- или 9-лепестковой пальметтой с членением лепестков продольной коричневой линией по желтому фону. Сверху и снизу пальметта обрамлена скругленной линией. Образовавшееся ниже ее треугольное пространство расчленяют бирюзовые полосы. Внутренняя часть тарелки представляла, по-видимому, круг, отделенный от соседнего пояса широкой бирюзовой линией. О его росписи у нас нет данных, но, судя по небольшому фрагменту этой части, можно предположить, что диаметр круга равнялся 6 — 6,5 см. Сравнительно небольшие размеры центральной части исключают наличие какой-либо вписанной фигуры, как это имеет место на полихромных тарелках из Гнездова, Киева и Тмутаракани. Возможно, ее покрывал растительный узор. Расположение рисунка, сплошь покрывавшего внутреннюю поверхность тарелки, искусный подбор красок, хорошо сохранившихся под тонким слоем прозрачной поливы, делают ее особен-

но нарядной и привлекательной даже в настоящее время, спустя сотни лет после ее изготовления.

Близкой аналогии данной тарелке найти не удалось, хотя отдельные элементы, например вьющийся побег с гроздями из трех плодов, точно повторены на некоторых византийских белоглиняных тарелках [3, с. 93, рис. 56; 9 табл. VII, *с*] и на глазурованных плитках [14, с. 73; табл. XXV, *2*], относящихся к XI—началу XII в.—времени, когда производство полихромной керамики достигло наивысшего расцвета и начался ее массовый импорт в соседние страны. В научной литературе существует мнение, что центрами производства полихромной керамики можно считать район Никомедии и Никею [9, с. 29].

Группа II. Красноглиняная керамика.

Во второй половине XI в. поливная посуда стала изготовляться из железистых глин, дающих после обжига крепкий красный черепок. Использование нового материала дало возможность применить новый способ орнаментации, при котором рисунок процарапывался по ангобированной поверхности сосуда до красной глины. Этот прием орнаментации широко распространился с конца XI в. вплоть до XIV в., видоизменяясь и дополняясь новыми элементами. Отдельные экземпляры такой керамики попадали и в Тмутаракань.

Тип I. Керамика с гравированным орнаментом «граффито».

Вид I. Керамика с орнаментом «граффито», выполненным тонкой линией. Гравировка тонкой линией, получившая название «граффито», относится к наиболее ранней технике в данном способе орнаментации. На тарелках и блюдах конца XI—XII в. очень тонкой беглой линией наносили растительно-геометрические рисунки, чаще всего с концентрической композицией. Наиболее популярны мотивы «волны» и «виноградной лозы», выполненные в очень схематичной манере. Из раскопок последних лет происходят фрагменты трех тарелок и одной миски, украшенные этим видом орнамента (рис. 3, *1—4*). Различные по тонкости и мастерству исполнения, рисунки дают представление о нескольких вариантах одного и того же мотива — мотива «виноградной лозы». Наиболее тонкая и изящная орнаментация на небольшом фрагменте блюда, где наряду с основным растительным узором использована дополнительная штриховка фона (рис. 3, *4*). Фрагмент другой тарелки имеет два концентрических пояса, из которых крайний представляет собой сложный рисунок со множеством завитков (рис. 3, *1*). Рисунок на миске еще проще: завитки располагаются по одному с обеих сторон волнистой линии (рис. 3, *3*). И уже совсем примитивен орнамент на тарелке с отогнутым краем (рис. 3, *2*). Волна упрощена до отдельных завитков, разделенных тремя вертикальными линиями. Подобные глазурованные блюда византийского происхождения найдены в Херсоне [1, табл. I, *1—4*; 3, с. 120—121, рис. 74, *1—4*] и в Тамани [5, с. 25, табл. VIII, *1—3*]. Более богатым и разнообразным материалом этот вид керамики представлен в Константинополе и Коринфе [10, табл. XII, *22*].

Вид 2. Керамика с орнаментом «граффито», выполненным толстой линией. Единственной его особенностью и отличием от первого вида является нанесение рисунка широким резцом. Толщина линий в данном случае колеблется от 1,5 до 2 см. Рисунок получается слегка рельефным из-за снятия ангоба и частично глины, а после покрытия светло-желтой или светло-зеленой поливой он приобретает более темный цвет по сравнению с общим фоном. Тематика орнаментов разнообразна, но преобладают геометрические, реже растительные и фигурные изображения. Орнамент, выполненный толстой врезанной линией, был наиболее распространен в XIII—XIV вв., причем у более поздних сосудов ширина врезной линии больше, чем у более ранних.

В Тамани было найдено большое количество фрагментов тарелок, блюд и мисок, украшенных примитивным орнаментом в виде концентрических кругов в центре и волнистых линий (рис. 3, *5—12*). Вероятно, эта посуда была недорога и более доступна для массового употребления. На одном фрагменте тарелки имеется изображение рыбы — древнего хри-

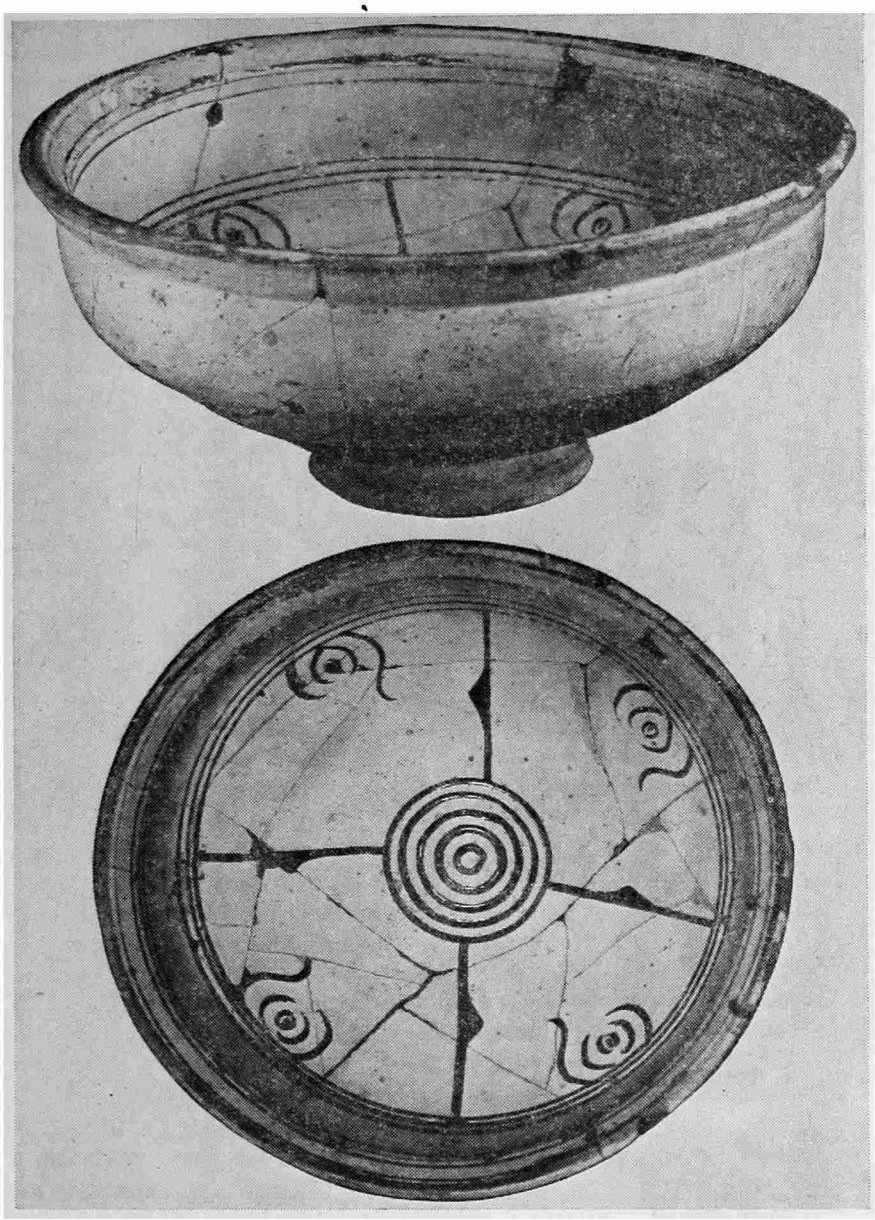


Рис. 4. Византийское блюдо XIV в. с орнаментом, выполненным в технике «граффито»

стианского символа. (рис. 3, *13*). Этот сюжет ранее встречался на керамике с Таманского городища [5, с. 27, табл., X, *1*] и на керамике из Херсона [1, с. 200; 3, рис. 81, *4*] в слоях XIII—XIV вв. Считается, что местом производства этого вида поливной керамики первоначально была Византия, а затем ее выпуск в широких масштабах был налажен в Херсоне. В Большом Дворце эта керамика была найдена в большом количестве в слоях XII—XIII вв. [11, табл. 20, *8*].

К XIV—XV вв. относится глубокая поливная чаша, найденная в 1973 г. (рис. 4). Ее вертикальные стенки с небольшим отогнутым наружу краем постепенно сужаются к неширокому кольцевому поддону. Внутренняя и частично внешняя стороны покрыты прозрачной светло-зеленой поливой с тонким слоем белого ангоба под ней. Залив внешней стороны белым ангобом и поливой очень характерен для сосудов XIV в. На эту же дату указывают и довольно грубые и толстые линии рисунка на внутренней стороне чаши. Ее декор состоит из ряда горизонтальных поясов, из которых средний разделен на четыре части и дополнительно украшен завитками. В центре имеется пять концентрических кругов. Форма подобных чаш, первоначально возникшая в XIII в. в Византии,

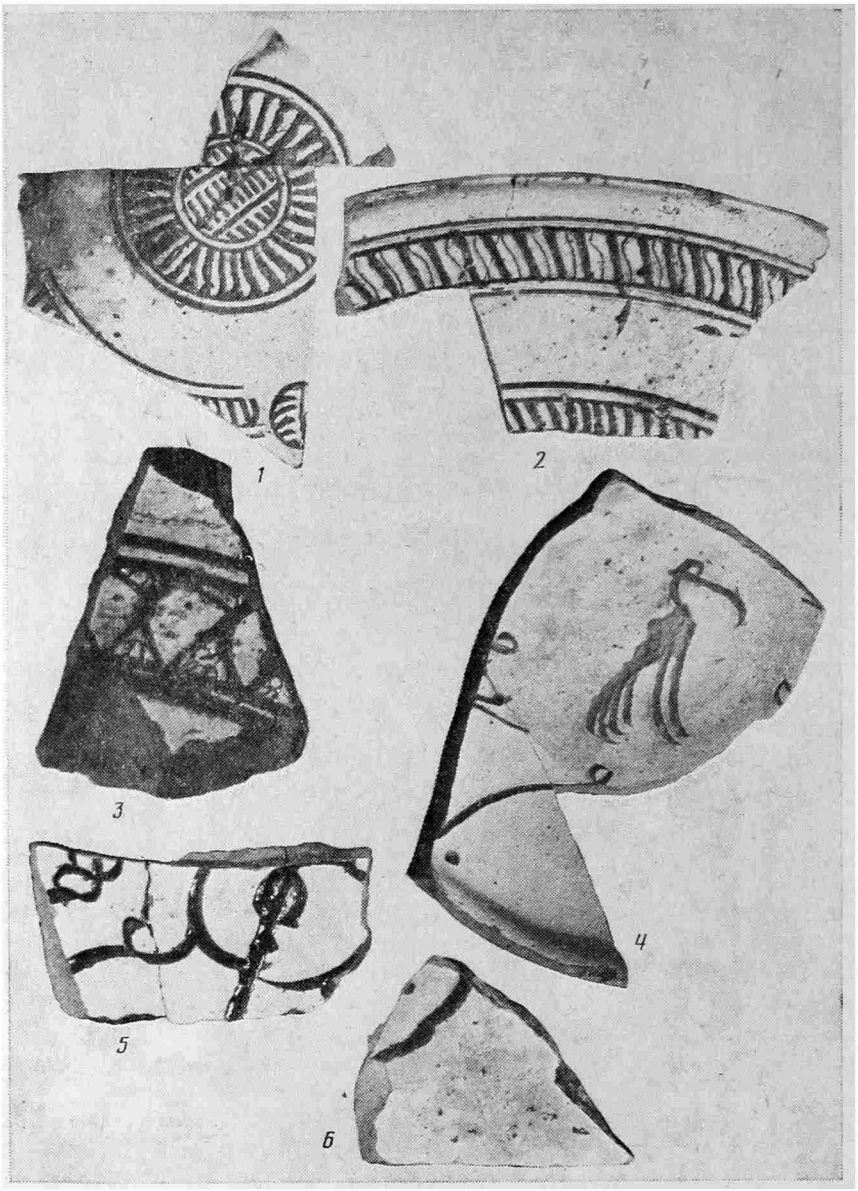


Рис. 5. Красноглиняная керамика XII—XIV вв. с орнаментом, выполненным в технике «граффито»

впоследствии широко распространилась по всему Средиземноморью (Кипр, Греция); известна она и в Северном Причерноморье (Херсон). Возможно, что чаша привезена из Херсона, где в XIV—XV вв. в широких масштабах было налажено производство местной керамики.

Вид 3. Керамика с орнаментом «граффито», выполненным широким резцом (лопаточкой). Этот вид керамики существовал одновременно с вышеописанным и являлся одной из его разновидностей. Различие заключалось в толщине линии, которой был выполнен рисунок. В данном случае она достигала ширины 3—4 мм. Широкие темные линии, контрастируя со светлой ангобированной поверхностью поливного сосуда, делали орнамент более ярким, хотя и не всегда качественным из-за небрежного исполнения. Среди таманских находок последних лет к этому виду принадлежит несколько фрагментов блюд и тарелок с геометрическими и растительными мотивами (рис. 5). Композиционное построение декора различно: наряду с концентрической структурой рисунка (рис. 5, *1*, *2*) применяются свободные и широко лежащие узоры (рис. 5, *5*) и сюжетные изображения — например, птица, окруженная змеями (рис. 5, *4*, *6*). Последние фрагменты особенно интересны. Они принадлежат чашам полусферической формы с характерным, слегка отогнутым внутрь упло-

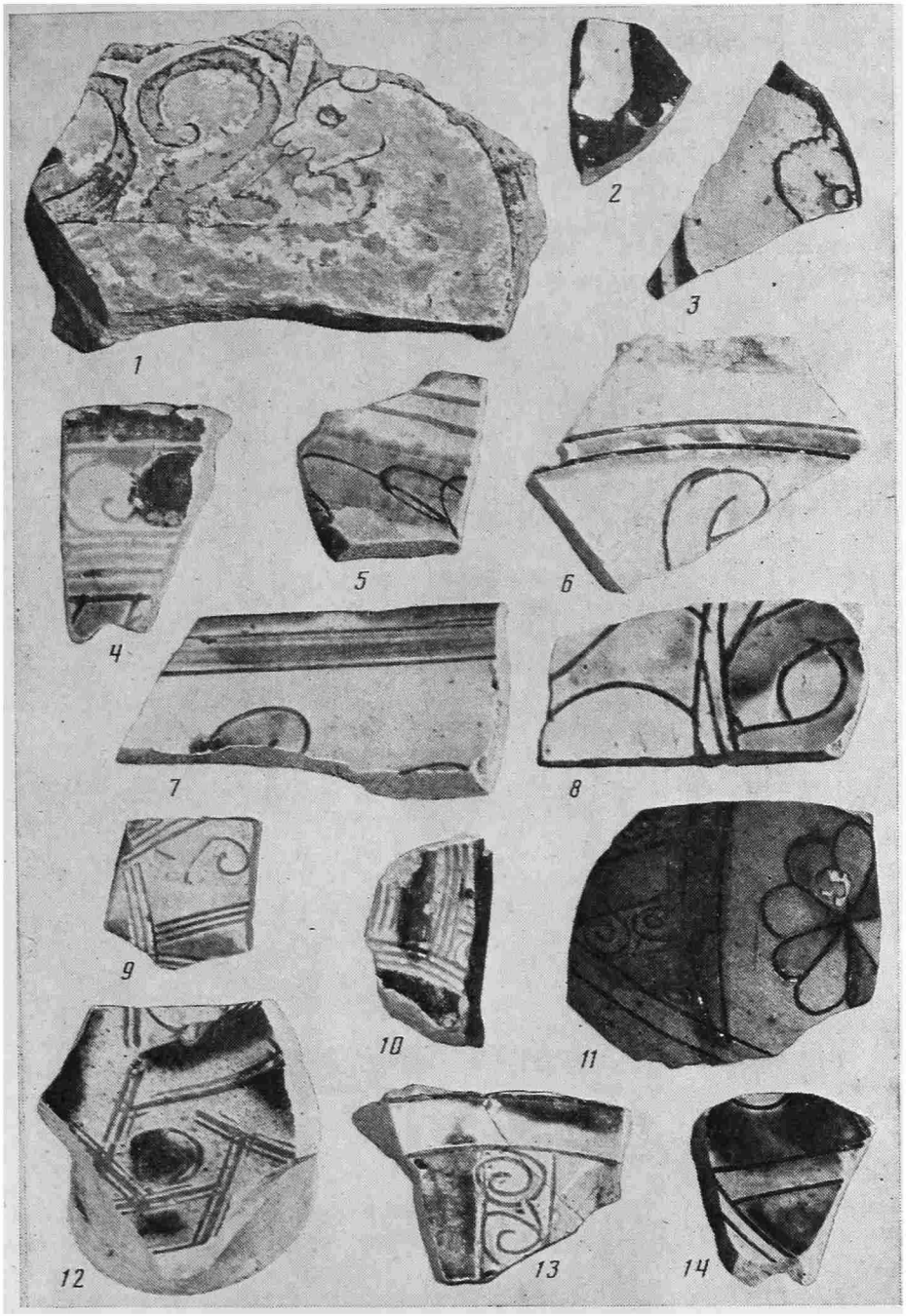


Рис. 6. Красноглиняная керамика XII—XIV вв. с орнаментом, выполненным в «выемчатой» технике и в технике «граффито» с дополнительной подцветкой зеленой и коричневой красками

щенным краем. Данная форма сосуда в сочетании с прозрачной светло-желтой поливой присуща византийской керамике XIII в. Сюжет повторяет изображение на аналогичной херсонской чаше [1, с. 200, табл. XXX, *1*]. Размеры и форма сосудов, сюжет и стиль изображений настолько близки, что не возникает сомнений в том, что они изготовлены в одной мастерской. Изображение змеи и птицы, символизирующее две стихии, несомненно имело магическое значение. У большинства народов змея является олицетворением стража, предохраняющего от нечистой силы [1, с. 200—202]. А изображение ее на сосуде имеет смысловое апотропеическое значение, как охранителя, отвращающего злой дух.

Вид. 4. Керамика с орнаментом, выполненным в выемчатой технике. Эта техника является дальнейшим развитием и видоизменением техники

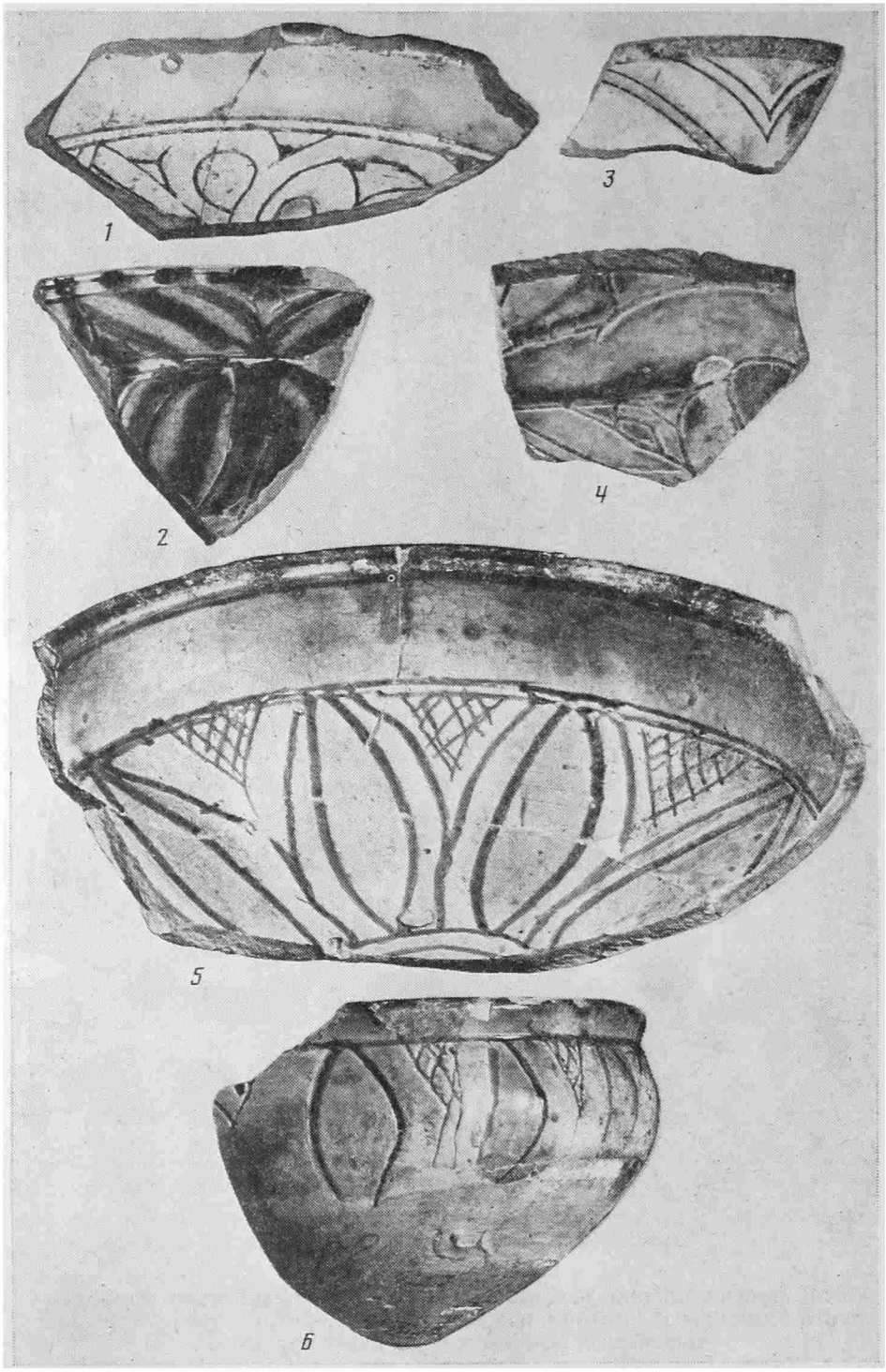


Рис. 7. Красноглиняная керамика XII—XIV вв. с орнаментом, выполненным в технике «граффито» с дополнительной подцветкой зеленой и коричневой красками

«граффито» толстой врезной линией с той лишь разницей, что рисунок остается на светлой ангобированной поверхности, а фон выскабливается до темной глины. Иногда эти технические приемы так сближаются, что становятся трудноотличимыми. Все изображение покрывалось прозрачной желтой поливой (иногда зеленой). Сосуды, выполненные в этой технике, неоднократно встречались в Византии [8, № 61, рис. 16, 20; 10, рис. 141—144, 225—226, табл. LIII, *g*, *f*; 11, т. 2, рис. 29, *e*], в Херсоне [1, с. 198—200, табл. XXIX; 3, с. 131 и сл., рис. 82, *1—6*], в Тамани [5, с. 27, табл. X, *3—4*].

Среди описываемого вида керамики имеется фрагмент плоского блюда с изображением передней части стоящего барса (рис. 6, *1*). Голова животного с оскаленной пастью повернута назад. Фигура дополнена вьющимися растениями, создающими ажурный фон. Рисунок выполнен четкой и уверенной линией, выдающей руку умелого мастера. Фигура барса и растения окрашены в ярко-зеленый цвет, под которым местами проглядывает белый ангоб. Плохая сохранность фрагмента не мешает оценить высокое мастерство изображения. Сюжеты с барсами были популярны в орнаментике позднесредневековой Византии и использовались не только для росписи поливной керамики, но и для других видов прикладного искусства (например, резьба по кости, монументальная пластика). Близкой аналогией нашему фрагменту является обломок чаши из Спарты [15, табл. XVII, 48]. Отдаленное сходство (только по сюжету) имеется с поливной чашей из Херсона [1, с. 199]. Высокое качество рисунка, близкие аналогии, своеобразная тональность ярко-зеленой поливы и характер глины позволяют отнести описываемый фрагмент к византийскому производству XII—XIII вв.

Другие фрагменты с орнаментом, выполненным в выемчатой технике, слишком незначительны, чтобы можно было говорить об определенном сюжете (рис. 6, *2, 3*). На одном из них изображено какое-то животное, вероятно медведь, от которого сохранилась часть туловища и голова. Фигура на другом не ясна, хотя хорошо видна техника исполнения и следы от лопаточки.

Вид 5. Керамика с орнаментом «граффито» и дополнительной подцветкой зеленой и коричневой красками. Этот вид орнамента является ведущим в декоре поливной керамики XII — начала XIV в. Появившись в IX в. в городах Византии и Ближнего Востока, этот прием орнаментации в XII—XIII вв. широко распространился в Закавказье [16, с. 17, рис. 9, 10; 17 рис. 7; 18, с. 246—250; 19, с. 48], в XIII — начале XIV в. (он бытует в средневековой Таврике [20, рис. 10], в Матрике [5, с. 29], в Поволжье [21, с. 73—107], а в XIV—XV вв.— в Молдавии [22, с. 166—181, табл. I—V, рис. 1—9], Румынии [23, с. 499, рис. 11; 24, с. 337, табл. 9, 10] и Болгарии [25, с. 14, рис. 10; 26, с. 22, рис. 5; 27, с. 25—33; 28, с. 6].

Основной особенностью этого вида орнамента является выполнение рисунка толстой врезной линией в сочетании со свободным, как бы небрежным расцвечиванием окислами железа или меди (коричневые или зеленые цвета). Раскраска не всегда совпадала с контурами рисунка. Тематика росписи представлена в основном геометрическими и стилизованно-растительными узорами, дополненными спиралевидными завитками и заштрихованными треугольниками. Среди этого вида керамики преобладают открытые сосуды: тарелки, блюда, миски, чаши, реже встречаются кувшины. В нашей коллекции фрагменты открытых сосудов, выполненных в данной технике, также составляют большинство (рис. 6, *4—14*; 7). Орнамент на многих из них аналогичен декору на херсонских сосудах. Например, стенка тарелки с частью плетенки была украшена фигурой павлина (рис. 6, *8*). Рисунок на данном фрагменте в точности совпадает с изображением нижнего хвостового оперения птицы на херсонской тарелке [1, табл. XXXII, *133*]. По мнению А. Л. Якобсона, эта керамика с павлинами настолько своеобразна и стилистически едина, что можно утверждать, что все они вышли из одной мастерской, скорее всего херсонской [1, с. 208].

Орнаментальная композиция, также аналогичная херсонской, имеется на небольшом фрагменте миски и стенке тарелки, украшенных рисунком, в основу которого положено деление поверхности на секторы, каждый из которых в свою очередь декорирован (рис. 6, *9—14*). А. Л. Якобсон, исследуя херсонскую средневековую керамику, высказал мнение, что этот очень популярный в Херсоне XIII в. мотив характерен для керамики, изготовлявшейся местными мастерами. Херсонское производство вышеописанной керамики подтверждается также характером глиняного черепка — ярко-красного, слегка пористого, с редкими белыми

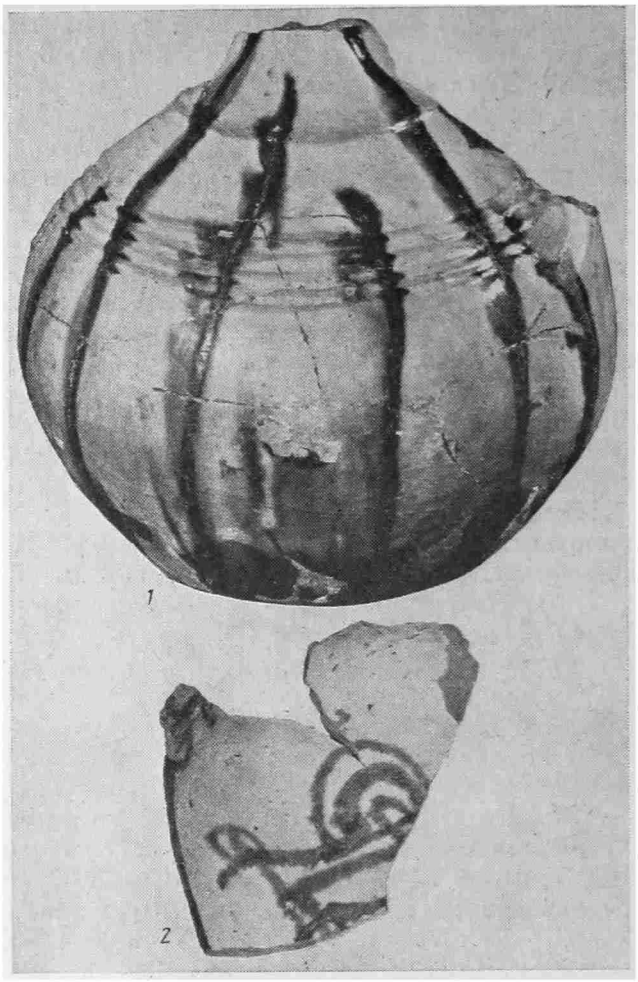


Рис. 8. Красноглиняная керамика XIII вв. с подглазурной росписью

включениями, неяркой цветовой раскраской и довольно жидкой кроющей поливой.

Наряду с херсонской керамикой имеется несколько поливных сосудов, отличающихся интенсивными красками с мельчайшими крупицами нерастворившихся красителей, блестящей стекловидной поливой и плотной, хорошо отмученной, без заметных включений глиной. Орнамент как растительный в виде многолепестковых розетт, так и линейный (рис. 6, *9—14* 7, *1—4*). Среди последних имеются три тарелки с одинаковыми мотивами пересекающихся пучков врезных линий и завитков с использованием раскраски зелеными и коричневыми пятнами и полосами (рис. 6, *9, 10*; *12*). На оформлении этих сосудов явно сказывается сильное влияние закавказских традиций [6, с. 17 и сл., рис. 9, 10; 29, табл. 31]. Однако считать эту посуду закавказским импортом мы не можем из-за отсутствия других материалов, подтверждающих торговые связи половецкой Матрики с Закавказьем. Опираясь на выводы Т. И. Макаровой о существовании на Тамани в это время двух групп привозной керамики [5, с. 30], можно предположить, что вышеописанные сосуды изготовлены в двух различных гончарных мастерских Херсона, одна из которых находилась под сильным влиянием закавказской культуры.

Тип II. Керамика с подглазурной росписью.

Вид I. Керамика с зелено-коричневой росписью. Роспись зелеными и коричневыми красками по ангобированной поверхности является подражанием росписи на белоглиняной посуде, которое сказывается не только в подборе красок, но и в использовании близких сюжетов. Это бесконтурная роспись в виде пятен, полос, реже — изображения фигур. По-

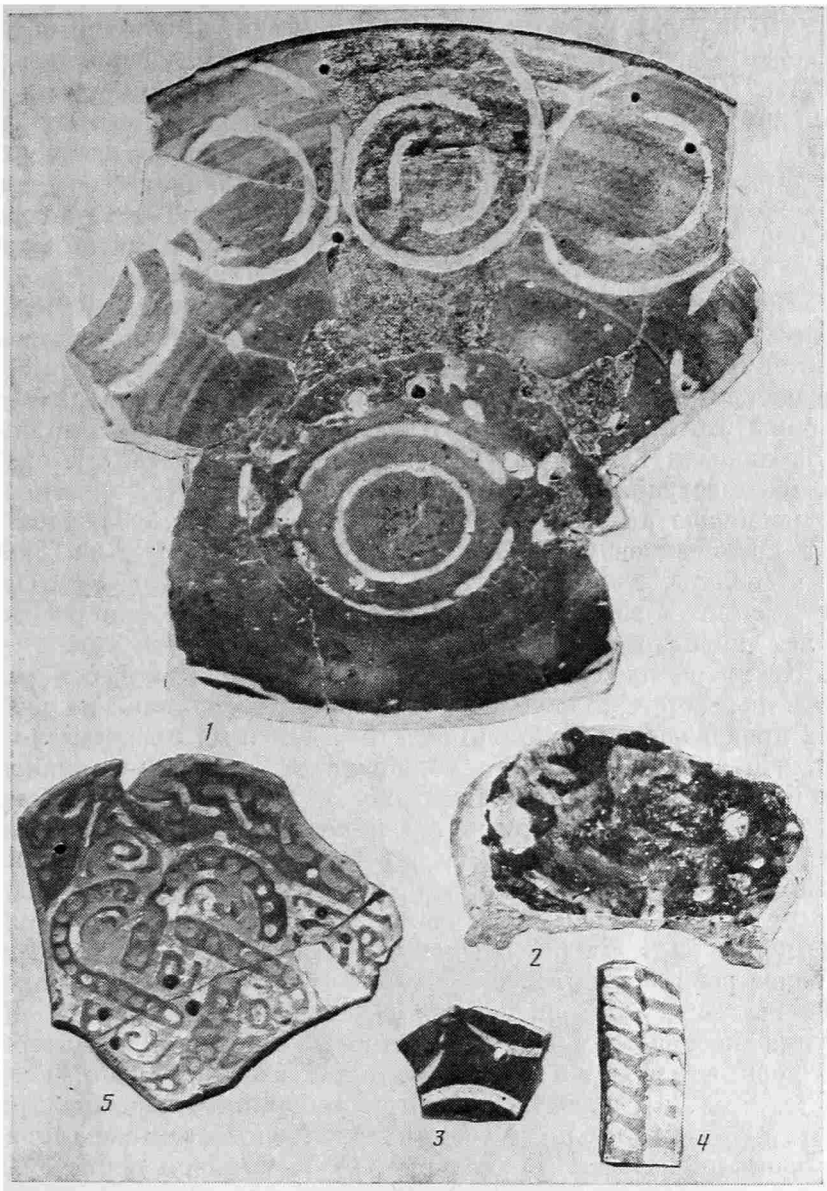


Рис. 9. Красноглиняная керамика XIII—XIV вв. с подглазурной росписью, выполненной белым ангобом

явившись в X в., эта роспись существует параллельно с росписью на белоглиняной керамике и в XI в., хотя и встречается значительно реже последней. В нашей коллекции к этому виду керамики относятся два сосуда, один из которых представлен фрагментом узкогорлого кувшина, другой — частью глубокой миски (рис. 8, *1, 2*). Кувшин изготовлен из плотной красной глины с белыми включениями, имеет шаровидное тулово, слегка вытянутое ко дну и плавно переходящее в горло. Верхняя его часть украшена четырьмя рядами углубленных канавок. От ручки сохранилась лишь незначительная часть основания. Верхняя часть кувшина на $^2/_3$ была покрыта ангобом, по которому нанесены редкие продольные зеленые и коричневые полосы. Его форма не типична для Северного Причерноморья [1, с. 111—113, рис. 67—78] и является подражанием восточным узкогорлым сосудам [1, с. 115, рис. 80].

В слое XIII в. была найдена миска, украшенная более сложным орнаментом (рис. 8, *2*). На ее внутренней стороне широкими зелеными и коричневыми линиями дан схематичный рисунок птицы. Изображение максимально упрощено, но достаточно выразительно благодаря несколько утрированной передаче основных деталей. Смещенное от центра поло-

жение птицы на фрагменте позволяет предположить наличие нескольких фигур (скорее всего трех), располагавшихся вокруг центра целого сосуда. По краю миски под горизонтально отогнутым венцом шла полоса фестонов, нанесенных коричневой краской. Судя по опубликованным материалам, фигурные изображения для данного вида красноглиняной керамики редки, потому данный фрагмент представляет особый интерес. Его изображение хотя и перекликается с аналогичными мотивами на белоглиняной керамике, но резко отличается от последней по манере исполнения.

Вид 2. Керамика с подглазурной росписью белым ангобом. Подглазурная роспись густым белым ангобом наносилась непосредственно на красноглиняную поверхность сосуда кистью или рожком. Рисунок покрывался прозрачной желтой или зеленой поливой. Прослеживая генетическую историю этого декора, А. Л. Якобсон выводит его с Ближнего Востока и Закавказья IX—X вв. [18, с. 231, табл. XIII—XIV], откуда он, вероятно, распространился в Византию и Северное Причерноморье. Керамика с росписью ангобом найдена в Херсоне [1, с. 193, табл. XXIV, *91—94*], в средневековом Гурзуфе [20, с. 73, рис. 12], на Таманском городище в слоях XII—XIV вв. [5, с. 33, табл. XXIV, *91—94*]. Орнамент преимущественно в виде завитков, спиралей и колец. Из раскопок последних лет происходят фрагменты трех блюд и часть ручки кувшина (рис. 9). Несмотря на единство декора, все три блюда различны по характеру глины, форме и качеству поливы, что указывает на различные центры их производства. Одно из блюд имеет полный профиль, по которому видно, что оно имело слегка уплощенную форму, низкий кольцевой поддон и прямой борт без закраин (рис. 9, *1*). В центре и по краю белым ангобом неширокой прерывистой линией нарисованы крупные концентрические круги. По-видимому, аналогичный орнамент украшал и другое блюдо, от которого сохранился лишь небольшой фрагмент с частью дна (рис. 9, *3*). От вышеописанного сосуда он отличается не только характером глины, плотной, без грубых включений, но и лучшим качеством поливы, более ровной и интенсивной по цвету. Совершенно очевидно, что эти два блюда были изготовлены в двух различных мастерских. Построение рисунка посредством колец, завитков и спиралей, характерное для поливной керамики Греции и Византии XII вв. [10, с. 95, рис. 76—78, табл. XX, *в*, XXX, *а*], впоследствии было воспринято херсонскими мастерами [1, с. 193—194, табл. XXIV, *93, 94*]. Херсонская керамика с росписью ангобом датируется в основном XIV в. Судя по пористой красноватой глине с редкими белыми включениями и неровному покрытию поливой, первое из двух блюд могло быть изготовлено в Херсоне, в то время как высокое качество глины и поливы второго блюда позволяет считать его привозным, хотя, по наблюдениям А. Л. Якобсона, подобные привозные изделия в Таврике были довольно редки [3, с. 144].

Фрагмент третьего блюда резко отличается от первых двух своеобразными формами сильно заглубленного внутрь кольцевого поддона, очень толстыми стенками, грубой пористой и плохо промешанной глиной, необычным рисунком под густой темно-коричневой поливой (рис. 9, *2*). По центру идет полоса елочного орнамента, с обеих сторон от него помещены бесформенные изображения, отдаленно напоминающие восточные письмена. Керамика с подобным орнаментом очень редка, и близкие мотивы росписи встречены лишь на мелких обломках поливных блюд из Гурзуфа, относящихся к XIII—XIV вв. [20, с. 73, рис. 12].

Поливные кувшины с ангобированным орнаментом не столь распространены, как открытые сосуды. Известные нам кувшины полностью или частично покрывались монохромной, чаще всего зеленой поливой. Иногда они украшались орнаментом врезной линией с многоцветной подкраской (например, херсонские кувшины XII—XIII вв.) Поэтому ручка кувшина с ангобированным орнаментом относится к числу довольно редких находок (рис. 9, *4*). Ручка имеет слегка уплощенную форму и выступающее с наружной стороны ребро, от которого «елочкой» расходятся мазки, нанесенные белым ангобом.

Возможно, что к XV в. принадлежит чаша, найденная в 1981 г. (рис. 9, *5*). Ее рисунок нанесен очень густым белым ангобом, который покрывает всю внутреннюю поверхность. В центре двойной линией изображены два переплетенных друг с другом овала, выполненных настолько небрежно, что прерванные в местах переплетения полосы не совпадают друг с другом. Изображение передает лишь схему рисунка, значение и смысл которого мастер не видит. По краю шел ряд зигзагообразных фигур, передающих в очень условной манере отдельные звенья «сельджукской» цепи. Все пространства внутренней плетенки во внешних углах заполнены завитками. Рисунок дополнен многочисленными точками белого густого ангоба.

Мотив двух переплетающихся овалов довольно часто встречается в орнаментике поливной посуды, но исполнен преимущественно врезной линией. Его изображение имеется на византийской керамике [9, рис. 5, № 8—11], на чашах из Пергама [30, табл. XXIV, *2200*], на блюдах XIII в. из Херсона [1, с. 184, табл. XVII, *63—64*], на фрагменте блюда из золотоордынского городища Селитренное [21, с. 93, табл. VII, *3*]. Но чаще всего этот сюжет встречается в декоративном искусстве мусульманского Востока [9, табл. XVIII]. По предположению А. Л. Якобсона, проследившего его генетические истоки на различных памятниках декоративного искусства, это изображение можно считать «символическим узлом», «заклинательным знаком», отпугивающим злые чары [1, с. 185]. Временные границы бытования этого изображения довольно широки: от IX в. (на поливном блюде из Персии) [9, табл. XVIII] до XIV—XV вв. (орнамент на расписном блюде из Баальбека [31, рис. 35]. Сочетание этого знака с «сельджукской» цепью в одном рисунке указывает на явное тяготение к восточной орнаментике. Вышеописанная чаша изготовлена из рыхлой пористой глины ярко-оранжевого цвета с редкими белыми включениями. Ангоб и зеленоватая прозрачная полива местами облупились. Чаша в древности была реставрирована скрепами, от которых осталось три пары небольших отверстий. Как по характеру декора, так и по качеству исполнения чаша несколько выпадает из общего круга вышеописанных поливных сосудов, найденных как в самой Тамани, так и в Херсоне — основном торговом и производственном центре южной Таврики. Обращают на себя внимание сильные осыпи поверхности и отпадение ангоба и поливы от основной глиняной массы сосуда. Несоответствие в подборе глин (как основной, так и ангоба) и покрывающей глазури явилось, вероятно, следствием неопытности мастера и отсутствия глубоких технических традиций, которые не могли иметь места в центрах с хорошо налаженным керамическим производством, каким был, например, средневековый Херсон. Указать центр производства данной чаши пока не представляется возможным.

Тип III. Монохромная керамика.

Наиболее поздняя керамика Таманского городища, которая, как правило, является монохромной, известна сравнительно плохо из-за недостаточной изученности слоев XVI—XVIII вв. По аналогичному материалу других городищ этого времени к XVI—XVIII вв. можно отнести несколько чаш, покрытых зеленой или бурой поливой различных оттенков — от ярко-зеленых до пятнистых, которые получались благодаря мелким крупицам плохо растворившегося марганца. Из последних раскопок происходит несколько сосудов, покрытых такой поливой. Один из них (рис. 10, 1) представляет собой большую глубокую миску на кольцевом поддоне с плавно округленными стенками и горизонтальным, слегка уплощенным краем. Внутренняя поверхность миски покрыта зеленой поливой с мелкими крапинками марганцевого цвета. Из-за небрежно и неравномерно нанесенного на внутреннюю поверхность ангоба зеленая полива имеет различные оттенки: на поверхности красной глины — темно-зеленый, на белом ангобе — светло-зеленый, иногда очень яркого тона. Подобная керамика встречалась в слоях XIV—XVI вв. при раскопках Керчи (Корчева) в 1963 г. [32, с. 63].

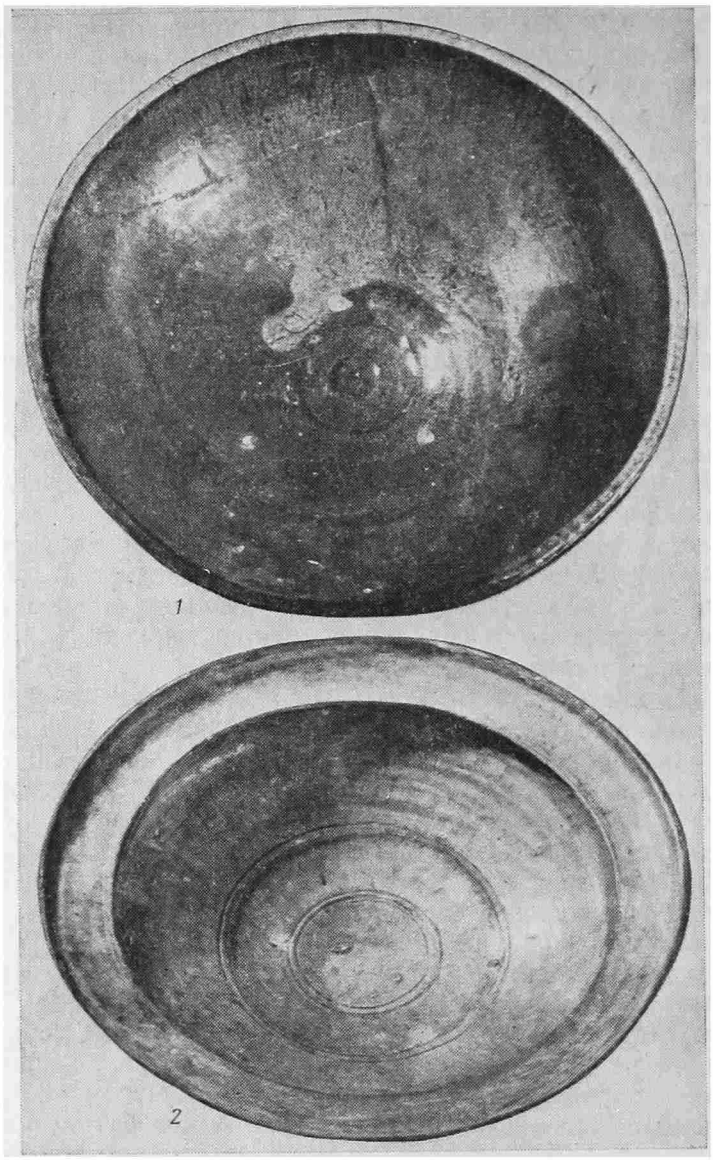


Рис. 10. Красноглиняная монохромная керамика XIV—XV вв.

Другим вариантом монохромной керамики являются сосуды, покрытые ярко-зеленой поливой, без вкраплений, сравнительно ровного цвета. Блюдо, найденное в 1970 г. (рис. 10, *2*), имело своеобразно оформленный край — в виде широкого борта, ограниченного с обеих сторон выступающими ребрами. В датировке данного сосуда решающую роль играет цвет поливы: ярко-зеленые тона характерны для поливных сосудов XVI—XVII вв. Определить ее происхождение пока не представляется возможным из-за плохой изученности и малой освещенности этой керамики в научной литературе.

Несмотря на фрагментарность материала, представленного в настоящей работе, он довольно наглядно иллюстрирует все основные этапы развития поливной керамики Средиземноморья и Северного Причерноморья. Многочисленные находки поливных сосудов позволяют проследить торговые связи средневековой Тамани в различные периоды ее существования. Так, в хазарское время, когда наблюдается подъем экономики и расцвет торговли, особенно с Византией, в слоях IX—X вв. на Таманском городище (Таматархе) керамика многочисленна и разнообразна. Вся она византийского производства. Это открытые белоглиняные монохромные сосуды различных форм. Возможно, что из Византии она попала в Таматарху, упоминаемую византийским императором Константином Багря-

народным в его сочинениях. Вероятно, что с византийским импортом в Таматарху попадали и немногочисленные поливные сосуды греческого (солунского) производства.

В X — начале XI вв., в русский период жизни города, поливная керамика немногочисленна. Исследователи, изучавшие экономику Тмутаракани, отмечают, что этот период характеризуется резким сокращением торговли. Объясняется это тем, что основной задачей правящих в ней русских князей была постоянная защита города от окружающих его враждебных племен. Анализ керамического материала, произведенный С. А. Плетневой [13, с. 70, 71], показал, что в X—XI вв., несмотря на местное производство отдельных видов посуды, ее количество резко сократилось по сравнению с предыдущим периодом. Материалы раскопок 70—80-х годов подтверждают это наблюдение: в тмутараканских слоях находки поливной керамики довольно редки. Однако перекопанность слоев не позволяет следовать только стратиграфическим ориентирам. Отдельные находки белоглиняной монохромной керамики могут относиться к X—XI вв.— времени, когда ее производство в Византии было особенно широко развито. Кроме того, на городище был найден фрагмент поливной тарелки с росписью черно-белыми разводами. Эта роспись применялась для керамики, время бытования которой ограничено довольно узкими рамками — XI — началом XII в.

Время XII—XIII вв.— половецкий период — можно назвать временем расцвета Таманского городища, именуемого в это время Матрахой или Матрикой. Возрождаются ремесла, налаживается торговля, пошлины с которой приносили большие доходы половецким ханам. В городе, по свидетельству Идриси, была постоянная ярмарка. Матрика вновь стала крупным торговым центром и торговым перевалочным пунктом. Слои XII—XIII вв. насыщены керамическим материалом, часто встречается и поливная посуда. После временного сокращения привозной посуды в X—XI вв. в слоях XII—XIII вв. вновь появляется большое количество византийской керамики. Наряду с византийским импортом наблюдается значительный приток в Матрику поливной керамики херсонского производства, которая подражала византийской как по форме сосудов, так и по декоративному оформлению. С XIII в. на Таманском городище все чаще встречаются херсонские поливные сосуды, испытывающие художественное влияние закавказского и восточного искусства. Данных о существовании в XII—XIII вв. в Матрике собственного производства поливной керамики в настоящее время у нас нет, так как не найдена гончарная мастерская, выпускающая такую посуду. Однако С. А. Плетнева и Т. И. Макарова не отрицают возможность существования такой мастерской в Матрике и ее окрестностях [4, с. 91; 13, с. 71]. Основным аргументом в пользу этого предположения является обилие фрагментов грубой толстостенной керамики с простейшим линейным орнаментом и характер глины, близкой по составу глине тмутараканских смоленых кувшинов. Нам кажется, что такое утверждение не лишено основания только для времени не раньше XIII—XIV вв. Сложное производство поливной керамики, требующее больших знаний, опыта и умения, могло возникнуть только в центре с хорошо налаженным гончарным ремеслом, чего не было в Матрике XII — начала XIII в., получившей бедное ремесленное наследие от предыдущей эпохи.

Татарский период характеризуется упадком во всех областях экономики, культуры и искусства. Значительно сократилась торговля. Несмотря на то что в основных золотоордынских центрах, таких, как Сарай-Берке и Сарай-Бату, керамическое производство процветало стараниями насильственно свезенных в эти центры мастеров, в Матрике расцвета керамического производства не наблюдается. Продолжают существовать отдельные типы красноглиняной керамики. В слоях XIV в. встречаются сосуды с орнаментом «граффито» с подцветкой и без нее. При сохранении основных форм сосудов изменения идут лишь по линии упрощения декора и большей небрежности исполнения. Характерной особенностью орнаментации керамики этого времени является оформление ее более

грубыми, чем в предыдущий период, линейными орнаментами. Новым явлением в декоре посуды явилось использование белого ангоба как основного изобразительного средства.

Генуэзский период Таманского городища изучен плохо. Материал этого времени в раскопах последних лет почти отсутствует, так как участок, где стояла генуэзская крепость, не исследовался. Керамика этого времени случайна и немногочисленна. Ее художественное оформление следует тем традициям, которые возникли в керамическом производстве предшествующих лет. В нашей коллекции имеются поливные сосуды, относящиеся к XIV—XV вв., которые находят аналогии среди керамики хорошо исследованных генуэзских колоний в Судаке и Кафе.

В конце XV в. Матрика была разрушена турками, но жизнь в ней не прекратилась. Население пользовалось поливной посудой, изготовлявшейся в гончарных мастерских средневековой Таврики, снабжавших своей продукцией соседние районы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес.— МИА, 1950, № 17.
2. *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес — МИА, 1959, № 63.
3. *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979.
4. *Макарова Т. И.* Поливная керамика Таманского городища.— В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.: Изд-во АН СССР. 1963.
5. *Макарова Т. И.* Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси.— САИ, 1967, вып. Е1-38.
6. *Шелковников Б. А.* Поливная керамика Саркела — Белой Вежи.— МИА, 1959, № 75.
7. *Талис Д. Л.* К характеристике византийской керамики IX—X вв. из Херсонеса.— Тр. ГИМ, 1960, вып. 37.
8. *Ebersolt S.* Catalogue des Poteries Bizantines et Anatoliennes. Constantinopole, 1910.
9. *Rice D. T.* Bizantine glazed Pottery. Oxford, 1930.
10. *Morgan Ch. H.* The Byzantine pottery.— Corinth, 1942, XI.
11. *Stevenson R.* The pottery.— In: The Great Palace of the bysantine emperors. L. 1947.
12. *Waagé Er. O.* The roman and byzantine Pottery.— Hesperia, 1933.
13. *Плетнева С. А.* Средневековая керамика Таманского городища.— В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
14. *Rice D. T.* Byzantine polychrome pottery.— Cahiers archeologiques, VII, P., 1954.
15. *Drawkins R. M., Droop J. P.* Byzantine pottery from Sparta.— Annual of the British School at Athens, 1910/11, XVII.
16. *Шелковников Б. А.* Поливная керамика из раскопок города Ани. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1957.
17. *Шелковников Б. А.* Художественная керамическая продукция средневековой Армении.— Изв. Армянского филиала АН СССР, 1942, № 3—4.
18. *Якобсон А. Л.* Художественная керамика Байлакана (Орен-Кала).— МИА, 1959, № 67.
19. *Наджафарова Н.* Художественная керамика Азербайджана. Баку, 1964.
20. *Домбровский О. И.* Средневековые поселения и «исары» крымского побережья.— В кн.: Феодальная Таврика. Киев: Наук. думка, 1974.
21. *Булатов Н. М.* Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов.— В кн.: Средневековые памятники Поволжья. М.: Наука, 1976.
22. *Полевой Л. Л.* Поливная керамика из раскопок гончарного района на поселения XV в. у с. Костешты.— В кн.: Материалы и исследования по археологии и этнографии. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1964.
23. *Диаку П.* Крепость X—XV вв. в Пэкуюн луй Соаре в свете археологических исследований.— Dacia, 1961, t. V.
24. *Nicolescu C., Pona R.* La ceramique emailée des XIII et XIV siecle de Pacuiul lui — Soare.— Dacia, 1965, t. IX.
25. *Вълов В.* Разкопки на Калето в гр. Свищов.— Археология, 1962, кн. 4.
26. *Ангелов Н.* Спасителни разкопки на Царевец през 1961 г.— Археология, 1962, кн. 4.
27. *Чангова Й.* Към проучването на сграфито керамика в България от XII—XIV вв.— Археология, 1962, кн. 2.
28. *Георгиева С.* Керамика от дворца Царевец въ Велико Търново.— Археология, 1966, кн. 4.
29. *Майсурадзе З.* Грузинская художественная керамика. Тбилиси, 1954.
30. *Wulff O.* Altchristliche und mittelalterliche byzantinische und italienische Bildwerke. B. III. B., 1911.
31. *Sarre F.* Keramik und andere Kleinfunde der islamischen Zeit von Baalbek. B.— Lpz., 1925.
32. *Зеест И. Б., Якобсон А. Л.* Раскопки Керчи в 1963 г.— КСИА, 1965, вып. 104.

S. I. Finogenova

GLAZED POTTERY FROM THE TAMAN SETTLEMENT

Summary

The excavations of the recent years have added considerably to the collection of glazed pottery dated to the Middle Ages found in the Taman settlement. The author divides all finds into two major groups: the white-clay and the red-clay pottery, these, in their turn, being divided into types, according to the ornamentation and the technology employed. The article describes the types prominent at different periods of the settlement. When Khazars lived in that place they mainly used imported Byzantine pottery made of white clay. The objects were either monochrome, or bore stamped ornaments, strokes of red clay, and painted crosses. An insignificant number of pottery sherds, practically all of them being of Byzantine origin, came down to us from the Russian period. In the 12th and 13th centuries, under the Cumans, the settlement reached its hey-day. Chersonesus ceramics appeared alongside Byzantine objects. The pottery of that period was lavishly embellished; red-clay vessels with incised decorations on the slip («the graffito technique») were a new addition to the already known types. The Tartar period (the 13th and the early 14th centuries) brought an underglaze painting with white slip under the yellow wash. The 14th and 15th centuries introduced no noticeable changes into the decorative patterns. The latest pottery from the Taman settlement, manufactured between the 15th and 18th centuries, was mainly monochrome with green or brown wash.

В. Ф. НЕМЕРОВ

ВОИНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ И ОРУЖИЕ МОНГОЛЬСКОГО ВОИНА XIII—XIV вв.

Рассмотрение вопроса о вооружении монгольского воина до недавнего времени в основном базировалось на данных письменных источников и реже — на находках отдельных предметов «татаро-монгольского облика», преимущественно наконечников стрел, с покоренных монголами территорий. Введение в научный оборот новых археологических материалов из Восточного Забайкалья (с территории, непосредственно связанной с формированием как монгольского народа, так и его государства), привлечение этнографических параллелей, а также материалов раскопок предшествующих лет, и прежде всего древних монгольских городов-ставок, позволяют не только уточнить, но в ряде случаев и существенно дополнить имеющиеся представления о вооружении основной массы воинов орды. Характер этих находок в совокупности с сообщениями средневековых хроник позволяет сделать вывод, что основой воинских соединений татаро-монголов являлись тяжеловооруженная и легкая конницы.

Тяжеловооруженный конный воин. Практически у всех народов Центральной Азии, как предшествовавших на исторической арене монголам, так и у их современников, латная конница составляла ведущий род войск [1, с. 118—130; 2, с. 139; 3, с. 103]. Между тем на основании отсутствия среди археологических материалов татаро-монгольского защитного доспеха сложилось мнение, что воин эпохи Чингис-хана и его преемников — это прежде всего легкий конный лучник. Однако хорошо сохранившийся доспех вообще крайне редкая находка; кроме того, защитное вооружение не всегда изготовлялось только из металла, но и из такого материала, как кожа, например у современников монголов — киданей [4, с. 90]. Следует также добавить, что монголы никогда не бросали на поле битвы металлических доспехов, как и вообще оружия (за что полагалась смертная казнь), а собирали их и распределяли между воинами [5, с. 122], а в случае смерти сородича старались передать его по наследству [4, с. 93], лишь в исключительных случаях предавая земле вместе с умершим. Фрагменты же защитного вооружения татаро-монголов из таких редких погребений известны. В Восточном Забайкалье они, например, найдены в могильнике Дворцы, где представлены панцирными железными пластинками двух форм: прямоугольной с округлыми краями и круглой. Первая форма пластин изготовлялась из узких (1,5 см) и тонких (1—2 мм) полос металла длиною 8,5 см, в которых на равном расстоянии друг от друга пробивались три пары круглых отверстий (рис. 1, *3—12, 15—20*). Такие пластинки, как и изделия второй формы в виде выпуклых дисков диаметром 5 см (рис. 1, *1, 2, 13, 14*), по сообщениям средневековых авторов, монголы крепили либо «ламинарно», т. е. связывая между собой при помощи ремешков или тонких шнурков [6, с. 28], либо нашивая их на панцирную основу, т. е. «ламилярным» способом (7, с. 144). Готовый же монгольский твердый панцырь («хуяг») [1], согласно исследованиям, мог иметь два варианта покроя. Во-первых, «корсет-кирасу» на лямках, с разрезами сбоку, реже — спереди или на спине, с прямоугольными наплечниками до локтя и набедренниками до середины голени или до колен, а во-вторых, кафтан с разреза-

[1] Здесь и далее приведены названия предметов из современного монгольского (бурятского) языка.

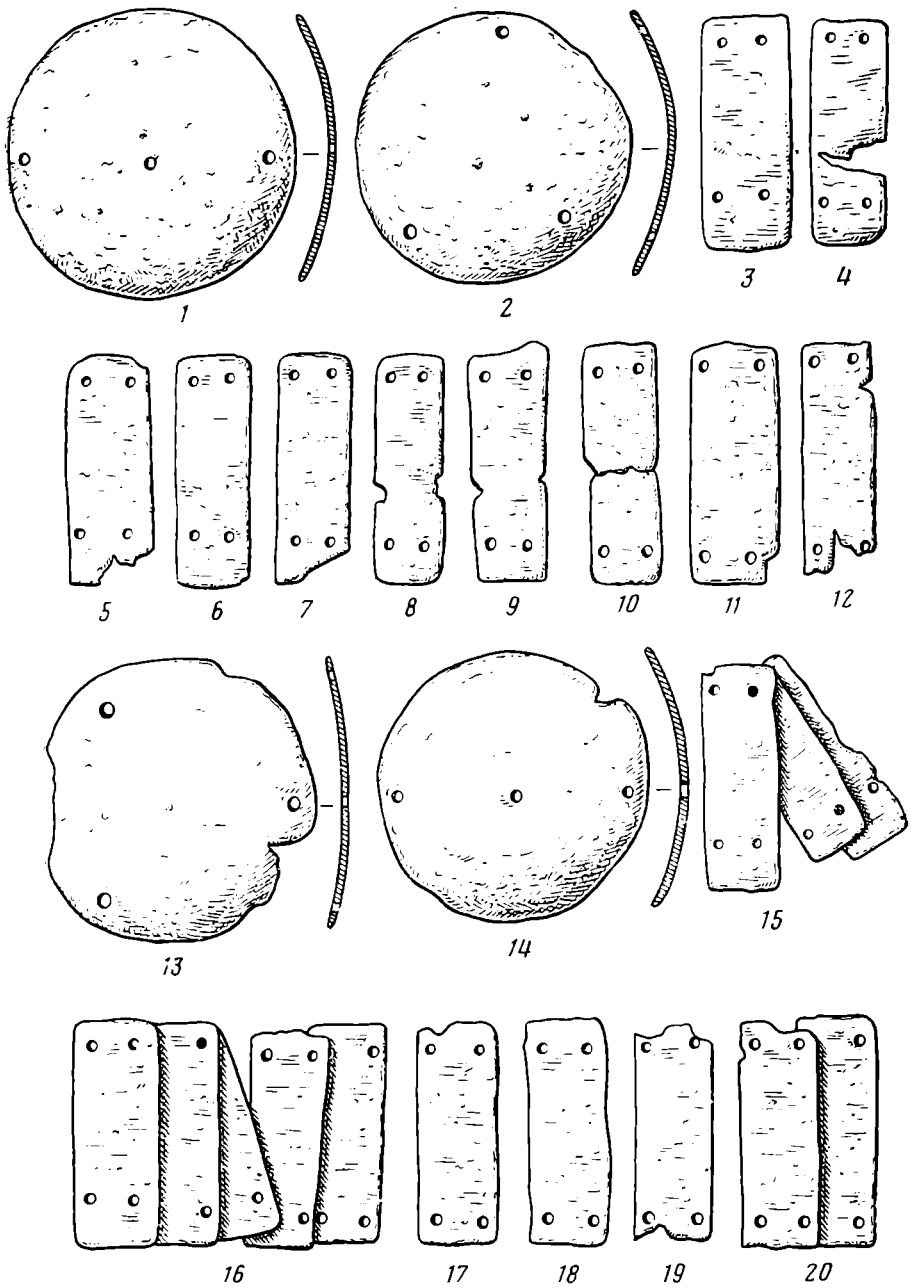


Рис. 1. Защитное вооружение татаро-монголов. Пластины от лат (*1—20* — мог. Дворцы-III, погр. 1)

ми от горла до подола спереди и от крестца до подола сзади, с прямоугольными, реже — листовидными оплечьями до локтя и ниже [4, рис. 2, *а, б*].

Дополнительной деталью татаро-монгольского панциря могли служить деревянные накладные щитки, основным функциональным назначением которых было прикрытие незащищенных панцирем частей тела воина: ног — от голеностопа до колена, рук — от кисти до локтя, а также мест, требующих усиленной защиты — груди и плеч. И хотя время не сохранило для нас таких щитков, широкое распространение этих изделий у соседних народов, например в Южной Сибири [1, с. 128], заставляет предполагать возможность их заимствования, по крайней мере такой их разновидности, как нагрудные щитки-зерцала, которые известны у монголов как один из атрибутов твердого панциря [4, с. 94].

Еще одним компонентом защитного вооружения тяжелого конного воина у татаро-монголов был шлем («дуулга»). Как и все центрально-

азиатские образцы, он был, видимо, склепан из нескольких металлических пластин (у чжурчженей, например, тулья шлема состояла из семи пластин) [8, с. 172—184, рис. 4, *1*], у енисейских кыргызов — из восьми [1, с. 129], соединенных с навершием заклепками. Шлем имел сфероконическую форму высотой 18—22 см, рант и невысокое навершие, увенчанное небольшим острым шпилем или трубочкой для плюмажа. Специфически монгольскими признаками были горизонтальные или вертикальные фигурные козырьки и крестообразные забрала. Шею воина прикрывала широкая полоса прикрепленных к оголовью железных пластин или твердых, нашитых «ламинарным» или «ламилярным» способом бармиц, которые часто прикрывали и большую часть лица, выступая в роли своеобразного забрала [4, рис. 2].

Непременной принадлежностью татаро-монгольского воина в походе был также суконный плащ («цув»). По покрою он напоминал обычный халат, но не имел подкладки. Сзади от талии почти до низа у него шел разрез, а передняя пола сверху доходила только до талии. Цув был удобен для воина тем, что, не слезая с лошади, он мог, подвернув полы плаща, хорошо укрыться от дождя и ветра. Плащ обычно носили с четырехугольным капюшоном, который из-за того, что он был сшит отдельно от плаща, надевали так, чтобы его нижняя часть закрывала воротник [9, с. 33].

Воин был обут в сапоги («гутал»), конструкция которых была приспособлена для езды в жестком седле при быстрой скачке, стоя в упоре на стремени, т. е. для определенной, выработанной веками посадки. Их шили из юфтовой кожи, плиса, сукна или замши, а состояли они из прямого голенища с жесткими, наглухо пришитыми к нему союзками, толстой подошвы с войлочной прокладкой и жесткого, загнутого вверх носка [9, с. 46]. В зимнее время на них надевали меховые унты («бойтог»).

В комплект снаряжения татаро-монгольских панцирных всадников входили сложносоставный лук («номо»), хранившийся в походном состоянии в чехле-налучье («хаадак»), стрелы («тумэр булсуу») с плоскими, реже трехлопастными и четырехгранными наконечниками, берестяной колчан («хэгэныг»), в котором помимо стрел хранился и напильник для их натачивания («хурэ»), щит («халха»), однолезвийная сабля («хэлмэ»), иногда заменяемая мечом («мэсэ») или палашом, железная булава («гулда»), боевой топор («алма хунэ»), а также копье («жада»). Все воины, в том числе легковооруженные, имели также нож («хутуг»), который хранился за голенищем сапога или в ножнах («гэрд»), шило («шубгэ»), кресало («хэтэ»), волосяную веревку («зээли»), путы для лошади трех типов («тушаа»—для передних ног, «уроолэ»—для передней и задней ног и «шудэр» — для передней и обеих задних ног), скребницу («зулгуур»), палатку («майхам») или верхнюю часть юрты («овохой»), одну на несколько человек, иголку («зуун»), нитки («утас») и кнут («ташуур»).

Оружием дистанционного боя тяжеловооруженной татаро-монгольской конницы являлись лук и стрелы. Анализ археологического материала из восточно-забайкальских могильников XII—XIV вв. подтверждает мнение исследователей о широком распространении в рассматриваемый период среди населения Центральной Азии и соседних территорий сложносоставного лука с одной фронтальной веслообразной роговой накладкой и деревянными надставками на концах кибити [1, с. 75; 10, с. 87; 11, с. 162]. Судя по находке из могильника Зугмара-I на р. Хилок, где накладка сохранила свое местоположение на кибити, длина лука со спущенной тетивой не превышала 120 см. Лук имел М-образную форму, а накладка по внутренней поверхности была покрыта продольными желобчатыми нарезками для лучшего крепления ее на деревянной основе. Длина накладки 18,0 при ширине концов 2,5—2,7 см (рис. 2, *1*, *2*). Аналогичные накладки были найдены также в двух погребениях могильника Малая Кулинда на р. Онон. Луки этого типа, по центрально-азиат-

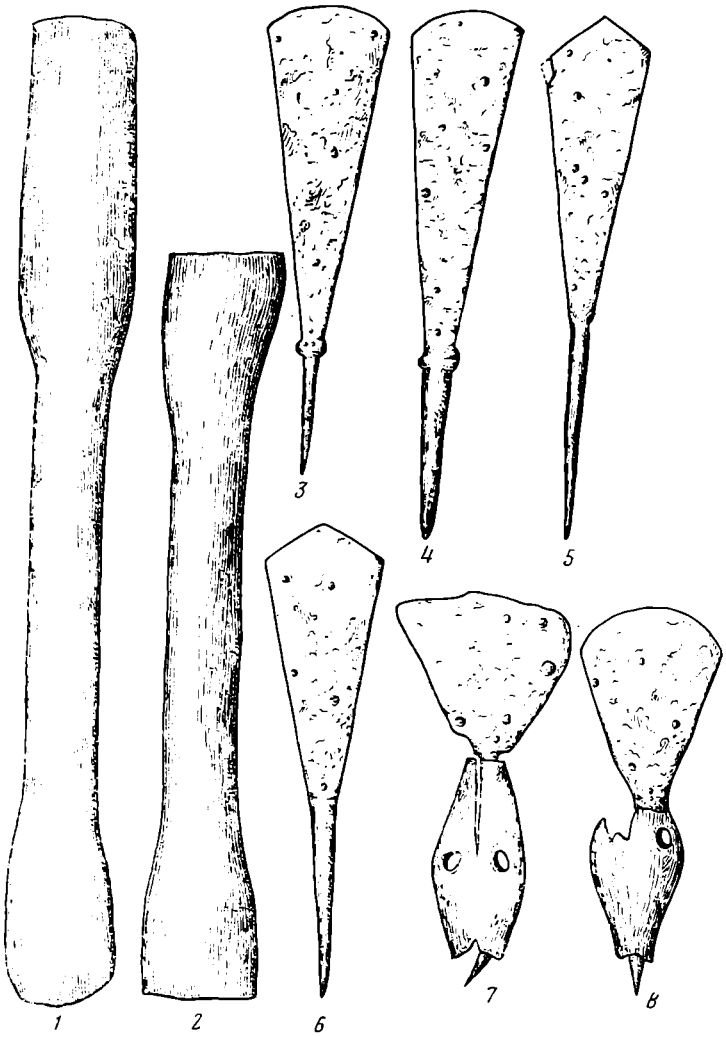


Рис. 2. Наступательное вооружение татаро-монголов. Накладки на лук (*1*, *2* — мог. М. Кулинда, погр. *4*, *5*), железные наконечники стрел (*3*—*6* — мог. М. Кулинда. погр. 19; *7*, *8* — мог. Ундугун, погр. 2)

ской традиции, имели тетиву («номоной оохор») из тонких крученых кожаных ремней бычьей шкуры или плетеных овечьих кишок.

В литературе луки, идентичные описанному выше, вполне оправданно получили наименование «монгольских», так как время их появления и распространения среди кочевников Евразии совпало с выходом на политическую арену татаро-монголов. Как наиболее удобные в применении и в то же время обладающие определенным эффектом упругости, монгольские луки быстро снискали большую популярность в кочевом мире и начиная с XIII в. почти полностью вытеснили все существовавшие до них типы сложносоставных луков. Только в лесостепных районах Восточного Забайкалья, несмотря на появление там луков «монгольского типа», а также у чжурчженей Приамурья все еще бытовали луки так называемого «тунгусского типа» [12, с. 136]. Эти луки «длиной в одну ручную сажень склеивали рыбьим клеем из двух хорошо просушенных в течение 2-х лет и обычно естественно изогнутых пластин ели и березы или лиственницы и кедра. В середину лука вклеивали квадратный или овальный березовый клин .., снаружи обклеивали луки берестой, а концы с надставкой из березы частично обматывали сухожилиями. В некоторых случаях обматывали сухожилиями только концы лука у надставки и обклеивали лук полосками черемухового дерева и берестой или делали надставные концы с зарубками для насаживания тетивы из дерева черемухи. Тетиву изготовляли из волокон конопли, из полосок кожи.., а ино-

гда обматывали ее еще тонким слоем бересты. Луки имели слегка двояковыгнутую форму» [13, с. 62, 63].

Применение «тунгусского лука» наряду со сложносоставным луком «монгольского типа» при оснащении тяжеловооруженного татаро-монгольского воина, на наш взгляд, вполне возможно. Это может быть доказано хотя бы тем, что в состав воинских соединений Чингис-хана и его преемников помимо различных монголоязычных и тюркоязычных племен входила и часть тунгусов из числа чжурчженей, а также тех племен, которые средневековая китайская историография причисляла к татаро-монголам под этнонимом «дикие да-да» [14, с. 45—48]. Эти тунгусы-да-да, как показали новейшие археологические исследования их могильников в Восточном Забайкалье, как по хозяйственному укладу, так и в духовной жизни в силу длительного контакта со степью были весьма близки татаро-монголам и с началом их завоеваний наверняка были втянуты в орбиту их бесчисленных походов. Что же касается чжурчженей, то уже в 1213 г. их насчитывалось в монгольской армии 46 бригад [15, с. 97], при этом, надо думать, со своим оружием.

Как луки «монгольского типа», так и луки «тунгусской» конструкции татаро-монгольские воины носили в особом кожаном или матерчатом чехле-налучье, прикрепив к поясу с помощью сыромятных ремешков.

Неотъемлемой частью лука являются стрелы. Хотя среди археологических материалов XII—XIV вв. из Восточного Забайкалья в равной степени представлены как железные, так и костяные наконечники стрел, нам думается, последние вряд ли входили в набор колчана тяжеловооруженного воина, а являлись привелегией легкого лучника. Поэтому рассмотрение стрел мы начнем с железных наконечников, подразделив их по форме насада на отделы, по форме сечения пера на группы, по форме пера с учетом форм лезвия, плечиков и шейки — на типы.

Группа I. Плоские наконечники стрел.

Тип. 1. Срезни в виде расширяющейся лопаточки с выпуклым лезвием. Длина наконечников — 13,5, длина пера — 7,5, ширина пера — 2,5 см (рис. 2, *3, 4, 8*).

Тип 2. Срезни в виде расширяющейся лопаточки с подтреугольным лезвием. Размеры: общая длина — 10,5, длина пера — 6,4, ширина пера — 1,8 см (рис. 2, *5, 6*; рис. 3, *6*).

Тип 3. Секторовидные срезни с выпуклым лезвием. Размеры: общая длина — 8,5, длина пера — 3,2, ширина пера — 3,5 см (рис. 2, *7*; рис. 3, *7*).

Тип 4. Пламявидные срезни. Общая длина таких наконечников — 12,5, длина пера — 4,5, ширина пера — 3,0 см (рис. 3, *1—3, 5, 8*; рис. 4, *11, 12*).

Тип 5. Кунжутолистные срезни с широкими вогнутыми крыльями и высоким овальным острием. Общая длина наконечников — 13,0, длина пера — 7,0, ширина пера — 3,0, ширина пера в крыльях — 5,5 см (рис. 3, *4*).

Тип 6. Двурогие срезни в виде расширяющейся лопаточки (рис. 3, *9*). Размеры: общая длина — 8,0, длина пера — 4—5, ширина — 1,7 см.

Тип 7. Ланцетовидные с удлиненной шейкой (рис. 4, *1*). Длина наконечников этого типа — 10,5, длина пера — 6,5, ширина пера — 1,8, длина шейки — 2,5 см.

Тип 8. Ланцетовидные с короткой шейкой (рис. 4, *2, 6*). Размеры: общая длина — 8,5, длина пера — 6,7, ширина пера — 1,5, длина шейки — 0,5 см.

Тип 9. Листовидные (рис. 4, *3*). Длина наконечников — 8,8, длина пера — 6,7, ширина пера — 1,7 см.

Тип 10. Пятиугольные (рис. 4, *4, 5*). Общая длина — 10,3, длина пера — 5,8, ширина пера — 3,5 см.

Плоские наконечники стрел являлись самой распространенной формой наконечников из находящихся на вооружении татаро-монгольского воина, что свидетельствовало о сокращении дистанции боя и увеличении частоты стрельбы [1, с. 149]. Функционально все перечисленные типы

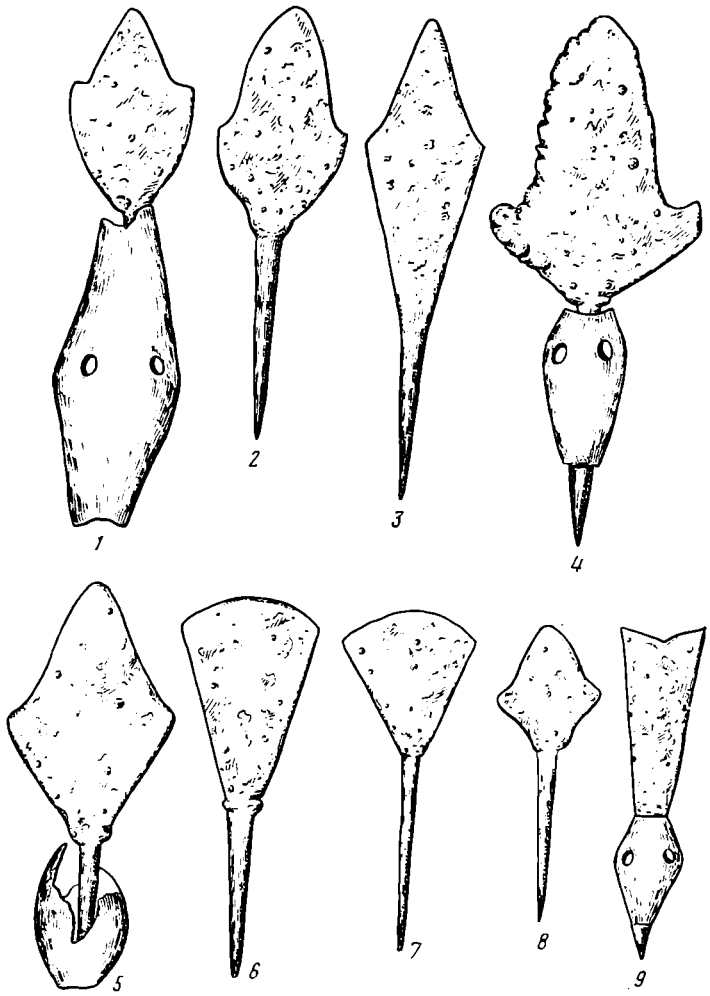


Рис. 3. Наступательное вооружение татаро-монголов. Железные наконечники стрел. *1* — мог. Дворцы-II, погр. 2; *2* — мог. М. Кулинда, погр. 28; *3* — мог. М. Кулинда, погр. 19; *4* — мог. Ундугун, погр. 1; *5*, *8* — мог. Ундугун, погр. 18; *6* — мог. Дворцы-II, погр. 1; *7* — мог. Ундугун, погр. 5; *9* — мог. Будалан, погр. 3

плоских наконечников стрел предназначались для поражения незащищенного противника, что было обусловлено общим характером удара: плоский наконечник с горизонтальным лезвием наносил широкую рану, а острые грани усиливали порез. Существует предположение, что чаще всего такие стрелы употреблялись для борьбы с кавалерией [16, с. 195]. Действительно, лошади, которые только у тяжеловооруженных всадников были прикрыты броней, служили хорошей мишенью для лучников, а широкие раны от срезней быстро выводили их из строя. «Надо знать, что, если можно обойтись иначе, они (т. е. татаро-монголы.— *В. Н.*) неохотно вступают в бой, но ранят и убивают лошадей и людей стрелами, а когда люди и лошади ослаблены стрелами, тогда они вступают с ними в бой» [6, с. 31]. Однако частые находки плоских наконечников стрел в культурных слоях городов-ставок Монголии [15, рис. 108] и Восточного Забайкалья [17, с. 46], а также городов Восточной Европы, падение которых было связано с осадой и последующим штурмом их укреплений татаро-монголами [18, рис. 143, *13, 16, 18, 21*], свидетельствуют о широком применении таких наконечников и для борьбы с пешими воинами.

Группа II. Четырехгранные наконечники стрел.

Тип. 1. Листовидные с удлиненной шейкой (рис. 4, 7). Общая длина наконечника — 9,8, длина пера — 5,8, ширина пера — 1,7, длина шейки — 2,0 см.

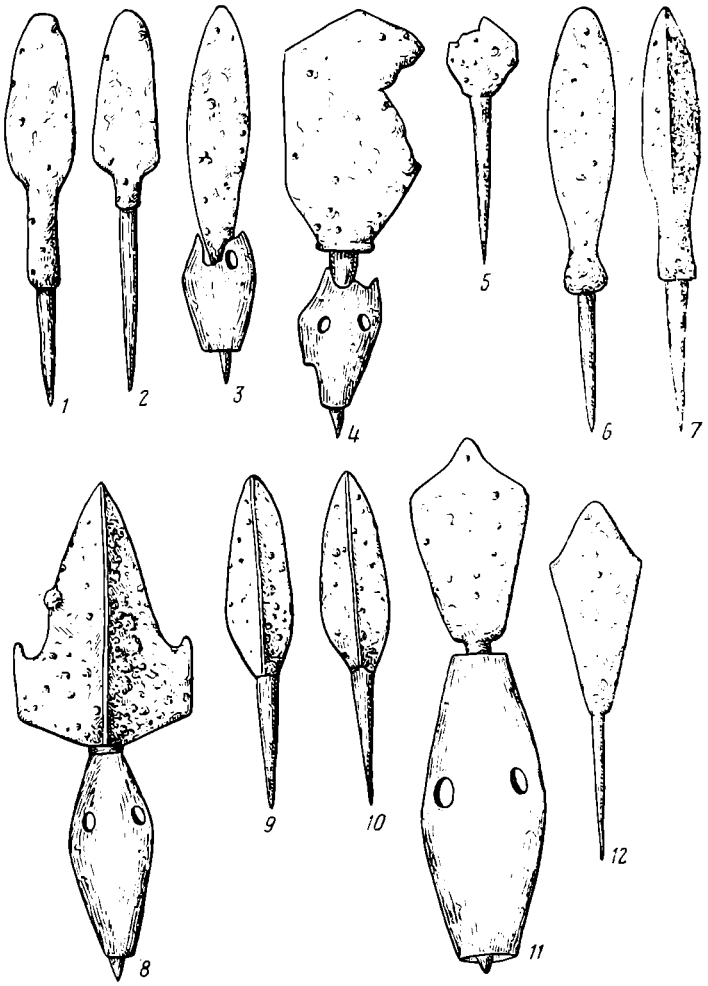


Рис. 4. Наступательное вооружение татаро-монголов. Железные наконечники стрел. *1—3, 11* — мог. Дворцы-II, погр. 2; *4* — мог. М. Кулинда, погр. 2; *5* — мог. Дворцы-II, погр. 4; *6* — мог. М. Кулинда, погр. 19; *7, 12* — мог. Будалан, погр. 3; *8* — мог. М. Кулинда, погр. 18; *9, 10* — мог. Ундугун, погр. 5

Группа III. Трехлопастные наконечники стрел.

Тип 1. Листовидные с узкими дугообразными лопастями (рис. 4, *9, 10*). Общая длина наконечников — 8,0, длина пера — 4,5, ширина лопастей — 0,5—0,7 см.

Тип 2. Кунжутолистные с приостренным жальцем. Крылья пера — широкие и имеют вогнутые плечики (рис. 4, *8*). Длина наконечников — 12,6, длина пера — 6,5, ширина пера — 4,0, ширина лопастей — 2,0 см.

Отличительной чертой трехлопастных наконечников стрел являются их высокие баллистические качества. Такие наконечники были наиболее устойчивыми в полете и наносили при попадании «болезненные рваные раны». Их основное назначение — поражение не защищенного доспехами противника, о чем свидетельствуют большая величина лопастей и остроугольное оформление лезвия [1, с. 99]. Как и наконечники первых двух групп, они относятся к отделу черешковых и имеют четырехгранный приостренный насад.

Для многих наконечников стрел преобладающей группы — плоских и для 2-го типа — трехлопастных характерно наличие на насаде стрел полых костяных шариков-свистунок с двумя полярно расположенными овальными резными отверстиями. Они имеют бочонковидную или биконическую форму и размеры от 2,8 до 7,5 см, причем величина свистунок находилась в прямой зависимости от размеров наконечников. Основное назначение этих изделий — создание шумового устрашающего эффекта, хотя не исключена и такая их роль, как закрепление наконеч-

ника в древке стрелы или управление ею в полете. Мнение же, что «свистящие стрелы» у монголов являлись предметом роскоши, принадлежностью высшей знати [19, с. 109], в настоящее время нельзя считать правильным. Раскопки погребений XII—XIV вв. свидетельствуют об обратном: стрелы со свистунками нашли широкое распространение прежде всего среди рядовых кочевников. И хотя средневековая историография скупа на упоминания о применении татаро-монголами «поющих стрел», надо думать, что на самом деле оно не было таким редким. Их могли использовать и для крепления горящей пакли или в качестве емкости горючего материала при поджоге осаждаемых крепостей, затыкая или обматывая в последнем случае отверстия ветошью или тканью.

Для изготовления древка («модон эшэ»), которое обеспечивало направление полета стрелы, монголы, как и большинство центрально-азиатских народов II тыс. н. э., использовали росший по берегам рек и озер кустарник, преимущественно иву [14, с. 78], хотя источники упоминают также можжевельник [5, с. 95] и березу [20, с. 317]. Судя по фрагментам древок, найденным в погребениях монголов в Восточном Забайкалье (погр. 2 у с. Кункур и погр. 6 могильника Малая Кулинда в долине р. Онон), они представляли собой точеные, округлые в сечении цилиндрические деревянные стержни, чуть сужающиеся при подходе к ушку, диаметром 0,8 см. О длине древок из-за их плохой сохранности можно лишь догадываться, но, учитывая описание монгольских стрел в письменных источниках, надо думать, она не превышала 70—80 см («два фута, одну ладонь и два пальца» [6, с. 51]).

Способ крепления черешковых железных наконечников стрел в древках был, вероятно, следующим: их или вбивали в древко без его предварительного расщепления, обматывая затем крепкими нитями, или же, расщепив, стягивали трещину плотно уложенной нитью и берестой, предварительно покрыв ее клейким составом. Такой способ крепления наконечников прослежен нами в погр. 13 могильника Малая Кулинда. Известен он также и в памятниках, предшествовавших монгольским [21, с. 8].

Важным элементом стрелы являлось оперение («удэ хомон»), которое придавало ей устойчивость в полете и способствовало меткости прицельной стрельбы [22, с. 50]. У монголов XII—XIV вв., согласно письменным источникам, для оперения стрел применяли перья орла [5, с. 269]. Возможно, как и другие народы Центральной и Северной Азии, монголы использовали также перья коршуна и гуся [23, с. 214, 220], тетерева и дятла [13, с. 63; 24, с. 97]. Интересно, что стрела с перьями, взятыми из передних перьев правого крыла птицы, вертелась на лету направо и причиняла рану соответственно своему полету, а с левого крыла — в обратную [25, с. 79].

Особо хочется остановиться на употреблении монголами яда («хорон») для обработки железных наконечников стрел. Источники достаточно четко указывают, что наступательное оружие татар «напоено ядом» [7, с. 152]. Закономерно возникает вопрос: что могли использовать воины орды в качестве быстродействующего отравляющего вещества? Центрально-североазиатское военное искусство знало два вида таких ядов. Первый был известен еще мохэ [26, с. 145] и, видимо, имел растительное происхождение. «Обыкновенно в седьмой и восьмой луне составляют яды и намазывают стрелы ... Пораненный немедленно умирает. Когда варят яды, то одно испарение ядового состава может умертвить человека» [27, с. 71]. Второй же вид яда («могайн хорон») получали от изобилующих в степях гадюк. Змей ловили весной, когда яд у них наиболее опасен, высушивали его, чтобы перед сражением развести с водой и полученным составом намазать наконечники. От стрелы с таким наконечником уже не требовалось прицельного попадания — достаточно было небольшой царапины, чтобы надолго, если не навсегда, вывести противника из строя.

Так как лук и стрелы являлись важным элементом вооружения татаро-монгольского воина, такой же необходимой принадлежностью его

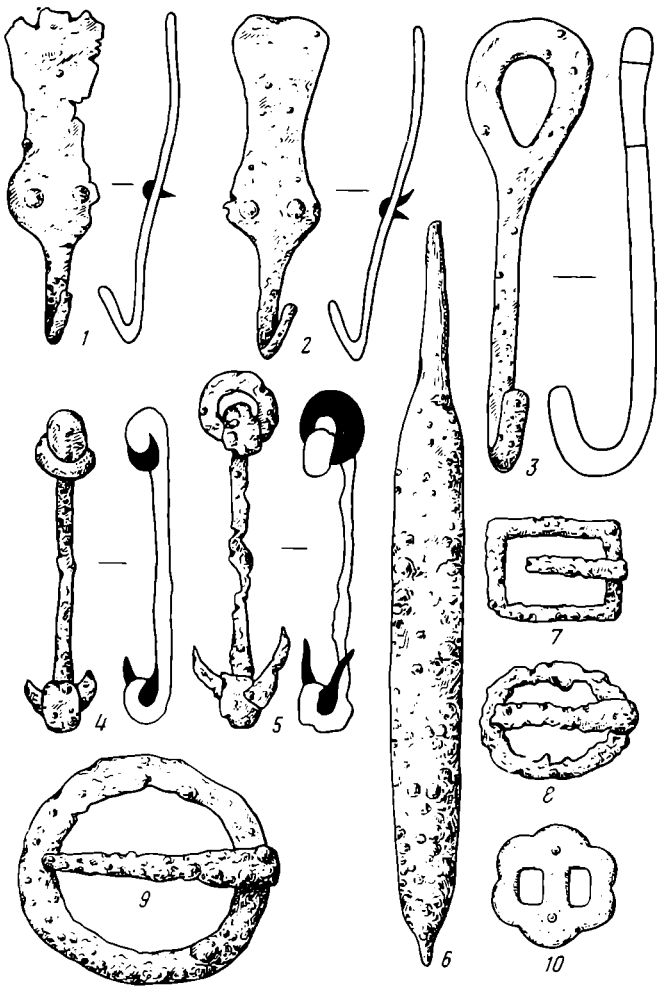


Рис. 5. Воинское снаряжение татаро-монголов. Крючки от колчанов (*1* — мог. Ундугун, погр. 4; *2* — мог. Зугмара, погр. 5; *3* — мог. Чиндант, погр. 1; *4*, *5* — мог. М. Кулинда, погр. 2); напильник (*6* — мог. Дворцы-III, погр. 1); подпружные пряжки (*7* — мог. Ундугун, погр. 2; *8* — мог. Ундугун, погр. 5; *9* — мог. Чиндант, погр. 5; *10* — мог. Дворцы, погр. 4)

снаряжения был и колчан. Пока известен только один тип монгольских колчанов — открытый. Он имеет деревянный, обтянутый берестой каркас и овальной формы горизонтально срезанные горловину и днище с постепенным расширением стенок от приемника к днищу. Сами днища, видимо, изготавливались из какого-то органического материала, возможно, кожи или войлока, так как в погребениях они не сохранились. Береста для колчанов снималась со ствола продольным разрезом, стороны ее заводились одна на другую и сшивались прочными нитями. Стрелы в таких колчанах хранились наконечниками вниз, при этом их число на один колчан было не более 30. Колчаны крепились к поясу с помощью железных крючков — щитковых (рис. 5, *1*, *2*), с кольцами (рис. 5, *4*, *5*) и проволочных (рис. 5, *3*). Судя по преобладающему по отношению к умершему положению колчанов в могилах, их носили у пояса на левом боку.

Еще одной принадлежностью конного татаро-монгольского воина, связанной с оружием дистанционного боя, был напильник, который они «всегда носят при колчане ... для изощрения стрел» [6, с. 51]. Он изготавливался из железной, довольно массивной пластины, которой в процессе ковки придавали форму сегмента. Напильник имел клиновидный четырехгранный насад для рукояти и характерный выступ-носик на конце изделия (рис. 5, *6*).

До сих пор плохо изучено такое защитное вооружение татаро-монголов, как щит, предназначенный для предохранения головы и корпуса

воина от поражения. Ни сами щиты, ни какие-либо их детали в монгольских памятниках не обнаружены. Поэтому о наличии щитов у татаро-монголов судить можно лишь на основании письменных хроник и изображений монгольских воинов. Согласно этим источникам, щит был круглым, небольшим (около 80 см), плетенным из прутьев или склеенным из деревянных плах, с деревянной поперечиной. Наружная поверхность щита покрывалась твердой кожей, на которую у тяжеловооруженных воинов наклепывались металлические диски и сегменты, а внутренняя укреплялась войлоком. По краю щита пропускалась окантовка. Все щиты имели круглые металлические навершия-умбоны [4, рис. 2, *б*, 3, *а*].

Следующий вид вооружения тяжелого татаро-монгольского конного воина представлен оружием ближнего боя. Оно включает предметы полифункционального назначения, соединяющие в себе функцию нанесения колющих и рубящих ударов (сабли, мечи, палаши), и оружие монофункционального назначения, сохраняющее в своей форме специализированную функцию нанесения рубящих (топор) и колющих (копье) ударов [1, с. 27].

Все известные нам остатки сабель найдены в Кара-Коруме. Это слабоизогнутые стальные полосы с коротким острием и узким концом, длиной около 1 м и шириной 3,0—3,5 см. Внешне они мало чем отличаются от обычных мечей, разве что только однолезвийным клинком, что, видимо, и послужило поводом средневековым авторам назвать их «несколько кривыми мечами» при характеристике вооружения монголов [6, 27]. Сабля была довольно мощным оружием в руках умелого всадника из-за ее сравнительной легкости, что «допускало более быстрые движения руки, нежели тяжелый меч, и, несмотря на разницу в весе, кривой клинок немногим уступает прямому в силе удара, если его изгиб рассчитан правильно и с соблюдением надлежащего распределения центров тяжести и удара» [1, с. 45].

Что же касается мечей, то они представлены изделиями двух типов. Первый имеет прямой двулезвийный клинок и округленный конец, сближающий его с европейскими мечами каролингского типа, второй — более массивную полосу и не круглый, а заостренный конец, чем приближается к мечам, бытовавшим в Европе в XIII—XIV вв. [16, рис. 109, *4*].

Помимо мечей и сабель в комплект вооружения латной конницы монголов входили также прямые однолезвийные клинки-палаши, ширина которых достигала 3 см [16, с. 205], круглой формы железные булавы с втульчатым насадом, упомянутые в источниках как «палицы из хорошего железа» [6, с. 40], топоры с клиновидным насадом [6, с. 27, 32, 40; 16, рис. 110], а также копья; последние были, как правило, втульчатыми и различались по форме пера: у одних оно было ромбовидное, длиной 12,0 см, у других — пиковидное, длиной 18,0 см [16, с. 205]. По сведениям письменных источников, древки копий иногда раскрашивались красной киноварью («улан зос»), что, видимо, должно было сказаться на поражающих свойствах оружия и символизировать успех в бою [5, с. 125].

Особое внимание уделялось защите боевого коня. Согласно письменным источникам, она изготовлялась следующим образом: «...берут ремни от быка или другого животного шириною в руку, заливают их смолою вместе по три или по четыре и связывают ремешками или веревочками; на верхнем ремне они помещают веревочки на конце, а на нижнем — в середине, и так поступают до конца; отсюда, когда нижние ремни наклоняются, верхние вставляют, и таким образом удваиваются или утраиваются на теле. Прикрытие лошади они делят на пять частей; с одной стороны лошади одну, а с другой другую, которые простираются от хвоста до головы и связываются у седла, а сзади седла на спине и также на шее; также на крестец они кладут другую сторону, там, где соединяются связи двух сторон; в этом куске они делают отверстие, через которое выставляют хвост, и на грудь также кладут одну сторону. Все части простираются до колен или до связей голеней;

и перед лбом они кладут железную полосу, которая с обеих сторон шеи связывается с вышеназванными сторонами» [6, с. 50].

Таким образом, татаро-монгольский конский доспех состоял из пяти частей: нагрудника, двух боковин, наспинно-нагрудной части и двухчастного нашейника — и был твердым — «ламинарным» или «ламилярным». Однако наряду с ним, судя по иранским и японским миниатюрам [28; 29, с. 71], применялся и мягкий доспех в виде попоны, обшитой металлическими бляхами. По этим же источникам, видно, что трехстворчатое конское боевое оголовье хотя и применялось, но обязательным не было [4, рис. 2].

Несколько слов следует сказать и о седле («эмээл») [2]. Как и монгольские седла недавнего прошлого, оно имело деревянный остов и дугообразные луки, украшенные резьбой, раскраской и металлическими бляшкамп. Обе луки окантовывались полосками железа, а полки седла скреплялись железными пластинками, при этом высота передней луки была немного выше задней. Ленник покрывался войлоком, а затем обтягивался кожей. Под седло клали войлочный потник, который прикрывался украшенным тисненым орнаментом и металлическими бляшками кожаным чепраком. Цвет чепрака, как и изготовленного из того же материала тебенека (трапециевидной формы лопасти с закругленными на нижней, широкой части углами), был темно-коричневый, причем тебенек украшался тисненным клетчатым узором и декоративным орнаментом [30, с. 116, 117, рис. 7; 31, с. 45].

В предметы конского снаряжения («морпой ээбсэг») входили также удила, стремена, подпружные пряжки, седельные кольца, предметы украшения сбруи.

Удила («хазаарай аман») по способу крепления к ним ремней повода и оголовья относились к типу двусоставных с кольчатыми псалиями. Они изготавливались из двух четырехгранных железных стержней с одинаковыми размерами звеньев и несомкнутыми кольцами, в которые продевались железные кольчатые псалии одинакового диаметра. Обычный размер половинок вместе с псалием равнялся 10—12 см при диаметре колец 4—6 см (рис. 6, *4*).

В отличие от удил стремена («дуроо») были более разнообразны по типам. Нами выделено три типа стремян. Первый включает изделия арочной формы с невысоким прямоугольным выступом и прямоугольной же петлей для путлища. Подножки у них прямые или слегка выгнутые, укреплены тремя жгутами (рис. 6, *1*). Высота стремян — 15,0 см при ширине в подножке 14,7 см. Второй тип — стремена подтреугольной формы, с прямой подножкой и прямоугольной петлей для путлища (рис. 6, *2*). Высота этих изделий — 14,0 см, ширина в подножке — 14,0 см. Наконец, третий этап — изделия арочной формы с невысоким прямоугольным выступом и дугообразной бородкой в основании дужки. Путлище в стременах этого типа продевалось в прямоугольной формы петлю, а подножка была слегка выгнута (рис. 6, *3*). Стремена имели высоту 14,8 см, а ширину подножки — 13,1 см. Кроме этого, видимо, надо отметить и деревянные стремена, которые, хотя и не обнаружены в археологических памятниках, этнографически прослеживались у некоторых групп монголов еще в XIX в. [9, с. 46].

Не менее разнообразны по форме, размерам и материалу изготовления подпружные пряжки («улам бэли»). В нашем распоряжении имеются костяные, бронзовые и железные изделия, при этом последние — самые многочисленные. Есть овальные (рис. 5, *8*), круглые (рис. 5, *9*), прямоугольные (рис. 5, *7*) железные пряжки, материалом для изготовления которых служила различного сечения проволока. Все железные пряжки имеют подвижный язычок, закрепленный на рамке.

Костяная пряжка (рис. 7, *10*) имеет двояковогнутую форму и прямой обрез краев щитка и рамки. В пряжке прорезано два отверстия: прямоугольное с замком в верхней части и квадратное в середине для

[2] Хорошо сохранившийся экземпляр седла XIII—XIV вв. известен из раскопок С. В. Киселева (курган Окошки у Хирхиринского городища в Читинской области).

пропуска ремешка, ширина которого, судя по размеру прорези, не превышала 1,5 см. На щитке пряжки, у его нижнего края, высверлено два круглых отверстия, а боковые стороны украшены профилировкой из одинарного крупного зубчика. Изделие имеет длину 14,7 см при ширине щитка и рамки 5,8—6,0 см.

Наконец, бронзовые пряжки отливались в виде шестилепестковой круглой розетки с парой подчетырехугольных отверстий для пропуска ремня. Крепились они при помощи железных шпеньков, продеваемых в круглые сквозные отверстия (рис. 5, *10*).

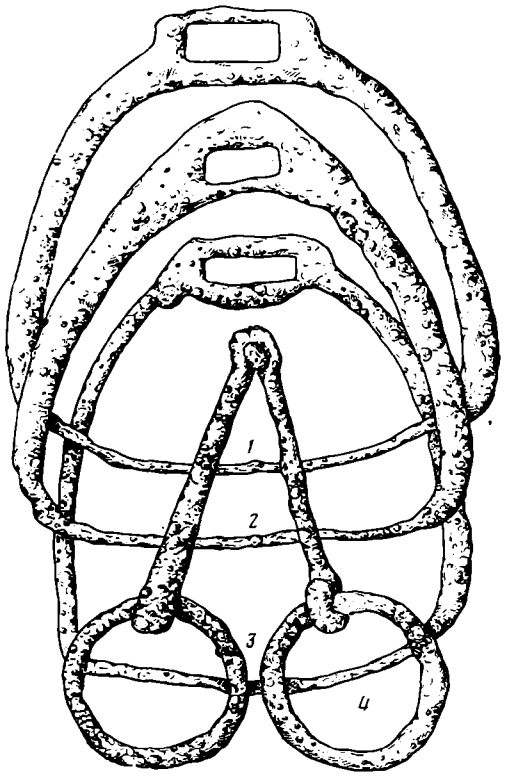


Рис. 6. Воинское снаряжение татаро-монголов. Удила и стремена. 1 — мог. Ундугун, погр. 8; *2* — мог. Дворцы-II, погр. 4; *3*, *4* — мог. Дворцы-III, погр. 1

Обращаясь к седельным кольцам («бугэжэ»), прежде всего необходимо отметить, что все они железные, диаметром от 1,5 до 6,5 см, с продетым через кольцо стержневым пробоем. Концы пробоев вставлялись в отверстия на тонких седельных полках и загибались в разные стороны на внутренней поверхности доски (рис. 8, *1—3*). Судя по расстоянию между углом изгиба пробоя и его головкой, толщина доски не превышала 2 см. В двух случаях вместо пробоев использовались медные пластинки, крепившиеся на полке седла железными гвоздями (рис. 8, *4*).

Украшалась сбруя, судя по находкам в восточно-забайкальских могильниках XII—XIV вв., крупными медными бляхами, которые нашивались на нагрудные или шейные ремни (рис. 8, *6*, *7*), а также мелкими, используемыми для убранства уздечки (рис. 8, *5*, *8*). Последние помимо меди изготавливались из кости. Кроме этого, для украшения сбруи применялись различного рода узлы («хударгин уялаа», «зангилаа», «хударгин сасаг») в сочетании с плетением из тонких ремней [32, с. 163, рис. 13, 14, 16].

Особенностью снаряжения татаро-монгольского конного воина было отсутствие шпор. Здесь же необходимо отметить и то, что вопреки сложившемуся у некоторой части исследователей мнению лошади у монголов подковывались, наглядный пример чему — находки широких подков без шипов («таха») в Кара-Коруме [16, с. 209].

Легковооруженный конный воин. В отличие от тяжеловооруженного всадника легкий конный лучник не имел такого богатого арсенала средств защиты (оружия). Он был одет в сшитую из шкуры кобарги, косули, соболя, лисьих или волчьих лап шапку («малгай») с острой или округлой тульей и расширенным кверху околышем, с которой свободно свисали пушистые звериные хвосты, мягкий панцырь («хатангу деель») в виде длинного кафтана с фигурными листовидными оплечьями, сшитый из слоеной кожи, войлока и прочной ткани и часто простеганный металлическими пластинками, или в стеганый халат с косым запáхом и узкими длинными рукавами, кожаные рукавицы («архан»), стеганые штаны и сапоги [4, рис. 3, *б*, *в*; 9, с. 33, 46; 25, с. 96].

Вооружение легкой конницы татаро-монголов составляли лук, тех же типов, что и описанные выше, стрелы с железными и костяными наконечниками, а также сабля и волосяной аркан.

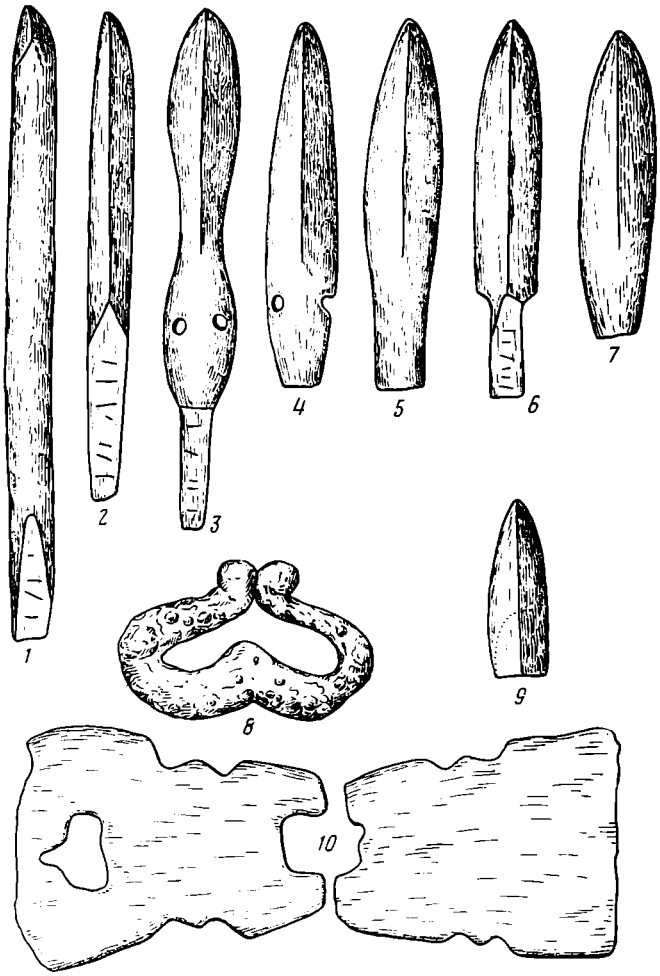


Рис. 7. Воинское снаряжение татаро-монголов. Костяные наконечники стрел (*1*, *2* — мог. Ундугун, погр. 6; *3* — мог. Дворцы-II, погр. 1; *4* — мог. Зугмара, погр. 8; *5*, *9* — мог. Ундугун, погр. 1; *6* — мог. Дворцы-III, погр. 1; *7* — мог. Ундугун, погр. 9); кресало (*8* — мог. М. Кулинда, погр. 2); подпружная пряжка (*10* — мог. Ишихан-II, погр. 2)

Учитывая, что перечисленные виды оружия легковооруженного всадника — те же, что и у панцирных воинов, здесь мы рассмотрим только костяные наконечники стрел («годли»). Они подразделяются нами на два отдела, две группы и семь типов.

Отдел I. Черешковые наконечники стрел. Это самая распространенная категория костяных наконечников. Они имеют плоский, клиновидный в боковой проекции насад с рядами поперечных косых нарезок на обеих плоскостях для крепления с древком.

Группа I. Ромбические наконечники стрел. Они подразделяются на пять типов.

Тип 1. Листовидные (рис. 7, *2*; рис. 8, *9*, *13—16*), имеющие остроугольную головку, с отходящими от нее покатыми плечиками, дугообразное перо и скошенные грани, плавно переходящие в насад. Размер изделий: общая длина — 9,0, длина пера — 4,5, ширина пера — 1,5 см.

Тип 2. С плечиками (рис. 7, *6*; рис. 8, *11*). Перо у наконечников этого типа имеет коническую головку, прямые, сужающиеся к черешку грани и короткие скошенные плечики, отделяющие насад от упора. Длина наконечников — 9,8, длина пера — 6,5, ширина пера — 1,5, длина плечиков — 0,2 см.

Тип 3. С боевой головкой (рис. 8, *10*, *12*). Наконечники имеют листовидную головку и трапециевидный черешок, отделенный от головки двояковогнутой шейкой. Общая длина наконечников — 7,4, длина головки — 3,2, шейки — 1,7, ширина головки — 1,5, шейки — 1,1 см.

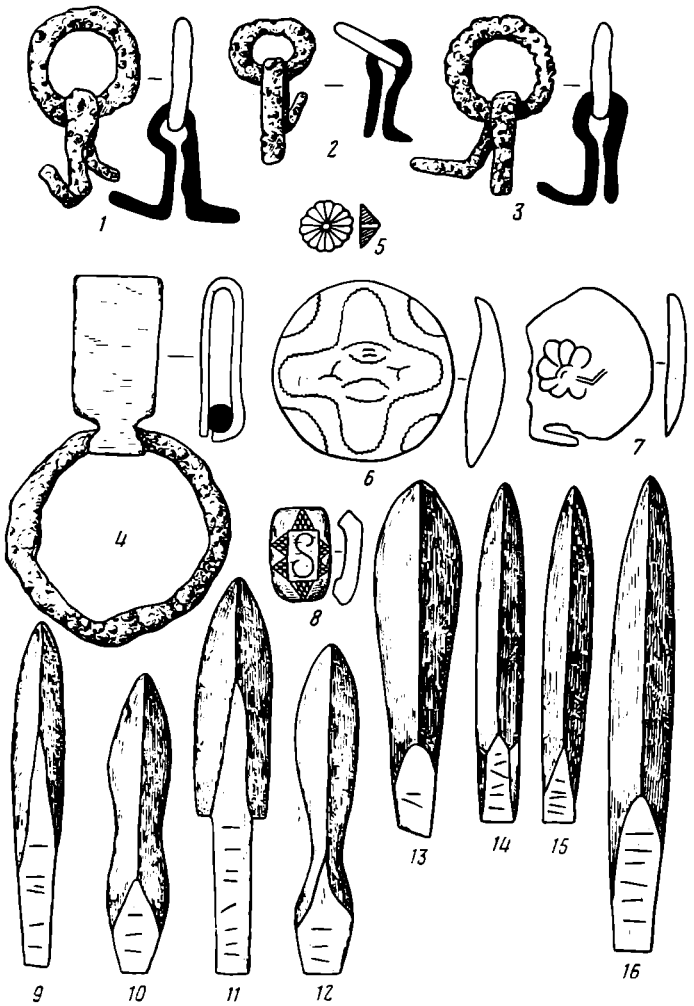


Рис. 8. Воинское снаряжение и оружие татаро-монголов. Седельные кольца (*1*—*3* — мог. Дворцы-II, погр. 3; *4* — мог. Чиндант, погр. 1); украшения сбруи (*5*—*6* — мог. Дворцы-II, погр. 3; *7* — мог. Дворцы-II, погр. 5; *8* — мог. Ундугун, погр. 2); наконечники стрел (*9* — мог. Ундугун, погр. 6; *10* — мог. Ундугун, погр. 1; *11*, *16* — мог. Дворцы-II, погр. 2; *12* — мог. Ундугун, погр. 5; *13* — мог. М. Кулинда, погр. 4; *14*, *15* — мог. Зугмара, погр. 6)

Тип 4. С цельновырезанной свистункой (рис. 7, *3*). Перо наконечников этого типа листовидное, отделено от свистунки круглой шейкой, черешок вставной. Длина изделия — 12,7, длина пера — 4,0, шейки — 1,7, свистунки — 3,8, ширина пера — 1,6 см.

Тип 5. Игольчатые (рис. 7, *1*). Наконечники имеют узкую вытянутую форму пера и круглую удлиненную шейку, отделяющую перо от короткого плоского насада. Общая длина наконечников — 8,5, пера — 5,5, шейки — 2,0, ширина пера — 0,6 см.

Группа II. Трехгранные наконечники стрел. В нашем собрании они представлены 1 экз. и, следовательно, одним типом с цельновырезанной свистункой (рис. 7, *4*). Наконечник имеет перо в форме узкой вытянутой пирамидки, стороны которой, плавно расширяясь от острия, переходят в свистунку. Длина наконечника — 9,0, пера — 6,5, ширина пера — 1,5 см.

Отдел II. Втульчатые наконечники стрел. Изделия относятся к группе ромбических и подразделяются на два типа.

Тип 1. С цилиндрической втулкой (рис. 7, *5*, *7*). Наконечники имеют остроугольную головку и листовидное перо, плавно переходящее в открытую втулку. Размеры наконечников: общая длина — 9,0, длина пера — 6,5, втулки — 2,5, ширина пера — 1,4, диаметр втулки — 1,2 см.

Тип 2. Со скрытой втулкой (рис. 7, *9*). Перо таких наконечников имеет тупоугольное острие, прямые грани и коническую втулку, спря-

танную внутрь наконечников. Общая длина изделий — 6,8, ширина пера — 1,8, длина втулки — 3,0 см.

О назначении костяных наконечников стрел нет единого мнения. Одни исследователи рассматривают их как принадлежность только охотничьего снаряжения [33, с. 106, 109], другие же считают их универсальными, предназначенными как для добычи промыслового зверя, так и для применения в бою [22, с. 87—89]. Последняя точка зрения подтверждается и письменными источниками [5, с. 93]. Исходя из этого, мы относим костяные наконечники стрел к предметам вооружения татаро-монголов.

Что же касается снаряжения боевого коня легковооруженного воина, то оно, видимо, было простым, без использования конского защитного доспеха.

Пеший воин («ябаган сэрэбшэ»). Несмотря на отсутствие сведений о наличии у татаро-монголов пехоты и характеристики их как неспособных к пешему бою, «ибо у них короткие ноги и длинное туловище» [7, с. 153, 154], существование у них пехоты как вспомогательного рода войск, на наш взгляд, вполне допустимо. Она могла формироваться из числа «вассалов или побежденных народов» [15, с. 225] для охраны и обеспечения «метко и мощно бьющих устройств» — катапульт, стенобитных машин, саперных работ, а также для различных обозных нужд. Воин мог быть вооружен подобно легковооруженному всаднику, но иметь не круглый, а прямоугольный станковый щит, сплетенный из прутьев на деревянном каркасе [4, рис. 3, *в*]. В зимнее время к этому добавлялись лыжи («сана»).

Таковы в основных чертах вооружение всадника и пехотинца, а также снаряжение боевого коня у татаро-монголов, свидетельствующие о высоком уровне развития у них военного дела.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Худяков Ю. С.* Вооружение енисейских кыргызов VI—XII вв. Новосибирск: Наука, 1980.
2. *Овчинникова Б. Б.* К вопросу о вооружении кочевников средневековой Тувы (по материалам могильника Аймырлыг).— В кн.: Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981.
3. *Ларичев В. Е., Тюрюмина Д. В.* Военное дело у киданей (по сведениям из «Ляо-ши»).— В кн.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. История и культура Востока Азии. Т. III. Новосибирск: Наука, 1975.
4. *Горелик М. В.* Средневековый монгольский доспех.— В кн.: Олон улсын монголч эрдэмтий III их хурал. Т. I. Уланбаатар, 1979.
5. *Лубсан Данзан.* Алтан Тобчи («Золотое сказание»).— В кн.: Памятники письменности Востока. М.: Наука, 1973.
6. *Плано Карпини.* История монголов.— В кн.: Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
7. *Матузова В. И.* Английские средневековые источники IX—XIII вв. Древнейшие источники по истории народов СССР. М.: Наука, 1979.
8. *Медведев В. Е.* О шлеме средневекового амурского воина (тайник с остатками доспеха в Корсаковском могильнике).— В кн.: Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981.
9. *Викторова Л. Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, 1980.
10. *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.— Л.: Наука, 1965.
11. *Савинов Д. Г.* Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири.— В кн.: Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981.
12. *Медведев В. Е.* Культура амурских чжурчженей. Конец X—XI в. (по материалам грунтовых могильников). Новосибирск: Наука, 1977.
13. *Василевич Г. М.* Эвенки (историко-этнографический очерк). Л.: Наука, 1969.
14. *Мэн-да Бэй-лу* (Полное описание монголо-татар).— В кн.: Памятники письменности Востока. Т. XXVI. М.: Наука, 1975.
15. *Д'Оссон К.* История монголов от Чингис-хана до Тамерлана. Т. I. Иркутск: Вост.-сиб. обл. изд-во, 1937.
16. *Киселев С. В., Мерперт Н. Я.* Железные и чугунные изделия Кара-Корума — В кн.: Древнемонгольские города. М.: Изд-во АН СССР, 1965.
17. *Киселев С. В.* Город на реке Хирихира.— В кн.: Древнемонгольские города. М.: Наука, 1965.
18. *Монгайт А. Л.* Старая Рязань.— МИА, 1955, № 49

19. *Мункуев Н. Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах (надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая). М.: Наука, 1965.
20. *Лун-ли Е.* История государства киданей.— В кн.: Памятники письменности Востока. Т. XXXV. М.: Наука, 1979.
21. *Махалов А. И.* Древнее погребение из долины р. Читы. Чита, 1930.
22. *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII—XIV вв.— САИ, 1966, вып. Е1-36.
23. *Ксенофонтов Г. В.* Эллэйада. Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. М.: Наука, 1977.
24. *Туголуков В. А.* Эвенки-ганальчи (к вопросу о существовании племени у тунгусов).— СЭ, 1979, № 4.
25. *Вяткина К. В.* Очерки культуры и быта бурят. Л.: Наука, 1969.
26. *Деревянко Е. И.* Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск: Наука, 1975.
27. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1953.
28. *Gorelic M. V.* Defensive Arms of the VIII—XV centuries in the Near and Middle East as Reflected in Representative Art.— In: Indo-Islamic Arms and Armour. L., 1976.
29. A Pictorial Enciclopedia of the Oriental Arts. Japan. Tokyo. — New York, 1969.
30. *Кочешков Н. В.* Народное декоративное искусство агинских бурят (по материалам этнографической экспедиции 1973 г.).— СЭ, 1978, № 4.
31. *Киселев С. В.* Древнемонгольский город Хирхира.— В кн.: Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
32. *Ленхобоев Г., Хамзина Е.* Узлы, швы и плетение у бурят.— В кн.: Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1965.
33. *Хамзина Е. А.* Археологические памятники Западного Забайкалья (поздние кочевники). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970.

V. F. Nemerov

ARMS AND ARMOUR OF A MONGOL WARRIOR OF THE 13TH-14TH CENTURY

Summary

The author uses archaeological, ethnographic and written sources dealing with conquests of Genghiz-Khan and his successors to describe the defensive and offensive arms of the Tartar-Mongols and the armour of their horses. He writes that the heavy cavalry used the bow ot the Mongol or Tungus types, the first of them being strengthened with bone plates (Fig. 2, *1-2*), iron flat, three-blade and armour piercing arrowheads of 13 types (Fig. 2, *3-8*; Fig. 3, *1-9*), a birch-bark quiver, a file for sharpening iron arrowheads (Fig. 5, *6*), a sabre, an iron mace, a battle axe, a spear, a shield, a helmet, and an armour of the «huyag» type. The horse protective armour is also described. The light cavalry used only bows, arrows tiped with 8 types of bone heads (Fig. 7, *1-7*, *9*; Fig. 8, *9-16*), a shield, a sabre and an armour of the «khatangu deel» type. Each warrior, irrespective of the type of cavalry he served in, had to carry a knife, an awl, a needle, threads, a horse-comb, a horse-hair rope, a tent, and a hobble. The author surmises the existence of infantry.

В. Л. МЫЦ

СРЕДНЕВЕКОВОЕ УКРЕПЛЕНИЕ ИСАР-КАЯ

Укрепление Исар-Кая[1] у горного прохода Шайтан-Мердвен (Чертова лестница) (рис. 1) известно в научной литературе со времен П. И. Кеппена, который упоминает о нем впервые. Сам П. И. Кеппен не видел развалин крепости, но, основываясь на рассказах местных жителей и на опыте собственных наблюдений, предположил, что «при Мердвене — известном проезде по примечательной каменной лестнице — находилась наблюдательная или оборонительная точка» [1, с. 206 и сл.]. В. Х. Кондораки, который побывал на Шайтан-Мердвене, считал неосновательным такое предположение, потому что «ни на ней (Чертовой лестнице.— *В. М.*), ни по сторонам ее не было возможности поставить крепость, которая могла бы иметь влияние на желающих проникнуть Мердвеном» [2, с. 291].

Этот спор был решен много лет спустя — в 1934 г. Н. Л. Эрист, побывав на Шайтан-Мердвене, отыскал и развалины крепости. Он писал: «На соседней скале (второй от перевала к востоку) имеются явственные эффектные развалины средневековой готско-греческой крепости Мердвень-Исар» [3, с. 431]. После этого исар много лет не посещался, и его точное местонахождение вторично было установлено геологом Л. В. Фирсовым [4, с. 99; 5, с. 38; 6, с. 102; 7, с. 227—247].

В 1967 г. Л. В. Фирсовым на исаре проводились небольшие разведочные раскопки, которые удалось продолжить лишь в 1979—1980 гг. Во время работ 1967 г. в крепости было заложено четыре шурфа и один раскоп — 4 × 4 м (рис. 2, *1*), в котором обнаружена небольшая церковь. Л. В. Фирсов на основании проведенных исследований строительство крепости относил к IX—X вв., а разрушение укрепления — к концу XIV — началу XV в. и связывал последнее с захватом Южнобережья генуэзцами и карательной экспедицией Карло Ломеллино 1434 г. [4, с. 116; 5, с. 58]. В то же время О. И. Домбровский и Е. А. Паршина время существования крепости предположительно определили XII—XIV вв. [8, с. 1; 9, с. 295]. А. Л. Якобсон считал наиболее вероятной дату возведения укрепления — XIII—XIV вв. [10, с. 201].

Целью раскопок 1979—1980 гг. являлось уточнение даты укрепления, выяснение его фортификационных особенностей, изучение застройки его территории. За два полевых сезона на городище был доследован храм, частично раскрытый в 1967 г., раскопано две жилые постройки и хозяйственное помещение, произведены зачистки развалин оборонительной стены [11; 12, с. 289].

Укрепление находится в 250 м к востоку от места выхода тропы из ущелья Шайтан-Мердвена и занимает вершину горы Исар-Кая. Оно представляет собой в плане неправильный четырехугольник (рис. 2). Наибольшие размеры площадки, занятой крепостью — 75 × 55 м. С юга и запада вершина ограничена обрывами 20—40 м высотой. С северо-запада обрыв постепенно снижается по направлению к северной седловине, отделяющей гору Исар-Кая от Яйлы. Поверхность скалы наклонена к востоку под углом 5—15°. Площадь укрепления — около 0,3 га.

С севера и востока территория городища доступна. Здесь и были поставлены крепостные стены, которые в настоящее время сильно разру-

[1] Крымские топонимы «Исар-Кая» обычно переводят как «Крепостная скала», хотя более точным переводом является «Скала со стеной».

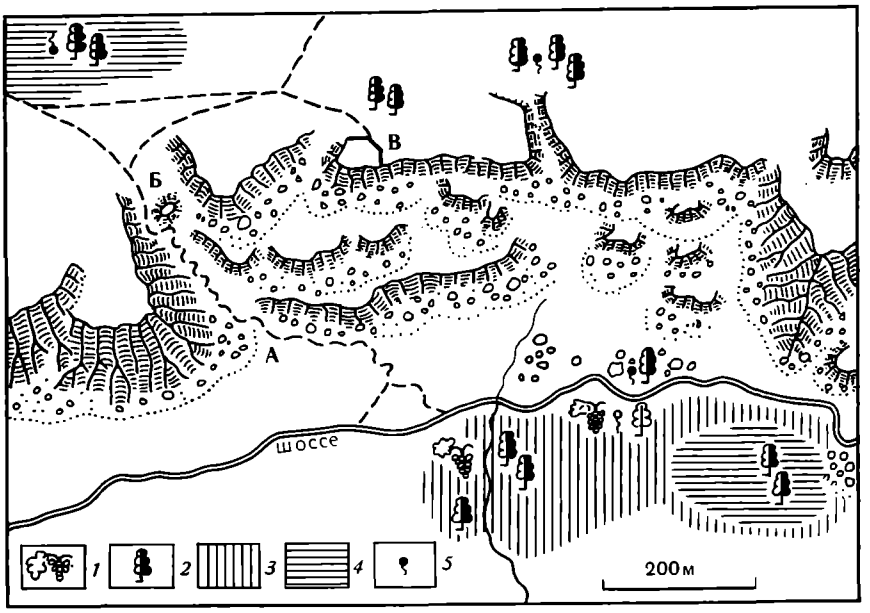


Рис. 1. Схема рельефа Яйлы в районе горного прохода Шайтан-Мердвен (по Л. В. Фирсову с дополнениями автора). *А—Б* — горный проход Шайтан-Мердвен; *В* — укрепление Исар-Кая. *1* — одичавший виноград; *2* — одичавшие фруктовые деревья; *3* — следы средневекового поселения X—XIV вв.; *4* — лесные поляны; *5* — источники

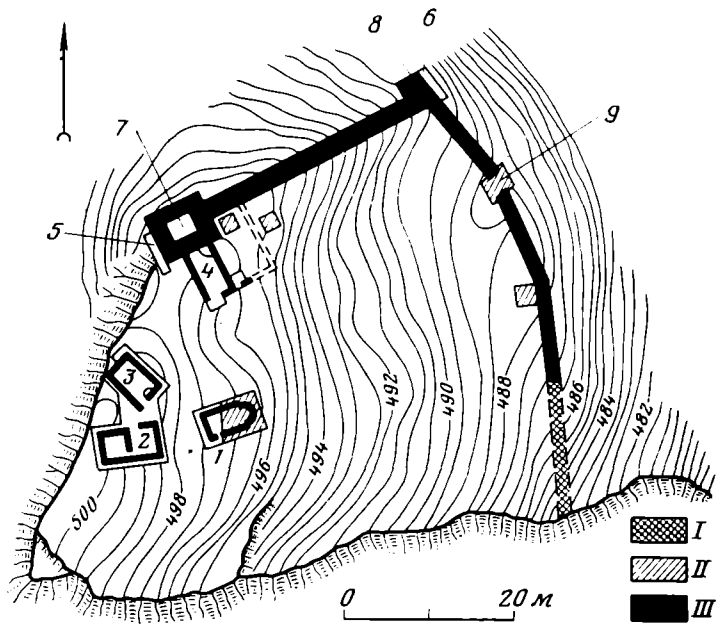


Рис. 2. Средневековое укрепление Исар-Кая. План (инструментальная съемка Е. Чикалкина и В. Семенова 1979 г., горизонтали даны условно). I — полностью разрушенный участок оборонительной стены; II — места раскопок 1967 г.; III — остатки построек и оборонительных стен. *1—6* — места раскопок 1979—1980 гг.; *7* — донжон; *8* — башенный выступ; *9* — воротный проезд

шены, выглядят как каменный вал высотой 2,5—3 м. Общий периметр укрепления — 205 м. Длина оборонительных стен — 100 м; северный участок оборонительной стены равен 45 м (при толщине 2,6—2,7 м), а восточный — 55 м (толщина куртины 1,7 м). Высота стен тоже, видимо, была различной: на северном участке она, возможно, достигала 7—8 м, а на восточном—5—6 м.

Восточная оборонительная стена сохранилась хуже северной из-за большого уклона скалы: у южного обрыва она на протяжении 20 м разрушена полностью (рис. 2, *1*). Крепостные стены сложены из крупного

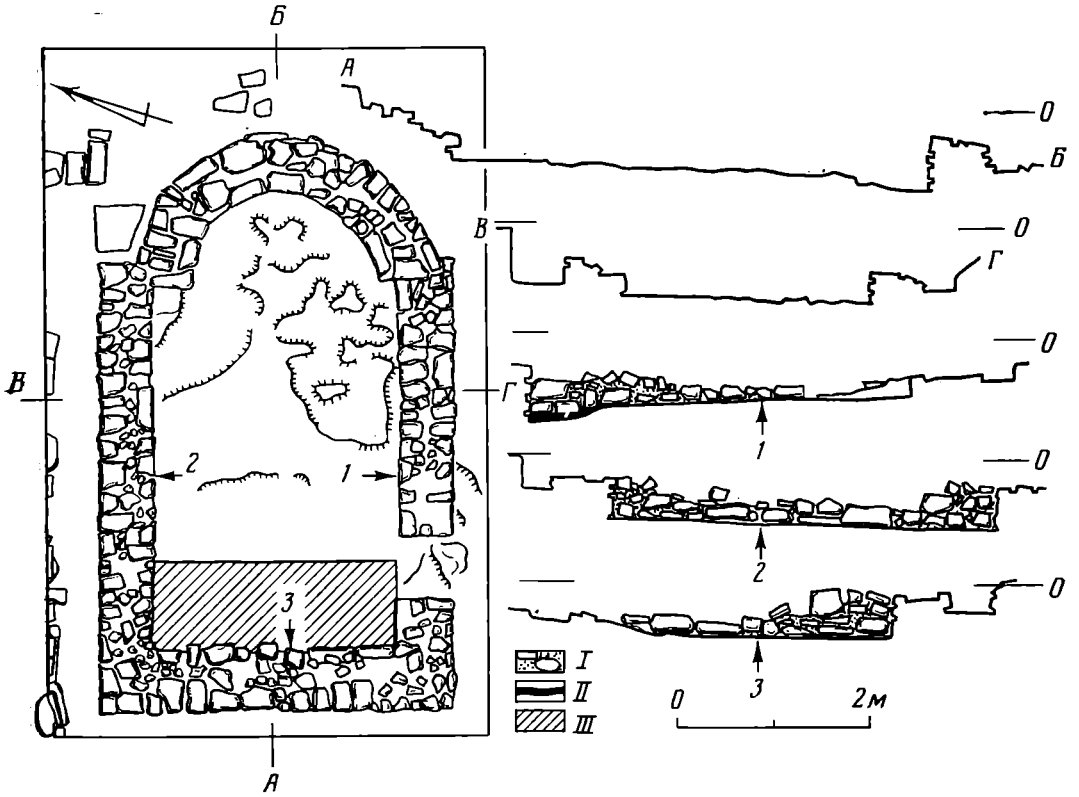


Рис. 3. Храм в укреплении Исар-Кая. План, разрезы и фаспровки. I — кладка на извести; II — глина с щебнем; III — сохранившийся участок пола храма

бута на известково-песочном растворе. С использованием аналогичного вяжущего раствора сложены стены большинства крепостей средневековой Таврики.

Вход в укрепление находится в восточной куртине, в 12 м от северо-восточного угла (рис. 2, *9*). Ширина входа — 1,65—1,70 м. Со стороны северной седловины ко входу подходила дорога.

На краю обрыва находился каменный парапет, разрушившийся в настоящее время полностью. На это указывают прослеживаемые кое-где подтески скалы. Высота парапета, видимо, не превышала 1,0—1,1 м при толщине 0,60—0,70 м, и сложен он был из бута насухо или на глине.

В 1980 г. были проведены раскопки, позволившие уточнить систему оборонительных сооружений исара. В северо-восточном углу, на месте стыка северной и восточной куртин, где Л. В. Фирсов помещал некий «контрофорс» [6, с. 104, рис. 2, *9*], был раскрыт прямоугольный башенный выступ 3,3×2,35 м (рис. 2, *8*). Его стены стоят непосредственно на скале и сложены из слегка подтесанных с лицевой стороны камней. Они сохранились на высоту 1,2 м. В основание углов башенного выступа (сложенного вперевязь с северной и восточной куртинами) положены камни больших размеров — 0,8 × 0,5 × 0,4 м.

Северная оборонительная стена с запада завершалась прямоугольной башней (рис. 2, 7). Из-за недостатка времени полное исследование башни провести не удалось, поэтому ее размеры (7,4×7,0 м) определяются пока предположительно.

Раскопки показали, что оборонительная система городища значительно сложней, чем предполагалось ранее. Строители крепости особенно позаботились об усилении наиболее доступного северного участка обороны, который с запада и востока замыкали прямоугольная башня и башенный выступ (расстояние между ними составляет 27 м), обеспечивая фланговый обстрел. Насколько можно судить по месту находок черепицы в раскопе 4, башня была закрытого типа с черепичной кровлей и, видимо, использовалась в качестве донжона. Аналогичные башни извест-

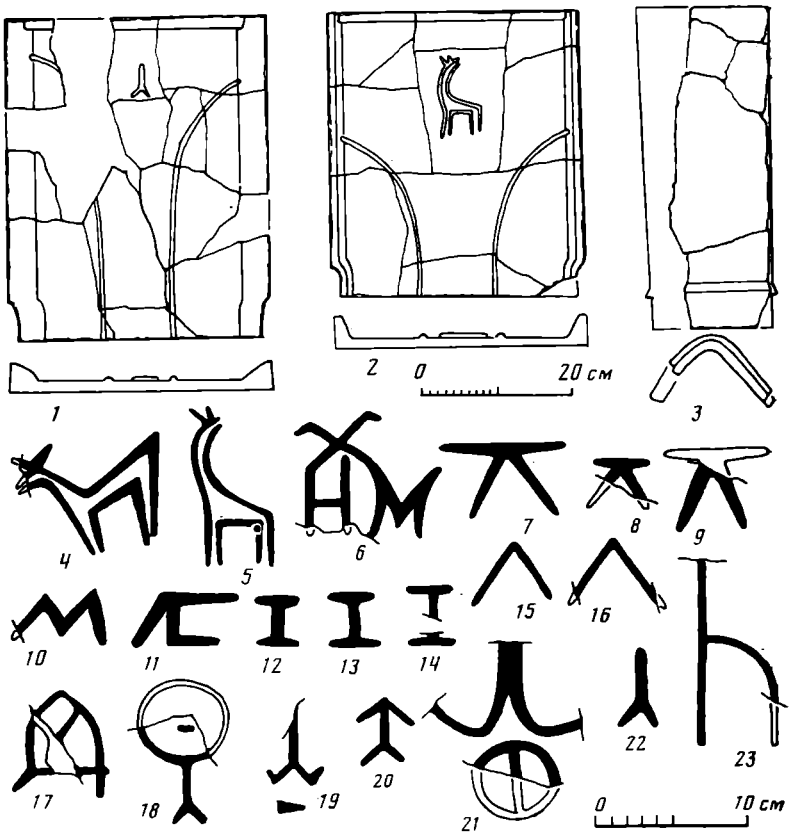


Рис. 4. Черепица и знаки на черепицах из раскопок в укреплении Исар-Кая. *1, 2, 5, 7, 8, 10—13, 17—20, 22* — из хозяйственного помещения; *3, 4, 6, 9, 15, 16, 21, 23* — из храма

ны на целом ряде исаров средневековой Таврики (Кермен-Кая на Басмане, Камара, Сарджик, Сандык-Кая и др.).

При доследовании храма (рис. 2, *1*; 3) были уточнены его размеры (6,35 × 3,75 м). Апсида обращена на северо-восток (73±3°). Вход, шириной 0,62 м, находился в южной стене возле юго-западного угла (рис. 3). Западная стена храма толще остальных на 0,10—0,15 м и равна в среднем 0,75 м. Она поставлена перпендикулярно направлению склона и служила одновременно крепидой, которая выдерживала напор грунта, оползавшего со скалы. Толщина прочих стен храма — 0,60—0,65 м. Стены сложены на известково-песочном растворе и сохранились в основном на высоту 1—3 рядов кладки (0,25—0,50 м). Лучше всего сохранилась апсида: ее высота в настоящее время — 0,65—0,70 м. Стены церкви стоят непосредственно на скале.

Пол храма глиняный. Наблюдается легкий наклон плоскости пола к апсиде (не более 1,5—2°). Неровности скалы, на которой стоял храм, были засыпаны щебнем с последующей глиняной подсыпкой и трамбовкой. Ниже глиняного пола храма, на скальной поверхности, найден обломок горла красноглиняного поливного кувшина XIII—XIV вв.

Оштукатуривание стен храма производилось после того, как был утрамбован пол: об этом говорят натеки известкового раствора на поверхность пола по всему периметру. Стены храма не были расписаны. Роспись, видимо, была только в апсиде: во время раскопок 1967 г. здесь найдены мелкие куски известковой штукатурки, покрытой краской различных цветов [5, с. 51].

При расчистке каменного завала стен встречались отдельные обломки керамид и калиптеров от кровли церкви. На двух фрагментах калиптеров есть рельефные знаки в виде буквы Л. На четырех обломках керамид знаки в виде монограммы из трех букв НХМ, буквы П, животного и знаков (рис. 4, *6*, *9*, *4*, *15*, *16*, *21*, *23*). Обращает на себя внимание полное сходство метки НХМ, найденной при раскопках храма на Исар-

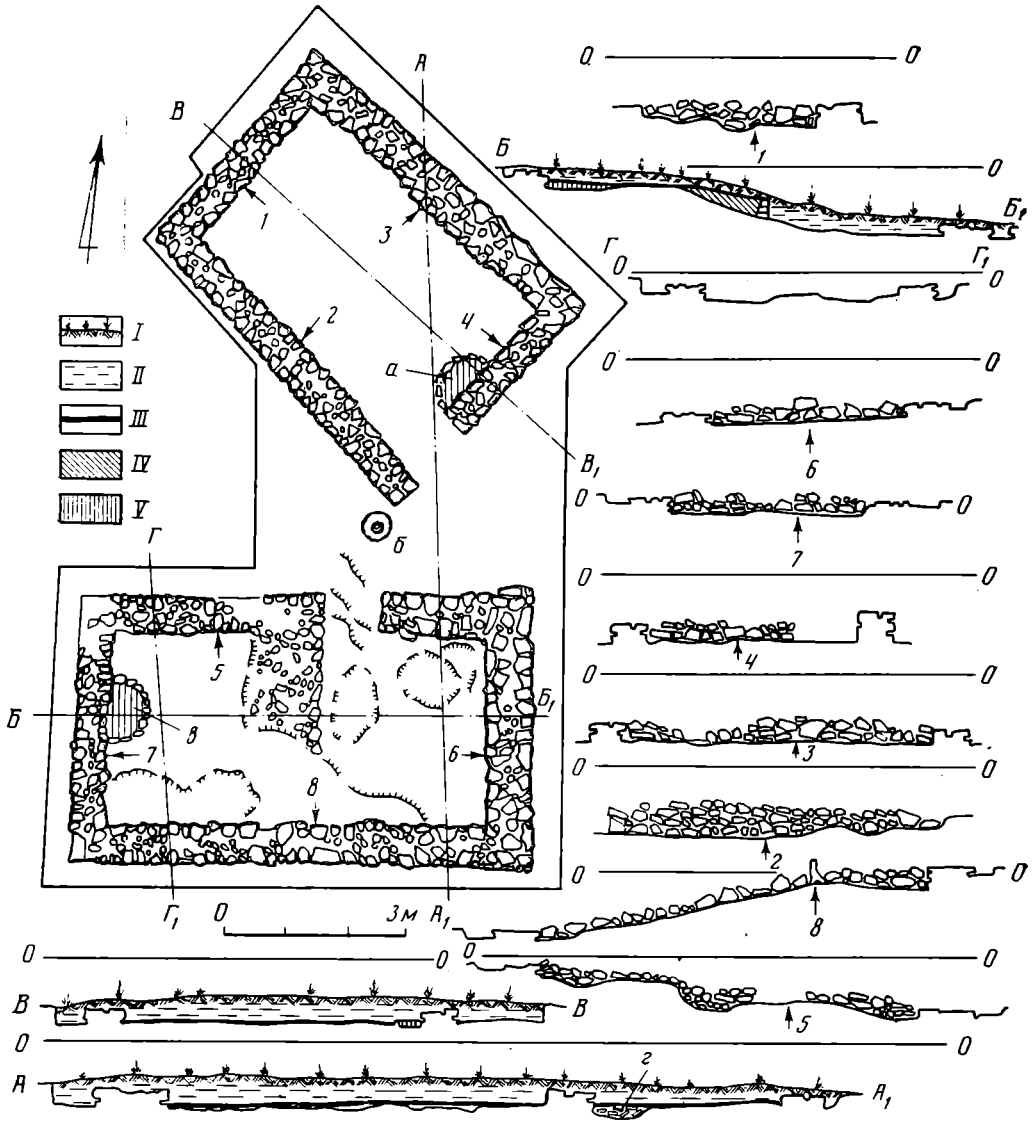


Рис. 5. Жилые постройки. Планы, разрезы и фасировки. I — дерновый слой; II — слой каменного завала; III — слой гари; IV — глина и щебень; V — зола

Кая, с меткой № 210 из Херсонеса (найдена в верхнем слое восточного помещения участка раскопок 1936 г.) [13, с. 137, табл. 13]. Керамиды с подобными знаками (различные варианты монограммы МНХАНЛ) до сих пор были известны только в Херсонесе. А. Л. Якобсон датирует их в одном случае XI—XII вв. [13, с. 137], а в другом — IX—X вв. [14, с. 97, рис. 59]. Возможно, что черепица с подобными знаками использовалась и в более позднее время. Так, при исследовании последних лет, проведенных в портовом квартале городища, керамиды с монограммами НХМ найдены в помещениях, погибших в пожаре XIII в. [15, с. 104, рис. 1, *15—18*, 2, *18—20*].

Следов гари на зачищенном участке пола не обнаружено. Нельзя, видимо, относить к пожару и мелкие кусочки угля, которые встречались в слое завала и на полу во время раскопок 1967 г. [4, с. 109]. Отсутствие следов горения, малая величина каменного завала и незначительное число находок обломков керамид и калиптеров указывают на то, что храм был разрушен не при пожаре: строительный камень и черепица выбирались из заброшенной церкви для вторичного использования.

Выше западной стены храма (в юго-западном углу раскопа), на скале найден большой железный крест (11,5 × 10 см). Он представляет собой две железные пластины, расширяющиеся на концах и склепанные между собой в средней, наиболее узкой части. В одном из перекрестий

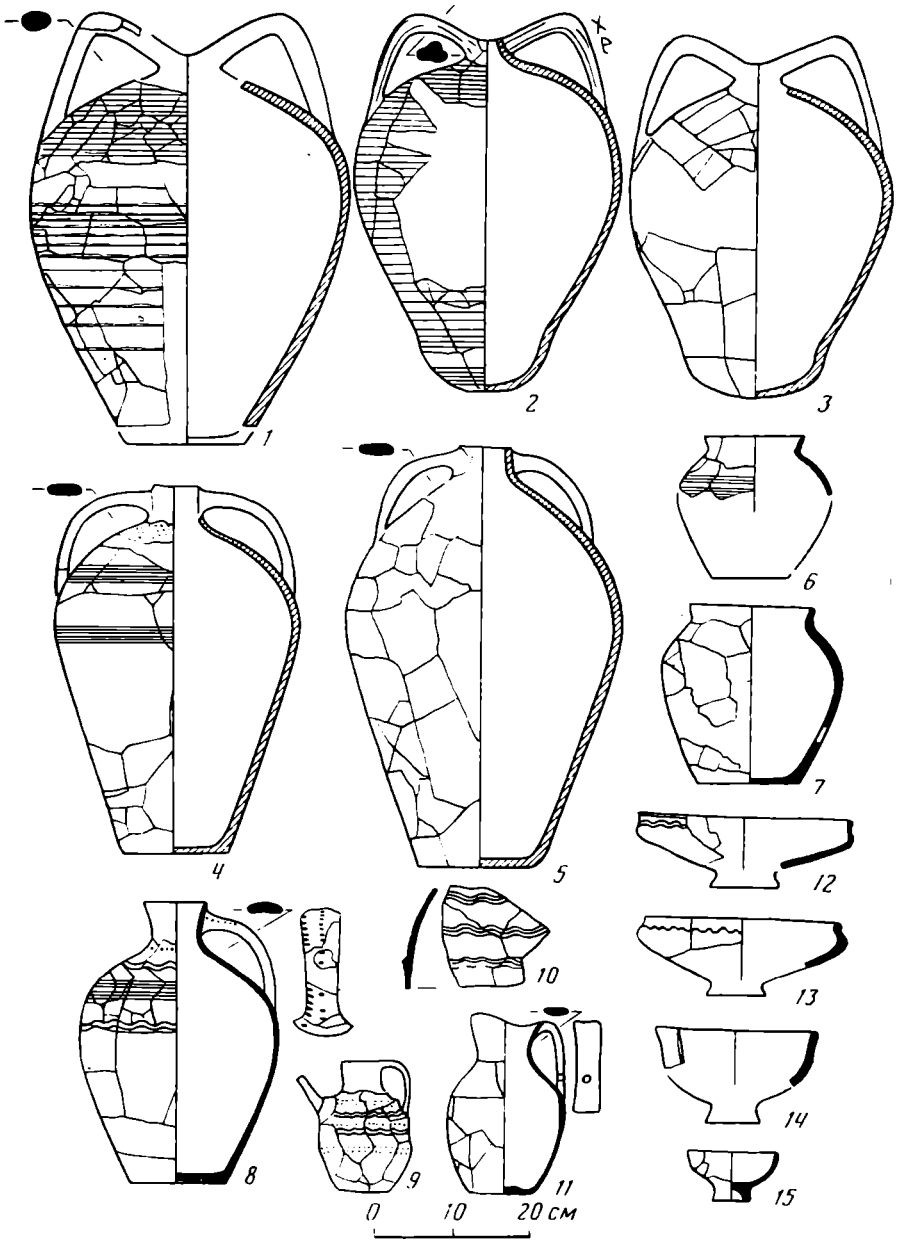


Рис. 6. Керамические находки из постройки 2. *1—5, 8* — амфоры; *6, 7* — кухонные горшки; *10* — фрагмент стенки амфоры; *9, 11* — кувшины; *12—14* — неполивные красноглиняные чашки; *15* — белоглиняная поливная тарелка

сделано отверстие для подвешивания цепочек с кадильницей (рис. 7, *21*). Аналогичные по форме, но сделанные из меди, кресты были найдены при раскопках раннесредневековых базилик укреплений Хисара и «Крумово кале» в Болгарии [16, с. 235, рис. 211; 17, с. 28, рис. 12].

К западу от храма в 1979—1980 гг. исследованы два здания — размером 8,1×4,6 (рис. 2, *2*) и 7,5×5,8 м (рис. 2, *3*). В плане они представляют собой неправильные четырехугольники. Стены сложены из бута на глине и сохранились в высоту от 0,35 до 0,70 м.

Постройка, исследование которой производилось в 1979 г. (рис. 5), двухкамерная. Вход в нее, шириной 0,9 м, был в северной стене. Толщина стен этого здания различна. Восточная («нижняя») стена наиболее широкая (0,80—0,90 м). Ширина остальных стен колеблется от 0,60 до 0,70 м. Такое различие в толщине можно объяснить тем, что восточная стена стояла ниже прочих и на довольно крутом склоне. На этом участке скала понижается с запада на восток. Перепад между

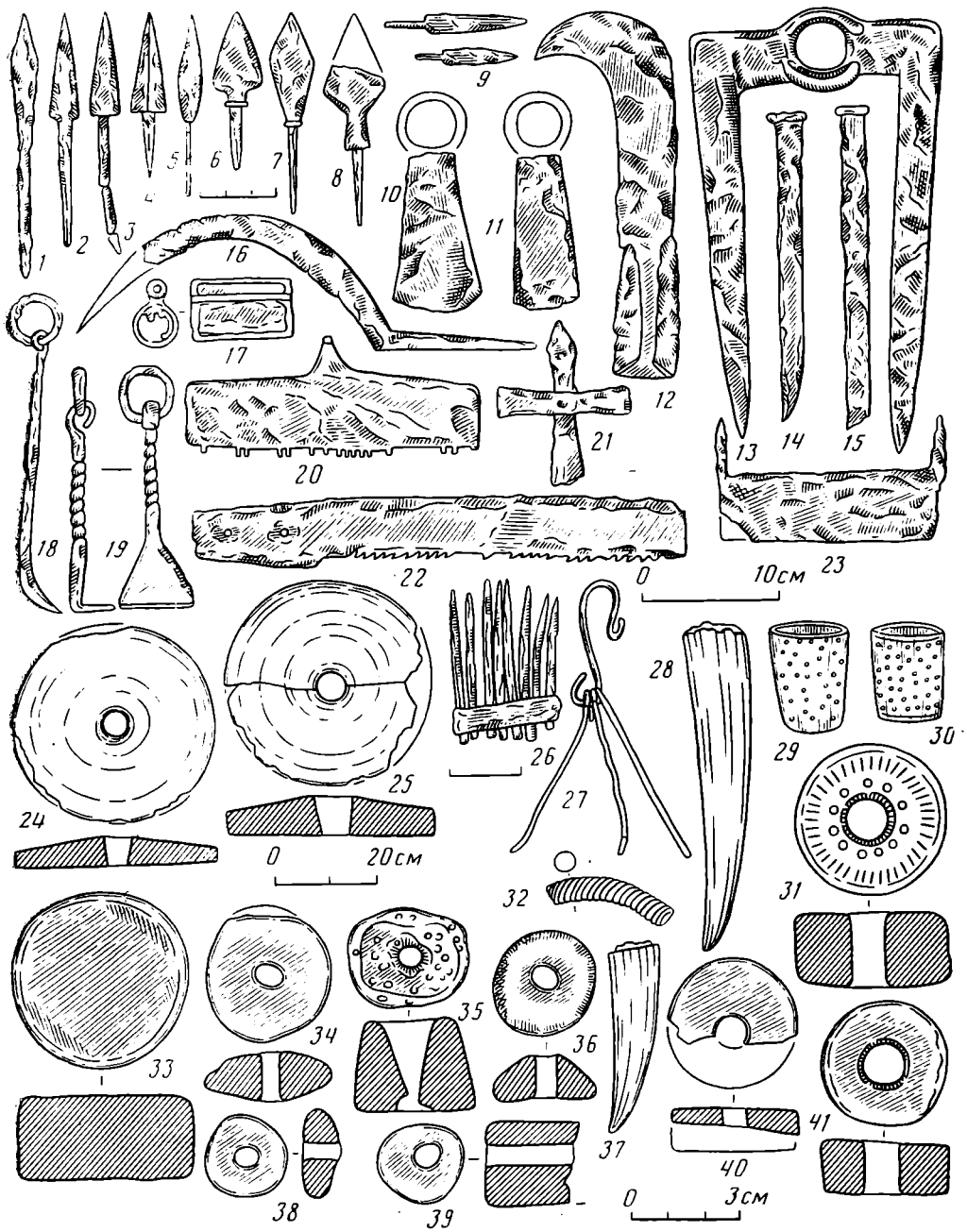


Рис. 7. Наконечники стрел, орудия труда и бытовые предметы из раскопок в укреплении. *1, 14, 23, 27, 29, 33—38* — из постройки 2; *2, 4, 7—13, 15—20, 22, 26, 30, 31* — из хозяйственного помещения; *21* — из храма; *3, 5, 6, 24, 32, 39—41* — из постройки 3

наивысшими точками западной и восточной стен (хотя их сохранность одинакова) составляет 1 м (рис. 5, разрез Б—Б[1]).

Примерно посредине здание как бы делит надвое скальный уступ. Поэтому для увеличения полезной площади и выравнивания пола «верхней» части постройки справа от входа была устроена крепида. Неровности скалы засыпаны щебнем и глиной. На верхней площадке, в северо-восточном углу, под тонким слоем глины (3—5 см) обнаружена подсыпка из золы. У западной стены верхнего помещения находился очаг размером 1,0×0,60 м (сохранилась обкладка из мелких камней и зола), имевший форму полукруга.

«Нижняя» и «верхняя» части дома были, видимо, разделены деревянной перегородкой, основанием которой служила крепида. На это указывают зачищенные здесь остатки сгоревших стояков и балок. Таким образом здание делилось на два помещения, которые могли иметь различ-

ное назначение: верхнее (его размеры 3,6×3,1 мм) было, очевидно, жилым, а нижнее (2,6 × 3,1 м) использовалось для хранения хозяйственной утвари. Это подтверждают и обнаруженные в постройке вещи. Так, в нижнем помещении, на полу, найдены обломки шести амфор, кувшина, двух красноглиняных тарелок, чашки (рис. 6, *1—5, 8, 11—14*) и пифоса. Здесь же найдены: каменная крышка от пифоса, гвозди, несколько метательных «снарядов» из морской гальки для пращи и небольшой баллисты.

Неполивные красноглиняные тарелки из слоя пожара орнаментированы однорядной волной, проведенной инструментом с тупым рабочим краем. Стенки бортиков завершаются слегка отогнутым наружу краем (рис. 6, *12, 13*). Подобные сосуды известны в Херсонесе, где они датируются XII—XIII вв. [18, с. 15, рис. 1, *в—ж*].

В «верхнем» помещении постройки, в юго-западном углу — у южной стены — стоял небольшой пифос с отбитой в древности горловиной. В нем находились обломки двух кухонных горшков (рис. 6, *6, 7*), кости мелких домашних животных (коз и овец?), яичная скорлупа, раковины мидий и устриц, угольки и зола.

Возле пифоса найдены три пряслица, поплавок из пемзы, костяные наперсток и пуговица, обломок рога козы (?) со следами обработки, пять ракушек с отверстиями, которые, видимо, служили подвесками, обломки бронзового светильника, фрагменты железных ножей, проколка, скребок для выделки шкур, обломки скоб и стамесок, фрагмент бронзовой шаровидной пуговицы, два наконечника стрел, обломок крюка с кольцом (рис. 7, *1, 14, 23, 27, 29, 33—38*).

У западной стены — в том же «верхнем» помещении — собраны обломки небольшого красноглиняного кумана, датируемого по херсонесским аналогиям XII—XIII вв [14, с. 117, рис. 72, 8; 18, с. 16, рис. 2*а*]. Куман покрыт светлым ангобом и орнаментирован тремя налепными валиками с насечками, между которыми проведена волна (рис. 6, *9*).

На полу верхнего помещения найдены также метательные «снаряды» разных размеров — диаметром от 2 до 10—12 см. Всего в постройке (в слое завала и в слое пожара, в котором она погибла) найдено 78 галек.

При разборке крепиды, которая служила основанием для деревянной перегородки между верхним и нижним помещениями постройки, в скальном углублении, засыпанном щебнем, глиной и обломками керамики, найдены фрагменты небольшой белоглиняной чашки на высоком кольцевом поддоне расширяющимся раструбом книзу (рис. 6, *15*). Чашка покрыта светло-зеленой прозрачной поливой. Аналогичная чашка была найдена при раскопках Баклы вместе с грушевидными и плоскодонными амфорами в слое пожара XIII в. [19, с. 73, рис. 3, *8*]. Таким образом, находка обломков чашки в засыпи скального углубления дает время, не ранее которого на этом месте было возведено здание,— XIII в.

Жилая постройка, исследованная в 1980 г., однокамерная. Вход в нее, шириной около 1 м, находился с юга (рис. 5). Пол помещения каменный, скальные углубления заполнены глиной. Справа от входа расположен очаг полукруглой формы, обложенный мелким камнем. Его размеры — 0,90×0,50 м.

Толщина культурных напластований на участках раскопов 2 и 3 невелика (рис. 5, разрезы А—$А_1$, Б—$Б_1$, В—$В_1$) — 0,4—0,8 м. Здесь под слоем дерна, толщиной 7—10 см, залегал каменный завал, перекрывавший в свою очередь слой пожара (3—5 см) на полах построек.

На полу дома, исследованного в 1980 г., найдены обломки двух пифосов с каменными крышками, которые стояли — один в западном, а другой в северном углах помещения, фрагменты трех амфор и красноглиняных кубков (рис. 8). Кубки на сплошном кольцевом поддоне (рис. 6, *4, 5*) встречаются сравнительно редко и известны только из раскопок в Херсонесе, где они найдены в комплексах XIII в. [13, с. 108, рис. 67, *14*; 18, с. 20, рис. 6, *в, е*].

Из находок в этом помещении также следует отметить три наконечника стрел, обломок браслета из синего стекла, керамические пряслица

и обломок грузика, фрагмент рога козы (?) и различные железные предметы (рис. 7, *3, 5, 6, 28, 32, 39—41*). У входа в постройку найден каменный жернов диаметром 0,40—0,41 м (рис. 7, *24*).

Внутри укрепления исследовано хозяйственное помещение многокамерной постройки, примыкавшей к северной оборонительной стене (рис. 2, *4*). Размеры помещения — 5,65×2,40 м. Вход, шириной около 1,2 м, находился с юга (рис. 9). Стены сложены из бута на глине и сохран-

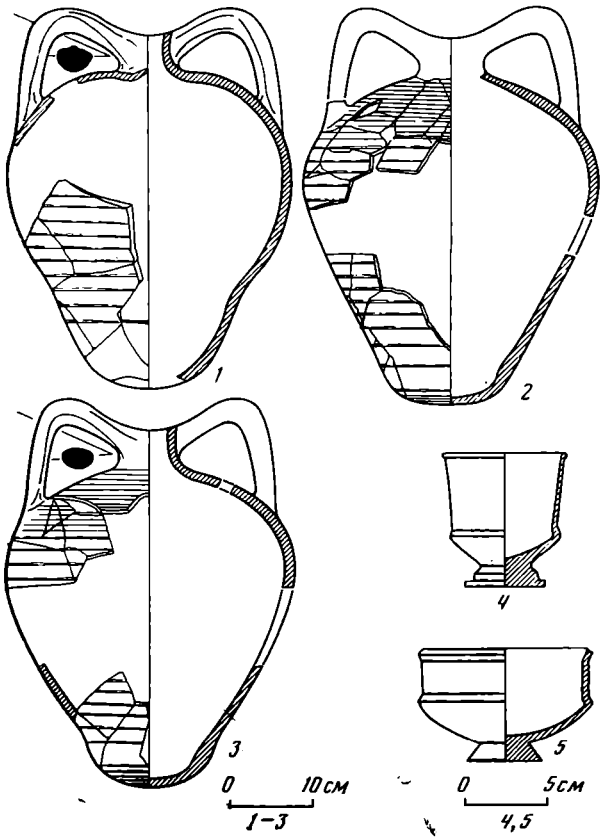


Рис. 8. Керамические находки из постройки 3. *1—3* — амфоры XII—XIII вв.; *4, 5* — красноглиняные неполивные кубки

лись на высоту от 0,8 до 1,6 м. Восточная кладка хозяйственного помещения тоньше остальных стен постройки (0,45—0,50 м). Для увеличения ее прочности примерно на высоте 0,8 м от пола были положены деревянные лаги, которые связывали кладку с куртиной и южной стеной. Лаги сгорели во время пожара, и в стене остался горизонтальный паз шириной 10—15 см (рис. 9, *3*). Аналогичный прием усиления стен был неоднократно прослежен при раскопках в Херсонесе [20, с. 209]. Надо сказать, что строительные традиции, сложившиеся еще в средневековье, настолько сильны, что в селениях Горного Крыма до настоящего времени можно видеть здания, при строительстве которых использовался этот прием.

Толщина культурных напластований в раскопе 4 составляет 0,5 м у входа в помещение и 2 м — у оборонительной стены (рис. 7, разрез А—Б). Под слоем дерна (8—10 см) расположен слой каменного завала, толщиной 0,8—1,0 м. За ним следует слой толщиной 0,10—0,75 м, состоящий из золы, кусков обожженной глины, шлака и камней от разрушенного горна. Он перекрывает слой гари (5—6 см) от рухнувшей на пол кровли.

В северо-восточном углу помещения зачищены остатки горна размером 1,1 × 1,0 м по внешнему обводу (рис. 9). Он был сложен из мелкого бута на глине с последующей глиняной обмазкой изнутри. Толщи-

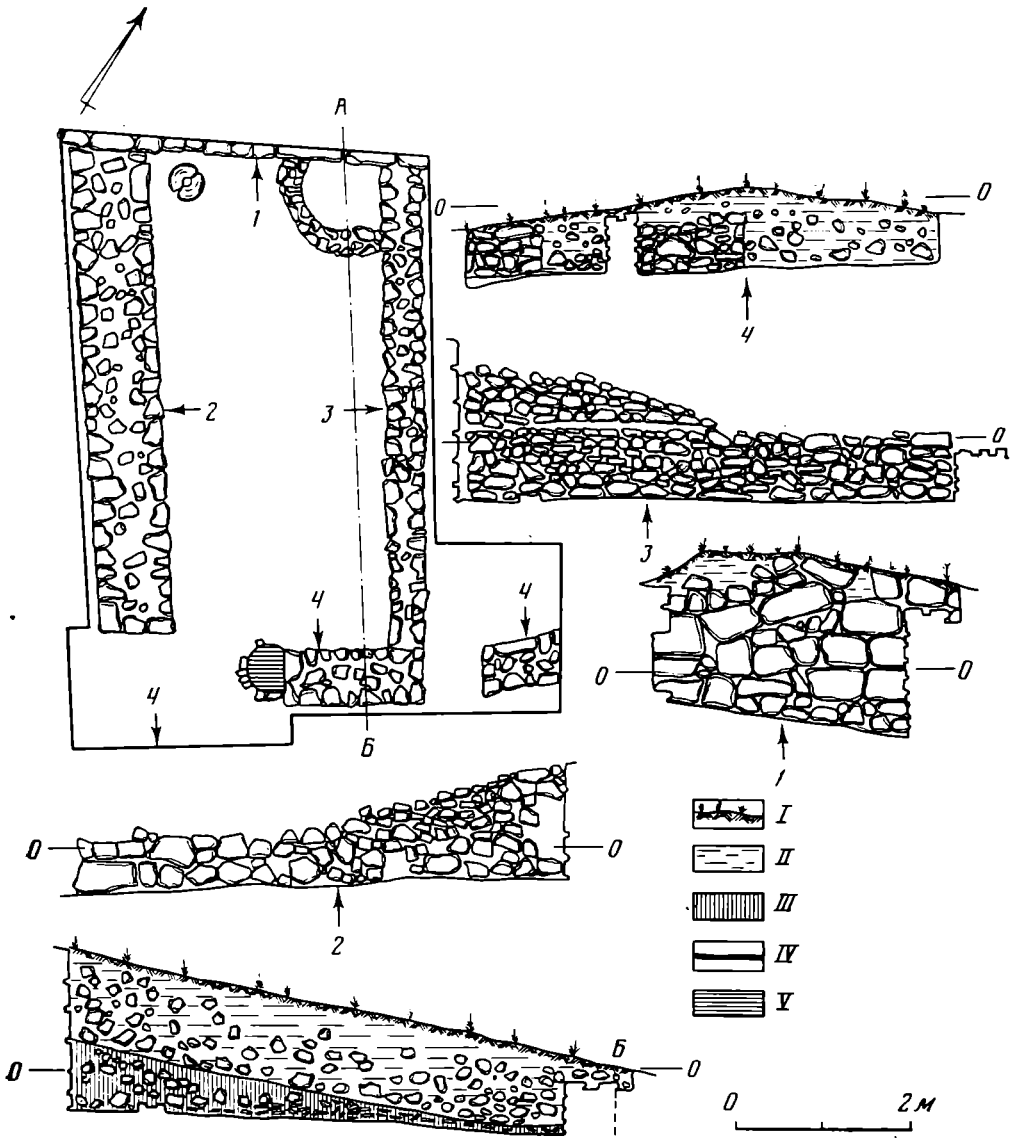


Рис. 9. Хозяйственная постройка. План, разрезы и фасировки. I — дерновый слой; II — слой каменного завала; III — слой золы, шлака и камней от горна; IV — слой гари; V — очаг

на стен печи — 0,25—0,30 м. Камни уложены в два ряда. Рядом с печью найдена крица овальной формы, размером 0,18 × 0,10 м и весом 5 кг.

Неровный каменный пол помещения имеет наклон 5—8° к востоку. Возле восточной стены находятся естественные небольшие углубления, в которых были установлены два пифоса, раздавленные рухнувшей кровлей. В слое пожара найдены обломки шести амфор (от двух удалось собрать только донные части), двух горшков, трех куманов, целая ойнохоя, два белоглиняных поливных кувшинчика, фрагменты белоглиняной поливной тарелки, красноглиняных чашки и блюда без поливы (рис. 10).

В слое каменного завала (с внешней стороны южной стены башни) собраны обломки 15 керамид и одного калиптера. Склеить удалось две керамиды (45,5×36,5 и 40×34 см) и частично один калиптер, длиной 45 см. На 13 обломках керамид имеются метки в виде букв П, М и различных знаков (рис. 4, *1—3, 5, 7, 8, 10—14, 17—20, 22*). Подобные знаки встречаются на памятниках X—XIV вв. Южного берега [21, рис. 18, 20—23, 25—30], в Херсонесе, Эски-Кермене, Мангупе, Пампук-Кае и в других местах [14, рис. 59, 61, 63, 97, 98].

При зачистке слоя пожара здесь найдено большое количество предметов из железа: ножи, двузубая мотыга, пила, садовый нож, долото, серп, цилиндрический замок, скребки, шилья, обломки мотыжки и тесла, гребень для вычесывания шерсти, зубатка, 4 наконечника стрел и 12 заготовок для них и др. (рис. 7, *2*, *4*, *7—13*, *15—20*, *22*, *26*). В западном углу помещения лежал расколовшийся надвое каменный жернов. Диаметр жернова — 0,415 м (рис. 7, *25*).

У входа в постройку (возле торца южной стены) находился небольшой очаг в виде ямы, глубиной 0,2 м, обложенной мелким камнем.

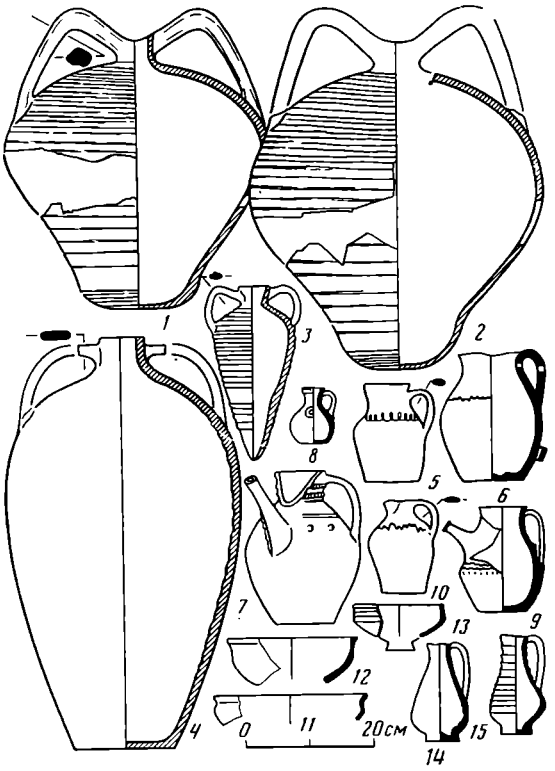


Рис. 10. Керамические находки из хозяйственного помещения. *1—4* — амфоры; *5*, *6* — горшки; *7—10* — куманы; *11—13* — красноглиняные неполивные чаши; *14*, *15* — белоглиняные поливные кувшинчики

В очажной золе найдены обломки донной части амфоры XII—XIII вв.

Следует также отметить обнаруженные в помещении мелкие бытовые предметы: керамическое и каменное пряслица, костяной наперсток и изделия из бронзы (рис. 7, *30*, *31*).

Особый интерес представляет керамика из хозяйственного помещения (рис. 10). Всего здесь собраны обломки от 17 сосудов. Найдены два красноглиняных лепных горшка с плоскими ручками. Один из них (рис. 10, *5*), высотой 16,5 см, имеет шарообразное тулово диаметром 11,5 см, высокое горло заканчивается слегка отогнутым венчиком. По плечам горшка проведена петлеобразная волна. Второй горшок (рис. 10, *6*) довольно больших размеров: его высота — 20,4, диаметр тулова — 15 см. В венчике и ручке горшка сделаны отверстия для подвешивания. Под вертикальной ручкой прикреплена небольшая горизонтальная. Аналогичный нашему горшок найден на Тепе-Кермене в слое пожара XIII в. [22, с. 255, рис. 1, *3*].

Три кумана из хозяйственного помещения различаются размерами и формой (рис. 10, *7—9*). Большой куман, высотой 25 см, с шарообразным корпусом, имеет высокое прямое горло, украшенное двумя рядами горизонтально расположенных валиков с насечками. На плечах тулова помещаются пять шишечкообразных налепов. Под сливным носиком кумана прикреплен налеп — «гребешок». Плоская в сечении ручка украшена тремя рядами насечек. Аналогичные куманы были найдены при раскопках портового района Херсонеса и Баклы [23, с. 9, рис. 13; 24, с. 186, рис. 2, *1*]. Второй по величине куман — высотой около 17 см с диаметром тулова 13 см. По корпусу проведены два валика с насечками и

двойной волной между ними (рис. 10, *9*). Маленький куман (его высота 9,5 см), с отбитым носиком, имеет шаровидный корпус и плоское дно. Узкое горло завершается профилированным венчиком. Поверхность этих трех сосудов покрыта светлым ангобом.

На полу, у восточной стены помещения, найдена целая лепная ойнохоя (рис. 10, *10*). По плечам сосуда проведена волна. Высота ойнохои — 15,2, диаметр тулова — 10,3 см. Такой сосуд найден на Бакле в слое XIII в. [24, с. 185, рис. 1, *7*].

Поливная керамика представлена обломками венчика белоглиняной тарелки, покрытого прозрачной светло-зеленой поливой и двумя белоглиняными, небольшими одноручными кувшинами с раздутым туловом и высоким цилиндрическим горлом. Один из них имеет гладкую с наружной стороны и волнистую изнутри поверхность. У другого стенки более тонкие с внутренним и внешним рифлением в виде острой волны (рис. 10, *11, 14, 15*). Оба кувшина покрыты зеленой прозрачной поливой. Подобные сосуды известны из раскопок в Херсонесе [13, с. 112, рис. 78, *1*], Сюйрени, Челтере-Мармара [25, с. 286, табл. XIV, 3], Эски-Кермене[2], Тепе-Кермене [22, с. 260, рис. 3, *7*], Бакле [19, с. 73, рис. 3, *11*], где они датируются XII—XIV вв. Аналогичные кувшины также встречались в слоях XII в. в Коринфе [26, табл. XX] и производились, видимо, в Константинополе [27, табл. 23, *2*], откуда они поступали в Крым.

Наиболее многочисленным датирующим материалом из раскопок в укреплении Исар-Кая являются амфоры. В 1967, 1979 и 1980 гг. найдены обломки амфор пяти типов. Амфоры одного из них количественно преобладают — 774 обломка от 11 сосудов (из общего числа 1050 — от 18 сосудов). Частично склеено и графически восстановлено 7 амфор этого типа (рис. 6, *2, 3*; 8, *1—3*; 10, *1, 2*). Они больших размеров с сильно раздутым грушевидным туловом, округлым дном, низким горлом и поднятыми над ним дуговидными ручками. В большинстве случаев тулово покрыто рифлением (не имеет рифления только одна амфора — рис. 6, *3*). Поверхность двух сосудов покрыта белым ангобом. Размеры амфор этого типа: высота без ручек — 45—60 см, максимальный диаметр тулова — 35—46 см. Цвет черепка светло-красный или оранжевый. Амфоры такого типа найдены во всех постройках в количестве от одного до четырех экземпляров. Они были широко распространены в XII—XIII вв. в древнерусских городах: Киеве, Воине, Райках, Ковшарове [28, с. 123], Галиче, Переяславе, Новогрудке [29, с. 187, рис. 1, *11*; 30, с. 38, рис. 27), Старой Рязани [31, с. 187, рис. 145]; Подонье [32, с. 107, рис. 43; 33, с. 90, табл. 29, *4*] и на Северном Кавказе [34, с. 226). В Северном Причерноморье они известны в большом количестве в Херсонесе [35, с. 94, рис. 25], Балаклаве, Керчи [36, с. 340, 342, рис. 10, *35* и сл., рис. 11, *37—39*], Эски-Кермене [37, с. 279 и сл., табл. XLIV, *2*], Бакле [38, с. 26, рис. 4] и датируются XII—XIV вв. На западном побережье Черного моря амфоры этого типа известны в Диногеции (Румыния) [39, с. 519—521, рис. 3, *3*] и Созополе (Болгария) [40, с. 257, рис. 12].

К особому типу можно отнести одну амфору из постройки 2 (рис. 6, *1*). Она несколько отличается от сосудов первого типа: у нее менее выражена грушевидность тулова и уплощено дно. Ручки овальные в сечении, подняты над венчиком. Размеры амфоры: высота без ручек — 52 см, максимальный диаметр тулова — 42 см. Поверхность сосуда рифленая. По плечикам проведены более частые горизонтальные линии. Цвет черепка светло-красный. Такие амфоры встречаются довольно редко с материалами XII—XIII вв. в Херсонесе [35, с. 94, рис. 26] и Эски-Кермене [13, с. 104, рис. 54].

Амфоры третьего типа (163 фрагмента от 4 сосудов) представляют собой сосуды с массивным плоским дном, вытянутым корпусом, коротким горлом, к которому прикреплены плоские ручки (рис. 6, *4*; 10, *4*).

---

[2] Фрагменты кувшинов хранятся в экспозиции Бахчисарайского историко-археологического музея.

Поверхность амфор покрыта светлым ангобом. Удалось полностью склеить три подобные амфоры. Их размеры: высота — от 49 до 65,5 см, наибольший диаметр тулова — от 32 до 36,5 см. Внутренняя поверхность сосудов бугристая. Черепок темно-красного или розового цвета. Корпус одной амфоры украшен полосами тонкого рифления, расположенными зонально. У основания горла нанесены точечные вдавления (рис. 6, *4*). Такие амфоры известны из раскопок Херсонеса [13, с. 102, рис. 48], Эски-Кермена [36, с. 279, табл. XLIV, *1, 4*, Пампук-Кая [41, с. 7], Тепе-Кермена [22, с. 256], Ласпи [21, с. 62, рис. 6, *2*]. Они бытовали одновременно с сосудами вышеописанных типов.

К четвертому типу нами отнесена одна амфора-кувшин с массивным плоским дном, раздутым туловом и плоской ручкой, прикрепленной к горлу (рис. 6, *8*). Размеры: высота сосуда — 36 см, наибольший диаметр — 25,5 см. Поверхность покрыта белым ангобом. Горло имеет форму раструба и украшено точечными вдавлениями. На корпусе нанесены полосы тонкого рифления. Ниже и выше их «гребенкой» проведены две волнистые линии. С наружной стороны ручки сделаны «семечковидные» вдавления в три ряда. Черепок светло-красного цвета. Внутренняя поверхность ровная. Сосуды этого типа встречаются редко и известны только из раскопок верхних слоев (XIII—XIV вв.) портового района Херсонеса [35, с. 95, рис. 29].

Особенно интересна единичная находка амфоры пятого типа (рис. 10, *3*). Она небольших размеров: высота — 29 см, наибольший диаметр тулова — 12 см. Горло воронкообразное с венчиком диаметром 5 см. Корпус конусообразный (заострен ко дну), с двумя зонами желобков. Ручки слегка уплощены и профилированы с наружной стороны небольшим продольным валиком. Глина плотная, серо-желтого цвета с золотистыми блестками. Амфоры такого типа при раскопках средневековых памятников Крыма встречаются редко — в слоях XII—XIII вв. Аналогичный нашему экземпляр был найден в 1979 г. во время раскопок усадьбы XIII в. на Эски-Кермене [42, с. 16, рис. 36]. В Пятницкой церкви в Чернигове (построена в начале XIII в.) такие амфоры были использованы в качестве голосников [43, с. 77, рис. 42]. Сосуды этого типа найдены в познекочевническом погребении у с. Шевченко (возле г. Скадовска) [44, с. 22, 24, 25, рис. 3, *2*; 45, с. 438] и в усадьбе второй половины XII — начала XIII в. в Новгороде [46, с. 85, рис. 40]. Единичность находок этих амфор указывает на то, что они были привозными. Место же их производства пока не известно.

На стенках, горлах и ручках амфор первых трех типов встречаются метки (граффити), нанесенные после обжига. Их можно разделить на четыре группы: 1) отдельные буквы греческого алфавита и монограммы; 2) простые геометрические фигуры — круги, треугольники, квадраты; 3) пересекающиеся линии, образующие непонятные рисунки; 4) сочетание пересекающихся линий с отдельными буквами. К сожалению, в большинстве случаев граффити сохранились не полностью. Это затрудняет их интерпретацию и разделение по группам. Подобные метки встречаются и в других местах, где бытовали такие же амфоры. Аналогичные граффити, до сих пор не расшифрованные, могли иметь самое разнообразное назначение: указывать объем сосуда, имя владельца, название продуктов и проч. [21, с. 61 и сл., рис. 5; 29, с. 187; 47, с. 238—241].

Работы, проведенные на укреплении Исар-Кая, дали археологический материал, позволяющий его датировать: крепость была построена на рубеже XII—XIII вв. (более раннего материала на городище не обнаружено), а разрушена, видимо, в конце XIII в., т. е. жизнь в укреплении продолжалась не более одного столетия.

Керамика трех закрытых комплексов Исар-Кая имеет довольно широкую дату — XII—XIV вв. Отнести же их в данном случае именно к XIII в. позволяют находки амфор второго и пятого типов (рис. 6, *1*; 10, *3*), не встречающиеся на памятниках XIV в. Поэтому, вероятнее всего, к концу XIII в. можно отнести пожар и разрушение исара у горного прохода Шайтан-Мердвен: следы сильного пожара зафиксированы в

раскопах 2, 3 и 4. Есть и признаки штурма крепости. Так, во время раскопок на исаре, в завале стен построек и в слое пожара найдено более 150 метательных «снарядов» из морской гальки. Запасы подобных ядер разного диаметра — для пращи и небольшой баллисты — были обнаружены и при раскопках других горных крепостей: в цитадели Гурзуфской крепости, на Гаспринском исаре [48, с. 11, 31], на Ай-Тодоре у пос. Малый Маяк [49, с. 286], в укреплении на горе Крестовой близ Верхней Ореанды [50, с. 110], а также при исследовании Сюйренского укрепления [51, с. 314]. Однако во всех перечисленных случаях мы имеем дело именно с запасами подобных камней (они сложены у оборонительных стен кучами по 100—500 штук). В укреплении же Исар-Кая они разбросаны на довольно большой территории. На некоторых гальках имеются следы сколов, обычно образующихся при ударе о прочную преграду, а некоторые камни расщеплены. Возможно, что в данном случае обнаружены «ядра»; которые были применены нападающей стороной во время штурма крепости, а не являлись запасами, подготовленными для отражения нападения. О том же косвенно свидетельствует и то, что во всех перечисленных случаях запасы «снарядов» для метания находили только рядом с оборонительными стенами; в нашем же случае ядра разбросаны и многие оказались в жилых постройках.

Исследователи средневековых памятников Крыма относят время гибели или сильных пожаров на Бакле, Чуфут-Кале, Тепе-Кермене, Сюйрени, Мангупе, Эски-Кермене, Каламите, Херсоне, Судаке и в других местах к XIII, XIV и XV вв. и связывают эти события исключительно с внешней агрессией — нашествиями татар, колонизаторскими проникновениями генуэзцев или турецким захватом полуострова. В некоторых случаях свидетельства о том письменных источников действительно подкрепляются материалами раскопок этих крепостей. Но судьба большинства исаров средневекового Крыма пока не совсем ясна. Все ли они попадали под удары только татар, генуэзцев или турок? Необходимо принять во внимание и возможность внутренних смут, междуусобиц, в итоге которых также могли разрушаться подобные мелкие укрепления. XII—XIV века можно считать периодом феодальной разобщенности Горного Крыма, а не раздробленности, как считал А. Л. Якобсон [52, гл. IV], потому что в это время на территории Крыма только начинают складываться феодальные государства — Мангупское и Кырк-Ерское княжества, Золотоордынское наместничество, а затем татарское ханство. Сам процесс формирования этих феодальных государств протекал очень болезненно — они то и дело ослаблялись внутренними смутами. Тогда в Таврике, видимо, сложилось такое же положение, как и на Северном Кавказе в XIII в., когда выделившиеся феодальные семьи претендовали на суверенитет [34, с. 228] и, по сообщению одного из современников, «сколько там селений, столько князей, из которых никто не считает себя подчиненным другому» [53, с. 78].

Память о феодальных смутах была настолько сильна, что посланник польского короля Стефана Батория к крымскому хану Мухаммед-Гирею Мартин Броневский, побывавший в Крыму в 1578 г., слышал от местных жителей много преданий о «гордых беспечных и несогласных между собою» греческих князьях, у которых генуэзцы легко отняли некоторые города и селения [54, с. 347].

Недостаточно полное исследование укрепления Исар-Кая позволяет только в предположительной форме дать ответ на вопрос: кем была разрушена крепость? Насколько известно из письменных источников, в XIII в. политическая активность генуэзцев еще не доходила до военных столкновений с обитателями Горного Крыма («общинами Готии»). В это время они были больше заняты борьбой с венецианцами. Захват отдельных прибрежных территорий генуэзцы предпринимают во второй половине XIV в. Гибель целого ряда укреплений в XIII в. обычно связывают с набегами татар, которые в это время были особенно опустошительными. Но при раскопках крепости Исар-Кая не было найдено ни одного татарского наконечника стрел. Все найденные здесь наконечники

явно местного производства. Поэтому, на наш взгляд, можно предположить, что исар был разрушен кем-нибудь из «гордых» и «несогласных» греческих князей.

Раскопки и визуальные наблюдения показывают, что территория мердвенского исара была довольно плотно застроена: внутри крепостных стен находились кроме храма 7—10 жилых построек и, видимо, при них — необходимые хозяйственные сооружения (сараи, амбары, хлевы, загоны для скота). Застройка городища в значительной степени зависела от микрорельефа, и поэтому она, на первый взгляд, может показаться хаотичной.

Исходя из количества жилых построек, можно примерно определить и число обитателей крепости, которое могло составлять 35—50 человек. Если наши расчеты правильны, то в укреплении жило 7—10 семей. В каждой семье могло быть примерно двое мужчин, способных владеть оружием. Тогда число защитников крепости составляло 14—20 человек.

Храм в укреплении Исар-Кая представлял собой однонефную постройку в виде прямоугольника с полукруглой апсидой. Развалины таких же церквей встречаются в Таврике повсеместно на поселениях XII—XIV вв., в том числе и на исарах. Почти все эти храмы сооружались в наиболее удобных и видных местах. На исарах церкви небольших размеров, что еще раз может указывать на немногочисленность их обитателей и ограниченность круга лиц, молящихся в этих церквах. Рядом с храмами и непосредственно в них, как правило, производились захоронения. Однако во время раскопок на Исар-Кая могил ни в церкви, ни рядом с ней не обнаружено. Видимо, могильник находился за пределами укрепления, и где-то неподалеку от него, как, например, некрополь у крепости Кермен-Кая на Басманском хребте.

Одним из важнейших условий строительства крепости на том или ином месте является близость источников с водой (родник, обводненные карстовые пещеры, близко расположенные грунтовые воды, горные речки и ручьи). Вопрос снабжения водой решался в каждом конкретном случае применительно к местным условиям, в зависимости от местоположения укрепления и от количества воды, требуемой для нормальной жизнедеятельности их обитателей. Как обстояло дело с водоснабжением жителей крепости Исар-Кая? Вершина горы безводна, но в ее окрестностях (в балках и на лесных полянах) много источников, из которых можно в любое время года набрать воды.

В трех исследованных в крепости постройках найдены обломки шести пифосов, в которых, видимо, держали запас воды для хозяйственных нужд и на случай кратковременной осады. На наш взгляд, многие из исаров средневековой Таврики не были приспособлены к длительным осадам именно из-за отсутствия в них источников воды. Все пифосы, найденные в крепости, небольших размеров: их высота составляет 0,6—1,0 м, максимальный диаметр тулова — 0,40—0,60 м.

Слабая изученность укреплений средневековой Таврики позволяет нам лишь в общих чертах представить себе быт и хозяйственную деятельность их обитателей. Все основные процессы средневековой экономики протекали в открытых поселениях, расположенных в плодородных горных долинах, где общинники занимались земледелием, скотоводством, а в прибрежных районах еще и рыбным промыслом. Гарнизоны исаров были немногочисленны, но, видимо, достаточны для того, чтобы суметь оказать сопротивление внезапному, но краткому нападению. Численность гарнизонов, судя по размерам самих крепостей и масштабам жилой и хозяйственной застройки, очевидно, составляла от одного до нескольких десятков человек. Эти небольшие вооруженные группы людей отчасти могли быть заняты несением караульной службы, а в свободное от службы время они занимались ремонтом оборонительных сооружений, дорог, жилых и хозяйственных построек, заготовкой метательных снарядов для баллист и пращей, изготовлением оружия (в основном наконечников стрел, которых при военных столкновениях требовалось множество).

Находки на Исар-Кая горновой печи, различных орудий труда из же-

леза говорят о развитости кузнечного дела и о некоторой специализации в этом виде ремесла одной семьи, жившей в крепости. Но сам кузнец в то же время являлся и земледельцем (на это указывают находки жернова, серпа, виноградного ножа, мотыги и пр.).

Следы средневекового железоделательного производства (обломки кричного железа, куски шлака, печина, железняковые конкреции, обломки полуфабрикатов и отдельных железных предметов) были найдены при исследовании укреплений Кермен-Кая, на Яманташе [55, с. 63, 65], Кипиа, Бойке [56, с. 92], Кучук-Исаре и на горе Исар-Кая над Гаспрой [48, с. 30 и сл.], в Судаке [57, с. 297] и других местах.

Набор орудий труда, найденных при раскопках исара, указывает на то, что основу хозяйственной деятельности его обитателей составляли различные отрасли сельского хозяйства: хлебопашество, огородничество, садоводство, виноградорство и скотоводство. Ими в том числе культивировались такие технические культуры, как лен и конопля: об этом говорит находка зубатки для вычесывания волокон (рис. 7, *20*). Аналогичные нашей зубатки происходят из раскопок Эски-Кермена. Двузубая мотыга (рис. 7, *13*) использовалась для рыхления и разравнивания каменистых почв на виноградных плантациях и огородах [58, с. 221, рис. 10]. Мотыга из раскопок Исар-Кая близка по форме аналогичным мотыгам XI—XII вв. из крепости Перник и с. Колю Маринова (Болгария) [47, табл. 1; 59, с. 26, рис. 6; 60, с. 275, рис. 87, *5*]. Эта старая форма виноградных мотыг существует и до настоящего времени в горных районах Болгарии [58, с. 222].

Кривыми садовыми ножами (рис. 9, *12*) производилась обрезка виноградных лоз и фруктовых деревьев. Ножи этого типа были широко распространены и известны на средневековых памятниках Болгарии [59, с. 30, 31, рис. 9, *1*, *2*], Югославии и Малой Азии начиная с раннего средневековья [60, с. 93, 123, рис. 30, 43].

Итак, раскопки на Исар-Кая показали, что его обитатели могли обеспечивать себя необходимым вооружением, орудиями труда и продовольствием. Было тут и домашнее ремесло: здесь занимались обработкой шкур (скребки), шерсти (гребень, пряслица, грузики), ткали полотно, шили себе одежду, изготовляли домашнюю посуду (лепные горшки) и т. д. Все эти находки говорят о развитом натуральном хозяйстве. Производимые семьей продукты и предметы ремесла, видимо, не всегда потреблялись той же семьей. Излишки могли обмениваться на нужные в хозяйстве и быту предметы: таковыми были для обитателей крепости керамическая тара, украшения и другие вещи, которые поступали сюда. очевидно, из Херсона.

Мужское население Исар-Кая, вероятно, несло караульную службу не только в крепости, но и у выхода на плато дороги через проход Шайтан-Мердвен. Здесь проход настолько узок, что небольшая группа вооруженных людей могла выдержать натиск значительно превосходящего ее противника. Но эта же группа не смогла бы оказать сколько-нибудь эффектного сопротивления желающим проникнуть на побережье со стороны Яйлы: отсюда проходы к Шайтан-Мердвену широки и свободны.

Горным проходом Шайтан-Мердвен, как и многими другими перевалами, люди пользовались с незапамятных времен [6, с. 107 и сл.]. Но почему именно в XII—XIII вв. рядом с ними возникают укрепления, которые если не сразу, то довольно быстро превращаются в феодальные замки, существовавшие не столько в связи с дорогами, проходящими рядом, сколько с располагавшимися в долинах поселениями, над которыми эти крепости господствовали. [48, с. 54]? Схема — замок-подчиненное ему поселение (или группа поселений) характерна не только для горного Крыма — аналогичные комплексы памятников мы находим везде, где феодальные отношения достигли достаточно высокого уровня развития.

Не составляет исключения в этом отношении и крепость у прохода Шайтан-Мердвен. Ниже старого шоссе Ялта—Севастополь, на больших полянах и возле источников, встречаются обломки средневековой керамики X—XIV вв., а в лесных зарослях обнаружены развалины построек,

одичавшие фруктовые деревья и виноградные лозы. Поэтому функциональное назначение крепости Исар-Кая, как, видимо, и других укреплений средневекового Крыма XII—XV вв., не ограничивалось охраной дорог и «границ» княжеств: они также могли являться административными центрами небольших феодальных владений, местом пребывания семей феодалов, их дружин, челяди, ремесленников и торговцев. В случае военной опасности отдельные из них служили убежищем для жителей окрестных селений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кеппен П. И.* Крымский сборник. СПб., 1837.
2. *Кондораки В. Х.* Байдарская долина (в Таврическом полуострове).— ЗООИД, 1868, т. VII.
3. *Эрнст Н. Л.* Историко-археологические памятники Южного берега Крыма.— В кн.: Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма. Симферополь: Крымгиз, 1935.
4. *Фирсов Л. В.* Отчет об археологических разведках на Шайтан-Мердвене в 1967 г. Раздел VIII в отчете об археологических исследованиях на Южном берегу Крыма с 1965 по 1969 г.— Архив Отдела археологии Крыма ИА АН УССР, п-ка № 1.
5. *Фирсов Л. В.* Чертова лестница. Симферополь: Таврия, 1973.
6. *Фирсов Л. В.* Археологические разведки на Исар-Кая и Шайтан-Мердвене в 1967 г.— В кн.: Феодальная Таврика. Киев: Наук. думка, 1974.
7. *Фирсов Л. В.* Шесть «демонических» загадок.— В кн.: Крымские каникулы. Симферополь: Таврия, 1981.
8. *Домбровский О. И.* Сводный отчет о работе Южнобережного отряда Отдела археологии Крыма ИА АН УССР в 1965—1969 гг.— Архив Отдела археологии Крыма ИА АН УССР, п-ка № 1.
9. *Домбровский О. И., Паршина Е. А.* Опыт хронологизации средневековых памятников на территории Крымского Южнобережья.— АДСВ, 1973, вып. 10.
10. *Якобсон А. Л.* Рец.: Феодальная Таврика. Киев, 1974.— Византийский временник, 1977, № 38.
11. *Мыц В. Л.* Отчеты об археологических раскопках средневекового укрепления на горе Исар-Кая у горного прохода Шайтан-Мердвен в 1979—1980 гг.— Архив Отдела археологии Крыма ИА АН УССР, инв. № 99, 100, п-ки № 187, 188.
12. *Мыц В. Л.* Раскопки в горном Крыму.— АО — 1980. М., 1981.
13. *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес.— МИА, 1950, № 17.
14. *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979.
15. *Симонова Т. Н.* Метки на черепице кровли дома XIII—XIV вв.— В кн.: Античные традиции и византийские реалии. Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1980.
16. *Иванова В.* Три новоразкопани базилики в Хисаря.— ИАИ, 1938, кн. XI.
17. *Овчаров Д.* Базилика № 2 в крепостта «Крумово кале» до Търговище.— Археология, 1976, кн. 3.
18. *Ивашута Л. П.* Неполивная керамика позднесредневекового Херсона. (По материалам раскопок портового квартала).— АДСВ, 1975, вып. 11.
19. *Талис Д. Л.* Поливная керамика Баклинского городища.— СА, 1976, № 4.
20. *Белов Г. Д.* Раскопки в северной части Херсонеса в 1931—1933 гг.— МИА, 1941, № 4.
21. *Паршина Е. А.* Средневековая керамика Южной Таврики.— В кн.: Феодальная Таврика. Киев: Наук. думка, 1974.
22. *Талис Д. Л.* Позднесредневековая керамика Тепе-Кермена.— В кн.: История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.: Наука, 1971.
23. Сводный отчет о раскопках в Херсонесе объединенной экспедиции в 1963—1964 гг.— АДСВ, 1971, вып. 7.
24. *Талис Д. Л.* Кочевнические компоненты в населении средневековых городищ горного Крыма.— В кн.: История и культура Евразии по археологическим данным. М.: Наука, 1980.
25. *Бабенчиков В. П.* Балаклавский и куйбышевский районы.— В кн.: Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
26. *Morgan Ch.* The Byzantine Pottery.— Corinth. XI. Cambridge — Masachussets, 1942.
27. *Stevenson R.* The Great Palace of the Bizantine Emperors. L., 1947.
28. *Якобсон А. Л.* К истории русско-корсунских связей (XI—XIV вв.).— Византийский временник, 1958, № XIV.
29. *Малевская М. В.* Амфоры Новогрудка XII—XIII вв.— В кн.: Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969.
30. *Гуревич Ф. Д.* Древний Новогрудок. Л.: Наука, 1981.
31. *Монгайт А. Л.* Старая Рязань.— МИА, 1955, № 49.
32. *Артамонов М. И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону.— Изв. ГАИМК, 1935, вып. 131.
33. *Раев Б. А.* Каталог археологических коллекций. Новочеркасск, 1979.
34. *Ковалевская В. Б.* Северный Кавказ в X—XIII вв.— В кн.: Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981.
35. Средневековые амфоры Херсонеса.— АДСВ, 1971, № 7.

36. *Якобсон А. Л.* Средневековые амфоры Северного Причерноморья.— СА, 1951, т. XV.
37. *Репников Н. И.* Городище Эски-Кермен.— В кн.: Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
38. *Рудаков Е. В.* Материалы XII—XIII вв. из раскопок посада Баклинского городища (раскопки 1973 г.).— АДСВ, 1975, № 12.
39. *Barnea I.* Amforele de la Dinogetia.— Studii si cercetari de istorie vehhe. 1954, V.
40. *Чангова Й.* Средневековни амфори в България.— ИАИ, 1959, кн. XXII.
41. *Мыц В. Л.* Отчет об археологических раскопках средневекового укрепления Пампук-Кая в долине р. Бельбек в 1980 г.— Архив Отдела археологии Крыма ИА АН УССР, инв. № 101, п-ка 189.
42. *Паршина Е. А.* Раскопки на городище Эски-Кермен в 1979 г.— Архив Отдела археологии Крыма ИА АН УССР, инв. № 94/1, п-ка 169.
43. *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова.— МИА, 1949, № 11.
44. *Черненко Е. В., Яковенко Э. В., Корпусова В. Н.* Раскопки в окрестностях Скадовска.— В кн.: Памятники юга европейской части СССР. Киев: Наук. думка, 1967.
45. *Рутківська Л. М.* Пам'ятки кочових племен степового Подніпров'я IX—XIII ст.— Археологія Української РСР. Т. III. Київ: наук. думка, 1975.
46. *Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л.* Усадьба новгородского художника XII в. М.: Наука, 1981.
47. *Малевская М. В.* Амфора с надписью из новогрудка.— СА, 1962, № 4.
48. *Домбровский О. И.* Средневековые поселения и «исары» крымского Южнобережья.— В кн.: Феодальная Таврика. Киев: Наук. думка, 1974.
49. *Паршина Е. А.* Отчет о раскопках на г. Ай-Тодор у пос. Малый Маяк в 1969 г. Раздел XVIII в отчете об археологических исследованиях на Южном берегу Крыма в 1965—1969 гг.— Архив Отдела археологии Крыма ИА АН УССР, п-ка № 1.
50. *Скобелев Ю. Н.* Археологическая разведка на горе Крестовой в Верхней Ореанде.— В кн.: Феодальная Таврика. Киев: Наук. думка, 1974.
51. *Воронин Ю. С., Даниленко В. Н., Кутайсов В. А. и др.* Раскопки в Бахчисарайском районе.— АО—1978. М., 1979.
52. *Якобсон А. Л.* Средневековый Крым. М.— Л.: Наука, 1964.
53. *Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах в Восточной Европе.— В кн.: Исторический архив. Т. 3. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
54. *Броневский М.* Описание Крыма (Tartarie descriptio).— ЗООИД, 1867, т. VI.
55. Дорогой тысячелетий. Экскурсии по средневековому Крыму. Симферополь: Таврия, 1966.
56. *Домбровский О. И.* Средневековые памятники Бойки.— В кн.: Археологические исследования средневекового Крыма. Киев: Наук. думка, 1968.
57. *Баранов И. А.* Раскопки средневековой Сугдеи.— АО—1978. М., 1979.
58. *Иванов Т.* Археологически проучвания при Спарева баня.— ИАИ, 1957, кн. XXI.
59. *Чангова Й.* Средновековни оръдия на труда в България.— ИАИ, 1957, кн. XXI.
60. *Beranova M.* Zemledelstvi Staryh Slovanu. Academia Pr., 1980.

V. L. Myts

THE MEDIAEVAL FORTRESS OF ISAR-KAYA

Summary

The fortress, first mentioned by P. Koppen, is found 250 m to the east of the Shaitan Merdven passage. In 1967 L. Firsov undertook a small-scale sounding there. His investigations led him to believe that the fortress was built in the 9th and 10th centuries and destroyed in the late 14th and early 15th centuries by the Genoese and the 1434 punitive expedition of Carlo Lomellino. O. Dombrovsky and E. Parshina surmised that the fortress existed between the 12th and 14th centuries, while A. Yakobson related it to the 13th and 14th centuries. During two field seasons (1979-1980) archaeologists finished their study of the cathedral partially excavated in 1967, stripped two dwellings and a storage room, and sorted out ruins of a defence wall. Their efforts yielded three closed complexes of finds allowing a precise dating of the fortress: it was erected at the turn of the 13th century (since no earlier material has been found) and destroyed in the late 13th century during feudal discords.

Заметки

А. С. ФРОЛОВ

ПОЗДНЕМЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ЗАОЗЕРЬЕ II НА ЮГЕ ПОДМОСКОВЬЯ

Вслед за открытием позднемезолитических памятников на Верхней Волге, выделенных Л. В. Кольцовым в иеневскую культуру, родственные им памятники были выявлены и в бассейне р. Оки. В настоящее время в этом регионе известно уже более двух десятков стоянок. Однако подробное освещение в научной литературе получили лишь две из них — Ладыжино III .[1, с. 228—233; 2, с. 255—260] и Дальний Остров [3, с. 244—249]. Каждый новый комплекс существенным образом пополняет наши знания о иеневской культуре в целом, наглядным подтверждением чему могут служить материалы стоянки Заозерье II в среднем течении р. Москвы.

Стоянка Заозерье II находится в 1,5 км к юго-западу от одноименного села в Раменском р-не Московской обл. Она расположена на останце второй надпойменной террасы левого берега р. Москвы в 200—250 м к северо-северо-востоку от ее современного русла, напротив известного городища «Боровский курган». Стоянка занимает пологий склон останца, обращенный к реке и возвышается над современным уровнем поймы на 3—4 м[1]. Культурный слой памятника, по-видимому, полностью уничтожен многолетней глубокой распашкой. Большая часть скопления мезолитических находок совпадает с территорией славянского селища X—XIII вв., занимающего северо-восточную часть останца и выделяющегося интенсивной черной окраской на пашне [4, с. 98—101]. Кремневые предметы разбросаны вдоль по склону полосой приблизительно 75×25 м.

Стоянка была открыта в 1975 г. А. К. Станюковичем, в 1983, 1984 гг. обследовалась автором. В результате собрана коллекция, насчитывающая 825 предметов. Сырьем для изготовления орудий служил различный кремень, преимущественно меловой, черного, красного и желтого цветов, а также разнообразный низкокачественный валунный.

Нуклеусов в коллекции — 16 экз. Восемь из них подконической формы, одноплощадочные, от неправильных пластин и отщепов. У двух площадки подправлены (рис. 1, *1*). Интересен нуклеус, находящийся в начальной стадии расщепления: с торца было произведено всего несколько сколов (рис. 1, *4*). Четыре нуклеуса — двуплощадочные от пластин и отщепов: три подконической формы, у четвертого, подпризматического, одна площадка скошена и подправлена (рис. 1, *2*). Четыре нуклеуса — аморфные, носят следы бессистемного раскалывания. Имеются два скола подправки ударных площадок, два скола с основания нуклеусов и четыре ребристые пластины.

Пластин без следов использования — 84 экз. Из них только восемь имеют правильную параллельную огранку.

Изделий со вторичной обработкой найдено 115 экз. Наибольшую группу представляют скребки — 21 экз. Среди них шесть — концевые на пластинах (рис. 2, *14*, *15*), в том числе один двойной, второе лезвие с выступом оформлено крутой ретушью (рис. 2, *20*). Концевых изделий на

[1] На вершине останца расположена стоянка Заозерье I.

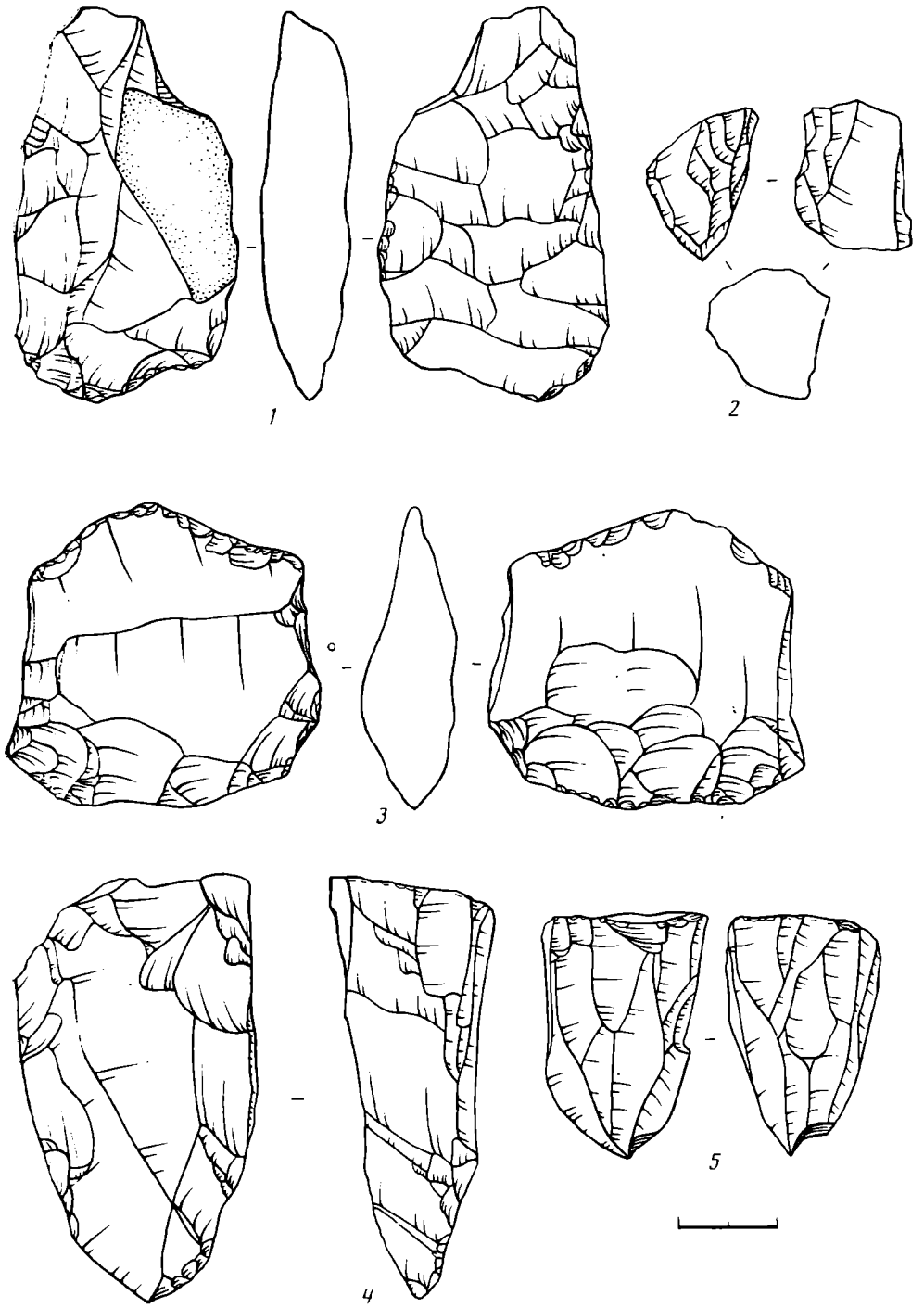


Рис. 1. Кремневые орудия стоянки Заозерье II

отщепах — 8 экз.: 2 скошены (рис. 2, *21*, *22*), 1 с выступом. Остальные семь скребков не имеют четких морфологических признаков: их форма целиком зависела от формы заготовки, у которой крутой или полукрутой ретушью оформлялось лезвие. Четыре из них сломаны.

Резцов найдено 16 экз., из них у семи площадки скола ретушированы: у четырех скошены (рис. 2, *8*, *11*), у двух прямые (рис. 2, *12*). Четыре резца, в том числе один тройной (рис. 2, *12*), изготовлены на пластинах и два (один двойной) — на отщепах. Восемь резцов на естественном окончании или сломе заготовки: три выполнены на пластинах (рис. 2, *4*), один двойной на ребристой пластине и четыре на отщепах (рис. 2, *9*). У последнего орудия этой серии, выполненного на небольшой пластине, площадка оформлена микрорезцовым сколом (рис. 2, *5*). Кроме того, найдено пять резцовых отщепов.

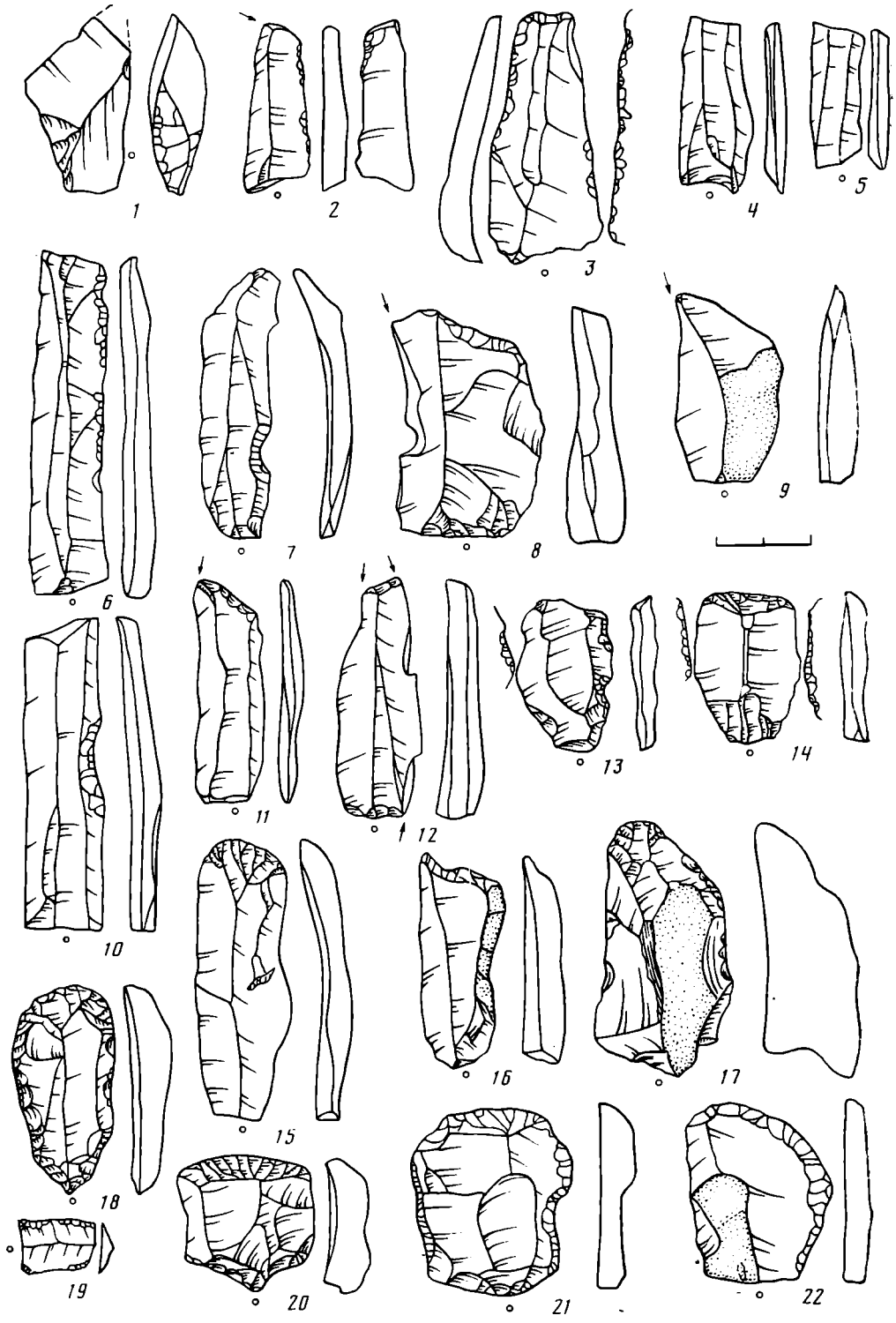


Рис. 2. Кремневые орудия стоянки Заозерье II

Скобелей в коллекции — семь. Два из них изготовлены на пластинах. Крутой затупливающей ретушью у них сформованы широкие мелкие выемки (рис. 2, 7, *10*). Пять орудий сделаны на отщепах. Четыре скобеля одновыемчатые, у двух выемки узкие и глубокие, у двух широкие и мелкие. Один скобель с тремя выемками (все неглубокие) обработаны мелкой крутой ретушью, две на спинке, одна противолежащая — на брюшке (рис. 2, *13*).

Видимо, употреблялись в качестве ножей, скобелей, пилок и т. п. имеющиеся в коллекции 14 ножевидных пластин с нерегулярной краевой

ретушью (рис. 2, *6*). У одной из них на конце нанесен микрорезцовый скол (рис. 2, *2*). Интересна неправильная пластина, оба конца которой затуплены крутой ретушью. На боковых ее гранях следы мелких заломов и выкрошенности, образовавшиеся, вероятно, в процессе работы (рис. 2, *3*). Есть один вкладыш на сечении пластины; его углы затуплены, на одной грани следы заломов от употребления (рис. 2, *19*).

Найден лишь один наконечник стрелы с косым поперечным лезвием, изготовленный на массивном отщепе. Крутой высокой ретушью оформлены обе боковые грани: одна на брюшке, другая на спинке. Насад довольно широкий. Край пера обломан (рис. 2, *1*).

Рубящих орудий — семь. Изготовлены на отщепах и кусках кремня (4 экз.). К ним относятся два тесла подтрапециевидной формы с остатками корки. У одного брюшко уплощено крупными широкими сколами, лезвие частично обломано (рис. 1, *1*). Два других тесла подовальной формы и одно подпрямоугольной — в стадии обработки. Последнее рубящее орудие изготовлено на крупном отщепе. Широкой двухсторонней ретушью оформлено лезвие, пятка орудия затуплена мелкой нерегулярной ретушью (рис. 1, *3*). Кроме этого, найден один обломок обушковой части.

Два предмета относятся к группе перфораторов. Первый — асимметричная проколка на неправильной пластине, у которой затуплен конец и мелкой полукрутой ретушью выделено жальце (рис. 2, *16*). Второй — макросверло на массивном отщепе. Конец орудия, оформленный крупными фасетками полукрутой ретуши, носит четкие следы сработанности в виде сильной заполированности лезвия (рис. 2, *17*).

Комбинированное орудие в коллекции всего одно: концевой скребок-развертка на неправильной пластине. Крутая ретушь, которой оформлено скошенное лезвие скребка, заходит на грани. Рабочий конец развертки также оформлен крутой ретушью. Дополнительно рядом мелких сколов выделено жальце (рис. 2, *18*).

Дополняют коллекцию изделий со вторичной обработкой 38 отщепов с ретушью. Ретушь нерегулярная, преимущественно затупливающая, иногда противолежащая, формировалась, видимо, в процессе работы. Остальные — 591 предмет — различные отщепы, среди которых довольно много крупных первичных, осколки и чешуйки.

Таким образом, на стоянке Заозерье II представлен довольно однородный комплекс каменных орудий, характеризующийся рядом специфических черт, свойственных заключительным этапам иеневской культуры: ведущая роль отщепа в качестве заготовки (на отщепах изготовлено 68,8% всех орудий, на пластинах — 31,2%), очень незначительное количество ножевидных пластин правильной огранки при полном преобладании грубых неправильных пластин, широкое применение техники затупливающей ретуши и применение техники микрорезцового скола и т. п. Присутствие на стоянке основных типов орудий (среди них преобладание скребков), достаточно большое количество нуклеусов, первичных отщепов, рубящих форм позволяет говорить о недифференцированности хозяйственной деятельности данного поселения и относительно длительном пребывании на нем людей.

Форма и типы орудий, собранных на стоянке Заозерье II, техника их обработки находят аналогии в позднемезолитических памятниках иеневской культуры как на территории Волго-Окского междуречья, так и более южных территорий. Близкие аналогии прослеживаются в кремневом инвентаре стоянок Авсерьгово II [5, с. 63], Титово I [6, с. 55], Сельцо III [7, с. 61, 62] и Староконстантиновская IV [8, с. 11—28; 9, с. 28—40] на Верхней Волге, Комягино 2Б [10, с. 81, 82] на Верхней Десне и др. Однако наиболее полное сходство рассматриваемых материалов обнаруживается с финальномезолитическими комплексами некоторых памятников Тростенского озера (стоянки Тростенская III гора, Тростенская III южная, Тростенские VIII, X и Озерна II [11, 12]). Возможно, этот факт говорит не только об их синхронности со стоянкой Заозерье II, но и о существовании в центральном районе Волго-Окского

междуречья своеобразной локальной группы памятников, материалы которой несколько отличаются от иеневских комплексов Верхней Оки и Верхней Волги.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фролов А. С., Жилин М. Г.* Новый памятник мезолита на Верхней Оке.— СА, 1978, № 1.
2. *Жилин М. Г., Фролов А. С.* Мезолитическая стоянка Ладыжино III (по материалам раскопок 1976, 1977 гг.) — СА, 1981, № 2.
3. *Сидоров В. В., Жилин М. Г.* Мезолитическая стоянка Дальний Остров в Подмосковье.— СА, 1975, № 2.
4. *Станюкович А. К.* Ранние этапы славянского заселения Подмосковья.— В кн.: Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М.: Наука, 1985.
5. *Кольцов Л. В., Воробьев В. М., Жилин М. Г.* О работах в Калининской области.— АО—1978. М., 1979.
6. *Кольцов Л. В.* Исследование мезолитических стоянок в Калининской и Ярославской областях.— АО—1979. М., 1980.
7. *Кольцов Л. В.* Исследование мезолитических стоянок в Калининской и Костромской областях. — АО—1981. М., 1983.
8. *Крайнов Д. А., Кольцов Л. В.* Стоянка Староконстантиновская IV.— В кн.: Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин, 1983.
9. *Жилин М. Г.* Результаты трасологического анализа каменного инвентаря стоянки Староконстантиновская IV.— В кн.: Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин, 1983.
10. *Сорокин А. Н.* Работы мезолитического отряда Деснинской экспедиции.— АО—1980. М., 1981.
11. *Сидоров В. В.* Отчет о разведках в Московской области в 1968 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 3723.
12. *Сидоров В. В.* Отчет о разведках в Московской области в 1969 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 4003.

Б. Д. МИХАЙЛОВ

ОБ ОДНОМ СЮЖЕТЕ ПЕТРОГЛИФОВ КАМЕННОЙ МОГИЛЫ

В изучении культурно-исторического комплекса Каменной Могилы вблизи Мелитополя особое место занимают линейно-геометрические рисунки, в основном расположенные на плитах (13, 17—24) юго-западной группы песчаникового холма [1, с. 50, 52—59].

Исследования О. Н. Бадера, В. Н. Даниленко и М. Я. Рудинского позволили высказать некоторые соображения о их датировке и интерпретации. В частности, О. Н. Бадер полагал, что рисунки эти следует относить к эпохе энеолита — бронзы и считал, что они «идут от более древних комплексов, устанавливают источники поздней группы изображений» [2, с. 309]. Особую точку зрения высказал М. Я. Рудинский, предполагая, что «они дают основания рассматривать их как первые на Каменной Могиле попытки на пути оформления образного письма» [3, с. 68], и некоторые из них относил «к числу наиболее поздних» [4, с. 24]. Иную точку зрения высказал В. Н. Даниленко, полагая, что линейно-геометрические рисунки являются принадлежностью раннего неолита и в своей монографии «Неолит Украины» отнес их к первой фазе названной эпохи [5, рис. 1].

Таким образом, вопрос хронологического и смыслового понимания петроглифов Каменной Могилы оставался открытым, так как, по мнению М. Я. Рудинского «исследователь сразу же наталкивался на почти непреодолимое препятствие в неразрешенном... вопросе о целях этого далекого от нас искусства и вызвавших его мотивах» [6, с. 26].

В этой связи особое значение имеют изображения на плите 22 (размер 1,5×2,25 м), стоящей вертикально на западном склоне Каменной Могилы (рис. 1).

На плите видны многочисленные линейные бороздки, среди которых выделяются следующие трехчленные композиции: 1) антропоморфная

Рис. 1. Линейно-геометрические изображения на плите 22 Каменной Могилы в Северном Приазовье (по М. Я. Рудинскому)

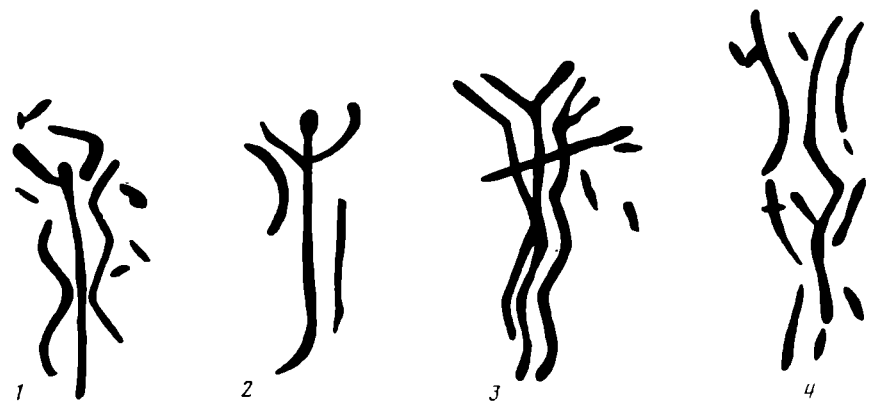


Рис. 2. Геральдические изображения на плите 22 Каменной Могилы в Северном Приазовье

«рогатая» фигура в окружении двух зооморфных изображений (рис. 2, *1*); 2) антропоморфная фигура с распростертыми в стороны руками (крыльями) и хвостом, по сторонам которой имеются следы зооморфных изображений (змей?) (рис. 2, *2*); 3) антропоморфная фигура в окружении двух зооморфных рисунков (рис. 2, *3*); 4) антропоморфная рогатая фигура, изображенная в профиль в окружении двух зооморфных фигур (рис. 2, *4*).

Нам представляется, что эти изображения являются воспроизведением богини плодородия, охраняемой двумя змеями. Символом этой богини, как известно, очень часто является «священное древо» [7, с. 122].

Близкой аналогией рисункам Каменной Могилы является изображение на лепном сосуде катакомбного времени (кург. 4, погр. 5 вблизи совхоза «Аккермень» — ныне «Элита») из бассейна р. Молочной. На тулове этого сосуда среди линейно-геометрического орнамента нанесено яв-

но трехчленное геральдическое изображение в виде вертикальной линии (древо) и двух зооморфных символов [8, с. 105, 106, рис. 71, *10, 10а*]. Как известно, такого рода символические композиции возникли в искусстве Старого Света, где они известны с IV тыс. и до середины I тыс. до н. э. [9, с. 12, 13; 10, с. 396—405].

В вопросе же интерпретации трехчленных изображений высказывались различные точки зрения. Так, С. С. Сорокин полагает, что «симметричные трехчастные композиции с центральным доминантным элементом закономерно появляются в изобразительном искусстве лишь с начала формирования классового общества с его иерархической идеологией. Для искусства первобытно-общинного строя они не характерны. Объясняется это тем, что в основе семантики геральдической симметрии лежит идея преклонения перед божеством или перед обожествленным земным владыкой, т. е. идея, которая не могла иметь места при родовом строе, но закономерно возникла, развилась и получила полное завершение в обществе классовом» [11, с. 179]. Этого же мнения придерживаются М. А. Дандамаев и В. Г. Луконин, считая, что трехчленные изображения «имеют вполне определенную религиозную символику» [12, с. 95]. Близкую точку зрения высказал и Г. Комороци, полагая, что «священное древо как символ плодородия, безусловно, связано с образом правителя, царя, который ... в какой-то мере считался залогом плодородия страны» [13, с. 51].

Как известно, древние деспоты Востока и Скифии считали не лишним напомнить подвластным народам о своей божественной власти и влиянии на природу, от которых всецело зависело благополучие всей страны. Поэтому на печатях, стелах, утвари, оружии и т. д. имеются многочисленные изображения трехчленных геральдических символов. Как правило, они изображают богиню плодородия или ее эквивалент— «священное древо» в окружении зооморфных фигур, зверей и гениев, выполняющих охранные функции. Эти изображения известны на шлеме царя Сардури [14, с. 70, рис. 41, *XIX*], на рельефе из Адыльджеваза [14, с. 96, рис. 61—14, с. 116], на ножнах мечей из Мельгуновского и Келермесского скифских курганов и др. [15, с. 7—30].

Таким образом, присутствие трехчленной геральдической композиции на плите 22 Каменной Могилы и на сосуде катакомбного времени из бассейна р. Молочной (середина II тыс. до н. э.) позволяет синхронизировать эти памятники. По-видимому, в это время здесь располагались поселения племен катакомбной культуры, которые уже вступили в полосу социальной дифференциации [16, с. 155], а их вожди усвоили геральдические символы, оставленные на Каменной Могиле.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рудинский М. Я.* Кам'яна Могила. Киев: Изд-во АН УССР, 1961.
2. *Бадер О. Н.* Петрогліфи Кам'яної Могили.— В кн.: Палеоліті неоліт України. Т. I. Киев: Від-во АН УРСР, 1947.
3. *Рудинский М. Я.* К вопросу о наскальных изображениях Каменной Могилы.— КСИА АН УССР, 1955, вып. 5.
4. *Рудинский М. Я.* Каменная Могила.— КСИА АН УССР, 1952, вып. 1.
5. *Даниленко В. Н.* Неолит Украины. Киев: Наук. думка, 1969.
6. *Рудинский М. Я.* Петроглифичный комплекс Каменной Могилы.— КСИА АН УССР, 1957, вып. 7.
7. *Массон В. М., Сариниди В. И.* Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М.: Наука, 1973.
8. *Вязьмітіна М. І., Іллінська В. А., Покровська Е. Ф., Тереножкін О. І., Ковпаненко Г. Т.* Кургани біля с. Ново-Пилипівка і радгоспу «Аккермень».— АП, 1960, т. VIII.
9. *Сорокин С. С.* Геральдические композиции в искусстве ранних кочевников.— Тезисы докладов сессии, посвященной итогам научной работы Государственного Эрмитажа за 1963 год. Л., 1964.
10. Мифы народов мира. Т. I. М.: Сов. энциклопедия, 1980.
11. *Сорокин С. С.* Отражение мировоззрения ранних кочевников Азии в памятниках материальной культуры.— В кн.: Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л.: Аврора, 1978.
12. *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М.: Наука, 1980.

13. *Комороци Г.* К символике дерева в искусстве Древнего Двуречья.— В кн.: Древний Восток и мировая культура. М.: Наука, 1981.
14. *Пиотровский Б. Б.* Искусство Урарту VIII—VII вв. до н. э. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.
15. *Черненко Е. В.* Древнейшие скифские парадные мечи.— В кн.: Скифия и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1980.
16. *Михайлов Б. Д.* Курган эпохи бронзы вблизи Каменной Могилы.— СА, 1982, № 4.

Д. П. КРАВЕЦ, М. Л. ШВЕЦОВ

СКИФСКИЙ КИНЖАЛ ИЗ ДОНБАССА

В 1977 г. на южном берегу оз. Лиман, старицы Северского Донца, в г. Красный Лиман Донецкой обл., был найден скифский кинжал хорошей сохранности (рис. 1). Находка была передана в местный краеведческий музей. В связи с редкостью аналогичных находок на Донетчине она представляет несомненный интерес, тем более что в 1950 г. на западном берегу этого озера было обнаружено разрушенное поселение VI—V вв. до н. э. [1, с. 58].

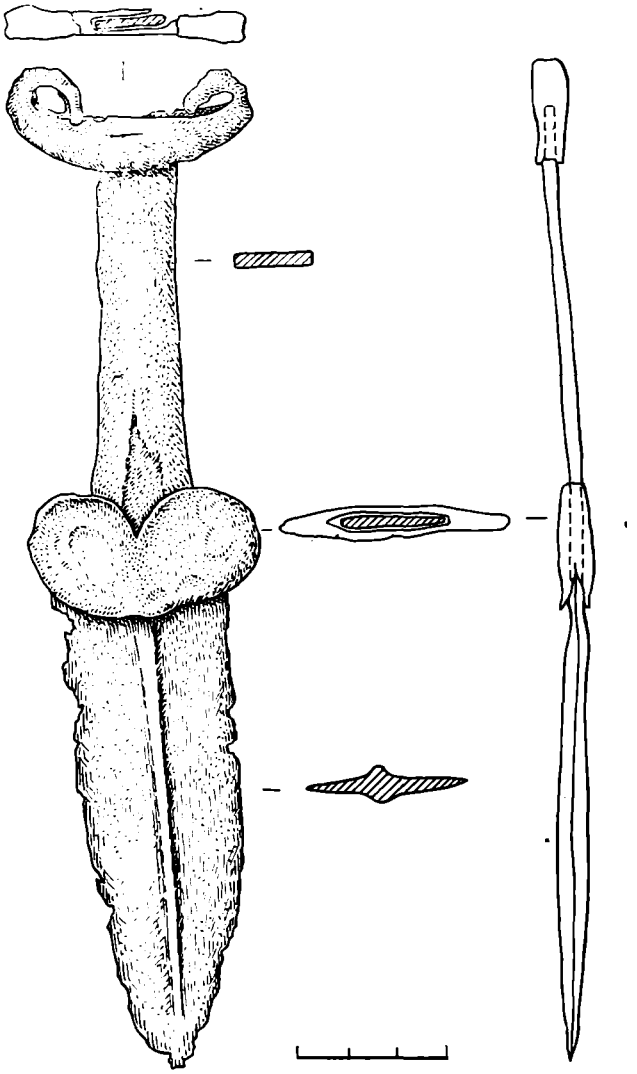


Рис. 1. Скифский кинжал (прорисовка)

Кинжал короткий, имеет длину 19,8 см. Навершие кинжала антенное, с небольшими волютами, концы которых вклиниваются в основание навершия. Длина навершия 5 см, ширина у рукояти от 1 до 1,2 см. Ширина у волюты 1,6 и 1,4 см, максимальный диаметр отверстий овалов,

образованных волютами, 0,9 и 0,7, минимальный — 0,5 см, при толщине навершия 0,5—0,6 см. Рукоять прямая, слегка расширяющаяся, от 1,6 у навершия до 2,1 см у перекрестия, толщина 0,3 см. Перекрестие почковидное (перевернутое), длина его 4,7, ширина 2,2 см. Клинок имеет почти параллельные лезвия и короткое острие, ширина клинка у перекрестия 3,2 см. По середине клинка, чуть смещенное вбок, проходит рельефно выделенное, подтреугольное в сечении, валиковидное ребро жесткости. Сечение клинка линзовидное при ширине 0,5—0,6 см.

По классификации А. И. Мелюковой, публикуемый экземпляр относится ко II отделу, подотдела «А» «мечи и кинжалы с простым антенным навершием», I типу «с почковидным перекрестием» [2, с. 53—55]. Дата их — со второй половины VI — до начала V в. до н. э. Однако наличие перевернутого перекрестия в отличие от других мечей и кинжалов этого типа делает наш экземпляр оригинальным. Возможно, это следствие переделки кинжала в процессе пользования. Но не исключено, что в данном случае мы имеем преднамеренно изготовленный экземпляр кинжала с перекрестием, несущим магическое значение, и предназначенным для обрядов.

Хорошая сохранность кинжала дает возможность рассмотреть технику его изготовления. Хорошо видно, что клинок и стержень рукояти выкованы из единого бруска железа. Перекрестие состоит из двух половинок и тщательно проковано. Навершие крепится на немного раскованной вершине, под небольшим углом к рукояти, причем проведена заклепка краев рукояти, однако средняя часть основы осталась открытой. Рассмотренный вариант изготовления кинжала имеет аналогии в уже известных приемах техники скифского времени [3, с. 41—51].

ЛІТЕРАТУРА

1. *Телегин Д. Я.* Отчет о работе Донецкой археологической экспедиции 1950 года.— Архив ИА АН УССР, 1950/6. Паспорта археологических памятников Донецкий краеведческий музей № 1, 2, 1109—2.5.11.
2. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов.— САИ, 1964, вып. Д1-4.
3. *Шрамко Б. А., Фомин Л. Д., Солнцев Л. О.* Техніка виготовлення скіфської наступальної зброї із заліза і сталі.— Археологія, 1970, т. XXIII.

В. Н. КАМИНСКИЙ

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ КРАСНОДАРА

Летом 1980 г. в 0,6 км к юго-востоку от спасательной станции у хут. Ленина, на северном берегу Краснодарского водохранилища нами было обнаружено два погребения, не связанных с каким-либо могильником. Погребения находились недалеко друг от друга и внешних признаков на поверхности земли не имели. Берег водохранилища на участке, где обнаружены погребения, имел небольшое понижение к воде.

Погребение 1 располагалось по краю обрыва, на глубине 1,21 м и было наполовину разрушено водами водохранилища[1], могильная яма не прослежена. Судя по сохранившейся части скелета, костяк принадлежал взрослой женщине и, вероятно, лежал в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. Череп лежал на затылочной кости, лицевой частью на юг. Затылочная часть черепа слегка приподнята. Вытянутые руки лежали параллельно туловищу (рис. 1, *5*).

С северо-западной стороны от черепа лежали два фрагмента дужки серебряной серьги (рис. 1, *2*). В области шейных позвонков обнаружено скопление пастового бисера (23 экз.) желтого, синего, зеленого и красного цветов (рис. 1, *3*). К юго-востоку от шейных позвонков лежала серебряная серьга круглой формы с серебряной 14-гранной литой бусиной на

[1] Здесь и далее все отметки глубин даны от условного нуля, за который была взята произвольная точка на берегу.

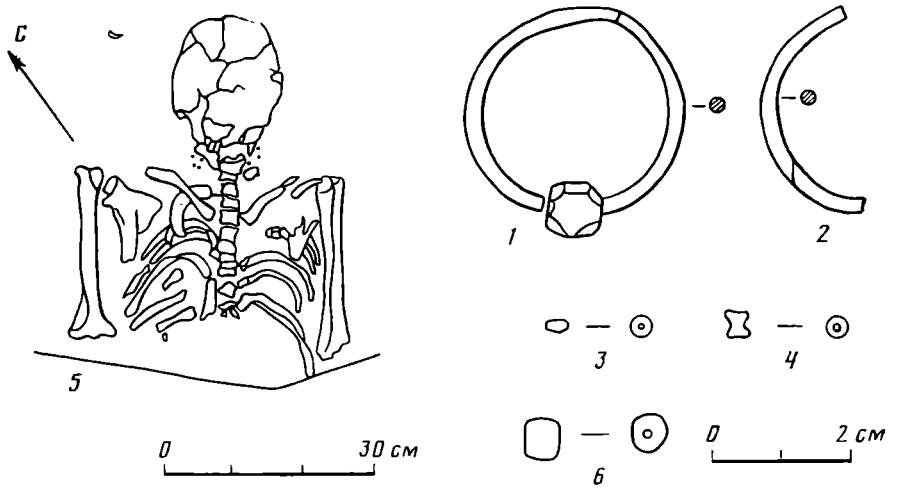


Рис. 1. План и инвентарь погр. 1. *1*, *2* — серебрянные серьги: *3* — бисер; *4*, *6* — бусы; *5* — план погр. 1

одном конце (рис. 1, *1*). Под черепом найдена пастовая бусина голубого цвета подцилиндрической формы (рис. 1, *6*). Здесь же находилась двухчастная пастовая пронизь зеленого цвета (рис. 1, *4*).

В инвентаре погр. 1 серьги являются наиболее датирующей находкой. Серьги такого типа В. Б. Ковалевская относит к VI в. [1, рис. 62, 69]. Такие же серьги опубликованы И. С. Каменецким и В. В. Кропоткиным из погребения конца IV — начала V в. близ Танаиса [2, с. 238, 239]. Таким образом, погр. 1 предположительно можно отнести к V—VI вв. н. э.

Погребение 2 находилось в 15,4 м к северо-северо-западу от погр. 1 и было открыто на глубине 1,12 м. Форма погребального сооружения также не прослежена. Костяк почти не сохранился. Судя по расположению инвентаря, он был вытянут по линии северо-запад—юго-восток. Ориентировка и положение костяка не определены. Параллельно человеческому костяку, к востоку от него, лежал скелет лошади. От скелета лошади сохранились фрагменты черепа, костей ног и отдельные ребра. Лошадь лежала на животе с поджатыми ногами, головой на северо-запад (рис. 2, *1*).

К северу от фрагментов костей человека находилась каменная плита из мелкозернистого желтого песчаника, размером 52,5×37×5,2 см, разбитая на два куска. В 40 см к северо-востоку от нее найдены фрагменты лепного черпака (рис. 2, *5*). Венчик его отогнут и закруглен, на донце имеется полусферическое вдавление. Под венчиком нанесен орнамент из заштрихованных треугольников. Черепок в изломе черный с примесью шамота. Рядом с каменной плитой обнаружен пастовый бисер желтого цвета (2 экз.). В 17 см к востоку-северо-востоку от каменной плиты лежали два куска серы со следами реальгара. Здесь же лежало бронзовое литое зеркало диаметром 16,8 см с высоким бортиком. На внешней стороне зеркала в центре сохранились остатки, по-видимому, ручки (рис. 3, *1*). Вокруг зеркала зафиксированы следы деревянного чехла и найден пастовый бисер желтого, зеленого, синего и коричневого цветов (41 экз.; рис. 3, *17*).

К юго-востоку от каменной плиты, на расстоянии 49 см друг от друга, обнаружены две части железного ножа с лезвием, треугольным в сечении и рукоятью, заканчивающейся стилизованным изображением животного (рис. 2, *6*). Сохранившаяся часть ножа имеет длину около 23,5 см. Между зеркалом и фрагментами ножа обнаружена золотая серьга усеченно-конической формы. Внизу серьга заканчивалась полусферическим основанием. Вверху имелся цилиндрический колпачок с петельчатой дужкой. Поверхность серьги покрыта горизонтальным рифлением (рис. 3, *5*).

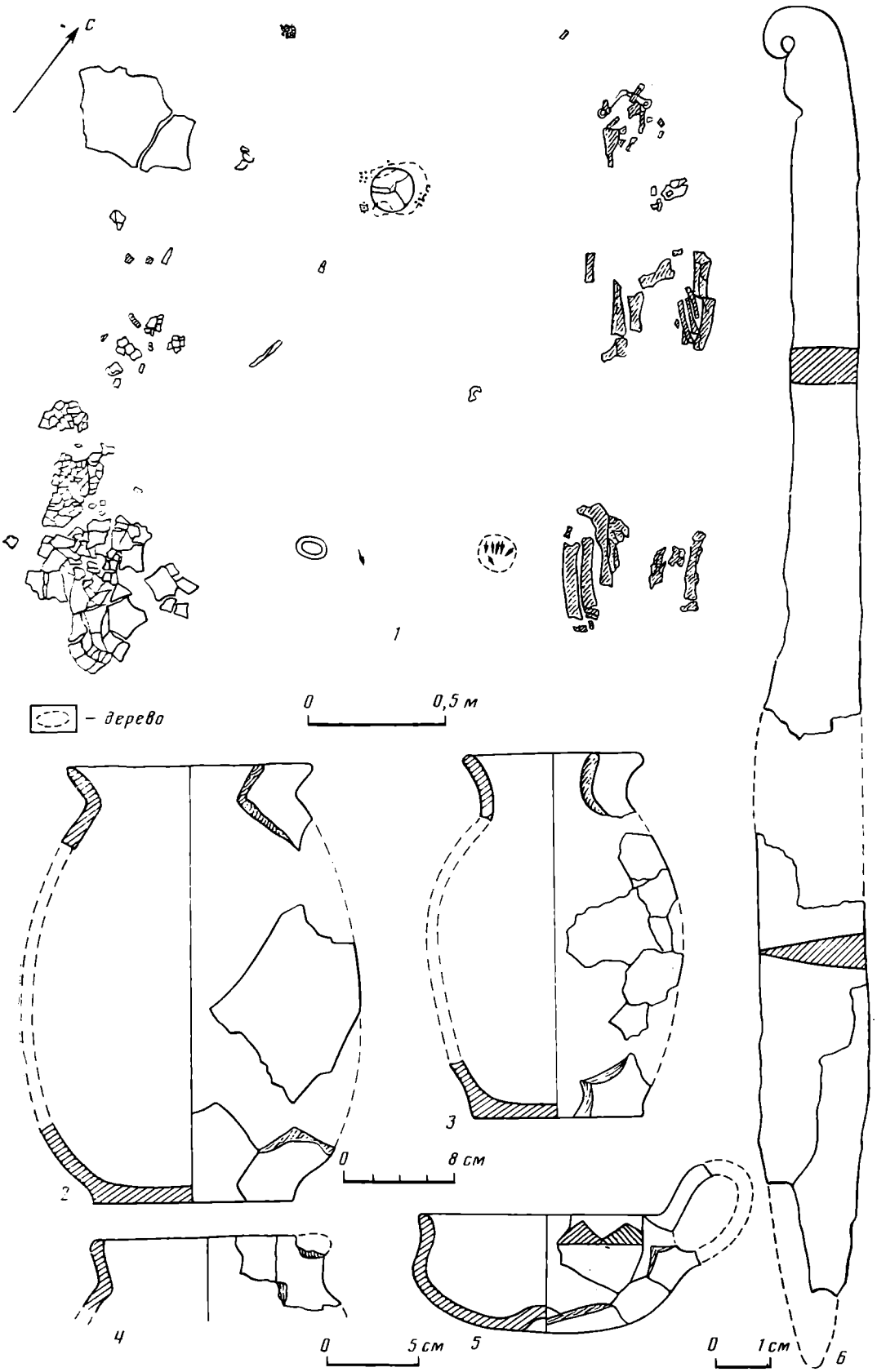


Рис. 2. План и инвентарь погр. 2. *1* — план погр. 2; *2, 3* — корчаги; *4* — фрагменты горшка; *5* — черпак; *6* — железный нож

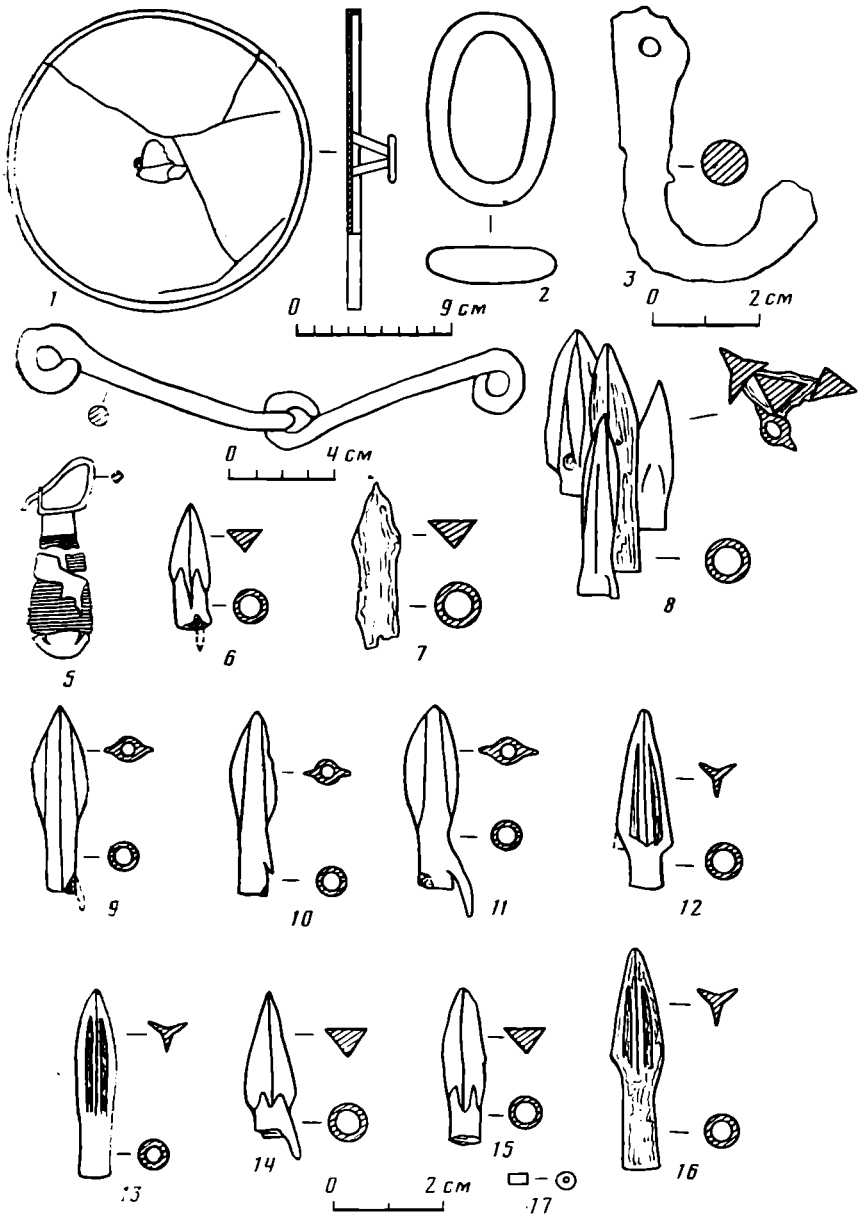


Рис. 3. Инвентарь погр. 2. *1* — зеркало; *2* — плитка; *3* — колчаный крюк; *4* — удила; *5* — серьга; *6—16* — наконечники стрел; *17* — бисер. *1, 6, 9—15* — бронза; *2* — камень; *3, 4, 7, 16* — железо; *5* — золото; *8* — бронза и железо; *17* — паста

К юго-востоку от каменной плиты вокруг костей человека обнаружены фрагменты лепного сосуда (форма не восстанавливается). Черепки на изломе коричнево-черного цвета, с примесью шамота. В юго-восточной части погребения обнаружены многочисленные фрагменты двух корчагообразных лепных сосудов (рис. 2, *2*, *3*). Черепки в изломе аналогичные вышеописанным, с примесью шамота. Между фрагментами корчагообразных сосудов и задними ногами лошади находились каменная плитка овальных очертаний с одной сточенной стороной (рис. 3, *2*) и наконечники стрел (19 экз.).

Среди наконечников нами выделено 9 типов (рис. 3, *6—16*): 1 — наконечник стрелы железный, трехгранный, втульчатый (рис. 3, *7*) (1 экз.); 2 — бронзовые наконечники стрел, трехгранные, втульчатые (рис. 3, *15*), у основания головки во втулке имеется одно отверстие (3 экз.); 3—бронзовые наконечники стрел, трехгранные, втульчатые, с шипом на втулке (2 экз.), острые грани головки переходят в лопасти на втулке (рис. 3, *6*, *14*); 4 — бронзовые наконечники стрел трехлопаст-

ные, втульчатые, плечики лопастей пера заострены (рис. 3, *12*), у основания головки во втулке имеется одно отверстие (2 экз.); 5 — наконечник стрелы бронзовый, трехлопастной, втульчатый с основанием шипа на втулке (рис. 3, *13*) (1 экз.); 6 — наконечники стрел бронзовые, двухлопастные, втульчатые с шипом на втулке, перо листовидной формы (рис. 3, *11*) (5 экз.); 7 — наконечник стрелы бронзовый, двухлопастной, втульчатый, листовидной формы, на втулке имеется шип и отверстие у основания пера (рис. 3, *10*) (1 экз.); 8— наконечник стрелы бронзовый, двухлопастной, втульчатый. На втулке имеется шип, перо ромбовидное (рис. 3, *9*) (1 экз.); 9 — наконечники стрел железные, трехлопастные, втульчатые (рис. 3, *16*) (3 экз.).

Почти все наконечники стрел лежали остриями на юго-восток. Здесь же зафиксированы остатки дерева от колчана.

В 49 см к северо-западу от наконечников стрел найден железный, колчанный крюк. На одном конце крюка имеется петля с отверстием, другой конец немного утолщен (рис. 3, *3*).

Между костями черепа лошади обнаружены железные удила без псалиев (рис. 3, *4*). Около черепа лошади найдены фрагменты лепного горшка, с отогнутым, закругленным венчиком и короткой шейкой (рис. 2, *4*). Глина светло-коричневая, с примесью шамота.

Инвентарь погребения очень выразителен и позволяет относительно хорошо датировать весь комплекс. Обратимся в первую очередь к колчанному набору. В него входят наконечники стрел и колчанный крюк. В Прикубанье колчанные крюки скифского времени являются редкой находкой. Л. К. Галанина отмечает находки таких крюков в Прикубанье в районе Келермесской курганной группы [3, с. 22]. Погребения, в которых они были найдены, Л. К. Галанина датирует второй половиной VII—началом VI в. до н. э. Набор наконечников стрел из погр. 2, включающий одновременно бронзовые и железные стрелы, полностью повторяет колчанные наборы Келермесских курганов[2]. Такой же набор наконечников стрел отмечен в раннемеотском Келермесском грунтовом могильнике [3, с. 22]. Мы уже отмечали, что могильник Л. К. Галанина датирует второй половиной VII — началом VI в до н. э. К этому же времени она относит и Келермесские курганы [4, с. 53]. Ко второй половине VII — началу VI в. до н. э. относят погребения Келермесских курганов В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин [5, с. 22, 23; 6, с. 67]. Аналогии наконечникам стрел из погр. 2 есть среди архаичных скифских стрел из Ягорлыцкого поселения в Херсонской обл. [7, с. 100, рис. 76]. Некоторые наконечники стрел (рис. 3, *8*, *11*, *15*) находят аналогии среди материалов VII в. до н. э. из курганов у хут. Красное Знамя на Ставрополье [8, с. 47]. Близкие наборы стрел происходят из скифских погребений VI в. до н. э. у с. Семеновка, окрестностей г. Изюма [6, с. 94, 95, 97], Репяховатой Могилы [9, с. 41, рис. 22] и с. Подгородного [10, с. 15]. В комплексах второй половины VII — начала VI в. до н. э. Келермесских курганов находят аналогии и железные удила (рис. 3, *4*) из нашего погр. 2 [4, с. 44; табл. 7, *6*; 6, с. 66].

Керамический материал из погр. 2 характерен для раннемеотского времени (конец VII — V в. до н. э.). Наиболее близкие аналогии керамическим сосудам можно видеть в материалах могильников у хут. Ново-Пеховского [11, с. 46] и Усть-Лабинском № 2 [12, с. 158—162].

Таким образом, по всему кругу аналогий погр. 2 относится к раннемеотскому времени и может быть датировано второй половиной VII — началом VI в. до н. э. Учитывая, что погребение находится на территории расселения меотских племен и в общих чертах по погребальному обряду совпадает с раннемеотскими погребениями Прикубанья [13, с. 4], можно предположительно отнести его к ранним меотам.

---

[2] Выражаем глубокую благодарность Л. К. Галаниной, посмотревшей наши находки и указавшей ближайшие аналогии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ковалевская В. Б.* Северокавказские древности.— В кн.: Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981.
2. *Каменецкий И. С., Кропоткин В. В.* Погребение гуннского времени близ Танаиса.— СА, 1962, № 3.
3. *Галанина Л. К.* Раннемеотские погребения Келермесского могильника.— В кн.: XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Майкоп, 1984.
4. *Галанина Л. К.* Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов).— АСГЭ, 1983, вып. 24.
5. *Ильинская В. А.* Современное состояние проблемы скифского звериного стиля.— В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976.
6. *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев: Наук. думка, 1983.
7. *Черненко Е. В.* Скифские лучники. Киев: Наук. думка, 1981.
8. *Петренко В. Г.* Скифская культура на Северном Кавказе.— АСГЭ, 1983, вып. 23.
9. *Черненко Е. В.* Скифо-персидская война. Киев: Наук. думка, 1984.
10. *Мурзин В. Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1984.
11. *Анфимов Н. В.* Археологические разведки по среднему Прикубанью.— КСИИМК, 1955, вып. 60.
12. *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской.— МИА, 1951, № 23.
13. *Анфимов Н. В.* Основные этапы развития культуры меото-сарматских племен Прикубанья (по материалам грунтовых могильников): Автореф. канд. дис. М.: ИИМК АН СССР, 1954.

Г. ГУТЛЫЕВ, А. Б. НИКИТИН

КЛАД САСАНИДО-КУШАНСКИХ МОНЕТ И ПОДРАЖАНИЙ ЧЕКАНУ ВАСУДЕВЫ ИЗ ТУРКМЕНИИ

В начале 1980-х годов на левом берегу Амударьи, около с. Пельверт Халачского р-на, был найден клад медных монет. Точное время и обстоятельства находки неизвестны. В состав клада входили, по-видимому, несколько сот монет сасанидских кушаншахов и подражаний монетам кушанского правителя Васудевы. Сотруднику Института истории имени Ш. Батырова АН ТуркмССР Г. Гутылеву, производившему археологические работы в районе Средней Амударьи, были переданы 17 монет из этого клада. По этой случайной выборке можно составить представление о составе клада (рис. 1).

Пять монет принадлежат чекану кушаншаха Хормизда I, время правления которого В. Г. Луконин относил к 80-м годам IV в. [1, с. 150]. Ряд исследователей придерживается более ранней датировки всей серии сасанидо-кушанских эмиссий [2, с. 13—42; 3, с. 117], но точка зрения В. Г. Луконина представляется нам более верной, поскольку известны соответствия между сасанидо-кушанскими монетами и монетами сасанидских шахиншахов второй половины IV в., а соответствий с монетами III в. не прослеживается [1, с. 135].

На лицевой стороне монет Хормизда I изображен бюст кушаншаха, вправо, в короне с протомой льва, увенчанной шаром. На экземплярах хорошей сохранности читается идущая по краю монетного поля легенда на пехлеви: 'whlmzdy MLK'. На оборотной стороне одной монеты из клада (см. Приложение, № 1) изображена сцена инвеституры: стоящий перед пиреем царь, слева, и божество, сидящее на троне, с венцом и трезубцем в руках, справа (тип $d_1/4$, по классификации В. Г. Луконина) [1, табл. XXI]. На четырех моментах (№ 2—5) на оборотной стороне изображен пирей с фигурой божества над ним. В правой руке божества — диадема, в левой — трезубец (тип $d_1/7$, по В. Г. Луконину). Легенды оборотных сторон неразличимы. Сасанидо-кушанские эмиссии Хормизда I чеканились в Мерве — обозначение этого города имеется на

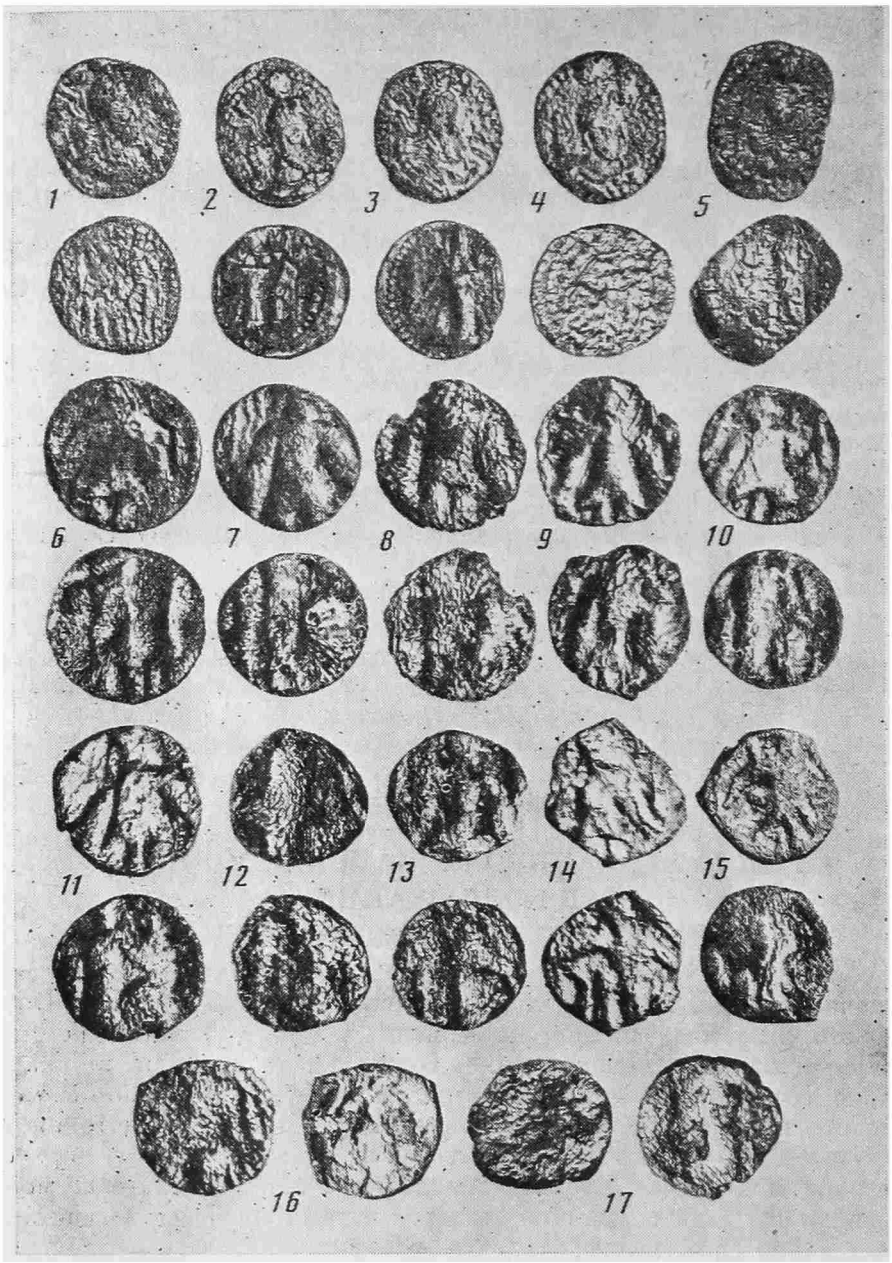


Рис. 1. Сасанидо-кушанские монеты и подражания монетам Васудевы I из клада с левого берега Амударьи

драхмах и денарах этого правителя — mlwy [1, с. 138]. Его медные номиналы, равно как и монеты других кушаншахов, встречаются в числе находок с территории Мервского оазиса.

Двенадцать монет представляют собой подражания чекану правителя Васудевы I, правление которого, очевидно, следует датировать в пределах III в. На лицевой стороне их прототипов изображался царь, стоящий перед алтарем, с трезубцем в руке, на оборотной — бог Шива, стоящий перед быком. Различные серии подражаний повторяют эти сюжеты с большей или меньшей степенью искажения. Все 12 монет из клада относятся к выделенному Е. В. Зеймалем III периоду чеканки подражаний, когда изображения полностью схематизировались, но еще не произошло полной потери их содержания [4, с. 243]. Места чеканки подражаний пока не установлены. Различные серии подражаний монетам Васудевы I встречаются на юге Средней Азии, на территории Афганистана и Северной Индии. Датировать их приходится в широких пределах — IV—V вв. Хронологическая классификация групп подражаний разработана

Е. В. Зеймалем на основе монетных находок из Таджикистана, где подражания I и II периодов встречаются совместно с наиболее ранними эмиссиями сасанидских кушаншахов (Янгиабадский клад 1969 г.) [4, с. 244, 293; 5, с. 47—52], а подражания IV и V периодов — с монетами поздних кушаншахов, плохой сохранности (Болдайтепинский клад, 1962 г.) [4, с. 244, 292; 5, с. 53—56]. Сходный состав имеют и клады из Гандхары. В составе одного из них найдены подражания монетам Васудевы I, перечеканенные по сасанидо-кушанским монетам [6, с. 93—108, рис. 12, *49*, *50*]. В рассматриваемом нами кладе подражания

Состав клада

№ п. п. *	Тип	Вес, г	Диаметр, мм	Оси
1	Кушаншах Хормизд I (тип $d_1/4$)	1,75	14,5	12
2	То же (тип $d_1/7$)	1,91	15	3
3	То же	1,74	14,5	12
4	»	1,72	15	9
5	»	1,08	16	7
6	Подражание чекану Васудевы I III период	2,15	17	11
7	То же	2,19	16	12
8	»	1,53	16	12
9	»	1,18	15	12
10	»	1,28	15	1
11	»	2,80	16	1
12	»	2,87	15	12
13	»	1,35	15	6
14	»	1,47	15	12
15	»	2,18	14,5	12
16	»	1,48	15	12
17	»	2,60	15,5	11

* Соответствуют номерам на рис. 1.

III периода найдены вместе с монетами кушаншаха Хормизда, хорошей сохранности, что говорит об их относительной временной близости и подтверждает эту хронологическую схему. Основываясь на имеющейся у нас выборке, клад и соответственно время обращения подражаний III группы, если исходить из датировки монет Хормизда, следует отнести к рубежу IV—V вв. К сожалению, неизвестно, входили ли в его состав монеты других кушаншахов, кушанские монеты или другие группы подражаний. Основной процент составляли, видимо, все же выпуски Хормизда I и подражания чекану Васудевы I, III группы.

Находки кушанских монет и подражаний в районе Средней Амударьи нередки, причем количество подражаний примерно равно количеству найденных здесь монет кушанских правителей. В своде находок, составленном В. Н. Пилипко, 2 монеты принадлежат чекану Вимы Кадфиза, 9 — Канишки I, 1 — Хувишки, 9 — Васудевы I, 6 — Канишки III (всего 27 кушанских монет) и 23 монеты — подражания чекану Васудевы [7, с. 96]. Известны и находки сасанидо-кушанских монет — монета Хормизда I (тип $d_1/7$) найдена в 1980 г. при раскопках городища Ходжаидат-кала, около райцентра Карабекаул Амударьинской экспедицией Института истории АН ТуркмССР.

То, что монеты, обращавшиеся на территории Бактрии, встречаются в большом количестве в районе среднего течения Амударьи, вполне закономерно. Амударья — одна из основных транспортных и торговых магистралей древней Средней Азии. По ней в течение первых нескольких веков нашей эры кушанские и сасанидо-кушанские монеты поступали в более северные районы, где они вплоть до V в. н. э., вероятно, служили основой для местного денежного обращения. Наличие в районе Средней Амударьи не только отдельных находок, но и кладов медных монет подтверждает это предположение. Установлено, что кушанские монеты обращались на территории Хорезма в период, предшествующий

началу хорезмийской чеканки. Их надчеканивали, а позднее использовали в качестве монетных кружков для чеканки местных эмиссий. Встречаются среди находок из Хорезма и подражания монетам Васудевы I и монеты сасанидских кушаншахов [8, с. 87, 177].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Луконин В. Г.* Культура Сасанидского Ирана. М.: Наука, 1969.
2. *Bivar A. D. H.* The Kushano-sasanian Coin Series.— J. Numismatic Soc. India, 1956, v. XVIII, pt. 1.
3. *Rosenfield J. M.* The Dynastic Arts of the Kushans. Berkeley – Los Angeles, 1967.
4. *Зеймаль Е. В.* Древние монеты Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1983.
5. *Давидович Е. А.* Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М.: Наука, 1979.
6. *Cribb J.* Gandharan Hoards of Kushano-sasanian Coins and Late Kushan Copper.— Coin Hoards, t. VI. L., 1981.
7. *Пилипко В. Н.* Топография находок кушанских монет на побережье Средней Амударьи.— В кн.: История и археология Средней Азии. Ашхабад: Ылым, 1978.
8. *Вайнберг Б. И.* Монеты древнего Хорезма. М.: Наука, 1977.

А. А. ФОРМОЗОВ

К БИОГРАФИИ А. А. СПИЦЫНА

18 августа 1983 г. Кировская областная научная библиотека им. А. И. Герцена, Кировский государственный объединенный историко-архитектурный и литературный музей и областное отделение Общества охраны памятников истории и культуры провели заседание, посвященное 125-летию со дня рождения уроженца Вятского края, выдающегося русского археолога Александра Андреевича Спицына (1858—1931). К заседанию тиражом 500 экземпляров была напечатана памятка с редким портретом Спицына, относящимся к годам его преподавания в Вятской женской гимназии, биографической справкой и библиографией основных работ ученого и литературы о нем. В отделе краеведения библиотеки им. Герцена была развернута выставка. На ней обратили на себя внимание две книги, выпущенные в 1880—1890 годах в Вятке и не вошедшие в список трудов Спицына, опубликованный в 1948 г. [1, с. 12—20]. Это «Орфографический словарь и краткий курс русской орфографии» (два издания — 1883 и 1891 гг.) и «Азбука для школьного и домашнего обучения», вышедшая в 1886 г. под псевдонимом «А. Новиков».

Председательствовал на заседании известный писатель, автор многих книг по истории культуры Сибири и Вятского края Е. Д. Петряев. С докладом выступил автор этих строк. Доклад вызвал интерес, но слушатели сетовали, что я говорил в основном о работе Спицына в Императорской археологической комиссии и в Государственной академии истории материальной культуры, а не о раннем периоде его жизни, связанном с Яранском, Котельничем, Вяткой. Решено было начать поиски материалов, освещающих этот этап жизни Спицына, годы его учения в Вятской мужской гимназии, преподавания после окончания университета в женской гимназии и т. д.

За прошедшие 2 года поиск дал ряд интересных находок. В Государственном архиве Кировской области преподаватель Кировского педагогического института В. А. Бердинских обнаружил много документов, относящихся к годам учения Спицына в Вятской гимназии (1868—1878 гг., фонд 211) и сотрудничества в Вятском статистическом комитете (1882—1892 гг., фонд 574). У частных лиц оказались неизвестные ранее фотографии Спицына. Кировские краеведы списались с дочерью ученого — Надеждой Александровной — ленинградским педагогом, автором книги «Грибоедов в школе» (Л., Учпедгиз, 1956) — и получили от нее ценные материалы.

Как известно, научный архив Спицына был передан после его смерти в ГАИМК. С тех пор им пользовались сотни советских археологов.

Личный архив остался в семье и, к сожалению, частично погиб в дни блокады Ленинграда. Все же кое-что уцелело.

В 1985 г. в газете «Кировская правда» Е. Д. Петряев опубликовал статью о реликвиях, сохранившихся у Н. А. Спицыной [2]. Среди них большой прямоугольник красной муаровой ткани с надписью золотыми буквами: «30 авг. 1892. На память своему дорогому воспитателю от представительниц выпусков Вятской гимназии за период с 1883 по 1892 год» и 28 подписями. Есть здесь и подпись Елены Александровны Пьянковой, окончившей Мариинскую женскую гимназию с золотой медалью в 1887 г. и через 10 лет ставшей женой Спицына.

Е. Д. Петряева заинтересовала фотография гимназистов Вятской мужской гимназии, снявшихся в 1872 г. со своим учителем Александром Константиновичем Халютиным. Среди учеников четырнадцатилетний Александр Спицын, а кроме того, мальчик, в котором удалось узнать Константина Эдуардовича Циолковского. Эта фотография не была известна биографам основоположника космонавтики и передана в дом-музей К. Э. Циолковского в Калуге.

В газетной статье Е. Д. Петряева приведены выдержки из автобиографии А. А. Спицына, присланной в Киров вместе с другими материалами Н. А. Спицыной. В более полном виде текст издан в книге Е. Д. Петряева «Вятские книголюбы» [3, с. 104—107]. Археологи знают обзор собственных научных работ, написанный А. А. Спицыным к своему семидесятилетию [4, с. 331—342], но о его попытке рассказать о своем жизненном пути услышали впервые. Рукопись, по мнению Е. Д. Петряева, относится к началу 1890-х годов (мы не исключаем, что и к 1880-ым годам) и содержит сведения о годах учения до возвращения в Вятку после окончания Петербургского университета.

Представляется целесообразным опубликовать этот текст целиком.

«Я сын мещанина г. Котельнича Вятской губернии, внук крестьянина из окрестностей этого города. Дед, а особенно одна из бабок были людьми большого трудолюбия. От отца, страстного охотника, рыболова, любителя стихов и религиозного человека, я получил гуманный душевный склад. Мать, чрезвычайно умная женщина, поняла, что детей вывести в люди можно лишь чрез ученье и, несмотря [на] на нашу крайнюю бедность, перевезла нас в губернский город и поместила в гимназию. Этим и кончились ее воспитательные заботы. Родился я в Яранске той же губернии, где отец служил „в откупах". Когда „кончились откупа", семья впала в бедность и уже не могла подняться, пока я не поступил на службу. Да и после этого и до сих пор я не помню, когда был бы свободен от денежных долгов. Перенесши бедность, я всю жизнь имел временные или постоянные заботы о разных лицах в ущерб необходимому для себя и даже семьи. Книги я не покупаю до сих пор, потому что нет на них денег, не хожу в театры, не имею развлечений, потому что на это нужны деньги. За внешними удобствами в жизни я не гоняюсь, потому что на это нужны средства. Уж если касаться этой темы, то теперь же скажу, что я не гонялся за внешними успехами в жизни, никогда не искал внимания начальства, не пользовался случаем снять кого-нибудь с места, легко уступал нажиму со стороны соперников и вообще не был карьеристом. Всем успехам в своей жизни я обязан немногим друзьям.

В гимназии я не проявил способностей, пробыл в ней лишние два года и кончил предпоследним из 15 товарищей. Мне особенно не давались языки. Зато мне удавались некоторые „сочинения", и с 4 класса вдруг проявились математические способности; в решении геометрических задач я достиг значительного искусства, занимался новыми языками и даже стенографией. Я плохо шел в гимназии уже и потому, что не имел нужных учебников и потому, что занимался, согласно духу времени, „самообразованием". Это шло от идей 60-х годов, которыми по традиции увлечены были гимназисты. Ученики старших классов руководили младшими, и я живо помню, как попал в переделку, перейдя от копеечных сказок прямо к Добролюбову и Белинскому, Дарвину и вообще естественным наукам. Последние меня занимали в старших классах и практически. Я занимался ботаникой, минералогией, химией, очень увлекался геологией, величавость которой понимал. Литература была отвергнута, романы читать показалось постыдным делом. Мечтой были — университет и естественные науки. Идиллия эта рушилась под влиянием даровитого старшего товарища Е. Я. Скурихина, орловского крестьянина, увлеченного философией и уже читавшего Канта. Ради философии я пошел на филологический факультет и непременно лучшего университета, Петербургского. Все это было уже новое веяние, от старого осталось сильное настроение: жить не для себя, а для блага „народа", „для дела". Эта идиллия осталась на всю жизнь.

В Петербург я явился со светлыми надеждами и без гроша. Приехал я прямо к Скурихину, который и делился со мною своим скудным заработком. Я вел днев-

ник нашим расходам и твердо помню, что мы держали на пищу 5—7 коп. ежедневно. Так шло до февраля месяца, когда и я получил небольшой урок. Материальная сторона моих студенческих лет вообще была весьма плачевна. Меня спасали лишь уроки, которые я получал благодаря случайному знакомству с семьей сенатора К. Н. Лебедева, жившей на пенсии. Конечно, я все и школьные года проходил в одной и той же одежде, пришедшей к концу в полнейшую негодность, что меня не очень смущало.

В университете первые месяцы я старательно записывал все обязательные лекции, но потом это прекратилось. Пошло определение научных интересов, искание авторитетов и специализации. От философии я отошел, хотя и не сразу, скорее всего потому, что она не вполне подошла к моему душевному складу. Патриотизм, инстинкт и интересное преподавание увлекли меня в сторону истории, конечно русской. Я слился с аудиторией К. Н. Бестужева-Рюмина, посещал лекции по истории раскола Троицкого, Бауэра, усердно занимался в семинарии незабвенного В. Г. Васильевского. Но оказалось, что я не создан лишь для одной науки: я принимал участие в студенческой библиотеке, где заведовал отделом продажи книг, издавал некоторые лекции, завел курсовую рукописную книгу, все время состоял в комитете вспомоществования студентам, вообще вел общественную деятельность. Неудивительно, что я реже и реже появлялся на лекциях и не был на высоком счету ни у товарищей, ни у профессоров. Я не мог принимать деятельного участия и в студенческом научном обществе, очень оживившем факультетскую жизнь. Тем не менее я чувствовал себя специалистом по русской истории и человеком, преданным науке. В итоге на старшем курсе образовался тесный „Кружок русских историков" из 5—6 лиц, к которому привлечен был и я, и который сосредоточил в себе все счастливые впечатления молодой школьной жизни, на половину уже осиротевшей.

Ни над чем не задумываясь, я неудержимо стремился на родину — чтобы поддержать семью...».

Текст требует некоторых комментариев. Как указал Е. Д. Петряев, «отец Спицына... служил у яранского откупщика Кузьмы Васильевича Беляева, библиофила и мецената, одного из вятских друзей Герцена. В 1858 г. он умер. Именно тогда семья Спицыных потеряла опору» [2].

Е. Д. Петряеву принадлежит и другое разъяснение: Е. Скурихин — товарищ Спицына по Вятской гимназии (где они учились с 1868 г.) поступил в Петербурге в Военно-медицинскую академию, но, не кончив курса, «ушел в народ», волостным писарем. Дальнейшая судьба его неизвестна.

В тексте упомянуты, кроме того, сенатор-юрист Кастор Никифорович Лебедев (1812—1876) и профессора Петербургского университета Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1829—1897), Василий Васильевич Бауэр (1833—1884), Иван Егорович Троицкий (1834—1901) и Василий Григорьевич Васильевский (1838—1899).

Спицын очень глухо говорит о своем участии в вятских кружках самообразования. Из воспоминаний другого участника этих кружков — известного художника Аполлинария Васнецова — видно, что они имели оппозиционный характер. Васнецов застал там, например, прославившегося позднее покушением на Александра II революционера-народовольца Степана Халтурина [5, с. 133].

«Автобиография» дает нам представление о молодом Спицыне — типичном разночинце, бедняке, воспитанном на Белинском и Добролюбове, на культе естествознания и идее служения народу, на презрении к «болтовне», под которой поклонники Д. И. Писарева понимали театр и художественную литературу. Такого Спицына мы не знали. Получив первые сведения о его юношеских исканиях, мы сможем вернее судить и о его деятельности в зрелые годы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Список ученых трудов А. А. Спицына.— СА, 1948, т. X.
2. *Петряев Е. Д.* Уникальная фотография.— Кировская правда. 1985, 12 апреля, № 85.
3. *Петряев Е. Д.* Вятские книголюбы. Киров, Волго-Вятское изд-во, 1986.
4. *Спицын А. А.* Мои научные работы.— In: Seminarium Kondakowianum II. Прага, 1928.
5. *Васнецов А. М.* Как я стал художником и как и что работал.— Тр. Музея истории и реконструкции Москвы, 1957, вып. 7.

Критика и библиография

КАПИТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО НАУЧНОЙ ИСТОРИИ МИНСКА

Столица Белоруссии, древний город Минск, получила, наконец, солидное исследование своей древнейшей истории [1]. Монография в 26 п. л., содержащая 190 рисунков в тексте и 41 таблицу вещей в приложении, издана тиражом в 10 тыс. экз., широко охватывает большинство вопросов, связанных с проблемой возникновения и начальной истории этого древнерусского города. Публикация такого труда давно назрела: с 1945 г. в Минске велись археологические раскопки, однако возглавлявший их до 1951 г. В. Р. Тарасенко ограничился лишь небольшой итоговой работой, где на 4,5 п. л. не было ни квалифицированной публикации найденного, ни тем более обоснованных научных выводов [2]. В ней не было даже должным образом раскрыто, каким драгоценным для историка памятником являлось минское Замчище, где были найдены остатки каменного домонгольского храма уникальной конструкции! Работа эта прошла незамеченной. Вместе с тем послевоенный разрушенный Минск отстраивался, перепланировался, современность наступала на прошлое, о ценности памятника никто не думал. В этих труднейших условиях, в ожесточенных спорах со строителями, когда бульдозер подчас засыпал расчищенное в раскопах, Э. М. Загорульский в 1957 г. возобновил работы на Замчище и руководил ими вплоть до 1961 г., когда по настоянию строителей раскопки были прекращены. Ныне Замчища более нет, найденные там остатки храма XI в. погребены под асфальтом. Поэтому книга Э. М. Загорульского содержит ценнейшие материалы по истории начального Минска, отражает исследования, которых ни проверить, ни повторить уже нельзя. Эта книга — плод героической деятельности ее автора, взявшего на себя не только раскопки в труднейших условиях, но и огромный труд по изучению многолетних раскопок своего предшественника.

Книга Э. М. Загорульского строится следующим образом. За предисловием, вводящим читателя в суть проблемы, следует 10 глав, насыщенных разнообразными материалами. Первые две — как бы преддверие к основной части: в них рассматриваются свидетельства письменных источников, ставится вопрос о месте первоначального Минска, определяется территория Минского княжества. Традиционную схему пассивного пересказа летописи с чисто конкретными выводами автор заменяет живым рассказом, основанным на широком использовании имеющейся литературы: привлечены исследования А. А. Шахматова, выделившего свод 1073 г. киево-печерского монаха Никона, поместившего под 1067 г. первое упоминание Минска. В этом тексте обычно усматривают неясность: разграбив Минск, Ярославичи «поидоша к Немизе», где и произошла знаменитая битва с опоздавшим на выручку минчанам Всеславом Полоцким. «Минск сам стоит на р. Немизе, куда же пошли Ярославичи?» — недоумевают историки. А. Н. Ясинский предположил, что Минск, может быть, тогда еще не стоял на этой реке, а возник неподалеку, на р. Менке, откуда и его название [2, с. 188, 189]. Он мог быть и на современном месте, Ярославичи же двинулись к городу Немизе, упомянутому в списке городов конца XIV в. и до сих пор не найденному, как предполагает Э. М. Загорульский, считая, что вдоль реки Немиги могла идти дорога к городу с этим наименованием [1, с. 14]. Но в «Слове о полку Игореве» дважды и совершенно отчетливо упоминается река Немига, на которой и произошел бой, т. е. у той самой, ныне маленькой речушки, впадающей в Свислочь у самого минского Замчища. О городе Немиге (где бы он ни был) здесь речи не было: истоки р. Немиги лежат всего в 2—3 км от Замчища, а на таком расстоянии второго древнерусского города быть не могло.

В 16,7 км от Минска, на небольшой речке Менке, при впадении в нее ручья Дунай (рядом д. Городище), имеется великолепное, довольно большое раннесредневековое городище X — первой половины XI в., которое исследователи связывают с первоначальным Минском. За последние 30 лет интерес к памятнику постоянно нарастал — в разное время там вели работы четыре археолога [1], выводы которых, за исключением общей датировки, часто не совпадают. Связь этого города с Минском Э. М. Загорульский отрицает, но вполне резонно включает материалы этих раскопок в монографию и рассматривает критически аргументы. Городище действительно крайне интересно — подобных памятников этого времени Белоруссия не знает. Оно сооружено на возвышенном мысу (площадь 1 га) и состоит из двух частей: более высокой мысовой (16×80 м) — Малое городище и примыкавшей к нему обширной укрепленной части (80×110 м) — Большое городище [2]. С напольной стороны к памятнику примыкает большое селище — посад (30 га) [4]. Э. М. Загорульский весьма обстоятельно характеризует свои раскопки на обеих частях городища, сопровождая описание необходимыми рисунками (к сожалению, все это только прорисовки, а не фотографии [1, рис. 8—10]) и чертежами. Очень интересна стратиграфическая таблица, где вещи располагаются по высоте залегания над материком, «что больше соответствует характеру образования культурного слоя ... и меньше зависит от изменений в уровнях поверхностей (современных нам.— *Л. А.*)» [1 с. 40, рис. 11]. Таблица наглядно подтверждает датировку памятника X—XI вв. Автор использует данные раскопок на городище и других исследователей. Наконец, он переходит к вопросу о взаимоотношении городища на Менке и Минска и решает его, как сказано, отрицательно. В этом убеждают его прежде всего разрезы вала на том и другом городищах (Большом и Малом): земляные укрепления, считает Э. М. Загорульский, здесь везде перекрывают слой X—XI вв.; поселение этого времени, следовательно, было неукрепленным, это было сельское поселение в эпоху, когда здесь расселились славяне. К Минску оно отношения иметь не могло, во-первых, потому, что по летописи в 1067 г. город был укреплен («мѣняне затворишася во градѣ» [5, с. 112]), во-вторых, потому, что большинство вещей на Менке датируется временем не позднее двух первых десятилетий XI в. и в 1060-х годах там жизни уже не было. Однако аргументация Э. М. Загорульского не свободна здесь от слабых звеньев, и мы не можем безоговорочно стать на его точку зрения. В самом деле, уже при первом рассмотрении плана памятника, расположенного при слиянии двух небольших рек, где к мысовой возвышенной части примыкает 30-гектарное синхронное ей селище, видно, что возвышенная мысовая часть должна быть укрепленной. Было ли поселение неукрепленным? По каким-то причинам автору не удалось полностью разрезать вал. И дело не в том, что траншеи, перерезавшие вал, не были сквозными (в середине оставлялись 4-метровые перемычки) — подобная методика вполне допустима,— а в том, что они (особенно на Малом городище) не были доведены до материка и не захватили хотя бы самой небольшой части площадки, где были бы видны горизонтальные слои. В этом отношении чертеж М. А. Ткачева, не разрезавшего вала, а лишь зачистившего его в том месте, где был уже почти готовый разрез, как мне кажется, убедительнее [6, с. 194, рис. 1]: здесь конструкция вала видна отчетливее. Под валом находится слой, оставленный жителями неукрепленного поселка железного века, и первоначальный вал состоит из смешанного песка с культурным слоем и вещами IX—X вв. Этот вал перекрыт вторым с находками XI в. Прослоек между валами нет — второй вал насыпался вскоре после первого. Если первый возведен из культурного слоя IX—X вв., т. е. в начале XI в., то второй — в XI в. Жаль, что в этом издании Э. М. Загорульский не привел разрез М. А. Ткачева, опубликованный в малоизвестном ротапринтном издании. Специальные раскопки вала Г. В. Штыховым в 1983 г. выявили «срубы-городни», плотно забитые суглинком и супесью: «...возвышаясь

---

[1] К сожалению, первые раскопки А. Г. Митрофанова в 1954 г. на так называемом городище не опубликованы и материал их утерян. В свое время с его любезного разрешения мною были изданы лишь несколько вещей (серебряная подвеска X — начала XI в., наконечник стрелы гнездовского типа того же времени) и сообщены некоторые незначительные сведения со слов автора раскопок [3, с. 147, рис. 28].

[2] Сейчас считается, что это не детинец и окольный город (как я полагал ранее), а единое и очень своеобразное городище. Так его воспринимает и Э. М. Загорульский.

примерно на 4 м, они составляли прочную основу первоначального оборонительного сооружения *первой половины XI в.*» (курсив мой.— *Л. А.*) [7, с. 415]. Что же собой представляло это укрепленное поселение?

Трудно согласиться с автором, что это обширный поселок сельского типа [1, с. 60—62]. Что до его населения, то сам же автор допускает: на Малом городище «располагался двор знатного селянина, или феодала» (хотя тут же оговаривает, что материалов для такого определения слишком мало [1, с. 47]). Однако на поселении найдены не только материалы сельского хозяйства, но также и ремесла! По мнению Э. М. Загорульского, первое преобладало над вторым. О сельском хозяйстве свидетельствуют два наральника из пожарища X в., мотыга, 10 серпов, зерно из того же пожарища. Ряд находок свидетельствует о ремесле — деревообрабатывающем, о гончарном, кузнечном и изготовлении пряслиц из привозного розового сланца [1, с. 61, 62]. По мнению Г. В. Штыхова, второе преобладало над первым. О сельском хозяйстве свидетельствуют обломки косы и серпа, о ремесле говорят изобилие однородной посуды и гончарные клейма, изготовление пряслиц из сланца и находки льячек. Как бы то ни было, на столь раннем этапе развития феодализма нельзя быть уверенным, что преобладало — ремесло или сельское хозяйство. Если поселение на Менке по величине занимаемой площади и характеру топографии нельзя считать чисто сельским, то нет уверенности, что оно было и городским.

Как бы то ни было, подобных поселений в этих местах больше нет, приходится признать, что это был центр большого скопления поселений, которое отчетливо прослеживается на карте полусферических курганов к югу от современного Минска и датируется рубежом X—XI вв. [8, рис. 1; 9, рис. 1]. Не случайно вблизи городища на Менке найдены три клада арабских монет X — первой половины XI в. [4, с. 72]. А если учесть, что на памятнике среди огромного количества разнообразных находок имеются днища сосудов со знаками Рюриковичей, близкими тамге князя Владимира Святого [1, рис. 11, 15; 10, рис. 3], то можно заключить, что перед нами княжеский центр большой округи поселений XI в.

Причины, по которым поселение на Менке перестало существовать, исследователи определяют по-разному. Э. М. Загорульский отмечает, что следов разрушения на поселении нет, и полагает, что «это было связано с процессом постепенной сегментации, выселением отдельных семей на новые места. Может быть,— добавляет он далее,— это объясняется истощением почвы в результате длительного ведения интенсивного хозяйства» [1, с. 62, 63]. Г. В. Штыхов предполагает иное: река Менка могла обмелеть либо прекратился торговый путь, шедший якобы через Менку [4, с. 72], и т. д. Оба исследователя считают, что причины прекращения жизни на поселении связаны не с общественно-историческим развитием региона, а с рядом частных явлений. Наше последующее изложение, как кажется, должно показать ошибочность такого мнения.

Изучение начальной истории Минска, расположенного на современном месте, Э. М. Загорульский начинает, естественно, с обстоятельного историографического очерка. Он показывает затем, что уже старая городская топонимия очерчивает границы минских укреплений, подтверждает это старинными планами города из архивов и материалами из строительных котлованов. В. Р. Тарасенко не интересовали минские укрепления, времени их возведения он не выяснял, почему и выводы его о происхождении Минска часто колебались [1, с. 288]. Э. М. Загорульский прорезал вал в восточной части Замчища и выяснил, что укрепления Минска были насыпаны на слое погребенной почвы, и, следовательно, с самого начала город был основан как солидная крепость.

Вопросы стратиграфии и хронологии памятника потребовали от автора огромного научного труда, и все-таки связать раскопы предшествующих лет с его раскопами удалось очень относительно. Отметим удивительную сдержанность и корректность Э. М. Загорульского по отношению к его предшественнику. За основу исследования, таким образом, ему пришлось брать лишь свои собственные раскопки и к ним привлекать материалы предшествовавших работ.

Прежде чем перейти к описанию полевых исследований, автор подробно останавливается на своей методике раскопок. Культурный слой древнерусского города Э. М. Загорульский разбирает не по штыкам (пластам), а по слоям, пытаясь непосредственно в поле установить по возможности древний рельеф. К сожалению, мы

лишены возможности подробнее остановиться на методике, разработанной Э. М. Загорульским.

С помощью этой методики автору удалось установить 20 последовательно наслаивавшихся на памятнике горизонтов и сразу же к каждому из них привязать постройки и находки. В книге приведено много разрезов и есть даже профили под отдельными долго не разбиравшимися объектами, что особенно ценно и редко приводится авторами. Большие чертежи стенок раскопов представлены одним (правда, важнейшим) разрезом 1950 г., пересекающим храм (юго-западная стенка раскопа В. Р. Тарасенко). Недостатки этого чертежа уже критиковались мною [3, с. 206], однако другого нет, и автор книги был прав, приведя его вновь, и даже в зеркальном отражении, чтобы связать с одним из собственных разрезов [1, рис. 32]. Жаль, что этот разрез по каким-то причинам автору не удалось продлить и получить единый профиль через все раскопы 1950—1961 гг.

На с. 129 автор переходит к рассмотрению раскопок своего предшественника и делает попытку связать все раскопы. К сожалению, многого здесь сделать, как мы указывали, не удалось: лишь один горизонт (№ 17 Э. М. Загорульского) совпал с горизонтом В. Р. Тарасенко (настилы № 2, 3) [1, с. 126, рис. 59, 2; с. 209]. Нельзя не пожалеть, что из-за соображений осторожности Э. М. Загорульский не рискнул связать некоторые другие горизонты прошлых раскопок со своими, оговорив при этом всю предположительность такого сопоставления. При такой условной реконструкции автору было бы, как кажется, значительно легче показать общую картину застройки этой части города на разных, главным образом начальных, этапах его развития [3].

Если методика раскопок древних слоев русского города с обилием дерева в 1940-х годах не была еще достаточно разработана, то тем более это относится к датировкам. В руках Э. М. Загорульского были уже все достижения в этой области. В рецензируемой книге автор движется вполне верным путем: сначала датирует минские культурные отложения, основываясь на археологических находках, а затем переходит к материалам дендрохронологии.

Прежде всего он привлекает, разумеется, хорошо датирующиеся по раскопкам на других памятниках индивидуальные находки и подсчитывает их по горизонтам. Подобный метод традиционен, однако здесь интересен ход мысли автора. Как известно, шиферные пряслица датируются на древнерусских памятниках XI — первой половиной XIII в., а стеклянные браслеты — второй половиной XII — первыми десятилетиями XIV в. (в Новгороде, например, ниже строительного слоя стены посадника Федора 1335 г.— 1105 их обломков, выше — всего 4!). В Минске же шиферные пряслица и стеклянные браслеты, по наблюдениям Э. М. Загорульского, залегают в 1—13-м горизонтах, т. е. почти одновременно! В чем же здесь дело? Рассмотрим весь ход рассуждения автора об этих находках. Из всех минских шиферных пряслиц и стеклянных браслетов (общее количество тех и других, к сожалению, не указывается) он выделяет 359 пряслиц и 500 браслетов, т. е. те предметы, которые ему удается связать с установленными им горизонтами. Располагаются пряслица сравнительно равномерно, и лишь с 11-го горизонта их количество начинает заметно падать. В 14-м оно снижается по сравнению с предыдущим горизонтом наполовину. 13-й и 14-й горизонты, полагает автор, отражают 1240-е годы, «когда поступление новых партий пряслиц уже прекратилось, но еще сохранились некоторые запасы» [1, с. 137]. 5—8-й горизонты, где пряслиц более всего, автор склонен датировать по аналогии с Новгородом концом XI — первой половиной XII в. Пряслица в Минске начинают встречаться с 1-го горизонта, а стеклянные браслеты — со 2-го. Кончаются те и другие в 13—14-м горизонтах, хотя, судя по тем же новгородским раскопкам, браслеты должны были бы быть в обиходе еще 50—80 лет после исчезновения пряслиц (там — до 1335 г.). Почему же в Минске обе эти категории вещей исчезают одновременно? Э. М. Загорульский находит этому следующее остроумное объяснение. Большинство минских браслетов, по опреде-

---

[3] На 14 планах, приведенных в книге, храм изображен однажды, на планах более поздних он повторяется пунктиром, а начиная с еще более позднего горизонта 10 все найденное В. Р. Тарасенко вообще отсутствует, и у читателя может создаться впечатление, что место, где он копал, т. е. вблизи храма и над храмом, не застраивалось вплоть до горизонта 17 (!), что неверно [1, рис. 34, 36, 38, 40, 43 и сл.].

лению Ю. Л. Щаповой, происходит из киевских мастерских, и это дает право в вопросах их хронологии базироваться на хронологии их распространения в Киеве. Киев был разрушен в 1240 г., производство браслетов там заглохло, и они, как и пряслица, перестали поступать в Минск.

Далее автор переходит к единичным и самым древним находкам на его памятнике. Он называет здесь бусину-лимонку (единственную находку), затем глазчатые бусины. Эти типы бусин датируются, как мы знаем, первыми десятилетиями XI в. Вещей этих очень немного. Судя по таблице керамики, в Минске не встречено горшков с рифлением и характерным венчиком в виде отогнутого манжета, которые встречаются в X — начале XI в. и в Белоруссии (курганы в Заславле, нижние слои Браславa, Друцка, в Новогрудке и т. д.). Исследователь вполне прав, относя возникновение Минска к несколько более позднему времени — ближе к середине XI в. Это же, по-видимому, подтверждают и раскопки Г. В. Штыхова, который под выбросами песка из траншеи фундамента храма в Минске нашел большой фрагмент раздавленного горшка XI в. [4, с. 74, 75]. Вопрос этот, по-видимому, будет разрешен в самое ближайшее время, когда будут опубликованы результаты работ белорусских археологов на второй очереди метро 1984 г.

Очень важно, что автором налажено самостоятельное дендрохронологическое исследование дерева из Минска, однако не со всеми предварительными соображениями исследователя можно согласиться. Он, например, полагает, что, если влажность древесины для некоторых конструкций безразлична (субструкции валов, уличные настилы и т. д.), то «год их сооружения можно с уверенностью датировать годом рубки использованного дерева» [1, с. 145], и забывает при этом, что на мостовых могут быть использованы бревна вторично и дата их не будет соответствовать времени сооружения мостовой! То же и с субструкциями вала. В Мстиславле, например, мы обнаружили венцы малого сруба (объект 29) внутри бревен большого сруба (объект 32), спилы же с того и другого дали один и тот же (!) год — 1229, из чего оставалось заключить, что малый сруб сделан из бревен большого, когда тот оказался ненужным. В Новгороде, по утверждению Б. А. Колчина, весьма часто встречаются случаи, когда плахи мостовых имеют более раннюю дату, чем весь настил (что он склонен объяснять ремонтом).

На представленных Э. М. Загорульским графиках годичных колец мы видим, как кривые субструкций вала сопрягаются друг с другом, а также с графиками кривых церкви Михаила Архангела в Новгороде, имеющей точную дату [1, рис. 70, 71, 73]. Настоятельная необходимость публикации таких графиков давно назрела, о чем уже писалось в литературе [4, с. 76]. Конечно, было бы важно опубликовать все имеющиеся графики колец минского дерева и сопоставить их не только с материалами из весьма удаленного Новгорода, но и с графиками более близких городов — Смоленска, Мстиславля и, конечно, прежде всего Полоцка. Все это сделало бы аргументы автора еще более весомыми.

При определении древнейшей даты Минска Э. М. Загорульский еще в разделе датировок по археологическим предметам указывал, что в XI в. город дважды подвергался разграблению — в 1067 и в 1084 гг. С этими годами он и связывает два древнейших минских пожара, один из которых был зафиксирован в 1-м горизонте, а второй — в 3-м [1, с. 141]. Далее, в разделе дендрохронологии, он отмечает сруб П19 4-го горизонта, график камбиальных колец бревен которого полностью сопрягается с графиком субструкций вала. Выходит, что последние были положены в тот период, когда культурный слой Замчища возрос до 4-го горизонта. Этот же горизонт возник после 3-го, разрушенного, по предположению автора, Владимиром Мономахом в 1084 г. Все это дает ему право считать, что после того, как Мономах разрушил Минск в 1084 г., город заново отстроился, причем в основание вала были положены мощнейшие субструкции. Начало же постройки первых минских укреплений, по дендрохронологическим исследованиям Э. М. Загорульского, следует относить к 1063 г. Этот год, полагает он, и есть год основания Минска [1, с. 148].

Глава об оборонительных сооружениях древнего Минска написана на материале собственных раскопок автора, а также на основании его наблюдений в котлованах строящихся зданий. Э. М. Загорульским впервые реконструируются минские оборонительные сооружения глубокой древности. Не вина его, что теперь, после грандиозных раскопок в связи со строительством метрополитена на 1984 г. (где площадь раскопа, как это видел автор рецензии, равнялась площади станции метро!) и притока огромной информации, эти данные покажутся уже недостаточными.

Несмотря на это, многое уже было выявлено в прошлые годы Э. М. Загорульским, проводившим свои исследования к тому же не только с большой тщательностью, но и с мыслью о будущих археологических исследованиях на данном памятнике. Он не решился, например, разобрать остатки въездной башни Минске (вторая половина XI в.), так как предполагал, что это будет нужно для будущих исследований по ту сторону въезда, когда будет найдено еще одно такое же сооружение [1, с. 167, примечание], и т. д.

В главе о застройке древнего города фактически три темы: постройки города, характер его застройки и, наконец, минский храм. Самым интересным разделом здесь является, безусловно, последний; минскому храму Э. М. Загорульский по праву уделяет много места [1, с. 189—202], и со многими его заключениями нельзя не согласиться. Но не со всеми. В 1949—1950 гг. этот выдающийся и во многом оставшийся загадочным памятник раскапывался В. Р. Тарасенко, так и не ответившим на ряд важнейших вопросов, связанных с ним. Первые попытки разобраться в его публикациях принадлежали, как указывает Э. М. Загорульский, автору этой рецензии. Э. М. Загорульский теперь располагает подлинной документацией раскопок В. Р. Тарасенко, и, что самое важное, он сам смог сделать в свое время «некоторые собственные обмеры и наблюдения» по натуре [1, с. 192]. Основываясь на том, что центральный подкупольный квадрат храма был несколько сдвинут к югу и южный неф оказался у́же северного, а также на том, что пилястры неточно соответствовали столбам (то и другое неминуемо приводило бы к искривлению сводов), я заключил, что храм возводился не очень опытной рукой [3, с. 204, 206, сл.]. Оспаривая это, автор видит причину в том, что мастера не успели облицевать внутреннюю сторону северной стены плиткой (как это было сделано в южном нефе). Реконструируя план храма, он полагает, что памятник этот был вполне симметричным и его строители ошибки не допустили [1, с. 196, рис. 129]. Думается, что, реконструируя план постройки, Э. М. Загорульский восстановил план, задуманный зодчим на чертеже. Но полностью ли следовали ему строители в натуре? Обмерный чертеж, сделанный для В. Р. Тарасенко архитекторами в 1951 г., автор не критикует — он для всех нас является единственным, наиболее достоверным источником. Там видно, что разметка на местности плана храма тщательно не проводилась (как полагает автор). Как и В. Р. Тарасенко, он считает, что храм без апсид представляет квадрат со стороной 12 м [1, с. 195, 2, с. 223]. Вместе с тем на плане восточная часть памятника шире западной на 40—50 см [2, рис. 7]. Подкупольный квадрат сдвинут «по часовой стрелке», его северо-восточный столб не совпадает по трассе с простенком между центральной и северной апсидами (это видно и на фотографии [2, рис. 21], а северный неф в восточной части шире, чем в западной. Несимметричны и боковые апсиды, что справедливо отражено автором и на его реконструкции плана [1, с. 196, рис. 129]. О каком же опытном строителе может идти речь, если при закладке фундаментов было допущено столько нарушений, что храм должен был выйти кривым (его своды вряд ли бы удалось вообще вывести!)? Не потому ли строительство было прекращено на самой начальной стадии? Полагаем, что памятник в Минске в своей основе, возможно, имел квалифицированный чертеж, но его строители, не обладая достаточной опытностью, чтобы его воплотить, многое исказили в натуре.

Вопрос о датировке храма особенно важен. Используя один из опубликованных чертежей В. Р. Тарасенко, я в свое время сделал попытку определить уровень дневной поверхности сооружения и пришел к мысли, что он построен в первые два десятилетия XII в., что позволяло связать строительство с князем Глебом минским [3, с. 205, 206]. Позднее исследование Э. М. Загорульского показало, что дневная поверхность храма была ниже и относится ко второй половине XI в. Не противоречат, кажется, этому и последние работы Г. В. Штыхова [4, с. 75, 76]. Видимо, оба эти автора правы: храм в Минске построен во второй половине XI в., но здесь возникают и дополнительные сложности. Как известно, строительство храмов в XI в. было еще тесно связано на Руси с княжеским строительством. Церкви в то время строили шестистолпные, и о четырехстолпных еще никто не слышал. Последние появились в XII в., и строили их горожане.

Как же случилось, что в маленьком княжеском Минске в это время был выстроен столь оригинальный памятник? До автора этой рецензии этот вопрос не ставился; он же, полагая, что храм относится к первой половине XII в., пытался сопоставить его с четырехстолпными храмами, но это успеха не имело. Теперь,

пытаясь выйти из положения, Э. М. Загорульский обратился к романской архитектуре Запада, и в частности Польши, где «уже с конца X в. типичным строительным материалом... был бутовый камень на известковом растворе (и) с этого времени известны квадратные в сечении столбы... В романской школе Польши можно видеть вероятные истоки своеобразия минского храма»,— заключает ученый [1, с. 200]. Идея о связях с польской архитектурой, брошенная автором в нескольких строках, сама по себе очень любопытна и кажется плодотворной. Однако почему же ее не довести до конца? Почему не указать, какие памятники Польши наиболее близки минской церкви, и не попытаться найти этому объяснения? Однако указания на бутовый камень на растворе здесь, как мне кажется, недостаточно. Следовало бы также попытаться выяснить и русские корни минского храма (он был православным, и такие корни, несомненно, все-таки были!). Эти корни можно было бы поискать в киевском зодчестве (минские князья более всего были связаны с Киевом). Среди шестистолпных храмов этого времени там можно найти памятники, четырехстолпная часть которых (без нартекса) напоминает памятник в Минске. Так, три апсиды храма, раскопанного М. К. Каргером в усадьбе киевского Художественного института (как раз вторая половина XI в.), обрисовывают знакомую нам по Минску «трехлопастную кривую» (термин П. А. Раппопорта), а его четырехстолпная часть совпадает с ним даже в размерах. Как и в схеме, восстановленной Э. М. Загорульским, она составляет квадрат со стороной 12 м, а длина этой части с большой апсидой дает те же 16 м [11, с. 395, документальный чертеж субструкций фундамента — рис. 140]. Конечно, этот памятник совсем иной, и делать выводы преждевременно, но он свидетельствует о русской основе церкви в Минске, о том, что ее делали русские мастера. Поискать в зодчестве Киева и других городов этого времени элементы, близкие минскому памятнику, по-моему, стоит.

До новых специальных натурных и кабинетных исследований можно сказать, что минский храм — одно из самых интересных и оригинальных явлений древнерусского зодчества домонгольской поры. Этот маленький четырехстолпный храм, выложенный из необычайного материала (бутовый камень вместо традиционной плинфы), на необычайном растворе (известь вместо цемянки) при традиционной схеме памятника XI в., но с четырьмя столбами (!), интересен не только историку архитектуры, но и исследователю русской культуры тем, что он представляет *очень раннюю* (и, возможно, еще «тупиковую») попытку зодчего вырваться из усиленно насаждаемой в то время на Руси статичной крестовокупольной схемы византийского образца. Попытку, давшую через 60—70 лет блестящие образцы русской домонгольской церковной архитектуры (правда, мастера этого времени шли уже иным путем — ступенчато-пирамидальные композиции). В этом, с нашей точки зрения, значение до сих пор должным образом не оцененного минского храма.

Этот раздел книги кончается общими выводами по топографии домонгольского Минска и, что особенно интересно и важно, сопровождается строго научными, документально оправданными (за одним исключением) реконструкциями внутреннего вида минской крепости с изображением въезда и высоко стоящих на валах укреплений [1, с. 205, 295, 297]. Столь строгие реконструкции крайне важны.

Изучение найденных при раскопках вещей приводит автора в следующей главе к реконструкции хозяйственной жизни древнего города, к описанию распространенных в нем ремесел, характера торговли и т. д. Подробную картину хозяйственной жизни Минска в те отдаленные эпохи мы получаем впервые.

В последнем разделе рассматриваемого труда — глава, где автор излагает свою концепцию происхождения Минска. Здесь, как всегда, у него много интересных мыслей, но именно эта глава вызывает у нас и ряд важных, как кажется, возражений. Минск возник не из неукрепленного обширного селища X—XI вв. на реке Менке и не был перенесен оттуда в середине XI в. на современное место, ибо никаких связей между тем и этим поселениями найти не удается. Так думает автор и пишет: «Вместо открытого селища на высоком плато, может быть, с небольшим, слегка укрепленным двором на территории крошечного городища, оставшегося от железного века, мы видим громадную, сооруженную в низине крепость с 8-метровым валом, мощной деревянной субструкцией, на рубку дерева для которой потребовалось не менее 4 лет, не говоря уже об объеме работ, который был необходим для насыпки вала протяженностью 900 м и строительства крепостной стены» [1, с. 296]. Нам не совсем понятна постановка первого вопроса: в чем, собственно, автор предполагает увидеть сходство остатков двух поселений, одно из которых

было оставлено жителями, не перешедшими, как автор считает, на другое поселение? Ведь жители пользовались общерусским кругом бытовых вещей домонгольского времени! Существует ли действительно хронологический разрыв в 20—30 лет между этими поселениями? Как это уловить археологически? В пользу как раз преемственности того и другого поселения, с нашей точки зрения, скорее могут свидетельствовать именно те самые вещи, которые найдены на Замчище в Минске, но датируются временем до его возникновения (как указывает автор,— 1063 г.): единственная бусина-лимонка, глазчатые бусины, криновидная подвеска гнездовского типа и др. (коньковые привески в счет не идут — они датируются не X—XI вв., как считает автор, а X — первой половиной XII в. [12, с. 130]). Э. М. Загорульский далее говорит о том колоссальном труде, который вложен в строительство минской крепости, и он вполне прав. Но где можно было достать такое огромное количество рабочих рук? Вопрос остается в стороне, но он очень важен!

Вал 8-метровой высоты при ширине 14 м и длине около 900 м был насыпан на погребенной почве и имел мощную субструкцию из молодого леса, уложенного через каждые 20—30 см поперек в девять рядов, между которыми были проложены вдоль еще три-четыре бревна. Значит, на сооружение (без стен и башен) было потрачено не менее 40 тыс. стволов — целый лес! По данным специалистов, сейчас тесно посаженный 20-летний лес содержит от 5 до 10 тыс. стволов на 1 га. В древности в диких смешанных лесах величина площади, с которой можно получить столько бревен, должна была быть во много раз больше. Порубка лесов для крепости в Минске, следовательно, осуществлялась на огромном пространстве большим количеством лесорубов (судя по спилам, в течение 4 лет). Еще большее количество людской силы требовалось для земляных работ — добычи грунта, его укладки. Требовалось огромное количество подвод, чтобы все это перевозить. Наконец, рубился особый лес для стен и башен на валу, и его тоже перевозили. Возникает сомнение: да *для пограничной ли крепости* (как это думает Э. М. Загорульский) нужны были столь колоссальные работы? А где было взять столько людей и тяглового скота? Наконец, почему же такая «пограничная крепость» была сооружена только одна?

Чтобы разобраться в этих вопросах, нужно обратиться прежде всего к характеру заселенности территории, которая окружала данную крепость. Как мне уже приходилось писать [8, с. 208, рис. 1, 2; 9], судя по составленной мною карте курганов, окрестности Минска были очень интенсивно заселены однородным населением, причем Минск оказывается не у южного края этих скоплений (как было бы, если бы он был пограничным пунктом), а в северной части скопления. В районе р. Лоши (приток Немана) и в самых верховьях р. Случи эти «минские» скопления прерываются, и еще южнее начинаются скопления, которые окружают тесным кольцом турово-пинский город Слуцк. Не приходится сомневаться, что в этом промежутке между «минским» скоплением поселений, относящихся к Полоцкому княжеству, и «слуцким» скоплением Турово-Пинского княжества как раз и проходила граница между Полоцкой и Турово-Пинской землями [3, с. 36—37; 9, рис. 1]. Ни Минск, ни Менское городище (на р. Менке) не стояли у этой границы даже близко, а это означает, что пограничным укреплением минское Замчище быть не могло! Судя по огромной округе поселений вокруг этих двух пунктов, здесь был большой феодальный центр, по-видимому, местного минского князя, для строительства крепости которого и было согнано все население Минского княжества (или, во всяком случае, минской округи, если княжество как таковое возникло позднее). Такого же происхождения, по нашему мнению, было и Менское городище (как и одновременное с ним друцкое на р. Друти). XI век был временем, когда в Полоцкой земле отстраивались мощные крепости — центры удельных княжеств. Более ранние из них возникли в начале XI в.: Друцк, Витебск, Минск. Минск в это время располагался, как мы думаем, на р. Менке (откуда и название), в стороне от торговых путей, и был меньше их по площади. Очень скоро он перестал удовлетворять потребности и был перенесен на современное место, к р. Немиге. Так нам представляется начальная история белорусской столицы. Будущие целенаправленные исследования, вероятно, покажут, кто из нас в этом вопросе прав.

Перед нами — обстоятельный труд, подводящий итоги всему, что теперь удалось изучить по древнейшей истории Минска. Столь полное исследование появилось впервые, значение его переоценить невозможно. Как и во всяком большом исследовании, не все утверждения автора нам кажутся убедительными в равной

мере, кое-что хотелось бы, может быть, расширить (например, рассмотреть историю города на фоне других городов Полоцкой земли, а может быть, и всей Руси того времени), кое-где углубить (минский храм), кое-что кажется еще спорным (утверждение об отсутствии связи Минского и Менского городищ), но и сделанного вполне достаточно: история древнерусского города обогатилась еще одним капитальным исследованием. Пройти мимо него не сможет теперь ни один историк древнерусского раннесредневекового города.

Л. В. Алексеев

ЛИТЕРАТУРА

1. *Загорульский Э. М.* Возникновение Минска. Минск: Изд-во БГУ, 1982.
2. *Тарасенко В. Р.* Древний Минск.— В кн.: Материалы по археологии БССР. Минск: Изд-во АН БССР, 1957.
3. *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. М.: Наука, 1966.
4. *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли (IX—XIII вв). Минск: Наука и техника, 1978.
5. Повесть временных лет. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
6. *Ткачев М. А.* Прорезка вала городища на Менке.— В кн.: Тез. докл. и конф. по археологии Белоруссии. Минск, 1969.
7. *Штыхов Г. В.* Раскопки близ Минска.— АО—1983. М., 1985.
8. *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля.— В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М.: Наука, 1975.
9. *Алексеев Л. В.* Некоторые вопросы заселенности и развитие западно-русских земель в IX—XIII вв.— В кн.: Древняя Русь и славяне (к 70-летию Б. А. Рыбакова). М.: Наука, 1978.
10. *Ширинский С. С.* Ременные бляшки со знаками Рюриковичей из Бирки и Гнездова.— В кн.: Славяне и Русь (к 60-летию Б. А. Рыбакова). М.: Наука, 1968.
11. *Каргер М. К.* Древний Киев. Т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
12. *Журжалина Н. П.* Древнерусские привески-амулеты и их датировка.— СА, 1961, № 2.

В. Ф. Генинг. Объект и предмет науки в археологии. Киев: Наук. думка, 1983. 224 с.

В современной мировой археологии существует две самостоятельные археологические науки: марксистская и буржуазная. Их противопоставление обусловлено различием методологических основ. С одной стороны, диалектический и исторический материализм, с другой — неопозитивизм. Предшествующие неопозитивизму уровни развития методологии (клерикализм, рационализм, позитивизм) укладываются в хронологические рамки развития антагонистических обществ, соответствуют им. Поэтому они не имеют принципиальных противоречий с неопозитивистским мировоззрением, сосуществуют в нем и отчасти включаются в него, образуя в совокупности конкретный мировоззренческий фон развития буржуазной археологии, которая и сформировалась в рамках капиталистического общества как буржуазная наука. Основным рубежом в историографии археологии является формирование советской археологической науки на позициях исторического и диалектического материализма как исторической науки. Методологические различия между советской и буржуазной археологией очевидны на верхних, интерпретационных уровнях процедуры археологического исследования. Они несколько затушевываются на уровнях изучения конкретного археологического источника, однако, и здесь не устраняются полностью, так как характер применения конкретной исследовательской методики обусловлен в конечном итоге методологическими установками верхних уровней. 1920—1930-е годы — период определения советской археологией ее целей и задач, становления самосознания советской археологической науки. Середина 50-х годов, время, когда были преодолены элементы вульгаризации марксизма в археологии — завершение этого процесса.

В последующие годы развития советской археологии происходит интенсивное накопление археологических первоисточников на базе выработанных собственных методологических и теоретических основ. Основным теоретическим итогом этого

этапа развития науки явилась разработка концепции двух уровней в процедуре археологического исследования: эмпирического — археологические исследования в узком значении этого термина и теоретического — исторические реконструкции на базе археологических источников. Поэтому рассматривать этот период как бестеоретический (а такая оценка встречается в литературе) историографически неверно. В то же время для этого периода характерно относительное опережение темпов накопления источников по сравнению с темпами развития методики их изучения и интерпретации, что обусловило необходимость более пристального внимания к вопросам разработки теории науки. При этом важно подчеркнуть, что речь идет о дальнейшем развитии конкретной методологии археологической науки, базирующейся на основах диалектического и исторического материализма, которые являются общей методологией для всех наук исторического цикла.

Потребность в работах по теории археологии велика, поскольку археологи осуществляют свои исследования и сейчас во многом по теоретическим концепциям, разработанным в основном в 30-е годы. Причем эти разработки остались в отдельных статьях теперь уже старых изданий и не были сведены с необходимой полнотой в специальные монографии или учебные пособия. Современные поколения работающих археологов непосредственно не участвовали в разработке этих теоретических основ, не выстрадали их в научных поисках и борьбе идей. Мы получили эти теоретические основы в виде традиции, культуры археологического исследования, не зафиксированной в необходимом объеме в широко читаемой повседневной археологической литературе. Особенно остро это чувствуется в практике преподавательской работы. Современные учебные пособия по археологии ориентированы на характеристику археологических эпох, культур, памятников. Вопросы теории науки в них практически не освещены. Элементарный ход академического рассуждения: археология — наука, всякая наука имеет свои законы, каковы законы археологической науки? К какому источнику адресовать археолога, формирующегося или уже сформировавшегося профессионально, поставившего перед собой такой вопрос? Таких источников практически нет. Таким образом, очевидна потребность в изложении теории науки, хотя бы для прикладных, учебных целей. В то же время опыт такого изложения показывает, что основная масса вопросов науковедческого характера для археологии осталась еще без ответа, что теорию археологии еще надо разрабатывать.

Для 30-х годов можно говорить скорее о разработке теоретических *основ*, принципов советской археологической науки. В настоящее время происходит процесс разработки конкретных проблем (аспектов) теории науки, создание теоретической системы археологического знания.

Ответом на этот теоретический запрос являются рецензируемая книга В. Ф. Генинга [1] и предшествующая ей работа того же автора [2]. Их содержание дополняет друг друга и позволяет уточнить отдельные моменты. Например, разделы «Эволюция взглядов на объект исследования в археологии» [1, с. 101—106] и «Эволюция представлений о специфическом предмете науки в археологии» [1, с. 191—196] являются в значительной мере историографическими. Но главное, что объединяет эти книги и позволяет рассматривать их как целое — теоретическая направленность исследований. Работа 1982 г. имеет подзаголовок «У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии», рецензируемая работа посвящена анализу современного уровня развития науки и дальнейшей разработке ее теории. Общая их направленность — анализ пути от интуитивного уровня развития науки к теоретическому. Стержень исследования — постановка вопроса о специфике археологического знания [1, с. 36 и сл.] и характере ответа на него.

Работы В. Ф. Генинга были подготовлены не только его собственными разработками, но и трудами других исследователей, особенно Ю. Н. Захарука, В. М. Массона, Л. С. Клейна. Следует отметить широкое привлечение автором общесоциологической и философской литературы, что выгодно отличает его исследование от традиционных археологических работ и выводит его за рамки профессионального «провинциализма», широко распространенного во всех науках. Методологическая необходимость такого выхода за пределы своей науки обусловлена тем, что нельзя решать теоретические проблемы науки только ее собственными средствами. Для этого надо выйти на более высокий уровень обобщения, в данном случае на уровень анализа закономерностей развития всего цикла исторических наук, что автору

удалось сделать (в процессе сопоставления археологии и истории), и с позиций этого уровня решать проблемы своей науки, которые в таком рассмотрении становятся частными проблемами, доступными для решения.

Так как многие проблемы теории науки не имеют однозначного решения или даже еще не сформулированы, работы Б. Ф. Генинга носят поисковый характер. На фоне анализа разъяснения точек зрения разных авторов (а эти точки зрения часто противоречивы) автор осуществляет собственный теоретический поиск, определяет свои взгляды. Поэтому работы эти являются дискуссионными не только по их замыслу и форме, но и по характеру конечных умозаключений автора.

Историографическая часть работы в основном уже получила оценку в печати [3, с. 107, 108] и в целом не вызывает дискуссии, за исключением двух моментов. 1. Автор справедливо высоко оценивает вклад группы «нового археологического направления» в развитие теории советской археологической науки. Как убедительно показывает В. Ф. Генинг, деятельность группы способствовала переходу археологии на позиции исторического и диалектического материализма [2, с. 100, 111]. Тем более резко звучит заключение автора о том, что «...сведение восстановления общественно-экономических формаций к тому, чтобы „восстановить по археологическим материалам производительные силы" и методом восхождения перейти к системе производственных отношений, есть не только крайнее упрощенчество, но и сужение предмета науки» [1, с. 64]. Правда, такая оценка дана применительно к трактовке предмета науки. Конечно, правильное определение предмета науки — основное в ее теории, но именно поэтому было бы слишком формально, при всем уважении к науковедению, допускать столь резкие оценки на основании некорректных формулировок сторонников «нового археологического направления» в чисто науковедческой сфере, особенно с учетом того, что эти формулировки делались на начальном этапе развития советской археологии. 2. Не отвечает фактическому положению вещей причисление сторонников «чистой археологии» к неопозитивистскому направлению в мировой археологии [1, с. 168—170], так как практический их вклад в развитие советской археологии, в частности в разработку исторических реконструкций на основании археологических источников, свидетельствует о диалектико-материалистической направленности их работы. Да и сам автор признает, что «необходимость исследования археологических материалов для воссоздания истории прошлых обществ не вызывает сомнения даже у тех, кто ограничивает археологию лишь анализом артефактов, а воссоздание истории отдает предыстории, или протоистории, и социологии. Следовательно, основное внимание в решении проблемы определения цели науки сосредоточивается на вопросе о том, какая это будет история: будет она освещать исторический процесс с идеалистических позиций или в основу рассмотрения его будет положено материалистическое понимание истории, получившее выражение в марксистском учении об общественных формациях» [1, с. 199]. Оценивая позицию сторонников «чистой археологии», скорее можно говорить о разрыве и несоответствии теоретических определений ими науки и их практической исследовательской работы, что еще раз свидетельствует о необходимости решения теоретических проблем на почве практических исследований и в связи с ними. Если бы В. Ф. Генинг затронул эту проблему, а она в его работе вообще не ставится, то тогда оценку теоретических концепций можно было бы отчленить от оценки практической работы их авторов.

В области теории науки для автора характерно стремление обосновывать употребление тех или иных понятий с точки зрения логики науки, науковедения. И тут выясняется, что многие устоявшиеся, привычные понятия оказываются некорректными, например «остатки материальной культуры», и нуждаются в замене, иначе они не могут составить стройную систему скоординированного понятийного аппарата науки. Действительно, термин «остатки предметного мира» предпочтительнее во всех отношениях [1, с. 123—134]. Одна из путеводных нитей исследования В. Ф. Генинга — «В науке каждый термин должен иметь строго фиксированное содержание, которое и позволяет употреблять его однозначно» [1, с. 140]. Но это только путь к главному. Большое место в работе занимают экскурсы в области логики науки, структуры научного знания, в конечном итоге — в область гносеологии археологической науки. В целом работа дает более глубокое представление о процедуре археологического исследования, его сути, правильно раскрывает специфику советской археологической науки и с этой точки зрения является несомненным вкладом в развитие ее теоретических основ Археологическая наука в конеч-

ном итоге предстает в изображении автора как стройная научная система с четко определенными компонентами, организованными по гносеологическим принципам. Основная заслуга В. Ф. Генинга — более глубокая разработка именно гносеологических проблем науки.

Среди них в теоретической разработке остро нуждается относительно узкий раздел археологического науковедения — проблема теоретического обоснования гносеологического перехода от археологического, вещественного первоисточника к познанию исторического процесса прошлых обществ. Эта проблема — ключевая для современного этапа развития науки. Выявление этой проблемы и определение ее ведущей роли является несомненной заслугой автора. Именно проблема соединения двух уровней научного познания в археологии (эмпирического и теоретического) «... в единую научную картину археологического знания истории прошлых обществ составляет на современном этапе развития археологии одну из наиболее актуальных и сложных методологических задач науки» [1, с. 199]. С этой точки зрения особенно важны разделы «Опредмечивание как объективный предмет знания археологии» [1, с. 106—115]. «Закономерности опредмечивания как теоретическая основа изучения исторической действительности прошлых обществ в археологии» и «Марксова концепция опредмечивания сущностных сил человека и возможности применения ее в археологических исследованиях» [1, с. 179—187]. В этих разделах содержится ядро теоретического вклада автора в разработку теории познания археологической науки. В них кратко, но исчерпывающе изложены теоретические основы исторических реконструкций на основе археологических источников.

Проблема опредмечивания выделена и в «Схеме образования источника и его пути в научном познании в археологии» [1, с. 144] как «Теория познания законов опредмечивания человеческой деятельности в различных сферах жизни» — практически неразработанная область археологической науки. Ее разработка составит суть следующего этапа развития теории науки.

Методически важным для определения специфики археологического знания является и раздел «О различиях объектов изучения археологии и истории» [1, с. 115—121]. Этот раздел заслуживает внимания и как наглядный пример стиля и характера исследовательской работы автора. Традиционное разграничение археологии и истории исходя из специфики их источников (вещественные и письменные), верное по форме, по существу не раскрывало «существенных различий процесса познания археологии и истории» [1, с. 187]. Автор углубил, конкретизировал понимание различий между археологией и историей, показал, что между ними «...намечаются различия, исходящие из самой объективной действительности и возможностей познания ее различными науками, а не только с точки зрения формального разграничения источников на письменные и вещественные, как это делалось до сих пор» [1, с. 190]. Но здесь же звучит и недооценка вклада предшественников автора в развитие науки. За «формальным разграничением источников на письменные и вещественные, как это делалось до сих пор», стояли, как показал автор, существенные объективные реальности.

Это один из примеров того, как похвальное стремление к строгости в определении содержания терминов в некоторых случаях закрывает для автора возможность понять своего условного собеседника, в котором автор априори видит непримиримого оппонента. Нельзя требовать от термина абсолютной однозначности именно потому, что «...исторически условны пределы приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но ...безусловно то, что мы приближаемся к ней» (В. И. Ленин. ПСС, т. 18, с. 138). Приближаемся, но никогда не приблизимся абсолютно. Поэтому «человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходя друг в друга... без этого они не отражают живой жизни» (В. И. Ленин. ПСС, т. 29, с. 226, 227). Именно известная незавершенность, неоднозначность понятий, допускающая возможность отдельных нюансов толкования, обеспечивает возможность их постоянного уточнения и развития в процессе познания.

Здесь мы снова сталкиваемся с проблемой соответствия словесного выражения теоретических формулировок и сути исследовательской работы. В археологии этот разрыв еще очень велик и его нельзя не учитывать. Конечно, невозможно требовать от автора разработки еще и этого круга вопросов. Но отказавшись от такого анализа существа и сосредоточившись на трактовках формы, он тем самым обрек себя на излишний схематизм изложения, трудный для восприятия.

Однако не только этим объясняется тот факт, что В. Ф. Генинга не всегда

понимают его коллеги. Основная причина состоит в том, что объектом его исследования является наука, в то время как объектом науки является объективная реальность. Стереотипно мыслящий специалист-археолог в своей работе оперирует реальными предметами, а автор книги — понятиями о них в сфере логики научного познания. Два мира, между которыми имеются значительные объективные различия, затрудняющие взаимопонимание. Больше того, самому автору, как будет показано ниже, не удалось в полной мере навести мосты между этими мирами.

Формулировка проблемы опредмечивания является, как уже отмечалось, основным вкладом В. Ф. Генинга в теорию археологии. Но основной его целью в рецензируемой книге явилось определение объекта и предмета науки.

Существенную особенность концепции автора составляет, как он разъясняет, не только то, что объект и предмет науки взаимосвязаны и меняются на разных уровнях исследования, но и то, что «различие объектов исследования на эмпирическом и теоретическом уровнях познания означает не различие двух объектов, а единый объект на различных уровнях его обобщения и исследования. На эмпирическом уровне исследования — это остатки предметного мира как одного из компонентов социальной системы, а на теоретическом — данное общество в целом, реконструируемое путем изучения его предметного мира» [1, с. 177].

Вопреки желанию автора книги этот четкий по формулировкам абзац не убеждает читателя в том, что объект науки в понимании автора один. В ходе изложения своих взглядов В. Ф. Генинг много внимания уделяет характеристике особенностей объекта и предмета археологии на разных уровнях процедуры археологического исследования. Акценты смещаются, и ведущая идея, с которой мы начали, затушевывается. На первый план выдвигается мысль о *системе* объектов и предметов науки. Эта идея рациональна в том смысле, что она отражает динамику исследовательского процесса и различия в акцентах исследования на каждом его этапе, т. е. она рациональна в гносеологическом аспекте.

Но сразу возникают сомнения в правильности того, что у одной науки может быть несколько объектов исследования. Положение не спасает и то, что каждый из объектов имеет свою терминологическую определенность, отражающую его иерархическое положение: «всеобщий объект науки», «специфический объект исследования», «эмпирический объект исследования» [1, с. 219]. Слишком тонки эти терминологические различия, слишком они неявны. Всюду «объект», и он так и будет восприниматься как основной объект независимо от оговорок автора [1, с. 105] или как система равноценных объектов, как уже пытался интерпретировать Ю. Н. Захарук точку зрения В. Ф. Генинга [1, с. 176]. Так рациональная мысль рискует не быть понята и принята. Положение усугубляется тем, что выделение трех объектов науки как бы повторяет этапы развития объекта науки в процессе ее становления [2, с. 101—106], т. е. автор подготовил почву для упрека в свой адрес за то, что он будто бы механически соединил в одну систему объекты науки, определяемые для нее на разных этапах развития [1].

Точно так же и предмет науки не один. В одном месте — «предмет археологии на эмпирическом уровне познания» [1, с. 157—160] и «на теоретическом уровне познания» [1, с. 160—161], в другом — «специфический предмет археологической науки» [1, с. 177—198]. С одной стороны, предметом науки являются «социальные структуры обществ», «историческое развитие социальных структур» [1, с. 219, 220]. Это как бы два аспекта основного предмета, но, с другой стороны, есть еще и «опредмечивание как объективный предмет знания археологии» [1, с. 106] и оба эти предмета отражены в определении науки [1, с. 219]. И здесь у читателя возникает вопрос: как разграничить «объективный предмет знания науки» и просто «предмет науки»?

Для обоснования своего понимания предмета науки автор обращается к анализу структуры уровней закономерностей общественного развития, различая закономерности высшего уровня как «совокупный предмет истории» и закономерности более низкого уровня как специфические предметы частных исторических наук.

---

[1] Это явление заслуживает специального внимания со стороны историографии археологии. Последовательная смена представлений об объекте науки отражает динамику развития ее познавательных возможностей, постепенное приближение к более объективному отражению действительности.

Согласно этой логической посылке, предметом археологии как частной исторической науки являются «закономерности опредмечивания человеческой деятельности» [1, с. 174, 175].

Что ж, логически все вроде бы и верно. Но какова *практика* археологических исследований? Разъясняя свою логическую схему, автор тут же дает описательное определение науки и четко констатирует: «именно в таком смысле археология, на наш взгляд, *изучает историю конкретных обществ прошлого* через исследование закономерности опредмеченной деятельности этих обществ в различных сферах общественной жизни, остатки которых сохранились в археологических материалах. Именно данная специфика определяет археологию как особую историческую науку. Через исследование материальных остатков различных сфер деятельности *археология выходит на реконструирование исторической действительности конкретных обществ прошлого, исследования закономерности их развития...*» [1, с. 175] (курсив наш.— *М. Г.*). Так что же является предметом науки? История конкретных обществ прошлого и закономерности их развития. А что же тогда «закономерности опредмеченной деятельности этих обществ»? Это, согласимся с автором, средство, источник познания предмета. А может быть, можно классификацию наук строить на основе специфики источника познания предмета или, используя терминологию автора, на основе эмпирического объекта науки? Видимо, можно. Тогда практика не разойдется с теорией.

Читатель вынужден полемизировать с автором. Да, остатки предметного мира являются одним из компонентов прошедшего социума. Именно изучение этого компонента позволяет реконструировать прошедшее общество с максимально возможной полнотой. Из этого следует, что объектом исследования археологии является все-таки конкретное прошедшее общество независимо от уровня процедуры археологического исследования, а остатки его предметного мира — источник, средство, способ и т. п. изучения этого объекта, а не самостоятельный объект.

В чем же суть проблемы? В том, что в сознании автора гносеологическая структура изучения объекта подменила структуру реального объекта и предмета, в то время как они не тождественны. Гносеологическая структура, в данном случае структура процедуры археологического исследования,— это одно, а структура прошедшего социума — это другое. И в тех случаях, когда автор это вдруг понимает, ему приходится противоречить самому себе: «Следует отметить, что в археологии как исторической науке сама теоретическая разработка законов опредмечивания не является гносеологической целью. Данная теория используется в археологии как *средство познания* (курсив наш.— *М. Г.*) конкретно-исторических процессов развития отдельных обществ прошлого» [1, с. 198]. Но средство познания не может быть предметом науки, пусть даже «специфическим».

Гносеологическая структура науки у В. Ф. Генинга разработана хорошо, представлена в цельном виде как система. В этом его заслуга. В этом еще один его вклад в развитие теории археологии. Но перенос этой структуры теории познания на объект и предмет науки и построение в связи с этим структуры объектов и предметов науки является неправомочным.

Каков же путь? Сохраняя представления об этапах исследовательского процесса, его динамике, различая цели и задачи исследования на каждом его этапе, для всей науки определять один конечный объект исследования, или «всеобщий объект науки» (как у В. Ф. Генинга), в данном случае — прошедшее общество. А для специфического и эмпирического объектов нужно выделять другие термины, типа «источник изучения» и т. п. Вот где важна работа с термином! Изменилось бы от такой замены термина понимание существа исследовательского процесса в археологии? Нет. Но понимание этого процесса, как его себе представляет автор, стало бы доступнее. То же касается и предмета. Иными словами, надо избежать смешения структуры изучаемого объекта и предмета структуры процесса их изучения (гносеологической структуры науки).

Исходя из особенностей понимания предмета и объекта археологии строится и определение науки: «Археология — наука, изучающая историческое развитие социальной структуры отдельных древних обществ по закономерностям выражения этого развития в предметном мире данных обществ и сохранившихся от него остатков в археологических памятниках» [1, с. 219]. В полной ли мере удовлетворяет это определение? Нет. Во-первых, в нем не содержится определение методологических основ науки. Во-вторых, если мы соглашаемся с автором в том, что термин «пред-

метный мир» предпочтительнее термина «материальная культура», так как из последнего вроде бы исключаются вещные остатки духовной культуры прошедших обществ, то автор должен согласиться с тем, что в его определении археологии как «...науки, изучающей историческое развитие социальной структуры отдельных древних обществ...» задачи археологии оказываются слишком ограниченными. Почему только «социальной структуры»? А экономической, а духовной, а вещной, а какой-нибудь другой? Автор, возможно, возразит, что термин «социальная» в данном случае надо понимать шире. Он включает все то, что мы перечислили. Видимо, автор так и думает, но так ли его должен понимать читатель? И не в равной ли мере глубоки и правы в своем понимании науки другие исследователи, к формулировкам которых так строг автор? Здесь мы снова сталкиваемся с проблемой определения содержания употребляемых понятий и, что еще важнее, с проблемой их адекватного понимания.

В связи с этим к требованиям, которым должно отвечать определение науки и на которые автор вслед за В. Н. Борзом опирается [1, с. 218, 219], необходимо добавить следующее. 1. Коль скоро в мировой археологической науке существуют две системы знания, по существу две археологии, различающиеся методологическими основами, то в определении обязательно оговорить методологические принципы науки. 2. Формулируя суть науки, определение должно быть простым, доступным пониманию всех практикующих и обучающихся археологов, а не только науковедов, приближаться к среднему уровню науки, да простит меня автор, стремящийся к вершинам познания. В данном случае не надо это понимать как призыв к упрощению, к примитивности. С точки зрения науковедения неизбежно, чтобы определение допускало некоторую широту толкования, допускало определенные нюансы понимания науки широкими кругами исследователей. Только тогда оно может быть принято и получить признание. В противном случае оно будет частным, а не всеобщим определением. 3. Никакое определение не может быть исчерпывающим в силу лаконичности обобщающей формулировки. Поэтому оно должно дополняться кратким пояснением, уточняющим и разъясняющим суть науки.

Исходя из изложенных замечаний, опираясь на позитивный вклад рецензируемой работы, мне представляется предпочтительнее следующая редакция определения, внешне более близкая традиционной.

Археология — историческая наука, изучающая закономерности функционирования и развития конкретных прошедших обществ путем изучения остатков их предметного мира и исторических реконструкций на основе диалектического и исторического материализма.

Объект науки — прошедшее общество.

Источник познания (компонент объекта науки) — остатки предметного мира прошедших обществ.

Специфические закономерности функционирования и развития объекта, обеспечивающие адекватность его познания частной исторической наукой археологией — закономерности опредмечивания процесса жизнедеятельности прошлых обществ.

Способ познания — археологические исследования (в узком значении этого термина) и исторические реконструкции на основе диалектического и исторического материализма, составляющие два уровня процедуры археологического исследования: эмпирический и теоретический.

Предмет познания (гносеологическая цель науки) — конкретно-исторические закономерности развития прошедших обществ.

С выходом в свет работ В. Ф. Генинга [1, 2] появились две первые монографии, специально посвященные и становлению советской археологии, и анализу ее теоретических основ на современном этапе. Еще нельзя ответить на вопрос, каковы законы археологической науки, но существенно сузилась сфера поиска ответа на него. Не все в этих работах можно принять, не все формулировки достаточно четки, имеются лакуны в разработке проблем, но основы теории советской археологии сведены воедино и сформулированы. Теперь по крайней мере есть к чему адресовать интересующихся читателей, есть предмет для обсуждения.

Прояснился и еще один вопрос, который часто задают коллеги-археологи (устно!): нужна ли методология археологии, коль скоро мы располагаем общеисторической методологией? Жизнь на него ответила, она есть. Наступило время, когда развитие науки достигло таких рубежей, на которых приобретают самостоятельное значение теоретическая и эмпирическая (экспериментальная) области ее знания и

рядом с классическим типом археолога-полевика возникает фигура археолога-теоретика, которые не всегда смогут найти общий язык (как и в других науках, достигших уровня зрелости),— такова диалектика познания.

М. И. Гладких

ЛИТЕРАТУРА

1. *Генинг В. Ф.* Объект и предмет науки в археологии. Киев: Наук. думка, 1983.
2. *Генинг В. Ф.* Очерки по истории советской археологии. Киев: Наук. думка, 1982.
3. *Бібіков С. М., Бунятян К. П.* Радянська археологія: закономірності развитку (Рец. на кн.: Генинг В. Ф. Очерки по истории советской археологии. Киев, 1982. 225 с.) — Вісник Академії наук Української РСР, 1983, № 11.

Древний Новгород: История. Искусство. Археология. Новые исследования/Сост. С. В. Ямщиков. М.: Изобраз. искусство, 1983. 360 с., 144 ил.

Рецензируемый сборник включает в себя статьи, очень разные по затрагиваемым в них конкретным сюжетам и даже по характеру изложения, но тем не менее каждый раз непосредственно относящиеся к разработке одной общей большой и актуальной научной темы, а именно к всестороннему изучению исторических судеб и художественного наследия Великого Новгорода — одного из важнейших политических и культурных центров Древней Руси. Объектами исследования в них выступают как общепризнанные шедевры древнерусского искусства и связанные с ними иконографические материалы, так и характерные образцы массового археологического материала.

Сборник открывается большой вступительной статьей С. В. Ямщикова «Город-музей» (с. 5—81), представляющей собой удачное соединение научно-популярного очерка и литературно-художественного эссе. Это повествование художника-реставратора, приглашающего в увлекательное путешествие по памятникам архитектуры Новгорода и его ближайших окрестностей. В нем сочетаются профессиональный взгляд и остроэмоциональный подход, тонкое эстетическое восприятие художественных явлений и глубокое осознание долга человека, сопричастного к делу сохранения и воссоздания ценнейших образцов национального культурного наследия. Читатель найдет здесь рассказ о трех десятилетиях реставрационных работ в Новгороде, а также небольшой экскурс в историю новгородской средневековой живописи и декоративно-прикладного искусства. Хорошие фотографии, в основном цветные, отлично иллюстрируют и отчасти дополняют текст статьи.

В отличие от С. В. Ямщикова, постаравшегося дать общее представление об истории и художественной культуре Новгорода феодального периода, В. Л. Янин, крупнейший научный авторитет в данной области и глава Новгородской археологической экспедиции, подробно рассказывает об одном из интереснейших открытий археологов — обнаружении мастерской художника XII в. (с. 82—110). Ранее о нем уже публиковались и более краткие сообщения, ему же посвящена целая монография [1]. Однако В. Л. Янин не ограничивается пересказом своих прежних работ на этот сюжет и, возвращаясь к нему в очередной раз, продолжает, как ему всегда свойственно, исследование. Так, самое важное звено в системе аргументации в пользу отождествления владельца усадьбы, исследованной в Троицком раскопе на протяжении пяти сезонов — 1973—1977 гг., Олисея Гречина (который являлся одновременно художником, священнослужителем и, вероятно, членом смесного суда) с игуменом Юрьева монастыря в 1226—1231 гг. Саввой Гречином он подкрепляет результатами предварительных наблюдений над палеографией автографов на бересте и пергамене (с. 109).

Присутствие статьи В. Л. Янина в рецензируемом сборнике весьма знаменательно и в том отношении, что она вновь преподает исследователям русского средневековья урок того совершенно необходимого на современном этапе развития исторической науки комплексного подхода к имеющимся в нашем распоряжении источникам различных видов [2, с. 20, 239], который, к сожалению, пока освоен искусствоведами в меньшей степени, нежели историками. Остальные статьи сборника представляют собой штудии узкоспециального, исследовательского и публикационного характера.

Г. Н. Бочаров в статье «Резьба по кости в Новгороде (X—XV века)» предпри-

нял попытку проследить основные этапы развития новгородского косторезного искусства (с. 111—140). Свой краткий обзор исследователь строит по принципу выборочного рассмотрения отдельных памятников, характеризующих главные тенденции этого процесса и служащих его хронологическими вехами. Данная работа по тематике повторяет одну из глав в монографии того же автора [3, с. 97—107]. Однако статья в рецензируемом сборнике представляет собой совершенно новый текст, в котором существенно развита исследовательская часть.

Несомненно, справедлива мысль автора статьи о возможном влиянии на творчество новгородских косторезов западноевропейских, византийских и скандинавских образцов. Столь же верно отмечена им и роль местных художественных традиций, а также связь многих применяемых мастерами изобразительных мотивов с фольклорными образами и народными вкусами. В то же время некоторые суждения Г. Н. Бочарова вызывают возражения.

Хотя отдельные примеры, приводимые исследователем, действительно могут указывать на использование некоторыми косторезами (вероятно, работавшими больше по другому материалу) навыков резьбы по дереву и гравировки по металлу, это вовсе не означает того, «что косторезное ремесло в X—XI веках еще не обрело самостоятельности» (с. 112). Ведь, как известно, существовало несколько разрядов бытовых изделий, традиционно и в силу специфики материала изготовлявшихся испокон веков именно из кости: проколки, булавки, тонкие декоративные накладки и т. п.

Особое внимание автора статьи привлекает известный памятник из ризницы Софийского собора в Новгороде — так называемый посох Геронтия. Г. Н. Бочаров называет его «высшим достижением новгородских косторезов» (с. 137). При этом он существенно пересматривает свою первоначальную датировку посоха (1401 г.) и считает его заказчиком уже не одного из новгородских епископов, а московского митрополита (в 1473—1485 гг.) Геронтия (причем предлагается также версия о дарении его Геронтию новгородцами). Г. Н. Бочаров также указывает на аналогии посоху — «три (на самом деле — два.— *Авт.*) костяных посоха» из собрания Оружейной палаты. Не имея ничего против таких уточнений, отметим, что все они несколько ранее и с той же аргументацией (включая ссылку на Макария) были сделаны другим автором [4, с. 94—115].

Однако приняв новую датировку и указанные аналогии, Г. Н. Бочаров все же стремится сохранить существо своей первоначальной атрибуции и продолжает говорить о новгородском происхождении посоха. Но если последний был изготовлен для московского митрополита, то новгородское происхождение вещи нужно как-то аргументировать. Между тем единственный аргумент в пользу новгородского происхождения посоха — то, что он хранится в этом городе в настоящее время. По Г. Н. Бочарову, получается, что посох московского митрополита вернулся в Новгород потому, что он был сделан новгородцами. Между тем это обстоятельство на самом деле не могло оказывать никакого влияния на дальнейшую судьбу посоха.

Посох Геронтия, как и близкие к нему по декору посохи Оружейной палаты, очевидно, происходят из одного центра и сделаны не в Новгороде, а в Москве. Другое дело, что среди кремлевских мастеров в конце XV в. могли быть люди самого различного происхождения, в том числе и новгородцы.

К сожалению, описание деталей посоха Геронтия Г. Н. Бочаровым страдает рядом неточностей. На золоченых яблоках посоха, вопреки его утверждению, нет китоврасов. Позднейшая надпись на верхней части посоха, подвергшейся ремонту в начале XVIII в., дана с искажениями: неверно воспроизводится дата от Рождества Христова (1710, а не 1703 г.) и пропущено имя мастера (Иван).

По непонятным причинам детали резьбы посоха Геронтия, о которых много говорится в тексте, не вошли в число иллюстраций. Фото общего вида посоха вызывает недоумение. Действительно, если сравнить его с видом верхней части того же посоха в более ранней публикации Г. Н. Бочарова (и другими воспроизведениями), то становится ясно, что на рис. 84 (с. 132) представлен какой-то другой епископский посох. Такая небрежность по отношению к памятнику, который автор считает «высшим достижением новгородских косторезов», представляется досадным упущением.

Ю. И. Гренберг в своей статье (с. 141—164) знакомит с результатами анализа знаменитой живописной композиции «Константин и Елена» в Мартириевской паперти новгородского Софийского собора, которая представляет собой типичный пример

всем известного, можно сказать хрестоматийного памятника, в то же время, по сути дела, никогда не подвергавшегося серьезному изучению. Теперь впервые получены точные и объективные данные об этой настенной росписи. Ее технологическое исследование производилось в 1977—1978 гг. Оно с полной определенностью показало, что здесь «техника живописи, подбор пигментов и система построения красочного слоя не типичны для известных произведений древнерусской живописи», но зато «во всем строе живописи „Константина и Елены" явно ощутима связь с технологическими принципами романской живописи Северо-Западной Европы» (с. 152). Стилистические особенности росписи — плоскостная трактовка формы и ее монументализация — также указывают на ее романское происхождение. Проанализировав пробы обмазки с остатками красочного слоя с южной стены Софийского собора и стен Мартириевской паперти, автор статьи приходит к хорошо обоснованному заключению о том, что дошедшие до нас изображения святых Константина и Елены входили составной частью в значительную по площади роспись храма, выполненную в характерной технике клеевой живописи по тонкому белому грунту скорее всего в середине или второй половине XII в. (но не ранее 1144 г.).

Статья Н. А. Киселева «Орнамент малоизвестной новгородской рукописи XII века» (с. 165—187) посвящена рассмотрению декоративного оформления хранящегося в Типографском собрании ЦГАДА рукописного Евангелия. Оно входит в круг древнерусских и южнославянских памятников зрелой тератологии. Автор детально анализирует орнамент рукописи последней четверти XII в., в которой использовались инициалы и заставки как тератологического, так и старовизантийского облика, подробно разбирает их особенности. Наиболее интересны результаты наблюдений над закономерностями распределения инициалов и заставок в рукописи. Оказывается, что при чередовании тератологических и более простых, старовизантийских инициалов мастер (писец?) руководствовался церковным календарем, причем старовизантийские инициалы открывали чтения в постные дни, а тератологические соответствовали «периодам известного ослабления предписанного церковью режима обуздания плоти» (с. 182). Это чрезвычайно интересное наблюдение показывает, что образы тератологии мыслились как подчеркнуто мирские, плотские. Мысль о том, что образная символика тератологического орнамента могла ассоциироваться не только с «идеей победы и конечного торжества христианского вероучения над противоборствующими ему стихиями мира» (с. 170), кажется весьма плодотворной. Несмотря на то, что указанная закономерность прослежена пока лишь на единичном памятнике, подкрепляющая ее аргументация Н. А. Киселева представляется весьма убедительной. Сделанные наблюдения необходимо учитывать при любых новых попытках изучения семантики тератологической орнаментики Древней Руси.

Представляют интерес и некоторые выводы исследователя более общего характера, касающиеся происхождения и судеб тератологического орнамента в Балканском регионе и на Руси: например, «о древнем восточноболгарском источнике тератологии зрелого типа в русской письменности в целом» (с. 180) или о возможности отдельных случаев обратного влияния, при превалирующей зависимости художников древнерусской книги от южнославянских образцов (с. 171). Как подчеркивает Н. А. Киселев, звериная орнаментика приобрела особую популярность в Новгороде (ее расцвет здесь относится к XIII—XIV вв.) и уже отсюда она распространилась затем на другие рукописные школы Древней Руси.

К вопросу об истории и семантике книжной тератологии обращается в своем объемном исследовании и Н. К. Голейзовский (с. 197—247). Его работа представляет собой очередную попытку расшифровки смыслового значения тератологического орнамента. Поскольку этот орнамент, с одной стороны, представлен очень яркой и крупной серией памятников, а с другой — может рассматриваться как наиболее самобытное явление в древнерусском прикладном искусстве, сама постановка вопроса имеет первостепенное значение.

Н. К. Голейзовский полемизирует с чрезвычайно широким кругом специалистов, большинство из которых он при этом даже не называет. По его мнению, нельзя согласиться ни с теми исследователями, которые видят в тератологическом орнаменте языческую символику, ни с теми, кто видит в нем отражение ересей и околоеретических представлений, ни с теми, кто рассматривает тератологию как чисто декоративный стиль. Автор статьи твердо убежден в том, что именно ему удалось наконец расшифровать общее идейно-художественное содержание «чудовищной»

декорировки и конкретный смысл отдельных орнаментально-сюжетных композиций в оформлении древнерусских рукописных книг.

Построения Н. К. Голейзовского поначалу подкупают своей кажущейся простотой. Действительно, если господствующей идеологией в Древней Руси была церковная, аскетическая, а само содержание большинства книг, в которых имеются тератологические инициалы и заставки,— религиозное, значит, смысловое значение подобной орнаментики должно находиться в полной гармонии с указанным контекстом. Идея как будто простая и весьма привлекательная. Однако почему-то она не возникала в умах ученых XIX в., хорошо знавших и церковную литературу, и средневековое искусство в целом (например, у Ф. И. Буслаева).

Все дело, конечно, в том, что она явно противоречит самому исследуемому материалу, хорошо всем известной сюжетике тератологии. И чтобы снять это очевидное противоречие, Н. К. Голейзовский постулирует необходимость сугубо иносказательной трактовки всех тератологических мотивов (предполагая использование в них сложной обратной символики по принципу полного неподобия в сочетании с постоянным обращением к традиционным приемам средневекового схоластического толкования образов) и отрицает возможность их прямого понимания. Такая методическая установка открывает перед автором широкие возможности для самой вольной интерпретации даже наиболее конкретных сюжетов.

Приняв концепцию Н. К. Голейзовского, к ней можно довольно легко приспособить любые факты. Вот характерные примеры. Одетый человек обливается из бадьи — это идея очищения, обновления, крещения (с. 234). Любые атрибуты в руках человеческих фигур, все детали их одежды могут быть навеяны библейскими и иными христианскими текстами, где они символизируют добродетели и т. п. Чудовища, кусающие самих себя и друг друга — это ... тело церкви, что подтверждается несколько неожиданной цитатой «каждая добродетель есть матерь другой добродетели» (с. 243, примеч. 84). Сцены терзания «могли иметь и евхаристический аспект» (с. 221). Кстати, в средние века последняя интерпретация скорее всего была бы воспринята как кощунство.

Все вышесказанное, несмотря на явные усилия исследователя втиснуть факты в прокрустово ложе новой теории, нельзя считать в принципе невозможным. Слабость построения Н. К. Голейзовского не в том, что оно находится за пределами вероятного, а в том, что в его пользу им не приведено ни одного веского аргумента, кроме общих соображений.

Но и такой, казалось бы, трудно опровергаемый из-за неопределенности критериев подход сразу же обнаруживает свою методическую слабость, как только он сталкивается с конкретным материалом. И тогда возникает курьезная ситуация. Так, в бранном диалоге двух тянущих невод рыбаков (в знаменитом инициале «М» Фроловской псалтыри) Н. К. Голейзовский, увлекшийся благочестивым истолкованием всей сцены как «церковной мрежи» («сети, уловляющей человеческие души») в руках не простых «рыбарей», а апостолов Петра и Андрея, усматривает упоминание тельца — искупительной жертвы в словах «корвин сын» (с. 222), хотя они означают в действительности не «коровин сын» (т. е. теленок, телец), а «сын блудницы» ([5, с. 135]; см. статью «Курвин», где приводится именно этот пример).

Н. К. Голейзовскому, по-видимому, представляется очевидным, что носителями назидательного содержания в искусстве могут быть только положительные образы. Между тем в средневековом искусстве аскетическая мораль нередко воплощалась также с помощью образов отрицательного, комического и даже демонического характера. Такие сюжеты и образы широко распространены в западноевропейских рукописях богослужебных и священных книг. При этом их основное значение никогда не подвергалось столь изощренному перетолковыванию.

Если принять концепцию Н. К. Голейзовского, то заставки и инициалы тератологического стиля по своему духовному содержанию не уступают иконам. Однако что в таком случае мешало представить те же идеи в образах традиционной иконографии? Такие инициалы известны в Византии, встречаются и на Руси (Юрьевское евангелие). Почему мы не находим тератологического декора на иных предметах богослужебного назначения кроме книг? Наконец, если тератологический декор был столь сильно насыщен богословскими и этическими идеями ортодоксального характера, то чем объяснить, что он сразу исчезает в русских рукописях на рубеже XIV—XV вв., в эпоху расцвета монастырей и их культурной деятельности?

Правильное понимание смысла тератологии, очевидно, невозможно без уяснения ее происхождения. Между тем последнее Н. К. Голейзовского вообще не интересует. В то же время если обратиться к более отдаленным истокам русского тератологического орнамента и сходных явлений в искусстве других европейских народов, то придется констатировать, что генетически они восходят к традициям художественной культуры варваров-язычников эпохи переселения народов. Следовательно, христианское содержание могло накладываться на тератологическую орнаментику только в качестве вторичного слоя, в процессе деградации древнейшей символики.

Методическое несовершенство работы Н. К. Голейзовского отразилось и в пренебрежительном отношении к иконографии,— он не ищет источников образов и композиций, хотя в некоторых случаях их можно найти без особого труда. Показательно, что он не пытается конкретно сопоставить заставки и инициалы с прилегающим текстом, хотя в отдельных случаях [6, с. 159] этим способом иногда можно проследить наличие несомненной связи между изображением и текстом.

Обходит Н. К. Голейзовский и вопрос о чертах тератологии за пределами книжности — в прикладном искусстве. Между тем здесь она связана с предметами светского назначения, соседствует с подчеркнуто светской сюжетикой. Следовательно, для всей русской тератологии, как единого целого, чисто церковная трактовка не подходит.

Думается, что человеческие фигуры в тератологической орнаментике вполне сознательно наделялись снижающими чертами бытовизма. Об этом свидетельствуют сопровождающие их надписи («огонь руки греет» и др.). Для Н. К. Голейзовского подобная трактовка совершенно неприемлема, но она находит свое подтверждение в приписках, сделанных на полях богослужебных книг русскими писцами: «черес тын пьют, а нас не зовут», «родиша свиния порошата» и т. п. Такие приписки вполне созвучны многим тератологическим инициалам и подписям к ним. Бытовые черты тератологического декора действительно требуют какого-то объяснения с тем, чтобы увязать их с официальной церковной идеологией. Можно предположить, что в таких случаях писцы сознательно смиренно противопоставляли свое творчество и его низменное содержание (а шире — земную жизнь) смыслу священных книг.

Н. К. Голейзовский исходит из предположения о высокой степени насыщенности тератологического декора смысловым содержанием. Между тем это не бесспорно; более того, есть возможность составить более конкретное представление о том, сколь высока была эта степень. Здесь может помочь сравнительный анализ, сопоставление тератологического орнамента и его образов и сходных сюжетов в прикладном искусстве. Ряд наблюдений, в частности, свидетельствует о том, что идеологическая значимость тератологических инициалов была меньшей, чем, например, рельефов на фасадах соборов Владимиро-Суздальской земли XII—XIII вв. (что, впрочем, вполне естественно).

Отметим еще одно уязвимое место в построениях Н. К. Голейзовского. По его мнению, декор северорусских рукописей XIII—XIV вв. является своего рода воплощением учения «Дионисия Псевдо-Ареопагита» (так у Н. К. Голейзовского) о «принципе неподобия», «неподобном подобии» (с. 200, 201 и далее). При этом не только территориальный, но и хронологический разрыв между возникновением этого учения и его воплощением в книжной орнаментике оказывается необъяснимо большим. Очевидно, что для того, чтобы связь столь разобщенных и разнородных культурно-исторических явлений могла рассматриваться как нечто достоверное, она должна быть подкреплена указанием на существование неких связующих звеньев, заполняющих эту лакуну. Между тем в статье Н. К. Голейзовского, при всей солидности ее справочного аппарата, нет даже никакой попытки восстановления этой цепи.

Л. И. Лифшиц в статье «Об одной ктиторской композиции Нередицы» (с. 188—196) обращается к вопросу, давно привлекающему внимание исследователей, пытаясь разгадать значение некоторых изображений святых в росписи храма Спасо-Нередицкого монастыря 1199 г. (Иоанна Предтечи и св. Марфы, преподобного Мартирия и Иоанна Воина, двух святых Никифоров). Изучение патрональных сюжетов на памятниках древнерусского монументального искусства, станковой живописи и мелкой пластики имеет давнюю традицию. Трудно переоценить значение подобного рода штудий для атрибуции и верной интерпретации выдающихся произведений мастеров средневекового Новгорода — живописцев, резчиков по кости и

камню, торевтов [1]. Важно только помнить, что любые отождествления святых в ктиторских композициях с патронами тех или иных исторических персонажей становятся доказательными лишь тогда, когда они подкрепляются всей совокупностью наличных фактов [2].

К сожалению, гипотетические построения Л. И. Лифшица (поначалу не лишенные известной привлекательности, но затем рождающие ряд трудноразрешимых противоречий) пока не могут быть по-настоящему проверены, ибо исследователь отказывается от рассмотрения всей системы размещения патрональных изображений святых в нередицких росписях [3], сознательно ограничиваясь предположительной атрибуцией всего четырех — шести из них [4]. В то же время для принятия точки зрения автора статьи требуется пересматривать произведенное в свое время В. Л. Яниным определение группы новгородских булл [11, с. 114, 125, № 189—192]. Однако для такой переатрибуции, на наш взгляд, нет пока достаточных оснований.

Произведенный В. А. Плугиным в статье «Боярин Василий Данилович Машков и Феофан Грек» (с. 248—270) анализ сюжетики знаменитых фресок церкви Спаса на Ильине улице в Новгороде позволяет установить несомненную связь постройки храма с драматическими событиями 1370-х годов. Храм был возведен и расписан Феофаном Греком по заказу видного новгородского боярина В. Д. Машкова [5] и ильинских уличан, по-видимому, действительно в память о новгородцах, погибших в 1372 г. при разгроме Торжка великим князем тверским Михаилом Александровичем. И хотя не все аргументы исследователя могут быть приняты безоговорочно (например, далеко не бесспорна, хотя и очень заманчива, его интерпретация надписи вокруг изображения Пантократора в куполе церкви Спаса как прямо указывающей на скорбь об «окованных» и «умерщвленных» врагами новгородских воинах), плодотворность его подхода сомнений не вызывает.

Ю. Г. Малков в статье «Фрески церкви Рождества „на поле" в Новгороде и их „пророческий чин"» (с. 271—294) имел целью уточнить иконографический состав известного фрескового ансамбля 1380-х годов. Особенно подробно он разбирает цикл изображений ветхозаветных праведников и пророков. Исследователь акцентирует внимание на соединении в рассматриваемых росписях южнославянских влияний и местной художественной традиции, что характерно и для некоторых других выдающихся произведений монументальной живописи Новгорода конца XIV — начала XV в. и является проявлением общей тенденции переходного для искусства Древней Руси периода сложения нового стиля в творчестве крупнейших мастеров-фрескистов.

Публикация В. М. Ковалевой «К вопросу об изменении первоначальной цветовой гаммы некоторых памятников монументальной живописи XII—XV столетия» (с. 295—313) содержит интереснейшие сведения, полученные в ходе реставрационных работ и архитектурно-археологических исследований ряда новгородских храмов (Николо-Дворищенского собора, церкви Федора Стратилата, церкви Спаса на Ильине улице, церкви Симеона в Зверине монастыре, Знаменского собора), а также церкви Успения в Мелетове и Успенского собора Московского Кремля. Следует при-

---

[1] Достаточно упомянуть в данной связи хотя бы исследования известных новгородских икон [2, с. 182—192; 7, с. 267—271] или установление личности заказчика Большого Софийского Сиона [8, с. 28, 29; 9, с. 15—16], которым оказался посадник Якун Мирославич (конец 30-х — 50-е годы XII в.).

[2] Требование проявлять предельную осторожность в обращении с исходным материалом при отыскании патрональных сюжетов в мелкой пластике [10, с. 10], безусловно, должно распространяться и на все другие виды древнерусского искусства.

[3] Ранее предлагалась более обстоятельно аргументированная их атрибуция [1, с. 157—164].

[4] При этом по два различных святых сразу оказываются у Л. И. Лифшица в одно и то же время патронами и новгородского князя Ярослава Владимировича, и киевского митрополита Никифора II.

[5] Предположение В. А. Плугина (с. 266, прим. 2) о том, что славенский боярин Василий Данилович Машков принадлежал к семье, давшей Новгороду в XIV в. трех посадников — Данилу (1327—1328) и его сыновей Федора (1335—1351) и Михаила (1372—1392) Даниловичей, ранее относимых к числу представителей в новгородском посадничестве Славенского конца [12, с. 182], в свете уточненных летописных данных о их принадлежности к боярству Прусской улицы [13, с. 141] само собой отпадает.

знать, что ранее художественно-стилистический анализ древнерусских стенописей производился искусствоведами обычно без учета возможных изменений их цветности под воздействием тех или иных факторов: неблагоприятных атмосферных условий (повышенной влажности, наличия в воздухе разного рода засорителей), перегрева при пожарах, недостаточно внимательного отношения средневековых художников к особенностям техники и технологии настенной живописи. Во многих случаях нынешняя цветовая гамма росписей в корне отличается от первоначальной. Объективные данные на этот счет дают спектральный анализ, химические пробы и тщательное визуальное обследование красочного слоя и штукатурного грунта под живопись. Наиболее ясно изменение колорита и его причины видны там, где различные части одной и той же живописной композиции ныне резко отличаются одна от другой, имея контрастную цветовую границу (это наблюдается, например, когда первоначальная цветовая гамма сохранилась на участке росписи, давно закрытом последующими закладками и т. п.). Подтверждают выводы о роли пожаров, столь часто упоминаемых в русских летописях, в искажении облика древних фресок результаты экспериментов по термообработке образцов сохранившейся краски из заведомо неповрежденных огнем фрагментов росписей в апсиде церкви Спаса на Ильине улице. После прокаливания образцов трансформация пигментов дала тот же набор цветов, который характерен для данных стенописей в их современном виде. Таким образом, искусствоведы должны теперь совсем иначе представлять себе колористические особенности живописи не только целого ряда известных фресковых ансамблей, но даже такого прославленного мастера-монументалиста, как Феофан Грек.

Э. А. Гордиенко в статье «„Покров" в новгородском изобразительном искусстве» (с. 314—337) постаралась проследить истоки того иконографического извода указанного сюжета, который получил распространение в искусстве средневекового Новгорода. В качестве его «наиболее типичного и законченного образца» подробно рассматривается икона «Покров» из Зверина монастыря (около 1399 г.). Исследовательница указывает на литературные источники этого варианта иконографической схемы. Они обнаруживаются в рассказе о чуде Богоматери, помещенном в Кратком нестишном прологе новгородской редакции первой половины XIII в. Справедливость этого вывода Э. А. Гордиенко подтверждают и явные следы цитирования пролога в сопроводительных надписях на ряде иконописных и фресковых композиций «Покрова» XIV—XVI вв.— упоминание там о молении Богородицы «за весь мир» в отличие от другой версии, представленной в житии Андрея Юродивого, где Богоматерь — «госпожа и царица всего мира» (именно эта разница в описании виде́ния святых Андрея и Епифания нашла отражение в характерных отличительных чертах новгородского извода данной темы — размещении покрова над главой Оранты, явившейся святым в трехнефном купольном храме, и появлении в верхней части композиции фигуры благословляющего Христа). Второй литературный источник обнаружен в тексте Службы Покрову, где центральным также был мотив молящейся Богоматери. Автор статьи указывает на тесную связь праздника Покрова, как и почитания знаменитого палладиума Новгорода — иконы «Богоматерь Знамение», с культом Софии — небесной покровительницы Новгородской республики. По мнению исследовательницы, архаизирующий стиль сцен «Покрова», относящихся к XIV в., возможно, связан с обращением к образцам более раннего времени и это заставляет предполагать появление первых вариантов данной иконографической схемы уже в конце XII — начале XIII в.

В завершающей сборник второй статье Ю. Г. Малкова «Новгородская земля в рисунках Антониса Хутеериса (1615 год)» (с. 338—353) публикуются восемь гравюр с изображениями различных мест Новгородчины такими, какими они выглядели в середине 10-х годов XVII в. Эти гравюры воспроизводят авторские рисунки одного из членов голландского посольства в Россию 1615—1616 гг., отчет о котором был издан в 1619 г. в Гааге. Они представляют значительный интерес для историков русской архитектуры, так как в одних случаях оказываются наиболее ранними видами известных крепостных сооружений и культовых построек (например, ансамбля Ивангородской крепости), в других — дают возможность составить представление о некоторых исчезнувших или перестроенных памятниках зодчества (Никольского собора 1436—1438 гг. и других зданий в Николо-Вяжицком монастыре, деревянной церкви в с. Романово). Крайне любопытны также изображение типичной древ-

нерусской гати в заболоченном лесу и панорама небольшого сельского поселения (д. Глебово).

В заключение необходимо отметить, что появление таких тематических научных сборников, каковым является рецензируемое издание, несомненно, следует приветствовать, ибо они не только хорошо отражают общую картину современного состояния изучения всей совокупности проблем истории и культуры средневекового Новгорода (где помимо крупных достижений и успехов остается немало нерешенных и спорных вопросов), но и может послужить важным дополнительным импульсом для их дальнейшей разработки.

А. А. Молчанов, А. В. Чернецов

ЛИТЕРАТУРА

1. *Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л.* Усадьба новгородского художника XII в. М.: Наука, 1981.
2. *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М.: Высш. шк., 1977.
3. *Бочаров Г. Н.* Прикладное искусство Новгорода Великого. М.: Наука, 1969.
4. *Чернецов А. В.* Три резных посоха XV века.— СА, 1980, № 2.
5. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 8. М.: Наука, 1981.
6. *Рыбаков Б. А.* Антицерковное движение стригольников.— Вопр. истории, 1975, № 3.
7. *Янин В. Л.* Патрональные сюжеты и атрибуция древнерусских художественных произведений.— В кн.: Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Искусство и культура. Сб. статей в честь В. Н. Лазарева. М.: Наука, 1973.
8. *Молчанов А. А.* Новгородские посадничьи печати с изображением княжеских знаков.— В кн.: Проблемы истории СССР. Сб. IV. М.: Изд-во МГУ, 1974.
9. *Молчанов А. А.* Знаки княжеской собственности в политико-административной и хозяйственной жизни Древней Руси. Автореф. канд. дис.: Ист. фак. МГУ, 1976.
10. *Рындина А. В.* Древнерусская мелкая пластика. Новгород и Центральная Русь XIV—XV веков. М.: Наука, 1978.
11. *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. I. М.: Наука, 1970.
12. *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М.: Изд-во МГУ, 1962.
13. *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина (историко-генеалогическое исследование). М.: Наука, 1981.

Археология Новгорода. Указатель литературы, изданной с 1917 по 1980 гг. Сост. П. Г. Гайдуков. М.: Изд-во МГУ, 1983. 223 с.

Археологическое изучение Новгорода по праву занимает одно из ведущих мест в славяно-русской археологии. В первую очередь это связано с той огромной ролью, которую сыграл город в истоке Волхова в судьбах ильменских славян и становлении государственности и русской культуры на севере Руси. Нельзя не отметить и прекрасную сохранность древних городских слоев, обусловленную сочетанием ряда благоприятных природных факторов. Однако эти потенциальные возможности исследования Новгорода так и остались бы нереализованными, если бы не значительные успехи новгородской археологии последних десятилетий.

В 1932 г. Новгород первым из древнерусских городов стал объектом широких систематических исследований советских археологов. Раскопки города, начатые А. В. Арциховским, успешно продолжаются уже более 50 лет. За это время усилиями в первую очередь Новгородской экспедиции Московского государственного университета, Института археологии АН СССР и Новгородского музея накоплен богатейший материал о древнем городе, получены уникальные данные для разработки археологической хронологии и типологии. Вместе с тем такие блестящие научные открытия, как обнаружение сотен берестяных грамот, «непосредственным образом сомкнуло специфические задачи археологии с вопросами, традиционно входившими в круг исследований историков», и тем самым именно раскопки в Новгороде, прежде всего его крупнейший Неревский раскоп, стали «первым и достаточно прочным мостом, соединившим средневековую археологию со средневековой историей», и направили «археологическую программу к решению не специфических задач истории материальной культуры, а достаточно существенных проблем исторической науки» [1, с. 6 и сл.; 2, с. 33 и сл.].

Ежегодно археология Новгорода стремительно расширяет круг источников, вводит в научный оборот все новые и новые материалы, соответственно растет число исследований по археологии города, расширяется их тематика. Количество опубликованных работ таково, что в настоящее время на повестку дня стала полная систематизация библиографии по археологии Новгорода.

Подобным трудом и является библиография, составленная П. Г. Гайдуковым и охватывающая всю археологическую литературу по Новгороду за период с 1917 по 1980 г. Книга была задумана как библиографический указатель работ Новгородской археологической экспедиции, и ее издание приурочено к 50-летнему юбилею создания экспедиции (1982 г.). Однако в процессе работы указатель перерос рамки первоначального замысла и охватил все исследования по археологии Новгорода начиная с 1917 г., что, несомненно, значительно усилило научную ценность издания. Обратим специальное внимание на то, что, хотя в подзаголовке книги и отмечается, что перед нами «Указатель литературы», на самом деле она включает гораздо больший объем информации. Прежде всего, здесь собраны сведения и о хранящихся в архивах отчетных материалах экспедиций, проводивших археологические и архитектурные раскопки в городе. Таким образом, мы имеем дело со своеобразным справочником по археологии города.

Кроме собственно Новгорода П. Г. Гайдуков дает библиографию, касающуюся исследований памятников ближайшей городской округи (монастырей — Антониева, Аркажского, Юрьева и др.; славянского святилища в Перыни, Рюрикова городища, поселений, могильников). Это безусловно правильно, поскольку история Новгорода как в период его становления, так и в период его расцвета неразрывно связана с историей его окрестностей. Комплексный учет материалов здесь равным образом необходим, как и сами комплексные исследования. П. Г. Гайдуков также в полной мере учел и материалы по археологии Старой Руссы — второго крупного городского центра Приильменья, раскопки которого проводились как часть программных работ Новгородской экспедиции.

Рецензируемый труд состоит из трех частей. Первая включает указатель архивных материалов экспедиций и мест их хранения. Всего учтено 160 дел из архива Института археологии АН СССР и рукописного архива ЛОИА АН СССР. Это чрезвычайно важная категория источников, поскольку количество накопленной информации так велико, что никакие публикации не могут исчерпать ее многообразия. Не обращаясь к отчетам, сейчас невозможно в целом ряде случаев претендовать на всесторонний охват того или иного сюжета в истории города, на что уже справедливо обращали внимание исследователей П. И. Засурцев и В. Л. Янин [3, с. 261]. В эту же часть рассматриваемого указателя включен перечень 36 дипломных работ, защищенных на кафедре археологии МГУ с 1955 по 1979 г. и отражающих ход подготовки специалистов по археологии Новгорода в этом центральном учебном заведении страны.

Вторую часть книги составляет библиография научных и научно-популярных работ о Новгороде, насчитывающая 1090 названий. Литература расположена по годам изданий, в пределах года — по алфавиту. Очень важно, что П. Г. Гайдуков привел не только советскую литературу, но и исследования, основанные на материалах Новгорода и изданные за рубежом.

Наконец, третья часть книги включает газетные статьи, заметки, информации и художественные произведения о Новгороде. Эта часть наглядно характеризует значительный вклад новгородской археологии, и в первую очередь Новгородской экспедиции, в научно-просветительскую и патриотическую работу среди широких слоев населения.

После указанных трех частей библиографии П. Г. Гайдукова следует (хотя с этого, скорее, стоило начать книгу) статья ее редактора и нынешнего руководителя Новгородской экспедиции В. Л. Янина «50 лет раскопок в Новгороде», в которой подводятся важнейшие итоги раскопок в городе и определяются основные направления и задачи, стоящие сейчас перед исследователями Новгорода.

Книга снабжена именным и предметным указателями. Особо следует выделить значение последнего, являющегося по существу основным ключом к пользованию изданием. Точнее этот указатель следовало бы определить как предметно-тематический. П. Г. Гайдуков попытался как можно детальнее расчленить все многообразие сюжетов и тем новгородской археологии, затрагиваемых исследователями. Им выделены разделы как по широким проблемам археологии города, так и касаю-

щиеся частных тем и отдельных категорий древних вещей. Здесь мы встретим разделы об общих работах по археологии Новгорода, работах по истории археологического изучения города, его происхождению, топографии, культурному слою, хронологии, язычеству, новым методам в археологических исследованиях и т. д. В особые разделы выделены ремесло (деревообрабатывающее, железообрабатывающее, кожевенное и т. д.), сельское хозяйство, торговля, охота, рыболовство. Сгруппирована литература о городских усадьбах, оборонительных сооружениях, деревянных сооружениях вообще — мостовых, постройках, дренажах, печах. П. Г. Гайдуков детально расчленяет исследования, посвященные изучению отдельных категорий вещевых находок — деревянных изделий, керамики, оружия, писал, бус, украшений и т. д. Имеются разделы о сфрагистике, нумизматике, метрологии.

Читатель без труда сможет найти интересующие его издания и по раскопам в различных частях города — в Кремле и на Ярославовом Дворище, на Славенском холме и в Неревском конце. Отдельно отмечены в указателе исследования о раскопках в Старой Руссе, на Рюриковом городище, а также пригородных монастырей и поселений. Естественно, огромное число работ посвящено изучению берестяных грамот — уникальных письменных документов, открытых во время раскопок города. П. Г. Гайдуков расчленяет всю литературу о грамотах, выделяя сюжеты, рассматриваемые в различных исследованиях (грамоты как источник для изучения языка, как источник по социальному составу населения, как источник по внешнеполитической истории Новгорода и т. д.).

Таково основное содержание библиографии, составленной П. Г. Гайдуковым. Этот тщательно выполненный свод, несомненно, будет надежным помощником исследователей истории Древней Руси.

В заключение нам бы хотелось высказать некоторые замечания и пожелания по поводу рецензируемой работы. Прежде всего это касается первой части, где собраны данные об архивных материалах экспедиций, проводивших раскопки в Новгороде и его окрестностях. Характеризуя их, П. Г. Гайдуков, к сожалению, полностью упустил из виду материалы фотоархива ЛОИА АН СССР, которые в целом ряде случаев существенно дополняют полевую документацию раскопок. В коллекции фотоархива имеется значительное число негативов и отпечатков раскопок в Новгороде А. В. Арциховского 1932, 1936, 1937 гг. и М. К. Каргера 1933—1935 гг. В рукописных архивах отсутствует отчет о раскопках в городе в 1932 г. С. М. Смирнова и Б. К. Мантейфеля (о работах мы знаем только по публикации), а в фотоархиве сохранился 41 негатив о ходе раскопок. Только в данном архиве есть большое число негативов, характеризующих исследования М. К. Каргера в Новгороде в 1966—1970 гг. Прежде всего это 125 негативов раскопок церкви Благовещенья на Городище (полевая работа, чертежи, фотографии фресок). Имеются материалы (27 негативов) о раскопках М. К. Каргером в 1969 г. Борисо-Глебского храма, лестничной башни церкви Николы на Дворище, у стен церкви Андрея Стратилата, не получивших отражения в отчетах, хранящихся в архиве ИА АН СССР. Представлены в архиве и иные материалы. Одним словом, при продолжении подготовки к печати очередного комплекса источников по археологии Новгорода целесообразно выделить особый отдел — «Материалы по археологии Новгорода в фотоархиве ЛОИА».

В первую часть книги следовало бы включить и указание на рукопись (отчет) новгородского краеведа М. М. Аксенова, хранящуюся в фондах музея [4], в которой идет речь о древнеславянских поселениях Центрального Приильменья (опубликованную информацию об этих поселениях П. Г. Гайдуков учитывает в библиографии). Некоторые дополнения можно внести и по материалам рукописного архива ЛОИА — добавить ссылки на чертежи раскопок 1935 г. Г. П. Гроздилова на Рюриковом городище [5], некоторые дела, содержащие информацию о раскопках М. К. Каргера 1934 г. [6].

Принцип отбора литературы для библиографии достаточно строг и продуман. Однако в нее попало несколько статей, посвященных памятникам эпохи бронзы (№ 244, 718, 777 по каталогу), явно выпадающих из круга исследований собственно о Новгороде и поселениях его округи эпохи славянского расселения и становления города. Думается, что учет литературы о древностях раннего металла в Приильменье — особая тема.

При дальнейшей работе над библиографией по Новгороду к ней необходимо будет сделать некоторые дополнения. К примеру, укажем газетные статьи Н. Г. Пор-

фиридова «Наша старина. Раскопки Новгорода» («Звезда», 1923, 12 июля) и Н. И. Репникова «Остатки древнего Новгорода» («Ленинградская правда», 1932, 26 декабря), в которой речь идет о раскопках Новгородского музея на Софийской стороне, статью Г. П. Гроздилова 1940 г. [7] «Неолитическая стоянка у с. Городище на р. Волхове» (несмотря на название, речь идет об общей стратиграфии памятника и рассматриваются находки вплоть до позднего средневековья), статью И. Г. Порфиридова 1959 г. [8] «Очерки памятников новгородской сфрагистики» (использованы печати из раскопок города), статью И. И. Кушнира 1959 г. «Когда вскрывается „культурный слой"» [9] и его же автореферат диссертации 1978 г. [10], в котором в первой части анализируется мощность культурного слоя и древний рельеф Новгорода. Перечисленные работы не исчерпывают возможные дополнения. Кроме того, нам представляется, что в дальнейшем в указатель литературы по археологии Новгорода следует обязательно включить работы библиографического характера, где имеется информация об исследованиях по археологии. Это прежде всего «Указатель литературы по истории Новгородского края» (1917—1958 гг.), составленный Б. М. Апряткиным [11], дополнение к нему (охватывает 1958—1960 гг.), подготовленное О. А. Третьяковой и В. И. Третьяк [12], а также выпуски указателей «Литература о Новгородской области», издаваемые Новгородской областной библиотекой (составители Е. С. Григорьева и И. В. Терентьева), охватывающие литературу с 1966 по 1980 г. (1-й выпуск вышел в 1973 г., в 1983 г. опубликован очередной, 11-й выпуск). В указателях имеются разделы по археологии, берестяным грамотам, сфрагистике.

Несмотря на высказанные замечания, рецензируемый указатель по археологии Новгорода, выполненный П. Г. Гайдуковым и являющийся первым опытом составления подобного справочника для одного древнерусского города, безусловно следует оценить положительно. Работу над указателем необходимо продолжать и публиковать по мере накопления новых материалов и дополнений. Это может быть и отдельная книга, и приложения к очередным томам трудов Новгородской экспедиции.

В дальнейшем представляется полезным подготовить и указатель дореволюционной литературы по археологии Новгорода. Эта литература немногочисленна, но полнота картины археологического изучения города от этого, несомненно, выиграет.

Е. Н. Носов

ЛИТЕРАТУРА

1. *Янин В. Л., Колчин Б. А.* Итоги и перспективы новгородской археологии.— В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978.
2. *Колчин Б. А., Янин В. Л.* Археологии Новгорода 50 лет.— В кн.: Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982.
3. *Засурцев П. И., Янин В. Л.* Рец. на кн.: Спегальский Ю. П. Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв. Л.: Наука, 1972.— СА, 1975, № 3.
4. *Аксенов М. М.* Древнеславянские поселения Новгородской области.— Архив Новгородского музея, д. № 11894.
5. Архив ЛОИА АН СССР, р-1, Арх. 1155.
6. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, оп. 2, 1934, № 574; ф. 2, оп. 1, 1934, № 126, 268.
7. *Гроздилов Г. П.* Неолитическая стоянка у с. Городища на р. Волхове.— Бюл. комиссии по изучению четвертичного периода, 1940, № 6—7.
8. *Порфиридов Н. Г.* Очерки памятников новгородской сфрагистики.— НиС, 1959, № 9.
9. *Кушнир И. И.* Когда вскрывается «культурный слой».— Новгород, 1959, № 8.
10. *Кушнир И. И.* История формирования архитектурно-планировочной структуры Новгорода: Автореф. канд. дис. Л.: Инженерно-строительный институт, 1978.
11. *Апряткин Б. М.* Указатель литературы по истории Новгородского края, вышедшей в 1917—1958 гг. Новгород, 1958.
12. Библиография литературы по истории Новгорода и Новгородской земли, вышедшей во второй половине 1958, 1959 и 1960 гг.— НиС, 1962, № 10.

Хроника

ГАЛИ ФЕДОРОВНА КОРЗУХИНА
(к 80-летию со дня рождения)

В 1927 г. в Государственную академию истории материальной культуры была принята группа аспирантов. В нее входили М. И. Артамонов, С. Н. Замятнин, А. А. Иессен и Н. Н. Воронин, которым было суждено прославить советскую археологию. В числе аспирантов была и Гали Федоровна Корзухина (7.I.1906—29.VIII.1974) — исследователь, чьи труды заняли видное место в нашей науке.

Всю свою жизнь Г. Ф. Корзухина была связана с коллективом ленинградских археологов, несмотря на то что по окончании аспирантуры она работала в Государственном Русском музее и в Институте археологии Академии наук Украинской ССР. Еще шла война, а Гали Федоровна вернулась в институт, сначала в Москву, а затем в Ленинград и до конца своих дней была сотрудником Ленинградского отделения Института археологии АН СССР.

Прежде чем остановиться на оценке вклада, который Г. Ф. Корзухина — археолог-славист внесла в славяно-русскую археологию, необходимо отметить особенность этой исследовательницы. Гали Федоровна много работала в полевых условиях. Она обмеряла памятники древнерусской архитектуры во многих городах, активно участвовала в раскопках Киева и Старой Ладоги и руководила археологическими исследованиями древнего Торопца. Однако основными источниками ее трудов были преимущественно материалы, собранные другими исследователями, музейные коллекции, случайные находки и другие реалии этого рода. На протяжении всей своей жизни Г. Ф. Корзухина собирала и классифицировала самые разнообразные материалы, отличаясь при этом редкой точностью. Не случайно эпиграфом к своей монографии о древностях Среднего Поднепровья она взяла слова выдающегося собирателя А. А. Спицына: «Точность великое дело в такой точной науке, как археология, и примеры даже известных археологов показывают, как трудно достижение этого качества при изложении чужого материала» [1, с. 7].

Тщательное собирание материалов не было самоцелью для Гали Федоровны. Те, кому известны книги и статьи этого автора, хорошо знают, как из множества вещей с исчерпывающим привлечением письменных и иных свидетельств вырисовывались картины этнической, социальной, культурной и политической истории того региона или пункта, к которым относились данные изделия. Г. Ф. Корзухина в равной степени владела мастерством источниковеда и исследователя археолога и историка.

Гали Федоровне, дочери ленинградского архитектора и внучке известного русского художника А. И. Корзухина, всегда были близки проблемы связи истории материальной культуры и искусства. Будучи аспиранткой, она специализировалась по истории древнерусского искусства, а основными источниками ее трудов являются памятники художественного ремесла.

Основные исследования Г. Ф. Корзухиной по времени и территории, которым они посвящены, могут быть распределены на три группы. К первой из них относятся исследования культуры Среднего Поднепровья середины и третьей четверти I тыс. н. э. Вторую группу составляют работы, посвященные древностям Северо-Запада Европы последних веков этого тысячелетия. В третью группу входят труды, освещающие культуру домонгольского времени на всей территории Древней Руси.

При жизни Г. Ф. Корзухиной была опубликована лишь одна работа, относящаяся к первой группе проблем, исследованием которых она занималась. Это статья, относящаяся к истории Среднего Поднепровья в середине I тыс. н. э. По совокупности археологического материала автор выделяет различный характер комплексов лесостепной и степной зон этой территории. Важными и утвердившимися в науке положениями являются следующие заключения автора: 1) кочевники вообще не зарывали клады, и те клады, которые им приписывали, были остатками богатых погребений; и 2) топография кладов является топографией поселений. Клад — есть признак оседлости [2, с. 68].

Научным подвигом является рукопись Гали Федоровны «Раннесредневековые древности Среднего Поднепровья», которая состоит из каталога и исследования, относящихся к эпохе переселения народов. Первая часть ее, посвященная исследованию вещей с эмалями, бытовавшими в V — первой половине VI в., была издана посмертно, под редакцией М. А. Тихановой. Вывод, к которому приходит Г. Ф. Кор-

зухина в этой части труда, сводится к тому, что в Среднем Поднепровье эмали были наносным явлением, бесследно исчезающим к середине VI в. На тех же землях появляется новая группа памятников художественного ремесла, так называемые древности антов [1, с. 62]. Они являются предметом исследования той большей части рукописи, которая осталась неопубликованной.

Неизданная часть рукописи, как и вышедшая в свет, состоит из каталога памятников художественного ремесла VI—VIII вв. и исследования. Каталог этот — явление уникальное: такого не было и, можно уверенно сказать, не будет. Многие из вещей, вошедшие в него, уже не существуют. Они затеряны, частью оказались за границей, а частью утрачены во время Великой Отечественной войны. Некоторые предметы изучены Г. Ф. Корзухиной по фотографиям, рисункам и инвентарным описям. Таким образом, в настоящее время каталог данной рукописи сам по себе является первоисточником.

Исследование памятников художественного ремесла VI—VIII вв. привело автора к заключению, что в рассматриваемое время славянские племена и оседающие кочевники жили неизолированно друг от друга. Автор считает, что «древности антов» прямого отношения к славянам не имеют и попали к ним от соседних народов; корни этих изделий лежат в искусстве Крыма и Кавказа. Г. Ф. Корзухина считала, что украшения и предметы убора, которыми она занималась, со временем можно будет связать с основными компонентами культуры этой территории — поселениями, жилищами, погребениями, керамикой, изучение которых в ее время только начиналось [1]. За истекшие годы исследование памятников Среднего Поднепровья и смежных с ним земель, относящихся к третьей четверти I тыс. н. э., заметно возросло. Вместе с тем нельзя сомневаться, что издание неопубликованного труда Г. Ф. Корзухиной о «древностях антов» внесло бы ценный вклад в данную проблематику.

В вопросах, связанных с изучением северо-запада европейской части СССР, основные интересы Г. Ф. Корзухиной были прикованы к Старой Ладоге. Еще в 1961 г. она писала, что датировка древнейшего горизонта Ладоги занижена и удревняет всю хронологическую шкалу [3, с. 83]. Специально к вопросу о датировке древнейшей Ладоги автор обращается в работах 1966 и 1971 гг. Гали Федоровна отвергает утверждение В. И. Равдоникаса о том, что поселение в Ладоге могло быть основано в VI в., поскольку в 1 км от нее, у д. Княщино, в 1874—1875 гг. был найден клад, в котором содержались сасанидские монеты VI—VII вв. Она показывает, что в данном кладе были еще монеты VIII и начала IX в. Следовательно, клад мог быть зарыт не ранее первой половины — середины IX в. Что касается ладожской каменной литейной формочки, предназначенной для отливки украшений с эмалью, которую В. И. Равдоникас отнес к VII в. и этим временем также датировал ранее поселение, то Г. Ф. Корзухина пишет, что основная масса эмалей датируется III—V вв. и лишь некоторые из них могли относиться к VI в. К тому же ладожская формочка не может служить основанием для датировки первоначального поселения, так как она найдена не на материке, а значительно выше, в комплексе с вещами IX в. «Сейчас все больше становится данных, говорящих за то, что древнейшие среди ладожских находок относятся к VIII в. Свою дату автор обосновывает находкой омейядского диргема рубежа VII—VIII вв., происходящего из наиболее раннего горизонта E_3, и отсутствием среди многочисленных гребней Ладоги изделий древнее VIII в.» [4, с. 61—63; 5, с. 123—125]. В настоящее время, когда начат новый цикл исследований в Старой Ладоге и получены дендрохронологические даты, выводы Г. Ф. Корзухиной убедительно подтвердились [6, с. 54, 55].

Деревянная палочка, найденная при исследовании горизонта E_2, с вырезанными на ней рунами, являвшимися поэтическим текстом, в результате заниженной хронологии была отнесена исследователями к VIII—IX вв. На этом основании шведские и норвежские ученые пришли к выводу, что скандинавская строфическая поэзия старше, чем думали до сих пор. Показав, что ладожская находка не древнее первой половины IX в. и синхронна шведским камням с аналогичными рунами, Г. Ф. Корзухина обосновала несостоятельность данного предположения скандинавских ученых [5, с. 126, 127].

Находки палочки с рунами и других скандинавских вещей в Ладоге IX в., а также материалы могильника на противоположном Ладоге берегу Волхова дали Гали Федоровне основание определить время появления там норманнов не в X в., как это считалось ранее, а в IX в. и, возможно, в первой его половине, когда выходцы из Скандинавии жили на данной территории постоянно [5, с. 127—130]. Проникновение культуры норманнов на Северо-Западе Руси прослеживается исследовательницей не только на материалах Ладоги, но и других пунктов (Рюриково городище под Новгородом, окрестности Торопца) [7, с. 45, 46; 8, с. 297—314].

Значительно число работ Г. Ф. Корзухиной, в которых исследуются проблемы культуры Древней Руси. Широким признанием пользуются ее статьи о технике тиснения и перегородчатой эмали в X—XII вв. [9, с. 45—54], о киевских ювелирах накануне монгольского завоевания [10, с. 217—244], о памятниках «корсунского дела» на Руси [11, с. 129—137], из истории игр на Руси [12, с. 85—102] и многие другие. Главным же исследованием, относящимся к этому периоду, является монография «Русские клады IX—XIII вв.» [13], рукопись которой была защищена автором в качестве кандидатской диссертации.

[1] Рукопись «Раннесредневековые древности Среднего Поднепровья» хранится в архиве ЛОИА (ф. 77, д. 19—22р.)

На монографию Г. Ф. Корзухиной в 1956 г. была опубликована рецензия В. Л. Янина, в которой говорится: «Выход в свет фундаментального исследования Г. Ф. Корзухиной „Русские клады IX—XIII вв.“ — одно из наиболее замечательных событий в советской археологической литературе последних лет». Излагая содержание монографии, состоящей из каталога и исследования, В. Л. Янин отмечает, что каталог сам по себе является результатом тонкого исследования. Рецензент подчеркивает выводы автора о том, что процесс зарывания кладов не был ограничен временем монгольского нашествия, и придает большое значение предпринятым реконструкциям убора. В рецензии поднят ряд дискуссионных вопросов, особенно в тех случаях, когда речь идет об использовании нумизматических материалов. Завершая рецензию, В. Л. Янин писал: «Приведенные замечания не противоречат основным выводам автора, напротив, большинство их направлено к подкреплению этих выводов. Исследование Г. Ф. Корзухиной несомненно войдет в золотой фонд советской археологии и послужит основой для решения важных и давно назревших вопросов истории ремесла, обмена и культуры Древней Руси» [14, с. 357—365].

В. Л. Янин оказался прав. За 30 с лишним лет, прошедших после публикации книги Гали Федоровны, на территории Древней Руси открыто немало новых кладов и издано много работ, в которых рассматриваются проблемы, исследовавшиеся в труде «Русские клады». Монография Г. Ф. Корзухиной при этом является, и еще долго будет являться, настольной книгой для широкого круга ученых, изучающих различные аспекты культуры Древней Руси.

Г. Ф. Корзухиной принадлежат также работы о тмутараканском камне [15, с. 25—29], о древностях Прикамья [16, с. 135—140] и многие другие, и для каждой из них характерны отточенность анализа источников, мысли и текста, свойственные этой исследовательнице.

Богатое рукописное наследие оставила Гали Федоровна. Помимо уже упоминавшейся капитальной рукописи в архиве ЛОИА находятся десятки папок, в которых хранятся неопубликованные работы и ценнейшие материалы. Последними пользуются и будут пользоваться специалисты, с благодарностью вспоминая собравшего их ученого.

Гали Федоровна считала себя человеком счастливой судьбы. И это было так. К житейским благам она была равнодушна. Служение же любимому делу и общение с единомышленниками и особенно с молодежью, которая тянулась к ней, давало Гали Федоровне, человеку высокого духовного склада, ощущение полноты жизни.

Ф. Д. Гуревич

ЛИТЕРАТУРА

1. *Корзухина Г. Ф.* Предметы убора с выемчатыми эмалями V — первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье.— САИ, 1978, Вып. Е1-43.
2. *Корзухина Г. Ф.* К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э.— СА, 1955, т. XXII.
3. *Корзухина Г. Ф.* О времени появления укрепленного поселения в Ладоге (по археологическим данным).— СА, 1961, № 3.
4. *Корзухина Г. Ф.* К уточнению датировки древнейших слов Ладоги.— В кн.: Тезисы докладов III научной конференции по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии. Тарту, 1966.
5. *Корзухина Г. Ф.* О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладоги.— Скандинавский сборник, 1971, вып. XVI.
6. *Рябинин Е. А.* Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище в 1973—1975 гг.) — В кн.: Средневековая Ладога. Л.: Наука, 1985.
7. *Корзухина Г. Ф.* Находка на Рюриковом городище под Новгородом.— КСИА, 1965, вып. 104.
8. *Корзухина Г. Ф.* Новые находки скандинавских вещей близ Торопце.— Скандинавский сборник, 1964, вып. VIII.
9. *Корзухина Г. Ф.* О технике тиснения и перегородчатой эмали в Древней Руси: — КСИИМК, 1946, вып. XIII.
10. *Корзухина Г. Ф.* Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания.— СА, 1950, т. XIV.
11. *Корзухина Г. Ф.* О памятниках «корсунского дела» на Руси (по материалам медного литья).— Византийский временник, 1958, т. XIV.
12. *Корзухина Г. Ф.* Из истории игр на Руси (о шашках) по археологическим данным.— СА, 1963, № 4.
13. *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX—XIII вв. Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
14. *Янин В. Л.* Рец. на кн.: *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX—XIII вв. Л., 1954.— СА, 1956, т. XXV.
15. *Корзухина Г. Ф.* Еще раз о тмутараканском болване.— В кн.: Культура Средневековой Руси. Л.: Наука, 1974.
16. *Корзухина Г. Ф.* Об Одине и кресалах Прикамья.— В кн.: Средневековая Русь. М.: Наука, 1976.

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ КОМПЛЕКСНЫХ ПОЧВЕННО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СССР

С 4 по 7 декабря 1984 г. в г. Пущино Московской обл. проходила Всесоюзная конференция «История развития почв СССР в голоцене», организованная Институтом почвоведения и фотосинтеза АН СССР при участии Совета по проблемам почвоведения и мелиорации почв АН СССР, Всесоюзного общества почвоведов, Института географии АН СССР и Почвенного института им. В. В. Докучаева ВАСХНИЛ. В работе конференции приняли участие около 150 исследователей, представлявших 47 научно-исследовательских, проектных институтов и вузов из 33 городов страны. К началу ее работы издан сборник «История развития почв СССР в голоцене» (Пущино, 1984. 249 с.). На конференции заслушано и обсуждено 116 докладов. Материалы, касающиеся комплексного изучения археологических памятников, главным образом курганов, докладывались на секции «Комплексные почвенно-археологические исследования». Среди авторов докладов — 15 археологов. Исследования проводились на юге Украины, в Воронежской и Курской областях, Поволжье, Средней Азии, Казахстане, Забайкалье, на Дальнем Востоке. Они охватывают все основные природные зоны страны от лесной до пустынной. Основное число работ выполнено в степной зоне Европейской части СССР.

В решении многих проблем археологии одно из ключевых мест занимает вопрос о реконструкции природной обстановки, которая в значительной степени определяла ритмы как хозяйственной, так и общественной жизни древних племен. В литературе имеются данные об изменении экологической среды в различных биоклиматических регионах страны в голоцене (последние 10—12 тыс. лет), полученные из письменных исторических источников, на основании палинологических, палеогидрологических и других данных. Используемые при этом методы имеют ряд ограничений, касающихся прежде всего невозможности их применения для всех археологических объектов и достоверности интерпретации данных. В последнее время особенно активно развивается почвенно-археологическое направление исследований, позволяющее прямым сравнительным анализом почв разновременных памятников проводить палеогеографическую реконструкцию для различных хроносрезов голоцена. Представленный в докладах материал затрагивает ряд важных проблем почвоведения и археологии: реконструкция по палеопочвенным данным экологической обстановки прошлых эпох и особенности освоения отдельных регионов древними народами в связи с изменениями природной обстановки, особенности почвообразования на курганных насыпях и характеристика погребенных под ними почв, методические вопросы полевого изучения стратиграфии археологических памятников.

Попытка комплексно решить этот круг проблем сделана в сообщении В. А. Демкина, А. В. Лукашова, Ю. В. Лукашова (Пущино, Волгоград). Авторами показано, что в отличие от недренированной части Прикаспийской низменности, чутко реагирующей на изменения атмосферной увлажненности, почвы и ландшафты дренированной Эльтонской равнины с эпохи бронзы не испытывали существенных изменений на фоне климатических колебаний, что явилось одной из главных причин постоянной освоенности этой территории с III тыс. до н. э. до средневековья. Рассматриваемый комплекс вопросов для юга Украины представлен в докладе И. В. Иванова, И. Ф. Ковалевой (Пущино, Днепропетровск). В атлантическую эпоху голоцена (8—5 тыс. лет назад) почвы региона были более гумусированы и карбонатны, менее засолены по сравнению с современными. В суббореальный период (5—2,5 тыс. лет назад) отмечается усиление аридизации климата, особенно в интервале времени 4—3,5 тыс. лет назад, сопровождавшееся засолением почвенно-грунтовой толщи. Природные условия в это время были относительно менее благоприятными для скотоводства и земледелия. Субатлантический период (последние 2500 лет) отличался улучшением экологической обстановки по сравнению с предшествующей эпохой. В докладе В. П. Золотуна с соавторами (Херсон) отмечалось, что период времени от 4500 до 3000 лет назад в степях Украины отличался климатической депрессией с резким снижением емкости биологического круговорота. С VII в. до н. э. гумидность климата начала весьма заметно возрастать. Благодаря исследованиям И. В. Иванова, И. Б. Васильева (Пущино, Куйбышев) показано, что особенности освоения песчаных массивов Волго-Уральского междуречья древними племенами определялись геологическими, почвенно-климатическими и этносоциальными факторами. Численность населения особенно заметно увеличилась в эпоху средней бронзы. Отсутствие памятников финальной бронзы и раннего железного века свидетельствует о катастрофическом ухудшении экологических условий в песчаных ландшафтах во второй половине суббореала. В докладах С. П. Ломова, А. Г. Амосовой (Душанбе) и Ж. В. Андреевой, Ю. В. Вострецова, Г. И. Иванова (Владивосток) выявлена связь между этапами развития почв и особенностями хозяйства древних народов.

Как отмечалось на конференции, комплексные почвенно-археологические исследования позволили сделать значительный шаг в изучении скорости и направленности почвообразовательного процесса в голоцене. В докладах А. Л. Александровского, А. Н. Геннадиева (Москва), В. П. Золотуна с соавторами (Херсон), С. В. Губина (Пущино) представлены данные о скорости формирова-

ния гумусового, карбонатного и солевого профилей, изменении микроморфологических признаков почв, полученные при сравнительном изучении почв разновозрастных курганных насыпей и погребенных под ними палеопочв. Оригинальностью и новизной отличаются исследования по проблеме эволюции степных почв СССР в голоцене. И. В. Ивановым (Пущино) установлено, что черноземы Европейской территории СССР развивались в этом режиме последние 7—8 тыс. лет, а на юге Западной Сибири и в Северном Казахстане — 2 тыс. лет. Засушливая фаза почвообразования приурочена к ранней половине суббореала на Европейской территории СССР и к поздней — в Срединном регионе. Современные обыкновенные черноземы Северного Казахстана около 2000 лет назад были почвами каштанового типа. В пустынно-степной зоне Европейской территории СССР (доклад В. А. Демкина, Пущино) в течение последних 5000 лет происходило рассоление почв и ландшафтов. Современный облик почвы Северного Прикаспия приобрели к началу новой эры. В докладах Б. П. Ахтырцева и совместном Б. П. Ахтырцева, А. Д. Пряхина (Воронеж) отмечалось, что на протяжении голоцена почвенный покров среднерусской лесостепи непрерывно изменялся, при этом влажно-луговые почвы эволюционировали в черноземно-луговые, лугово-черноземные и затем в черноземные. В целом почвообразование во второй половине голоцена протекало по лесостепному типу. Сообщение Л. С. Песочиной (Пущино) посвящено изучению эволюции почв долины Нижнего Дона в позднем голоцене. Установлено, что в III тыс. до н. э. на этой территории господствовал луговой процесс. В эпоху ранней и средней бронзы произошло засоление и осолонцевание почв. Как показано А. Н. Галибиным (Саратов), почвенный покров Сыртовой равнины Саратовского Заволжья с раннего железного века не претерпевал существенных изменений. Черноземы, погребенные в срубное время на территории нынешней Курской области (доклад Е. К. Дайнеко, Москва) по многим морфохимическим свойствам близки современным черноземам Стрелецкой степи. Вместе с тем мощность генетических горизонтов почв за последние 3500 лет возросла. Доклад Т. В. Турсиной, А. Н. Геннадиева (Москва) посвящен микроморфологической диагностике эволюции почв на курганных насыпях Прикаспийской низменности. Авторами показано, что становление почв на курганах полупустынной зоны зависит в первую очередь от характера исходного насыпного материала. Таким образом, успехи в изучении эволюции почв степей СССР в голоцене в последнее время прежде всего связаны с совместными почвенно-археологическими исследованиями.

Значительное место в программе работы конференции занимали доклады, касающиеся решения некоторых археологических проблем с помощью палеопочвенных данных. Они позволяют, как отмечалось в докладе В. П. Золотуна, К. М. Кухтеевой (Херсон), установить места взятия грунта для возведения курганов и уточнить их стратиграфию, определить сезонность захоронений, выявить и проследить трассы доисторических дорог, получить объективные данные для датировки курганов и реставрации архитектурных особенностей погребального обряда. Вопросы изучения стратификации и морфологии курганных сооружений с помощью методов почвоведения подробно освещены в докладе А. Н. Геннадиева, С. В. Горячкина, В. В. Дворниченко (Москва). Примером плодотворного сотрудничества археологов и почвоведов по изучению конструктивных особенностей археологических памятников является сообщение Г. Б. Здановича, В. Ф. Зайберта, И. В. Иванова (Челябинск, Петропавловск, Пущино). Исследования позволили реконструировать первоначальный вид памятника (кургана), представлявшего собой ступенчатый усеченный конус, восстановить этапы его сооружения, определить объем рабочей тары.

В дискуссии на конференции наряду с почвоведами выступили археологи В. П. Шилов (Москва), В. Ф. Зайберт (Петропавловск), Г. Б. Здановичч (Челябинск), которые подчеркнули важность и необходимость совместных почвенно-археологических исследований, всемерного их углубления и расширения.

В решении всесоюзной конференции отмечено, что археологические и исторические памятники одновременно являются и памятниками природы. К сожалению, изучение палеопочв этих памятников еще не стало обязательным. Однако комплексные почвенно-археологические исследования получили в последнее время значительное распространение. Достигнуты определенные успехи в решении проблемы развития почв и палеогеографической обстановки в лесной, степной и пустынной зонах СССР, с помощью почвоведения совершенствуются методы полевого изучения археологических памятников. Конференция поддержала мнение, что крупные археологические раскопки должны проводиться с обязательным участием почвоведов. В связи с предстоящим в 1986—1990 гг. расширением мелиоративного строительства в южных регионах страны необходимо увеличение масштабов комплексных исследований, недопущение невозместимых потерь ценнейшей научной информации об истории человеческого общества и развитии природной среды.

В. А. Демкин, П. В. Иванов, О. В. Макеев

III НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ В. Д. БЛАВАТСКОГО

18—19 января 1985 г. в Москве состоялись III Научные чтения памяти В. Д. Блаватского, организованные сектором античной археологии Института археологии АН СССР. В чтениях приняли участие историки, археологи и искусствоведы из научно-исследовательских институтов, музеев и высших учебных заведений Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Еревана, Сухуми, Владимира, Керчи и других городов. Прочитанные доклады в той или иной степени продолжали и развивали основные мотивы исследовательских интересов В. Д. Блаватского. Выступавшими были подняты проблемы истории и культуры Древней Греции и эллинистического мира, истории и археологии Северного и Восточного Причерноморья; доклады носили обобщающий историко-исследовательский характер или представляли собой отчеты о текущем археологическом изучении Причерноморья.

Чтения открыл акад. Б. А. Рыбаков. Он подчеркнул вклад В. Д. Блаватского как одного из основоположников советской исторической науки в области истории и археологии Древнего мира, истории и теории искусств и античной культуры в целом. Выдающийся археолог, отдавший более полувека изучению античной цивилизации Северного Причерноморья, В. Д. Блаватский развивал методику полевых раскопок и теорию археологической науки. Им была воссоздана история античных государств Северного Причерноморья во многих деталях, намечены основные вехи рабовладельческой формации. В. Д. Блаватского отличал постоянный интерес к историческому прошлому сопредельных стран античного Средиземноморья и Восточной Европы, железному веку на юге европейской части СССР, истории и культуре древних славян. В его причерноморских экспедициях была воспитана целая школа специалистов-античников, в настоящее время передающих свой опыт новому поколению археологов. Признанием жизненности и большого значения его методики и научных идей являются ставшие уже традиционными III Научные чтения памяти В. Д. Блаватского.

Начнем наш обзор с докладов, посвященных истории и археологии Причерноморья. А. К. Коровина (Москва) в своем докладе «Ранние слои Гермонассы (по материалам раскопок последних лет)» остановилась на характеристике античных слоев Таманского городища — одного из наиболее сложных городищ Азиатского Боспора. Раскопками последних лет были вскрыты слои доархеанактидовского периода (вторая половина VI — начало V в. до н. э.). Керамический материал представлен большим количеством амфор: хиосских, протофасосских, со стаканообразными ножками, из Менды. Были обнаружены расписные амфоры родосско-ионийского типа, а также аттические чернофигурные. Значительный интерес представляет группа керамики, изготовленной в местной гермонасской мастерской, на что, в частности, указывает наличие в слое керамических подставок для обжига посуды. Находки серебряных боспорских монет являются важным свидетельством развитой экономики Гермонассы доархеанактидовского периода.

В докладе «Херсонесская сельская укрепленная усадьба Большой Кастель» А. Н. Щеглов (Ленинград) изложил результаты раскопок изолированной укрепленной усадьбы на берегу бухты Большой Кастель в Северо-Западном Крыму, исследуемой отрядом Тарханкутской экспедиции с 1981 г. За это время вскрыто около третьей части площади памятника и установлено, что усадьба была построена во второй половине IV в. до н. э. и разрушена в первой половине II в. до н. э. Первоначально это было небольшое здание (22×27 м) с центральным двором, вокруг которого группировались помещения, и мощной квадратной башней (9,6 м в поперечнике), поставленной на углу. Позднее усадьба частично перестраивалась и расширялась после пожара и разрушений. Окончательно она погибла в результате осады. В процессе раскопок впервые получен закрытый археологический комплекс II в. до н. э., характеризующий замкнутое хозяйство на отдаленной части херсонесской хоры накануне захвата этой территории скифами.

«Анапский клад боспорских монет 1984 г.» — тема выступления Н. А. Фроловой (Москва). Клад был найден на территории древней Горгиппии. Он состоит из 106 монет царей Боспора (с 68/69 по 238 г. н. э.) и относится к группе кладов боспорских монет, характерной особенностью которых является отсутствие в них монет, выпущенных после 30-х годов III в. до н. э. Н. А. Фролова привела нумизматический материал этого времени сопредельных областей Понта и Эгейского моря и показала, что во многих римских городах прекращение монетных выпусков начинается с правления Гордиана, а пик приходится на правление Галлиена. По всей видимости, прекращение эмиссий в Северном Причерноморье, малоазийских и балканских провинциях было связано с варварскими вторжениями в пределы Империи.

Э. Я. Николаева (Москва) в докладе «О позднеантичном Боспоре» показала, что материалы последних лет и передатировки некоторых памятников Европейского и Азиатского Боспора дают основание считать, что с походами гуннов история Боспора не прекратилась. Разрушения гуннов не нанесли существенного ущерба экономике, торговле, быту в целом, как это традиционно считалось. Именно при гуннах возродился Танаис, функционировали все торговые пути, развивалось ремесло. Существенные изменения происходят во время отлива гуннских полчищ с запада после смерти Аттилы, но и эти события не сопровождались особыми разрушениями. Материальная культура Боспора оставалась прежней. Лишь с приходом на Боспор тюркютов и разгромом его ордами Турксанфа в 576 г. н. э. позднеантичный Боспор перестал существовать.

В сообщении «Новая находка подражания римским денариям из Кеп» О. Н. Усачева (Москва) рассказала о монете, случайно найденной на береговом склоне городища Кепы и переданной на хранение в ГИМ. Монета чеканена из низкопробного серебра (вес 3,03 г, диаметр 1,7 см) и не повторяет ни один из известных до сих пор штемпелей. Докладчица относит ее к I группе варварских подражаний римским денариям Марка Аврелия конца II — начала III в. н. э.

Попытку идентифицировать сакральные изображения всадников на Боспоре предпринял С. М. Крыкин (Москва) в докладе «О культе конного бога на Боспоре». Находки в Фанагории раннеэллинистических терракот всадников дают основания считать началом их массового производства первую половину III в. до н. э., а не конец II в. до н. э., как это предполагалось ранее. Их производство, по-видимому, связано с синтезом греческих и синдомеотских религиозных представлений, а характерные ирано-сарматские черты начинают проявляться со II в. до н. э. Специфика взаимоотношений колонистов с варварским окружением позволяет интерпретировать синкретическое конное божество Боспора как особую ипостась культа Геракла наряду с почитанием его в обычном для эллинов облике. Важным представляется предположение об особой роли героя как покровителя боспорской династии. Еще при Спартокидах, не позднее III в. до н. э., терракоты всадников могли использоваться как символы царского дома по образцу культа царской власти в Македонии и Фракии.

В сообщении «Организация и археологическая деятельность Губернских ученых архивных комиссий на юге России в конце XIX и начале XX в.» Д. С. Кирилин (Керчь) осветил историю возникновения на юге России историко-археологических обществ и учреждений. Среди них докладчик отметил шесть Губернских ученых архивных комиссий и прежде всего Таврическую ученую архивную комиссию (ТУАК). Членами комиссий были заложены основы археологического (в том числе и подводного), историко-архивного и историко-топографического изучения древностей южных губерний России.

Большая часть докладов была посвящена различным проблемам исторического развития Древней Греции и эллинистического Востока.

Л. П. Маринович (Москва) в докладе «О характере внутриполитической борьбы в Афинах в третьей четверти IV в. до н. э.» выступила против широко распространенного в современной науке взгляда на характер политической борьбы в Афинах в годы правления в Македонии Филиппа и Александра как на противоборство антимакедонской и промакедонской партий. Анализ взглядов и деятельности известного оратора Гиперида показывает, что такое деление обедняет реальную картину, поскольку переплетение политических сил было гораздо более сложным. Так, предложения Гиперида, выдвинутые в тревожные для Афин дни после поражения греков в битве при Херонее, хотя и были вызваны крайними обстоятельствами, выражали радикально-демократические взгляды оратора. Во внешней политике он и его сторонники всегда занимали резко антимакедонскую позицию, что приводило к борьбе не только с явными сторонниками Македонии, но и с более умеренными, чем Гиперид, противниками ее (особенно в годы правления Александра). Разногласия между Гиперидом и Демосфеном все более увеличивались, пока Гиперид не выступил открыто его обвинителем на судебном процессе по поводу денег Гарпала. Л. П. Маринович предполагает, что среди причин, обусловивших последовательно антимакедонскую деятельность Гиперида, определенное место занимала и экономическая подоплека.

В докладе «Финикийское проникновение в Эгеиду в ранний железный век» А. Ю. Согомонов (Владимир) ставит проблему аутентичности данных письменной традиции. Финикийцы (=сидонцы) гомеровских поэм с трудом локализуются во времени. Цикл плаваний Кадма в зоне Эгейского бассейна (Геродот и его последователи), вероятнее всего, следует относить к середине II тыс. до н. э. Наиболее реалистичной представляется родосская традиция (Эргий и Полицел), повествующая о финикийской оккупации острова в начале I тыс. до н. э. Финикийское проникновение в Эгеиду в течение IX в. до н. э. подтверждается наличием довольно обильного финикийского импорта в Аттике, на Крите, Эвбее и Косе. С рубежа IX—VIII вв. на островах налаживается греческое керамическое производство в подражание кипро-финикийским образцам; ювелирное дело Аттики на протяжении всего VIII в. сохраняло некоторые финикийские элементы. Весь археологический материал не дает основания говорить о так называемой «финикийской колонизации Эллады», хотя позволяет предполагать регулярные посещения и торговлю финикийцев в Эгейском бассейне и, возможно, ограниченную миграцию восточных ремесленников в Грецию в IX—VII вв. до н. э.

На связь Элевсинских мистерий с событиями политической жизни Афин обратила внимание в докладе «Элевсинские мистерии и политическая жизнь Афин» К. А. Семина (Москва). Так, победа в битве при Саламине для эллинов была результатом поддержки богов, в том числе и элевсинских божеств. Религиозные установления времен Пелопоннесской войны становятся средством прямой политической борьбы. К примеру, обвинение Алкивиада в кощунстве по отношению к мистериям было использовано его противниками для устранения его с арены политической борьбы. Несколько позднее Исократ, обосновывая претензии Афин на гегемонию среди греческих полисов, указывал именно на распространение мистерий как одну из величайших заслуг афинян перед эллинами.

Спартанскую фалангу VII—V вв. до н. э. характеризует в своем выступлении И. М. Безрученко (Москва). Преимущества спартанской фаланги, по мнению

докладчика, заключались прежде всего в тактической самостоятельности лоха. На ее эволюцию влияли как военно-тактические изменения (введение гоплитского щита, стандартизация паноплии), так и социальные сдвиги в спартанском обществе (разложение «первобытной фаланги», появление «всадников»). Лишь после введения нового тактического строя «косой клин» Эпаминонда военное могущество Спарты было поколеблено.

Ремесленной мастерской как производственной единице посвящено выступление В. Д. Кузнецова (Москва) «Греческий эргастерий классического времени». Докладчик рассмотрел вопросы организации производства, размеры мастерских, уровень разделения труда. Делается принципиальный вывод о том, что рабский эргастерий V—IV вв. до н. э. являлся ведущим типом товарного предприятия в ремесле, поскольку усиление роли рабского труда фиксируется повсеместно в Греции на протяжении этих веков.

Особый интерес основоположников исторического материализма к античной торговле и ее месту в системе античного способа производства отмечает в докладе «Классики марксизма-ленинизма о роли обмена и торговли в античную эпоху» Ю. В. Горлов (Москва). Исходя из тезиса К. Маркса о присущем докапиталистическим формациям обмене товаров по стоимости или приблизительно по стоимости, а не по ценам, докладчик постулирует необходимость рассматривать обмен и торговлю в античную эпоху в совокупности с развитием форм стоимости. В этой связи появление денег как средства обращения приводит к разделению обмена на обмен ради приобретения потребительских стоимостей и обмен ради приобретения денег. Торговля в античный период, как известно, придает производству все более товарный характер, усиливает денежное обращение, что ведет к разложению старых отношений собственности. Однако характер этого процесса зависит не столько от торговли, сколько от прочности существующего способа производства. В античности этот процесс ведет к сложению рабовладельческого хозяйства, направленного на производство прибавочной стоимости. Торговля становится важным фактором существования этой системы, а условием существования купеческого капитала выступает простое товарное производство и денежное обращение.

И. Р. Пичикян (Москва) в докладе «Храм Окса и клад Окса» заново поставил проблему происхождения Амударьинского клада в связи с археологическим изучением храма Окса. Автор обращает внимание на следующие детали: 1) надпись на перстне из Амударьинского клада № 105 арамейским алфавитом — ОАХШО (Вахшу) перекликается с идентичным древнегреческим вотивом на алтаре храма — Оксу (Вахшу) — божеству реки, которому был посвящен храм; 2) суммарный анализ предметов клада и находок в храме позволяет характеризовать их как вотивные приношения; 3) пластины с изображением жрецов и дедикантов с барсомом, зеркалом, цветком и дротиками в руках, составляющие четвертую часть клада, и аналогичные изделия из храма Окса трактуются как культовые приношения; 4) в этом же контексте трактуются оружие, фиалы для сакральных возлияний, вотивные статуэтки, украшения и монеты Амударьинского клада и храма Окса; 5) предметы из клада и вотивы храма распадаются на две хронологические группы: 600—329 и 329—150 гг. Вероятность основной идеи интерпретации Амударьинского клада, предложенной Р. Гиршманом и Р. Барнеттом как сокровища вотивов храма, справедлива. Исправленная Р. Барнеттом дата сокрытия клада — II в. до н. э.— удачно вписывается в историческую действительность: клад был сокрыт непосредственно до прихода юечжей или скорее всего сразу после него. Все это приводит докладчика к следующим выводам. Факты, собранные независимо друг от друга А. Каннингемом и Н. А. Маевым о месте находки клада, подтверждаются открытием храма Окса (раскопки ЮТАЭ). Обилие золотых изделий в обломках в греко-бактрийском слое храма говорит о том, что храм Окса грабили неоднократно до 150 г. до н. э. Амударьинский клад соотносится во всем среднеазиатском регионе только с находками из храма Окса, иными словами, он — часть вотивных сокровищ храма Окса.

В докладе «Поход Антиоха VII и чеканка аршакидских драхм в Маргиане» А. Б. Никитин (Москва) предполагает, что с пребыванием на Востоке плененных Фраатом II греков связано появление небольшой серии драхм Артабана I и начала правления Митридата II, отчеканенных в Маргиане. В число титулов парфянских царей, содержащихся на монетной легенде этой серии, входит эпитет «Филэллин», крайне редко употреблявшийся ранними Аршакидами (за исключением некоторых выпусков тетрадрахм, чеканенных в Селевкии-на-Тигре). Маргианские драхмы Артабана I представлены двумя эмиссиями с монограммой МАР (Маргиана) на лицевой стороне. На монетах одной из эмиссий — легенда ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΓΑΛΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ ΦΙΛΕΛΛΗΝΟΣ. . На драхмах Митридата II — монограмма М на лицевой стороне и легенда ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΡΣΑΚΟΥ ΕΠΙΦΑ ΝΟΥΣ ΦΙΛΕΛΛΗΝΟΣ на оборотной. Принадлежность их к маргианскому чекану подтверждается стилистическим сходством с маргианскими драхмами Артабана I. Выпуск в Маргиане драхм с почти не употреблявшимся ранними Аршакидами эпитетом «Филэллин» мог быть вызван стремлением парфянских правителей привлечь на свою сторону обосновавшихся в Маргиане бывших солдат Антиоха VII и использовать их в борьбе с кочевниками, угрожавшими Парфии с Востока.

Этапы развития монетного дела и денежного обращения селевкидской Лидии рассмотрел В. К. Голенко (Москва) в докладе «Из истории денежного хозяйства селевкидской Лидии». Автор отметил, что на состав денежного обращения Лидии оказывали сильное влияние торгово-экономические связи с городами Ионии, Ка-

рии, Троады и Геллеспонтской Фригии. С включением Лидии в состав Селевкидской державы расширяются ее связи с центральными областями государства, осуществлявшиеся по царской дороге из Сард в Сузы. На денежное хозяйство Лидии в значительной мере оказала влияние расстановка политических сил в Малой Азии. Автор условно разделяет развитие денежного хозяйства селевкидской Лидии (282—190 гг. до н. э.) на три этапа. Первый характеризуется сохранением прежних традиционных связей с областями эллинского мира. На втором происходит их переориентация, связанная с определенными событиями правления Антиоха II и Селевка II. Третий этап отражает изменение хозяйственных связей малоазийских владений Антиоха III, последовавшее вслед за успехами его политики в Восточном Средиземноморье.

Предпосылки образования на территории бывшей ахеменидской сатрапии Мидия независимого эллинистического государства Атропатена и проблема его характера стали темой доклада В. А. Гаибова (Москва) «Возникновение независимого государства Мидия Атропатена». Довольно высокий уровень экономического развития данного региона, характеризующийся развитым сельскохозяйственным и ремесленным производством и наличием в стране почти всех необходимых видов сырья, делал ее экономику самодостаточной. Благоприятная внешнеполитическая обстановка, сложившаяся после падения державы Ахеменидов, когда сначала Александр, а затем диадохи, оспаривавшие друг у друга наследство македонского владыки, «проглядели» (по выражению Полибия) момент образования этого восточного государства, а также личность самого Атропата, сумевшего сохранить самостоятельность подвластной ему территории, опираясь при этом на широкую поддержку местного населения,— все это способствовало формированию независимого государства Мидия Атропатена. Характер возникшего государства определяется как деспотическая монархия.

В сообщении «О культе Геракла в Бактрии-Тохаристане» К. А. Абдуллаев (Москва) анализирует терракотовую плитку с изображением нагой мужской фигуры с палицей, которую он связывает с образом Геракла. Данная терракотовая плитка может свидетельствовать о существовании культа греческого бога-героя в народной среде на территории древней Средней Азии. Корона, венчающая голову героя со струящимися лентами, напоминает уборы сасанидских царей, трактовка обнаженного тела перекликается с традициями греческого изобразительного искусства. Тем самым, представленный на терракотовой плитке образ Геракла-воина демонстрирует черты греческого и иранского ваяния.

Попытку уточнить назначение храма в Гарни предпринял в своем докладе «Характер культа античного храма в Гарни» Ф. И. Тер-Мартиросов (Ереван). По его мнению, ориентация храма главным фасадом на север является моментом, указывающим на связи храма с культами потустороннего мира, что подтверждается и наличием на фризе храма изображений плода граната. Коленопреклоненные атланты на пилонах гарнийского храма определяются докладчиком как изображения Каута и Каутопата. Местоположение храма и его символика позволяют определить его как храм, посвященный культу обожествленных предков. Это подтверждается и свидетельством Мовсеса Хоренаци о превращении античного храма в христианский мартирий. При этом изменяется форма культа, но сохраняется назначение храма, призванного прославлять царскую династию.

Б. Г. Петерс (Москва) в сообщении «О работах археологического отряда СОЙКЭ в Хадрамауте (НДРЙ) в 1984 г. по раскопкам Рейбун-I» рассказал об археологическом исследовании в северо-западной части холма Рейбун. В основном здесь был вскрыт слой третьего строительного периода (III в. до н. э.— рубеж н. э.), так называемый храм богини Зат-Химьям. Стены зданий и полы были облицованы полированными плитами, бо́льшая часть из которых имела посвятительные надписи. В завалах помещений были обнаружены комплексы археологических находок. Памятник погиб в пожаре на рубеже нашей эры. Работы показали большую историческую важность и перспективность дальнейшего археологического изучения этого выдающегося памятника.

В сообщении «К проблеме изучения Фракийской религии в доримское время» Н. И. Соловьянов (Москва) ставит во взаимосвязь многовековой синтез местных, греческих и восточных религиозных представлений с общественно-политическим развитием балканских народов в различных регионах фракийской ойкумены. Докладчик особо подчеркнул, что собственно фракийские культы накануне римского завоевания носили племенной характер, а функции богов еще не были строго дифференцированы. Высшим достижением фракийцев в области религиозных представлений этого времени явилось формирование царского культа героя-всадника у Одрисов.

Н. А. Травкина (Москва) в докладе «Проблемы реставрации ритонов Нисы II—I вв. до н. э.» подчеркнула, что в художественном отношении ритоны Нисы являют собой совершенно уникальный комплекс предметов прикладного искусства древности, не имеющий аналогов ни в одном музее мира. Обнаруженные в 1948 г. ритоны были подвергнуты первичной реставрации. Однако в настоящее время наблюдаются признаки порчи изделий: сильное общее загрязнение, порошение кости, глубокие трещины и сколы. Приступая к повторной реставрации ритонов, реставратор имеет дело с костью, органическая часть которой (коллаген) заменена клеем БФ-4, укрепляющим материалом предыдущей реставрации. Методика переконсервации ритонов разделена на несколько этапов. После проведенных экспериментов на модельных образцах и испытаний были рекомендованы органические

растворители средней силы, наилучшие результаты были достигнуты применением изопропилового спирта в качестве очищающего реактива. Как укрепляющий материал использовались растворы смолы БМК-5 в изопропиловом спирте различной концентрации. Для приклейки сколотых участков был рекомендован клей ПВБ. Разработанная методика была опробована на одном ритоне.

Место и роль Кавказской Албании в борьбе Рима и Парфии за гегемонию в закавказском регионе анализирует С. В. Мокроусов (Москва) в докладе «Внешнеполитические связи Кавказской Албании с Римом и Парфией в I в. н. э.». Докладчик отметил, что в годы правления Августа и в последующие десятилетия Албания, как и другие центры Закавказья, в основном придерживалась дружеских отношений с Римом. Примерно со второй половины I в. н. э. Албания, очевидно, восстанавливает свою независимость, что, возможно, явилось причиной военных действий 51 г. н. э. между нею и Иберией. О дальнейших событиях свидетельствует известная латинская надпись из Гобустана, датируемая докладчиком 89—96 гг. н. э., т. е. временем, когда римские легионы Домициана в ходе борьбы с Арташесом проникают в Албанию. Это проникновение, вероятно, явилось косвенной попыткой воплощения планировавшегося Нероном в 68 г. н. э. большого похода против албанов.

А. Ш. Гамкрелидзе (Тбилиси) в докладе «Римско-парфянские взаимоотношения с 92 г. до н. э. до правления императора Тиберия» выделяет основные вехи эволюции римско-парфянских отношений. В начальный период Парфия еще не выступала главным объектом римской политики на Востоке. Основное внимание римлян было сосредоточено на Понтийском царстве и Армении. После уничтожения Понтийского царства и установления зависимости Армении Парфия превратилась в главного противника Рима: римляне терпят ряд поражений от Парфии. Августу первоначально приходилось учитывать исторический опыт и он изменяет свою политику в отношении Парфии. Умело пользуясь внутренними противоречиями в Парфянской империи, Август добивается равновесия сил между Римом и Парфией.

В докладе Е. Ю. Несмеловой (Москва) «Римские монеты в Индии» отмечалась неравномерность как в хронологии поступления римских монет, так и в их географическом распространении по территории Индии. В северо-западных районах и сопредельных территориях Пакистана и Афганистана находки римских монет очень немногочисленны, в то время как основные монетные клады были обнаружены в южно-индийских областях. Клады указывают на время и пути освоения рынков западного и восточного побережья римскими купцами. Обращение римских монет отсутствовало как в княжествах крайнего юга Индии, так и на севере, но причины этого различны. Для экономически развитой Кушанской державы была нежелательна конкуренция римской монеты на внутреннем рынке, поэтому она изымалась из обращения и использовалась в качестве сырья для собственного чекана. В то же время народы, населявшие государства южной Индии (Пандья, Чола, Чера и др.) и не имевшие собственной чеканки, были еще не готовы к принятию иноземной монеты как средства внутреннего денежного обращения.

В совместном докладе «Новая христианская церковь на городище Гюэнос (Абхазия)» Б. С. Кобахия, Л. Г. Хрушкова и С. М. Шамба (Москва, Сухуми) сообщают об исследовании интересного памятника на городище Гюэнос с культурным слоем около 4,5 м, ранний горизонт которого датируется VI в. до н. э. От исследованного сооружения сохранились только фундамент и части стен, однако план постройки восстанавливается полностью. Это однонефная церковь с широкой апсидой, полукруглой снаружи и изнутри, и хорошо выраженной осью восток — запад. К ее восточной части примыкают два небольших, почти квадратных в плане помещения, расположенных симметрично. Западная пристройка охватывает также и юго-западный угол наоса. Архитектурно-планировочная система, строительная техника, декорировка церкви, а также характерный для переходного периода от античности к средневековью тип гробницы, раскопанной в нартексе, вкупе с археологическим материалом дают возможность предположить, что церковь была построена в V — начале VI в., а сама ее планировка позволяет считать церковь уникальной в кругу раннехристианских сооружений Восточного Причерноморья.

На закрытии чтений выступил заведующий сектором античной археологии ИА АН СССР Г. А. Кошеленко. Он отметил большой интерес, с которым были встречены все доклады и подчеркнул целесообразность проведения Научных чтений памяти В. Д. Блаватского в дальнейшем.

В. А. Гаибов, А. Ю. Согомонов

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ АРХЕОЛОГОВ ВЬЕТНАМА

В 1984 г. начал действовать рабочий план научного сотрудничества между Институтом археологии АН СССР и Институтом археологии Комитета общественных наук СРВ, подписанный 30 марта 1984 г. акад. Б. А. Рыбаковым, проф. Фам Хюи Тхонгом и чл.-кор. АН ТССР, проф. В. М. Массоном. Тема сотрудничества — «Археологические культуры Вьетнама и Средней Азии и общие закономерности их развития».

В ходе реализации рабочего плана в августе — октябре 1984 г. в ЛОИА АН СССР работала группа ведущих археологов ИА КОН СРВ, изучавших археологические материалы и принявших участие в осмотре памятников и экспедиционных исследованиях в Средней Азии. В состав группы входили: ученый секретарь ИА КОН СРВ, зав. сектором неолита Нгуен Ван Хао, зав. сектором палеометалла проф. Чи Ван Тан, зав. лабораторией археологической технологии Фам Ли Хыонг и сотрудник сектора палеолита Нгуен Ван Ши.

1 октября 1984 г. на специальном заседании Ученого совета ЛОИА АН СССР были заслушаны доклады вьетнамских ученых, посвященные новым открытиям археологов СРВ.

В докладе Нгуен Ван Ши «Новые открытия археологов Вьетнама в области археологии палеолита» был дан обзор современного состояния изученности палеолита СРВ. К древнему палеолиту он относит несколько памятников, расположенных в провинциях Тхань-хоа (гора До, гора Но, гора Нуонг, Куануен) и Донгнай (Суанлок, Нанзя). Для названных памятников характерны базальтовые изделия, в том числе — рубила (раннеашельского — аббевильского типа), кливеры, чопперы, чоппинги, нуклеусы. Количество рубил незначительно, и они не типичны для древнего палеолита СРВ. В большом числе представлены нелеваллуазские отщепы. По мнению Нгуен Ван Ши, инвентарь этих памятников отличается от галечной индустрии древнепалеолитических комплексов других регионов Юго-Восточной Азии.

Особое место в палеолите СРВ занимает стратифицированная пещера Нгыом, исследование которой ведет Ли Чень Тью (Государственный исторический музей СРВ). По мнению Нгуен Ван Ши, коллекция нижнего горизонта Нгыом напоминает известные материалы Табон (Филиппины). Фаунистический комплекс этого горизонта относится к позднему плейстоцену. Средний горизонт Нгыом (около 23 тыс. лет назад, по данным С-14) содержит орудия типа Шонви, верхний горизонт (около 16 тыс. лет назад) — материалы, близкие комплексам хоабиньской культуры. Культура Шонви в СРВ представлена сейчас находками примерно в 120 пунктах. Нгуен Ван Ши относит ее, опираясь на данные С-14, ко времени 30—11 тыс. лет назад. В целом, по мнению Нгуен Ван Ши, верхнепалеолитические комплексы СРВ близки галечной индустрии более древних палеолитических комплексов Юго-Восточной Азии. Комплекс Шонви, как он считает, лежит в основе развития хоабиньской культуры, относимой им к мезолиту.

В докладе Нгуен Ван Хао был дан обзор исследований неолита СРВ. К неолиту Нгуен Ван Хао относит и хоабиньскую культуру, датируя ее, по радиоуглеродным данным, в интервале 11 — 7,5 тыс. лет назад. Хоабиньская культура представлена в СРВ примерно 100 пунктами. Нгуен Ван Хао выделяет в неолите СРВ три периода (ранний, средний, поздний). К раннему неолиту он относит хоабиньскую и бакшонскую культуры. Памятники бакшонской культуры, так же как и хоабиньской, расположены в долинах горных рек. С комплексами бакшонской культуры Нгуен Ван Хао связывает три радиоуглеродные даты (самая ранняя — 10 295±200 лет тому назад, самая поздняя — 7875±100 лет тому назад). И в бакшонской, и в хоабиньской культурах определенное место в инвентаре занимают топоры и мотыги с пришлифованным лезвием. Распространение их докладчик связывает с развитием примитивного земледелия. Керамика в комплексах встречается очень редко [1]. К развитому неолиту Нгуен Ван Хао относит культуры Да-Буг, Куин-Ван, а также особый комплекс нижнего слоя поселения Кат-Бэо (расположенного близ г. Хайфона). Культура Да-Бут датирована по С-14 временем 7—5 тыс. лет назад, нижний слой Кат-Бэо — 5465±60 тыс. лет назад. Культура Куин-Ван, характерным типом памятников которой являются раковинные кучи, датируется более поздним временем (самая ранняя дата — 4785±100 тыс. лет назад, самая поздняя — 3480±85 тыс. лет назад). К позднему неолиту Нгуен Ван Хао относит ряд культур II тыс. до н. э.— Ха-Лонг, Тхайк-Лак, Бау-Чо, а также комплексы этого времени из поселений, расположенных в бассейне рек Донгнай — Шон-Бэ (Каушат и др.).

В докладе Чи Ван Тана были освещены итоги исследований археологов СРВ в области изучения эпохи бронзы (палеометалла). Докладчик подчеркнул, что во Вьетнаме эпоха палеометалла в основном совпадает со временем консолидации культур и этноса, эпохой образования первых государственных объединений. К этому времени относятся три археологические культуры: донгшонская на севере, сахуинская в центральной части страны и донгнайская на юге СРВ. Наиболее изучена донгшонская культура (около 230 памятников). Основой хозяйства носителей донгшонской культуры являлось поливное рисоводство, причем земледелие развивалось от мотыжного к плужному. Было развито бронзолитейное производство.

[1] Уже после этого заседания, осенью 1984 г., раскопками Нгуен Ван Хао был получен стратиграфически чистый керамический комплекс бакшонской культуры в пещере Зой (пров. Лангшон).

С донгшонской культурой связывается появление знаменитых бронзовых барабанов, орнаментация которых дает разнообразный материал для изучения социальной и духовной жизни населения этой культуры. Докладчик выделяет четыре этапа развития донгшонской культуры: Фунг-Нгуен — первая половина II тыс. до н. э. (ранняя бронза); Донг-Дау — вторая половина II тыс. до н. э. (развитая бронза); Го-Мун — XI—VIII вв. до н. э. (поздняя бронза); Донг-Шон — VII в. до н. э.— I в. н. э. (раннее железо).

Сахуинская культура (известно 45 памятников) сосуществовала с донгшонской. Ранее, как отметил докладчик, были известны лишь поздние памятники этой культуры. Изученные в последние годы памятники позволили выделить более ранние этапы культуры. Установлено, что она существовала около 1,5 тыс. лет (с середины II тыс. до н. э. до II в. н. э.). Донгнайская культура близка сахуинской, и, как отметил докладчик, обнаруживает связи с донгшонской культурой, а также с группой Нон-Нок-Тха — Бан Чианга, расположенной на севере Таиланда.

Доклады вьетнамских археологов вызвали оживленное обсуждение. В выступлениях П. И. Борисковского, Ю. А. Заднепровского, А. Е. Матюхина, В. И. Тимофеева был отмечен высокий научный уровень докладов, большой рост информативного фонда источников по археологии Вьетнама. Были также и спорные моменты. Так, А. Е. Матюхин и В. И. Тимофеев указали на дискуссионность положения о принадлежности хоабиньской культуры к раннему неолиту, высказанного в докладе Нгуен Ван Хао. В этом случае, по их мнению, мезолитический период в Юго-Восточной Азии «исчезает». Радиоуглеродные даты указывают на ранний (конец плейстоцена — начало голоцена) возраст хоабиньской культуры.

В постановлении ученого совета, отметившем большой рост археологии СРВ, отраженный в докладах, было высказано пожелание о подготовке к публикации докладов Нгуен Ван Ши, Нгуен Ван Хао и Чи Ван Тана в виде отдельных статей в советских археологических изданиях.

В. И. Тимофеев

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ — Античная древность и средние века. Свердловск
АИУ — Археологические исследования на Украине
АО — Археологические открытия
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АС — Археологический съезд
АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
БГУ — Белорусский гос. университет им. В. И. Ленина. Минск
ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск
ВДИ — Вестник древней истории. Москва
ВИ — Вопросы истории. Москва
ГАИМК — Гос. академия истории материальной культуры. Москва—Ленинград
ГИМ — Гос. Исторический музей. Москва
ГЭ — Гос. ордена Ленина Эрмитаж. Ленинград
ЕКМ — Евпаторийский краеведческий музей
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества. СПб.
ИАИ — Известия на Археологическия институт на Българска Академия на науките. София
ИАК — Известия Гос. Российской археологической комиссии. СПб.
ИКОГО — Известия Крымского отделения Географического общества СССР. Симферополь
ИОАИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии (при Казанском университете)
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
ИЭ — Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР
КИЧП — Комиссия по изучению четвертичного периода
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
КСОГАМ — Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского гос. археологического музея
ЛГУ — Ленинградский гос. университет им. А. А. Жданова
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАК — Материалы по археологии Кавказа. Москва
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса
МАЭ — Музей антропологии и этнографии Института этнографии АН СССР. Ленинград
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва—Ленинград
МПАЕСВ — Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Сыктывкар
НИС — Нумизматика и сфрагистика. Киев
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. Москва
РОМК — Ростовский областной краеведческий музей
СА — Советская археология

САИ — Свод археологических источников. Москва—Ленинград
СОЙКЭ — Советско-йеменская комплексная экспедиция
СЭ — Советская этнография. Москва
ТХЭ — Труды Хорезмской экспедиции. Москва
ХДУ — Харківськиї держ. університет
ЭВ — Эпиграфика востока. Ленинград
AAASH — Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
AAH — Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
AÉ — Archaeologiai Értesítö. Budapest
AJA — American J. of Archaeology. New York
BA — Biblioteca de Archeologie
BCH — Bulletin de correspondance hellénique. Paris
CRAI — Académie des inscriptions et belles-lettres. Comptesrendus. Paris
JA — J. Asiatique. Paris
JRAS — J. of the Royal Asiatic Society. London
MAVA — Materialien zur Allgemeinen und Vergeichenden Archäologie
MDAFA — Mémoires de la délégation archéologique française en Afghanistan. Paris
PA — Památky archeologické. Praha
PB — Präehistorische Bronzefunde
SA — Slovenská archeológia. Bratislava—Nitra
SAV — Slovenská akadémiai vied. Nitra
SCIV — Studii şi cercetări de istorie veche. Bucureşti

Адрес редакции:
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
Телефон 124-34-42

Зав. редакцией *Е. В. Бубнова*

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 16.01.87 Подписано к печати 02.03.87 А 05376 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 26,6 Усл. кр.-отт. 103,3 тыс. Уч.-изд. л. 30,3 Бум. л. 9,5
Тираж 3857 экз. Зак. 41

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6